

КНИГА — ЛАУРЕАТ
ГОРЬКОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА

«НАУКА»

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ**

«НАУКА»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

С Е Р И Я

НОВОЕ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА

Санкт-Петербург
2022

*Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП*

Запесоцкий, А. С.

- 331 Культураология Дмитрия Лихачева / А. С. Запесоцкий. — [3-е изд.]. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2022. — 528 с. — (Новое в гуманитарных науках ; Вып. 27). — ISBN 978-5-7621-1202-4. — Текст : непосредственный.

В книге известного отечественного ученого и организатора науки, члена-корреспондента Российской академии наук А. С. Запесоцкого анализируется многогранное научное наследие академика Д. С. Лихачева.

Это первое в научной практике фундаментальное исследование творчества и личности выдающегося русского мыслителя XX века. Со страниц книги Дмитрий Лихачев предстает как уникальный ученый-энциклопедист. Рассматриваются его новаторский научный метод, вклад в различные отрасли знания, прежде всего — в становление и развитие современной культурологии, теорию искусства, историческую науку, филологию. Особое место уделяется общественной деятельности академика, его незаурядной просветительской миссии, педагогическому наследию. Читателя не оставят равнодушным взгляды Лихачева на глобальный мир и глобальную культуру.

Книга адресована научной общественности страны, преподавателям, аспирантам, студентам гуманитарных вузов, а также широкому кругу читателей.

ББК 71.0

ОГЛАВЛЕНИЕ

Разговор с Дмитрием Сергеевичем (от автора)	7
Кто — мы? Откуда — мы? Зачем — мы? (Б. Л. Васильев)	9
Изучение трудов Д. С. Лихачева станет продолжением его жизни (В. Л. Янин)	10
Приглашение к диалогу (Предисловие к книге «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог»)	13
Введение. О НАЦИОНАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА	16
Часть I. ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ	21
1.1. К вопросу о научном методе Д. С. Лихачева	21
1.2. У истоков становления культурологической парадигмы	30
1.3. Особенности культурологических воззрений	39
1.4. Взгляды на теорию искусства	55
1.5. О сущности культурной традиции	74
1.6. О происхождении и развитии искусства	93
1.7. Русское Предвозрождение	102
1.8. Литературовед: классик и новатор	117
1.9. О русском языке	126
Часть II. ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ	140
2.1. Лихачевская концепция отечественной истории	140
2.2. Лихачев и Гумилев: спор о евразийстве	150
2.3. Образ России как культурная доминанта Петровских реформ	165
2.4. Петербург как культурный феномен российской истории	171

Часть III. ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ — ГРАЖДАНИН И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ	189
3.1. Дмитрий Лихачев и русская интеллигенция	189
3.2. Нравственные императивы русского общества, культуры, науки	202
3.2.1. О русском национальном характере	202
3.2.2. Нравственность дает свободу	210
3.2.3. Об этике научной работы.	219
3.3. Д. С. Лихачев и А. А. Зимин: уроки научной полемики	226
3.4. Личность и власть.	240
Часть IV. ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ — ПРОСВЕТИТЕЛЬ И ПЕДАГОГ	257
4.1. Русский просветитель.	257
4.2. О педагогическом наследии	277
4.3. Дмитрий Лихачев — имя университетское	287
Часть V. ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ: ВИДЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА	295
5.1. О философской составляющей научного наследия Лихачева	295
5.2. Об экономических воззрениях Д. С. Лихачева.	304
5.3. Декларация прав культуры.	323
Заключение	331
Литература	332
Именной указатель	342
ПРИЛОЖЕНИЯ	346
Основные даты жизни и деятельности Д. С. Лихачева	346
Д. С. Лихачев и Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов.	352
Из официальной хроники	353
Библиография работ Д. С. Лихачева	356
Литература о жизни и трудах Д. С. Лихачева	435

РАЗГОВОР С ДМИТРИЕМ СЕРГЕЕВИЧЕМ (от автора)

Данная книга написана в развитие моего исследования «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог», вышедшего в свет в ноябре 2006 года, к 100-летию Дмитрия Сергеевича. Ряд ее разделов оставлен без изменений, другие «развернуты», расширены или дополнены. Наряду с библиографией работ Д. С. Лихачева помещена литература о жизни и трудах академика. Появились и совершенно новые части книги. Большие изменения претерпела ее общая структура.

Наша первая работа была своего рода «пилотным» проектом, рассчитанным на инициирование в научной среде обсуждения наследия Д. С. Лихачева. Сама концепция, наши взгляды на это наследие («великий русский культуролог») были новыми, вызывали удивление и споры. Мы разослали книгу в несколько десятков редакций основных периодических изданий гуманитарной направленности и нескольким сотням ведущих отечественных ученых, обобщили их отклики, провели ряд научно-общественных обсуждений в Санкт-Петербурге, самым крупным из которых стала публичная дискуссия в Российской национальной библиотеке. В итоге реакция на нашу работу оказалась доброжелательно-конструктивной. Однако решающее значение для утверждения нового понимания сути лихачевского наследия имела Научная сессия Отделения историко-филологических наук РАН, состоявшаяся в Москве 20 декабря 2006 года. Это собрание соратников Дмитрия Сергеевича по Академии было посвящено его научному наследию и окончательно убедило нас в правильности выработанных позиций¹.

Данное обстоятельство в сочетании с появлением новых материалов и активной доработкой имевшихся сделало целесообразным и публикацию этой книги в издательстве «Наука». Наверное, не все огрехи первого труда нам удалось устранить. В первую очередь, это касается тщательности «отделки» текста: ведь вузовская профессура, в отличие от работающих в академических институтах ученых, львиную долю времени все же посвящает учебному процессу в студенческих аудиториях. С другой стороны, университеты, в отличие от специализированных научных учреждений, имеют больше возможностей в проведении междисциплинарных исследований.

¹ Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: матер. науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отделение ист.-филол. наук; отв. ред. А. П. Деревянко. М.: УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2006.

И мы постарались максимально реализовать этот потенциал. Мне представлялось важным работы ученого-энциклопедиста нового типа, коим был академик Д. С. Лихачев, поставить в соответствие с универсумом университетского знания. Вот почему круг моих соавторов здесь значительно расширился. Я очень рад появлению в их числе профессоров А. П. Маркова, В. Г. Лукьянова, А. А. Михайлова, Ю. М. Шора и доцента А. В. Карпова. Приятно, что в одном из разделов использованы материалы молодого педагога и аспиранта СПбГУП М. А. Евдокимычевой. Мне хотелось привлечением широкого круга университетских исследователей поместить научное наследие Дмитрия Сергеевича в общий контекст современного гуманитарного знания. Насколько это получилось и какие результаты дало — судить читателю.

Хочется предупредить внимательную и вдумчивую часть читательской аудитории, что данная книга не свободна от некоторых повторов. Это связано с желанием придать каждому из разделов относительную самостоятельность. Современные способы распространения информации предполагают публикацию книг в Сети и возможность «скачивания» отдельных ее разделов. Данная работа будет размещена на сайте «Площадь Лихачева». Там же мы ждем и отзывов читателей.

Хочется надеяться, что и эта книга о Д. С. Лихачеве не станет для нашего Университета последней. Уже сейчас очевидна необходимость комплексного анализа взглядов ученого в рамках истории философской мысли. События последних лет необычайно актуализировали лихачевское понимание проблем толерантности. И это — только начало целого перечня различных аспектов научного наследия Дмитрия Сергеевича, которые мы планируем рассмотреть в ближайшем будущем.

С глубоким огорчением я думаю сегодня о том, что судьба подарила мне возможность личного общения с Дмитрием Лихачевым в период жизненного пути, когда я не был к этому готов в должной мере. Очень уж о многом хочется спросить его самого. Но, увы, теперь все вопросы можно адресовать только к его текстам.

Большое лучше видится на расстоянии. В связи с этим несомненно, что фигура академика будет вырастать по мере нашего отдаления от XX века. Уже очевидно, что Д. С. Лихачеву суждено занять особое место в истории отечественной гуманитарной мысли. Замечу, кстати, что данная история пока не написана. Это должно в ближайшие годы, по всей видимости, стать предметом особой заботы моих коллег-культурологов.

Как бы то ни было, у всех нас (и авторов этой книги, и ее читателей) впереди большой разговор с Дмитрием Сергеевичем, опосредованный его замечательными текстами. Разговор о самом главном.

Александр Запесоцкий

КТО — МЫ? ОТКУДА — МЫ? ЗАЧЕМ — МЫ?*

Мы — единственный народ в мире, который называет себя именем прилагательным: РУССКИЕ. Почему? Ведь прилагательное подразумевает принадлежность кому-то: «Чьих же будете?», — как спрашивали в старину.

С материка нашей культуры. Его существование открыл наш гениальный современник Дмитрий Сергеевич Лихачев, заслужив этим вечную память и благодарность России. Мы поняли силу свою, поднявшую весь народ с колен. Мы сохранили мощь внутреннюю, духовную — свою единственную в мире уникальную культуру. Да, мы выстояли, выпрямились только потому, что под нами лежал созданный нашими предками великий материк культуры. Мы черпали силы из этого материка. Силы наших предков и нашей религии, мощь национальной памяти и гордость самопожертвования, свое право подняться с колен и вздохнуть полной грудью.

Идущий вослед первым прийти не может: все уже точно очерчено и доказано уникальной работой Дмитрия Сергеевича. И я, старый русский писатель, низко склоняю голову перед светлой памятью великого ученого Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Читателю этой книги предстоит ознакомиться с прекрасной, многогранной научной работой А. С. Запесоцкого, которая несет в себе много нового и побуждает к размышлениям. Я поздравляю всех нас с выходом в свет данного исследования.

Б. Л. Васильев,

*писатель, лауреат Государственной премии СССР,
лауреат премии Президента РФ
в области литературы и искусства***

* Предисловие к книге А. С. Запесоцкого «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог».

**** СПРАВКА ДЛЯ МОЛОДОГО ЧИТАТЕЛЯ**

ВАСИЛЬЕВ Борис Львович — выдающийся российский писатель. Родился в Смоленске 21 мая 1924 года. В 1941 году ушел на фронт добровольцем. В 1943 году был контужен в бою под Вязьмой. Окончил Военно-техническую академию бронетанковых войск. Работал инженером-испытателем.

Публикуется с 1954 года. Известность писателю принесла напечатанная в 1969 году в журнале «Юность» повесть «А зори здесь тихие...». В произведениях Б. Васильева на первый план выдвигаются проблемы любви, верности, товарищества, сострадания, нравственного долга.

Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» II степени, Трудового Красного Знамени, двумя орденами Дружбы народов, многими медалями.

ИЗУЧЕНИЕ ТРУДОВ Д. С. ЛИХАЧЕВА СТАНЕТ ПРОДОЛЖЕНИЕМ ЕГО ЖИЗНИ*

Предлагаемая читателям книга посвящена научному и нравственному наследию Великого Ученого Дмитрия Сергеевича Лихачева. Масштаб его творческой личности убедительно раскрыт в ней профессором А. С. Запесоцким и его коллегами на фоне истории отечественной и мировой науки последних двух столетий.

Данное исследование замечательно в первую очередь тем, что представляет взгляд на труды Д. С. Лихачева с передовых позиций современного знания. Это — взгляд из XXI века. Хорошо известно, что исторический процесс развития любой науки на определенном этапе ведет к неизбежной дифференциации знания. Время энциклопедистов пережило предзакатный всплеск в XVIII веке. Сегодня любые энциклопедии являются плодом объединения усилий специалистов самых разных профилей, работающих в рамках той научной дисциплины, которая стала предметом их профессиональной деятельности. Что касается гуманитарной области, то она только внешне долго демонстрировала уже утраченное единство, упорно создавая в университетах историко-филологические факультеты, хотя работавшие на них историки и филологи ставили перед собой разные цели. Более того, с начала XIX столетия филология распалась на литературоведение и лингвистику, а историческая наука начала создавать специальные дисциплины, которые стыдливо назывались и до сих пор называются «вспомогательными».

Между тем каждая из таких дисциплин разрабатывает сложные исследовательские методики, требующие немалых усилий для овладения ими, вырабатывает свой «птичий» язык, понятный посвященным, и в результате замыкается в собственном кругу. Нумизматам не нужна текстологическая методика, которую вслед за Д. С. Лихачевым виртуозно разрабатывают исследователи летописания, а текстологи прекрасно обходятся без взвешивания старинных монет и сличения их штемпелей. Генеалоги находят свое рабочее место в архивах, из окон которых не видно, чем заняты археологи. Археологам как будто ни к чему переступать пороги архивохранилищ. Подобный путь дифференциации переживает и филология, в которой явно различаются цели литературоведения и лингвистики, тесно соприкасающиеся лишь при изучении древнейших памятников письменности.

* Предисловие к книге А. С. Запесоцкого «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог».

Столкновение результатов, добытых в рамках специальных дисциплин, постоянно обнаруживало необходимость их корректировки, поскольку ограничение круга источников рамками однородного материала в любом случае ведет и к ограниченности результата их исследования. Мысль о том, что истина надежнее всего добывается на стыке наук или научных дисциплин, неизбежно приходит в голову в процессе уже назревшей интеграции наук, идущей на смену почти исчерпавшей себя дифференциации.

Д. С. Лихачев являет собой пример одного из главных основоположников интеграции гуманитарной науки. Предметом его исследований была филология во всех ее ракурсах, история и искусствоведение, изучаемые в их неизбежных пересечениях. Он открыл для себя и для всех нас то связующее звено, которое соединяет эти прежде дифференцированные дисциплины. Базисом любого национального развития, как это было им доказано, является культура, составляющими частями которой были письменность и язык, архитектура и живопись, музыка и философия. Такой подход к сумме разнообразных источников культурного развития представляет собой основу новой обобщающей науки — культурологии, пионером которой стал Д. С. Лихачев.

Данная книга о Лихачеве успешно продолжает современную тенденцию интегративного осмысления явлений, приближая читателя к целостности взгляда на лихачевское наследие. В связи с этим научная убедительность книги представляется неслучайной — публикуемый текст рожден в одном из значительных по мировым масштабам культурологическом исследовательском центре, коим стал к концу XX века Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов.

Как справедливо отмечает профессор А. С. Запесоцкий, ощутимым результатом лихачевских исследований русской культуры является утверждение ее общности с европейской культурой (тезис, противоположный евразийскому убеждению). Древняя Русь возникла на пути «из варяг в греки», питавшем ее культуру византийским влиянием. Результатом стало близкое совпадение этапов национального развития стран данного региона вплоть до обоснованного Д. С. Лихачевым периода «Предвозрождения». Затем в XVII и XVIII столетиях максимально усиливается прямое западноевропейское воздействие.

Д. С. Лихачев был не только Великим Ученым, но и Великим Человеком. Испытав радость одного из первых читателей еще машинописного варианта этой книги, я пережил ощущение новой встречи с ним, теплоту его рукопожатия, доброту его благожелательности, готовность всегда помочь в неожиданных жизненных трудностях...

Дмитрий Сергеевич всегда полагал, что биографию ученого составляет не мишура почетных званий и наград, а исключительно его творческие достижения. Недавно один из киевских историков поделился

с читателями очень характерным воспоминанием. Много потрудившись над подготовкой юбилея Киева, он, в отличие от других, был обойден наградой и посетовал о том Д. С. Лихачеву. Тот спросил его: «А знаете, сколько орденов было у В. О. Ключевского?» — «Нет, не знаю». — «Ордена у него, конечно, были, но мы знаем не его награды, а труды. Они для ученого — главное».

Труды Д. С. Лихачева еще много раз будут переиздавать и изучать новые поколения читателей. И эти труды станут продолжением его жизни.

В. Л. Янин,

*действительный член Российской академии наук,
советник Президиума РАН, заведующий кафедрой археологии
МГУ им. М. В. Ломоносова, руководитель Новгородской
археологической экспедиции, доктор исторических наук, профессор**

*** СПРАВКА ДЛЯ МОЛОДОГО ЧИТАТЕЛЯ**

ЯНИН Валентин Лаврентьевич — выдающийся российский ученый-гуманитарий, археолог, историк. Родился 6 февраля 1929 года в Вятке (г. Киров). В 1951 году окончил с отличием исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

В 1954 году защитил кандидатскую диссертацию. В 1963 году за книгу «Новгородские посадники» ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук. С 1962 года являлся начальником Новгородской археологической экспедиции. В 1966 году избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1990 году — академиком РАН. С 1991 по 2001 год — член Президиума РАН, с 2001 года — советник Президиума РАН.

Автор более 700 научных книг и статей. Его работы публикуются во многих странах: Америке, Англии, Бельгии, Германии, Дании, Франции, Швеции, Японии и др.

Лауреат Государственной премии СССР (1970), Государственной премии РФ (1996), Ленинской премии (1984), Демидовской премии (1993), Российской независимой премии «Триумф» (2002). Награжден орденами Дружбы народов (1975), Трудового Красного Знамени (1980), Ленина (1990). Первый и единственный среди гуманитариев награжден высшей наградой Российской академии наук — Большой золотой медалью им. М. В. Ломоносова (1999) и золотой медалью С. М. Соловьева (1999).

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ*

Прежде чем читатель начнет перелистывать страницы этой книги, хочу сказать несколько слов о ее замысле. У вас в руках не «академический труд», претендующий на истину в последней инстанции, а своего рода «пилотный проект», рассчитанный на инициирование научно-общественного обсуждения наследия великого русского ученого и мыслителя XX века, академика Дмитрия Лихачева.

Дмитрий Сергеевич избрал наш Университет для сотрудничества в 1990-е годы, на завершающем этапе своего жизненного пути, и, разумеется, мы испытываем чувство родственной сопричастности к этому удивительному человеку.

Готовясь к 100-летию Д. С. Лихачева, Университет издал две книги. Одна включает в себя 16 лихачевских текстов, созданных в ходе его работы в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов¹, другая — избранные труды о культуре². Уже в процессе написания предисловий к этим изданиям я испытал чувство боли — от сознания невостребованности работ Дмитрия Сергеевича и российской наукой, и современным обществом.

Отечественные гуманитарные науки развиваются в постсоветский период стремительно. Сказываются отсутствие идеологического диктата, возможность свободной публикации работ, развитие новых информационных технологий. В связи с этим Лихачев, казалось, должен быть основательно включен в контекст современного развития научной мысли, ведь многие из его идей чрезвычайно перспективны. Однако их потенциал не реализуется. Вместо этого СМИ нередко пичкают страну псевдоинтеллектуальной продукцией сомнительных персон. Явно недостаточно труды Дмитрия Сергеевича знают новые поколения россиян, в том числе и молодые ученые, не говоря уже о студенчестве и школьниках.

В создавшейся ситуации для Университета самый лучший способ почтить память академика — предложить научно-педагогической общественности, средствам массовой информации дискуссию о его научном наследии. Эта книга и является таким предложением, приглашением к диалогу. Хочется надеяться, что многое в ней вызовет желание поспорить, допол-

* Предисловие автора книги «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог».

¹ Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. СПб.: СПбГУП, 2006.

² *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2006. (Почетные доктора Университета).

нить, предложить иные концепции, иные версии ответов на вопросы и иные вопросы.

В сегодняшней ситуации мне как автору, да и Университету в целом, обсуждение, дискуссия важнее принятия научным миром и общественностью тех или иных научных положений. Замечу, что по роду деятельности я изначально не являюсь академическим ученым. Университетскому профессору важнее побудить студенчество, молодежь размышлять и спорить об идеях Лихачева, чем преподносить новым поколениям канонизированные образы и постулаты. Известно, что верность традициям — это не хранение пепла, а поддержание огня.

Хотя и истины знать тоже необходимо. Кроме того, хочется приблизиться к постижению Лихачева и получить от его работ новые импульсы к дальнейшим исследованиям.

В связи с этим я прошу всех, кому эта книга покажется заслуживающей внимания, присылать свои мнения, отзывы, тексты, публикации в СПбГУП (наш адрес: 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15; e-mail: info@gur.ru; сайт: <http://www.gur.ru>). Обсуждение лихачевской проблематики будет продолжено нами на ежегодных Международных Лихачевских научных чтениях и на университетском сайте «Площадь Лихачева» (<http://www.lihachev.ru>).

По прошествии некоторого, надеюсь, небольшого времени мы собираемся переиздать эту книгу (с учетом результатов планируемой дискуссии) в формате, более близком к академическому.

Хочу с большой теплотой высказать слова благодарности профессорам Р. С. Милонову и В. Е. Триодину, представившим наш Университет в 1992 году Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Без них не было бы ни работы академика в СПбГУП, ни этой книги.

Весьма признателен я за труды над данным изданием соавторам его отдельных разделов — профессорам нашего Университета Ю. В. Зобнину, Л. А. Санкину, Т. Е. Шехтер и аспиранту Юрию Запесоцкому. Спасибо за исключительно ценные советы и замечания, атмосферу товарищеской дискуссии, сопровождавшие нашу работу, моим замечательным коллегам по СПбГУП — профессорам: философу и культурологу А. П. Маркову, культурологам Е. А. Кайсарову и Ю. М. Шору, историку А. А. Михайлову, философу Н. И. Фатиеву. Спасибо за совместную работу директору Научной библиотеки СПбГУП Е. П. Ефимовой и главному библиографу Т. Д. Дягилевой, директору университетского издательства А. Н. Бузулукскому и его коллегам, в частности литературному редактору Е. А. Монаховой. Без их блестящего профессионализма и сверхурочного труда книга не вышла бы к юбилею Д. С. Лихачева.

Спасибо рецензентам, взявшим на себя труд читать тексты рукописи, — высоко чтимым мною академиком В. Л. Янину и В. Г. Костомарову, про-

фессору С. Н. Иконниковой, писателю Б. Л. Васильеву, поэту А. А. Вознесенскому.

Отдельная и самая большая благодарность автора — моей супруге Наталии, самоотверженно набиравшей на ноутбуке материалы публикуемой книги в наши с ней зимние и летние каникулы.

После всего сказанного остается только пожелать, чтобы книга обрела своего читателя.

Александр Запесоцкий

ВВЕДЕНИЕ

О НАЦИОНАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА

Как это ни парадоксально звучит, но думается, что мы еще недостаточно хорошо знаем академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Не имя его — оно, слава Богу, известно широко. В общественном сознании Лихачев прочно укоренился в виде риторических штампов: «совесть нации», «нравственный идеал», «последний российский интеллигент». Нет ничего плохого в том, что образ великого человека становится доступным народу хотя бы на уровне массовой культуры. Однако научный мир еще недостаточно глубоко изучил лихачевские труды. Осмысление научного и нравственного наследия ученого только начинается.

А между тем, даже «ленивая и нелюбопытная», по словам Пушкина, российская общественная мысль должна была заметить, что **дважды за минувшее пятилетие — в 2001 и 2006 годах (в год 100-летнего юбилея академика) — Президент России В. В. Путин издал указы¹, где были отмечены выдающиеся заслуги Дмитрия Сергеевича Лихачева.** Не только в нашей новейшей, но, полагаю, во всей российской истории не было случая, чтобы государство **дважды за столь малый срок** продемонстрировало свою заинтересованность в сохранении памяти об академическом ученом.

В этом исключении из правил видится признание особой роли Дмитрия Сергеевича Лихачева даже не столько в прошлом и настоящем нашей страны, сколько в ее будущем.

В чем эта роль?

Заметим, что до сих пор не только в массовом сознании, но и в восприятии научных кругов академик Лихачев фигурирует исключительно как филолог-литературовед, исследователь древнерусской словесности, главный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома). Но только в таком качестве подобное внимание со стороны государства к нему выглядело бы странно. Разумеется, Д. С. Лихачев — блистательный филолог-«древник», его заслуги в деле развития и популяризации этой области нашей науки велики. Но, будучи звездой пер-

¹ Указ Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.; Указ Президента РФ В. В. Путина «О праздновании 100-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева» № 110 от 14 февраля 2006 г.

вой величины в плеяде ученых, посвятивших себя изучению наследия Древней Руси, он отнюдь не затмевает собой другие светила.

Для того чтобы это понять, достаточно совершить даже самый беглый экскурс в историю данного раздела отечественной филологии, зафиксированную в знаменитой серии «Трудов Отдела древнерусской литературы». Отдел древнерусской литературы в Пушкинском Доме был создан в 1933 году (тогда, впрочем, он был сектором) стараниями академика А. С. Орлова. В 1947 году его возглавила член-корреспондент АН СССР В. П. Адрианова-Перетц, она же и пригласила Лихачева в Институт русской литературы, а потом передала ему руководство сектором. То есть, когда Лихачев возглавил это подразделение Пушкинского Дома, там уже были свои научные традиции. Огромная и бесценная для науки работа по собиранию и систематизации древнерусских источников была проведена В. И. Малышевым, который ездил в экспедиции по русскому Северу и доставил в хранилище Пушкинского Дома множество памятников древнерусской литературы.

А если заглянуть в прошлое еще дальше, то мы увидим несколько замечательных поколений собирателей, подобных тому же А. И. Мусину-Пушкину (о котором благодаря открытию «Слова о полку Игореве» знает каждый прилежный школьник) и его сподвижникам, тонким знатокам древнерусских рукописей А. Ф. Малиновскому и Н. Н. Бантыш-Каменскому. В XIX веке изучение наследия Древней Руси связано с целым рядом деятелей науки и культуры, среди которых — безусловные национальные лидеры, властители дум своей поры от В. А. Жуковского и Н. М. Карамзина до А. А. Потебни и Ф. И. Буслаева.

Заслуга Дмитрия Лихачева состоит в том, что он сумел систематизировать весь ранее накопленный материал и поднять изучение древнерусской литературы на совершенно новый, современный научный уровень. Но говорить о некоей исключительной его роли в данном направлении развития отечественной научной мысли нельзя. **Людям, лично знавшим Дмитрия Сергеевича, понятно, что сам Лихачев был бы, мягко говоря, огорчен предположением, что благодарные потомки — пусть даже из самых лучших побуждений — станут вдруг осуществлять некие действия, в результате которых его имя сможет оказаться противопоставленным мерой возвеличивания, скажем, именам В. А. Жуковского и А. А. Потебни.** Между тем нынешняя исключительная общественная востребованность Лихачева создает у части филологов иллюзию именно такого противопоставления.

Однако, по всей видимости, утверждая выпуском указов фигуру Лихачева как великого государственного человека нашей эпохи, президент страны не имел в виду исключительно филологические заслуги ученого. Более того, ни филология, ни тем более достаточно узкая ее область, обращенная к литературным памятникам Древней Руси, в формулировках президентских указов даже не упомянуты. **Отмечается**

выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича в развитие «гуманитарных наук, культуры и образования», а не «вклад в развитие литературоведения» или «вклад в изучение древнерусской литературы». Эта сторона его деятельности, безусловно, подразумевается под «гуманитарными науками» в числе других, но и только. Показательно, к примеру, что академик А. А. Гусейнов недавно обратил внимание на философскую составляющую работ Дмитрия Лихачева, писатель Д. А. Гранин дает исключительно высокую оценку Лихачеву-историку. Мне же представляется особенно важным отметить вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в изучение культуры.

Анализ трудов академика Лихачева в широком контексте гуманитарных наук, думается, позволяет констатировать следующую логику происходящего. Владимир Путин, как государственный деятель, интеллектуал и гражданин, общаясь в свое время с Дмитрием Сергеевичем, почувствовал масштаб его личности и понял, что она может быть одной из нравственных, духовных точек опоры для подъема страны. После краха Советского Союза, времен смуты и тяжелейшего периода деградации государства и общества наступило время собирать, спланировать нацию, поднимать ее с колен. В таком деле национальному лидеру, на полную мощь использующему властный ресурс и административные рычаги, без точно выбранных доминант не обойтись. Оказывается, что обращение к трудам Д. С. Лихачева дает одну из таких точек опоры. Видимо, президент понял то, что было неясно даже научному сообществу: **работы академика имеют исключительное значение для национальной самоидентификации россиян.**

В связи с этим актуализируется в первую очередь та часть лихачевского наследия, которая предопределила его активную общественную позицию, его неповторимый общественно-политический облик духовного лидера русской интеллигенции в трагически-яркий, переломный момент истории нашего Отечества. **Таковыми по преимуществу являются его работы о культуре.** С позиций современного научного знания можно сказать, что **рядом с Лихачевым-филологом в конце минувшего столетия встала фигура Лихачева-культуролога, не менее значительная и не менее масштабная. Академик Лихачев — выдающийся, великий культуролог XX века.**

Анализ его работ показывает, что активная гражданская позиция Лихачева была практическим выражением его культурологической концепции, и в этом радикальное отличие Лихачева от большинства его временных союзников по демократическому движению конца 1980-х — начала 1990-х годов. Те, большей частью, лишь озвучивали чужие тезисы и лозунги. На весах истории их риторика и они сами оказались «легкими весьма», и нынешний молодой россиянин, видя их имена в документах того (не столь, кстати, далекого) времени, может только процитировать Пушкина:

Сколько их! куда их гонят?

Что так жалобно поют?

И тот же молодой россиянин благоговейно открывает очередные издания лихачевских трудов.

Работы академика Лихачева о культуре — это прежде всего ответ на вызовы времени. А вызовы XX века были фундаментальными. После «окаянных дней» Октябрьской революции и кровавой эпохи репрессий Россия мучительно обретала новую идентичность, в очередной раз пытаясь ответить на «проклятые» вопросы: «кто мы?», «откуда и куда мы идем?»

Катастрофическое время 1990-х годов поставило не менее острые вопросы. В чем состоит наше духовное призвание, «верховный долг» народа, замысел и смысл нашей истории и культуры, и есть ли он? Что приводит к дисбалансу социально-культурной системы, который в российской истории нередко принимает необратимую, губительную форму? Какие угрозы духовного характера порождают внутреннюю дезорганизацию общества? В чем причина национальных катастроф и с помощью каких механизмов общество может сохранить себя как целостность в историческом времени? Наконец, каково место России в глобальном мире?

По Лихачеву, **наша сила — в нашей культуре.** «Россия — великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства. Эта “великость” России не может вызывать враждебности к ней. Напротив: великая культура примирительна по своей сути»¹, — говорил Дмитрий Сергеевич в ходе наших университетских дискуссий.

Я думаю, **никто не постиг сути российской культуры лучше Лихачева.** И именно в этом его величайшая заслуга перед страной, в этом его общенациональное значение. Взор Дмитрия Сергеевича сумел охватить культуру России в динамике исторического становления и развития и в ее системной целостности, в удивительной, прекрасной внутренней сложности и в благородной, щедрой открытости, многообразии внешних связей и взаимовлияний, в стержневой нравственной силе и в переплетении противоречий.

Д. С. Лихачев дает и свое **видение глобализации — как современного процесса взаимодействия культур в мировом масштабе,** движимого в первую очередь не экономическими, а именно культурными интересами человечества. Характерно, что он вообще не видит в

¹ Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 50.

экономике и производстве «базиса», а в культуре — «надстройки», как это было принято совсем недавно в советской науке. **Базис, основа основ, по Лихачеву, — это культура.**

Академик Лихачев **отличается** от тысяч других ученых-гуманитариев не только масштабами своих работ, но и их **особым нравственным, гражданским стержнем**. Не «наука ради науки», не просто удовлетворение исследователем своего личного любопытства. И уж тем более не жажда славы, почестей, наград. Нет, ученым движет высокое нравственное чувство. И, может быть, именно оно позволяет в данном случае получить особенные результаты. «Многие убеждены, — писал Дмитрий Сергеевич, — что любить Родину — это гордиться ею. Нет! Я воспитывался на другой любви — любви-жалости. <...> И с этим чувством жалости и печали я стал заниматься в университете с 1923 г. древнерусской литературой и древнерусским искусством. Я хотел удержать в памяти Россию, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери сидящие у ее постели дети, собрать ее изображения, показать их друзьям, рассказать о величии мученической жизни»¹. Не случайно научная рефлексия академика была всегда онтологически отягощенной, морально ответственной и культуротворческой.

В его трудах есть широта взгляда, подчиненная неумолимой логике основополагающего интереса: **познать суть России через ее культуру, в динамике становления и развития**. Лихачев — человек будущего. Он вглядывается в прошлое, чтобы помочь нам заглянуть в будущее.

В психокультурной методологии познания мира существует концепция, согласно которой источником и предпосылкой гениальности является определенное соответствие человека и времени, когда личностная боль будущего гения начинает резонировать с аналогичной болью общества. Человек в подобном случае остро чувствует вызовы времени и находит им адекватный ответ в своей индивидуальной биографии. Так было во времена Реформации, когда Лютер, переживая и изживая собственный кризис идентичности, помог Западной Европе обрести новые ценностные основания бытия, укрепив тем самым мировоззренческую основу современной западной цивилизации. В эту формулу укладывается гражданский и духовный подвиг Ганди, который воплотил в общенациональном масштабе проект собственного морального саморазвития, подготовив идеологически движение национального освобождения в Индии.

Думается, таким человеком был и Дмитрий Сергеевич Лихачев, работы которого в совокупности могут быть рассмотрены **как глобальный проект духовного исцеления российского общества и мирового сообщества путем обращения к многовековой толще культуры.**

¹ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 119, 120.

Часть I

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ

1.1. К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ МЕТОДЕ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Еще в 1980-х годах отечественные энциклопедии писали о Дмитрии Сергеевиче исключительно как о литературоведе¹. Позже к этой характеристике добавилось словосочетание «общественный деятель».

Однако сегодня уже несомненна необходимость оценки вклада Д. С. Лихачева в историческую науку, его труды привлекают внимание философов, искусствоведов, педагогов и представителей других отраслей знания. Специалисты справедливо отмечают, что работы Лихачева «не могут быть выстроены в какую-либо иерархию — написанная им короткая рецензия может быть более важной, чем книга в несколько сотен страниц»². Полноценные исследования лихачевского наследия сдерживаются отсутствием полного собрания сочинений академика.

Тем не менее не вызывает сомнений, что **труды Дмитрия Сергеевича обогащают широкий спектр гуманитарных наук**. Анализ научного наследия ученого показывает, что по ходу занятий древнерусской литературой ему становится тесно в рамках классической филологии. Д. С. Лихачев постепенно предстает перед нами как ученый, свободно работающий практически во всех актуальных для его времени областях гуманитарного знания.

И все же статьи и книги академика о России и ее культуре, истории, нравственности, интеллигенции сколько-нибудь серьезному научному осмыслению не подвергались и до сих пор относятся коллегами Лихачева по филологическому цеху к «публицистике». Якобы его профессией было исключительно литературоведение, а работы о культуре — неким «хобби», которое, дескать, не следует особенно принимать всерьез. Профессиональная цеховая ограниченность нередко идет в науке рука об руку с неплохими исследованиями частных, локальных явлений. Вместе с тем Россия не случайно не знает имен этих узких специалистов, а Лихачева чтит так, как в иные времена почитали только святых.

¹ См., например: Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 718.

² *Milner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906–1999) // Slavonica. Sheffield, 1999/2000. Vol. 6. № 1. P. 142–143.* Здесь и далее цит. по переводу статьи, размещенному на сайте Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева (<http://likhachev.lfond.spb.ru/Memoirs/robin.htm>).

Как ни странно, но даже такие фундаментальные труды, как «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт», «Культура как целостная среда», «Петровские реформы и развитие русской культуры» или лекция «Петербург в истории русской культуры»¹, прочитанная Дмитрием Сергеевичем в нашем Университете в 1993 году, не получили своевременной оценки. Более того, в 1995–1996 годах под руководством Д. С. Лихачева была разработана «Декларация прав культуры»² — документ исключительного, мирового значения, а некоторые исследователи его наследия до последнего времени утверждали, что в завершающие десятилетия жизненного пути академик не создал ничего значительного. По сути, это взгляд ученых, которые в своей «башне из слоновой кости» проспали зарождение, развитие и становление целой отрасли научного знания — культурологии.

До недавнего времени научный мир представлял себе академика Лихачева в лучшем случае своего рода воплощением **универсального, собирательного, «синтетического» знания, неким междисциплинарным ученым-гуманитарием**. Действительно, особенностью его научного стиля было умение гармонично сочетать литературоведческий, исторический, искусствоведческий, философский и другие подходы и методы исследований, но **энциклопедизм знаний и академический универсализм позволили Дмитрию Сергеевичу Лихачеву оказаться на гребне смежных научных исследований в гуманитарной сфере, приведших в конце XX века к формированию новой отрасли знания — культурологии**.

Ретроспективный анализ публикаций Д. С. Лихачева позволяет полагать, что культурологическая природа научных взглядов ученого высвечивается наиболее отчетливо ко второй половине его жизни, становясь очевидной в 1980–1990-е годы. «Меня занимает, прежде всего, проблема пространства культурного», — пишет он³. Кстати, в это время в его работах появляется и слово «культурология». Можно сказать, что на протяжении всей своей научной биографии Лихачев шел к культурологии. В то же время и культурология, постепенно вызревая из недр гуманитарного знания, как бы «шла» к Лихачеву.

Говоря о Лихачеве-культурологе, следует особо подчеркнуть, что **противопоставлять филологические и культурологические исследования Д. С. Лихачева было бы неправильно. Литературоведческая и культурологическая рефлексии в научном мышлении не про-**

¹ См.: *Лихачев Д. С.* Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 261–275.

² *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 388–397.

³ *Лихачев Д. С.* Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 348.

тивостоят друг другу, а являются параллельными, взаимно дополняющими и взаимно полезными познавательными процессами.

Аксиоматичная цитата: «поэт в России больше, чем поэт», — приобретает неожиданное смысловое распространение при попытке определить общее впечатление от научного наследия Д. С. Лихачева. Оказывается, что литературовед в России — больше чем литературовед.

По мнению одного из крупнейших отечественных медиевистов В. П. Адриановой-Перетц, уже в начале 1950-х годов Д. С. Лихачев выделялся среди современных ему ученых-литературоведов широким научным кругозором, исследовавшим культуру в ее динамике. Имелось в виду, что Лихачев не только рассматривал литературу в ее культурно-историческом контексте, но и изучал культуру как таковую¹.

Насколько «культурологический финал» был органичен для творческого пути Д. С. Лихачева-литературоведа и одного из продолжателей традиции изучения наследия Древней Руси? Содержится ли в движении ученого «от литературоведения к культурологии» лишь простая озабоченность сохранностью культурных ценностей в кризисную эпоху или нам следует видеть здесь нечто большее?

Существует не разделяемое мною, но весьма интересное и парадоксальное предположение профессора Ю. В. Зобнина, что движения Лихачева от литературоведения к культурологии вообще не было, что в его деятельности культурология — это особая форма литературоведения, а литературоведческий анализ осуществлялся им как способ постижения Человека в его личных и общественных проявлениях, в его взаимодействии с природой, миром и т. д. Исходной точкой в этом глобальном исследовании является литературный текст. И он же становится у Лихачева итогом исследования, аккумулируя суть поставленной им проблематики.

Так или иначе, но можно предположить, что Д. С. Лихачев не отверг бы в качестве эпитафии ко всей своей научной деятельности первые слова, когда-либо написанные на славянских языках — «Искони бѣ слово». Правда, такой эпитафия не отразил бы всю специфику деятельности Лихачева-ученого.

Дмитрия Сергеевича в последнее время готовы признать своим представителем едва ли не **все области гуманитарного знания**. Возможно, в этой ситуации содержится отмеченное академиком отражение «универсальности» русской литературы: «По мысли Гейне (“Флорентийские ночи”, гл. I), в Италии “музыка стала нацией”, — писал Лихачев и уточ-

¹ *Адрианова-Перетц В. П.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности / В. П. Адрианова-Перетц, М. А. Салмина // Дмитрий Сергеевич Лихачев. 3-е изд. М., 1989. С. 37. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 17).

нял: — Я бы сказал, искусства стали нацией. В России же (и это мое утверждение. — *Д. Л.*) нацией стала литература»¹.

Но вспомним, что одним из «моментов самоопределения» современного литературоведения стала статья Б. М. Эйхенбаума со знаменательным названием «Как сделана “Шинель” Гоголя» (1918)². С этого момента стараниями знаменитой ленинградской филологической группы ОПОЯЗ, считавшей эйхенбаумовскую статью своим манифестом, главным и **единственным средоточием собственно литературоведческой научной мысли стал текст художественного произведения**. Все остальные аспекты литературоведения должны были отныне выявлять свои задачи и методы, сообразуясь с их участием в анализе художественного текста. Так были впервые научно обоснованы границы литературоведения как науки.

Но именно когда эти границы были научно обоснованы, вдруг стало ясно, что **многие великие русские литературные критики — прежде всего Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, в эти границы не укладываются**. Дело в том, что их интересовало не только (если использовать заглавие-формулу Эйхенбаума), *как* сделана «Шинель», но и то, *почему* «Шинель» сделана именно так. Попытка ответить на второй вопрос заставляла их сопоставлять ту же «Шинель» с другими явлениями культурной жизни России, видеть в литературном художественном тексте не «самоцель» своих размышлений, а лишь явление культуры в ряду других, далеко не ограниченных сферой литературы вообще. В XIX веке, не зная современной классификации гуманитарных наук, это методологическое противоречие воплотилось в спор сторонников «чистого искусства» и сторонников «искусства для жизни». Все мы имеем представление об этом споре благодаря вошедшему в школьные хрестоматии отрывку из «Железной дороги» Некрасова (1864):

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немного дика.
Или для Вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Нужно заметить, что **сторонников «искусства для искусства», «чистого искусства» сейчас называют искусствоведами и литературоведами**, и для них Аполлон Бельведерский действительно являет-

¹ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 170.

² Эйхенбаум Б. О. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. О. О прозе. Л.: Худож. лит., 1969. С. 306–326.

ся абсолютно самодостаточной величиной и самоценным предметом для размышлений. А **сторонников «искусства для жизни» сейчас называют культурологами**, и вот для них-то интерес к Аполлону Бельведерскому отнюдь не отменяет интерес к печному горшку, ибо и то и другое являются разными сферами выражения одной и той же культуры. Более того, культурологи не брезгают печными горшками, ибо знают, что в определенные периоды своего развития некоторые этносы делали восхитительные печные горшки и стилистика подобного дела (лат. *cultura* — обрабатывание, возделывание) как раз и позволяет в высшем своем развитии создать Аполлона Бельведерского.

Но один и тот же ученый может — в зависимости от своих интересов и задач — **менять методологии** в разных исследовательских работах. А может и не менять. Таким образом, может быть ученый-литературовед и ученый-культуролог, а может быть — подобно Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову, Писареву — **и литературовед и культуролог в одном лице**. В этом случае какая-то часть наследия ученого, выполненная в одном методологическом ключе, принадлежит литературоведению, а другая часть этого наследия, использующая иную методологию, — культурологии. И никому сейчас не приходит мысль заниматься «вивисекцией», отделяя и противопоставляя взгляды, например, Чернышевского-культуролога и Чернышевского-литературоведа. Одно дополняет другое.

Подобное можно сказать и о Лихачеве. Из того, что многие его коллеги занимались только литературоведением, вовсе не следует, что сам Лихачев не мог заниматься и литературоведением (в одних своих работах), и культурологией (в других), или и тем и другим вместе (в третьих трудах). Ничего невероятного (и тем более — ничего обидного ни для Лихачева, ни для его коллег — «чистых» литературоведов) в этом нет. Естественно, что попытки дезавуировать Лихачева-культуролога есть попытки опровергнуть очевидное.

Надо отметить, что Лихачев в своей литературоведческо-культурологической «двуипостаси» был далеко не одинок среди современников. Можно назвать сразу несколько соответствующих имен первой величины. Упомяну хотя бы Юрия Михайловича Лотмана, сочетавшего в себе литературоведа и культуролога, может быть, с еще большей, чем Лихачев, диалектической остротой. И действительно, если разработанную Лотманом литературоведческую методику структурализма (гениальную) применить в качестве оценочного критерия к его же «Беседам о русской культуре»¹ (не менее гениальным), то что-то одно в наследии Лотмана-ученого придется «вывести за рамки» в качестве «хобби».

¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство, 1994.

Между тем мнение, что все, написанное Лихачевым не непосредственно о литературе, якобы относится к жанру «публицистических размышлений» ученого, исповедуют и некоторые незаурядные специалисты. В качестве примера сложности ситуации можно привести точку зрения Р. Милнер-Гулланда¹, высказанную в Шеффилдском журнале *Slavonica*². Данная работа, невзирая на скромный объем, настолько интересна, что заслуживает обстоятельного обсуждения.

Робин Милнер-Гулланд — исследователь и знаток славянского средневековья, вспоминая о Лихачеве, говорит о нем прежде всего как об ученом. Более того, именно стиль и метод научного мышления академика и становятся в статье зарубежного слависта главным материалом, демонстрирующим специфику его облика в целом. Думается, такой подход в принципе является весьма плодотворным для осмысления лихачевского наследия. Дело в том, что в силу многогранности и насыщенности интеллектуальной жизни Дмитрия Сергеевича именно целостность «итогового портрета» для многих исследователей оказывается недоступной, подменяясь нередко эпизодами, фрагментами, а то и — анекдотами. Особой беды тут, кстати, нет — и даже в анекдотах (этом своеобразном историческом шлейфе всех выдающихся людей), однако статья Р. Милнер-Гулланда напоминает нам о главном: **во всех своих личных и общественных проявлениях Д. С. Лихачев оставался прежде всего ученым.** К этому тезису хочется полностью присоединиться. Более того, при всей, казалось бы, очевидной простоте данный тезис имеет большую смысловую глубину, позволяющую скорректировать многие версии, подчас достаточно далеко отстоящие от собственно научной проблематики.

Итак, именно стиль лихачевского научного мышления является главным объектом изучения для британского профессора, причем характеристика данного объекта изначально интригует читателя своей парадоксальностью — особенно на фоне традиционного «мемуарного» вступления с очень милым элегическим «кроком», рисующим Лихачева в домашней обстановке, беседующим с зарубежным гостем о Филонове, Хармсе, оберютах («Этот несомненно великий человек был полон ощущения радости жизни — именно таким я запомнил его»³). Естественно, что читатель, настроившись на дальнейшие мемуарные подробности того же рода («Его труды не только многочисленны, но и весьма разнообразны...»⁴; «широта научного кругозора ученого уди-

¹ Робин Милнер-Гулланд — профессор русских и восточноевропейских исследований университета Sussex (Школа европейских исследований), автор ряда статей и книг по русской культуре.

² *Milner-Gulland R. Op. cit. P. 141–150.*

³ *Ibid. P. 142.*

⁴ *Ibid.*

вит любого, кто привык считать его только историком древнерусской литературы»¹ и т. д.), вдруг испытывает нечто вроде холодного душа, читая через абзац такое определение «специфики разнообразия творчества» Лихачева: «В своем подходе к науке Д. С. Лихачев не является типичным исследователем “исторических проблем”, то есть тем сортом ученых, которые путем кропотливого анализа доходят до сути определенного явления и затем переходят к следующему. Некоторые интеллектуально привередливые читатели были удивлены и скептически настроены к этому свойству его научного метода. Они не понимают, что его задачи и методология имеют характер, принципиально отличающийся от того, что они привыкли считать интеллектуально респектабельным»².

И сразу после этого блистательного по своей неожиданности выпада Милнер-Гулланд собственно и переходит к тому, что действительно интересует его больше всего в Лихачеве, чему и посвящена большая часть статьи, ради чего она написана — к лихачевской трактовке культурных влияний вообще («теория природы и типологии культурного влияния является одним из его наиболее заметных вкладов в теорию истории культуры в целом»³), и в частности — «позднего» византийско-болгарского влияния, еще конкретнее — к «его важнейшему научному достижению — выявлению периода с принципиально динамическим характером, для которого он выработал тонкое и ставшее сейчас классическим определение — Восточное Предвозрождение»⁴.

Какая великая честь для ученого — попасть в ранг «интеллектуально нереспектабельных», и как мало — несправедливо мало — такой чести удостаиваются! Речь идет вот о чем. Естественно, что «интеллектуально-респектабельные», в понимании Р. Милнер-Гулланда, литературоведческие штудии — то есть «путь кропотливого (литературоведческого. — А. З.) анализа, доводящего до сути определенного явления», был Дмитрию Сергеевичу не чужд. Любой, как пишет Р. Милнер-Гулланд, «механистический подход к связям между общей историей, политической историей и историей искусств был поставлен под сомнение, благодаря способности Лихачева глубоко ценить специфические ценности и эстетические достижения даже не самого выдающегося периода истории. Его исследования, в частности, эстетических функций и значения крайне абстрактного и сложного литературного стиля периода Предвозрождения (периода, который предшествующие специалисты, начиная с В. Ключевского, оценивали как время культурного упадка)

¹ *Milner-Gulland R.* Op. cit. P. 143.

² *Ibid.*

³ *Ibid.* P. 147.

⁴ *Ibid.* P. 148.

привели к революции в нашей оценке литературных достижений позднего средневековья»¹.

Автор статьи проявляет в приведенном пассаже чудеса научной толерантности, однако нельзя не ощутить замечательную эмоциональную насыщенность текста, нельзя не почувствовать, что Милнер-Гулланд одновременно и восхищается Лихачевым, но и (очевидно, в качестве носителя «интеллектуально-респектабельного» стиля мышления) в какой-то мере ужасается, ибо **Дмитрий Сергеевич сознательно и бескомпромиссно нарушает в этих работах традиционно принятые в кругах академического литературоведения «правила игры», уходя из собственно литературоведческой сферы в сферу культурологическую.** Автор статьи цитирует Д. С. Лихачева: «Приходится сожалеть, что у нас слишком мало литературоведов-энциклопедистов, литературоведов, выходящих за пределы своих излюбленных тем»², и констатирует: «Интерес Лихачева к динамике культуры привел его к переоценке всей системы недостаточно изученных моментов переходных периодов и тех точек, где разные культурные явления входят в контакт и создают новые модели цивилизации»³. В итоге нельзя не согласиться с его справедливой оценкой миссии Дмитрия Сергеевича: «он является наиболее убедительным адвокатом богатства тысячелетнего культурного опыта России из всех известных нашему поколению»⁴. И добавить: убедительность эта имеет в своей основе не публицистический, а строго научный характер.

Относительно констатации «публицистичности» работ Лихачева следует отметить, что это — лишь **стилистическая особенность языка, характера научного мышления** академика. Вызвана данная особенность прежде всего тем, что он стремился быть максимально точным и понятным в изложении своих мыслей широкой аудитории. Дмитрий Сергеевич избегал нарочитой усложненности, псевдоучености академических текстов, их «затоваренности» наукообразной лексикой, тайными аллюзиями «птичьего языка», считая, что «демонстрация эрудиции в научной работе — пошлость и безвкусица»⁵, если она не обусловлена логикой научного доказательства.

В науках социально-гуманитарного профиля **и область, и специализация, и компетенция научного знания определяются не столько материалом анализа, сколько спецификой метода исследования, методологией понимания и интерпретации** тех или иных социально-

¹ *Milner-Gulland R.* Op. cit.

² Ibid. P. 149.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 150.

⁵ *Лихачев Д. С.* Без доказательств / РАН, Ин-т рус. лит. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1996. С. 112.

культурных феноменов. Например, один и тот же художественный текст может быть объектом литературоведения, лингвистики, психологии, истории и т. д.

Метод — это определенным образом полученное и упорядоченное знание о человеке и мире; структурированная на основе методологии совокупность способов воссоздания изучаемого предмета; система мировоззренческих принципов и рационалистических приемов понимания и конструирования истины. В частности, позитивистски ориентированные методы добывания знания в естественных науках основаны на рационалистических принципах познания (индукция, дедукция, анализ и синтез, аналогия, сравнение, доказательство и т. д.); они исповедуют логикодискурсивное мышление, основанное на причинно-следственных связях.

Методы гуманитарных наук имеют более выраженную мировоззренческую, антропологическую направленность, они выдвигают на первый план экзистенциальные проблемы бытия. В свою очередь в каждой группе гуманитарных наук существуют сложившиеся традиции познания истины, образующие специфику метода.

В частности, культурология специфику своего метода обеспечивает конструктивным характером исследования, которое не должно ограничиваться накоплением фактов и их интерпретацией, она реализует его посредством воплощения противоположных бытующему в точных науках алгоритма и логики познания: не от эмпирических фактов или частных проявлений культуры к теоретическим конструкциям, а **через концептуальный анализ научного и художественного текста** (как ведущих форм бытия и самосознания культуры) — **к воссозданию феномена культуры в его онтологической полноте и целостности.**

Анализируя научное наследие Д. С. Лихачева, можно обнаружить особенности его культурологического метода, которые в совокупности следует рассматривать как существенный вклад в становление методологии культурологического знания. Они позволяют культурологии уточнить собственную сферу научной компетенции, найти в ряду «культурно-заинтересованных» наук свой объект и предмет исследования, скорректировать категориальный и исследовательский аппарат, позволивший получать специфически «культурологический» эмпирический материал. **Особенности культурологического метода Д. С. Лихачева можно обозначить несколькими смысловыми линиями, а именно: понимание культуры как целостности; онтологизм и проектный характер историко-культурного знания; синтетичность, комплексность и универсализм познания культуры; нравственная отягощенность культурологического дискурса; гуманистичность.**

Останавливаться более подробно на этих особенностях научного метода Д. С. Лихачева представляется уместным в контексте исторического процесса становления культурологической парадигмы.

1.2. У ИСТОКОВ СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ*

Существовала ли какая-то **внутренняя логика, закономерность в применении Д. С. Лихачевым тех или иных методологий исследований, в переходе от одних методологий к другим?** Можно ли говорить о какой-либо **методологической эволюции** ученого на протяжении на редкость длительного и продуктивного периода его научной деятельности?

На наш взгляд, можно. В ходе состоявшейся в Москве 20 декабря 2006 года научной сессии Отделения историко-филологических наук РАН, посвященной 100-летию академика Д. С. Лихачева, академик В. Л. Янин заострил внимание научного сообщества на одном из тезисов, раскрытых им в предисловии к книге «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог»¹: «Д. С. Лихачев являет собой пример одного из главных основоположников интеграции гуманитарной науки. Предметом его исследований была филология во всех ее ракурсах, история и искусствоведение, изучаемые в их неизбежных пересечениях. Он открыл для себя и для всех нас то связующее звено, которое соединяет эти прежде дифференцированные дисциплины. Базисом любого национального развития, как это было им доказано, является культура, составляющими частями которой были письменность и язык, архитектура и живопись, музыка и философия. Такой подход к сумме разнообразных источников культурного развития представляет собой основу новой обобщающей науки — культурологии, пионером которой стал Д. С. Лихачев»².

С этим утверждением трудно не согласиться. Хотя, думается, суть проблемы все же не сводится к важности изучения культуры как базиса национального развития и суммы языка, архитектуры, музыки и др. Академика Лихачева можно рассматривать как **ученого-энциклопедиста нового типа**, действующего, в отличие от своих предшественни-

* Раздел написан в соавторстве с профессором СПбГУП А. П. Марковым. Более подробно см.: *Запесоцкий А. С. Становление культурологической парадигмы / А. С. Запесоцкий, А. П. Марков. СПб.: СПбГУП, 2007. (Дискуссионный клуб Университета; Вып. 10).*

¹ *Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог / СПбГУП. СПб., 2007. С. 4–7.*

² Там же. С. 5.

ков, в условиях весьма далеко зашедшей дифференциации научного знания. По всей видимости, преодоление этой дифференциации в его работе происходило на основе интуитивно осязаемой потребности, порожденной общей ситуацией, сложившейся в российском гуманитарном знании XX века. **Ведомый интуицией, Дмитрий Сергеевич оказался у истоков российской культурологической парадигмы**, создаваемой параллельно с ним в общем пространстве гуманитарного знания несколькими поколениями отечественных ученых. Назовем в этом ряду: С. Аверинцева, С. Артановского, А. Гуревича, П. Гуревича, Ю. Лотмана, А. Лосева, В. Библиера, Э. Соколова, Н. Злобина, С. Иконникову, М. Кагана, В. Межуева, А. Флиера и др.

Не ставя перед собой задачу по формированию культурологической парадигмы, академик тем не менее внес удивительно масштабный вклад в ее решение. Особая одаренность и энциклопедическая образованность, его боль за судьбы отечественной культуры сделали Д. С. Лихачева необычайно ярким выразителем этого магистрального сегодня направления развития гуманитарного знания. Своими научными трудами и собственной биографией ученый еще раз подтвердил тезис о том, что источник гениальности лежит не только в способности интеллекта постигать и конструировать истину, но и в резонансе души человеческой с болью времени, в проблемно-онтологическом созвучии, соразмерности Человека и Времени. Исследования культуры академиком стали яркой линией в складывающейся культурологической парадигме, а его труды по существу заполнили ее методологические лакуны и оформили важные мировоззренческие принципы и приоритеты формирующейся новой области знания.

Очевидно, что культурологический ракурс исследований академика в существенной мере сформировался под влиянием социально-культурного контекста эпохи: Д. С. Лихачев жил и творил в XX веке, который стал веком исследования культурных явлений и феноменов. **В годы юности Дмитрия Сергеевича культурологическая проблематика исследовалась в рамках иных, нежели сегодня, теоретико-методологических концепций и иного, архаично систематизированного нормативного знания.** В частности, на рубеже XIX–XX веков культурная тематика отчетливо звучала на фоне бурного расцвета полевых исследований фольклористов, этнографов, психологов. Позже культурологическую эстафету приняли такие науки, как этнология, социология, политология, антропология, которые потом модифицировались в социологию культуры, культурную антропологию, психологию культуры, этнопсихологию. В результате основными науками о культуре в Европе и Америке и сегодня принято считать социологию, социальную и культурную антропологию. В России значительный вклад в понимание культуры внесли филология, лингвистика, семиотика, философия культуры и др.

Однако по мере изучения культуры отдельными, частными отраслями знания все рельефнее вырисовывался ряд трудностей. Во-первых, понимание сущности даже отдельных культурных феноменов все чаще оказывалось невозможным в рамках той или иной частной науки, требовало междисциплинарной методологии и неизбежно принимало межпредметный характер. Во-вторых, рефлексия культуры как целостности тем более не могла стать объектом какой-либо одной науки — объект познания таких масштабов не соответствовал их предметной области. В-третьих, пришло осознание учеными ограниченности и даже исчерпанности возможностей классических наук (каждой в отдельности) решать принципиально новый класс исследовательских задач. Гуманитарное научное сообщество начало целенаправленно искать новые формы координации междисциплинарной деятельности и вырабатывать способы «подключения» науки к решению общественно-значимых проблем¹.

Как известно, различные аспекты культурного бытия человека и общества изучают все науки гуманитарного профиля, однако получаемое ими знание частично и дискретно, оно разделено естественными границами научной компетенции различных наук, что «разрывает» целостность самого феномена культуры. **Культурология**, изучающая культуру как целое, уже в силу этого обстоятельства не могла стать гуманитарной наукой «в ряду других», поэтому она **изначально формировалась как своеобразная метанаука — научная парадигма**. Начиная со второй половины XX века культурологическая парадигма постепенно интегрировала весь спектр частнонаучных подходов к различным феноменам культуры. Пытаясь воссоздать культуру как целостность, она объединила ресурсы различных гуманитарных наук и сформировала особую область предметной онтологии.

Социальную базу создания культурологической парадигмы составила значительная группа известных российских ученых-гуманитариев, научная рефлексия которых была связана с соответствующим методом познания реальности. Исследовательская мотивация здесь оказалась определена не столько рациональным, «холодным» интересом интеллекта, сколько целостным стремлением личности понять проблемную ситуацию и найти ресурсы для ее решения, расширив рамки своей научной компетенции.

Отличие парадигмы от методологии частных наук состоит в том, что здесь возможна (и происходит) **органичная интеграция результатов и методов различных областей гуманитарного знания вокруг актуального «проблемного поля»**. Кроме того, в парадигмальном знании **доминирует экзистенциально-ориентированная мето-**

¹ См.: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 280.

дология. И, наконец, формирующие парадигму науки объединяет специфический метод познания, важнейшее место в структуре которого занимает **креативно-онтологическая линия.** Парадигмальная методология предполагает вовлечение в процесс исследования не только рациональных ресурсов личности, но и ее креативных потенций: модель культурной реальности не просто понимается, но творчески создается — **исследователь творит образ, картину «мира культуры».** В результате анализа и творческой интерпретации «текстов культуры» (в том числе знания, полученного в рамках других гуманитарных наук), культурологический дискурс не только понимает, но и «собирает» культурную реальность, «разбросанную» по проблемным областям гуманитарного знания, онтологизирует культуру как целостность.

Современное понятие культуры объединило огромный класс феноменов и граней бытия человека и общества. В рамках культурологической парадигмы **предметная область исследования** формировалась путем выстраивания многоуровневого универсума культуры:

- как сотворенной человеком духовной и материальной среды его обитания;
- специфической функции и модальности бытия человека и общества;
- формы созидания и выражения человеческой природы;
- способа самопознания и самовыражения национально-культурной самобытности народа;
- существующей в «большом» историческом времени системной целостности, содержащей символическую «духовную матрицу», обеспечивающую идентичность личности и самоощущенность социума;
- важнейшего фактора духовно-нравственного обновления общества, ресурса общественных преобразований и основы духовной безопасности нации.

Подобное богатство проблемного и научного спектра культурологии свидетельствует не только о разнообразии научных форм, в которые может облекаться культурологическая мысль, но и о взаимодополнительности ее различных аспектов, складывающихся в своей совокупности в единую комплексную дисциплину — знание о культуре как многогранном и многомерном явлении.

Наряду с онтологизацией объекта познания продолжалось формирование научного метода культурологии (*греч.* *methodos* буквально означает «путь к чему-либо»). Как известно, «несущими конструкциями» метода являются: как мировоззренческие и методологические ориентиры познания, всеобщие исследовательские принципы и подходы, формирующие определенные модели миропонимания (редукционизм, механицизм, позитивизм), так и приемы научного мышления (индук-

ция, дедукция, анализ, синтез, аналогия, объяснение, доказательство, эксперимент, наблюдение).

Формирование культурологического метода совпало с общей тенденцией развития гуманитарной науки 1960–1980-х годов, которая проявилась в усилении методологической рефлексии, поиске новых средств и инструментов познания и конструирования реальности и, прежде всего, за счет разработки тех составляющих научного метода, которые были бы способны компенсировать ограниченные возможности аналитичности. Культурология в границах своего метода стала интегрировать частнонаучные подходы к культуре — социологический, этнологический, филологический, семиотический, психологический, экологический и другие, выстраивая на этой основе свою методологию научной парадигмы.

Безусловно, культурологическая парадигма базировалась на философской методологии. Однако при сохранении определенной преемственности в формировании культурологического метода обнаруживается и явная **оппозиция**, прежде всего **по отношению к позитивистской методологии**, которая абсолютизирует роль рационального дискурса, внешне регистрируемых наблюдений, осуществляемых в сфере естественных наук или их методами. И эта оппозиция закономерна — возможности разума, как показал XX век, ограничены. Высшая форма его достижений — понимание противоречивости бытия и отражающего его знания: разрешая очередное противоречие, разум неизбежно упирается в следующее, и так до бесконечности. Но есть иные формы и ступени духовного познания, когда возможен синтез антиномий. Источником такого знания, как считал П. Флоренский, является не разум, а сердце. Познать разумом — значит, «опознать противоречие», **уразуметь сердцем** — значит, «понять всецело»¹.

Известно, что культурологическая парадигма является лишь одной из возможных парадигмальных моделей интеграции гуманитарных наук. В структуре научной парадигмы может быть различным соотношение, конфигурация векторов: общефилософского, конкретно-научного и проблемного, формируемого и детерминируемого «болью повседневности» — резонансом интеллектуальных лидеров научного сообщества с актуальными проблемами бытия². Доминирование одного из них определяет характер парадигмы, включая методы познания, онтологию предмета, формы интеграции научных дисциплин.

Важнейшим фактором и условием рождения культурологической парадигмы следует считать **актуализацию проблемного поля**. Ведь

¹ См.: Флоренский П. Столп и утверждение истины: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1, кн. 2. С. 505, 536.

² См.: Материалы круглого стола «Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания» // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 5.

становление и корректировка научного метода, лежащего в основе парадигмы, всегда обусловлены историко-культурной ситуацией. Сам же метод выступает в качестве производной от деятельности находящегося внутри социально-культурной среды научного сообщества¹. Существенным своеобразием метода культурологической парадигмы стало доминирование личностно-ориентированной методологии. Здесь имеется в виду обращение гуманитарного сообщества к актуальным вопросам бытия человека в мире, смещение акцентов с рассудочно-познавательной мотивации на детерминированность животрепещущими проблемами.

Таким образом, культурология в своей методологической основе изначально складывалась как гуманитарно-обществоведческая парадигма, имеющая междисциплинарный статус, интегрирующая методы и результаты других наук социально-гуманитарного профиля вокруг определенного проблемного поля. Особенность культурологического метода, цементирующего данную научную парадигму, состоит в том, что он, интерпретируя и понимая «тексты культуры», одновременно онтологизирует целостную социально-культурную реальность — творит, создает ее символический образ.

Культурологическая мысль синкретична, она выходит за пределы законченных форм чистой научности². С одной стороны, она тесно связана с философией, антропологией, социологией, использует соответствующие методы интерпретации культурной реальности и даже заходит в соответствующие проблемные области этих наук. С другой — своей антропо- и логоцентричностью культурология близка различным иным формам гуманитарного знания, органично встраивая в свой метод, наряду с понятийно-логическими формами мышления, образно-ассоциативные способы интерпретации и онтологизации мира культуры. Поэтому **культурологическая мысль не вписывается в рамки строго рациональных подходов к культуре, в ней собственно научные способы познания органично сочетаются с художественными и религиозными рефлексиями**, она включает в себя как специализированные формы культуры (искусство, философию, религию), так и обыденные формы культурного самосознания.

¹ Т. Кун в свое время подметил особую значимость в становлении научного метода «проблемного резонанса» сообщества ученых и онтологизируемого этим сообществом объекта знаний, что чрезвычайно важно для становления культурологической парадигмы. См.: Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.

² Кондаков И. В. История культурологической мысли [Электронный ресурс] // Культурология. XX в.: энцикл.: в 2 т. СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/edu/ref/enc/i.html#BM80036>. Загл. с экрана.

Подобный межпредметный и межнаучный синтез правомерен и плодотворен по отношению к культуре в рамках культурологической парадигмы, но он не может быть оправдан, например, в социологии, истории или политологии. Как считает И. В. Кондаков, в данных отраслях знания любые вненаучные компоненты разлагают науку изнутри¹, и с этим трудно не согласиться. В границах же культурологической парадигмы литературно-художественные, философские, религиозные и обыденные формы знания обнаруживают свою органическую причастность к культурологии, становятся различными вариантами саморефлексии культуры как целостности.

«Работая» на проблемном поле других гуманитарных наук, культурология в границах своего метода осуществляет контекстуализацию и интерпретацию актуальнейших проблем бытия человека и общества, придает им глубину и перспективность решения. Культурологический дискурс переинтерпретирует результаты и концептуальные наработки других наук, вводя их в более широкий социально-гуманитарный контекст. В исследовательское «предметное поле» в этом случае включаются различные социально-культурные феномены («тексты культуры»), выступающие объектом анализа и других социально-гуманитарных наук (например художественный текст, который является объектом и литературоведения, и лингвистики, и психологии, и истории).

Специфику своего метода культурология (в сравнении с другими гуманитарными дисциплинами) обеспечивает также конструктивным характером исследования, которое не ограничивается накоплением фактов и их интерпретацией. Культурологический метод креативен по своей сути — посредством концептуального анализа «текстов культуры» воссоздается феномен культуры в его онтологической полноте и целостности. Выражаясь словами М. М. Бахтина, «участное сознание» исследователя, оставаясь в границах научного метода, вместе с тем становится «при-частным» к понимаемому феномену, — когда морально ответственным словом ученый конструирует онтологию объектной области². Акт понимания осуществляется не одним только интеллектом, а целостным миром человеческой субъективности, в единстве духовного, интеллектуального и душевного, путем органичного объединения конструктивного потенциала методологии различных гуманитарных наук.

Очевидно, логоцентризм культурологического знания берет начало в философском методе познания, в котором слово было «освобождено»

¹ Кондаков И. В. История культурологической мысли.

² См.: Бахтин М. М. Временное целое героя (проблема внутреннего человека — души) // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 112.

от своей жесткой предметной зависимости и переведено в «зону метафоры». В этом смысле философская категория, как отмечал С. Аверинцев, есть «застывшая метафора». Слово, наделенное функцией символа, уже не просто фиксирует нечто существующее, но обозначает его идею, глубинный замысел, который сам фактом обозначения приближается к своему воплощению¹.

Схематично описанный выше процесс зарождения и становления культурологической парадигмы был реализован в XX веке усилиями большой группы ученых-гуманитариев и, по всей видимости, в настоящее время близится к своему завершению. Сегодня сомневаться в самом факте рождения культурологии как специфической и самостоятельной области теоретического знания в среде гуманитариев могут лишь исследователи частных проблем, ученые-«предметники», получившие образование до середины XX века. Культурология теперь становится модной наукой, а игнорирование ее все чаще воспринимается как недостаточная образованность и невосприимчивость к новому. Но это — сегодня.

Университетское же образование самого Д. С. Лихачева, полученное в начале XX века — по его признанию, лучшее гуманитарное образование того времени в мире, — с одной стороны, не давало ни малейших намеков на грядущий прорыв в изучении культуры, с другой — закладывало в структуре личности Дмитрия Сергеевича фундамент этого прорыва. Как, впрочем, и школьное, а также семейное его образование.

Занимаясь с середины XX века формированием культурологической парадигмы, ученый до самого завершения своей научной биографии был сконцентрирован на ее проблемном поле и довольно-таки равнодушен к теоретическому оформлению понятийного аппарата культурологии. Однако по мере необходимости он стремительно «присваивал», внедрял в своих исследованиях различные компоненты новой, постепенно формирующейся культурологической парадигмальной методологии.

Что наиболее характерно для культурологов: **академик шел в своей деятельности от научной проблемы**, в широком смысле — от «боли», от резонанса, который понятая и, что особенно важно, прочувствованная проблема вызывала в его душе. **И создавал для ее решения в нужных случаях соответствующую методологию.**

Лихачев развивал культурологию в первую очередь именно практически (а не теоретически) — через работы, первоначально выполняемые в предметном поле других, классических отраслей научного зна-

¹ В специализированных науках слово теряет это качество, возвращается к жесткой однозначности, становясь явлением прикладным, утилитарным. См.: Аверинцев С. С. Новое в современной классической филологии. М.: Наука, 1979.

ния, таких как филология, история. Однако сразу же после публикации многих его трудов выяснялось, что результаты этих его работ и, что не менее важно, их методология в рамках частных наук не уместаются. Отсюда — непонимание и неприятие ряда его работ со стороны одних и восхищение со стороны других ученых. Отсюда же и «запредельный» для классической филологии масштаб таких его книг, как: «Человек в литературе Древней Руси»¹, «Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв.»², «Поэтика древнерусской литературы»³ и др.

Теперь кажется, что **сама судьба приготовила Дмитрия Лихачева к этой миссии**: «Для него единственной профессией, которую мог выбрать приличный человек, была научная деятельность», — утверждает одна из родственниц Дмитрия Сергеевича. И продолжает: «Вся его жизнь была посвящена одной цели, причем с ранней юности. Когда я спрашивала у деда, почему он занялся древнерусской литературой, дед рассказывал такую историю. Еще до “несчастья”⁴ Митя Лихачев нарисовал для родителей открытку-поздравление с Рождеством. Почему-то он изобразил не привычных снеговиков и елки, но Богородицу с младенцем — древнерусскую икону. Над Митей смеялись, он же был твердо уверен, что нарисовать нужно было именно так»⁵. Глубокая национальная укорененность в русской культуре, мощный интеллект, блестящее образование, осознание своего призвания в науке, гипертрофированное чувство долга, природная и развитая домашним и школьным воспитанием чувствительность к прекрасному, воспитанная с младенчества вера в Бога — все это дало нарождающейся культурологической парадигме удивительного, выдающегося даже из ряда гениальных гуманитариев XX века, субъекта ее формирования и развития.

¹ 1958; 2-е изд. 1970.

² 1962; 2-е изд. 1983.

³ 1967; 2-е изд. 1971; и др. изд.

⁴ Прим.: здесь имеется в виду Октябрьская революция.

⁵ Дмитрий Лихачев и его эпоха. М.: Logos, 2002. С. 46–47.

1.3. ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ

Развитие современной теории культуры находится в стадии завершения процесса самоопределения. Происходящее уточнение ее статуса в качестве интеграционного, целостного социогуманитарного знания повышает роль обобщающих теоретических концепций. В связи с этим научное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева все больше привлекает внимание культурологов¹.

Знаток и исследователь древнерусской литературы, историк и теоретик искусства, просветитель и гражданин, борец за сохранение и развитие отечественного культурного наследия, **Дмитрий Лихачев был**, как это становится все более очевидным, выдающимся мыслителем-культурологом, **создателем собственной теории культуры** — самобытной, оригинальной и вместе с тем органически вписывающейся в сегодняшние дискуссии о содержании этой науки. Подчеркнем сразу: учитывая мировой научный опыт, Д. С. Лихачев развивал именно **рос-сийскую культурологию**, неразрывно связанную с особенностями отечественного исторического развития.

Дискуссии о предмете культурологии носят достаточно абстрактный характер до тех пор, пока не появляются личности, выступающие зримым обнаружением, несомненной явленностью этой научной области. И теперь, когда есть возможность окинуть взором все наследие великого русского ученого, становится ясно, что Лихачев был подлинным, истинным культурологом, само творчество которого убедительно доказывало и реальность, и насущность этой науки.

Ученый не предавался размышлениям о «междисциплинарном характере» культурологии, о том, на основе каких областей знаний она

¹ См., например: Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 г. / СПбГУП. СПб., 2006; Гусейнов А. А. Культурология Дмитрия Лихачева: коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» / А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий; СПбГУП. СПб., 2006; Жукова О. А. История русской культуры и современность // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 112–113; Запесоцкий А. С. Нам предстоит узнать Дмитрия Лихачева // Вопросы культурологии. 2006. № 8. С. 9–13.

возникает, — он предпочитал **прямые интуиции, связанные с феноменом культуры, с живым опытом ее осмысления.**

Д. С. Лихачев развивал культурологию как разновидность универсального гуманитарного знания, охватывающего все пространство человеческого бытия. Чем бы ни занимался ученый — «Словом о полку Игореве» или Пушкиным, древнерусской архитектурой или Достоевским, проблемами сохранения наследия или феноменом Петербурга, особенностями тюремного жаргона или садами и парками России, везде он выходил за узкопрофессиональные границы, на широкий социально-исторический простор, в многомерность культурного пространства, **вписывал изучаемое явление в контекст целого — культуры.**

Даже в те времена, когда академик занимался, казалось бы, «только» литературой Древней Руси¹, его методом был именно культурологический подход, он исследовал такие вопросы, как системный характер и качественное своеобразие древнерусской письменности, пространство и время художественного, общеэстетические характеристики древнерусского творчества.

Культура никогда не была для Д. С. Лихачева результатом абстрактного «обобщения», арифметической суммой фактов, сведений, имен — он видел ее как целостность, как сущностное ядро обнаружения человека в мире, как многообразие форм такого обнаружения. «Мне представляется чрезвычайно важным, — писал ученый, — рассматривать культуру как некое органическое, целостное явление, как своего рода среду, в которой существуют свои общие для разных аспектов культуры тенденции, законы взаимоотношения и взаимоотталкивания... Мне представляется необходимым рассматривать культуру как определенное пространство, сакральное поле, из которого нельзя, как в игре в бирюльки, изъять одну какую-либо часть, не сдвинув остальные. Общее падение культуры непременно наступает при утрате какой-либо одной ее части»².

Дмитрий Лихачев шел в русле главных тенденций российской науки XX века, для которой «культурологизм» всегда был имманентно присущей характеристикой, а потребность выходить на широкие культурологические обобщения вытекала из самой логики научного поиска. Постигал ли социально-историческую сущность психического Л. С. Выготский, исследовал ли языковые и литературные закономерности Ю. Н. Тынянов, изучал ли историю философии А. Ф. Лосев,

¹ См.: *Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы*. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979.

² *Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 350.*

познавал ли природу сказки В. Я. Пропп, выявлял ли особенности пушкинской поэтики Р. О. Якобсон, прослеживал ли диалоговую природу художественного сознания М. М. Бахтин, исследовала ли природу мифа О. М. Фрейденоберг — всюду мы видим выход на широкие культурологические горизонты. И эта традиция целостного постижения культуры, выдающимся представителем которой является Д. С. Лихачев, в высшей степени присуща отечественной гуманитарной мысли, а возможно, является главной ее отличительной чертой.

Однако в последние десятилетия, оформляясь как самостоятельная область знания, отечественная культурология находилась под сильным влиянием американской социальной и культурной антропологии, склонной к этнографическому, этнологическому пониманию культуры, к изучению ее как совокупности «обычаев и нравов». **Д. С. Лихачев возвращает в культурологию русскую традицию целостного постижения, объемного видения культуры.**

Дмитрию Сергеевичу, теоретику культуры, свойствен именно концептуальный взгляд на ее сущность и место в жизни человека и общества. Следует отметить, что базовые, основополагающие воззрения ученого на культуру практически совпадают с классическими, общепринятыми в данной отрасли знания. Культура в его понимании есть человеческая форма жизни, то, что выделяет человека из природы и отличает от других живых существ. Это — человеческое пространство и человеческий способ существования в мире.

Как справедливо отмечает академик А. А. Гусейнов, для культурологической концепции Дмитрия Сергеевича особую роль играют два положения: **культура исторична и культура целостна**¹.

Культура цементирует человеческую общность, придает ей ориентиры и самобытность. «Культура — это огромное *целостное* явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства»², — пишет Д. С. Лихачев. Культура как пространство, имеющее объем и глубину, культура как духовный континуум обнаружения, взращивания и сохранения ценностей человеческого существования — вот, пожалуй, что могло бы стать обобщающей формулой лихачевского подхода.

Культура также может быть представлена как поле явлений, имеющих языковые значения. В связи с этим представляется исключитель-

¹ Гусейнов А. А. О культурологии Д. С. Лихачева // Гусейнов А. А. Культурология Дмитрия Лихачева / А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий. С. 25.

² Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 349.

но важной разработкой Д. С. Лихачевым понятия **концептосферы языка**. «Концепт, — пояснял ученый, — не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека»¹. Так возникает концептосфера языка, под которой Лихачев понимал «слова-концентраты культурных значений», несущие специфические ценности, отражающие своеобразие и уникальность данной национальной общности. Смысловое содержание языковых единиц он рассматривал в тесной связи с этнокультурным наполнением. Структура и значение языковых единиц, по Лихачеву, непосредственно выводят нас в сферу социально-исторических закономерностей.

Размышляя над первой фразой Евангелия от Иоанна «В начале было Слово», Д. С. Лихачев неоднократно подчеркивал, что Слово в русской культуре — нечто большее, чем имя вещей. Это нечто, предваряющее саму действительность, это идея, определяющая ее воплощение, Логос, который предшествует бытию, определяя все его реальные проявления.

Лихачев раскрыл особую роль национального языка, мир которого удерживает культуру как системную целостность, концентрирует культурные смыслы на всех уровнях бытия — от нации в целом до отдельной личности: «Одно из самых главных проявлений культуры — язык. Язык не просто средство коммуникации, но прежде всего *творец, созидатель*. Не только культура, но и весь мир берет свое начало в Слове. <...> Слово, язык помогают нам видеть, замечать и понимать то, чего мы без него не увидели бы и не поняли, открывают человеку окружающий мир.

Явление, которое не имеет названия, как бы отсутствует в мире. Мы можем его только угадывать с помощью других связанных с ним и уже названных явлений, но как нечто оригинальное, самобытное оно для человечества отсутствует. Отсюда ясно, какое огромное значение имеет для народа богатство языка, определяющее богатство “культурного осознания” мира»².

Национальный язык, считал академик, не только средство общения или знаковая система передачи информации, он выступает «заместителем» русской культуры, формой концентрации ее духовного богатства³.

В органической взаимосвязи с размышлением о природе феномена культуры разрабатывал Д. С. Лихачев и понятие **экологии культуры**, открывая новое, в высшей степени важное направление научной мысли, связанное с главными болевыми точками современной цивилиза-

¹ Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 319.

² Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Там же. С. 354–355.

³ Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Там же. С. 324.

ции. Человек существует в определенной природной среде, загрязнение, истощение, уничтожение которой грозит гибелью человеческого рода. В самом деле, что может быть страшнее загрязнения воздуха, водоемов, уничтожения лесов, животного мира — всего того, что являлось материнским лоном рождения человеческих сообществ? Но существует еще одна реальность, помимо биологической, и не менее важная, это — **реальность культуры**. Казалось бы, иногда данная реальность трудноуловима, эфемерна. Между тем необходимость ее от этого ничуть не меньше. И если гибель природы угрожает человеку как биологическому виду, то гибель культуры угрожает ему как существу социальному и духовному: «Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, для его привязанности к родным местам, нравственной самодисциплины и социальности»¹.

Но культура — не просто «целостность». У нее есть вектор развития, направление, скрепляющий ее внутренний стержень. Целостность культуры распадается, либо остается чисто формальной, если ее не скрепляет единая идея. Для Д. С. Лихачева это — ее **нравственная составляющая** как необходимое условие полноценного человеческого бытия. Вопрос о том, что такое культура, перерастает в вопрос, что делает (или не делает) культура, как она воздействует (или не воздействует) на личность. Конечно же, ученый видел в культуре и идеальное измерение человеческого бытия, его духовную составляющую. Заметим, что в том же ключе рассматривал проблему идеального выдающийся российский философ Эвальд Ильенков, для которого идеальное, духовное было смысловым наполнением человеческого существования².

Дмитрий Сергеевич отчетливо сознавал, что современный нравственный кризис, разгул нигилизма и вседозволенности, жажда обогащения любой ценой, настоящий шабаш массовой псевдокультуры связаны именно с потерей культурных корней, с утратой «нравственной оседлости», разрушением духовно-личностных опор. Чем жив человек? — вот исходная точка размышлений великого ученого.

Нетривиален его подход к постижению **исторических закономерностей развития культуры**. Д. С. Лихачев — ученый XX века — не разделял упрощенно-просветительские взгляды на эволюцию культуры, не питал иллюзий насчет ее «однолинейного прогресса». Вместе с тем не был он и сторонником концепций «культурно-исторических цик-

¹ Лихачев Д. С. Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 331.

² Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.

лов», «замкнутых цивилизаций» типа Шпенглера–Тойнби¹. Его позиция, если можно так выразиться, отчасти вбирала в себя и то и другое. Отчетливо видя качественное своеобразие культурно-исторических эпох, вступающих во взаимный диалог, чувствуя «уникальный лик» каждой из них, Лихачев тем не менее был убежден в существовании «сквозных линий» в историческом движении, в присутствии общих тенденций, в наличии общей направленности культурного развития.

Указанная общая направленность существует в движении «от хаоса к гармонии», в постепенном, все более отчетливом выявлении высших смыслов человеческого бытия, в приближении к свободе, в нарастании гуманистического начала. В этом Дмитрий Сергеевич был близок к позиции выдающегося русского ученого Николая Ивановича Конрада, высказанной им в известной книге «Запад и Восток». Прекрасно понимая всю сложность, противоречивость, порой катастрофичность исторического развития, Н. И. Конрад верил в наличие идеи, пропитывающей и объединяющей разрозненные явления культурной мозаики. Это была для него идея гуманизма. «Идея гуманизма есть высшая по своей общественной значимости этическая категория. Она всегда была высшим критерием настоящего человеческого прогресса»².

Характерна в данном плане работа академика Лихачева «Прогрессивные линии развития в истории русской литературы»³. Создана она была на материале эволюции художественного творчества, казалось бы, менее всего поддающегося истолкованию в терминах «прогресса». И все-таки ученый обосновывал наличие общих составляющих, сквозных тенденций литературного развития. К ним он относил: снижение прямолинейной условности, возрастание организованности и личностного начала, увеличение удельного веса «сектора свободы», рост и обогащение гуманистического сознания и ряд других. Само развитие искусства академик представлял как сложный диалог, взаимопереплетение и взаимоперекличку школ, направлений, сюжетов и тематики, как «контрапункт стилей».

Бесспорная заслуга Д. С. Лихачева — разработка и совершенствование самой **методологии историко-культурного исследования**, уточнения и обновления научных оценок исторических эпох.

Анализируя **динамику культурных процессов**, Д. С. Лихачев приходит к выводу, что культура не только (а может быть, и не столько)

¹ Шпенглер О. Закат Европы. М.: Искусство, 1993; Тойнби А. Исследование истории. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, Изд-во Олега Абышко, 2006.

² Конрад Н. И. О смысле истории // Конрад Н. И. Запад и Восток: ст. М.: Гл. ред. восточ. лит., 1972. С. 485.

³ Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 44–86.

меняется, эволюционирует, сколько накапливается, усваивается (или не усваивается), создается (или утрачивается). Прошлое не уходит бесследно, не «заменяется» настоящим, а продолжается в нем, лишь трансформируясь, обновляясь, меняя формы, принимая другие облики. С этими представлениями было связано видение ученым древнерусской культуры — эпицентра его научных интересов в первой половине XX века. Академик показывает, что в определенный период «забвение» древнерусской литературы было относительно, что, по сути дела, традиция древнерусской культуры, древнерусского искусства никогда не умирала, она продолжала жить и влиять, более того, ее значение все более явственно «проступало» в истории Нового времени. Древняя Русь продолжала жить в фольклоре, в быте, в обычаях, в зодчестве, в лубочных изданиях¹.

Осознанное усвоение традиций древнерусского искусства, его очевидное возвращение, по Лихачеву, начинается с конца XIX века: обращение к традициям иконописи в творчестве М. Нестерова, В. Васнецова, М. Врубеля, Н. Рериха, возрастание влияния парсунного письма, возрождение первоизданности цвета в творчестве Б. Кустодиева, К. Петрова-Водкина, М. Шагала. К древней иконописи активно обращается русский авангард: К. Малевич, П. Филонов, Н. Гончарова. Причем это не копирование, не подражание, а воскрешение на уровне «живого», работающего художественного метода. Достоянно особого внимания идея академика о том, что в этот период, начиная примерно с XIV века, на Руси нарастают ренессансные явления (рост личного начала, распад патриархального быта, трансформации художественного творчества, секуляризация культуры и т. д.), но сам Ренессанс, в силу ряда исторических причин, в нашей стране не происходит.

И еще один важный момент: Д. С. Лихачев считал, что закономерности культурного развития охватывают прежде всего «средний уровень», самую «толщу» исторической эволюции, слой, где протекают «массовые процессы». Именно здесь можно проследить культурные изменения, в том числе и прогрессивные. «Прогресс — не в талантах и гениях, а именно в средних возможностях, в совершенствовании их и в расширении и усложнении художественной сущности литературы»². Выдающиеся же личности — как бы немного «на обочине», выпадают из общего культурно-исторического контекста, выходят за рамки традиции и пределы нормы, в то же время выступая генератором бесконечного духовно-смыслового расширения творческих возможностей культуры.

¹ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 178.

² Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Там же. С. 45.

Свою, продуманную позицию занимал ученый по отношению к **проблеме своеобразия России и русского культурно-исторического пути**. Глубоко чувствуя оригинальность русской духовности, Лихачев неоднократно подчеркивал европейский характер отечественной культуры: «Россия — несомненная Европа по религии и культуре. При этом в культуре ее не найти резких различий между западным Петербургом и восточным Владивостоком»¹.

Это — проблема интереснейшая, требующая специального обсуждения. Свообразие ее решения Д. С. Лихачевым связано со своеобразием его взгляда на европейское, на сам феномен «европеизма». Европейской культуре, типу европейской духовности, считал ученый, присущи три фундаментальные особенности: это культура **личностная**, культура с ярко выраженной индивидуальностью; она **универсальна**, «всеотзывчива», предельно восприимчива к другим духовным мирам; она основана на **свободе творческого самовыражения**².

Эти три особенности, по мнению ученого, — порождение христианства. Христианство — единственная из религий, в которой Бог — живое, теплое, любящее, личностное существо, — стало духовной базой европейской культуры. Высокая оценка Д. С. Лихачевым христианства вызывает в памяти воззрения выдающегося русского философа Ивана Ильина. Уважительно относясь ко всем религиям, Ильин тем не менее особое место отводил христианству. Он подчеркивал в нем наличие экзистенциального, глубоко интимного начала, связанного с внутренней духовной высотой человека, прикосновенностью к жизни человеческого сердца, человеческих эмоций³. Определенная преемственность идей Ильина и Лихачева несомненна. Академик стремился соединить распавшуюся связь времен, возрождая великую русскую духовную традицию, трагически прерванную на долгие десятилетия.

Те черты, которые Федор Достоевский в своей известной речи 8 июня 1880 года, посвященной открытию в Москве памятника Пушкину, **отнес к специфике русского самосознания** (всеотзывчивость, открытость навстречу другому, эмоциональную восприимчивость)⁴, **Лихачев считал присущими европейской культуре в целом**: «Европеец способен изучать, включать в свою орбиту все культурные явления, все “камни”, все могилы. Все они “родные”. Он воспринимает все цен-

¹ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 384.

² Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Там же. С. 363–364.

³ См., например: Ильин И. А. Основы христианской культуры. СПб.: Шпиль, 2004.

⁴ Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 364.

ное не только умом, но и сердцем»¹. Саму же европейскую культуру Д. С. Лихачев считал общечеловеческой, вбравшей в себя и способной учесть опыт всех других культур. **Через общеевропейское к всечеловеческому — такова была его формула для развития России.** В качестве одного из ярчайших доказательств общечеловечности русской культуры (в то же время и общеевропейской) он приводил творчество Пушкина — глубоко национального гения, открытого всему богатству бытия, которому были ведомы и вняты миры других народов и наций, их уникальность и своеобычность.

Академик видел в европейском сознании не те черты, которые числила за ним мысль славянофильского толка, противопоставлявшая Россию Западу (рационализм, рассудочность, опора на научный тип познания, технократизм), а принципиально иные, что во многом исключало для Лихачева самую основу спора западников и славянофилов. Даже **соборность**, которую обыкновенно считают характерной чертой православного мира, Д. С. Лихачев рассматривал как черту универсально-европейскую.

К модному сегодня «евразийству» ученый относился негативно. Он был категорически против утверждений, что России присуще некое «туранское начало», считал, что взгляды такого рода уводят нас в сторону домислов, произвольных фантазий. Гораздо большее значение, чем антитеза «Запад — Восток», утверждал он, имеет для России соотношение «Север — Юг». Россия — не столько «Евразия», сколько «Скандо-славия» или «Скандовизантия»: «Азиатское начало в русской культуре лишь мерещится. Мы находимся между Европой и Азией только географически, я бы даже сказал — “картографически”. Если смотреть на Россию с Запада, то мы, конечно, находимся на Востоке, или, по крайней мере, между Востоком и Западом. Но ведь французы видели и в Германии Восток, а немцы, в свою очередь, усматривали Восток в Польше»². Однако отрицательное отношение Лихачева к «евразийству» не помешало ему способствовать публикации работ «евразийца» Льва Гумилева.

Позиция академика не сводилась к выделению «европейского начала» в русской культуре. Исследуя специфику русской литературы, изучая своеобразие и своеобычность духовного мира Древней Руси, Д. С. Лихачев отмечал: никогда не имело места слепое, механическое копирование западного опыта, но творческая переработка чужого, оригинальное усвоение, изменение применительно к российской специфи-

¹ Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 364.

² Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Там же. С. 359.

ке. Ученый писал об этом: «Бесмысленно задаваться вопросом — была ли культура Руси до Петра “отсталой” или не отсталой, высокой или не высокой. Нелепо сравнивать культуры “по росту” — кто выше, кто ниже. Русь, создавшая замечательное зодчество <...> высокую хоровую музыку, красивейшую церковную обрядность, сохранившая ценнейшие реликты религиозной древности, прославленные фрески и иконы, но не знавшая университетской науки, представляла собой просто особый тип культуры с высокой религиозной и художественной практикой»¹.

Наивысшим воплощением специфики российской культуры, своеобразного сочетания «русского» и «европейского» был для Дмитрия Сергеевича Петербург. Ученый внес первостепенный вклад в формирующуюся последние десятилетия область знания, которую можно назвать **культурологией Петербурга**. Особо следует выделить в этом плане его лекцию «Петербург в истории русской культуры», прочитанную 19 мая 1993 года при посвящении в Почетные доктора Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов.

Академик считает, что при своей «европейскости» Петербург — чрезвычайно русский город: «Нам говорят, что Петербург по своему внешнему облику самый европейский из русских городов. И из этого исходят, характеризуя русскую культуру. Да, это так, но и не так!»² Черты «русскости» ученый видит в обилии архитектурных традиций Москвы XVII века, в наличии большого количества гостиных дворов по типу Архангельска, Новгорода, Костромы, Ярославля, Калуги, в русских церквях, которые в XIX века строились в «русском стиле». Петербург — «русско-европейский город», он и «чрезвычайно европейский и чрезвычайно русский», — делает вывод Д. С. Лихачев³. Даже многочисленные итальянские архитекторы, работавшие здесь, не сделали его «итальянским». По Лихачеву, уникальность Петербурга в том, что это — **«город общемировых культурных интересов»⁴, соединивший в себе градостроительные и культурные принципы различных европейских стран и допетровской Руси**. При этом суть петербургской культуры — не в похожести на Европу, а в концентрации лучших сторон русской и мировой культуры.

Важной особенностью Петербурга Дмитрий Сергеевич считает «его научную связь со всем миром». Другая существенная сторона Петербурга — **академизм** во всех его проявлениях, «склонность к классическому искусству, классическим формам. Это проявилось как внешне —

¹ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 378.

² Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Там же. С. 262.

³ Там же. С. 265.

⁴ Там же. С. 266.

в зодчестве... так и в существе интересов петербургских авторов, творцов, педагогов и т. д.»¹. По мнению ученого, в Петербурге все основные европейские и мировые стили приобретали классический характер. С академизмом тесно связана еще одна основополагающая черта петербургской культуры — **профессионализм**, который пронизывает и науку, и искусство, и ремесло, и общественно-политическую деятельность. Кроме того, Лихачев говорит о том, что этот концентрированный петербургский профессионализм **требует особого профессионального обучения и академического образования**. Истинный профессионализм должен базироваться на широком и глубоком общем образовании. «Поэтому профессионализм отнюдь не следует смешивать с узкой специализацией»².

Не случайно именно в Петербурге появился и кристаллизовался особый, в ряде отношений — высший «продукт» мировой культуры — интеллигенция. По мысли Лихачева, это уникальный результат зрелости европейской духовной традиции, и в то же время — явление, сформировавшееся именно на российской почве закономерным образом.

Несомненна **религиозно-христианская составляющая** в мировоззрении Д. С. Лихачева. Будучи человеком веры, он понимал, что человеческое существование неотделимо от переживания святого, священного, от живого, трепетного соприкосновения с ним. В этом плане он чрезвычайно близок к взглядам русских религиозных философов эпохи «духовного Ренессанса», подчеркивавших роль религии, считавших, что религиозное сознание представляет собой как бы «несущую конструкцию» культуры, ее «духовный нерв». «Культура — это святыни народа, святыни нации»³. «Культура — это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации»⁴ — вот характерные для Лихачева формулировки.

Дмитрий Сергеевич возвращал исходное, первоначальное значение такому важному понятию, как «Святая Русь», — «это, разумеется, не просто история нашей страны со всеми присущими ей соблазнами и грехами, но религиозные ценности России: храмы, иконы, святые места, места поклонений и места, связанные с исторической памятью. “Святая Русь” — это святыни нашей культуры, ее наука, ее тысячелетние культурные ценности»⁵. «Святыни “Святой Руси” не могут быть растеряны, проданы, поруганы, забыты, разбазарены: это смертный грех»⁶.

¹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 266–267.

² Там же. С. 268–269.

³ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Там же. С. 349.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 350.

И живое, конкретное чувство значения духовных ценностей, и понимание культуры как святыни, и острая боль за попорченное, поруганное, и переживание вины, греха — все это у Лихачева подлинно христианское, православное. Значительный урон русскому менталитету и русскому языку, считал академик, нанесло запрещение после революции преподавания Закона Божия, церковнославянского языка. При этом не только прервалась традиция, стали непонятны многие тексты псалмов, Священного Писания — вытеснению подверглись «опорные конструкции» русской духовной культуры, базовые структуры российского менталитета. Был нанесен урон, который долго еще предстоит осмысливать и преодолевать.

Теперь, с учетом изложенного, представляется целесообразным вернуться к перечисленным ранее особенностям культурологического метода Д. С. Лихачева.

Понимание культуры как целостности воплощается во взаимодополнении двух векторов размышлений ученого. С одной стороны, глубокий научный потенциал и высочайший нравственный пафос имеет идея Дмитрия Сергеевича о целостности культурных и природных систем, где целое предшествует части, определяя ее сущность и функции. Академик полагал, что культурология в этой ипостаси близка экологии — и та и другая наука должны изучать всю взаимосвязанность системы, понимая мир природы и культуры как целое, которое предшествует бытию каждой части, определяет все ее проявления.

С другой стороны, Д. С. Лихачев рассматривал каждый отдельный феномен культуры как «зеркало», отражающее культурную систему в ее системном единстве. Искусство и язык, религиозно-философские взгляды, быт и нравы, обычаи и право — все, что создано руками и разумом человека, есть предмет культурологии, обращение к которому позволяет полнее и глубже понять специфику культурного целого. При этом академик конструирует свое особое видение внутреннего морфологического строения культуры, выделяя своего рода культурные комплексы и исследуя их взаимовлияние и эволюции.

Однако непосредственным объектом его анализа становятся тексты-источники, выступающие «пассивной» формой отражения целостного культурно-исторического, этнокультурного, духовно-нравственного, социально-психологического и ментального комплекса культуры. Это прежде всего тексты художественной и религиозной культуры, которые определяют культурную вертикаль и принадлежат к высшим проявлениям человеческого духа, являют собой творческое начало «антиэнтропийной направленности», противостоящее энтропическому погружению в бессловесность и хаос.

Академик фундаментально обосновал **перспективное направление самоопределения культурологии** как особой сферы знания, кото-

рое со временем все больше проявляет актуальность; в рамках этой парадигмы **знание трактуется как результат специфической методологии, упорядочивающей, понимающей и интерпретирующей информацию, полученную о культуре другими науками.** При этом культурология не обязательно обращается к культуре в ее эмпирических формах — она на более высоком уровне обобщенности создает и воссоздает феномен культуры как системной целостности, используя для этих целей результаты других наук социально-гуманитарного цикла путем переосмысления и переинтерпретации эмпирических сведений и базирующихся на них концепций, наведения смысловых мостов между различными областями знаний, выявления их взаимодополняющего характера, что не только придает культурологическому знанию подлинно комплексный и междисциплинарный характер, но и обеспечивает синергетический эффект: (не сколько большее знание, сколько неожиданное, не вытекающее из отдельных частей).

Говоря об **онтологизме историко-культурного дискурса, его проектном характере** как еще одной новации Лихачева в области методологии, следует отметить его стремление утвердить в научной среде **право на реконструкцию**, то есть на создание целостных моделей утраченных культурных и исторических реалий путем восполнения лагун, и не только непротиворечивыми гипотетическими предположениями, но и верой исследователя, его творящей любовью. Новое знание прорастает здесь из интуиции, а интуиция из целостного системного видения культуры.

Фундаментальной культурологической идеей Дмитрия Сергеевича, важной для сегодняшнего самосознания духовной уникальности России, является его утверждение о том, что **модели национального будущего коренятся в прошлом.** Новое — в старом, но не стареющем, в ушедшем, но бессмертном, в забытом, но актуальном. Академик Лихачев показывает, как в разные времена, когда надо было определить или скорректировать духовные основания национального возрождения, Русь обращалась к минувшим эпохам. Причем выбор событий прошлого носил во многом субъективный характер, он был продиктован необходимостью решения современных проблем. Такой избирательный подход к прошлому закономерен: историю народа можно рассматривать как своеобразное коллективное повествование, которое разворачивается вокруг определенных событий и личностей, значимых для национального самосознания. Выбор этих эпох, событий и персон не случаен — он подчинен потребности нации в осмыслении ее актуального положения, в понимании ее возможного будущего.

«Право» на **проектный взгляд** ученого — сугубо культурологический подход, который ранее считался недопустимым в рамках классической исторической методологии. Его суть заключается в найденном

равновесии между прошлым и будущим — ученый находит в историческом прошлом креативно-событийные линии, которые сохраняют свою креативную энергию в историческом времени, то есть при движении культуры от прошлого — через настоящее — к будущему.

Таким образом, выстраивается своеобразная методология культурно-исторического мышления, которая получает теоретическое обоснование, в том числе и в определении Лихачевым стиля древнерусской литературы как «историко-монументального». Подобное понимание не только ориентировало исследователя на достоверность излагаемого им материала, но и историзм, понимаемый как правдивость факта: требование монументальности предполагало концентрацию внимания только на таких фактах, которые были актуальны для общества в момент исследования. Ученый рассматривал факты, которые являлись определяющими для исторического бытия современной ему России. И в этом плане актуальность факта для него уравнивала в качестве предмета исследования различные культурные феномены: художественно-литературные тексты, архитектурные сооружения, политические реалии и т. д.

В текстах академика целостность культурного мира разворачивается в многообразии включаемых в понятие культуры явлений, в богатстве их взаимосвязей и взаимовлияний. Так проявляется **синтегичность, комплексность и универсализм лихачевского метода познания культуры**. Русская культура как бы открывает свои неизведанные ранее грани ученому-филологу, историку, литературоведу, философу культуры. В фокусе этих подходов рождается **компаративность научного анализа — извлечение нового знания как результат сопоставления изучаемых объектов**. Основными особенностями этого исследовательского метода являются сочетание строгого исторического и образно-интерпретационного подходов в анализе эпохи, синтез исторически достоверного фактического материала и интуитивного его осмысления, смысловая модификация в трактовке содержания основных категорий. Компаративность предполагает обращение к широкому и многослойному феномену культуры, объединяющему ее разные виды и формы, анализ явления культуры в родственном ему историческом, культурном, художественном контексте и во взаимодействии с другими сферами социального, политического, экономического и иного бытия.

Нравственная отягощенность культурологического дискурса Д. С. Лихачева нередко ошибочно трактовалась коллегами как «чрезмерная простота» и «излишняя публицистичность» работ последних лет. Для текстов академика характерна их экзистенциальная направленность, насыщенность этической проблематикой. Эта линия является логичным продолжением одной из центральных традиций русской философской мысли, которая всегда исповедовала принцип онтологического реализма, глубокого проникновения познания в реальность, сосредоточенно-

сти на вечных вопросах бытия, в том числе и на основе религиозной интуиции.

Д. С. Лихачев немало размышляет о сознании вины и ответственности ученого, который словом может разрушать реальность. Понимание того, что «слово есть глагол», и сознание обреченности любого пишущего (вспомним древнерусское понимание «книжника» как всякого, имеющего дело с книгой) на публицистичность, понимание невозможности уйти от «больных проблем» современности даже при, казалось бы, самом отвлеченном от них предмете исследования — все это и есть проявление лихачевского понимания моральной ответственности ученого. Лейтмотивом творчества становится тема нравственности ученого, интеллигента, которая рассматривается в контексте всей русской словесности.

Русский народ, подчеркивал Дмитрий Сергеевич, владеет огромными ценностями. При этом их своеобразие он связывал во многом с русской литературой, художественная сила которой опирается на ее нравственный пафос.

Д. С. Лихачев, раскрывая идею духовной и стилистической целостности культуры, выводит принцип высочайшей ответственности человека за разрушение сложившихся в мире взаимосвязей — как материальных, так и духовных. Этот принцип был с максимальной полнотой воплощен в его личной научной деятельности, творчестве и гражданской, общественной позиции ученого. Не только научное наследие академика Лихачева, но и его биография — достойный ответ и на вызовы противоречивого периода советской истории, и на духовные разломы 1990-х годов.

Гуманистичность культурологического метода Д. С. Лихачева проявляется в стремлении выявить в историческом процессе ту его составляющую, которая определяет нравственный смысл истории народа, его «божий замысел». Гуманизм культуры — это мера ее человечности, утверждения в качестве высшей ценности человека как личности, его права на свободное развитие. Дмитрий Сергеевич в своих работах убедительно показывает, что **развитие культуры осуществляется через хаос к гармонии, через просветление высшего смысла, через возрастание организованности культурных форм, увеличение сектора свободы, возвращение личностного, гуманистического начала.**

Гуманистичность лихачевского метода проявлялась не только в поиске Истины, в его попытках разглядеть в культуре душу народа, но и в ее творении — Словом, Верой, энергией Любви. Его видение гуманистической сущности русской культуры — это своеобразный замысел, который открывается сознанию просвещенных и ищущих. **Культурологический дискурс**, как и система идеологии, **оформляет, консти-**

туирует, регулирует и творит культурную практику. Не случайно академик вновь и вновь возвращался к феномену Слова в русской культуре, которое, считал он, — нечто большее, чем имя вещей. Слово есть Идея, предваряющая саму действительность и определяющая ее воплощение, оно — не просто усиливающее эффект «зеркало культуры», но и духовная стихия, преобразующая реальность, придающая ей духовную ценность и смысл. Своим словом академик Лихачев пытался остановить стихию «расчеловечивания» человека, противопоставить Хаосу времени Логос духовности.

Таким образом, культурология Лихачева включает и творчески преобразовывает самые разные интенции — рационалистическую и сакральную, традиционалистскую и инновационную, европоцентристскую и почвенническую. В то же время это — культурология сочувствия и прозрения, пророчества и жертвенного служения Истине.

Обозначенные выше смысловые линии, определяющие особенности культурологического метода Д. С. Лихачева, пронизывают фактологический контекст всех трудов периода научной зрелости ученого — от середины XX века до его ухода из жизни. Синтетичность, комплексность, универсализм и гуманистичность культурологического метода Дмитрия Сергеевича, его взгляды на культуру как системную целостность, онтологизм историко-культурного знания и нравственный нерв культурологического дискурса составляют пока неосвоенное богатство отечественных гуманитарных наук.

Вместе с тем не приходится сомневаться, что анализ работ Д. С. Лихачева в ближайшем будущем составит блистательный раздел университетских учебников по истории культурологических учений.

Самое интересное, что ученому удалось предвосхитить будущее. Его культурологические труды содержат ответы на многие острейшие вопросы современности либо определяют направление поисков этих ответов.

1.4. ВЗГЛЯДЫ НА ТЕОРИЮ ИСКУССТВА*

Вклад Д. С. Лихачева в развитие современного искусствознания до сих пор не получил должного осмысления. И это при том, что наследие ученого не только включает в себя работы историко-художественной и эстетической направленности, но и в трудах, ориентированных на культурологическую проблематику, он нередко обращается к размышлениям об искусстве.

В лихачевском наследии четко выделяются работы искусствоведческого цикла, среди которых наиболее значимыми представляются статьи, вошедшие в сборник «Очерки по философии художественного творчества»¹, а также в издание Университета «Избранные труды по русской и мировой культуре»², являющееся самым полным изданием культурологического и историко-художественного наследия ученого. Оно включает: «Заметки об истоках искусства», «Слово и изображение в Древней Руси», «Закон цельности художественного изображения и принцип ансамбля в древнерусской эстетике», «Контрапункт стилей как особенность искусств», а также исследование, выражающее концептуальный взгляд Лихачева на историю русского искусства, — «Культура времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого». В этих работах получили четкое выражение размышления Дмитрия Сергеевича о современном искусствознании, его **взгляды на процесс и основные этапы исторического развития русского искусства**.

Первое ретроспективное знакомство с трудами Д. С. Лихачева создает впечатление, что его размышления об искусстве носят фрагментарный характер и посвящены всего лишь некоторым локальным аспектам художественного творчества. Между тем за рассуждениями о частном кроется **единая философско-эстетическая концепция** ученого. Лихачев **понимал искусство как сферу особого культурного опыта**, приобретаемого в процессе самоопределения человека в мире и не сводимого к другим видам опыта, в частности, в науке, философии, религии. **Дмитрий Сергеевич видел искусство как сложную**

* Раздел написан в соавторстве с профессорами СПбГУП Т. Е. Шехтер, Ю. М. Шором.

¹ *Лихачев Д. С.* Очерки по философии художественного творчества. СПб.: БЛИЦ, 1999 (1-е изд.: СПб.: БЛИЦ, 1996).

² *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006.

систему взаимодействия художника с реальностью, творца с традициями художественного творчества, произведений искусства с их адресатом. Лихачев обнаруживал в творчестве сложное переплетение индивидуального и общего, хаотичного и упорядоченного, закономерного и случайного, рассматривал историческое развитие искусства как своеобразную эволюцию, сочетающую и традиции, и новаторство.

Важно отметить, что взгляды ученого на художественное творчество формировались на базе фундаментального знания истории культуры, в особенности литературы и искусства, явились результатом многолетних специальных занятий древнерусской литературой и древнерусским искусством. Общие построения, конкретные идеи, частные догадки основывались на широчайшем материале. Подлинное, «из первых рук», знание текстов культуры придавало уверенность в выводах, служило фактической основой для оригинальных истолкований и обобщений.

Другая черта, характерная для Лихачева, — наличие уникальной интуиции, способствовавшей ясному видению сути явлений. Лихачев возвращал в пространство российского знания доверие к интуитивному знанию, опору на несомненность, истинность, самоочевидность того, что открывается честному, пытливому, глубокому уму. Интуитивное мышление Дмитрия Сергеевича позволяет нам увидеть предметы с неожиданной стороны, открыть их новые смыслы и значения. **Вводя интуицию в процесс познания, Лихачев восстанавливал традиции отечественного интуитивизма, характерные, в частности, для русских религиозных философов первой половины XX века — Н. Лосского, Н. Бердяева, С. Франка, И. Ильина¹...** Это имело и чисто эстетическое значение — ведь интуиция, непосредственное знание, прямое видение истины играют первостепенную роль при эстетическом переживании. А эстетическое — не что иное, как явленность сознания человеческому созерцанию.

Теоретические проблемы искусства, вопрос о природе художественного мышления Лихачев связывал со стержневой для всякого познания **проблемой истины**. И это оказалось методологически продуктивно. Не случайно сборник работ Д. С. Лихачева «Очерки по философии художественного творчества» открывает эссе «Что есть истина?»² Автор последовательно проводит мысль о том, что столь фундаментальный

¹ См.: Лосский Н. О. Обоснование интуитивизма // Лосский Н. О. Избранное. М., 1991; Франк С. Л. Непостижимое // Франк С. Л. Сочинения. М., 1990; Бердяев Н. А. Истина и откровение. СПб., 1996; Ильин И. А. Путь к очевидности // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 3.

² См.: Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. С. 5–8.

способ познания и переживания бытия, как искусство, не может не быть эффективным механизмом решения человеческих проблем, одним из главных путей постижения мира и человека, следовательно, одним из способов приближения к подлинности и правде: «Значение русской культуры определялось ее нравственной позицией в национальном вопросе, в ее мировоззренческих исканиях, в ее неудовлетворенности настоящим, в жгучих муках совести и поисках счастливого будущего, пусть иногда ложных, лицемерных, оправдывающих любые средства, но все же не терпящих самоуспокоенности»¹.

Последняя четверть XX века отмечена повсеместным развитием постмодернизма. Д. С. Лихачев был не только его современником, но и фактическим оппонентом. Вряд ли академик ставил перед собой специальную цель полемики с этим модным течением философско-художественной мысли. Однако и игнорировать его присутствие в контексте собственной интеллектуально-эстетической жизни он не мог. Философские и творческие «импульсы» постмодернизма доходили до Дмитрия Сергеевича даже через фильтры советской цензуры, порождали вопросы и размышления, усиливали потребность формулировать и высказывать собственные взгляды. В итоге именно в процессе сопоставления с постмодернизмом наиболее ярко раскрывается значение лихачевских идей об искусстве как сфере высших ценностей, о роли нравственных и религиозных критериев в художественном процессе, о необходимости для искусства поисков истины и правды. Ученый полагает искусство способом постижения мира и исповедует концепцию художественного, основанную на признании Истины.

Современный же ему постмодернизм подвергает сомнению само существование истины. Критика истины его идеологами основана на том, что разум, искавший истину, опирался на положения, не выводимые из эмпирического бытия вещей, и пользовался только научным методом познания. Разум признавал истинным лишь то, что отвечало им же, разумом, установленным критериям². Именно поэтому постмодернизм отказывается от абсолютизации разума и заменяет рациональный подход на интерпретационный, а в качестве основания для своих размышлений принимает повседневную практику. На смену метафизическим обобщениям и поиску научной истины приходят живые коммуникации, диалог, общение. Люди общаются не для получения истины, а во имя интереса к другому и ради взаимопонимания. При этом авторы рассматривают себя как участников бесконечной коммуникации, полу-

¹ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 206.

² См.: Лиотар Ж. Фр. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетей, 1998.

чая информацию неизвестно откуда, передают ее неизвестно кому, не зная своего адресата, и никогда не могут быть уверенными в том, что передали эту информацию правильно.

В рамках данной теории единственно верное понимание явления признается невозможным и допускается равноправное существование разных версий одного и того же события, неустранимая множественность взглядов на одну и ту же реальность. Неопределенность становится главным понятием онтологии и гносеологии. В связи с этим не логический довод, а понятие вероятности (то есть меры превращения возможности в действительность) начинает выступать как инструмент мышления и интерпретации фактов, явлений, событий и жизни и культуры.

Такое миропонимание абсолютно чуждо Дмитрию Сергеевичу, более того — полярно всей системе его взглядов. Сложившаяся оппозиция не случайна, не является «делом вкуса», а формируется в ходе генезиса, становления и развития лихачевского учения о культуре. Ученый в своем исследовании движется от частного к общему, от изучения конкретных фактов древнерусской литературы и искусства к попыткам их осмысления в более широком культурном контексте и, далее, — к воссозданию общей панорамы культуры и динамической картины ее развития. Стремление найти истину здесь лежит в основе всей конструкции миропонимания, направляет ход создания этой конструкции. И никогда на протяжении всей научной биографии у Д. С. Лихачева не возникает потребности подвергнуть сомнению существование истины. Им движет страстное желание углубиться в ее понимание.

Но как только ставится вопрос о соотношении искусства и истины, сама природа истины открывается у Лихачева нетрадиционной стороной. Она перестает быть только «научной истиной», отражением предмета в объективно-безличном знании. Выясняется, что истину Дмитрий Сергеевич понимал не в традициях советского «диамата» или позитивистской научности — как «совпадение мысли с предметом», а в рамках традиций большой русской философии, в которой истина рассматривается как высшая цель познания, высшая ценность, нечто важное и существенное для человека в его жизненных поисках. И потому во многом **по-новому ставил Лихачев и традиционный вопрос о соотношении искусства и науки.** Подчеркивая, что и то и другое, несомненно, способы постижения окружающего мира, ученый видел глубокое своеобразие художественного познания. Вот его формула, которую можно считать по сути дела исходной: «Познание мира может быть двояким: “успокоенным”, чисто созерцательным, констатирующим, а с другой стороны — как бы “движущимся”, следящим за движением познаваемого и поэтому “следующим”, то есть “идушим вслед”. Первое познание мира в основном представлено наукой, второе — ис-

кусством»¹. Как считает академик, научное познание «не ставит себе целью уловить мир в его потенциях, в его движущейся глубине. Познание же через искусство в той или иной мере нестабильно, ибо в нем огромную роль играет сам познающий, само его “бегущее восприятие”»².

Каковы же, по Лихачеву, основные черты художественного сознания как формы специфического познания реальности?

Наука познает «подвластное» ей, стремится схватить объективно фиксируемое бытие реального мира, она как бы не занята его «подводными течениями». Наука, несомненно, постигает неизвестное, раздвигает горизонты неизведанного, но не имеет отношения к «тайне мира». Искусство же как раз специально направлено на внутреннее, спрятанное. В этом плане Дмитрий Сергеевич близок к идее Мартина Хайдеггера о том, что художественное творение, осуществляясь, прикосновенно к тайным сторонам бытия, к сущностно сокрытому, укромному, в то время как сфера науки — сфера принципиально открываемого³.

Научное познание объективно, оно стремится максимально освободиться от индивидуально-личностного, случайного, субъективного ради создания беспристрастно-объективной картины реальности, выяснения, что представляет она сама по себе. Наоборот, художественное познание в качестве полноправного элемента включает личность творца, оно неотъемлемо от художника, его индивидуальных свойств и качеств, субъективности и произвола.

Д. С. Лихачев был подлинно гуманитарным мыслителем. Гуманитарное же сознание обладает рядом особенных черт. Оно органически включает не только рационально-теоретические, но и эмоциональные, психические, подсознательные компоненты; опирается на живые образы, по природе своей родственные художественным. В отличие от узконаучного познания, стремящегося «в глубь» предмета, гуманитарное знание — есть знание-истолкование, знание-интерпретация. В качестве важнейшего механизма оно включает переживание — непосредственно-интуитивное, внепонятийное постижение реальности. И, наконец, гуманитарное знание выходит в область ценностных отношений (степень важности, необходимость чего-либо для человека и т. д.), а в пределе — и в область веры. Во всем этом — глубокое отличие гуманитарного знания от естественно-научного.

Лихачев, как истинный гуманитарий, видел в искусстве высшую форму сознания и провозглашал первенство художественного

¹ Лихачев Д. С. Искусство и наука // Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. С. 10.

² Там же.

³ См.: Хайдеггер М. Исток художественного творения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.

над научным: «Искусство как познание первично; наука же вторична»¹. И дело здесь не в том, что искусство — «лучше», а наука «хуже» постигает истину: искусство, художественный тип познания оказывается ближе к тому, что полагает истиной гуманитарное знание. Искусство помогает найти ключ к нерациональной, «тайной» реальности, постигаемой всей целостностью человеческой личности. Ибо гуманитарная истина — не «дважды два — четыре», а возглас удивления, голос откровения, рождающийся в потрясенной душе: «Это так, Господи!» Искусство высоко поднимает ценность индивидуальности человеческой личности, важность и необходимость познания бесконечности Человека.

Если наука стремится к истине единой, однозначно определяемой, исчисляемой, математически точной, то в искусстве истина многолика, как бы «размыта», допускает множественные толкования. Искусство дает личностную ориентированность знания, субъективно переживаемую причастность к нему. Искусство — это живая жизнь человеческого сознания внутри мира, сопереживание, меняющееся во времени, художественное «сочувствие» бытию вселенной, параллельное объективному развитию событий движение души. Если та или иная конкретная научная истина однократна, закончена, завершена в найденном рациональном содержании, то подлинное произведение искусства никогда не завершено. Его реальное существование протекает в бесконечном времени, включает всю историю его восприятий, прочтений, истолкований и содержит проекцию в будущее. Художественное присутствует в человеческом сознании только как постоянно творимое, никогда не завершенное окончательно.

Поэтому настоящее восприятие произведения возникает лишь в случае его понимания. И художник оказывается здесь свободнее ученого, ближе к многовариантности человеческого сознания, его качественной многослойности.

Итак, Лихачев не сомневался в том, что искусство — форма познания природы, человека, общества и его истории. Но познание глубоко своеобразное, ибо произведение искусства не просто сообщает, информирует, но прежде всего вызывает ответную активность читателя, зрителя, слушателя, мобилизует его эстетическое переживание. С этим связано и свойство, которое Дмитрий Сергеевич называл «неточностью» искусства, в отличие от «точности» науки: «Наука... основывается на концепции точного измерения. Искусство не основывается на измерении, — оно... в основе своей “неточно”»². При этом «неточность» вхо-

¹ Лихачев Д. С. Искусство и наука // Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. С. 12.

² Лихачев Д. С. О «неточности» искусства и несколько мыслей о стилистических направлениях // Там же. С. 60.

дит в саму материю художественного, составляет важную часть ее сущности. **Именно «неточность» обеспечивает жизнь художественного произведения во времени — это непрерывно длящийся творческий акт, никогда не заканчивающийся процесс.**

Д. С. Лихачев иллюстрирует данное положение на элементарных, но весьма убедительных примерах. Так, неровная, шероховатая, проведенная от руки, зато «живая» линия больше удовлетворяет наше эстетическое чувство, чем линия, проведенная по линейке, абсолютно ровная, «правильная», но мертвая¹. На этом, кстати, построена вся эстетическая привлекательность стиля арт-нуво (югендстиль). Или другой выразительный пример. Академик подчеркивал, что бездушные подражания романскому творчеству отличаются от подлинно романского стиля именно «исходной точностью», гладкостью, симметричностью. Так, в подлинниках различаются правая и левая сторона портала, неодинаковы окна и колонны, последние различаются по материалу и форме. Поэтому художественное восприятие романского стиля как бы требует от зрителя постоянных «поправок». То же самое происходит в готическом искусстве. Ученый пишет: «В готическом искусстве эта принципиальная художественная неточность особенно наглядно выражается в том, что башни, фланкирующие западные порталы соборов, не только не повторяют друг друга зеркально, но иногда различны по типу перекрытий, по высоте и по общим размерам (соборы в Амьене, в Шартре, в Нойоне и др.). Из трех порталов собора Нотр-Дам в Париже правый уже левого на 1,75 м. Только в XIX в. при достройке собора в Кёльне строители нового времени сделали башни западной стороны точно одинаковыми и тем придали Кёльнскому собору неприятную сухость»².

Проблема «точности» и «неточности» играет очень большую роль в процессе восприятия художественного творчества. Совершенно по-разному воспринимают искусство «искушенный» и «неискушенный» человек. Искушенный «зрит в корень», видит идею, смысл, замысел, его может устраивать и даже нравиться некоторая «грубость», неотделанность (ибо, по Лихачеву, произведение не дано, а «задано»). Некультурному же, «массовому» вкусу нужна аккуратность, законченная школьная «правильность».

Полноценное восприятие художественного произведения включает как бы «вторичную реконструкцию» замысла художника, умение увидеть «задний план», почувствовать, пережить не просто то, что сказал

¹ См.: Лихачев Д. С. О «неточности» искусства и несколько мыслей о стилистических направлениях // Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. С. 61.

² Там же. С. 62–63.

художник, но и то, что он **хотел** сказать. Зритель же неподготовленный видит только то, что ему непосредственно дано. Как раз такому «зрителю, не умеющему воспроизвести идеальный образ предмета искусства, нужны линии, проведенные циркулем или по линейке, нужно идеальное построение симметрии, нужна полная осуществленность замысла художника»¹.

Такое понимание Дмитрием Сергеевичем своеобразия художественного постижения мира значительно обогащает теоретические представления о его сущности, роли, месте и потенциале в человеческой жизнедеятельности.

В связи с этим по-новому раскрывается и традиционная для эстетической мысли проблема самобытности национального искусства.

Разумеется, Дмитрия Сергеевича интересует в первую очередь самобытность искусства отечественного. Ведь главная тема Д. С. Лихачева — российская культура в прошлом и в настоящем, ее исторические способы выражения, воплощенные в литературе и живописи, архитектуре и быте людей. Самобытность русской культуры, ее одухотворенная религиозность, которая и на пике гуманистического подъема «не оттесняется на второй план, как это было в западноевропейском Возрождении», но продолжает развиваться «в пределах религиозной мысли и религиозной культуры»², мудрость русского философского взгляда на историю и современность — вот идеи, образующие стержень научного творчества ученого. Эти идеи он развивает вне зависимости от того, что являлось непосредственным предметом исследований — древнерусская литература или Санкт-Петербург как уникальная столица государства Российского, исторические этапы становления отечественной культуры или интеллигентность как высшее проявление русской ментальности.

Самобытность русского искусства, его специфические свойства обусловлены, считает Лихачев, особенностями национального культурного сознания. Ему присуща способность отображать широчайшие по содержанию явления, сообщать новый смысл устоявшимся понятиям. Отечественному искусству свойственна открытость мировой культуре, что позволило ему ассимилировать и преобразовать в соответствии с национальными представлениями русского народа огромный опыт иной культуры, прежде всего — западноевропейской.

Принимая культуру других народов, Россия утверждала и развивала свою, никогда не позволяя зарубежным влияниям, сколь бы сильны

¹ Лихачев Д. С. О «неточности» искусства и несколько мыслей о стилистических направлениях // Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. С. 64.

² Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 154.

они ни были, определять магистральное направление ее культурно-исторического развития. Показательно, что, размышляя о Предвозрождении в России как одной из самых ярких страниц русской культуры, Лихачев отмечает, сколь высок был в то время интерес к античному и эллинистическому наследию, к «учености» Византии¹, насколько органично воспринимала Россия влияния восточнославянской культуры. Но это лишь укрепляло ее в поиске своего пути и выразилось в формировании оригинального, мощного национального явления, каким стало русское искусство XIV века.

Все работы Лихачева, посвященные вопросам искусства, развиваются на основании единого концептуального метода, позволяющего ученому:

1) **раскрыть наследие, роль памятников искусства в их значении для современной действительности**, что осуществляется Дмитрием Сергеевичем в соответствии с его представлением об эволюционном развитии культуры, предполагающим непрерывное ее обновление без разрушения связи с прошлым, но допускающим радикальные изменения направления и характера культурного процесса в связи с появлением новых оригинальных идей. Это не противоречит, по мнению Лихачева, общей идее эволюционности;

2) **увидеть роль древнерусского искусства для художественного опыта нашего времени**, что позволило ученому прийти к выводу об определяющей роли национальных традиций в отечественной культуре;

3) **представить «механизм» историко-культурных динамических процессов, действующих в отечественной истории**, который выражается в способности русского искусства быть открытым окружающему миру, в признании его универсальности, обусловившей его богатство и внутреннее многообразие. Универсальность стала основой практически всех динамических процессов, развивающихся в русском искусстве на протяжении всей истории — от зарождения до нашего времени.

Лихачев обращает внимание на способность русского искусства стремительно развиваться, расширяя спектр собственного восприятия и осваивая все новые и новые «территории» мирового наследия, сохраняя при этом нравственно-эстетические установки, сформировавшиеся в отечественной культуре в эпоху принятия христианства.

Единство этих убеждений и определяет **метод Лихачева, применяемый им в исследовании русского искусства**.

Дмитрий Сергеевич исследует особенности и специфические черты отечественного искусства в рамках больших культурных комплексов Руси–России, формирующихся и эволюционирующих на протяже-

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Елифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 154.

нии многовековой истории: изучает искусство во взаимосвязи с литературой, живописью, архитектурой, жизненным укладом и т. д. Отношения с искусством других стран ученый анализирует в контексте диалога культур.

Особое внимание академик уделяет менталитету русского народа, которому присущи уважение и интерес к другим культурам. Наиболее ярко это свойство иллюстрируется Лихачевым на примерах знаменитой иконописи средневековой Руси, истории формирования архитектурного облика Санкт-Петербурга и его художественной жизни, развивающейся на пересечении культур, традиций и идей. Русское искусство создавалось в контексте определенного мировоззрения, обладающего гибкостью восприятия жизни, умением чувствовать действительность, понимать другую культуру, способного выполнить роль духовного и нравственного центра своего времени.

Размышляя об искусстве, ученый исходит из утверждения о европейском характере русской культуры. Дело не только в территориальном расположении страны, замечает он, но прежде всего в духовной структуре личности художников и созданных ими творениях. Он не приемлет размышления евразийцев об особом «промежуточном» характере русской культуры и утверждает ее безусловное родство с Западом, историко-культурное наследие которого воспринимается как колыбель мировой культуры в целом.

Неприятие Лихачевым концепции евразийцев понятно — географические теории и идеи эксклюзивности той или иной страны далеко не всегда способствовали пониманию смысла культурных процессов, и академик пишет об этом, напоминая читателю, что материальные границы Европы условны. Ведь Северная Америка по своей культуре также принадлежит Европе, ибо имеет европейские корни. А духовные особенности европейской культуры, в отличие от территориальных, «безусловны и определены»¹. Эти духовные особенности воспринимаются непосредственно и потому, считает Дмитрий Сергеевич, не требуют доказательств.

Специфика европейского искусства, по Лихачеву, может быть определена тремя качествами, производными от особенностей европейской культуры. Первое — это **акцентированно-личный** характер его явлений, приоритет **индивидуального** в осмыслении взаимодействия человека и общества, стремление выявить значимость личности, ее место в мировом процессе развития, что наглядно проявляется в истории европейского искусства. Интерес к личности, к уникальному строю ее мыслей и чувств, углубление в особенности ее миропережи-

¹ Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 363.

вания ярко проявлялись на протяжении всего развития русской культуры, будь то иконопись, русская классическая литература или поиск отечественного кинематографа.

Второй особенностью европейского искусства, по Лихачеву, следует считать **восприимчивость к другим культурам**, или универсализм, всечеловечность, что, вне всякого сомнения, является и неотъемлемым свойством русского культурного развития. На это Дмитрий Сергеевич указывает неоднократно, считая эту особенность одной из определяющих для отечественной культуры. И, наконец, третий признак европейского искусства — особая **свобода творческого самовыражения личности**. Закономерно, что все грани русского самосознания (от религиозного чувства до авангардного поиска XX века и новаторских идей современности) всегда раскрывались только на основе свободного проявления творческой индивидуальности, будь то росписи Андрея Рублева, живопись Ильи Репина, поэзия Велемира Хлебникова, сочинения Бориса Пастернака или кинематограф Андрея Тарковского.

Все эти особенности, подчеркивает Лихачев, происходят из **христианского мировидения** — основы европейского культурного самосознания. Ведь именно христианство впервые выделило личность из толпы, народа, нации, выявило ее ценность, уникальность и необходимость. Именно христианство размышляет о безграничности возможностей личности, создает нравственную философию добра и подвига, раскрывает неразрывную связь человека с Богом, глубинный смысл единения людей как духовных личностей (соборности) и способности человека к самоотречению во имя других и веры. Поэтому можно сказать, что христианство рассматривает культуру и искусство в свете универсальных критериев человечности, в свете представлений об истинности идей и ценностей, получивших в ней свое выражение.

В анализе проблематики искусства Д. С. Лихачев уделял значительное внимание понятию **сотворчества**. Академик полагал, что без сотворчества невозможно настоящее общение с искусством. И пусть зритель, читатель, слушатель не конгениален создателю подлинно художественного произведения, пусть он не абсолютный творец, пусть он идет тропами, проложенными автором, — он все-таки со-творец. Ибо, воспринимая, оживляет художественные образы своей эмоцией, своей памятью, своим сердцем, достраивает художественную ткань произведения искусства своим воображением. При этом в литературе, считал Лихачев, способы сотворчества гораздо многообразнее, чем, скажем, в архитектуре. Воспринимая художественное слово, читатель «продолжает» образ — додумывает, догадывается, фантазирует.

В этом плане характерно творчество Ф. М. Достоевского. Лихачев отмечает в произведениях писателя взаимодействие и «наслоение» различных стилей, диалог разных, порой противоположных, повествова-

тельных голосов, периодические ссылки автора на свою «неосведомленность», введение «банальностей» и штампов, чтобы адекватнее передать облик персонажа. Примером подобного рода является «Легенда о великом инквизиторе»¹. Все это — специально конструируемые автором «неточности», «неопределенности», заранее программируемые «зазоры» для осуществления читателем сотворчества. Наряду с реальностью, осуществленностью образа имеет место «потенция образа». В искусстве это потенциальное пространство шире, чем в науке. Поэтому, в частности, читатель может понимать литературное произведение не так, как сам автор. «Одна из тайн искусства, — пишет Д. С. Лихачев, — состоит в том, что воспринимающий может даже лучше понимать произведение, чем сам автор, или не так, как автор. “Узнавание” — творческий акт, оно каждый раз — в известных, впрочем, пределах — различно. Если этого нет, произведение не может находить отклик в читателях и должно быстро утрачивать свою ценность. Вот почему каждый подлинно великий писатель в известных пределах различен в различные эпохи, своеобразен в восприятии читателей. Шекспир в России не тот, что Шекспир в Англии»².

Закономерно, что роман Достоевского «Бесы» мы сегодня, после трагического опыта «бесовщины», разгулявшейся в XX веке, воспринимаем во многом иначе, глубже, полнее, чем в те времена, когда он был написан и когда он являлся еще только страшным пророчеством.

Художественное начало органически несет в себе субъективность, живет в тесной связи с человеческим сознанием. Вместе с тем Дмитрий Сергеевич отмечает и другую сторону искусства: **художник по-своему объективен, он — своеобразный «медиум», посредник между всеобщим идеальным миром (что-то вроде Вселенной платоновых идей) и внутренним миром, сознанием индивида.** «У меня ощущение (совершенно не обязательное), — рассказывает ученый, — что творимые художником персонажи воплощают в мире что-то существующее вне художника и художником только угадываемое и осуществляемое»³.

Да, **свобода творчества** — несомненная ценность, непрменный атрибут художественной деятельности. Но она не абсолютна, не беспредельна, реализуется в контексте определенных объективных условий, в известных границах. Это, если можно так выразиться, «несвободная свобода». Так, Н. М. Карамзин **еще** не мог писать так, как Ф. М. До-

¹ См.: *Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы* // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1976. Т. 14.

² *Лихачев Д. С. О «неточности» искусства и несколько мыслей о стилистических направлениях* // Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. С. 69.

³ *Лихачев Д. С. Искусство и наука* // Там же. С. 19.

стоевский, в то время как Достоевский **уже** не мог писать так, как Карамзин. В связи с этим интересно следующее замечание ученого: «Допустим, писатель в известной мере случайно может приняться за тот или иной сюжет, но все же сюжет будет зависеть от его мировоззрения, воображения, склонностей и т. д. Легко может быть выбран тот или иной жанр, но опять-таки в тех пределах, которые возможны в эпохе и для писателя»¹.

И вместе с тем, как зависящее от воли и свободы художника, искусство — сфера неопределенности, осуществляется во многом как бы «по ту сторону» закономерностей. Д. С. Лихачев по этому поводу отмечает, что «надо изучать не законы развития искусства, а ... “беззакония”»². Но «беззакония» тоже чем-то обусловлены. В связи с этим Дмитрий Сергеевич ввел понятие **антизакономерностей**: «Антизакономерности — это своего рода проявление “свободы воли” историко-литературного процесса, писателя и даже его произведений. Всякого рода случайности, нарушающие планомерность и гладкость литературного развития, в некоторой степени подчиняются определенным правилам. В частности, отклонения от нормы, вызванные случаем, не могут происходить в любых размерах. Всякое явление окружено как бы аурой, в которой совершаются случайности и за пределы которой они не могут выходить. Допустим, гениальный писатель может родиться в самой различной среде, но в среде все же своей эпохи»³.

Изучая художественное сознание, Дмитрий Сергеевич отмечает его родственность сознанию **мифологическому**⁴. Мифологическое мышление, как и художественное, также стремится воссоздать целостную структуру реальности. Миф, как и искусство, реализует себя посредством художественных образов. И в мифологии, и в художественном творчестве огромную роль играет бессознательное начало.

Не противопоставление мифа всему остальному знанию, прежде всего научному, а понимание его в качестве необходимого дополнения ко всему корпусу знания, своеобразного обрамления научной истины — вот что, по глубокому убеждению Лихачева, должно иметь место: «Миф — это те схемы и те представления, которые окружают непосредственную данность. В первобытном сознании они насыщенные. Миф огромным слоем окружает данность. В нем непосредственной данности остается очень мало места. В наших современных научных представлениях “упа-

¹ Лихачев Д. С. Закономерности и антизакономерности в литературе // Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. С. 50.

² Лихачев Д. С. Искусство и наука // Там же. С. 21.

³ Лихачев Д. С. Закономерности и антизакономерности в литературе // Там же. С. 49.

⁴ См.: Лихачев Д. С. Что есть истина? // Там же. С. 6–7.

ковка”, в которую укладываются данные непосредственной действительности, занимает сравнительно меньшее место, но без нее наука не может обойтись»¹. Дмитрию Сергеевичу принадлежит и еще одно весьма интересное высказывание: «Любое познание через науку, через искусство, через любое человеческое сознание есть мифологизация. Наука создает мифы, но это совершенно не означает, что она лжет»². Таким образом, мифологизация присуща и первобытному сознанию, и современной науке. Этап мифологизации, по Лихачеву, наступает тогда, когда некая открытая человеком данность должна быть отнесена к определенному кругу явлений, «названа» и обозначена³.

Эта точка зрения Лихачева живо напоминает позицию другого крупного русского ученого — философа Алексея Лосева. Еще в 1930 году в работе «Диалектика мифа»⁴ он показал, что миф универсален, что он представляет собой всеобщую форму сознания, как бы «пропитывающую» все этажи и пласты культуры. Миф понимался им как порождающая смысловая структура мира и космоса, органически входящая во всю целостность человеческого мировосприятия. Не будучи в отдельности ни научной конструкцией, ни художественным образом, ни религиозной целостностью, ни личностным переживанием, миф является одновременно и первым, и вторым, и третьим, и четвертым, неся в себе все характеристики отмеченных форм. Эта переключка голосов двух мыслителей знаменательна. Она говорит об основательности, фундаментальности выдвигаемых ими идей. Говорит она также об общности, универсальности подлинной интуиции.

Миф всеобщ. Хочет того ученый или нет, познавая предмет, он создает и своеобразный миф об этом предмете. Например, мифы о Достоевском К. Леонтьева, Дм. Мережковского, М. Бахтина, З. Фрейда⁵...

Если истина — это некая данность, очевидность, открывающаяся сознанию, то мифы как бы окутывают эту данность эстетической цельностью, заполняют пустоты общей конструкции, внутри которой идет процесс познания, постижения. И чем свободнее это познание, чем оно вариативнее, чем больше в нем случайностей, неожиданностей, тем плотнее охвачено оно дымкой мифологического.

¹ Лихачев Д. С. Что есть истина? // Очерки по философии художественного творчества. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 6.

⁴ См.: Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.

⁵ См.: Леонтьев К. Н. О всемирной любви // Русская идея: сб. произв. русских мыслителей. М., 2002; Мережковский Д. С. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995; Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995.

Вместе с тем необходимо отметить, что завершенность и подлинное проявление истинного и мифологического в произведении искусства, реализация потенциала всех его «случайностей» и «неожиданностей» обеспечиваются только стилем — важнейшим свойством художественного творения. **Стиль — ведущая рабочая категория в искусствоведческом наследии Д. С. Лихачева.** Фактически все свои искусствоведческие идеи он так или иначе связывает с этим понятием.

Ученый размышляет о содержании и роли стиля в искусстве, применяет это понятие, выстраивая сравнительный анализ русской, балканской, византийской культур, использует его как основной структурный компонент в анализе художественной истории. Действительно, стиль — понятие, присутствующее во всех видах, жанрах и формах искусства. Гибкость и чуткость стиля, его реакция на все изменения, происходящие внутри художественного процесса и в окружающей действительности, позволяют считать его наиболее яркой характеристикой явлений художественной культуры.

Говоря о стиле, академик прибегает к определению В. М. Жирмунского: «...понятие стиля означает не только фактическое сосуществование различных приемов, временное или пространственное, а внутреннюю взаимную их обусловленность, органическую или систематическую связь, существующую между отдельными приемами»¹. Главное в стиле, отмечает Лихачев, снова цитируя Жирмунского, — его единство, «самостоятельность и целостность художественной системы», которая направляет восприятие зрителя, так как «стиль суживает художественные потенции произведения искусства» и тем самым облегчает его постижение. Ученый полагает, что «стиль эпохи возникает по преимуществу в те исторические периоды, когда восприятие произведений искусства отличается сравнительной негибкостью, жесткостью, когда оно не стало еще легко приспосабливаться к переменам стиля»². Поэтому «с общим ростом культуры и расширением диапазона восприятия, развитием его гибкости и эстетической терпимости падает значение единых стилей эпохи»³, искусство и художественное восприятие становятся более разнообразными, многогранными, лично ориентированными.

Развивая свою теорию стиля, Дмитрий Сергеевич напоминает, что романский и готический стили, Ренессанс охватывали все виды искус-

¹ Лихачев Д. С. О «неточности» искусства и несколько мыслей о стилистических направлениях // Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. С. 72–73.

² Там же. С. 70–71.

³ Там же. С. 71.

ства, науку и философию. Что касается барокко, то оно, по Лихачеву, может быть признано стилем эпохи с большими ограничениями (многие явления того времени в него не попадают); классицизм, сменивший барокко, не затронул народное искусство; романтизм не коснулся архитектуры; реализм слабо проявляется в музыке, лирике и отсутствует в архитектуре, балете, но зато открывает большую свободу индивидуальному творчеству¹.

Изучая структуру художественного процесса, Д. С. Лихачев выделял в творчестве **макроскопический** и **микроскопический** уровни. Под макроскопическим уровнем подразумевалась область больших закономерностей стиля, объективных, духовных форм, связанных с традицией, сфера стилистических формаций. Микроскопический же уровень — область художественной свободы, пространство субъективности, сфера индивидуального произвола, «творческого хаоса». Он писал: «Творчество облегчается тем, что стиль и содержание искусства не являются устойчивыми, могут изменяться, не поддаются точным законам своего существования. При этом некоторая хаотичность и неустойчивость на макроскопическом уровне <...> и хаос и неустойчивость на микроскопическом уровне (прежде всего в области индивидуального, авторского творчества) различны. Это связано с тем, что, скажем, на макроскопическом уровне индивидуальные стили разрушают стилистические формации, направления. На микроскопическом же уровне эти же стилистические формации и направления разрушают индивидуальные стили»².

Особое значение Лихачев придавал **контрапункту стилей**, то есть их противопоставлению, взаимодействию и сочетанию. Контрапункт — суть многоголосие, полифоническое соединение разных художественных средств. Постигание искусства как многогранного целого через поиск в нем различного и специфичного — одна из главных особенностей методологического подхода ученого. Стремясь к простоте и наглядности при иллюстрации своих воззрений, академик находит яркие примеры сочетания стилей в архитектуре. Соответствующим материалом для размышлений становится английская готика, успевшая за время своего долгого существования соприкоснуться с Ренессансом, барокко, классицизмом и стилем Тюдор. В связи с этим Дмитрий Сергеевич обращается к проблемам эклектики, которую понимает как большей частью «механическое присоединение и соединение различных стиливых элементов. Тем не менее, — замечает он, — эклектизм ни в

¹ См.: Лихачев Д. С. Контрапункт стилей как особенность искусств // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 313.

² Лихачев Д. С. Через хаос к гармонии // Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. С. 92.

кчем случае не следует считать оценочным термином и только отрицательным явлением»¹.

Сегодня эклектика как художественное явление уже реабилитирована в истории искусства. Появились публикации и диссертационные исследования, показывающие закономерность появления и эстетическую ценность эклектической эпохи. Тем более следует отметить, что академик одним из первых указал на продуктивность эклектики, которая освободила, по его словам, искусство от тирании одного стиля и подготовила возникновение модерна. **Д. С. Лихачев предложил новый методологический подход к осмыслению эклектических явлений**, считая, что их «можно рассматривать как системы, находящиеся в неустойчивом равновесии». Если такой системе сообщить небольшой импульс, то это приведет либо к ее полному расстройству в целом, либо к появлению новых стилей². В этой возможности эклектики ученый увидел ее историческое оправдание, ибо эклектизм сохраняет старое для нового.

Особого внимания заслуживают **взгляды Д. С. Лихачева на проблему прогресса в искусстве**. Дмитрий Сергеевич не был сторонником упрощенно-просветительских представлений об однолинейном, поступательном развитии культуры в целом, а тем более — искусства. Он видел и отмечал глубокое своеобразие различных художественных эпох, их своеобразность, несводимость друг к другу, уникальную ауру бытия каждой из них. Он постигал их сложное взаимодействие, слышал и прочитывал их диалог. Более того, ученый считал, что само происхождение искусства — не единовременный акт, в каждую историческую эпоху оно возникает заново: «Искусство возникало длительно. Оно продолжает возникать по сей день. Оно рождается в каждом акте творения произведения искусства, в котором к традиционным явлениям прибавляется нечто новое»³.

Вместе с тем академик был убежден и в существовании неких сквозных прогрессивных линий в развитии искусства, в наличии общих тенденций, единой направленности художественного развития. В этом плане замечательна работа «Прогрессивные линии развития в истории русской литературы»⁴. В число этих прогрессивных линий он включал: постепенное снижение прямолинейной условности, возрастание организованности, возрастание личностного начала, увеличение «сектора

¹ *Лихачев Д. С.* Контрапункт стилей как особенность искусств // Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. С. 87.

² Там же. С. 88.

³ *Лихачев Д. С.* Заметки об истоках искусства // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 5.

⁴ *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 44–86.

свободы», расширение социальной среды, рост гуманистического начала, расширение мирового опыта, расширение и углубление читательским восприятием литературного произведения.

«Раскрепощение личности», возрастание личностного начала в художественном творчестве ученый считал особо важной чертой прогресса. От фольклора и древнерусской литературы, где индивидуальное начало выражено еще очень слабо, через классицизм, романтизм, реализм — к течениям модернистского и авангардистского типа — так прослеживал Лихачев рост личности, индивидуальности в искусстве. Вот что пишет он, например, о резком возрастании авторского стиля в русской литературе XIV и XV веков, в частности об Иване Грозном: «Это в какой-то мере первый писатель, сохраняющий неизменной свою авторскую индивидуальность независимо от того, в каком жанре он писал. Он не считается ни с этикетом власти, ни с этикетом литературы. Его ораторские выступления, дипломатические послания, письма, рассчитанные на многих читателей, и частная переписка с отдельными лицами всюду выявляют сильный, неизменный образ автора: властного, ядовитого, саркастически настроенного, фанатически уверенного в своей правоте, все за всех знающего»¹.

Дмитрий Сергеевич отмечает, что высокой степени достигает индивидуализация в реализме. «Речь действующих лиц становится не только характерной для их социального положения, но и для их индивидуального характера, для их склада мышления. В реализме начинают резко различаться речь автора и речь рассказчика, которому автор передает повествование»².

Особое внимание обращает Д. С. Лихачев и на **«увеличение сектора свободы»**³. В частности, он пишет: «Литературное творчество сочетает необходимость и свободу. Необходимость — это закономерности историко-литературного развития, это традиционные формы, в которых это развитие совершается, — формы, определяемые литературным этикетом и выражающиеся в традиционных идеях, канонах, “окаменевших эпитетах”, “бродячих сюжетах”, традиционных темах, мотивах, образах и т. д. Свобода же в литературном творчестве — это предоставляемые литературой возможности творческого выбора среди этих традиционных средств, тем и идей и возможности создания новых»⁴. От Средневековья к литературе Нового времени прослеживает академик расширение сферы свободного творчества, постепенное разруше-

¹ Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 57.

² Там же. С. 61.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же.

ние жесткой системы правил и регламентаций. При этом ученый постоянно подчеркивает: «Свобода и необходимость не исключают друг друга. Они не могут существовать друг без друга»¹.

Необычайно ценны для искусствоведения размышления ученого о **возрастании гуманистического начала** в литературе, о расширении пространства читательского восприятия.

Все эти закономерности, подчеркивал Д. С. Лихачев, становятся зримыми только в контексте глобально-исторического взгляда на историю искусства: «Надо всегда иметь перед глазами тысячелетнюю перспективу... Это важно для понимания современности и для проникновения в будущее. Завтрашний день продолжит не только сегодняшний, но и вчерашний, и те дни, что были давно. По достоинству оценить современность можно только на фоне веков»².

К сожалению, искусствоведческие труды Дмитрия Сергеевича при его жизни практически не были включены в контекст соответствующей отрасли знания, что можно целиком отнести на счет снобизма искусствоведческого «цеха» науки, обособившегося в процессе дифференциации знания в некую довольно-таки замкнутую касту. В связи с этим его идеям не было суждено стать модными в среде теоретиков искусства.

Однако и в начале XXI века, более чем через 100 лет с момента рождения ученого и через 8 лет после его ухода из жизни, лихачевская концепция искусства выглядит глубокой, основательной и во многом оригинальной.

Удивительная способность Дмитрия Сергеевича охватить единым взглядом всю целостность многовекового исторического художественного наследия, его сосредоточенность на ряде узловых проблем художественного творчества, редкий дар научного предвидения позволили академику не только затронуть многие, до сих пор актуальные, «болевые» точки эстетики и искусствознания, но и во многом определить современное понимание художественного процесса.

¹ Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 66.

² Там же. С. 86.

1.5. О СУЩНОСТИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ*

Природа культурной традиции не была предметом специального анализа Д. С. Лихачева. Однако едва ли не все его теоретическое наследие в той или иной степени связано с этим понятием. В работах ученого проблематика традиций и традиционности нашла свое отражение в размышлениях о культуре и искусстве. И прежде всего — о русской культуре и отечественном искусстве.

В культурологии под традицией понимается способ осуществления преемственности, в котором интегрируются тенденции творческой деятельности прошлого, имеющие значение для современного развития. Понятие традиции получало разные теоретические истолкования в истории, что объясняется их разнообразием¹. Именно благодаря традициям сохраняется богатейший потенциал культуры, достигается живая и естественная связь настоящего и прошлого, становится возможным взаимодействие культурных эпох и ценностей, сохранение ведущих линий в творческой жизни.

Но традиция — это не просто сохранение и передача (трансляция) ценностей. Она предполагает **продуктивный тип связи между культурами, когда старое переходит в новое и активно работает в нем.** Характерное свойство традиции — в ее неоднозначности; она очень пластична, имеет подвижные рамки и способна в одной и той же культуре существовать в разных формах: то как культурная основа циклического повторения элементов жизнедеятельности человеческих сообществ, то как «строительный материал», на основании которого создается новый пласт культуры, либо как критерий, относительно которого оценивается современная культура и др.

Во второй половине XX века гуманитарные науки превращают категорию традиции в едва ли не ведущую в исследовательской проблематике. Ускорение социально-культурного развития, многочисленные кризисы и явления, подобные «молодежной революции», заставляют ученых совершить настоящий прорыв в осмыслении этого феномена, ставя его в оппозицию понятию новации.

* Раздел написан в соавторстве с профессором СПбГУП В. Г. Лукьяновым.

¹ См., например: *Плахов В. Д.* Традиции и общество: опыт философско-социологического исследования. М.: Мысль, 1982.

Сегодня традиция и новация трактуются как диалектически взаимосвязанные противоположности. Считается, что процесс саморазвития культуры происходит в результате непрерывного (а по интенсивности — цикличного) взаимодействия культурных процессов сохранения и изменения (традиции и новации). **Вектор изменения обеспечивает развитие культурной системы, а традиции образуют «коллективную память»** нации, выступая предпосылкой и условием сохранения ее исторической идентичности. Оптимальная модель саморазвития предполагает определенное соотношение этих векторов — с учетом специфики культуры, этапа и проблем ее развития.

Дисбаланс этих тенденций разрушает целостность культурного мира. В частности, доминирование вектора сохранения (в государственной идеологии, культурной политике) искусственно «консервирует» исторически неоправданные нормы, традиции и соответствующие им социальные институты, блокируя тем самым естественные механизмы саморазвития культуры, «растворяет» личность в сверхзначимости целого, лишая ее самоценности. Идеология сохранения общественного целого становится основной целью и ценностью культурного сообщества, а проблематика свободного развития личности отодвигается на второй план. С другой стороны, инновационная модель, наоборот, вносит в социальную и индивидуальную жизнь динамизм, напряженность и нестабильность, «отлучает человека» от надличных смыслов и ценностей, провоцирует конфликтность социальных групп, институтов и государства, личности и общества. Вселяя в человека безграничную веру в его возможности, инновационное мировоззрение (в контексте соответствующей общественной идеологии) лишает человека «тыла», обрекая его на пустоту индивидуального существования¹. Таким образом, крайности опасны.

В условиях нормы традиционный и инновационный векторы культурных процессов взаимодополняют друг друга, компенсируя дефициты и издержки каждого в отдельности. Бинарность культурных оппозиций сохранения и изменения, придавая определенный драматизм культурной жизни, в то же время выступает гарантией устойчивости развития культуры.

Однако это соотношение не является жестко заданным. Циклический характер динамики культурных ориентаций проявляется в формировании исторических периодов, для которых характерно явное преобладание и высокая значимость традиционных ценностей. И наоборот, на иных исторических этапах эти ценности вдруг начинают подвергаться

¹ А в конечном счете, по мнению К. Леви-Строса, и на самоуничтожение. — См.: *Леви-Строс К.* Интервью журналу ЮНЕСКО // Журнал ЮНЕСКО. 1990. № 4.

сомнению, и культура активно генерирует иную систему ценностных координат.

В частности Н. Дж. Смелзер, анализируя американскую культуру, периодами предпочтения традиционных ценностей считает 1920-е, 1950-е и 1970-е годы, в которые явно преобладала консервативная традиция. В 1930-е годы критике были подвергнуты капиталистические символы веры, а в 1960-е годы молодежное движение противопоставило идеалу «американской мечты» (который включал такие ценности, как успех, оптимизм, упорный труд) ценности свободы самовыражения и независимости от общества, государства. В результате появилась новая форма культурного противостояния — контркультура, нормы и ценности которой во многом оказались противоположными основным положениям господствующей культуры¹.

Существует экстравагантная гипотеза, что в условиях общественной стабильности и индивидуального благополучия, совпадающих с бытием культурного целого в режиме оптимальной самоорганизации, количественное соотношение «атомов» изменения и сохранения подчиняется правилам золотого сечения (числовое выражение которого, как известно, близко соотношению $1/3$). Изменение этого соотношения между суммой новаций и традиций в сторону обновления приближает культуру к некоему критическому порогу смены типа культурной системы. В плоскости социально-культурного бытия этот порог можно представить в виде соотношения количества носителей инноваций (в пределе — альтернативных по отношению к данному типу культуры) и количества традиционно ориентированных субъектов культуры, способных принять и усвоить новое. В пользу этой гипотезы свидетельствует множество фактов, в частности судьба различных моделей социального устройства, ряда оригинальных научных идей и художественных концепций и так далее — всем им пришлось ждать до тех пор, пока культура «созреет» и сможет включить их в актуальное пространство своего бытия.

Следовательно, гармоничность «наложения» горизонтов традиции и новации (по существу, определяющих меру слияния в самосознании общества культурных пластов прошлого, настоящего и будущего) оптимизирует культурную динамику, определяет глубину и целостность национальной культуры в пространстве «здесь и теперь». Прошлое «оживает» в настоящем в форме преданий, ценностей, традиций, образа духовных референтов, и чем полнее оно представлено сегодня, тем объемнее и многограннее культура нации, тем осмысленнее ее видение своего будущего (в том числе и в форме национальной идеи). Каждое новое поколение, осуществляя выбор и интерпретацию традиций, выбирает и определяет тем самым свое будущее. При этом обращение к духовным

¹ См.: Смелзер Н. Дж. Социология // Социологические исследования. 1990. № 12. С. 134.

традициям требует немалых усилий — духовность никогда не дается в виде готовой «формулы», которую можно просто усвоить — она должна непрерывно реинтерпретироваться в контексте проблем настоящего и горизонтов будущего.

Огромный материал исследователю данной проблематики дает Петровская эпоха. Наше время характеризуется возрастанием роли духовных факторов развития.

Оппозиционность культурных ориентаций на сохранение и изменение сегодня усиливается в ситуации духовного кризиса (и прежде всего кризиса национально-культурной идентичности, когда в очередной раз встает вопрос: «Что есть мы в сообществе народов?», «Каково наше духовное предназначение во всемирной истории?») — одна из них начинает агрессивно доминировать, провоцируя соответствующую реакцию другой. В частности, после 1917 года баланс сохранения и изменения был нарушен факторами субъективного порядка — насильственным характером государственной культурной политики первых лет советской власти, суть которой сводилась к ликвидации многих традиций русской культуры и соответствующих социальных институтов. И в 1990-е годы наблюдается похожая ситуация — духовный кризис развивается на фоне развала государственной культурной политики, ее концептуальной несостоятельности, отсутствия стратегически выверенных приоритетов как на федеральном, так и на региональном уровнях.

В России основная «зона конфликта» образуется в результате взаимодействия двух центральных для отечественной культуры линий напряжения: с одной стороны, сохранение исторически сложившихся основ и традиций индивидуального и общественного бытия; с другой — изменение культурной модели (через ревизию исторического прошлого, разрушение настоящего, которое нередко воспринимается как «невыносимое» и «постыдное»), как правило, по образцам западной цивилизации.

Следует отметить, что при существенном продвижении в концептуальном понимании роли традиций в культуре, конкретные механизмы реализации этой роли исследованы явно не достаточно и сегодня. Яркие идеи, научные гипотезы при всей их важности для нации не могут подменить живого, конкретного исследования взаимодействия различных временных пластов культуры в ее непосредственном развитии.

Лихачев же провел такое исследование практически на материале тысячелетнего развития российской культуры. Не стремясь создать специальную теорию культурной традиции, Дмитрий Сергеевич тем не менее оперировал этим понятием всякий раз, когда требовалось решить ту или иную научную проблему. И внес в итоге неоценимый вклад в понимание сущности традиции как особого механизма культурной жизни.

Контент-анализ работ Д. С. Лихачева дает основания утверждать, что проблематика традиций рассматривалась им с широких культурологических позиций. Исследователь использовал термины: «национальные традиции»¹, «русские традиции»², «народные традиции»³, «старые традиции»⁴, «древнерусские культурные традиции»⁵, «культурные традиции домонгольской Руси»⁶, «традиции эпохи независимости»⁷, характеризуя культурную жизнь как единое целое в пространстве, времени, жизнедеятельности этноса. Одновременно он в той или иной степени касался отдельных сфер человеческой деятельности, вводя термины, характеризующие такие пласты культуры, как художественная культура («художественные традиции»⁸, «живописная традиция»⁹, «литературная традиция»¹⁰, «архитектурные традиции»¹¹, «садовая традиция»¹² и др.), политическая культура («политические традиции»¹³, «государственные традиции»¹⁴, «традиции великокняжеской власти»¹⁵, «традиции совещательных учреждений»¹⁶ и др.), семейно-бытовая культура («семейные обычаи»¹⁷, «традиционные формы русской народной свадьбы»¹⁸ и др.

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 156.

² Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Там же. С. 264.

³ Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М.: Современник, 1975. С. 204.

⁴ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 263.

⁵ Там же. С. 264.

⁶ Лихачев Д. С. Слово и изображение в Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 33.

⁷ Лихачев Д. С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы. М.: Русский путь, 2004. С. 122.

⁸ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 156.

⁹ Лихачев Д. С. Слово и изображение в Древней Руси // Там же. С. 15.

¹⁰ Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. С. 287.

¹¹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 263.

¹² Лихачев Д. С. Сад и культура России // Там же. С. 220.

¹³ Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. С. 244.

¹⁴ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 92.

¹⁵ Там же. С. 93.

¹⁶ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 193.

¹⁷ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Там же. С. 147.

¹⁸ Там же. С. 150.

Традиции, по Д. С. Лихачеву, играют незаменимую роль в культуре: «...история культуры есть не только история изменений, но и история накопления ценностей, остающихся живыми и действенными элементами культуры в последующем развитии»¹. С точки зрения ученого, творческий потенциал эпохи определяется неразрывным единством традиций и новаций. Так, характеризуя культурную жизнь Руси начала XII века, он подчеркивает: «В этом соединении стремительного движения вперед с сохранением лучших традиций прошлого — основа творческой мощи этого периода»². Традиция, в его понимании, — это одновременно **механизм сохранения культуры, а также элемент культуры и средство ее трансляции**. В качестве традиции могут выступать определенные нормы, ценности, идеи, обычаи, обряды, стили и др. Думается, что ранее процитированное высказывание Дмитрия Сергеевича о том, что культуру необходимо рассматривать «как определенное пространство, сакральное поле, из которого нельзя, как в игре в бирюльки, изъять одну какую-либо часть, не сдвинув остальные»³, в существенной степени относится именно к традициям. Традиции играют особую роль — механизма воспроизводства культуры и в определенной мере необходимого условия ее существования. Поэтому утрата традиции (как весьма значимой части культуры) может привести к деградации культуры. Как утверждал академик, «общее падение культуры непременно наступает при утрате какой-либо одной ее части»⁴.

Если же рассматривать культуру как «куст» традиций (что часто встречается в работах этнографов), то становится понятна их роль «стабилизатора» культуры, некоей основы, фундамента ее динамичного развития. Весьма актуальны в этом плане следующие размышления Лихачева: «Человек — часть общества и часть его истории. Не сохраняя в себе самом память прошлого, он губит часть своей личности. Отрывая себя от национальных, семейных и личных корней, он обрекает себя на преждевременное увядание. А если заболывают беспамятностью целые слои общества? Тогда это неизбежно сказывается и в нравственной области, на их отношениях к семье, детям, родителям и к труду, именно к труду и трудовым традициям»⁵. Слова Д. С. Лихачева тем более справедливы, что именно традиции фактически являются способом фиксации коллективной памяти социальных групп, обеспечивая их самоидентификацию, самоощущенность и преемственность в развитии.

¹ Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 1. С. 26.

² Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. С. 24.

³ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 350.

⁴ Там же.

⁵ Лихачев Д. С. Избранные работы. Т. 2. С. 452.

В истолковании роли традиций в культуре многое зависит от понимания самой ее природы. С точки зрения Дмитрия Сергеевича, **воспроизводство традиции предполагает ее творческое освоение**: «...простое подражание старому не есть следование традиции. Творческое следование традиции предполагает поиск живого в старом, его продолжение, а не механическое подражание иногда отмершему»¹. Действительно, каждое поколение получает от предыдущих определенную совокупность традиций. Однако оно не может воспринимать и усваивать их механически, в готовом виде. В своей деятельности каждое поколение всегда осуществляет, во-первых, выбор из имеющихся традиций (принимая одни традиции или их аспекты и одновременно отвергая другие), а во-вторых, дает их собственную интерпретацию. Именно в связи с этим Д. С. Лихачев и указывает на необходимость творческого освоения традиций.

Вместе с тем, обращаясь к современному состоянию дел, исследователь с горечью констатирует, что в жизни отношение к традициям наших предков подчас далеко от творческого. Например, «долг современных градостроителей перед русской культурой — не разрушать идеальный строй наших городов даже в самом малом, а поддерживать его и творчески развивать. Что же, однако, происходит? Вид на Ильмень из центра Новгорода систематически сужается и загораживается. Вместо того, чтобы снести нелепый дом XIX в., портящий вид на Ильмень на Торговой стороне, за ним построена новая гостиница, еще более загораживающая вид на Ильмень»².

Творческое следование традиции, подлинную традиционность Дмитрий Сергеевич отличал от вульгарной стилизации: «Невозможна также никакая стилизация. Стилизуя, мы убиваем старые памятники, вульгаризуем, а иногда невольно пародируем подлинную красоту»³. В связи с этим он в качестве примера указал на использование одним из ленинградских архитекторов характерного для города элемента — шпиля. Действительно, в Санкт-Петербурге есть три главных шпиля: Петропавловский, Адмиралтейский и на Инженерном (Михайловском) замке. Однако «когда на Московском проспекте появился новый, довольно высокий, но случайный шпиль на обыкновенном жилом доме, семантическая значимость шпилей, отмечавших в городе главные сооружения, уменьшилась. Была разрушена и замечательная идея “Пулковского меридиана” — от Пулковской обсерватории прямо по меридиану шла математически прямая многоверстная магистраль, упиравшаяся в “Адмиралтейскую иглу”. Адмиралтейский шпиль был виден от Пулкова, он мерцал золотом вдали и притягивал к себе взор путника, въезжавшего в Ленинград со стороны Москвы. Теперь этот неповторимый вид пере-

¹ Лихачев Д. С. Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 334.

² Там же. С. 338.

³ Там же. С. 339.

бит стоящим посередине Московского проспекта новым жилым домом со шпилем над ним»¹. Еще один пример, который приводит Лихачев: «Во второй половине XIX в. целый ряд архитекторов вносили элементы старомосковской архитектуры в свои безвкусовые строения: Ропет, Парланд и прочие. Они создали мрачный и тяжелый стиль “Александра III”. Они хотели угодить националистическим вкусам своих заказчиков, а заказчикам хотелось увидеть в Древней Руси то, чего в ней было как раз очень мало: великодержавную помпезность. Неудивительно, что попытки архитекторов времен Александра III резко отталкивали эстетически тонких людей от Древней Руси, а вовсе не привлекали к ней»².

Таким образом, подлинная традиционность, по мысли Д. С. Лихачева, не имеет ничего общего ни с механическим подражанием, ни с вульгарной стилизацией. Само следование традиции оказывается невозможным без ее постоянного творческого обновления, без поиска «живого в старом».

Следует отметить, что **Дмитрий Сергеевич рассматривал культурную традицию не как нечто застывшее, неподвижное, но как явление постоянно развивающееся**. В этом плане представляет интерес обращение ученого к анализу традиций в историческом аспекте. Действительно, история русской культуры дала множество примеров, как утраты, так и возрождения традиций. Для исследователя в этом плане важной страницей развития русской культуры оказалась эпоха татаро-монгольского нашествия. Лихачев подчеркивал, что «в годы, когда под ударами Батыевой рати и последующих нашествий никли и гибли государственные устои, особенно остро встала необходимость сохранения традиций старого русского культурного наследия, государственных традиций эпохи национальной независимости. В национальных традициях, в “старине и пошлине” домонгольской Руси была та сдерживающая сила, которая могла быть противопоставлена разрушительному и тлетворному дыханию чужеземного ига»³.

Обращение Руси к эпохе своей независимости до татаро-монгольского ига — к «своей античности» не было уникальным, специфически русским процессом. Исследователь показывает, что «в поисках опоры для своего культурного возрождения русские, как и другие наиболее передовые народы Европы, обращаются к древности, но к древности не классической (Греция, Рим), а к своей, национальной»⁴. Вот почему «вторая половина XIV — начало XV в., характеризуются повышенным интересом к домонгольской культуре Руси, к старому Киеву, к старым

¹ Лихачев Д. С. Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 339–340.

² Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Там же. С. 184.

³ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Там же. С. 92.

⁴ Там же. С. 101–102.

Владимиру и Суздалью, к старому Новгороду»¹. При этом стремление к возрождению культурных традиций домонгольской Руси охватывает в конце XIV и в XV веке разные сферы жизни общества: зодчество, живопись, литературу, фольклор, общественно-политическую мысль, проявляется в исторической мысли, проникает в официальные теории и т. д.² В связи с этим он отмечает, что, например, «второй сын Дмитрия Донского, Юрий Дмитриевич, строит целый ряд храмов, в архитектуре которых сказываются традиции домонгольского владимирского зодчества... Но обращение ко временам национальной независимости сказывается не только в искусстве. Политическая мысль постоянно обращается к древнему Киеву и к домонгольскому Владимирскому княжеству — к их государственному наследству и политическим традициям»³.

Д. С. Лихачев не ограничивает «стремление к возрождению культурных традиций домонгольской Руси» лишь указанной эпохой. Он подчеркивает непреходящую ценность культуры Древней Руси для любого этапа развития отечественной культуры. Именно в связи с этим он выдвигает **концепцию исторического взаимодействия, диалога временных пластов культур**: культур новых эпох становления Руси–России с культурой Древней Руси. В частности, Дмитрий Сергеевич пишет: «История русской культуры XVIII–XX столетий — это, по существу, постоянный и чрезвычайно интересный диалог русской современности с Древней Русью, диалог иногда далеко не мирный. В ходе этого диалога культура Древней Руси как бы росла, становилась все значительнее и значительнее. Древняя Русь приобретала все большее значение благодаря тому, что росла культура новой России, для которой она становилась все нужнее»⁴. Это в существенной мере относится и к эпохе XIII–XV веков: «древнерусская культура, вливаясь в восточноевропейское Предвозрождение, не утрачивает собственной традиции в подражании иностранным образцам, но, напротив, стремится к возрождению национальной древности»⁵.

Это относится даже к эпохе Петра I: «Традиции древней русской литературы, особенно традиции официального языка, тем не менее не ушли целиком из русской жизни. Они ушли, по преимуществу, из самой литературы, но остались в официальном языке. Сохранилось стремление к официальным обозначениям официальных понятий, к церемониальному обряжению различных постановлений. Сохранились штам-

¹ Лихачев Д. С. Избранные работы. Т. 1. С. 147.

² Лихачев Д. С. Слово и изображение в Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 33.

³ Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. С. 244.

⁴ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 181.

⁵ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Там же. С. 160.

пы в языке официальных выступлений и т. д. Споры из-за слов, выражений, принятых в официальном языке, — все это тоже остатки глубокой древности»¹. Касаясь данной проблематики на материале Санкт-Петербурга, исследователь отмечает, что «замечательным примером продолжения русских традиций в истории русского Петербурга является Благовещенская церковь на Васильевском острове, созданная в середине XVIII в. <...> Древнерусские культурные традиции живут в Петербурге и в письменности, преимущественно старообрядческой, и в музыке, преимущественно церковной, и в русском деревянном зодчестве, потому что в Петербурге строились даже деревянные церкви с восьмигранным шатровым покрытием»².

Представляется, что концепция диалога культур новой Руси–России с культурой Древней Руси — значительный вклад ученого в осмысление роли и значимости последней для отечественной культуры, с одной стороны, а с другой — существенный вклад в разработку концепции культурной преемственности. Действительно, культурная преемственность отнюдь не ограничивается преемственностью традиционализма (то есть стремлением к буквальному воспроизведению культурного наследия в обычае, фольклоре и т. д.). Диалог культур, по Лихачеву, — та форма преемственности, которая обеспечивает наследование и использование культурных ценностей, накопленных нашими предками, способствуя творческой переработке этих ценностей и дальнейшему развитию культуры. Именно диалог культур оказывается наиболее оптимальной формой для поиска «живого в старом», для «его продолжения». Особенно актуальным диалог культур становился в переломные для Отечества периоды развития: именно в это время традиции и традиционные ценности обретают особый смысл, становясь нравственной опорой в поисках путей дальнейшего развития человека, общества, культуры.

Д. С. Лихачев неоднократно в своих трудах обращается к **феномену эволюции традиций**: имеется в виду отмирание пережитков старого, а также зарождение элементов новых традиций. Реконструкция его концепции дает основание утверждать, что ученый рассматривал эволюцию традиций в трех возможных формах.

Во-первых, некоторые традиции, отживая свой век, покидают культуру. Так, анализируя процессы, происходившие в бытовой жизни второй половины XIV века, «в первую очередь в среде господствующего класса и в обстановке города, там, где быт легче всего изменялся, отражая веяния времени»³, он отмечает, что «все более и более отходят в

¹ Лихачев Д. С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы. С. 293.

² Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 264.

³ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Елифания Премудрого // Там же. С. 142.

прошлое языческие верования и обычаи, столь распространенные в XI–XIII вв. Постепенно отмирают и другие пережитки язычества, многие из которых существовали не только в широких народных массах, но и в княжеской среде»¹.

Во-вторых, некоторые традиции, видоизменяясь, обретают новые черты и новую жизнь. Например, рассматривая эволюцию традиций в сфере литературного творчества, Д. С. Лихачев показывает, что «формы традиционности становятся в литературе более совершенными и постепенно теряют свою жесткость»². «...Если в Средние века одним из проявлений традиционности в литературном развитии была связанность этого развития трафаретными, шаблонными формами, то в Новое время шаблон уступает место более сложной традиционности — традиционности осознанного и сознательного освоения всего литературного прошлого. Слепая традиционность литературных форм уступает место осознанному эстетическим представлениям, диктующим поиски новых форм с учетом всего многовекового опыта литературы»³. Поэтому эволюция идет от внешней традиционности к традиционности эстетических представлений и традиционности идейной («вместо “матриц” и литературного этикета в литературе начинает господствовать свободный учет всего многовекового опыта литературы»⁴). А будущее литературы он связывает с «более сложной воспроизводящей традиционностью — традиционностью общей эстетической культуры»⁵.

В-третьих, наряду с процессами отмирания и видоизменения, в культуре постоянно происходят процессы формирования новых традиций. К примеру, исследователь пишет: «В XIV–XV вв. постепенно складывается семейный быт народа с сильной властью отца, с высоким нравственным авторитетом матери, о котором много пишут в посланиях и грамотах XIV и XV вв. <...> Укреплению семьи сопутствует развитие семейных обычаев. Рождения, браки, смерти — все эти внутренне значительные моменты семейной жизни отмечаются, начиная с XIV в., с необыкновенной торжественностью и в княжеской, и в боярской, и в купеческой среде»⁶.

Интенсивное формирование новых традиций — характерная черта эпохи Петра Великого. Д. С. Лихачев показывает, что процесс перехода русской культуры от средневекового типа к типу культуры Нового вре-

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 142.

² Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Там же. С. 83.

³ Там же. С. 67.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Там же. С. 85.

⁶ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 146–148.

мени сопровождался ломкой старых традиций и осознанным формированием новых традиций, поскольку Петр I стремился не только к тому, чтобы «расширить разрыв между Русью и Россией»¹, но и утвердить в сознании современников всю «глубину совершающегося переворота»². В связи с этим закономерным был разрыв со всей средневековой знаковой системой культуры: «изобретение нового русского знамени (перевернутого голландского знамени), перенос столицы, вынос ее за пределы исконно русских земель, демонстративное название ее по-голландски — Санкт-Петербургом, создание новых и, кстати, неудобных в русском климате мундиров войска, насильственное изменение облика высших классов, их одежды, обычаев, внесение в язык иностранной терминологии для всей системы государственной и социальной жизни, изменение характера увеселений, различных “символов и эмблем” и т. д. и т. п.»³.

В центре внимания Д. С. Лихачева оказались **традиции и традиционность в сфере литературы и искусства**. Конечно, первоочередной сферой его интересов была литература, однако в своих трудах он касался проблематики традиций на материале живописи, архитектуры и др. Исследователь отмечает, что «произведения искусства воплощают в себе длительные народные традиции. Они продолжают жить и за пределами своей эпохи. <...> Вот почему “Слово о полку Игореве”, продолжающее жить в сотнях произведений русской литературы XIX и XX веков, мы вправе считать произведением не только древней, но в известной мере и современной литературы. Оно живо и действенно, заражает своей поэтической энергией и воспитывает идейно, учит литературному мастерству и любви к Родине»⁴.

Концепция традиции в сфере литературного творчества раскрывается Лихачевым в контексте его представлений о «сознательном» и «бессознательном» элементах в творческом акте. «Сознательные» элементы при этом определяют индивидуальный творческий облик автора, а «бессознательные» — его принадлежность к национальному литературному процессу: «...к стихийным, бессознательным элементам творчества относятся традиционные элементы, которые не изобретаются заново, но которыми художник пользуется в необходимых случаях, традиционные элементы часто включаются в новые элементы по своеобразной творческой инерции»⁵.

¹ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 182.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. С. 204.

⁵ Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 52.

Под «традиционными элементами», которые задавались в отечественном литературном процессе именно древнерусскими книжниками, стоящими у его истоков, Лихачев прежде всего имеет в виду «литературное “обряжение мира”»¹, стилистические творческие установки, тесно связанные с особенностями национального мировосприятия, «манифестирующие» это мировосприятие: «Торжественные, церемониальные одежды — всегда традиционны, всегда восходят к прошлому. Традиционные приемы, которыми сообщается о тех или иных событиях, — это не только дань уважения к прошлому, но и своеобразный этикет, а писатель в известном роде церемониймейстер, занятый заботой о том, чтобы обо всем было сказано в приличествующих случаю выражениях, чтобы дух событий был понят в своей традиционности. Понять что-либо означало для писателя увидеть в предмете своего повествования какие-то значительные аналогии в прошлом»².

Д. С. Лихачев немало сделал для утверждения в современном научном и читательском обиходе понимания сложности миропонимания в древнерусской литературе. Он указывает на неверное представление о ней, как литературе малоподвижной и однообразной, связывая такую ошибку с неспособностью большинства современных читателей выйти за пределы собственной картины мира, понять особенности мирочувствования наших предков: «Мы просто не видим ее [древнюю русскую литературу], имеем дело с собственными о ней представлениями, из которых часто бессильны вырваться, привыкнув к традициям новой литературы и литературным вкусам Нового времени»³. Это касается и особенностей формирования традиций и следования им. Как отмечает ученый, «древнерусский писатель с непобедимой уверенностью влагал все исторически происшедшее в соответствующие церемониальные формы, создавал разнообразные литературные каноны. <...> Если писатель описывает поступки князя — он подчиняет их княжеским идеалам поведения; если перо его живописует святого — он следует этикету церкви; если он описывает поход врага Руси — он и его подчиняет представлениям своего времени о враге Руси»⁴. Литературный этикет вызывал к жизни особую традиционность литературы: «появление устойчивых стилистических формул, перенос целых отрывков одного произведения в другое, устойчивость образов, символов-метафор, сравнений и т. д.»⁵.

Д. С. Лихачев отмечает **существование множества традиций в древнерусской литературе**: «литературных традиций в древнерусской

¹ Лихачев Д. С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы. С. 48.

² Там же. С. 48–49.

³ Там же. С. 152.

⁴ Лихачев Д. С. Избранные работы. Т. 1. С. 355.

⁵ Там же. С. 358.

литературе — не одна и не две. Их много, они живут рядом — совсем несхожие, контрастируя друг с другом, заставляя читателей перестраиваться каждый раз на новый лад, даже на новую напевную манеру чтения вслух»¹.

Дмитрий Сергеевич обращает внимание на существование жанровых традиций и одновременно на то, что в древнерусской литературе появляется много произведений, «которые трудно отнести к какому-нибудь из прочно сложившихся традиционных жанров»². В связи с этим он отмечает, что «ломка традиционных форм вообще была довольно обычной на Руси»³: «тонкий слой традиционных жанров, перенесенных на Русь из Византии и Болгарии, все время ломался под влиянием острых потребностей действительности»⁴. Количество произведений, возникших под воздействием острых потребностей русской действительности и не укладывающихся в традиционные жанры, по мнению Д. С. Лихачева, постоянно росло. Появлялись исторические повести о тех или иных событиях: «Особенно много исторических повестей возникает в период татаро-монгольского ига»⁵. Эти произведения имели «огромное значение в росте русского национального самосознания, в политическом развитии русского народа»⁶.

Помимо того, Д. С. Лихачев предлагал читателю видеть **динамику эволюции традиций литературного процесса XI–XVII веков**, его движение к современному художественно-литературному творчеству: «Создавая новый стиль, древнерусские авторы не разрушают прежние традиции, а творят как бы основу для новой традиции на основе старых, и создают ее не свободной, а снова жесткой и упрямой, сильно ритмизованной и как бы готовой существовать вечно»⁷. По мнению ученого: «Два явления, на первый взгляд противоположных, характерны для литературы второй половины XV века: усиление в ней чисто литературной занимательности, перестройка традиций именно в этом направлении и усиление интереса к историческим судьбам народов, к историческим проблемам»⁸. Особенно характерна эта «перестройка традиций» для литературного процесса в Московской Руси в XVII веке: «Перед нами полная противоположность тому, чем жила старая литера-

¹ Лихачев Д. С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы. С. 152.

² Лихачев Д. С. Избранные работы. Т. 1. С. 81.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ Там же. Т. 2. С. 22.

⁶ Там же.

⁷ Лихачев Д. С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы. С. 152.

⁸ Там же. С. 152–153.

турная традиция: там — единичный “исторический” герой, здесь — весь человеческий род, обобщенный в безвестном молодце; там — представители самых верхов феодального общества, здесь — герой из его низов, безмянный молодец, бредущий без цели и занятий в “гуньке кабацкой”, в уши которого “шумит разбой”; там — игнорирование быта, здесь — сугубо бытовая обстановка, хотя и изображенная только намеками; там — абстракция, здесь — конкретность, сложная, внутренняя жизнь героя»¹.

Академик утверждает, что «великая новая русская литература родилась не в XVIII веке и не в Петербурге: она явилась вершиной многовекового развития всей русской литературы на всей русской территории. Русской литературе тысяча лет: первые памятники переводной и оригинальной русской литературы появились еще в X в.»². В своих работах он неоднократно проводит **мысль о влиянии традиций древнерусской литературы на литературу XIX–XX веков**. Например, рассматривая творчество Льва Николаевича Толстого в свете традиций древнерусской литературы, он пишет: «В своем *видении* истории Толстой в значительной мере зависел от многовековых традиций русской литературы в изображении нашествия врагов, войн, подвигов полководцев и простых ратников. Именно в этом он не был простым последователем Гердера или Бокля, но был национальным художником, гигантом, выражающим этические взгляды народа, сложившиеся за многие столетия»³. Действительно, в основе мысли Толстого о «соборности» любого патриотического мышления, как «массового», так и «индивидуального» (этим и обусловлено «единство воле» русской армии и ее главнокомандующего Кутузова в толстовской эпосе), лежит этический взгляд на историю — и этот взгляд вполне «древнерусский». «Это видение истории в аспекте той высшей правды, которая в ней заключена, — пишет Лихачев, — своеобразный средневековый “этический оптимизм”. Поэтому и для Толстого бессознательно, невольно остается в сердце закон летописи и исторических произведений Древней Руси: “Не в силе бог, но в правде”. На современном языке это означает: побеждает правый. И победа правого не всегда внешняя, но всегда моральная. Именно эта мысль лежит в основе рассуждений Толстого о том, кто победил в Бородинском сражении»⁴.

¹ Лихачев Д. С. Избранные работы. Т. 3. С. 122.

² Там же. С. 159.

³ Там же. С. 301.

⁴ Там же. С. 312.

Д. С. Лихачев в своих трудах нередко обращался к материалу живописи, сопоставляя, выявляя **параллели в традициях живописи и литературы в русском искусстве**. Так, раскрывая особенности художественного познания мира в древнерусской литературе, он одновременно показал соответствие этих особенностей тому, как познавал мир живописец: «Древнерусский художник, например, изображал здания в относительно уменьшенных размерах. Иногда эти здания оказывались меньше соседних с ними человеческих фигур, иногда уровень с ними, иногда же несколько выше, но незначительно. И это происходило не потому, что древнерусский художник не видел реальной высоты зданий или не умел эти здания изобразить в их реальных пропорциях, а потому, что изображение действительных размеров зданий не входило в его задачи. Он писал людей крупными и на переднем плане, а здания в уменьшенных размерах и на втором плане, ибо человек был для него важнее зданий. Он соотносил размеры изображаемого с тем значением, которое он ему придавал. Он не стремился в своих произведениях создать *иллюзию действительности*. Он изображал ее сущность, ее “смысл”, иногда сокровенный, и при этом так, как он их понимал»¹. И эту «живописную традицию» необходимо учитывать «не только при изучении древнерусской живописи, но и при изучении древнерусской литературы»².

Размышляя об открытии человеческой личности в литературе XVII века, исследователь говорит о возникновении принципиально новых явлений, новаций в изобразительном искусстве, многие из которых затем превратились в традицию. Как он подчеркивает, «в изобразительном искусстве открытие ценности человеческой личности проявляется весьма разнообразно: появляются парсуны (портреты), развивается линейная перспектива, предусматривающая единую индивидуальную точку зрения на изображение, появляются иллюстрации к произведениям демократической литературы с изображением “среднего” человека, зарождается лубок»³.

В работе «Русская культура Нового времени и Древняя Русь»⁴ Д. С. Лихачев отмечает, что с конца XIX века возникло стремление ввести древнерусское искусство в «большое» искусство России. В связи с этим он показывает разные пути возрождения традиций в русском искусстве конца XIX — начала XX века. Во-первых, это было своеобраз-

¹ Лихачев Д. С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы. С. 162.

² Там же.

³ Там же. С. 151.

⁴ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 171–190.

ное возвращение к древнему искусству иконописи в творчестве Врубеля, Васнецова, Нестерова, Рериха. Во-вторых, наметилось стремление присоединиться к тому потоку русского искусства, которое непосредственно продолжало традиционное русское искусство: Рябушкин, Кустодиев, Петров-Водкин испытывают на себе влияние парсунного письма и провинциальных вывесок, глиняной игрушки — их цвета и их «первозданности». Особенно отчетливо возвращение к народной вывеске у Шагала. Был и третий путь воссоединения с традиционным искусством — это путь, открытый авангардом начала XX века. Авангардисты стремились продолжить непосредственность лубочных изданий в своих работах, перенести в свои произведения экспрессию крестьянской и древнерусской иконы, фресок, лубочных картинок, чистоту и яркость красок, отчетливую ясность композиций, выразительность образов. Это хорошо видно на картинах Малевича, Филонова, гравюр Н. Гончаровой. Наметилась и еще одна тенденция — соединения живой традиции и обращения к древнерусской классике в произведениях Петрова-Водкина. Его «Богоматерь — Умиление злых сердец» не только по форме, но и по содержанию становится своего рода классикой русской иконописи¹.

Традиции в русской архитектуре анализируются в работах Дмитрия Сергеевича на материале разных эпох. Например, характеристику Предвозрождение второй половины XIV — начала XV века, исследователь подчеркивает, что «перед нами в русской архитектуре те же попытки возродить национальную старину, что и в других областях культуры: в литературе, живописи, политической жизни, летописании и эпосе»². Возрождение архитектурных форм домонгольской Руси, по мысли Д. С. Лихачева, проявилось в полосе реставраций, которая тянулась в течение всего XV века и захватила собой Ростов, Тверь, Новгород, где восстанавливались «на старой основе»³ архитектурные сооружения эпохи национальной независимости. Возрождение проявлялось в усилении интереса к памятникам владими́ро-суздальского зодчества, когда «Москва училась на памятниках владими́ро-суздальского зодчества строительным приемам»⁴. При этом архитектурная мысль следует политическим идеям своего времени: «В течение всего XV в. московские архитекторы воплощают заветы владими́рского зодчества так же точно, как московские великие князья воплощают в своей политике идеи владими́рского великого княжения»⁵.

¹ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 179.

² Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Там же. С. 141.

³ Там же. С. 140.

⁴ Там же. С. 138.

⁵ Там же.

Особое место в его размышлениях об архитектурной традиции занимает проблематика архитектуры Санкт-Петербурга. С точки зрения Д. С. Лихачева, «Петербург характеризует не просто близость и схожесть с Европой, как это часто трактуют, а именно концентрация особенностей русской культуры. Эта концентрация сделала наш город одним из самых русских среди русских городов. Он самый русский среди русских, и самый европейский среди европейских городов! Поэтому Петербург и не похож ни на один русский и ни на один европейский город»¹. В петербургском зодчестве нашли свое отражение как отечественные традиции, так и традиции других стран. Например, «в Петербурге можно найти и довольно много архитектурных традиций Москвы XVII в., которые продолжены здесь, несмотря на петровские преобразования. Их можно обнаружить в планировке зданий Двенадцати коллегий. “Двенадцать коллегий” — это сеть, анфилада зданий, примыкающих друг к другу по тому типу, как примыкали приказы в Москве. Башня Адмиралтейства с въездной аркой и шпилем над ней напоминают части древнерусского кремля. Старые традиции можно найти даже в сводах Меншиковского дворца: там и псковские, и новгородские своды. Еще одна особенность русских городов, ярко выраженная в Петербурге, — гостиные дворы, характерные для Архангельска, Новгорода, Костромы, Ярославля, Калуги и многих других русских городов. Все они имели солидные торговые центры в виде гостиных дворов»².

Наряду с этим в архитектуре Санкт-Петербурга исследователь отмечает влияние европейских традиций: «Что действительно отличает Петербург от других русских городов — это то, чего не было в русских традициях XVII и предшествующих веков: обилие монументов, властно подчиняющих себе пространство... Роль монументов в Петербурге действительно совершенно новая для России. Русь знала только один вид монументального увенчания событий и людей — церкви и часовни. Здесь, в Петербурге, появилась новая традиция, связанная с европейскими обычаями. Ибо это не только русский, но и европейский город»³. Как отмечает Д. С. Лихачев, монументы «не просто расставлены по городу, а как бы группируют вокруг себя все архитектурное пространство. Это и Медный всадник, и памятник Петру I у Инженерного замка. <...> Памятники А. В. Суворову, М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли у Казанского собора, Александровская колонна, Румянцевский обелиск и другие»⁴. Именно поэтому, с точки зрения исследователя, «это делает Петербург не просто европейским городом, а городом, соеди-

¹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 274.

² Там же. С. 263.

³ Там же. С. 265.

⁴ Там же.

нившим в себе градостроительные и культурные традиции различных европейских стран, в частности допетровской России. Петербург — город общемировых культурных интересов, это отразилось и в его внешнем облике: на берегу Большой Невы стоят египетские сфинксы, китайские ши-цзы и античные вазы. Кстати сказать, это характерная черта не только Петербурга, но и Рима, и Парижа, и Лондона — центров мировой культуры. И это очень важная черта нашего города»¹.

Анализ взглядов Д. С. Лихачева на роль традиций в отечественной культуре от Древней Руси до XX века показывает, что категории традиций и традиционности играют важную роль в исследовании сложных культурных комплексов, в особенности — имеющих многовековую историю. Выявление и обстоятельное изучение традиций и их эволюций — один из самых продуктивных путей к определению самобытности, неповторимого своеобразия различных культур. И в то же время — основа понимания путей их дальнейшего развития. Именно это убедительно продемонстрировал академик на материале отечественной культуры.

Обращение Дмитрия Сергеевича к прошлому, в особенности к сложному диалектическому взаимодействию старого и нового в периоды повышенной активности национально-культурного самосознания, было мотивировано не только познавательным интересом ученого, но и потребностью понять истоки проблем настоящего, выявить ресурсы преодоления современных Лихачеву духовных кризисов.

Достигнутое им понимание духовных традиций России, ее ценностно-нормативных корней может в нашем ближайшем будущем стать мировоззренческой основой корректировки приоритетов национального развития, выработки стратегии собственных преобразований — экономические и политические реформы будут эффективны лишь в той мере, в какой они станут фактом проявления и организационного оформления глубинных черт и пластов национального сознания, отражением сущностных характеристик отечественной культуры как исторически сложившейся целостности. Обращаясь к своим истокам через традиции, культура преодолевает историческую дистанцию, воссоздавая тем самым свою целостность во времени, ибо культура никогда не ограничивается содержанием настоящего, она стремится к охвату всей бесконечности и глубины исторического бытия и самосознания народа.

¹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 266.

1.6. О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ ИСКУССТВА*

Вопрос о происхождении искусства — это вопрос о сущности художественного, то есть о том, чем является художественное творчество для человека, как влияет на его жизнь и какую роль играет в процессе развития общества и культуры. Ибо **именно истоки явления определяют его природу и «проектируют» способы его осуществления.** Отвечая на вопрос об истоках искусства, мы характеризуем и свою эпоху в ее гуманитарном значении, заявляем о том, как мы понимаем феномен «человеческое» — то универсальное синтетическое свойство, которое и является главной целью и неизменной темой художественного творчества. К вопросу происхождения искусства Дмитрий Сергеевич обращается в первую очередь в статьях, опубликованных в сборнике «Очерки по философии художественного творчества»¹ и в книге «Избранные труды по русской и мировой культуре»².

Размышления ученого о происхождении искусства развиваются в русле проблематики, которую можно отнести к разряду наиболее предпочтительных и устойчивых тем в его научной деятельности, фундаментальных по отношению к другим темам. Эта проблематика связана с идеей эволюционности, не всегда акцентируемой, но неизменно присутствующей в текстах Д. С. Лихачева. **Принцип эволюционности** он утверждает уже в первом тезисе своих «Заметок об истоках искусства»: «Происхождение искусства в человеческом обществе нельзя себе представлять как единовременный акт: не было искусства и вдруг стало, пошло развиваться, совершенствоваться!»³ — и не изменяет этому взгляду на протяжении всей научной деятельности.

* Раздел написан в соавторстве с профессором СПбГУП Т. Е. Шехтер.

¹ Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: БЛИЦ, 1999 (1-е изд.: СПб.: БЛИЦ, 1996).

² Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006.

³ Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 5.

В методе академика эволюционная идея проявляется в двух ее аспектах. Во-первых, исследовательская мысль автора развивается как бы внутри эволюционного процесса художественной истории, при этом ни для одного рассматриваемого явления исключения не делается. И чем оно значительнее, тем основательнее, рельефнее оно вводится ученым в историко-художественный контекст, что позволяет обнаружить наиболее существенные свойства этого явления. Во-вторых, каждое рассматриваемое им художественное явление включено в процесс пересекающихся, взаимодействующих смыслов и впечатлений, современных явлению, что позволяет выявить разные ракурсы исследуемого феномена, раскрыть его потенциал в тех или иных условиях его участия в культуре. И в том и в другом случае постоянной категорией выступает **непрерывность**: исследователь говорит о процессе непрерывного развития смысла и формы. «Искусство возникало длительно. Оно продолжает возникать и по сей день»¹, — утверждает Лихачев. В контексте этого подхода **любое явление художественной культуры рассматривается ученым в многомерной динамике**. Именно эти представления определяют самобытность и оригинальность мыслей Дмитрия Сергеевича о происхождении искусства, о природе художественного.

Обратим в связи с этим внимание и на то, что многие идеи Д. С. Лихачева при первом знакомстве представляются уже известными, даже отработанными, во всяком случае — лишенными остроты первого «живого» открытия. Но при их углубленном изучении мы понимаем, что это впечатление «знакомости», привычности обусловлено созвучием идей общей динамике развития художественной культуры, которую мы себе в той или иной степени представляем.

От существующих идей происхождения художественного творчества, предлагаемых другими авторами, концепцию Дмитрия Сергеевича принципиально отличает убежденность в том, что **происхождение искусства — процесс непрерывный, неограниченный каким-либо историческим периодом**: «Оно рождается в каждом акте творения произведения искусства»².

Науке известен достаточно широкий круг теорий, объясняющих истоки художественного творчества. Их авторами нередко выступают археологи, ибо по роду своей деятельности они непосредственно соприкасаются с древнейшими памятниками культуры и изучают условия, в которых эти предметы были созданы. Определяя причины, вызвавшие к жизни те или иные образцы, археологи обычно отталкиваются от их очевидных (магической, символической, адаптации окружа-

¹ Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 5.

² Там же.

ющего мира к действующей системе ценностей) функций¹. Функциональный подход в исследовании происхождения искусства дополняется подходом интерпретационным, при котором источником выводов ученых становится интерпретация смыслового значения древних произведений. И несмотря на то что этот путь зыбок (ведь интерпретируя художественные памятники прошлого, мы рискуем, скорее, выразить себя, экстраполировать свои впечатления на памятник, нежели прочесть его самобытные значения), он до сих пор имеет своих последователей².

Среди наиболее популярных теорий происхождения искусства — биологическая, игровая, магическая концепции³. Биологическая концепция основывается на идее достижения человеком в эпоху верхнего палеолита более высокого уровня развития интеллекта, нежели в предшествующий период, что и позволило ему приступить к созданию памятников искусства⁴. Большой популярностью в свое время пользовалась игровая гипотеза⁵, сторонники которой полагали, что уже самые ранние в истории человечества изображения свидетельствуют о существовании у людей потребности выражать разными способами свое эстетическое отношение к миру и стремление разделить с сородичами свои впечатления. Магическая и мифологическая гипотезы основаны на интерпретации живописи палеолитических пещер, предполагая истоком первобытного искусства магические обряды, для которых (или в ходе которых), по мнению сторонников данной теории, оно и создавалось. Приверженцы этих гипотез рассматривают пещерные рисунки в их совокупности как некую систему знаков, где их взаимосвязь подчинена определенным правилам. А изображения представляют собой символы, требующие расшифровки⁶.

Д. С. Лихачев предлагает принципиально иной подход к осмыслению феномена происхождения художественного творчества. Он считает, что **главной причиной, вызвавшей к жизни художественное творчество в далекие исторические времена и обуславливающей его развитие в наши дни, является ощущение и переживание человеком своей неотделимости от окружающего мира, неизбежной, даже**

¹ См.: *Столяр А. Д.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1985; *Вишняцкий Л. Б.* Введение в преисторию. Кишинев, 2005. С. 372–387; *Фролов Б. А.* Первобытная графика Европы. М., 1992; *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

² См.: *Дэвлет Е. Г.* Альтамира: У истоков искусства. М., 2004; *Филиппов А. К.* Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб., 2004.

³ См.: *Вишняцкий Л. Б.* Указ. соч. С. 372–387.

⁴ Там же. С. 375–378.

⁵ *Гуцин А. С.* Происхождение искусства. Л.; М., 1937. С. 6.

⁶ *Филиппов А. К.* Указ. соч. С. 59–62.

фатальной зависимости от него. Отсюда — размышления о страхе и стремлении человека противостоять хаосу как об источниках художественного. С поразительным умением, отмечает Лихачев, рисовал бизон первобытный художник. Но почему, в самом деле, только бизон, дикий бык, пещерный медведь? Предметы охоты? Но ведь охотились на гусей, уток, перепелов — почему нет их художественных отображений? Нет проса, репы, а ведь все это имело несомненное продовольственное, хозяйственное значение. Изображалось, предполагает ученый, прежде всего то, чего боялись, страшились, что порождало в человеке хаос и смуту. То, что пугало, то хотелось отобразить. Как справиться с тем, что страшит? Один из путей — выразить свои переживания в художественном образе: «Когда пугало обширное пространство русской равнины, человек ставил на самых высоких местах, на крутых берегах рек и даже среди болот высокие церкви. Церкви населяли обширный мир. Это подавляло страх одиночества. Звон колоколов наполнял мир. Нос ладьи корабельщики загибали высоко кверху и вырезали на нем страшлище. Страшное море, страшные волны надо было, в свою очередь, утратить, подняться над волнами»¹.

Пугал мир, пугали просторы, пугала бездонность истории, вселяли страх собственные неподконтрольные душевные состояния. Горе, несчастье, отмечал исследователь, прежде всего, вносит в человеческую душу хаос, возникает психологическая смута, с которой человек часто не может справиться. Тут-то и вступает в свои права искусство, художественный образ. Нет, искусство «не уничтожает горя, оно уничтожает хаотичность душевного состояния горящего человека»².

Один из характерных примеров, которым Лихачев иллюстрирует сказанное, — творчество Достоевского. Великий художник сознательно впускал в свои произведения уродливое, нелепое, чрезмерное в человеке, все, выходящее за пределы нормы. Во-первых, это помогало во всей полноте раскрыть «человеческое подполье», обнажить скрытые глубины человеческой природы, в том числе и самые неприглядные. Во-вторых, давало возможность добраться до глубин хаоса, до самых его корней, но не затем, чтобы «любоваться», эстетически упиваться открывшейся страшной картиной, а чтобы все-таки нащупывать возможные пути к свету и гармонии, в конечном счете, прокладывать человеку дорогу к Божественному.

Истинно человеческое, экзистенциальное понимание призвания, роли искусства, по Лихачеву, — успокаивать, преодолевать тоску, страх, хаос в себе, подавлять бездну, в которую способен погрузиться человек.

¹ Филиппов А. К. Указ. соч. С. 6.

² Там же. С. 8.

В этом отношении Д. С. Лихачев выступает наследником экзистенциальной философии, необыкновенно тонко отразившей мироощущение человека XX века. Ведь феномен страха был осмыслен еще Ясперсом, Хайдеггером и другими и трактовался этой группой мыслителей как **побуждение к подлинному существованию**¹. Страх в контексте экзистенциальной философии — это ни в коей мере не страх физический, но особое метафизическое состояние, потрясающее человека прозрение.

В концепции Лихачева представление о страхе сохраняет свои экзистенциальные характеристики, но не исчерпывается ими. Лихачев не разделяет метафизический страх-озарение и страх как живую реакцию человека на огромность, непредсказуемость и агрессивность (реальную или воображаемую) окружающей среды. А это означает, что Дмитрий Сергеевич ставит вопрос о происхождении искусства в его **нравственно-философском** значении, что представляется чрезвычайно актуальным. В современных условиях подлинно культурную ценность обретают идеи, способные раскрыть явление в его всемирной, всечеловеческой значимости, в его обусловленности природой человека. Именно к такому рангу и принадлежат размышления Лихачева на данную тему.

Но для академика вопрос о происхождении искусства — это вопрос и **экзистенциальный**. Ученые XX века приходят к мысли о том, что именно экзистенциальное состояние сознания, отражающее скрытые, а порой и тайные истоки человеческой природы, является важным основанием художественного творчества. Особый смысл в этом ряду приобретает страх смерти, гибели, трепет перед непредсказуемостью жизни. Человек всегда боялся неожиданной опасности, известных и неизвестных ему врагов; его поражали открывающиеся взору бескрайние просторы, в которых можно потеряться и сгнуться; его охватывал ужас уничтожения, подавления хаосом, агрессией внешней среды. **Оружием против страха могло быть только созидание мира, которое этот страх побеждает, — сотворение мира гармонического. И в этом утверждении — пафос лихачевской концепции происхождения искусства.**

Д. С. Лихачев опосредованно наследует некоторые идеи экзистенциальной философии, включая их в новый контекст миропереживания. Можно сказать, что академик в данном плане принимает опыт экзистенциальной философии, полагавшей истоком и катализатором творческой деятельности в том числе и переживание «пограничной ситуации» в наиболее общем ее выражении — как ситуации между жизнью и смертью со всеми сопутствующими ей страстями и эмоциональными состояниями: страхом, ужасом и духовным трепетом.

¹ См.: *Сартр Ж.-П.* Бытие и Ничто. М., 2000; *Хайдеггер М.* Бытие и время. СПб., 2004; *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М., 1993.

Экзистенциализм видит в страхе нечто фундаментальное и позитивное, воспринимает его как особый тип познания и постижения мира. Ведь страх — это открытие мощи мира в его непостижимости и непонятности, необъяснимости. Страх — реакция на неординарную ситуацию, он возникает, когда человек встречается с тем, что больше него, мощнее, на первый взгляд значительно превосходит его возможности и противостоит ему. Но он не может просто скрыться, отказаться от того, что его пугает: ему жизненно необходимо справиться с ситуацией. Разве это не один из аспектов творчества, в котором неразрывны восхищение жизнью и трепет перед лицом реальности? Разумеется, основа творчества — любовь, стремление к гармонии, к самовыражению и самосознанию человека как субъекта вечности. Но мы не должны забывать о том, что именно определило необходимость в этой жизнеутверждающей гамме переживаний, что жизнь каждого из нас есть, прежде всего, противостояние смерти, отрицанию, забвению — во имя самореализации, исполнения собственного предназначения как удовлетворения важнейшей потребности человека. Окружающий мир агрессивен, но угроза таится и в сознании самого человека, разум которого способен породить чудовища. И потому, к примеру, столь остро чувствующий жизнь Достоевский «боится города, боится человека. Он так отчетливо видит ужас всего происходящего, испытывает такой страх перед собственным ясным видением человека, что ему трудно обмануть самого себя»¹.

Хаос и страх стоят в одном ряду в произведениях Д. С. Лихачева, ибо хаос порождает страх. Хаос в восприятии людей — форма обобщения всего, что человек не понимает в жизни. Несформированность, неопределенность, неупорядоченность явления делает его пугающе непредсказуемым. Именно поэтому по сей день хаос ассоциируется в человеческом сознании с катастрофой или ее возможностью. Хаос в мироощущении людей — едва ли не синоним катастрофического состояния реальности, своего рода антитеза порядку. Страх перед хаосом, понимаемым как антипод гармонии, упорядоченности и определенности мира и жизни человека в нем, — одно из сильнейших переживаний, посещающих людей в критические минуты жизни, в сложные периоды истории, свидетелями которых они становятся. Но страх учит постигать, вернее — вынуждает постигать. Потому что страх — это вызов, призыв попробовать себя, рискнуть и победить.

Пугает то, что превосходит нас физически, или то, что не регулируется, не подчиняется известным нам законам, нормам и правилам. Поэтому вполне естественно человеческое стремление освоить и творчески подчинить этот материал, нейтрализовав его агрессию, и ввести его в «человеческую зону» посредством художественного творчества. Имен-

¹ Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 9.

но так можно объяснить магическое искусство, сконцентрировавшее в себе отношение первобытного человека к неизвестности и его стремление преодолеть неизвестность, «собрав» ее в символический образ, который «поддается» ритуальному воздействию. **Пространство, хаос и одиночество** — все эти факторы переживаются эмоционально через страх. Отношение к ним закодировано в образах первобытного искусства. Самым большим является страх «смерти, безвестности, исчезновения». Потому и насыпались курганы — трудоемкая и тяжелая работа, но зато оставался материальный след человеческого присутствия на земле¹.

На протяжении всей истории человечества искусство преобразует, пересоздает пространство, упорядочивая мир в нашем сознании через пространственные образы. Это готический храм с его вертикальным «ускорением», классический пейзаж с его горизонтальными далями или барокко с концентрированной мощью динамически разработанных пространственных планов — любая эпоха использовала динамику пространственных решений для выражения собственного мировидения.

Но, пишет Лихачев, «когда боль от хаоса становилась особенно затяжной, длительной, а попытки упорядочивания не приводили к заметным результатам, возникала потребность освободить хаос, дать ему волю на некоторое время»². Эта мысль — новый концептуальный ход к пониманию искусства человеком XX века. Ведь **всякое обнаружение хаоса есть в какой-то мере внесение в него упорядоченности**. Обнаружить хаос — уже означает внести в него элементы системы. Авангардистские направления, возникшие в искусстве начала XX века, уже берут хаотическое, безобразное, неупорядоченное как данность, «работают» непосредственно с ним, художественно отображают его (ранний П. Пикассо, кубофутуристы). «Разоблачение красоты» в искусстве XX века связано именно с этим — острым чувствованием уродливого, хаотического, абсурдного в человеческом мире, всего того, что так активно вошло в жизнь современного человека.

«Пикассо впускал хаос в свои произведения и стремился найти в хаосе какую-то свою хаотическую оправданность... Вот это-то и пугает зрителей»³, — пишет ученый. Преодолевая страх, искусство стремится создать безопасную модель мира, считает он. Но когда возникают, как говорит Лихачев, «кубизмы», «антистихи», «антитеатр», театр абсурда и тому подобное, искусство начинает пугать так же, как пугает сама действительность⁴. И это, по его мнению, недопустимо. «Искусство борется не просто с хаосом, ибо и хаос в какой-то мере есть форма

¹ Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 6.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 10.

существования мира, а с хаотичностью»¹, оно борется «с бесформенностью и бессодержательностью мира»². Преодоление не должно вести к уничтожению, ведь даже уничтожение смерти, говорит исследователь, начинает страшить так, как страшит действительность. И правда, если уничтожить неизвестность, то что останется за пределами бытия?

Страх смерти и страх-озарение, трепет перед могуществом и неизведанностью Вселенной, перед непредсказуемостью действительности — неизбежная составляющая каждой человеческой жизни, любого этапа развития культуры. Восхищение красотой мира, потребность преодоления хаоса и стремление прийти к гармоничному пониманию бытия наследуются поколениями людей и определяют их научную и творческую деятельность в веках. Мысль Лихачева о том, что происхождение искусства — не ограниченный во времени длительный исторический акт, а, фактически, нескончаемый процесс, подтверждается всей историей культуры. Действительно, каждая эпоха имеет собственные причины художественного творчества и раскрывает перед нами совершенно новую картину художественного, в которой мы встречаемся с иными творческими принципами, идеями, поисками и образным мышлением, нежели до сих пор. Причем это обновление затрагивает все основания и компоненты искусства от эстетических идей и их философской обеспеченности до стилистического своеобразия и конкретной проработки произведения. Смена установок, убеждений, стилей в основе своей содержит изменение взгляда на то, что такое искусство. Значит, мы можем сказать, что каждая эпоха рождает искусство заново таким, каким оно необходимо именно ей, оставляя от прошлой художественной культуры лишь то, что данная эпоха еще не готова подвергнуть изменению. И это с удивительной простотой поясняет нам Лихачев. Такая динамика искусства — не процесс совершенствования, утверждает ученый, а именно новое его рождение, осуществляемое в каждую следующую эпоху. «Происхождение искусства приближается к процессу его совершенствования, но не сливается с ним»³, — подчеркивает Дмитрий Сергеевич. Художественное творчество при новом рождении не утрачивает свой прежний опыт. Показательным примером в этом случае является модернизм XX века, который заявляет о полном отказе от традиций, но даже в крайних проявлениях он обнаруживает очевидную связь с предшествующим искусством, на что не раз обращали внимание его исследователи.

Несмотря на несомненную преемственность, перед нами все же совершенно новое искусство, непохожее на то, которому оно во многом обязано своим появлением. Это справедливо и в случае этапных изменений художественного процесса, смены исторических эпох, и даже тогда, когда

¹ Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 9.

² Там же.

³ Там же. С. 5.

речь идет о творчестве одного автора. Ибо способность к рождению в каждом произведении заново есть признак и критерий подлинного творчества.

Продолжая свои размышления о происхождении искусства, Лихачев говорит о том, что именно в преодолении хаоса **искусство создавало себя концептуально, строило свои модели мира, то есть структурировало себя содержательно и формально**. Как же это происходило? «Искусство подчиняло мир или части мира определенной композиционной системе, населяло окружающее идеями там, где их без искусства нельзя было заметить, обнаружить, открыть»¹. Так от темы происхождения искусства Лихачев переходит к рассуждению об искусстве как о естественном и необходимом дополнении реального мира, как о способе проявления этого мира, обнажения его сути и образа. А это значит, что **Дмитрий Сергеевич понимает художественное творчество как объективно заданный вид деятельности, обеспечивающий взаимодействие и развитие человека и мира**.

Искусство выполняет гармонизирующую функцию по отношению к миру и побуждает к творческому взаимодействию человека и окружающей его действительность. Но это еще не все: «...Организирующая сила искусства направлена, разумеется, не только на внешний мир, — читаем у Лихачева. — Упорядочивание касается и внутренней жизни человека»².

Лихачев показывает, что искусство «преодолевают» мир не только физическим путем — созданием высоких церквей-маяков и тому подобному, но и «введением вызванной этими широкими просторами душевной смятенности в определенные эстетические формы»³, что чрезвычайно ощутимо в теме разлуки, тоски в русских песнях, которые пронизывают вокальную лирику, поэтическое творчество на Руси. «Темы разлуки, — замечает Лихачев, — стали почти что национальными темами русского искусства»⁴. Осмысливая эти состояния эстетически, искусство «снимает» их, освобождая от них человека.

Итак, **художественное творчество сообщает миру упорядоченность, организованность, гармонию**, ибо памятники искусства — это попытки «внесения системы в бессистемный мир»⁵, говорит Лихачев, однако художественное творчество наделяет мир «**упорядоченным беспокоеством**», ибо «в искусстве есть вечная неудовлетворенность миром и... самим собой»⁶. В этом и состоит неопределимое значение искусства для развития и совершенствования человека, общества и культуры на протяжении всей истории человечества.

¹ Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 7.

² Там же.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Там же. С. 12.

1.7. РУССКОЕ ПРЕДВОЗРОЖДЕНИЕ*

В своих работах Д. С. Лихачев глубоко и убедительно обосновывал **европейский статус русского искусства**. Однако каждая европейская культура имеет свои особенности, свою историю. Лихачев отмечает, что **«у каждой культуры и у каждого культурного народа есть своя миссия в истории, своя идея»¹**. Есть она и у русской культуры.

Например, не секрет, что весь мир почитает творчество Толстого и Достоевского. Их произведения открывают русскую ментальность, в которой получают своеобразное преломление общеевропейские свойства личности. Своеобразие русского характера, как и русской культуры в целом, очевидно и поражает воображение европейского читателя. Деятельному индивидуализму, активному и рациональному отношению к внешнему миру, отличающему Западную цивилизацию, Россия противопоставила другой тип творческого проявления — работу «внутреннюю», духовное строительство.

В основе размышлений Дмитрия Сергеевича Лихачева об искусстве лежит осмысление специфических особенностей того удивительного явления, которое принято называть «духом русской культуры». Что же такое — этот «дух», который в сказках «пахнет», в произведениях искусства впечатляет неповторимостью и характерной определенностью, а образам соотечественников сообщает некоторую «загадочность», воспринимаемую как атрибутивное свойство «славянской души»? Читая Лихачева, мы приходим к мысли о том, что этим понятием выражается комплекс смыслов, проистекающий из глубинных истоков культуры и определяющий историческое предназначение народа. Сложность и целостность, глубина и открытость, национальная определенность и способность интегрировать опыт других народов придают специфическую окраску русской культуре и составляют ее «особость» и полноту.

В начале XXI века вновь обрел актуальность **вопрос о периодизации развития русского искусства**. Особый интерес вызывает художественное творчество Древней Руси, что связано не только с повышенным интересом к художественному наследию в современной науке, но

* Раздел написан в соавторстве с профессором СПбГУП Т. Е. Шехтер.

¹ *Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 365.*

и с тем, что художники в наше время, работая над оформлением церковных и иных интерьеров и поиском оригинальных методик в современной живописи, все чаще обращаются к традициям русского искусства, к его истокам. Периодизация в данном случае, как это часто бывает в науке, — вопрос вовсе не схоластический, и даже не столько теоретический, сколько связанный с сутью явления, с его осмыслением.

По сей день не существует единого принципа выявления этапов развития древнерусской художественной культуры и единой точки зрения на их содержание.

Существовавшая в XX веке традиция определения «общего знаменателя» разных культур, как и стремление к непротиворечивости концепций структурно-исторического содержания, побуждали исследователей рассматривать русскую культуру в соответствии с устоявшимся в западном и российском искусствознании представлением об основных периодах художественной истории. Отсюда — настойчивый поиск своего, русского Возрождения в художественном наследии Древней Руси. Действительно, трудно было смириться с мыслью, что столь яркое и значительное для судьбы Европы явление состоялось без отечественного участия. Возможно, исследователи испытывали чрезмерное доверие к сложившейся в историографии Западной Европы схеме, по которой Средние века должны были обязательно завершиться Ренессансом.

Д. С. Лихачев предлагает яркую и оригинальную версию русской художественной истории. Нет, в России не было Ренессанса, говорит он, но было Предвозрождение, имевшее для отечественной культуры определяющее значение. В работе «Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого»¹ академик обосновывает историко-художественную концепцию, которая вносит серьезные изменения в культурную карту Европы XIV–XV веков, расширяя и уточняя географию предренессансных преобразований, охвативших в это время христианский мир. Заслуга Дмитрия Сергеевича — не только в том, что он убедительно вводит Россию XIV–XV веков в контекст европейского исторического движения. Рассматривая эту эпоху внимательнейшим образом, он убедительно показывает, в чем заключается существо данного культурно-исторического этапа и каково его значение не только для России, но и для стран Восточной Европы. **Введение в научный оборот понятия «русское Предвозрождение»** позволяет Лихачеву объяснить ряд феноменов, не получивших до него должного рассмотрения, и выявить особенности влияний и взаимодействий, характеризующих Россию и Запад эпохи ренессансного обновления.

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 87–163.

К размышлениям о русской культуре XIV–XV веков ученый приступает с исторического сопоставления. Он замечает, что XIV век — Предвозрождение — это эпоха интенсивного формирования национальных культур по всей Европе, время роста национального самосознания, что было показательным для периода нарождающегося гуманизма¹. Подобные процессы, замечает он, протекали в Италии, Франции, Англии. Точно так же и в России идет формирование национальной русской культуры, крепнет единство русского языка, растет интерес к родной истории. Это сопоставление позволяет ученому прийти к выводу о самобытном и значимом для развития России периоде, являвшемся по основным своим признакам Предвозрождением, который, однако, не вырастает в русское Возрождение. Лихачев объясняет этот факт социально-экономическими причинами, но, добавим мы, дело еще и в том, что Россия обретает существенно иной путь духовного развития, нежели Западная Европа.

Какие **специфические черты Предвозрождения** отмечает ученый? Главное его отличие от Возрождения заключалось в том, что оно развивалось в русле религиозного сознания, было связано с позднеготическим мистицизмом, с позднеготической эмоциональностью и экспрессивностью: «Это движение еще не противостоит Средневековью. Религиозное начало не отодвигается на второй план, как это было в западноевропейском Возрождении. Напротив, Предвозрождение развивается в пределах религиозной мысли и религиозной культуры»². Русское Предвозрождение, отмечает Дмитрий Сергеевич далее, «также полно интереса к античной и эллинистической культуре, носит уже отчетливо выраженный “ученый” характер и связано в Византии с филологическими студиями»³.

Широчайшая эрудиция академика Лихачева позволяет ему иллюстрировать свои идеи на материале событий той эпохи, истории архитектуры, изобразительного искусства, литературы, богословия. Он отмечает, что Россию в этот период нельзя рассматривать отдельно от Византии и балканских стран. «Эпоха конца XIV — начала XV в., — замечает он, — представляет собой определенное культурное единство. Единство явлений в области литературы, искусства, философско-богословской мысли... позволяет говорить не об отдельных направлениях в искусстве, в литературе и в философско-богословской мысли, а о едином восточноевропейском движении», которое Д. С. Лихачев определяет как восточноевропейское Предвозрождение, охватившее Византию,

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 96.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 153–154.

Болгарию, Сербию, Россию, Кавказ и даже, в какой-то степени, Малую Азию¹. При этом он подчеркивает, что Предвозрождение — это мощный блок европейской культуры, равновесный развивающемуся на Западе Ренессансу. **При всем своеобразии восточноевропейского Предвозрождения оно имеет много общих признаков с западноевропейской культурой Возрождения.** На эти признаки и указывает Д. С. Лихачев, выделяя прежде всего **обращение к своим культурным истокам и открытие личности (индивидуальности) в обыденной жизни и в высокой культуре.**

Если основанием итальянского Возрождения явилась унаследованная и открытая вновь римская, а затем и греческая древность, то в России в качестве такого основания выступают свои национальные памятники и национальная история. Ученый показывает, что «своей античностью» для русских стали древние Киев, Владимир, Новгород, а также произведения XI–XII веков, которые в эпоху Предвозрождения пользуются повышенным вниманием. Д. С. Лихачев отмечает в связи с этим «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона, «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» и другие тексты домонгольской поры, получившие отражение в произведениях XIV–XV веков. Русская культура этого времени «несет в себе, с одной стороны, черты уравновешенной, уверенной в себе древней культуры... а с другой — поражает гибким подчинением насущным задачам своего времени»².

Особое внимание в характеристике русского Предвозрождения Д. С. Лихачев уделяет взаимодействию России с Византией и южнославянскими странами — Болгарией и Сербией. Он полагает, что исследование этого взаимодействия может в будущем пролить свет на многие особенности развития этих стран, пока еще не поддающиеся объяснению. В эти годы существовали целые колонии русских в Константинополе и на Афоне, а греки, болгары, сербы нередко переселялись в Москву, Новгород и другие города России. Ученый отмечает, что среди выходцев из южнославянских стран были и выдающиеся писатели, оказавшие заметное влияние на развитие русской литературы.

Но, с другой стороны, русская образованность развивалась так быстро, что вскоре, в свою очередь, начала оказывать влияние на южнославянские страны. Академик цитирует Константина Костенческого, который в своем сочинении о правописании называет русский язык «красивейшим и тончайшим», что, несомненно, говорит не только о понимании русского языка, но и о высокой оценке его как эстетического

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Елифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 153–154.

² Там же. С. 102–103.

феномена. Столь же высокую оценку, полагает ученый, встречала и южнославянская письменность в России, иначе как объяснить тот факт, что шрифт и орнамент рукописей нередко создавался в южнославянских традициях? Или что особый литературный стиль «плетения словес», сложившийся в Болгарии, проникает в русскую литературу и сохраняется в русской словесности до XVII века?

Рассматривая сложные основания русского Предвозрождения, академик на обширном материале показывает, что **южнославянское влияние** тесно переплеталось с влиянием византийским, которое осуществлялось как опосредованно (через южнославянскую культуру), так и непосредственно¹. Византийское влияние было особенно обширным и коснулось разных областей русской культуры. Д. С. Лихачев отмечает его роль в орфографии, словообразовании, в графике рукописи. Однако ученый считает, что для письменности в это время ведущим было южнославянское влияние, и Византия воспринималась как его часть. Для живописи же на первом месте стояло византийское влияние, и в этом случае южнославянское воздействие выступает как часть византийского.

Здесь имеет смысл вместе с Дмитрием Сергеевичем обратиться к мощному взлету живописного искусства на Руси в этот период, который, с его точки зрения, в значительной мере поддерживался византийской традицией: «связь русской живописи с “палеологовским ренессансом” была настолько широкой, — отмечает он, — что значительно труднее найти памятник русской живописи второй половины XIV — начала XV в., в котором эта связь не могла бы быть отмечена, чем наоборот»². Особенно наглядно, считает академик Лихачев, эта связь проявляется в новгородской монументальной живописи XIV века³, отразившей «мистическое озарение, экстаз, сильные душевные движения, чувство благоговения и непосредственной связи с Богом», что «столь же отчетливо сказывается в темах “палеологовского” стиля живописи»⁴. Помимо византийского влияния, Д. С. Лихачев указывает на сербское воздействие, заметное в русской живописи.

В свою очередь русское искусство повлияло на развитие художественной культуры южнославянских стран, что еще раз подтверждает идею Лихачева о единой предвозрожденческой культуре южнославянского региона. Этому способствовало культурное общение греков и славян в XIV–XV веках. Ученый называет центры, в которых оно осуществлялось, — прежде всего, Афон, Константинополь и монастыри Бол-

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 106.

² Там же. С. 109.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 130.

гории (по мнению академика Лихачева, именно Болгарии принадлежит особая роль в трансляции греческого влияния в Сербию и Россию).

Д. С. Лихачев уделяет внимание и «абстрактному психологизму», которым, по его мнению, отмечены литература и живопись этого времени¹. Что же означает этот «абстрактный психологизм», который проявляется, в частности, во внутреннем динамизме персонажей фресок, ранее не свойственном русской живописи? Очевидно, ученый имеет в виду обобщенную психологическую характеристику персонажей, которая не индивидуализирована, например, в творчестве Феофана Грека, но тем не менее ярко представляет внутреннее состояние его героев.

Характеризуя живописное мастерство и выразительность образов этого художника, Дмитрий Сергеевич приводит пространную цитату из текста знаменитого исследователя византийского искусства В. Н. Лазарева. Особо интересен в ней момент, раскрывающий различие Предвозрождения в России и на Западе (сходные признаки, выявленные Лихачевым, мы отмечали ранее). Размышляя о знаменитых бликах Феофана Грека, Лазарев замечает, что «их нельзя сравнивать с тречентистской светотеневой моделировкой, в которой распределение света и тени подчинено строгой закономерности»². В этом замечании Лазарева, разумеется, не случайно выбранном Лихачевым, **вскрывается принципиальное различие двух Предвозрождений — западного и русского**, ибо одно из них ищет гармонии, опираясь на «строгие закономерности», а другое — на «глубокую внутреннюю логику», подчиненную выражению духовного состояния персонажей. Потому академик считает, что Феофан Грек встретился в России с задачами, неизвестными ему на родине. В силу своего образования и одаренности, личных интересов (художник был связан с еретическими и мистическими движениями XIV столетия) он сумел совместить созерцательность и ученую философичность византийской культуры и безраздельность эмоционального переживания, отличающего русскую культуру той эпохи. «Мне представляется, что правы те, кто видит определенную связь между мистическими течениями общественной мысли XIV в. на Балканах и новыми явлениями в области живописи», — пишет Лихачев³.

Итак, Феофан Грек, с точки зрения Дмитрия Сергеевича, — первый мастер, отразивший полноту духовного и художественного поиска России XIV века, а это значит, что он был одним из первых, в чьих индивидуальных качествах и творчестве проявилась **идея личности русского Предвозрождения — второй (после обращения к культурному на-**

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 113.

² Там же. С. 114.

³ Там же. С. 128.

следию) признак этой эпохи. «Феофан Грек — это художник-интеллектуал, “философ зело хитрый”, как называет его Епифаний Премудрый»¹. В работах Феофана Грека зрителю открывается процесс духовного восхождения, поражающий интенсивностью и глубиной внутренней жизни персонажей.

Интересно отметить, что итальянское Возрождение начинало с антропологического открытия человека, с интереса к пропорциям человеческого тела, его индивидуальным особенностям. Внимание привлекают и специфические черты внешности, заботливо выписываемые живописцем (феррарский портрет — наглядное тому подтверждение). В России же гуманистическое постижение личности предполагает прежде всего духовно-нравственный аспект.

Если Петрарка и Данте открыли итальянское Возрождение, поразив современников новым видением человека, то в России подобную роль выполнили Сергей Радонежский, его окружение и ученики. Именно Радонежскому принадлежит утверждение новой идеи личности, отражающей гуманистический дух русского Предвозрождения, которое было столь непохоже на западное, хотя во многом с ним перекликалось. Итальянский гуманизм наделяет человека земным могуществом, огромной творческой силой, открывает в нем силу и величие духа, широкий диапазон возможностей. Он настаивает на преодолении человеком церковных представлений о собственном ничтожестве: человек должен научиться уважать себя.

Главный смысл идеи человека в русском Предвозрождении, связанной, прежде всего, с именем Сергия Радонежского, заключался в обожении человека и мира, то есть в возвышении человека, в признании его духовного величия². Эта идея генетически связана с идеей исихастов, утверждавших, что человек может созерцать «нетварный» (божественный) свет. Но Сергей Радонежский не мог знать о богословских спорах и дискуссиях исихастов. Он самостоятельно приходит к этой идее, имеющей в те времена действительно революционное значение. В ней воплотилась глубокая вера в неиссякаемые возможности человека, выраженная в стилистике мышления того времени.

Д. С. Лихачев отмечает смягчение нравов в эту эпоху, что связывает с воздействием церкви, оживлением деятельности монастырей, ведь в церковных наставлениях говорилось, что «невежество злее согрешения» (сравним эту мысль с идеями итальянских гуманистов). Растет значе-

¹ Языкова И. К. Богословие иконы. М., 1994. С. 118.

² О Сергии Радонежском см.: Борисов Н. С. «И свеча бы не угасла...». М.: Мол. гвардия, 1990; Он же. Сергей Радонежский. М.: Мол. гвардия, 2003; Скрынников Р. Г. Крест и корона. СПб.: Искусство-СПб., 2000; Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М.: Моск. рабочий, 1990.

ние человеческой личности и в быту, начинает индивидуализироваться творчество писателей, художников, появляются первые писатели-профессионалы, каким был Пахомий Логофет¹. Важным явлением для эпохи становится дружба, и Дмитрий Сергеевич пишет о дружбе, связывающей Епифания Премудрого и Феофана Грека, Сергия Радонежского и Стефана Пермского, Андрея Рублева и Даниила Черного. Обновляются семейные отношения, эпоха отмечена особой заботой о семье. На этом фоне развиваются семейные обычаи, и начиная с XIV века на Руси с необыкновенной торжественностью отмечаются все значительные события семейной жизни. Изменяется и облик людей — ученый полагает, что обычаи западной моды не были редкостью на Руси.

С точки зрения Д. С. Лихачева, в искусстве осознание ценности личности выражается чаще всего в косвенных признаках. Одним из них является проникновение в русскую живопись (как и в архитектуру) пейзажа: «Авторы эпохи Предвозрождения... научили любоваться закатами и восходами солнца, расцветающей весенней природой, слушать птиц и наблюдать зверей»².

Самые яркие особенности отечественной культуры проявились, прежде всего, в уникальном феномене, созданном на русской почве и воплотившем основные свойства русской духовности, — **в иконе**. Лихачев размышляет об иконе даже не столько как о явлении искусства, сколько как об особом модусе отечественной культуры, может быть, наиболее явно и концентрированно выражающем ее самобытность. Именно икона со всей наглядностью и убедительностью отразила отношение русской культуры к личности и духовное единение православного люда в вере, которое на Руси величалось **соборностью**.

Исследователи русской иконы отмечают, что важнейшей ее особенностью является то, что она обращена не просто к человеку, а представляет собой откровение веры³, воплощенное в ее специфической философии, объединяющей мир земной и мир небесный как две взаимопроницающие ипостаси, в ее художественном языке, который сопрягает эти миры, разворачивая изображение в «обратной» перспективе, обращенной, скорее, к духу, «внутреннему оку», нежели к глазу. Условность изображения святого или события сообщала ему вневременность, универсально-исторический и обобщенный нравственно-психологический смысл. Проявление универсальности художественного сознания Древней Руси сочеталось с ярким личностным потенциалом ее искусства,

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 143–145.

² Там же. С. 145.

³ См.: Лепяхин В. Икона и иконичность. СПб.: Успенское подворье Оптиной пустыни, 2002. С. 57.

представленным самобытными оригинальными литературными авторами, архитекторами, живописцами. Иконопись по сей день воспринимается как воплощение гуманитарных идеалов, нравственного кодекса древнерусской культуры и как высшая точка личностного проявления творческого гения в условиях Древней Руси.

Личность иконы выражается в глубинной психологичности ее образов, в неповторимости и самобытности творческого переживания евангельского сюжета каждым талантливым мастером. **Свобода** же, подобная той, которая отличает искусство Западной Европы в преренессансный и ренессансный периоды, выражается в индивидуальной трактовке и живой интерпретации иконописцами канонических художественных требований к изображению событий и персонажей в иконе.

Важнейшее свойство иконы — ее психологическое содержание, ведь в ней изобразительное искусство на Руси впервые обратилось к внутреннему миру человека. Именно икона открывает новые для искусства Европы душевные состояния — нравственную доблесть, сострадание, жертвенную любовь, трагическую скорбь, радостное ликование. Особенностью иконы стало то, что в ней человек воспринимался в его соразмерности Вселенной, вливался в общий контекст мироздания — Божественный замысел. С другой стороны, в художественной культуре русского Средневековья перед нами разворачивается процесс становления чувствительной и чуткой, душевно открытой и способной к духовной концентрации личности, в системе ценностей которой милосердие и сострадание, любовь к ближнему и духовное единение.

Но горний мир, сюжеты и образы которого определяли содержание иконы, — это область высших смыслов, феноменальной представленности истины, любви, добра и красоты, которые не могут получить прямого отражения в человеческом творчестве и не могут быть восприняты во всей их полноте человеческим сознанием и человеческими чувствами. Для их воплощения икона и создает свой **художественный язык**, раскрывающий содержание при помощи логики структурно-смысловых зависимостей, символизирующих Богоданный мир: «Ибо на иконе изображается не природа, а Ипостась»¹. Кроме того, икона — неотъемлемый компонент литургического образа, создаваемого всем процессом богослужения в храме. Литургия же — это ритуал, позволяющий человеку восходить к созерцанию вневременного мира, испытывая при этом духовное озарение и очищение. Во время литургии верующий человек переживает мистическую трансформацию и открывает для себя сверхчувственную реальность, которую икона «не только изображает в линиях и красках <...> но являет ее»², ибо она есть видимое свидетельство о

¹ Лепяхин В. Указ. соч. С. 26.

² Там же. С. 58–59.

невидимом, пребывает на границе двух миров и сама является этой границей.

Таким образом, мистические смыслы и реализм миропереживания неразрывно слиты в иконном изображении. Ведь «вера есть вхождение человека в двуединое богочеловеческое бытие, осознание и признание себя частью не только видимого, но и невидимого мира»¹. Именно это качество иконы и выделяет в контексте своего исследования Дмитрий Сергеевич, выбрав среди живописцев, прославившихся на Руси, двух, чрезвычайно тонко понимавших данное свойство иконного образа: Феофана Грека и Андрея Рублева. На анализе их творчества Лихачев показывает личностное присутствие в иконе и русской культуре в целом. Академик раскрывает высоту духовного подвига как победы над собой в творчестве Феофана Грека и торжество божественной гармонии как абсолютного единения человека и мира в живописи Андрея Рублева. Интеллектуализм и бездонность символических образов (Андрей Рублев) и страстность веры, восторг постижения божества, который граничит с самозабвением (Феофан Грек), неразрывны в русской культуре и во многом определяют ее самобытность.

Если говорить о мере свободы иконописца, подтверждая идею Лихачева о присутствии в русской культуре основных признаков европейского искусства, то прекрасным примером может быть знаменитая «Троица» Андрея Рублева, в которой живописно представлена догматическая антиномия, имеющая определяющее значение для выражения веры: Троица в Единице и Единица в Троице. Воистину, Бог един в трех лицах — может воскликнуть верующий перед этой иконой. Именно поэтому «Троица», созданная Рублевым по старому канону, сама становится новым каноном по постановлению Стоглава. Это означало, что теперь рублевская композиция будет воспроизводиться и интерпретироваться разными мастерами на Руси. Таким образом, русская икона не только не тормозила развитие творчества, но вдохновляла на новый поиск, и канон был вовсе не оковами для искусства, а способом проявления его свободы. Павел Флоренский пишет: «Канонические формы во всех отраслях искусства всегда были только оселком, на котором ломались ничтожества и заострялись настоящие дарования. Подымая на высоту, достигнутую человечеством, каноническая форма высвобождает творческую энергию художника к новым достижениям...»². Флоренский называет канон «сгущенным разумом человечества»². Живописец же Чернышов замечает, что «приводя свою жизнь и творчество к Богу через канон, вводя их в определенные ритмы, стесняя себя — мы освобождаемся; свободной и все

¹ Лепяхин В. Указ. соч. С. 57.

² Флоренский П. Избранные труды по искусству. М., 1996. С. 455.

более полной, благодатной становятся и наша жизнь и наше творчество. Вот что такое свобода внутри канона»¹.

Особенностью любого изображения в Древней Руси, в том числе и иконописи, была, по мнению Лихачева, тесная связь со словом. «Изобразительное искусство в Древней Руси было остросюжетным, и эта сюжетность вплоть до начала XVIII в. <...> неуклонно возрастала», — пишет Дмитрий Сергеевич². Он замечает, что сюжеты, изображаемые древнерусскими художниками, были по преимуществу литературными (сцены из Ветхого и Нового Заветов, из житий святых), а его героями являлись соответствующие персонажи. Даже символика — важный содержательный компонент иконного изображения, нередко основывалась на литературных описаниях и образах (кстати, такая связь иконного изображения с литературными персонажами и текстами — общеевропейская черта; достаточно напомнить знаменитый трактат «Физиолог»³, превратившийся в важный источник символических образов западной изобразительной традиции). «Художник был нередко начитанным эрудитом, комбинируя сведения из различных письменных источников в росписях и миниатюрах. <...> Художник как бы восполнял в своих произведениях недостаток наглядности древней литературы»⁴, — отмечал Д. С. Лихачев.

Ученый обращает внимание на то, что **на Руси между литературой и изобразительным искусством существовал своего рода взаимообмен.** В частности, было очень развито иллюстрирование. Иллюстрации служили «своеобразным комментарием к произведению, причем комментарием, в котором использован весь арсенал толкований и объяснений»⁵. В свою очередь темы искусства проникают в литературу Древней Руси и занимают в ней существенное место. Это — сказания об иконах, об основании храмов и монастырей, в которых соединяются описание и оценка произведений архитектуры и живописи. Но особый интерес, считает Дмитрий Сергеевич, представляет роль слова, включенного в произведения изобразительного искусства — надписи, подписи, сопроводительные тексты. Заметим со своей стороны, что такая

¹ Цит. по: *Левахин В.* Указ. соч. С. 140.

² *Лихачев Д. С.* Слово и изображение в Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 14.

³ На Руси «Физиолог» известен в небольшом количестве списков (полных всего три), из которых два наиболее ранних датируются не ранее XV века: *Гудзий Н. К.* Естественно-научные сочинения [в переводах XI — начала XIII века] // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. 1: Литература XI — начала XIII века. С. 195–208.

⁴ *Лихачев Д. С.* Слово и изображение в Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 15.

⁵ Там же. С. 16.

прочная связь литературы (Святого Писания) и изобразительного искусства стоит в ряду важных исторических мотиваций, обусловивших **роль литературы в отечественной культуре**, ее возвышение до статуса философии. **Неразрывность изображения и слова, возможно, стала причиной того, что философия в России как самостоятельный вид деятельности навсегда сохраняет в себе литературные корни, а изобразительное искусство нередко становится сферой осмысления отвлеченных проблем.**

Единство изображения и слова, когда обе составляющие приобретают благодаря друг другу многозначность, иносказательность и глубину, со всей полнотой проявляется именно в иконописи. Тексты вводятся в икону как развернутые свитки, раскрытые книги в руках святых. Слова могут и как бы «вырваться» из уст изображенных персонажей. И эти «речения» играют большую роль в их восприятии верующими, в мистическом контакте иконы и молящегося. Так обеспечивался «диалог» человека, взывающего в молитве к иконному образу, и иконы, «ответчающей» ему. Воздействие слова усиливалось тем, что оно «выступало не только в своей звуковой сущности, но и в зрительном образе»¹. И потому поясняющая надпись являлась сильным эмоциональным и смысловым фактором в художественном целом иконописного изображения.

Д. С. Лихачев уделяет особое внимание смысловой, содержательной общности живописи и литературы: «Феофан мог и не читать исихастских сочинений, но тем не менее стиль его живописи и стиль исихастской идеологии подчиняются единым предвозрожденческим формирующим стиль принципам»². Стиль же, по мнению академика, — понятие, охватывающее богословие, философию, публицистику, научную жизнь, быт и нравы — то есть все проявления жизни эпохи.

В связи с этим Лихачев размышляет о **житийных иконах**, в которых изображение святого окружено **клеймами** — картинками, представляющими наиболее значимые события из его жизни. Как правило, эти изображения поясняются текстами, но это не просто цитаты, взятые из соответствующих житий, а выдержки, особым образом обработанные. В таких поясняющих текстах исчезает какая-либо «украшенность». Они лаконичны, порой незаконченны — это и понятно, ведь главная роль в данном случае принадлежит живописи, текст же здесь выполняет вспомогательную функцию. Дмитрий Сергеевич обращает внимание на одну важную особенность этих текстов: «прошедшее вре-

¹ Лихачев Д. С. Слово и изображение в Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 23.

² Там же. С. 24. Стиль в данном контексте понимается Лихачевым как объединяющий эстетический принцип структуры содержания и формы произведения (см.: там же. С. 28).

мя в этих надписях часто переправляется на настоящее»¹. Икона утверждает то, что молящийся видит перед собой, — это происходящее сейчас, а не случившееся когда-то. Такое превращение прошлого в настоящее, **стирание временных границ**, утверждение непреходящего характера событий, обладающих особым смыслом для людей, — свойство русского художественного мышления, чрезвычайно органично выраженное в иконописи.

Идеи Лихачева о художественном времени представляют особый интерес. Говоря о времени в литературном произведении, ученый размышляет о понимании времени древнерусской культурой в целом. Так, он пишет, что трактовка времени в художественном произведении подчиняется закону целостности изображения: о событии рассказывается от начала и до конца. В итоге читателю не надо догадываться о том, что происходило «до» и «после», так как произведение вмещает значимое явление целиком. И это — еще одно подтверждение универсальности иконы, которая в своих сюжетах, образах, средствах выражения и конструирования реальности предстает зрителю как воплощение Вечности.

Возвращаясь к Андрею Рублеву, отметим, что Д. С. Лихачев главным в его творчестве считал **воплощение гуманистического понимания мира и личности**. Рублев вырос в кругу новой предвозрожденческой образованности, представителями которой были Дмитрий Донской, митрополит Алексий, Сергей Радонежский, князь Владимир Андреевич Серпуховский, Феофан Грек. Ученый отмечает «высокий гуманизм, чувство человеческого достоинства», свойственные произведениям Рублева. Это — черты «не лично авторские: они взяты им из окружающей действительности». В творчестве Рублева, по мнению Лихачева, были созданы образы, воплотившие черты лучших реальных представителей его эпохи. Дмитрий Сергеевич убежден, что подобные образы не могли быть выдуманы художником: «грубые и дикие нравы не могли дать той утонченной и изящной человечности, которая зримо присутствует в произведениях Рублева и его школы»². Он усматривает даже русский национальный тип лица в рублевском «Спасе» из Звенигородского чина, который сочетается, по его мнению, с проявляющимся в этом образе национальным складом характера.

Д. С. Лихачев сопоставляет «Троицу» Андрея Рублева и «Божественную комедию» Данте, ибо, как и у великого итальянца, в работе Рублева соединяются средневековый символизм, высокий гуманизм и «простая человеческая правда». Размышляя о «Троице», Лихачев обращается к

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. Л.: Худож. лит. 1987. Т. 1. С. 437.

² Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 119–120.

соображению М. Алпатова о том, что в среде Рублева почитались позднеантичные философские труды, вроде сочинений Дионисия Ареопагита, в которых соединялись христианское учение о едином Боге и пантеистическое учение о проявлении божества во всех явлениях реального мира. В этом известный искусствовед усматривает причину духовной наполненности «Троицы» в каждой ее детали¹.

«Троица» подробно прокомментирована многочисленными авторами. Однако Дмитрия Сергеевича интересует выражение в ней тех качеств, которые ученый считает определяющими для русского Предвозрождения: в произведении запечатлен идеал созерцательно-духовной личности, в которой соединилась русская религиозность и интеллектуальная деятельная активность, отличающая данную эпоху. Икона была написана в «похвалу Сергию», который практически разрабатывал традицию «умного делания» на Руси, «воздвывая трудную пустынную почву душ, чтобы взрастить плоды Духа». Он призывал «воззрением на Святую Троицу побеждать ненавистную рознь мира сего»², а это было время братоубийственных войн и разорения русской земли ордынцами. Именно тогда прозвучал призыв Сергия Радонежского к братолюбию, единению, духовному созиданию.

В творчестве Рублева Предвозрождение достигает новой стадии развития, действительно сопоставимой с высочайшими достижениями Ренессанса, но в иной богословской традиции. Д. С. Лихачев отмечает, что «Троицу» отличает созерцательность, задумчивость, спокойная и светлая грусть, переводя таким образом содержание знаменитой иконы на язык светских, мирских впечатлений. По его мнению, Рублев поставил перед русской живописью новые колористические задачи, и этот его шаг явился новым выражением взаимодействия культур³. Известный искусствовед И. К. Языкова поддерживает эту мысль. Она пишет, что в конце XIV века из Византии привезли икону «Страшный суд», поразившую современников светоносностью и чистотой красок. Она предполагает, что Рублев выступил как продолжатель византийской традиции: «Его образы — ...это образы совершенства, гармонии, чистоты, святости — всего того, что открывается подвижнику на вершинах созерцания. Это плоды Духа»⁴.

¹ Алпатов М. В. Андрей Рублев. М.: Изобраз. искусство, 1972.

² Языкова И. К. Богословие иконы. М., 1994. С. 116.

³ См.: Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 117–123; Алпатов М. В. Указ. соч.; Бычков В. В. Духовно-эстетические основы русской иконы. М.: Ладомир, 1995; Вагнер Г. К. Искусство Древней Руси / Г. К. Вагнер, Т. Ф. Владышевская. М.: Искусство, 1993; Демина Н. А. Андрей Рублев и художники его круга. М.: Искусство, 1972.

⁴ Языкова И. К. Указ. соч. С. 118.

Труднее всего, замечает Д. С. Лихачев, обнаружить предвозрожденческие черты в зодчестве XIV–XV веков, но тем интереснее проследить их и соотнести с явлениями в других искусствах. Он сопоставляет «украшенный» стиль в литературных произведениях и архитектуре, выявляет его истоки, которые находит в Болгарии, и представляет этот стиль на примере церквей Новгорода, Пскова и Москвы¹. Ученый считает, что зодчество и политика, зодчество и историческая мысль были тесно объединены между собой, и показывает эту связь на примере политической жизни и строительства в Москве накануне Куликовской битвы. Ученый утверждает, что уже с княжения Дмитрия Донского на Руси растет интерес к памятникам владимирского зодчества: архитектура Предвозрождения стремилась к воссозданию архитектурных форм домонгольской Руси, как это происходило и в других видах искусства в тот период².

Говоря о вкладе Д. С. Лихачева в искусствоведческую науку, нельзя не отметить, что **академик создает синтетическую панораму духовно-художественной жизни Древней Руси**. Вне искусствоведческих идей ученого художественная культура Руси XIV–XV веков не может быть понята во всей ее полноте и в ее значении для европейской культуры в целом.

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 131–134.

² Там же. С. 138.

1.8. ЛИТЕРАТУРОВЕД: КЛАССИК И НОВАТОР

В пору празднования 100-летия академика Д. С. Лихачева в стране состоялся целый ряд соответствующих научных конференций и торжественных заседаний, опубликовано немало юбилейных материалов. И все же **представляется уместным еще раз вернуться к вопросу о его вкладе в литературоведение.**

Дело в том, что **яркое и продуктивное использование результатов лихачевских исследований в современном литературоведении удивительным образом контрастирует с отсутствием попыток комплексной оценки роли самого ученого в развитии данной отрасли науки с позиций современного знания.** Более того, многие «юбилейные» статьи производят порой удручающее впечатление, сводясь к унылому перечислению публикаций и заслуг академика, вклад в науку которого якобы состоит лишь в «хранении культурного наследия». Исключением в данном плане можно назвать лишь ряд блестящих докладов на Научной сессии Отделения историко-филологических наук РАН, состоявшегося в Москве 20 декабря 2006 года¹. В особенности — выступления В. Е. Багно, Н. Н. Покровского, Ю. М. Прозорова, Л. И. Сазоновой.

Однако, по сути дела, лучшей работой о Лихачеве-литературоведе до сих пор остается статья В. П. Адриановой-Перетц, опубликованная впервые в 1966 году², и приходится только надеяться, что данный пробел будет восполнен грядущими филологическими поколениями. Пока же этого не случилось, представляется уместным высказать несколько соображений на данную тему, носящих, как хочется надеяться, дискуссионный характер.

Фактология жизненного пути Лихачева обстоятельно освещена во многих изданиях³.

¹ См.: Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: матер. науч. сессии. Москва. 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук; отв. ред. А. П. Деревянко. М.: УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2006.

² *Адрианова-Перетц В. П.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Дмитрий Сергеевич Лихачев. М.: Наука, 1966. С. 6–27. (Материалы к библиограф. ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 7).

³ *Адрианова-Перетц В. П.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности / В. П. Адрианова-Перетц, М. А. Салмина // Дмитрий Сергеевич Лихачев. 3-е изд. М.: Наука, 1989. С. 11–42. (Материалы к библиограф. ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 17); *Очень*^{UM}. 2006/2007. № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева; Интернет-сайт «Площадь Лихачева»: <http://www.lihachev.ru> (Дмитрий Лихачев и его эпоха) и др.

То, что Д. С. Лихачев в 1938 году стал сотрудником Отдела (впоследствии — сектора) древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук (Пушкинского Дома), предварительно отсидев около четырех лет в Соловецком концентрационном лагере особого назначения (и написав там несколько блестящих работ, посвященных уголовному фольклору), сейчас широко известно — об этом много говорилось и писалось начиная с «перестроечных» времен. Не является секретом и то, что первой монографией будущего академика была брошюра «Оборона древнерусских городов», написанная им в соавторстве с археологом, профессором М. А. Тихановой в блокадном Ленинграде специально для солдат, защищавших ленинградские рубежи (ее по распоряжению ленинградского обкома раздавали в окопах).

Кандидатская диссертация о новгородских летописных сводах XII века была защищена в 1941 году, докторская — об истории литературных форм летописания XI–XVI веков — в 1947-м. В общем, достаточно знакомым, по крайней мере для гуманитариев, является и послевоенный творческий путь Д. С. Лихачева, схематически изложенный во многих биографических статьях. В 1950 году он публикует двухтомный труд, посвященный классическому памятнику киевского летописания «Повесть временных лет», в 1954-м — возглавляет сектор древнерусской литературы ИРЛИ. В 1958 году Дмитрий Сергеевич выпускает в свет монографию «Человек в литературе Древней Руси», где впервые была представлена теория смены культурно-исторических стилей в средневековой русской литературе, в 1962 году — «Текстологию» (о ней пойдет речь далее особо), в 1967-м — «Поэтику древнерусской литературы», опровергающую взгляд на «евразийскую» природу русской культуры. Тогда же, в 1960–1970-х годах. Лихачевым написан ряд статей, посвященных крупнейшим фигурам «допетровского» периода отечественной словесности.

Особое внимание Дмитрий Сергеевич уделял «Слову о полку Игореве», противодействуя новому «всплеску» активности авторов, стремившихся поставить под сомнение подлинность этого шедевра русского средневековья. Д. С. Лихачев сумел ответить им достойно.

Весьма интересно мнение о последствиях данной дискуссии одного из крупнейших отечественных ученых-гуманитариев академика В. Л. Янина: «Выступление А. А. Зимина было результатом его научного убеждения. Я никогда не соглашался с А. А. Зиминим и его сторонниками, но считаю, что его позиция сыграла благую роль в изучении этого великого памятника. До этого к нему относились как к иконе, а в результате полемики стали изучать “Слово” методами текстологии, выясняя наслоения времени в нем, что сегодня привело к появлению блестящего исследования “Слова” А. А. Зализняком»¹.

¹ Из письма В. Л. Янина А. С. Запесоцкому от 05.11.2006.

В зрелый период жизни Лихачев действует как подлинный паладин, сражающийся за честь «Прекрасной Дамы» — России, ее великой культуры, являющейся частью культуры мировой. Он «без страха и сомненья» выступал против любого противника и, что очень важно в отечественном историческом контексте, умел побеждать даже в неравной битве. «Все мои статьи имеют не “проповедническую” цель, а являются определенными поступками в борьбе за сохранение культуры, не только русской культуры, а культуры в целом, — писал Лихачев за год до ухода из жизни, “на санях сидючи”, оглядывая пройденный путь. — Перечислю бегло объекты моей озабоченности: это Невский проспект в Петербурге; Кремль в Соловках; подмосковные усадьбы (в первую очередь Мураново и Шахматово); фрески Ковалева, Волотова, Нередицы в Новгороде; Воронцовский дворец в Алушке; Лесковицы в Чернигове; парки в Петергофе, Пушкине, Гатчине, Павловске, Выборге; озеро Байкал; направление течения рек в Сибири, Средней Азии и т. д.; это научные библиотеки, рукописные собрания, состояние запасников музеев, средних школ и высших учебных заведений; это публикации в серии “Литературные памятники” воспоминаний “монархиста” А. Бенуа, житий византийских святых, в Гослите — романа Пастернака “Доктор Живаго” и многого другого, за что мне неоднократно “попадало”. Не могу сказать, что мои усилия не дали результатов. Напротив, большинство моих акций оказались успешными»¹.

Однако само по себе перечисление трудов и заслуг не может ответить на главный вопрос, до сих пор не разъясненный массовой читательской аудиторией: **в чем состоит принципиальное новаторство Д. С. Лихачева в контексте современной ему филологической науки?** То, что академический ученый написал много хороших книг по теме его научной работы, не может быть само по себе основанием для придания ему статуса «знаковой фигуры». И во времена Архимеда, и во времена Ньютона, и во времена Менделеева их коллеги тоже писали много и хорошо, но у Архимеда, в отличие от прочих, была еще и его «ванна», у Ньютона — «яблоко», у Менделеева — «таблица». Гений тем и отличается в научном мире от таланта, что за первым стоит некая кульминация его творческих усилий, локализованная во времени и пространстве в ослепительно яркий миг взлета, прорыва, тогда как для талантов существует лишь много частных, скромных успехов на всем протяжении их жизненного пути. Поэтому-то подавляющее большинство ученых остаются в истории науки длинным «списком научных трудов», и только единицы входят в эту историю с кратким, предельно ясным и понятным даже для непосвященных «девизом»-

¹ Лихачев Д. С. Проповедь или поступок? // Русская литература. 1998. № 2. С. 212–213.

эмблемой, подобной рыцарскому боевому кличу легендарных героев минувших времен:

Lumen Coeli, Sancta Rosa! —
Восклизал в восторге он...

Есть ли подобный девиз у Лихачева-литературоведа? Есть. И этот девиз — «**текстология**».

Как это часто бывает в научной работе, главное открытие Лихачева-литературоведа начиналось с вопросов достаточно частных и как будто далеких от сияющих вершин «высокой науки»: «древникам» лихачевского сектора нужно было окончательно определиться с принципами публикаций русских средневековых памятников. Дело в том, что книги до изобретения Гутенбергом печатного станка, как легко понять, создавались переписчиками, а рукописные копии, в отличие от печатных, имеют индивидуальные ошибки, пропуски, искажения и дополнения. В результате текст одного и того же произведения, содержащийся в разных дошедших до нас рукописных трудах, существовал в нескольких, подчас значительно отличающихся друг от друга текстовых версиях. Естественно, вставал вопрос: какую из этих версий публиковать? Очевидно, что таковой должна была быть авторская версия, но как ее установить?

Проблема эта возникла задолго до Лихачева, и не в литературоведении, а в богословии, поскольку в рукописных списках первоначально существовало и Священное Писание, и первыми текстологами были ученые «толковники», стремившиеся установить библейский «канонический текст» (о важности этой работы говорит, например, тот факт, что из-за одной-единственной буквы «иота», отличающей греческое слово «единосущный» (ομοουσιος) от слова «подобносущный» (ομοιουσιος) в III веке шла настоящая многолетняя религиозная война).

В новое время те же проблемы, связанные с изучением рукописных текстов, получили «по наследству» от богословов литературоведы, занимающиеся исследованием светской литературы Средневековья. И столетие за столетием исходный, «канонический» текст определяли путем механического сличения рукописей, составляя так называемые «стеммы» — схематические цепочки вариантов текста, объединенных общими ошибками или общими сходными фрагментами. На основании разных комбинаций ошибок или комбинаций сходных мест в разных версиях текста выстраивалась иерархия, которая в теории должна была выявить «безошибочный» вариант, считавшийся исходным. Разумеется, такая «механика» в методике работы литературоведа-текстолога вела

ко всевозможным противоречиям и нестыковкам, которые до Лихачева полагались неизбежным злом. Понимание того, что «арифметика текста должна уступить место исследованию смысла текста»¹, конечно, существовало, но принципы подобного «исследования смысла» оставались непонятными.

Открытие, совершенное Лихачевым, как и любой гениальный прорыв в науке, поражает своей простотой и, главное, нестандартностью в подходе к решению проблемы. Вместо того чтобы бесконечно перетасовывать и комбинировать тексты, выявляя в них все новые особенности, он предложил своим коллегам обратить внимание на то, как и при каких условиях эти особенности могли в текстах появиться. Другими словами, **Лихачев впервые в мировой медиевистике сосредоточил внимание не на книге, как таковой, а на человеке, пишущем книгу.** «Нет текста вне его создателей, как и нет литературы вне писателей, — утверждал Д. С. Лихачев. — Чтобы восстановить историю текста того или иного произведения, надо вообразить за ним древнерусского книжника, надо знать, как работал древнерусский книжник, проникнуть в его психологию, знать его цели, идеологические устремления, знать “механизм” ошибок. **Надо вообразить себе за текстом и за его изменениями человека, который этот текст создал, вносил в него вольные или невольные изменения. Текстология имеет дело прежде всего с человеком, стоящим за текстом**»².

Именно это — гениально. Все гениальное — просто. Канту было нужно всего-то предположить, что пространство и время не существуют в реальности, а являются категориями человеческого мировосприятия — и произошел переворот в философии. Лобачевскому было нужно всего-то представить, что идеальной эвклидовой плоскости, в которой могут быть проложены параллельные линии, в природе нет — и были «потрясены» все предшествующие представления о геометрии. Лихачеву всего-то и надо было подчеркнуть, что **понять историю создания текста — это и значит понять текст**, — и многие существовавшие до этого момента взгляды на цели и задачи изучения литературы летописного периода стали архаикой.

Действительно, до лихачевской «Текстологии» литературоведы изучали либо текст, либо писателя, так сказать, отдельно друг от друга. В первом случае текст толковался (такой метод называется герменевтическим), то есть литературовед присваивал тексту некоторое значение, основываясь на своем понимании его знаковых особенностей (а боль-

¹ Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. СПб.: Алетей, 2001. С. 26.

² Там же. С. 62.

шей частью — по произволению своему). Во втором случае литературовед изучал биографические документы, позволяющие сформулировать «взгляды писателя», и видел в его произведениях (точнее — в их «идеологически значимых» фрагментах) точно такие же «биографические свидетельства».

И только Лихачев первым попытался связать два эти начала, представить себе, как конкретная личность проявляет себя в процессе создания конкретного текста. Читать без волнения те страницы «Текстологии», где фиксируется этот «момент истины», невозможно. «Заглянем через плечо древнерусского книжника, — предлагает Д. С. Лихачев. — Он сидит на “стульце”, положив рукопись на колени. Рядом с ним на низком небольшом столике письменные принадлежности: чернильница и кинноварница, маленький ножик для подчистки неправильно написанных мест и чинки перьев, песочница, чтобы присыпать песком непросохшие чернила. Он пишет не в переплетенной книге, а в отдельных тетрадах, то есть согнутых в два, в четыре раза листах пергамента или бумаги, которые только потом переплетают в книгу...»¹ В психологии это называют «эмпатией» — умением представить себя на месте другого человека. И даже простая зрительная «картинка» создания рукописи, как пишет Лихачев, сразу «может сообщить исследователю очень много данных, чтобы судить об оригинале рукописи и о тексте. Целый ряд особенностей текста может вызываться именно таким характером переписки рукописи. «Оригинал, с которого книжник переписывает или который он перерабатывает, с которым он сличает свою рукопись, лежит не рядом: на коленях места немного. И от этого могут произойти также типичные изменения текста, ошибки и опущения. Оригинал далеко — его можно плохо прочесть, случится и забыть текст, когда пишешь, а снова заглянув в него — перескочить глазом с одной строки на другую и прочесть не тот текст»².

«История текста памятника, — пишет Лихачев, формулируя свое понимание текстологии, — стала рассматриваться в самой тесной связи с мировоззрением, идеологией авторов, составителей тех или иных редакций памятников и их переписчиков. История текста явилась в известной мере историей их создателей...»³ Поэтому, «чтобы восстановить историю текста памятников, текстолог обязан быть и историком, и литературоведом, и языковедом, и историком общественной мысли, а часто и историком искусства. <...> На всем пути истории текста стоят люди с их интересами, воззрениями, представлениями, вкусами, слабыми и сильными сторонами, навыками письма и чтения, особенностями

¹ Лихачев Д. С. Текстология. С. 64.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 33.

ми памяти, общего развития, образования. Из этих людей наиболее важен для нас автор, но значение имеют и редактор, и заказчики, и переписчики, и читатели, также оказывающие внимание на судьбу текста, а за этими людьми стоят, в свою очередь, люди и люди: все общество оказывает свое заметное и незаметное влияние на судьбу памятника»¹.

Понимание истории текста как ключа к его содержанию («не в слове — дело, а — почему слово говорится» — от цитирования горьковского Луки здесь удержаться сложно) вывело текстологическую концепцию Лихачева не только за достаточно узкие рамки медиевистики, но и за границы собственно литературоведения. **Отталкиваясь от локальных проблем изучения древнерусских рукописей, Лихачев шел к основам семиотики** — науки о знаковых системах, имеющей в современном научном мире универсальный характер. **Это и стало решающим в его облике литературоведа-новатора.**

Следует заметить, что некоторые конкретные результаты лихачевских исследований в настоящее время либо уточнены, либо опровергнуты современными филологами-«древниками». Ничего удивительного в этом нет — наука не стоит на месте. Даже для непрофессионала очень многое в самой лихачевской «Текстологии» сегодня уже кажется очевидно-архаичным (так, например, в эпоху информатики звучат трогательно наставления Лихачева в технических приемах для проведения сравнения текстов: «Лист графится на вертикальные колонки по числу списков. Если списков настолько много, что все они не могут разместиться на листе, то к листу справа по горизонтали могут присоединяться (с помощью подклейки или без подклейки) дополнительные листы с вертикальными колонками. В крайней левой колонке пишется текст основного списка...» и т. д.²).

Однако уместно вспомнить, что Зингер, произведя промышленный переворот, запатентовал не швейную машинку, а швейную иглу с отверстием для продевания нити на остром конце. Он прекрасно понимал, что все механизмы изобретенного им устройства очень скоро будут усовершенствованы его талантливыми последователями, но иглу с отверстием для продевания нити на остром — а не на тупом, как это было принято испокон веков — конце в самой технически-совершенной швейной машинке никто заменить не сможет. В наследии Лихачева-литературоведа такой «иглой» является его **семиотическая трактовка истории текста.**

Здесь следует сказать еще об одном поразительном открытии Лихачева-литературоведа, находящемся в непосредственной связи с его пониманием текстологии. Это его знаменитое **учение о «хронотипе»**, из-

¹ Лихачев Д. С. Текстология. С. 45–46.

² Там же. С. 177.

ложенное в вышедшей вслед за «Текстологией» «Поэтике древнерусской литературы»¹. Культурологов, разумеется, не может не заинтересовать в этой книге критика Д. С. Лихачевым «евразийства» — именно тогда и возникает в его творчестве осознанная культурологическая тенденция, которая позже «эмансипируется» от его литературоведческих изысканий в самостоятельное направление научной деятельности. Но понятие хронотипа интересно среди прочего тем, что, принадлежа по существу к «инвентарю» культурологии, оно возникает из сугубо литературоведческих наблюдений Д. С. Лихачева. Ученый приходит к выводу, что многие текстовые особенности древнерусских памятников не могут быть объяснены иначе, как пониманием древнерусскими книжниками времени иным, нежели то, которое сложилось у современных читателей. В частности, если для современного представления «будущее» оказывается перед пребывающим в «настоящем» человеком, а «прошлое» — позади него, то для древнерусских авторов все было иначе. Человек, по их мнению, «пятился в будущее», оно находилось у него «за спиной». Наши предки жили «в прошлом и настоящем», тогда как мы живем «в настоящем и будущем».

Прочитаешь такое — и задумаешься. Для человека XX века само собой разумеющейся кажется забота о том, что будет. Во имя того, чтобы завтра было хорошим, мы, подчас, идем на существенные жертвы сегодня. Многие российские «перекося» минувшего столетия как раз и произошли от того, что общество стремилось к будущему, мало заботясь не только о прошлом, но даже и настоящее свое рассматривая как некую дорогу в прекрасное завтра.

Несомненно, лихачевское понятие хронотипа еще не до конца осмыслено...

Создав целый ряд значительных работ в контексте современной ему филологии, Д. С. Лихачев немало сделал и для **расширения этого контекста**, реализуя по сути **междисциплинарный подход к изучению литературных памятников**.

Следует отметить, что эта сторона его научной деятельности сегодня недооценивается некоторыми литературоведами: «В последние годы жизни, **да и много раньше** Д. С. Лихачев выступил с целым рядом **публицистических** статей и книг о России, русской культуре, интеллигенции, нравственности»,² — пишет, например, Н. В. Поньрко (выделено мною. — А. З.). Примечательно, что в качестве «публицистики» ею упоминаются выдающиеся, важнейшие для гуманитарных наук работы

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979.

² Поньрко Н. В. Хранитель культурного наследия России. К 100-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева // Вестник РАН. 2006. Т. 76, № 11. С. 1026.

Д. С. Лихачева. Такая оценка, очевидно, не вполне отражает содержание деятельности академика. Думается, что если уж пытаться переосмыслить оценку, данную этой деятельности Варварой Павловной Адриановой-Перетц, писавшей об «огромном вкладе Дмитрия Сергеевича в **различные** области научного знания — литературоведение, историю искусства, историю культуры, методологию науки»¹ (выделено мною. — А. З.), — то никак не в сторону умаления значения «нелитературоведческих» работ до публицистики.

Наоборот. Скорее, для Д. С. Лихачева «литературоведение, история искусства, история культуры, методология науки» не были непреодолимо различными областями научного знания. Более того, **решая задачи литературоведения, академик стремился к синтезу гуманитарных наук**. Он привлекал для изучения литературных памятников методы и средства различных наук, интегрируя их в процессе исследования. Дело в том, что изучение литературных произведений древности в принципе не могло вестись методами, аналогичными, скажем, литературоведению Нового времени. Слишком велики утраты, наслоения, ошибки переписчиков. Отсюда — стремление проверить результаты литературоведения нелитературоведением, испытать полученные факты и, тем более, выводы «перекрестным допросом» различных наук. Отсюда же — и особое значение метода реконструкции, когда утраты восстанавливаются по крупницам косвенных свидетельств, когда понимание каждого слова, буквы проверяется выстраиванием своего рода «параллельных рядов» в живописи, музыке, зодчестве, фактах археологических находок и т. д. Тогда литература далеких времен оживает в мире других явлений культуры, обретает полноценный смысл в целостной и неразрывной культурной ткани.

¹ *Адрианова-Перетц В. П.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности / В. П. Адрианова-Перетц, М. А. Салмина // Дмитрий Сергеевич Лихачев. 3-е изд. М.: Наука, 1989. С. 39.

1.9. О РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Становление Дмитрия Сергеевича как ученого происходило в эпоху, когда вопросы языкознания перестали быть прерогативой узкого круга академических специалистов и, выйдя за пределы университетских аудиторий, весьма громко зазвучали в религии, философии, общественно-политической жизни. В этом историческом контексте формировались **взгляды Лихачева на природу языка в целом и на русский язык в частности**. С юных лет и до конца жизни он пронес стойкое убеждение в том, что «каждый интеллигентный человек должен быть хотя бы немного филологом»¹, «ибо слово стоит в начале культуры и завершает ее, выражает ее»².

«Существует представление о том, что науки, развиваясь, дифференцируются, — писал Д. С. Лихачев. — Кажется поэтому, что разделение филологии на ряд наук, из которых главнейшие — лингвистика и литературоведение, — дело неизбежное и, в сущности, хорошее. Это глубокое заблуждение. Количество наук действительно возрастает, но появление новых идет не только за счет их дифференциации и “специализации”, но и за счет возникновения связующих дисциплин. Сливаются физика и химия, образуя ряд промежуточных дисциплин, с соседними и несоседними науками вступает в связь математика, происходит “математизация” многих наук. И замечательно: продвижение наших знаний о мире происходит именно в промежутках между “традиционными” науками. Роль филологии именно связующая, а поэтому и особенно важная. Она связывает историческое источниковедение с языкознанием и литературоведением. Она придает широкий аспект изучению истории текста. Она соединяет литературоведение и языкознание в области изучения стиля произведения — наиболее сложной области литературоведения. По своей сути филология антиформалистична, ибо учит правильно понимать смысл текста, будь то исторический источник или художественный памятник. Она требует глубоких знаний не только по

* В разделе, связанном с теорией концептосферы, использованы отдельные материалы из кандидатской диссертации «Изучение русской повседневной картины мира в лингвокультурологическом аспекте» М. А. Евдокимычевой, преподавателя СПбГУП, выполняющей исследования в аспирантуре под руководством профессора Ю. В. Зобнина.

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М.: Дет. лит., 1988. С. 231.

² Там же. С. 233.

истории языков, но и знаний реалий той или иной эпохи, эстетических представлений своего времени, истории идей и т. п.»¹.

Попытаемся хотя бы бегло очертить те «реалии эпохи, эстетические представления, историю идей», которые и определили «любословие» самого Лихачева.

В начале 1910-х годов в православном богословии весьма громко заявили о себе «филологические» аспекты. На Афоне, в традиционной «цитадели» греко-российского православия, строго хранившей чистоту ортодоксальных взглядов на христианское вероучение, распространилось учение монаха Илариона, который считал, что «Имя Бога и имя Иисус есть Сам Бог». Синод признал это учение ересью, и в 1913 году движение «имябожцев» было подавлено, однако в русской культуре, и прежде всего в русской модернистской литературе этого времени, оно вызвало значительный интерес. Дело в том, что главным аспектом данной богословской полемики был **вопрос о природе и возможностях слова**, прямо перекликавшийся с многочисленными заявлениями русских символистов о магической природе слова, о возможностях вербальной энергии, действия словом.

Иларион и «имябожцы» также полагали, что само слово «Иисус» содержит в своих материальных филологических характеристиках некую «идеальную энергию», делающую это слово орудием (или оружием) для того, кто его произносит. Их взгляды восходили к старым классическим православным богословским проблематикам, содержащимся как в полемике вокруг так называемого «иконоборства», так и в полемике вокруг исихазма (последняя, как известно, дала мировой культуре величайшего православного богослова и философа Григория Паламу, учившего об «энергетическом» присутствии и действии Бога в мире). Д. С. Лихачев живо интересовался исихазмом. О своей беседе с академиком на эту тему вспоминал, например, Робин Милнер-Гулланд².

Впрочем, не вдаваясь в тонкости истории русского богословия начала XX века, отметим только, что на светском, культурном уровне, она с новой силой инициировала начатый еще в 1890-е годы первыми русскими символистами разговор о могуществе писателя (шире — о могуществе «человека говорящего»), сознательно владеющего тайной слов³. О силе слова в 1910–1920-е годы заговорили наследники символистов —

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. С. 227.

² Milner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906–1999) // Slavonica. Sheffield. 1999/2000. Vol. 6. № 1. P. 142.

³ Подробнее как о богословском, так и о светском содержании «истории с имябожцами» в применении к русской истории первой половины XX века см.: Эткин А. «И поныне на Афоне» // Эткин А. Хлыст: секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 261–263.

акмеисты и футуристы, равно оглядывающиеся на «ересь имябожцев» в своих спорах о природе слова как такового. Самым знаменитым отголоском «имябожества» в русском искусстве XX века стали стихи О. Э. Мандельштама, написанные в 1915 году и затем вошедшие во второе издание его «Камня» (1916).

И поныне на Афоне
Древо чудное растет,
На крутом зеленом склоне
Имя Божие поет.

В каждой радуются келье
Имябожцы — мужики:
Слово — чистое веселье,
Исцеленье от тоски!

Всенародно, громогласно
Чернецы осуждены;
Но от ереси прекрасной
Мы спастись не должны.

Каждый раз, когда мы любим,
Мы в нее впадаем вновь.
Безымянную мы губим
Вместе с именем любовь.

В последнем четверостишии содержится указание на ту потенциально содержащуюся в «имябожии» тенденцию, которая могла превратить (и превратила) эту богословскую проблематику в проблематику философскую и даже филологическую, хотя и не лишенную идеалистической основы.

«Имябожие» после его отрицательной оценки в качестве «ереси» трансформировалось в истории русской религиозно-философской мысли XX века в «имячеловечье», то есть в знаменитое «имяславие», в числе апологетов которого были П. Флоренский, Вяч. Иванов, Н. Бердяев и, конечно, прежде всего А. Лосев с его «Философией имени»¹, генетически связанной с «имяславскими» спорами начала века. Для Лосева имя было особым местом встречи «смысла» человеческой мысли и имманентного «смысла» предметного бытия. Имя в своем законченном выражении понималось как идея, улавливающая и очерчивающая

¹ См.: Лосев А. Ф. *Философия имени* // Лосев А. Ф. *Бытие. Имя. Космос*. М.: Мысль; Российский открытый ун-т, 1993. С. 613–801.

эйдос — существо предмета. Наибольшую полноту и глубину имя обретает, когда охватывает и сокровенный смысл бытия. Философия имени, по Лосеву, совпадала с диалектикой самопознания бытия и философией вообще, так как «имя», понятое онтологически, являлось вершиной бытия, которая достигалась в его имманентном самораскрытии¹.

Выступая в последние годы жизни по проблеме сохранения стилистически «высокого» русского языка, **Д. С. Лихачев утверждал именно «имяславское» понимание слова как первичного начала в бытии. Для него существование слова было тесно связано с существованием относимого к слову феномена, причем второй оказывался подчиненным первому. Сказать что-либо означает «сделать», «вызвать к жизни» то, о чем говорится. И, наоборот, сказать «неправильно» или вовсе «промолчать» — в лихачевском мировосприятии — оказать разрушительное воздействие на окружающую нас реальность.**

Крайне любопытно в связи с этим интервью, данное Лихачевым в 1996 году: трагические несообразности тогдашнего российского быта академик отчасти объяснял деформацией лексикона русского языка в «новорусскую эпоху». «Слова исчезли вместе с явлениями, — заявлял ученый. — Часто ли мы слышим “милосердие”, “доброжелательность”? Этого нет в жизни, поэтому нет и в языке. Или вот “порядочность”. Николай Калининлович Гудзий меня всегда поражал — о ком бы я ни заговорил, он спрашивал: “А он порядочный человек?” Это означало, что человек не доносчик, не украдет из статьи своего товарища, не выступит с его разоблачением, не зачитает книгу, не обидит женщину, не нарушит слова. А “любезность”? “Вы оказали мне любезность”. Это добрая услуга, не оскорбляющая своим покровительством лицо, которому она оказывается. “Любезный человек”. Целый ряд слов исчезли с понятиями. Скажем, “воспитанный человек”. Он воспитанный человек. Это, прежде всего, раньше говорилось о человеке, которого хотели похвалить. Понятие воспитанности сейчас отсутствует, его даже не поймут. <...> Общая деградация нас как нации сказалась на языке прежде всего. Без умения обратиться друг к другу мы теряем себя как народ. Как жить без умения назвать? Недаром в Книге Бытия Бог, создав животных, привел их к Адаму, чтобы тот дал им имена. Без этих имен человек бы не отличил коровы от козы. Когда Адам дал им имена, он их заметил. Вообще заметить какое-нибудь явление — это дать ему имя, создать термин, поэтому в средние века наука занималась главным образом называнием, созданием терминологии. Это был целый такой период — схоластический. Называние уже было познанием. Когда открывали остров, ему давали название, и только тогда

¹ Сто русских философов: биограф. словарь / Ин-т философии РАН. М.: Мирта, 1995. С. 145.

это было географическим открытием. Без названия открытия не было»¹.

Как уже говорилось, «филологический аспект» в первой половине XX века громко заявил о себе не только в сфере религиозно-философской мысли, но и в политике. В Советском Союзе экспансия коммунистического интернационализма породила борьбу с традиционалистскими основами русского национального бытия. Принципиально важным моментом этой борьбы для новой власти было искоренение целого стилистического пласта русского языка, связанного с церковнославянским языком. Атака началась с отмены в 1918 году так называемой «старой орфографии» и продолжалась вплоть до последних десятилетий существования коммунистического режима, стремившегося искоренить в русском лексиконе все «поповские слова» — от «милосердия» до «благонадежности». Борьба за «несоветское слово» стала важной формой духовного сопротивления русских писателей XX века:

Мне не надо пропуска ночного —
Часовых я не боюсь:
За блаженное бессмысленное слово
Я в ночи советской помолюсь.

(Мандельштам)

Параллельно с «зачисткой» светской речи советских людей, в 1920–1930-е годы шла борьба и в сугубо духовной сфере, связанная с искусственным внедрением с подачи Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б) совместно с Секретным отделом ГПУ в православную церковную среду «обновленцев» — священников (многие из которых были секретными агентами чекистов), требовавших перевода церковного богослужения с церковнославянского языка на русский².

В этом контексте принципиально важной представляется точка зрения на **роль церковнославянского языка в русской культуре**, полнее всего высказанная Д. С. Лихачевым (как известно, прихожанином храма Святого равноапостольного кн. Владимира) в статье «Русский язык в богослужении и богословской мысли», к сожалению, сейчас малоизвестной, где ученый создает вдохновенный гимн церковнославянскому языку как современному, действующему языку русской нации: «Не впервые поднимается вопрос о переводе богослужебных текстов на обыденный русский язык, — пишет Лихачев, отвечая на попу-

¹ Лихачев Д. С. «Я живу с ощущением расставания...» // Комсомольская правда. 1996. 5 марта. С. 5.

² См.: Обновленчество // Православие в России / Министерство культуры РФ, РАН, Рос. НИИ культурного и природного наследия. М., 1995. С. 112–115.

лярные в 1990-е годы призывы «модернизировать» русское православие. — Основанием к тому в глазах сторонников такого перевода является необходимость сделать богослужение более понятным. Такие попытки были особенно часты сразу после революции, в пору усилий государства подчинить себе Церковь, что привело к появлению разного рода обновленческих “красных” и прочих церковных объединений. Народ тогда не принял богослужения на русском языке. Обновленческие церкви стояли пустыми... “Непонятность” богослужения заключается не только в языке. По-настоящему непонятно богослужение для тех, кто не знает основ православного учения. Именно с учением Церкви должен познакомиться человек, желающий посещать церковь, а “непонятность” языка — дело второстепенное. Преодоление препятствия со стороны постижения языка — несложно (это не латинский язык в католическом богослужении). “Непонятность” богослужения лишь усилится, если языком его станет разговорный (обыденный, обывательский) язык, не имеющий всех богословских нюансов в своем словаре, лишенный традиционных фразеологизмов. И это тогда, когда существует близкий язык, но обладающий тысячелетним опытом молитвенного, богослужебного, богословского употребления. “Господи, помилуй” и “Господи, прости” — различны по своему значению. Итак, первое мое возражение против перевода богослужения на русский язык состоит в том, что при таком переводе и богослужение, и богословская мысль не станут сколько-нибудь более понятными, а существующая традиция прервется. Для обывателя же “непонятность” богослужения во многом обострится. Некто утверждает: “Вот я зашел в церковь и плохо понял, о чем там пелось и говорилось”. Но когда человек старается понять смысл службы, он, может быть впервые, совершает духовную работу. Откуда же требование, чтобы Церковь шла на уступки обывателю? Не Церковь должна кланяться обывателю, а обыватель — Церкви»¹.

В России (и отчасти в других славянских странах) церковнославянский язык объединял культуру не только по горизонтали, но и по вертикали: культуру Древней Руси и культуру Нового времени, делая понятными высокие духовные ценности, которыми жива была Русь первых семи веков своего существования. Это способствовало сохранению самосознания русских, живших на территории других государств, и теперь объединяет Русскую зарубежную церковь с Родиной. «Если мы откажемся от языка, который великолепно знали и вводили в свои сочинения Ломоносов, Державин, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Достоевский, Лесков, Толстой, Бунин и многие-многие другие, утраты в нашем понимании русской культуры начала веков будут невосполнимы. Цер-

¹ Лихачев Д. С. Русский язык в богослужении и в богословской мысли // Русское возрождение. 1997. № 69–70. С. 41.

ковнославянский язык — постоянный источник для понимания русского языка, сохранения его словарного запаса, обостренного постижения эмоционального звучания русского слова. Это язык благородной культуры: в нем нет грязных слов, на нем нельзя говорить в грубом тоне, браниться. Это язык, который предполагает определенный уровень нравственной культуры. Церковнославянский язык, таким образом, имеет значение не только для понимания русской духовной культуры, но и большое образовательное и воспитательное значение. Отказ от употребления его в Церкви, изучения в школе приведет к дальнейшему падению культуры в России. Русский язык “очищается”, облагораживается в Церкви. Да, Евангелие должно проповедоваться на всех языках. В изданиях, где оно печатается параллельно на церковнославянском и русском языках, уточняется смысл отдельных выражений, разъясняется значение каждого слова. Русский язык никто не изгоняет из Церкви, но обращенные к Богу, Божией Матери, к святым слова должны быть свободны от обыденщины, не соприкасаемы с бранью и вульгарщиной. Убежден, что необходимо сохранить верность тому сочетанию двух близких друг другу языков, которые исторически постоянно соприкасались в летописях, в посланиях Церкви и патриархов, в обращениях к народу патриархов и других иерархов Церкви, в проповедях (число которых в Церкви должно постоянно расти)», — утверждает Дмитрий Сергеевич¹.

Академик считает: у церковнославянского стилистического слоя в современном русском языке есть «антидвойник», претендующий на замещение в современной русской речи церковнославянизмов. Это — **матерная лексика**, которой, по мнению Д. С. Лихачева, пользуются в качестве «опознавательного» стилистического средства люди, отвергающие базовые культурные ценности России. Рассказывая о времени своего заключения в Соловецких лагерях, Лихачев, упоминая о мате в языке заключенных, делится поразительными наблюдениями: «Я просто не мог материться. Если бы я даже решил про себя, ничего бы не вышло. На Соловках я встретил коллекционера Николая Николаевича Виноградова. Он попал по уголовному делу на Соловки и вскоре стал своим человеком у начальства. И все потому, что он ругался матом. За это многое прощалось. Расстреливали чаще всего тех, кто не ругался. Они были “чужие”. <...> Я тоже оказался чужим. Чем я им не угодил? Тем, очевидно, что ходил в студенческой фуражке. Я ее носил для того, чтоб не били палками. Около дверей, особенно в тринадцатую роту, всегда стояли с палками молодчики. Толпа валила в обе стороны, лестницы не хватало, в храмах (как известно, страшные Соловецкие лагеря размещались в храмах и других помещениях бывшего монастырского

¹ Лихачев Д. С. Русский язык в богослужении и в богословской мысли. С. 43–44.

комплекса. — *Примеч. авт.*) трехэтажные нары были, и поэтому, чтобы быстрее шли, заключенных гнали палками. И вот, чтобы меня не били, чтобы отличаться от шпаны, я надевал студенческую фуражку. И, действительно, меня ни разу не ударили. Только однажды, когда эшелон с нашим этапом пришел в Кемь. Я стоял уже внизу, у вагона, а сверху охранник гнал всех и тогда ударил сапогом в лицо... Ломали волю, делили на “своих” и “чужих”. Вот тогда и мат пускался в ход. Когда человек матерился — этой своей. Если он не матерился, от него можно было ожидать, что он будет сопротивляться. Поэтому Виноградову и удалось стать своим — он матерился, и когда его освободили, стал директором музея на Соловках. Он жил в двух измерениях: первое определялось внутренней потребностью делать добро, и он спасал интеллигентов и меня спасал от общих работ. Другое определялось потребностью приспособиться выжить. Во главе Ленинградской писательской организации одно время был Прокофьев. В обкоме он считался своим, хотя всю жизнь был сын городского, он умел ругаться и оттого умел как-то находить общий язык с начальством. А интеллигентов, даже искренне верящих в социализм, отвергали с ходу — слишком интеллигенты, а потому не свои»¹.

Говоря об отношении Лихачева к языку, нельзя обойти в его творческом наследии и собственно **лингвистические научные работы**. Наука о языке и наука о литературе — две сферы «любословия» — оказываются труднорасторжимыми в гуманитарном мышлении. Разумеется, лингвистическая проблематика присутствовала в «исследовательском поле» Лихачева менее активно, нежели проблематика литературоведческая, но тем не менее весьма яркие научные результаты были получены им и здесь. Особо следует выделить его **учение о концептах**, сформировавшееся в результате многолетнего интереса к феномену слова.

Статья Д. С. Лихачева «Концептосфера русского языка» написана в 1991 году в продолжение начатых еще в 1920-е годы С. А. Аскольдовым-Алексеевым размышлений о природе «общих понятий» или «концептов». Что побудило этого крупного ученого обратиться к соотношению слова и концепта, почему термин, столь недоверчиво вначале принятый научной общественностью, вызвавший множество споров, все же вошел в научный обиход и прочно в нем утвердился?

Сергей Алексеевич Алексеев (Аскольдов — псевдоним) — один из ярчайших философов первой половины XX века, занимавшийся проблемами теории познания и этики. Именно его статья 1928 года «Концепт и слово»² положила начало концептуально-культурологическому

¹ Лихачев Д. С. «Я живу с ощущением расставания...»

² Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.

направлению в современной гуманитарной науке и побудила таких известных ученых, как Д. С. Лихачев, В. П. Нерознак, Ю. С. Степанов заниматься дальнейшими научными изысканиями в этой области. С. А. Аскольдов-Алексеев исходил из того, что в философии, логике и лингвистике важнейшую роль играет так называемый «наблюдающий субъект», благодаря которому любая система становится динамичной, или, иначе говоря, в нее входят движение, развитие, изменение. С. А. Аскольдов также рассматривал концепт как потенциальную динамическую структуру, зависящую от взгляда наблюдателя, и определял его следующим образом: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода»¹. Кроме того, концепты предлагалось делить на «познавательные» и «художественные». И если познавательные концепты, по мысли автора, приближаются к понятию, то художественные вызывают множество ассоциаций, которые нередко возникают благодаря связи звучания и значения, что особенно важно, например, для поэзии. В качестве примера С. А. Аскольдов ссылается на «Песнь о Вещем Олеге» А. С. Пушкина: «Концепт “вещий” Олег художественно ценен именно потому, что он гораздо богаче ассоциативными возможностями, чем прозаический концепт «знающий». Именно он рисует нам Олега в каком-то неопределенном ореоле разнообразных потенций “видения”, органически сопряженных с его боевым обликом. Пусть эти ассоциации четко не осуществлены, но достаточно, что намечено их направление»².

Приведем еще один пример. Для характеристики индивидуального стиля любого писателя особенно важными являются ключевые слова, соотносящиеся со значимыми для автора фрагментами картины мира, отраженными в его творчестве. Текстовые смыслы выявляются читателем на основе текстовых ассоциативных связей, которые можно определить как актуализированную в сознании читателя связь между элементами языковой структуры текста и соотнесенными с ними явлениями действительности или сознания³. Очень важно отметить, что именно ассоциативные связи текстового слова организуют восприятие, интерпретацию и понимание текста. Ассоциативные связи текстового слова концептуально заданы и подчинены выражению определенного авторского смысла. Название художественного текста является определен-

¹ Цит. по: *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 318.

² *Аскольдов С. А.* Указ. соч. С. 273.

³ *Болотнова Н. С.* Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994. С. 273.

ным смысловым маркером, порождающим культурные смыслы в восприятии читателя еще до знакомства с самим текстом. Культурные смыслы, заложенные в названии, могут играть определенную роль в истолковании художественного текста, а отраженные в ней культурные представления могут стать своеобразной «точкой опоры» для раскрытия общего смысла произведения.

Проиллюстрируем это утверждение на примере названия знаменитой повести М. А. Булгакова «Собачье сердце», где актуализируются два взаимоисключающих компонента: 1. Преданность, верность (сравним: «собачьи глаза», «собачья преданность»); 2. «Нечистота» данного животного (это смысловое наполнение словосочетания «собачье сердце» берет начало в древней славянской культуре, где собака считалась «нечистым» животным). Кроме того, доктор Борменталь, ассистент профессора Преображенского, назовет Шарикова «человеком с собачьим сердцем», выказав тем самым крайне негативное отношение к этому существу, получившемуся в результате неудачного опыта. Что интересно, этой фразой Борменталь искажает реальное положение вещей, так как фактически Шариков — собака с человеческим сердцем. Однако именно эта характеристика — «человек с собачьим сердцем» (по сути, с собачьей душой, поскольку слово «сердце» здесь употреблено отнюдь не в значении «орган кровеносной системы») — позволила автору произведения подчеркнуть тяготение данного существа к отрицательному оценочному полюсу, тогда как противоположная (логически и фактически правильная) фраза привела бы к совершенно иному результату («собака с человеческим сердцем» — положительная эмоциональная характеристика поведения животного).

Обратимся теперь к размышлениям Д. С. Лихачева, продолжающим теоретические изыскания С. А. Аскольдова. Академик Лихачев обращается к важной функции концепта, которую обозначил С. А. Аскольдов, — **функции заместительства**. Данная характеристика предполагает, что в любом общем понятии (концепте) заложен некий потенциал значения, и человек, оперируя понятием, обращается, чаще всего не вполне осознанно, именно к этому потенциалу. Нельзя не согласиться с мыслью Дмитрия Сергеевича о том, что **концепт существует не для самого слова, а для каждого его словарного значения**, как бы много их ни было. Кроме того, Лихачев предлагает считать концепт своего рода «алгебраическим» выражением значения, которым человек оперирует в речи, поскольку охватить значение во всей его сложности и полноте человек просто не может. Кроме того, заместительная функция концепта облегчает языковое общение в том смысле, что позволяет преодолевать различия в понимании слов говорящими. Однако нельзя забывать о том, что так называемые «мелочи» в толковании слов могут быть очень важны, например, в поэзии.

Размышляя о природе концепта, Д. С. Лихачев пишет о том, что концепты существуют не сами по себе, а в определенной человеческой «идеосфере»¹, потому что у каждого человека есть индивидуальный культурный опыт. Именно этот опыт определяет богатство или бедность самой природы концептов каждого конкретного человека и помогает, в большей или в меньшей степени, удачно ориентироваться в пространстве культуры.

Идя значительно дальше С. А. Аскольдова, Дмитрий Сергеевич высказывает чрезвычайно важное соображение: «Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека»².

Данной мыслью ученый подводит нас к важной и, скорее всего, до конца не разрешимой проблеме преодоления межъязыкового и межкультурного барьера. Если бы все сложности при общении людей разных национальностей и культур сводились к тому, что за короткое время сложно овладеть обширным словарным запасом, то эта проблема уже была бы решена в рамках методики обучения иностранным языкам. Однако сложность не только в этом. Следуя за развитием мысли Лихачева, можно предположить, что трудности в общении разноязычных людей начинаются именно тогда, когда, пройдя этап стандартного ситуативного общения («знакомство», «погода», «семья» и т. д.), они неизбежно будут пытаться воспользоваться в процессе беседы своим индивидуальным культурным опытом. Попытки будут результативными далеко не всегда, а следствием может стать неудачное, поверхностное, не приносящее удовлетворения общение. Дело в том — и эта мысль четко прослеживается в статье «Концептосфера русского языка», — что **адекватное восприятие содержания концепта возможно лишь при достаточной близости национальных, сословных, классовых, профессиональных, семейных, в широком смысле, культурных опытов людей.** Если этой близости нет, то «послания» одного будут расшифрованы другим только на уровне словарных значений слов. А заложенная в слова информация в большинстве случаев ими не исчерпывается.

Еще сложнее, а иногда — комичнее, складывается ситуация с тем, что принято, в широком смысле, называть фразеологией русского (да и любого другого) языка. Итоговый, конечный смысл любого фразеологизма в принципе несводим к словарным значениям составляющих его компонентов. Более того, многие исторически сложившиеся фразеологизмы русского языка для современного человека вообще нерасчленимы или же значения некоторых их компонентов просто утеряны. Дмит-

¹ Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 319.

² Там же.

рий Сергеевич пишет о том, что на базе фразеологизмов также возникают концепты, причем их содержание прежде всего заключается именно в подразумеваемом «культурном потенциале». «Нет смысла приводить примеры концептов, возникающих на основе фразеологизмов из “Горя от ума” Грибоедова, басен Крылова, пословиц, поговорок, песен и т. д. В концептосферу входят даже названия произведений, которые через свои значения порождают концепты. Так, например, когда мы говорим “Обломов”, мы можем, грубо говоря, разуместь три значения этого слова: либо название известного произведения Гончарова, либо героя этого произведения, либо определенный тип человека. И вот в зависимости от того, читали ли вы Гончарова насколько глубоко, и по-своему поняли его, и сблизили со своим культурным опытом, все три концепта будут в пределах контекста различаться по смыслу и “потенциям”. Тем не менее для всякого человека слово “Обломов” говорит чрезвычайно много. В потенции в нашем сознании со словом “Обломов” возникает целый мир столичной и деревенской жизни, мир русского характера, сословных и возрастных особенностей и т. д.»¹.

Концептосфера в понимании академика — это совокупность потенций, открываемых в словарном запасе как отдельного человека, так и всего языка в целом. «Между концептами существует связь, определяемая уровнем культуры человека, его принадлежностью к определенному сообществу людей, его индивидуальностью»². Иначе говоря, культуру можно представить как совокупность концептов, причем в картине мира каждого человека соседствуют и даже вступают в определенное взаимодействие несколько концептосфер: национально-культурно-языковая, профессиональная, семейная, индивидуальная и др. Важно, что в мировоззрении любого конкретного человека на уникальность и неповторимость претендует именно индивидуальная концептосфера, хотя она неизбежно связана с общей национально-культурно-языковой концептосферой. И здесь назревает весьма непростой вопрос о сути словесного творчества и явственно обозначается проблема адекватного понимания и интерпретации художественного произведения. Д. С. Лихачев приводит в качестве примера возможную интерпретацию стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» через рассмотрение центрального для этого произведения концепта «перепутье». Нельзя не согласиться с мыслью Дмитрия Сергеевича о том, что если читатель ограничится обращением только к словарному значению слова «перепутье», то смысл зашифрованного в художественной форме послания автора останется для читателя абсолютно неясным. То есть именно оперирование концептами и проникновение в индивидуально-авторскую концептосферу

¹ Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 323.

² Там же. С. 321.

позволяет читателю и исследователю проникнуть в смысл текста, существующий только как потенциал и могущий быть превращенным в действительный смысл.

Дополнительной трудностью в поиске смысла текста является еще и то, что **художественный текст обычно многозначен, иначе говоря, в нем заложена совокупность смыслов**. Так, согласно идее филолога и философа М. М. Бахтина, Ф. М. Достоевский является создателем «полифонического романа». Помимо полифонии — некоего «мерцания смыслов», по Ю. М. Лотману, — в тексте можно наблюдать постепенное наращивание смысла, усиливающее его суммарное воздействие. Это можно назвать своеобразным углублением и расширением концептосферы художественного произведения, но — вопрос: до каких пределов это возможно?

По-видимому, пределов как таковых нет — не вследствие сверхгениальности автора и бесталанности читателя или, наоборот, в сверхталантливости последнего. Возможно, концептосферы и конкретно взятого художественного текста, и его автора, и читателя состоят из множества отдельных концептов, каждый из которых есть не только «изреченное» нечто, нашедшее конкретное словесное воплощение на национальном языке, но и «подразумеваемое» — потенциально заложенное, но не вполне осмысленное, возможно, даже самим автором, для чего и слова-то просто может не быть найдено. Это «подразумеваемое» и можно назвать культурным смыслом, культурным опытом, без которого создание произведений литературы, да и любого другого искусства, невозможно.

В свою очередь, концептосфера той или иной культуры, по убеждению академика Лихачева, также немислима вне влияния литературы и вообще словесного творчества: «Итак, богатство языка определяется не только богатством “словарного запаса” и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептуальной сферы, носителями которой является язык человека и его нации. Концептуальная сфера, в которой живет любой национальный язык, постоянно обогащается, если есть достойная его литература и культурный опыт»¹.

Термин «концептосфера», введенный Д. С. Лихачевым по типу терминов В. И. Вернадского «ноосфера», «биосфера», можно трактовать, следуя закону аналогии, как «пространство концептов» или же «область концептов». Понятие концептосферы, пишет Лихачев, особенно важно тем, что помогает понять, почему **язык является не только способом общения, но и неким «концентратом» культуры**. То, что термин «при-

¹ Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 328.

жился» в научной среде, подтверждает и возникновение его «производных», например «персоносферы» Г. Хазагерова¹.

Персоносфера — это сфера персоналий, образов, сфера литературных, исторических, фольклорных, религиозных персонажей, «и в этом смысле можно говорить не только о национальной персоносфере... Однако, поскольку значительная часть персонажей “говорящая”, интереснее всего именно национальная персоносфера, в которой инациональные и транснациональные персонажи (библейские, античные) воспринимаются сквозь призму национального языка»². Как пишет Г. Г. Хазагеров, персоносфера имеет следующие свойства: во-первых, ее объектами являются лица, личности. Отсюда проистекает возможность сопоставления с ними, возможность сопереживания, подражания, в частности копирования речевых манер, возможность помещения себя в мир персоносферы, моделирования своего поведения в этом мире. Во-вторых, персоносфера обладает свойством метафоричности, которая состоит в способности более близкое схватывать через более далекое и поэтому более однозначное, несущее определенность. Важно отметить, что «национальное видение мира далеко не в последнюю очередь определяется характером персоносферы, но при этом именно персоносфера — самая изменчивая часть картины мира»³. Персоносфера национально и культурно специфична, более того, она находится в определенной зависимости от исторической ситуации.

Если же вернуться к работе Д. С. Лихачева и к его определению природы концепта — «алгебраическое выражение» значения или, иначе, некий культурно-языковой потенциал, — то в этом случае **концептосфера становится областью потенциальных культурных смыслов**, без которой невозможно существование национального языка и, конечно же, художественного словесного творчества. Если язык нации является сам по себе сжатым «алгебраическим выражением» всей культуры нации, то художественное произведение есть гораздо более сложная структура. И эта структура содержит в себе многие промежуточные смыслы, рождающие общий конечный смысл.

Итак, можно с полной уверенностью согласиться с мыслью академика о том, что даже самый поверхностный **взгляд на концептосферу русского языка открывает богатство русской культуры**, созданной в разных сферах русского народа в различных соотношениях с другими национальными культурами через язык, искусство и пр. Позволим себе предположить, что богатство, глубина и уникальность концептосферы того или иного художественного произведения может быть одним из показателей гениальности его создателя.

¹ Хазагеров Г. Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. № 1.

² Хазагеров Г. Персоносфера русской культуры. С. 133.

³ Там же. С. 135.

Часть II
ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ
И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

**2.1. ЛИХАЧЕВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

Анализ трудов Дмитрия Сергеевича в широком контексте гуманитарных наук, в особенности в период, завершающий научную биографию, позволяет нам в настоящее время говорить **о понимании Лихачевым истории человечества как, в первую очередь, истории культуры**. Именно культура, по глубокому убеждению ученого, составляет главный смысл и главную ценность существования человечества¹. В этом плане характерно выступление Д. С. Лихачева на заседании президиума Российского фонда культуры в 1992 году: «Культуре принадлежит первенствующее место в жизни народа и государства»². И смысл жизни на индивидуальном, личностном уровне, по Лихачеву, также обретается в культурном контексте человеческой деятельности.

Научные труды академика Лихачева в совокупности выражают **целостную, глубоко осмысленную и прочувствованную историческую концепцию**.

Безусловно, **взгляд Лихачева на мир — это во многом взгляд историка**. Любое явление, привлекающее его внимание, рассматривается и анализируется сквозь призму времени как явление историческое, в контексте живого дыхания той или иной эпохи, в системе исторических взаимосвязей.

Показательно, что В. П. Адрианова-Перетц, характеризуя вхождение Д. С. Лихачева в 1940-е годы в пору научной зрелости, пишет о ярко выраженном историческом характере его деятельности: «К исследованию древнерусского летописания Д. С. был подготовлен серьезным критическим изучением... работ академика А. А. Шахматова... Предстояло существенно углубить “исторический метод” А. А. Шахматова... На очереди оказалась и большая историко-литературная проблема: стиль летописания представлялся А. А. Шахматову неизменным на всех этапах истории»³.

¹ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 388–397.

² Лихачев Д. С. Язык указов мне глубоко чужд // Наше наследие. 2001. № 59–60. С. 97.

³ Адрианова-Перетц В. П. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности / В. П. Адрианова-Перетц, М. А. Салмина // Дмитрий Сергеевич Лихачев. 3-е изд. М., 1989. С. 12 (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 17).

Историческое видение предметов исследования пронизывает докторскую диссертацию Д. С. Лихачева, опубликованную в 1947 году с сокращениями — в виде книги «Русские летописи и их культурно-историческое значение»¹. Текстологическая работа неизменно сочетается у ученого с «широкими историческими обобщениями»². Расширяя и углубляя исторический подход к изучению литературы, Д. С. Лихачев делает его одним из фундаментальных элементов своей литературоведческой методики, наиболее обстоятельно и ярко изложенной в 1962 году в книге «Текстология». Приведем всего лишь один фрагмент: «изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на всем его протяжении, пока только изменялся текст памятника»³.

Нетрудно заметить, что в процессе научной деятельности поле зрения Лихачева-историка неуклонно расширяется, а затем и меняется. Характеризуя влияние Д. С. Лихачева на своих аспирантов в конце 1940-х — начале 1950-х годов, В. П. Адрианова-Перетц говорит уже о четко выраженном **историческом подходе к изучению культуры**⁴.

Историзм Д. С. Лихачева многопланов. Во-первых, представляется возможным говорить об историзме на уровне осмысления ученым различных конкретных явлений жизни. Во-вторых, ученый выступает автором собственной концепции истории России как истории отечественной культуры. В-третьих, его работы содержат достаточно материала об общих закономерностях исторических процессов.

Лихачев-историк начинается с его публикаций о литературе. Практически в каждой своей работе он уже в первых строках, а иногда даже в наименовании⁵, дает читателю понять, что предметом его исследования является не просто то или иное явление, а его культурно-историческое измерение⁶. В результате деятельности ученого **междисципли-**

¹ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. (Переизд. 1966, 1986).

² Адрианова-Перетц В. П. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности. С. 15.

³ Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 23.

⁴ Адрианова-Перетц В. П. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности. С. 24, 32.

⁵ Характерно, что в названиях многих книг Дмитрий Сергеевич включает понятие «культура»: «Культура Руси эпохи образования Русского национального государства»; «Русские летописи и их культурно-историческое значение»; «Культура русского народа X–XVII вв.»; «Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.)»; «“Слово о полку Игореве” и культура его времени».

⁶ Milner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906–1999) // Slavonica. Sheffield, 1990/2000. Vol. 6. № 1. P. 146.

нарные связи литературы и истории, интегрированные культурологией, поднимаются на качественно иной уровень.

Разумеется, литература — свидетель истории. Но свидетель своеобразный, скорее, даже свидетель-соучастник. Литература в трудах Д. С. Лихачева предстает не только отражением, но и своеобразным проявлением действительности, и эта функция налагает на литературные произведения характерный отпечаток, определяет их национальный колорит. «Русская литература — часть русской истории, — писал Лихачев, — она отражает русскую действительность, но и составляет одну из ее важнейших сторон. Без русской литературы невозможно представить себе русскую историю и, уж конечно, русскую культуру»¹.

Данный подход ярко проявился в исследованиях академика, посвященных «Слову о полку Игореве». Уже в статье «Исторический и политический кругозор автора “Слова о полку Игореве”», вышедшей в свет в 1950 году, Д. С. Лихачев убедительно показал тесную связь образов «Слова» и исторических реалий того времени².

Памятники культуры, и в том числе литературные произведения, по мнению Лихачева, обладали большим влиянием на социум своего времени. Возражая исследователям, которые писали о бесперспективности призывов автора «Слова о полку Игореве» к объединению князей в эпоху феодальной раздробленности, ученый отмечал: «Однако подлинный смысл призыва автора “Слова”, может быть, заключался не в попытке организовать тот или иной поход, а в более широкой и смелой задаче — объединить общественное мнение против феодальных раздоров князей, заклеить в общественном мнении вредные феодальные представления, мобилизовать общественное мнение против поисков князьями личной славы, личной чести... Задачей “Слова” было не только военное, но и идейное сплочение русских людей»³. Эта мысль о том, что «идейное сплочение» даже в глубокой древности играло отнюдь не меньшую роль, чем военные или политические мероприятия, неоднократно высказывалась Лихачевым и в дальнейшем.

По мере исследований литературы академик Лихачев все чаще приходит к выводам, выходящим за границы собственно литературоведения. К примеру, анализ влияния на литературу устного народного творчества, состояния народной памяти позволяет ему заключить: «Народ в

¹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. СПб., 1998. С. 10.

² Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: сб. исслед. и ст. М.; Л., 1950.

³ Лихачев Д. С. Исторические и политические представления автора «Слова о полку Игореве» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит., 1985. С. 144.

XII в. знал русскую историю, интересовался ею и, следовательно, жил не бездумно и не бездумно участвовал в политических событиях»¹.

Однако **литература не только свидетель и участник истории**. Под влиянием Д. С. Лихачева летописи начинают «прочитываться» по-иному, и их значение для исторической науки становится более многомерным. Следует признать, что до Лихачева вымысел и художественность значительно снижали в глазах историков ценность литературных произведений как исторических источников. Для него же **вымысел и художественность сами по себе предстают историческими фактами**.

Особая субъективная включенность литературных памятников в культурно-исторический контекст эпохи делает их, по мнению Дмитрия Сергеевича, и особым историческим источником. Субъективный характер авторских оценок и суждений в глазах ученого только усиливает привлекательность источника для истинного исследователя. «Ни одно произведение прежних веков, — писал Лихачев, — не может быть объявлено “плохим историческим источником”. Нет плохих исторических источников, есть только плохие источниковеды»². Детализируя это положение, он отмечал: «Само произведение — “осколок” прошлого и в качестве такового является свидетельством ошибочных или недостаточных представлений, существовавших о прошлом, памятником общественной мысли прошлого, свидетельством об эстетическом уровне прошлого и т. д.»³.

Применительно к «Слову о полку Игореве» Д. С. Лихачев писал еще более полемично, даже резко: «Если “Слово” — “сплошное вранье”, то и это, как ни парадоксально это звучит, представляет собой источник чрезвычайного значения: “вранье” — свидетельство психологии своего времени... (ибо в каждом обмане есть своя тенденция: общественная или просто эстетическая)»⁴. Конечно, сам Д. С. Лихачев «Слово о полку Игореве» «враньем» не считал и, напротив, вел довольно жесткую полемику с теми, кто доказывал более позднее происхождение «Слова...». Но и будучи отделенной от полемического контекста, данная фраза имеет вполне самостоятельный глубокий смысл, звучит весьма актуально и сегодня. Ведь некоторые исследователи по-прежнему явно недооценивают роль художественных произведений в качестве исторического источника, ставят их неизмеримо ниже, скажем, деловой переписки. Им-то и адресовано четкое определение Д. С. Лихачева: «степень... точности... *никогда* не является безусловной»⁵. Из этого вы-

¹ Лихачев Д. С. К вопросу о «Слове о полку Игореве» как историческом источнике // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд. С. 180.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 177.

⁴ Там же. С. 178–179.

⁵ Там же. С. 177.

текает, что сами условия, факторы, обуславливающие точность, должны быть включены в контекст исторического исследования.

Следует особо отметить, что наиболее ценной в памятниках литературы, шире — культуры, для ученого является созидательная сила человеческого таланта. В различных его трудах настойчиво звучит мысль о том, что успешное развитие общества и отдельной личности возможно только на основе культуры.

Можно сказать, что ученый предлагает **культуроцентричную концепцию истории**. Для него неприемлема логика, по которой до сих пор строятся многие школьные и вузовские учебники: сначала очень подробно излагаются экономика и политика, а потом, в конце раздела, между прочим, — культура того или иного исторического периода, да еще поданная как сухой перечень отдельных достижений в области науки и искусства. Именно против такого подхода выступал Д. С. Лихачев, сурово критикуя вульгаризированные формы марксистской теории исторического процесса как «принижающие окружающее общество, подчиняющие его грубым материальным законам, убивающим нравственность...»¹.

Для Д. С. Лихачева исследование культуры означало, по всей видимости, исследование тех связей, того «внутреннего стержня», который создает структуру общества, направляет в значительной мере ход истории. В статье «Русская культура в современном мире» он отмечал: «Учитывая весь тысячелетний опыт русской истории, мы можем говорить об исторической миссии России. В этом понятии исторической миссии нет ничего мистического. Миссия России определяется ее положением среди других народов тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях этой многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом, прежде всего, культурным»².

Вместе с тем **история российской культуры в его понимании — это история европейская**.

Анализируя многонациональный характер древнерусской культуры на примере литературы, Дмитрий Сергеевич писал о ее тесной связи с культурой западных и южных славян, византийской культурой. Он отстаивал тезис о европейском характере древнерусской литературы: «Литература, общая для южных и восточных славян, была литературой европейской по своему типу и в значительной мере по происхождению... Это была литература, близкая византийской культуре, которую только

¹ Лихачев Д. С. Избранное. Воспоминания. СПб., 1997. С. 182.

² Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 196.

по недоразумению или по слепой традиции, идущей от П. Чаадаева, можно относить к Востоку, а не к Европе»¹.

В монографии «Развитие русской литературы X–XVII веков» Лихачев приходит к выводу, что наиболее сильное культурное воздействие оказывали на Русь не азиатские страны, а Византия и Скандинавия. Однако по характеру их влияние было неодинаковым. По мнению ученого, «византийское влияние поднималось до сравнительно совершенных форм общения высокоразвитых духовных культур»². На Русь проникали из Византии литературные и иконописные традиции, политическая и естественно-научная мысль, богословие и т. д. Влияние Скандинавии было другим и сказывалось, прежде всего, на военном деле, государственной организации, экономике³. Но даже в этих областях оно являлось более поверхностным и неопределенным, чем византийское.

При этом, рассматривая Россию в мощном потоке мирового процесса развития цивилизаций, Лихачев неизменно отрицает любую попытку говорить о русско-славянской исключительности. Четко определяя суть русской национальной самобытности, ученый считает, что наши национальные черты, особенности и традиции сложились под влиянием самых широких культурных комплексов.

Проследивая генезис культуры Древней Руси, Дмитрий Сергеевич как особо важное отмечает приобщение славян к христианству. Не отрицая татаро-монгольского влияния, Лихачев тем не менее характеризует его как чуждое, в целом отвергнутое. Русь восприняла нашествие как катастрофу, как «вторжение потусторонних сил, нечто невиданное и непонятное»⁴. Более того, длительный период после освобождения от татаро-монголов развитие русского этноса происходило под знаком преодоления «темных веков... ига»⁵ чуждой культуры.

В более масштабном контексте генезис славянской культуры следует рассматривать во взаимосвязи с греко-византийским культурным комплексом. В ряде своих трудов академик весьма убедительно, на конкретных и впечатляющих примерах показывает, как осуществлялось это взаимное влияние, утверждая, что оно соответствовало глубинным потребностям развития русской культуры. В момент своего становления на общенациональном уровне (XIV–XV вв.) русская культура несет в

¹ Лихачев Д. С. Избранное. Великое наследие. Классические традиции литературы Древней Руси. СПб., 1997. С. 30–31.

² Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. С. 18.

³ Там же.

⁴ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 88.

⁵ Там же. С. 161.

себе, с одной стороны, черты уравновешенной, уверенной в себе древней культуры, опирающейся на сложную культуру старого Киева и старого Владимира, с другой — в ней явственно сказывается органическая связь с культурой всего восточноевропейского Предвозрождения.

Несмотря на то, что развитие русской культуры в то время происходило преимущественно в религиозной оболочке, в высших своих проявлениях его памятники позволяют сегодня говорить о внимании к личности, человеческом достоинстве, высоком гуманизме и других чертах, определяющих принадлежность Руси к еще более широкому — общеевропейскому культурному комплексу.

Наконец, самый широкий контекст, в котором Дмитрий Сергеевич рассматривает нашу культуру, — глобальный. Отправной точкой для анализа он избирает первое большое историческое сочинение XI века «Повесть временных лет»¹. Варяги на севере, греки на берегах Черного моря, хазары, среди которых были и христиане, и иудеи, и мусульмане; тесные отношения Руси с финно-угорскими и балтскими племенами — чудью, мерей, весью, ижорой, мордвой, коми-зырянами, ятвягами — и государство Русь, и его окружение с самого начала были многонациональными. Таким образом, самая характерная черта русской культуры, проходящая через всю ее тысячелетнюю историю, — вселенскость, универсализм.

Особое внимание Д. С. Лихачев уделяет узловым, переломным моментам в истории Отечества, к примеру — специфике XIV–XV веков, определяемой им, как уже выше отмечалось, понятием Предвозрождения. В своих трудах ученый показывает, как в это время происходит сложение русской национальной культуры: крепнет единство русского языка, литература подчиняется теме государственного строительства, архитектура все сильнее выражает национальное своеобразие, распространение исторических знаний и интерес к родной истории возрастают до широчайших размеров.

В общем потоке культурных трансформаций взгляд ученого особенно выделяет доминантой вопрос об историческом отборе и развитии всего самого лучшего. А лучшее для него — в значительной степени синоним гуманного. В отличие от биологического естественного отбора, отбор лучшего в культуре протекает совсем по иным законам — как неуклонное возвращение гуманизма, высокой Человечности, постепенно побеждающей дикое биологическое начало, прорастающей сквозь толщу веков. На каждом витке истории сила духа постепенно начинает доминировать над материальной вульгарностью бытия: «Вся мировая история... представляет собой развитие и углубление на-

¹ Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996.

чал гуманизма человечности»¹. Конкретизируя эту мысль, Д. С. Лихачев пишет: «Развитие гуманизма проходит как бы некоторые стадии» от «открытия ценности целого класса, целого слоя общества к определению ценностей отдельной личности»². Размышляя в данном направлении, он предлагает признать в качестве главного двигателя истории индивидуальную волю свободной личности, волю человека-творца. Так, выступая в октябре 1998 года в нашей университетской дискуссии «Россия во мгле: оптимизм или отчаянье?», академик говорит: «Я лично верю в случайность в истории, то есть я верю в волю человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как “Что ждет нас в будущем?”, не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали отклониться, в истории нет»³.

Среди заметок Лихачева есть и такое суждение: «Человек, его личность — в центре изучения гуманитарных наук. Именно поэтому они и гуманитарные. Однако одна из главных гуманитарных наук — историческая наука — отошла от непосредственного изучения человека... В результате огромная нужда в появлении нового направления в исторической науке — истории человеческой личности»⁴.

В связи с этим и **отдельных исторических деятелей ученый оценивает не по успехам в войнах и захватах территорий, а по влиянию на развитие культуры**. Так, оценка личности и деятельности Ивана Грозного носит негативный характер, несмотря на признание несомненных талантов царя, в том числе литературных: «Государство взяло на себя решение всех этических вопросов за своих граждан, казнило людей за отступление от этических норм всевозможного порядка. Возникла страшная этическая система Грозного... Грозный взял на себя невероятный груз ответственности. Он залил страну кровью во имя соблюдения этических норм или того, что ему казалось этическими нормами»⁵. Именно политический террор Ивана Грозного, по убеждению Лихачева, способствовал подавлению личного начала в художествен-

¹ Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 72.

² Там же.

³ Лихачев Д. С. Нас ждет то, что мы сделаем сами: дискус. «Россия во мгле: оптимизм или отчаянье?», октябрь 1998 г. Дворец Белосельских-Белозерских // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 70.

⁴ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 259.

⁵ Лихачев Д. С. Избранное. Великое наследие. Классические традиции литературы Древней Руси. С. 193.

ном творчестве и стал, в результате, одной из причин, воспрепятствовавших расцвету Возрождения в России.

Теми же критериями, хотя и с иным результатом, определяется оценка, которую Дмитрий Сергеевич дал эпохе и деятельности Петра I. Вопреки мнению многих мыслителей, от славянофилов до А. И. Солженицына, Лихачев вовсе не считал нововведения Петра пагубными и вредными для страны. Он указывает на появление в русской культуре первой четверти XVIII века множества новаторских динамичных элементов. Но академик решительно опровергает тезис о нарушении преемственности между культурой Петровской эпохи и древнерусской культурой. «Петровские реформы, — пишет Д. С. Лихачев, — были подготовлены не только явлениями XVII в. Эта эпоха явилась закономерным результатом всего развития русской культуры, начавшей переходить от средневекового типа к типу Нового времени»¹.

Личность самого царя-реформатора Лихачев трактует как типичного человека русского барокко. «От барокко, — отмечает исследователь, — в Петре были многие черты его характера: его склонность к учительству, его уверенность в своей правоте, его “богоборчество” и пародирование религии в сочетании с несомненной религиозностью, его доброта и жестокость и многие другие противоречия его натуры»².

Несмотря на всю внешнюю резкость изменений, Петровская эпоха не была, по мнению Лихачева, деструктивной. Основные направления эволюции не изменились, изменился лишь ритм развития. **Петр привел Россию не из Азии в Европу, а из Средневековья в Новое время.** В целом ряде работ ученый показал необходимость и предсказуемость перемен, которые не были «европеизацией» в смысле привнесения на русскую почву чего-то чуждого, но, напротив, соответствовали внутреннему содержанию русской культуры.

Подчеркивая это положение, Дмитрий Сергеевич писал: «Чем больше мы изучаем изменения и развитие русской культуры в XIV–XVII вв., с одной стороны, и ее судьбу в Новое время в XVIII и XIX вв. — с другой, тем отчетливее цельность всего процесса. В этом цельном процессе эпоха Петровских реформ была эпохой “осознания” совершающегося и поэтому эпохой очень важной, но не вносящей ничего катастрофического в развитие русской культуры»³.

Кстати, именно поэтому Д. С. Лихачев всегда с особым вниманием и любовью относился к синтетической культуре Петербурга, полной органических реминисценций и аллюзий.

¹ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 168.

² Там же. С. 169–170.

³ Там же. С. 170.

Из работ академика следует, что гений Петра проявляется чуть ли не в первую очередь в радикальном и стремительном изменении общественного мнения. Лихачев полагает, что в основе действий Петра — не капризы и самодурство, и не проявление инстинкта подражания, а стремление ускорить происходящие перемены в культуре. Опираясь на историка Щербатова, он пишет, что без Петра на аналогичные реформы России понадобилось бы семь поколений. Однако реформы были закономерны и их ход был подготовлен «всеми линиями развития русской культуры, многие из которых восходят еще к XIV в.»¹.

Отмечая преемственность в развитии русской культуры, опасность для этноса «культурных разломов», Д. С. Лихачев подчеркивал, что эффект «сравнения с землей», «разрушения до основания» по своей сути не может стать генератором новых ценностей. Вполне естественно, что осознание ученым определяющей роли культуры в самом существовании человеческого общества привело его к выводу об **особой исторической роли России**.

Дмитрий Сергеевич Лихачев создал подлинно **гуманистическую концепцию исторического развития**. В ее основу положены идеи о ведущей роли культуры для развития человечества и об особом значении для развития России интеллигенции как сообщества людей, «свободных в своих убеждениях»². Именно глубочайший гуманизм исторической концепции Д. С. Лихачева делает ее важной и перспективной в развитии современной науки.

¹ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 170.

² Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Там же. С. 372.

2.2. ЛИХАЧЕВ И ГУМИЛЕВ: СПОР О ЕВРАЗИЙСТВЕ*

Д. С. Лихачев и Л. Н. Гумилев еще при жизни стали знаковыми фигурами для отечественной интеллигенции, однако для большинства современных ее представителей эта «знаковость» скорее полярная. **Если Л. Н. Гумилев был, по его собственному определению, «последним евразийцем», то образ Д. С. Лихачева сейчас устойчиво ассоциируется с новейшим отечественным «западничеством».** В той системе координат, которую предлагает нам нынешнее общественное мнение, сформированное трагическим политическим опытом 1990-х годов, Лихачев и Гумилев оказываются, безусловно, «по разные стороны баррикад» едва ли не в прямом и, уж конечно, в историко-культурном смысле.

Между тем мнение «западника»-Лихачева для автора «Древней Руси и Великой степи» — один из решающих аргументов в самых острых и полемически-конфликтных моментах повествования¹. Лихачев же, нисколько не «теряя лица» (и изящно упомянув о том, что «в исторической части почти все тезисы автора для читателя неожиданны»), спокойно заявляет: «Спорить с Л. Н. Гумилевым по частностям мне не хочется: в его концепции все они имеют подчиненный характер. Л. Н. Гумилев строит широкую картину, и ее нужно принимать или не принимать как целое»². Сама же книга, по оценке ученого, является «весомым вкладом в развитие отечественной, и не только отечественной, истории»³.

Тем не менее отмеченная антитеза в позициях обоих ученых, несомненно, существует. По крайней мере, сказать, что Д. С. Лихачев был не согласен с евразийцами в целом и с Л. Н. Гумилевым в частности, значит, не сказать почти ничего. Причем этот вопрос представлялся ему столь важным, что он многократно поднимал его в своих статьях. В большинстве лихачевских работ по общим вопросам культурологии

* Раздел написан в соавторстве с профессором СПбГУП Ю. В. Зобниным.

¹ См., например, трактовку Л. Н. Гумилевым версии событий 1113 года в изложении В. Н. Татищева: *Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь*. М.: Мысль, 1989. С. 323–324.

² *Лихачев Д. С.* Предисловие // Гумилев Л. Н. *Древняя Русь и Великая степь*. С. 7.

³ Там же. С. 10.

так или иначе присутствует эта тема. «Сейчас в моду вошла идея так называемого евразийства, — пишет Д. С. Лихачев. — ... Ущемленная в своем национальном чувстве часть русских мыслителей и эмигрантов соблазнилась легким решением сложных и трагических вопросов русской истории, провозгласив Россию особым организмом, особой территорией, ориентированной главным образом на Восток, на Азию, а не на Запад. Отсюда был сделан вывод, будто европейские законы не для России писаны, и западные нормы и ценности для нее вовсе не годятся»¹. «На самом же деле Россия это никакая не Евразия. <...> Россия — несомненная Европа по религии и культуре»².

Не менее категоричен был и Л. Н. Гумилев, указывая на «восточный» (и, конкретно, «монгольский», «ордынский») генезис российской культуры и государственности, «возрождение на Москве монгольских традиций, традиций Чингис-хана»: «... Государи московские <...> положили начало процессу собирания русских земель вокруг Москвы, руководствуясь новыми, заимствованными у монголов и дотоле на Руси не известными принципами устройства власти: веротерпимостью, верностью обязательствам, опорой на служилое сословие <...> Традиции союза со Степью оказались жизнеспособны и плодотворны, они материализовались в политической практике Московского государства XVI–XVII вв., когда вся бывшая территория Золотой орды вошла в состав Русского государства. Монголы, буряты, татары, казахи столетиями пополняли ряды русских войск и бок о бок с русскими защищали свое общее Отечество, которое с XV в. стало называться Россией»³. Роль же Западной Европы в российской истории представлялась Л. Н. Гумилеву большей частью деструктивной: «Русь, вернее та ее северо-восточная часть, которая вошла в состав улуса Монгольского, оказалась спасена от католической экспансии, сохранила и культуру и этническое своеобразие. Иной была судьба юго-западной Червонной Руси. Попав под власть Литвы, а затем и католической Речи Посполитой она потеряла все: и культуру, и политическую независимость, и право на уважение»⁴.

Действительно, на первый взгляд позиции Д. С. Лихачева и Л. Н. Гумилева продолжают традиционную антитезу русской общественной мысли XIX века, расколотой на славянофильское и западническое направления. Но памятуя о столь же несомненно высокой степени толе-

¹ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 358–359.

² Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Там же. С. 384.

³ Гумилев Л. Н. Бремя таланта // Гумилев Л. Н. Дар слов мне был обещан от природы. Лит. наследие. Стихи. Драмы. Переводы. Проза. СПб.: Росток, 2004. С. 315.

⁴ Там же. С. 313.

рантности ученых по отношению друг к другу, мы имеем право, с учетом уже имеющейся временной дистанции, попытаться если не «снять» антитезу, то хотя бы приблизительно очертить абрис возможного синтеза или, по меньшей мере, сосуществования. Ибо наше время, как кажется, призывает не «разбрасывать», но «собирать камни».

Первым «приступом» к этому возможному синтезу может стать обращение к тому, что же разделило русских мыслителей на два лагеря — западников и славянофилов. В общем и целом **все сводится к пониманию «провиденциальной миссии» России в плане религиозно-философском или, в более светском варианте, к ответу на вопрос: какое направление должна избрать наша страна в своем грядущем развитии?** Именно так эта проблема была впервые обозначена в знаменитых «Философических письмах» П. Я. Чаадаева¹, который, с одной стороны, утверждал абсолютное «ничтожество» русской истории в общеисторическом контексте Европы, а с другой — видел в этом «ничтожестве» русского «настоящего» залог великого «русского будущего». По мнению Чаадаева, убежденного провиденциалиста и мистика, промысел Бога не допускает «бессмысленного» существования никакого народа в истории (а тем более — народа столь многочисленного, как русский). «Пассивность» и «отсталость» России от Европы с этой точки зрения может означать только то, что Творец держит ее «в резерве», приберегая до поры до времени для некоего будущего «прорыва»: «Я убежден, что на нас лежит задача разрешить величайшие проблемы мысли и общества, ибо мы свободны от пагубного влияния суеверий и предрассудков, наполняющих ум европейцев»².

Диалектику Чаадаева, по всей видимости, не поняли ни современники, ни даже ближайшие потомки. Одна часть интеллигентного российского общества (**западники**) с легкой руки молодого Герцена уяснила для себя только, что «Философическое письмо» «басманного затворника» является «мрачным обвинительным актом против России», «прошедшее» которой «пусто, настоящее невыносимо, а будущего для нее вовсе нет»³, и единственным разумным действием в таком положении может быть «подражание Западу». Другая же (**славянофилы**) взяла на вооружение тезис о «великой миссии» русских — в противовес якобы меркантильному ничтожеству «бездуховной» Европы и видела в любых контактах с Западом исторический соблазн (а то и прямую угрозу национальной самобытности).

¹ Чаадаев П. Я. Философические письма. М.: АСТ, 2006.

² См.: Кожин В. Пушкин и Чаадаев // Петр Чаадаев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1998. С. 712.

³ Герцен А. И. Сочинения: в 9 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 5. С. 139.

Впрочем, в разные времена ответ на вопрос о «пути России» мог иметь разные исторические формы. Так, славянофилы были ранние и поздние, последние назывались «почвенниками», к ним, в частности, примыкал Ф. М. Достоевский; западники — либеральные и революционные. Тот же А. И. Герцен проделал сложную эволюцию от западнического радикализма до отрицания буржуазной цивилизации как исторического тупика. Именно поздние работы Герцена и послужили отправной точкой для группы русских интеллектуалов-эмигрантов (П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, кн. Н. С. Трубецкого и Г. В. Флоровского), издавших в 1921 году в Софии сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев»¹.

Евразийство также искало и нашло свой ответ на вопрос о пути России, и этот ответ прямо не вписывался ни в западническую, ни в славянофильскую традиции. Главным тезисом этого направления было утверждение: «Русские люди и люди “российского мира” не суть ни европейцы, ни азиаты»². «Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, — писал один из основателей евразийства, князь Н. С. Трубецкой (1890–1938), — может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемое как особая многонародная нация, и в качестве таковой обладающая особым национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию Евразией...»³

В итоге, евразийцами еще до Л. Н. Гумилева была выработана особая позиция, выраженная в манифесте 1927 года, где говорилось: «Россия представляет собой особый мир. Судьбы этого мира в основном и важнейшем протекают отдельно от судьбы стран к западу от нее (Европа), а также к югу и востоку от нее (Азия). Особый мир этот должно называть Евразией. Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые трудно достижимы для них в отношении народов Европы и Азии»⁴. Более того, усилия русской интеллигенции, пытавшейся в течение двух столетий ассоциировать себя с Европой, как утверждал Н. С. Трубецкой еще в 1920 году («Европа и человечество»⁵), были одной из главных причин разразившейся в 1917 году катастрофы и гибели «старой» России.

¹ См. об этом: *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании. Париж; М., 1996. С. 44.

² Там же. С. 43.

³ Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 7. С. 17.

⁴ Там же.

⁵ См.: *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995 (Сер. Филологи мира).

Ссылаясь на почти «гипнотическое воздействие мифа об общечеловеческом характере европейской цивилизации», Трубецкой призывал «избавиться от ненавистного ига романо-германцев» и осознать, что культура Запада — лишь одна в ряду многих, совершенно равнозначных по своей ценности культур¹. Что же касается народов Евразии, то им, по мнению Трубецкого (создавшего так называемую теорию языковых союзов), присущ единый «туранский» психологический тип, объединяющий угро-финнов, тюркские, монгольские, манчжурские и самодийские народы с русским общностью черт национальных характеров.

Насколько все сказанное о западниках и евразийцах относится к Д. С. Лихачеву и Л. Н. Гумилеву?

Сразу нужно отметить, что **оба ученых основывают свое понимание пути России на решительной ревизии традиционных представлений о специфике XIII–XV веков в отечественной истории**, которая, в свою очередь, помогает обоим преодолеть, говоря словами Лихачева, «миф о том, что царствование Петра явилось поворотным пунктом в истории России»². Между тем именно представление о Петровских реформах как о качественном рубеже российской истории, открывающем ее новый — собственно европейский — период развития, как раз и было краеугольным камнем всех без исключения как западных, так и славянофильских построений XIX века и было «унаследовано» от последних в XX веке евразийцами.

И у Гумилева, и у Лихачева качественно иное представление об отечественном историческом процессе — как о целостном и поступательном, лишенном «революционных метаморфоз» и «чудесных преобразований» России из азиатской в европейскую (или наоборот!) страну. «Эпоха Петровских реформ, — писал Д. С. Лихачев, — была подготовлена всеми линиями развития русской культуры, многие из которых восходят еще к XIV в. Не один XVII в. подготовил собой переход к Новому времени, но все “естественное” и закономерное развитие русской культуры <...> В этом цельном процессе эпоха Петровских реформ была эпохой <...> очень важной, но не вносящей ничего катастрофического в развитие русской культуры»³.

По мнению Л. Н. Гумилева, версия отечественной истории, принятая в XIX веке как западниками, так и славянофилами, была создана «авторами XVIII в., создателями универсальных концепций истории, философии, морали и политики. При этом самым существенным было то, что авторы эти имели об Азии крайне поверхностное и часто пре-

¹ См.: Сто русских философов. М.: Мирта, 1995. С. 258.

² *Лихачев Д. С.* Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 164.

³ Там же. С. 170.

вратное представление. <...> К числу дикарей, угрожавших единственно ценной, по их мнению, европейской культуре, они причисляли и русских, основываясь на том, что 240 лет Россия входила в состав сначала Великого Монгольского улуса, а потом Золотой орды. Эта концепция была по-своему логична, но отнюдь не верна. В XVIII в. юные русские петиметры, возвращаясь из Франции, где они не столько постигали науки, сколько выучивали готовые концепции, восприняли и принесли домой концепцию идентичности русских и татар как восточных варваров. В России они сумели преподнести это мнение своим современникам как само собой разумеющуюся точку зрения на историю»¹.

Лихачев недаром особо выделял в трудах Л. Н. Гумилева «опыт реконструкции» русской истории IX–XIV веков: «Это именно реконструкция, где многое раскрывается благодаря воображению ученого. Такой опыт реконструкции, даже не будучи во всем достоверен, имеет все права на существование. Если идти вслед за бедными источниками, посвященными этому времени, устанавливать только то, что может быть установлено с полной достоверностью, то все равно мы не гарантированы от недопонимания истории, ибо историческая жизнь несомненно богаче, чем это можно представить только по источникам. И все-таки любое, самое строгое следование за источниками невозможно без элементов реконструкции»².

С полным правом мы можем отнести эти слова и к одному из самых значительных историко-культурологических трудов самого Лихачева «Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого»³. «То, что было известным как время поражения русской культуры, конец периода монголо-татарского завоевания и времени междоусобной вражды князей, оказывается также временем культурного триумфа, — пишет об этом лихачевском шедевре Р. Милнер-Гулланд. — ...Характеристика Лихачевым позднего средневековья как времени не только потенциальных, но и реальных достижений <...> вызвала достаточное количество прямой и непрямой критики. В частности, историки искусства увидели в этом покушение на их священную территорию, а византини-

¹ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 602–603.

² Лихачев Д. С. Предисловие. С. 7.

³ Попутно отметим хронологическую «взаимодополняемость» историко-культурологических реконструкций Гумилева и Лихачева: гумилевский очерк завершается XIV веком, работа Лихачева посвящена XIV–XV векам. В оценке же исторической специфики последующего «московского» периода XVI–XVII веков и Петровских реформ оба ученых, как уже говорилось, вполне солидарны. Впрочем, думается, небесполезно будет напомнить, что русские XVI–XVII веков имеют также историко-культурологические «версии» в трудах А. М. Панченко — ученика Д. С. Лихачева и друга Л. Н. Гумилева.

сты различных дисциплин, как на Востоке, так и на Западе, увидели в этом угрозу своим концепциям “заката и упадка” православной Европы в конце эпохи правления Палеологов»¹.

На упомянутую «прямую и непрямую критику» (отметим почти дословное совпадение ее характеристики у Р. Милнер-Гулланда с вышеприведенной гумилевской цитатой) Лихачев реагировал сдержанно, но очень показательно: «Приходится пожалеть, что у нас слишком мало литературоведов-энциклопедистов, литературоведов, выходящих за пределы своих излюбленных, специальных тем»². Не вызывает ни малейшего сомнения, что в числе немногих современников-«энциклопедистов» Лихачев мыслил прежде всего Льва Николаевича Гумилева...

До сего момента мы отмечали лишь совпадения и, так сказать, «**симфонизм**» в позициях ученых, но пора поговорить и о том, что их безусловно разделяло: «Я писал положительные отзывы на рукописи талантливейшего историка-фантаста евразийца Л. Н. Гумилева, писал предисловия к его книгам, помогал в защите диссертации. Но все это не потому, что соглашался с ним, а для того, чтобы его печатали. Он (да и я тоже) был не в чести, но со мной, по крайней мере, считались, вот я и полагал своим долгом — ему помочь, чтобы он имел возможность высказать свою точку зрения, скреплявшую культурно разные народы нашей страны»³. Несогласие между Лихачевым и Гумилевым, как мы полагаем, возникает прежде всего из-за того, что **первый решал проблему отношения России к Европе чисто культурологически**, тогда как **второй подходил к ней с точки зрения этногенеза**, оставляя культурологический аспект в качестве вспомогательного компонента своей методологии.

Для Гумилева вся специфика отношений России как с Западом, так и с Востоком раскрывается как частный случай общего закона исторического бытия этноса с момента его рождения (вследствие пассионарного толчка) до момента его заката и гибели. «Сама идея “отсталости” или “дикости” может возникнуть только при использовании синхронистической шкалы времени, когда этносы, имеющие на самом деле различные возрасты, сравниваются, как будто они сверстники. Но это столь же бессмысленно, как сопоставлять между собой в один момент про-

¹ *Milner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906–1999) // Slavonica. Sheffield, 1999/2000. Vol. 6. № 1. P. 148.*

² *Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 86.*

³ *Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Там же. С. 414. Заметим, что последнее замечание четко отграничивает евразийство Л. Н. Гумилева от евразийства с мракобесным, черным характером (по выражению Лихачева), которое стремится оторвать интеллигенцию от народа. (Там же. С. 384).*

фессора, студента и школьника, причем все равно по какому признаку: то ли по степени эрудиции, то ли по физической силе, то ли по количеству волос на голове, то ли, наконец, по результативности игры в бабки. <...> цивилизованные ныне европейцы стары и потому чванливы и гордятся накопленной веками культурой, как и все этносы в старости, но она же напомнит, что в своей молодости они были дикими франками и норманнами, научившимися богословию и мытью в бане у культурных в то время мавров. <...> О цивилизованности средневековых немцев и французов говорить особенно нечего. В эпоху Гогенштауфенов и “кулачного права” Германия, как и Франция в конце Столетней войны, была еще весьма неуниверситетской страной. А какими они станут в эпоху обскурации (этнической «старости». — *Прим. авт.*) мы можем только гадать»¹.

С точки зрения Гумилева, **подлинной проблемой для России были и остаются не контакты с Западом сами по себе, а то, в каком «этническом состоянии» Россия на эти контакты выходила и выходит (и, соответственно, в каком «этническом состоянии» находится в это время как весь «европейский суперэтнос», так и конкретный объект контакта в частности).**

Именно поэтому еще в те времена, когда концепция «общечеловеческих ценностей» стараниями М. С. Горбачева и его соратников приобрела в СССР идеологический статус «священной коровы», ученый писал: «все разговоры о приоритете общечеловеческих ценностей наивны, но не безобидны <...> Реально для торжества общечеловеческих ценностей необходимо слияние всего человечества в один единственный гиперэтнос <...> Но даже если представить себе слияние человечества в гиперэтнос как свершившийся факт, то и тогда восторжествуют не общечеловеческие ценности, а этническая доминанта какого-то конкретного суперэтноса. Вхождение в чужой суперэтнос всегда предполагает отказ от своей собственной этнической доминанты <...> Ценной входа в цивилизацию станет для нас господство западно-европейских норм поведения. И легче ли окажется от того, что эти системы ценностей неправомерно названы общечеловеческими...»²

Стоит ли как-то оспаривать сказанное? Думается, что нет, хотя бы потому, что в нашей сегодняшней жизни можно воочию наблюдать некоторые «ценности победившего этноса» каждый день: либо на телеэкране — как многочисленные российские переложения фильма «Однажды в Америке», либо — хуже того — в окружающей действительности (примерно так же, видимо, рассуждают и французы, сознательно

¹ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 383–384.

² Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: АСТ, 2005. С. 189–190.

ограничивающие приток голливудской продукции даже ценой встречных американских ограничений на французские вина и коньяки).

Впрочем, ясное понимание этнических «возможностей» народа в данный момент его исторического бытия может, по мнению Л. Н. Гумилева, позволить прозорливому политику выстроить мудрую линию поведения даже в безнадежной стадии этнической «обскурации», в момент распада этноса. Примером здесь является «гений Александра Невского», заслуга которого «заключалась в том, что он своей дальновидной политикой уберег зарождающуюся Россию в инкубационной фазе ее этногенеза, образно говоря, “от зачатия до рождения”»¹. Ученый очень ярко описывает трагическую дилемму великого князя: с кем быть — с Ордой против Запада или наоборот? Сказать, что у Александра Невского были основания любить Орду — никак нельзя, если вспомнить хотя бы, что именно там, в Орде, ханша Туракина, поверив навету, отравила его отца. Но Запад — Тевтонский орден — для русского князя представлял большую опасность. Монголы были вполне веротерпимы — религиозно толерантны, как сейчас принято говорить, а рыцари ордена — нет. Это рыцари Четвертого Крестового похода разграбили христианский Константинополь в 1204 году, оправдывая содеянное тем, что «православные такие еретики, что от них самого Бога тошнит»². (Кстати, недавно, в 2004 году, через 800 лет после описываемых событий представитель Папы Римского извинялся за случившееся тогда перед Константинопольским патриархом. Наверное, еще через 800 лет и сербы дождутся извинений за недавние бомбардировки Белграда авиацией НАТО...)

Реальный смысл гумилевского евразийства — в наличии у современной России политического выбора. К примеру: куда разворачивать газо- и нефтепроводы? С кем дружить и «против кого»? А присущую историософии XVIII–XIX веков оценочность — будь то западничество признание отсталости России или, напротив, славянофильское утверждение ее преимущества перед Западом — Л. Н. Гумилев «выносит за скобки» исследования проблемы как устаревшую.

Для Лихачева Россия безусловно является частью Европы, ибо составляет с ней единую культурную систему. Обоснованному Гумилевым евразийскому «русскому этногенезису» он противопоставляет свой, безусловно европейский — то есть единый с европейскими народами — «русский культурогенезис», блестяще изложенный им в «Культуре Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого» (ввиду особого значения данного фрагмента процитируем его полностью): «XIV в. — век Предвозрождения — является одновременно веком интен-

¹ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 544.

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990. С. 24.

сивного сложения элементов национальных культур по всей Европе. Момент национального самосознания — один из показательных для эпохи нарождающегося гуманизма. Во Франции к этому времени относятся деяния Жанны д'Арк, призывы в литературе к единству французов, к прекращению феодальных распрей. Крепнет французское национальное самосознание. Оформляется среднефранцузский язык. В Италии на рубеже XIII и XIV вв. образуется общейталийский язык. Призывы к объединению Италии звучат в произведениях Данте и Петрарки. Патристическое чувство итальянцев, видевших в римлянах своих предков, — один из самых мощных стимулов возрождения классической древности в Италии. В Англии к концу XIII началу XIV в. относится слияние англосаксов и норманнов в одну английскую национальность. В 1362 г. в английском суде вместо французского вводится английский язык. В 1362–1364 гг. парламент впервые открывается речами канцлера на общенародном английском (так называемом среднеанглийском) языке. В конце XIII–XIV вв. создается общенемецкий язык. XV в. — век гуситских войн и национального подъема в Чехии. Подобно этому в России к XIV–XV вв. относится сложение русской национальной культуры. Национальные элементы отдельных культур, возникнув почти одновременно по всей Европе, получают реальную опору в организации собственного национального русского государства. Вот почему национальное своеобразие русской культуры XIV–XV вв. выражено особенно отчетливо. Крепнет единство русского языка. Русская литература строго подчинена теме государственного строительства. Русская архитектура все сильнее выражает национальное своеобразие. Распространение исторических знаний и интерес к родной истории вырастают до широчайших размеров. Сложение элементов национальных культур по всей Европе тесно связано с культурными явлениями, предвещающими блестящую эпоху Возрождения»¹.

Именно на таком понимании культурного единства России и Европы Лихачев и основывает свой вывод о России как неотъемлемой части Европы: «В своей культуре Россия имела чрезвычайно мало собственно восточного. Восточного влияния нет в нашей живописи. В русской литературе присутствует несколько заимствованных восточных сюжетов, но эти восточные сюжеты, как это ни странно, пришли к нам из Европы — с Запада или с Юга. Характерно, что даже у “всецеловека” Пушкина мотивы из Гафиза или Корана почерпнуты из западных источников. Россия не знала и типичных для Сербии или Болгарии (имевшихся даже в Польше и Венгрии) “потурченцев”, то есть представите-

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 96–97.

лей коренного этноса, принявших ислам. <...> Для существования и развития настоящей большой культуры в обществе должна наличествовать высокая культурная осведомленность, более того — культурная среда, среда, владеющая не только национальными культурными ценностями, но и ценностями, принадлежащими всему человечеству. Такая культуросфера — концептосфера — яснее всего выражена в европейской, точнее в западноевропейской, культуре <...> Европейская культура — культура общечеловеческая. И мы, принадлежащие к культуре России, должны принадлежать к общечеловеческой культуре через принадлежность именно к культуре европейской¹.

Все сказанное не может не вызвать вопрос: можно ли считать позицию ученого в идейно-философском плане либеральным вариантом западничества, а в историко-культурном — вариантом европоцентризма? Впрочем, с западничеством Лихачева (как и с евразийством Гумилева) все более или менее ясно: он отнюдь не склонен видеть в Западе некий «идеал», которому должна следовать «отсталая» Россия (а какое же западничество без этого?). Другое дело, что «игра» отечественных интеллектуалов «в азиатчину» («Да, скифы мы, да, азиаты мы!...») для академика, по всей видимости, была в лучшем случае неприятным кокетством, в худшем — политической безответственностью: «Россия по своей культуре отличается от стран Запада не больше, чем все они различаются между собой: Англия от Франции или Голландия от Швейцарии. В Европе много культур»².

С «европоцентризмом» Лихачева сложнее, ибо, в отличие от Льва Гумилева, он, говоря об общечеловеческом характере европейской культуры, склонен настаивать на ее качественном отличии от всех прочих исторически сложившихся на настоящий момент мировых культурных версий, и в этом либеральный и демократичный Лихачев, как ни странно, куда менее толерантен, чем автократ-евразиец Гумилев. Вряд ли Дмитрий Сергеевич не понимал этого. «Европоцентристской» проблематике он посвятил специальную речь, подготовленную для международной конференции «Великая Европа культур», которая проходила в римском католическом университете Ла Сапиенца в апреле 1991 года³.

Как отмечалось выше, **опорой европейской культуры Лихачев считает христианство** — прежде всего потому, что оно внесло в европейскую культуру **личностное начало**. Это тем более знаменательно, что проблема христианства была традиционно болезненной еще для

¹ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 359–360.

² Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Там же. С. 384.

³ Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Там же. С. 363–369.

основоположников евразийства. Так, например, Г. П. Струве открыто иронизировал над декларативным признанием Православия — одним из устоев будущей «идеальной России»: «Как сочетать это с евразийской — а тем более туранской — природой “Российского мира”, было секретом евразийцев»¹. Л. Н. Гумилев обходил этот вопрос, трактуя религию только как выражение «негативного» или «позитивного» мирозерцания того или иного этноса (системы или антисистемы)². Д. С. Лихачев же, вслед за христианскими апологетами, прямо ставит **именно христианство нравственно выше всех остальных религий** как единственную из них, «в которой Бог — личность»³, способная понимать и страдать.

Второй аспект европейской культуры, утверждающий в глазах Лихачева ее превосходство, — **универсализм**, то есть восприимчивость к другим культурам. Здесь ученый продолжает линию «пушкинской речи» Достоевского: «Мы дружественно, с полной любовью приняли в душу нашу гениев чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий. <...> Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимо»⁴.

И еще один «европейский принцип», на котором как на «всечеловеческом» настаивает ученый, — это принцип **свободы** и, прежде всего, свободы внутренней, свободы творческого самовыражения личности. Здесь его позиция с позицией евразийцев расходится более всего, ибо **евразийцы требовали ограничения личной свободы ради укрепления государства**. Как пишет Н. А. Бердяев, у евразийцев «государство объемлет все сферы жизни и совершенное государство окончательно должно захватить все сферы жизни, организовать всю жизнь, не оставив места для свободного общества и свободной личности... С точки зрения истории идей вы узнаете старую утопию, изложенную в “Государстве” Платона»⁵.

Л. Н. Гумилеву, несомненно, импонировал пафос товарищества и взаимовыручки в «Ясе» Чингис-хана: «Законы Чингис-хана карали смертью за убийство, блуд мужчины и неверность жены, кражу, грабеж, скупку краденого, сокрытие беглого раба, чародейство, направленное ко

¹ Струве Г. П. Указ. соч. С. 44.

² Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. Гл. XI. § 69. Выбор совести.

³ Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 365.

⁴ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 677.

⁵ Бердяев Н. А. Утопический этатизм евразийцев // Н. А. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991. С. 200.

вреде ближнего, троекратное банкротство, то есть невозвращение долга, и невозвращение оружия, случайно утерянного владельцем в походе и в бою. Так же наказывался тот, кто отказал путнику в воде или пище. Неоказание помощи боевому товарищу приравнялось к самым тяжким преступлениям. Более того, Яса воспрещала кому бы то ни было есть в присутствии другого, не разделяя с ним пищу <...> Предателей и гостеубийц уничтожали беспощадно вместе с родственниками, ибо, считали они, склонность к предательству — наследственный признак¹. «Чингис, — заключал Гумилев, — сделал из своих подчиненных организацию фазы этнического подъема, с общественным императивом: “Будь тем, кем должен быть”. Называть эту фазу этногенеза “крепостным правом” неточно, ибо “закрепощены” были все, включая хана»².

Вряд ли Д. С. Лихачев тяготел к анархизму, но **всевластие государства трактовалось им как проявление зла** в европейской (и, соответственно, в русской) культуре: «Зло выполняет свою негативную миссию, атакуя наиболее характерные черты культуры... Чем сильнее добро, тем опаснее его “противовес” — зло, несущее в себе индивидуальные черты культуры, но опять-таки со знаком минус. Так, например, если народ щедр и щедрость его является наиболее важной чертой, то злое начало в нем будет расточительство, мотовство. Если наиболее приметная черта народа состоит в точности, то злом окажется негибкость, доведенная до полной бессердечности и душевной пустоты. <...> Из сказанного мною о характерных особенностях зла становится понятным, почему в европейской культуре зло проявляет себя прежде всего в форме борьбы с личностным началом в культуре, с терпимостью, со свободой творчества, выражает себя в антихристианстве, в отрицании всего того, в чем состоят основные ценности европейской культуры. <...> Русская культура всегда была по своему типу европейской культурой и несла в себе все три отличительные особенности, связанные с христианством: личностное начало, восприимчивость к другим культурам (универсализм) и стремление к свободе. <...> Поразительно, что атакам зла подвергались в русской культуре все ее европейские, христианские ценности: соборность, национальная терпимость, общественная свобода. Зло действовало особенно интенсивно в эпоху Ивана Грозного (она не была характерной для русской истории), в царствование Петра Великого, когда европеизация соединялась с закабалением народа и усилением государственной тирании. Своего апогея атаки зла в России достигли в эпоху Сталина и “сталинщины”»³.

¹ Гумилев Н. С. Древняя Русь и Великая степь. С. 447–448, 450.

² Там же. С. 448.

³ Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 365–369.

В общем, «европоцентрический» пафос Д. С. Лихачева оказывается, как мы видим, пафосом «культуроцентрическим», близким по духу даже таким критикам Запада, как «почвенник» Достоевский или, если обратиться к нашим дням, А. А. Зиновьев: «Западноевропейская культура сложилась как культура высочайшего интеллектуального, морального и профессионального уровня, причем с утонченным и чрезвычайно строгим эстетическим вкусом. Создатели ее были выдающиеся таланты и гении. Эта культура сыграла беспрецедентную роль в просвещении и нравственном совершенствовании человечества... она аристократична и элитарна в том смысле, что не опускалась добровольно или по принуждению до плебейского уровня масс, а, наоборот, возвышала массу до высочайшего интеллектуального, морального и эстетического уровня своего времени»¹. Вряд ли кто-нибудь из евразийцев — от Н. С. Трубецкого до Л. Н. Гумилева — смог бы всерьез отрицать подобную характеристику.

В проевропейской позиции Д. С. Лихачева необходимо отметить и еще один очень существенный мотив, кажется, полностью проигнорированный как классическим евразийством 1920-х годов, так и евразийским модернизмом в лице Л. Н. Гумилева — **университетское образование**. Высшее образование по западноевропейскому университетскому образцу — детище Петра I. Отсутствие высшей школы в допетровской Руси было «козырным тузом» западников в самых ранних спорах со славянофилами. А ведь академическая наука, неотделимая от университетского образования, необходимое условие полнокровной жизни России в Новое время, вплоть до ее способности себя защищать (эту мысль в отношении реформ Петра I, как нам кажется, впервые озвучил Н. А. Бердяев в «Русской идее»²).

Способность развивать и (или) усваивать приходящие в какие-то моменты нашей истории передовые, преимущественно западные технологии — это один из бесспорных факторов жизнеспособности нации и государства. Так, например, приглашенные Петром учителя-немцы — один из ярких эпизодов подобных просветительских контактов. Вот и Дж. Биллингтон, глава библиотеки Конгресса США и личный знакомый Д. С. Лихачева, в своей достаточно давней, ныне уже классической работе о России «Икона и топор» (1966) отмечал, что еще до Петра I, в XVII веке, во времена войн царя Алексея Михайловича с Польшей, поляки завидовали «голландским хитростям» русской армии, так как протестантская Голландия была готова делиться военно-технической мыслью с православной Московией, а не с католической Речью Посполитой³.

¹ Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. С. 315.

² Бердяев Н. А. Русская идея. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1999. С. 18.

³ Биллингтон Дж. Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры. М.: Рудомино, 2001.

Отрицать эту образовательную зависимость России от Запада по меньшей мере опрометчиво и в наши дни, после очевидной деградации российской высшей школы в кризисные 1990-е годы. Между тем классические западные университеты не переживали в последние века влияния подобных социальных катастроф. Потому базисные для высшей школы вещи: безопасность, высокий кадровый потенциал, ориентация на достижение студентами серьезных учебно-научных результатов, устойчивые критерии качества обучения — сохраняются там как инвариант при внешних трансформациях.

Беспокойство и забота академика Лихачева о завтрашнем дне российского университетского образования, по всей видимости, тоже влияла на его «европоцентризм». Он пишет: «Что же делать сейчас, в пору действительной отсталости и катастрофического падения культуры? Ответ, я думаю, ясен. Кроме стремления к сохранению материальных остатков старой культуры (библиотек, музеев, архивов, памятников архитектуры) и уровня мастерства во всех сферах культуры, надо развивать университетское образование. Здесь без общения с Западом не обойтись <...> Европа и Россия должны быть под одной крышей высшего образования»¹.

Таким образом, если «евразийство» Гумилева утверждает наличие у России политического выбора, то «западничество» Лихачева доказывает, что культурного выбора у нее нет. Это европейский выбор, он был сделан еще Древней Русью и не может быть изменен — как сущностный признак отечественной культуры.

¹ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 207.

2.3. ОБРАЗ РОССИИ КАК КУЛЬТУРНАЯ ДОМИНАНТА ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ*

Как глава государства Петр I был весьма заинтересован в укреплении мощи державы, выводе России на международную арену в качестве влиятельной силы. Но реализация этого стремления встречала такое трудно преодолимое препятствие, как культурная отсталость страны. Самыми серьезными проблемами и отличиями России от других ведущих мировых держав было практически полное отсутствие собственных науки и университетского образования. Петру предстояло **перевести Россию от культуры Средневековья к культуре Нового времени**. Из лихачевских работ следует, что **это было сделано на основе применения административного ресурса в сочетании с методами, как бы сейчас сказали, рекламы и PR**.

Разумеется, сам Лихачев не считал себя специалистом по общественным связям. В то время, когда он писал свои работы, в России специальный терминологический аппарат данной отрасли не был сформирован. Поэтому он вел разговор на принятом в его время языке о явлениях, которым сегодня в сфере PR даны иные названия и определения. Но суть от этого не меняется.

Стоит обратить особое внимание на то, что перед Петром I стояла задача изменить сознание народа в короткие сроки. Царь-реформатор сумел определить правильный для страны курс: **вектором перемен стало символическое, декларативное движение на Запад, в сторону «похожести» на Европу**. И этот путь был начат с создания, внедрения, утверждения новых для страны ценностей и ориентиров. Цель Петра Великого заключалась в преобразовании религиозно ориентированной средневековой культуры в современную, светскую, основанную на идеях Просвещения. Ориентация «на Запад» не стала проявлением инстинкта подражания. Это была целенаправленная программа овладения чужим, но не чуждым пластом культуры, необходимым для России, для решения ее собственных задач.

На первый взгляд, реформы Петра I были одинаково тотальными во всем, преобразовывали весь контекст жизнедеятельности: государ-

* Раздел написан преподавателем СПбГУП Ю. А. Запесоцким.

ственное устройство и управление, элиту страны, армию, законы, сферу производства, быт и т. д. Но Д. С. Лихачев во всем этом вихре перемен, порожденных кипучей деятельностью Петра, выделяет и вводит в фокус своего внимания, казалось бы, третьестепенные, поверхностные черты событий — то, что, пожалуй, в принципе не могло особенно заинтересовать гуманитариев советского времени, воспитанных в убеждении, что только «бытие определяет сознание», а «экономика — базис общественных отношений».

Миф, образ, знак — вот круг явлений, которые, по мнению академика, играют решающую роль в успехах Петровских реформ. Гений Петра, по Лихачеву, проявляется чуть ли не в первую очередь в радикальном и стремительном изменении общественного мнения: «Одна из особенностей всех действий Петра состояла в том, что он умел придавать демонстративный характер... всему тому, что он делал. То, что ему бесспорно принадлежит — это смена всей “знаковой системы” Древней Руси. Он переделал армию, он переделал народ, сменил столицу, демонстративно перенес ее на Запад, сменил церковнославянский шрифт на гражданский»¹.

Носить европейское платье и новые мундиры, «скоблить» бороды, «реформировать всю государственную и военную терминологию на европейский лад, признать европейское искусство»² требовалось вовсе не для удовлетворения капризов монарха, так же как и «изобретение нового русского знамени (перевернутого голландского флага)», вынос столицы за пределы исконно русских земель, изменение обычаев высших классов, характера увеселений, различных «символов и эмблем»³. Лихачев утверждает, что «эта смена “знаковой системы” ускорила (курсив мой. — Ю. З.) происходящие явления в культуре. Она придала процессам, происходившим до того в полусознанной форме, сознательное направление»⁴.

Разрыв со знаковой системой предшествующего периода культурной жизни России был не только закономерным, но и **осознанным**, более того — подчеркнутым: «Петр I не был первым, кто поднял спор новой России со старой Русью. Но Петр всячески пытался этот спор сделать демонстративным. Он стремился... к тому, чтобы... утвердить в сознании современников глубину совершающегося переворота... Все перемены облекались в демонстративные формы»⁵.

¹ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 165.

² Там же. С. 168.

³ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Там же. С. 182.

⁴ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Там же. С. 168.

⁵ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Там же. С. 182.

Между тем смена знаковой системы представляла собой далеко не простую задачу. Как известно, в конце XVII века в России не было современных средств массовой информации. В связи с этим особая роль возлагалась на **административный ресурс** и так называемую **народную молву**.

Механизм народной молвы запускался в действие прежде всего конструированием нетрадиционного **образа** государя и уклада жизни его приближенных. «Петр постоянно чувствовал себя в поле зрения не только своего народа, но и всей Европы. И он умел... придать демонстративный характер... своей собственной фигуре»¹, — пишет Д. С. Лихачев и продолжает: «...он демонстративно нарушил прежние представления о “благочестивом” царе и степенном укладе царского двора, не только внеся во дворец рабочие инструменты и станки, но и заведя “всешутейный и всепьянейший собор”, общаясь со шкиперами и плотниками, работая на верфях и выполняя обязанности бомбардира. Он разрушил церемониальность и степенность...»² Государь не случайно **воспринимался** как творец современной России, которая казалась полной противоположностью древней³: «Вместо малоподвижного, церемониально недоступного государя всяя Руси с его пышными титулованиями и пышным образом жизни Петр I **творил образ** царя-труженика, царя-плотника, царя-простого бомбардира, царя-учителя и ученика, просветителя и исследователя»⁴. Очевидно, что **обратившись лично к науке и ремеслам, царь необычайно поднял их статус в глазах населения, сделал данные занятия престижными** в обществе.

Интересно и существенно, что в восприятии ученого Петр I предстает не просто создателем своего «цельного образа»⁵, а более того, сознательным субъектом этой деятельности: «Сам Петр позаботился о том, чтобы создать о себе именно такие представления... постоянно подчеркивал, что он труженик <...> свою любовь к наукам и пр.»⁶.

Ученый не пишет о том, как конкретно новые ценности внедрялись в общественное сознание, но методы реализации петровской культурной политики (в опоре на административный ресурс) хорошо известны и из других источников.

¹ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 165.

² Там же.

³ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Там же. С. 172.

⁴ Там же. С. 182–183.

⁵ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Там же. С. 164.

⁶ Там же. С. 164–165.

Следует отметить, что, добиваясь ускорения реформ, Петр утвердил в обществе собственным примером **новые представления о времени и пространстве**: «Он ходил быстро, ездил скоро и на большие расстояния, решал дела на ходу и в походах»¹.

Принимая концепцию академика, легче понять, как государю удалось в столь короткие сроки пробудить страну, сдвинуть целые социальные пласты населения, придать им ориентацию «на Запад». Культурные символы, внедренные Петром I в общественное сознание, стали играть роль своего рода указателей, дорожных знаков на пути к повышению социального статуса, карьере, богатству, общественному признанию. Хочешь процветать — поспешай, прояви отвагу, смекалку, получи образование, примени его на службе стране. Не сможешь сам — отдай служению делу Петра своих детей... Не удивительно, что страна пришла в движение.

Появление именно такой фигуры, безусловно, отвечало не только потребностям данного времени, но и неким более фундаментальным, вневременным запросам российского этноса. Не зря из всех русских царей образ Петра I стал самым известным в народе и популярным в искусстве — высшей форме исторической памяти человечества.

Предвосхищая современное развитие рекламы, связей с общественностью, политехнологий, Д. С. Лихачев весьма конкретно говорит о Петре I, как **творце мифов**. Один из них — миф о самом себе², другой — миф о России.

Миф о Петре — это миф о возможности произвольно менять ход исторического развития по воле личности. Данная трактовка образа государя вошла в литературу, фольклор, официальную историографию, легенды, анекдоты, но, по мнению ученого, не соответствует действительности (реформы Петра явились «закономерным результатом всего развития русской культуры»³). Против второго мифа Лихачев восстает с исключительной страстью: «Ни одна страна в мире не окружена такими противоречивыми мифами о ее истории, как Россия... Приведу один из напрашивающихся примеров: Петровские реформы. Для их осуществления потребовались совершенно искаженные представления о предшествующей русской истории. Раз необходимо было большое сближение с Европой, значит, надо было утверждать, что Россия была совершенно отгорожена от Европы. Раз надо было быстрее двигаться вперед, значит, необходимо было создать миф о России косной, малоподвижной и т. д. Раз нужна была новая культура, значит, старая никуда не

¹ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 165–166.

² Там же. С. 164.

³ Там же. С. 168.

годилась. Как это часто случалось в русской жизни, для движения вперед требовался основательный удар по всему старому. И это удалось... Создателем мифа об истории России был Петр Великий». И далее: «В мире не было еще мифа о народе и его истории, такого устойчивого, как тот, что был создан Петром»¹.

Впитывая западную культуру и технологии, внедряя их у себя на родине, Петр не только расширял сознание своих соотечественников, но и внедрял новый образ своей страны и ее правителя на Западе. Царь отчетливо понимал, что нельзя организовывать широкий въезд иностранцев в Москву, где упорно отвергалось европейское влияние. Реализовать свои планы Петр смог в новой столице, которую он вынес за пределы исконно русских земель. Она демонстративно получила голландское название — Санкт-Петербурх. Петербург стал «примерным» городом, по которому иностранцы судили обо всей России, хотя страна еще долго привыкала к новой столице. Уже в 1720 году ганноверский резидент писал о Петербурге, что, «учитывая немногие годы, употребленные на его строительство, он кажется чудом света»². Петербург со времен Петра стал не только «окном в Европу», но и дверью из Европы в Россию.

Петр осуществил то, что сегодня можно было бы назвать **ребрендингом**³, в масштабах целого государства. В повседневную жизнь высших сословий внедрялись все новые **корпоративные стандарты**, которые в результате такого целенаправленного воплощения оказывали свое влияние на все общество в целом, — смена знаковой системы наилучшим образом происходила через элементы образа жизни, досуга элиты. Петровскую технологию «культурной революции» можно предать как следующую последовательность культурного воздействия: «чужачества» царя — образ жизни его придворных — народная молва — образ жизни более широких слоев населения.

Об осознанном использовании Петром приемов, которые сегодня мы отнесли бы к арсеналу PR, говорит его участие в составлении собственной биографии и описания, которые нашли отражение в литературе и заняли свое место в учебниках истории. Кроме того, отнюдь неспроста в Петровские времена основным жанром в живописи стал пор-

¹ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды о русской и мировой культуре. С. 192.

² Каган М. С. История культуры Петербурга: учеб. пособие / СПбГУП. СПб., 2000. С. 32. (Б-ка Гуманит. ун-та; Вып. 10).

³ Под брендом в современной теории рекламы подразумевается образ марки товара или услуги в сознании покупателя, выделяющий его в ряду конкурирующих марок. Ребрендинг — процесс, направленный на изменение сложившегося образа.

трет. Это объясняется реализацией PR-задач по усилению воздействия образов царя и его приближенных. Кстати, миниатюрные портреты служили и наградными знаками. Петр также приказал сотворить его собственную восковую фигуру в полный рост.

В первой четверти XVIII века по приказу царя в Петербурге стали издавать первые средства массовой информации — газету и журнал. Также были напечатаны сотни книг.

Общеизвестно, что во времена правления Петра I Россия сделала быстрый рывок в своем развитии. Страна встала на путь Просвещения. Коренным образом изменилось место России и ее роль в международных отношениях того времени.

Однако реформы Петра, по мнению Лихачева, деформировали представления об истории нашей страны: «Люди XIX в. повсюду видели вокруг себя то, что было реформировано Петром, и то, что оставалось нетронутым его преобразованиями. Нетронутыми Петровскими реформами оказались по преимуществу низшие слои общества — крестьяне. И вот отсюда у людей XIX в. сложилось впечатление, что быт крестьян это и есть быт Древней Руси; культурный уровень крестьян — это культурный уровень Древней Руси»¹, — пишет ученый. Кроме того, Петр был активным реформатором, «поэтому по контрасту с его деятельностью вся допетровская Русь представлялась неподвижной, косной, замшелой»². Кроме того, «Петр обратил Русь к Западной Европе, поэтому допетровская Русь представлялась отгороженной от Европы китайской стеной»³.

На самом деле, многие особенности культуры XVIII–XIX веков были естественным следствием развития русской культуры XVII и предшествующих веков. Однако «гигантская фигура Петра действительно заслонила собой историческую перспективу»⁴.

¹ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 173.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Там же. С. 165.

2.4. ПЕТЕРБУРГ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ*

Тема возникновения и развития Петербурга, безусловно, относится к числу хорошо исследованных и освещенных страниц российской истории. Обилие исторических документов, воспоминаний, разного рода «отпечатков» времени, блестящие труды ученых¹, казалось бы, делают историческое полотно трехвековой жизни города на Неве абсолютно очевидным, доступным всеобщему обозрению. В этой, на первый взгляд, вполне законченной картине уточняться могут, казалось бы, лишь частные, отдельные детали.

Но если основные элементы петербургской исторической фактологии постепенно становятся бесспорными, то это совершенно невозможно констатировать в отношении общей оценки роли и места Петербурга в истории страны и ее культуры. Разумеется, данная противоречивость в оценках вытекает из самой необычности происхождения города, из уникальности его истории. Для Петербурга удивительно подходит слово «феномен», позаимствованное русским языком из греческого, в коем означает «необычный, исключительный факт, явление»². Интересно отметить так же, что в современной филосо-

* Раздел написан в соавторстве с профессором СПбГУП А. А. Михайловым.

¹ *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга // Анциферов Н. П. «Непостижимый город...». СПб.: Лениздат, 1991; *Грбавь И. Э.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX вв. СПб.: Лениздат, 1994; *Каган М. С.* Град Петров в истории русской культуры. СПб.: АО «Славия», 1996; *Келлер Е. Э.* Праздничная культура Петербурга: очерки истории. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2001; *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург: [сб. ст. / ред. А. Э. Мальц]. Тарту: ТГУ, 1984. С. 30–45. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 664. Труды по знаковым системам; 18); *Пушкарев И. И.* Николаевский Петербург. СПб.: Лига Плюс, 2000. (Мраморная серия); Санкт-Петербург: 300 лет истории / Е. В. Анисимов, Е. М. Балашов, А. З. Ваксер [и др.]; отв. ред. В. М. Ковальчук; РАН, Санкт-Петербург. ин-т истории. СПб.: Наука, 2003; *Синдаловский Н. А.* Легенды и мифы Санкт-Петербурга. СПб.: Фонд «Ленинградская галерея», 1994; *Смирнов С. Б.* Петербург–Москва: сумма истории. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000; *Топоров В. Н.* Петербургские тексты и петербургские мифы // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана = To honour of professor Yu. M. Lotman: [сб. ст.]. Тарту, 1992 и др.

² Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд. М.: Науч. изд-во «Большая рос. энцикл.»; СПб.: Норинт, 1999. С. 1270.

фии понятие «феномен» означает явление предмета в сознании, соотносится с понятием сущности и противопоставляется ему. Явление предмета в сознании не тождественно его сущности, а его познание предполагает переход от явления к сущности¹. И чем ярче феномен, тем сложнее познание. Видимо, Петербург относится к весьма сложно познаваемым объектам.

Неслучайно в 1999–2004 годах в городе регулярно проводились Международные конференции «Феномен Петербурга», цель которых сами организаторы сформулировали следующим образом: «...Собрав под одной крышей объединенных общей любовью к Городу литераторов и специалистов в разных областях научного знания, предоставить им возможность высказать сколь угодно нетрадиционные и смелые мнения о действительных или воображаемых чарах, сокрытых в понятии “Санкт-Петербург”»². Нельзя не упомянуть, что открыть первую конференцию «Феномен Петербурга» хотел Дмитрий Сергеевич Лихачев. Но она состоялась на сороковой день после кончины ученого, а сборник трудов вышел с посвящением его светлой памяти.

Петербург является в первую очередь историко-культурным феноменом. По выразительному определению К. Г. Исупова, дискуссия о культуре Петербурга, о ее истинных или мнимых противоречиях с «истинно русской» («московской») культурой началась во времена, когда «на месте будущего городка Санкт-Петербурга не было забито ни одной сваи», когда «опоры нового мировоззрения... определялись в событиях села Преображенское, в характере и в поведении юного московского царя Петра»³.

Оценки Петербурга и его роли в истории России издавна носили самый полярный характер: от восторга, преклонения до полного неприятия, едва ли не ненависти. Еще в начале XVIII века официальные панегирики в честь новой столицы соседствовали с мрачными пророчествами противников Петровских реформ: «Петербургу быть пусту». «...Тема Петербурга, — отмечал исследователь-литературовед В. Н. Топоров, — мало кого оставляет равнодушным. Далекая от того,

¹ См., напр.: Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Керимова. М.: Акад. проект, 2004. С. 757.

² Феномен Петербурга: тр. междунар. конф., сост. 3–5 ноября 1999 г. во Всерос. музее А. С. Пушкина. СПб.: Русско-Балтийский информ. центр «БЛИЦ», 2000. С. 7.

³ Исупов К. Г. Диалог столиц в историческом движении // Москва–Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания: антол. / отв. ред. Д. К. Бурлака. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 6–7. (Русский путь).

чтобы быть исчерпанной или окончательно решенной, она характеризуется особой антитетической напряженностью и взрывчатостью, некой максималистской установкой как на разгадку самых важных вопросов русской истории, культуры, национального самосознания, так и на захват, вовлечение в свой круг тех, кто ищет ответ на вопросы¹. Показательно, что в 2000 году Русским христианским гуманитарным институтом был выпущен сборник «Москва–Петербург: pro et contra», в который вошли работы множества ученых, историков, культурологов, искусствоведов, публицистов и литераторов, так или иначе посвященные культурному диалогу двух столиц и почти трехвековой полемике, порожденной этим диалогом².

Распространенным является взгляд на Петербург, как на «своего рода огромный портал, при посредстве которого Россия могла бы знакомиться с ценностями и новинками европейской, в основе своей романо-германской цивилизации»³. Еще первый историограф Петровской эпохи И. Голиков так объяснял намерения царя-реформатора при построении «Санкт-Питербурха»: «...среди толиких занятий своих Великий Государь, крайне желая у Балтийского моря иметь такой порт, в который он мог бы обратить на подобие древней Александрии торговлю, а особливо Северозападные Европы, обитаемые такими народами, которые сообщением с подданными его могли бы еще споспешествовать к просвещению оных»⁴.

А. С. Пушкин, который, кстати, внимательно изучал труды Голикова, раскрыл ту же мысль следующим образом: «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы»⁵.

Известно, что впоследствии, и в XIX, и в XX веке, многие ученые, писатели, публицисты понимали данные процессы односторонне. Имен-

¹ Цит. по: Каган М. С. Град Петров. С. 31.

² Москва–Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания: антология / отв. ред. Д. К. Бурлака. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. (Русский путь).

³ Спивак Д. Л. Метафизика Петербурга. Французская цивилизация. СПб.: Алетейя, 2005. С. 5.

⁴ Цит. по: Каган М. С. Град Петров. С. 35–36.

⁵ Пушкин А. С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 7. С. 307–308.

но от такой односторонности проистекала нередко оценка Петербурга как города «нерусского» и даже «антирусского», в противоположность «национальной» Москве. Такой взгляд был, в частности, присущ мыслителям-славянофилам, один из лидеров которых, И. С. Аксаков, призывал своих читателей Петербург «возненавидеть... всем сердцем своим и всеми помыслами своими».

С наибольшей силой подобные настроения выразил, пожалуй, публицист И. Н. Потапенко, писавший на страницах газеты «Наши ведомости»: «Петербург — эпилептический каприз гениального деспота... Москва — это то место, где полагается быть сердцу народа... Говоря о Москве, я, однако, вовсе не разумею этот географический пункт. Пусть это будет Тверь, Рязань, Калуга, Чухлома, какой угодно город, какое угодно местечко или село, но только чтобы это было в недрах народа... А Петербург — к черту его, пусть он провалится в болото, пусть его берут немцы, финны, самоеды, кто хочет. Отвергнутый Россией, он пропадет от голода и холода...»² Яростный пафос этих строк был во многом продиктован конкретной исторической ситуацией. Автор написал их в 1918 году, когда в столице погибшей Империи царили голод и разруха. Однако изображение Петербурга как абсолютного «западного», «нерусского» города — явление весьма распространенное и в публицистике, и в научной литературе.

Нетрудно проследить и становление своего рода апологетики города на Неве, основанной нередко на тех же исторических фактах, что и его критика. Разумеется, в разные исторические периоды апологеты Петербурга превозносили его с несколько разных позиций, но были в их рассуждениях о «славном Петрополе» и общие черты. В первые годы своего существования «Петербург представлялся российским неопитам западных учений великой попыткой осуществить под водительством просвещенного монарха мечту просветителей о рационально организованном мире»³. Поэт А. П. Сумароков восклицал: «Узрят тебя, Петрополь, в ином виде потомки наши: будешь ты северный Рим»⁴.

В первой половине XIX века «западники», полемизируя со «славянофилами», всячески подчеркивали роль Петербурга в качестве источника прогрессивной, европейской культуры. Вместе с тем у многих либерально настроенных авторов город на Неве вызывал раздражение как центр всяческого официоза (что естественно диктовалось его столичным статусом). Подобный подход нашел яркое выражение в русской

¹ Цит. по: *Мережковский Д. С.* Зимние радуги // «Город под морем», или Блистательный Санкт-Петербург. Воспоминания. Рассказы. Очерки. Стихи / сост. С. А. Прохвятилова, вступ. ст. Е. Анисимова. СПб.: Лениздат, 1996. С. 327.

² Цит. по: *Москва–Петербург: pro et contra.* Диалог культур в истории национального самосознания: антология / отв. ред. Д. К. Бурлака. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 405.

³ *Смирнов С. Б.* Указ. соч. С. 23.

⁴ Цит. по: *Смирнов С. Б.* Указ. соч. С. 23.

художественной литературе: в пушкинском противопоставлении это — «город пышный, город бедный». Показательно, однако, что даже В. Г. Белинский, при всей своей антипатии к самодержавным порядкам, видел в Петербурге «способ распространения и утверждения европеизма в русском обществе. Петербург есть образец для всей России во всем, что касается до форм жизни, начиная от моды до светского тона, от манеры класть кирпичи до высших таинств архитектурного искусства...»¹. Многие историки и публицисты, отечественные и зарубежные, писали о Петербурге, как о первом (а иногда и единственном) в России «европейском» городе, центре знаний и просвещения, который уже самим своим появлением всколыхнул «дремучую» Русь.

Новый и заслуживающий серьезного внимания импульс к дискуссии о сути историко-культурного феномена Петербурга дают, на наш взгляд, работы академика Д. С. Лихачева, переизданные и вовлеченные в научный оборот на качественно ином уровне в последнее время. Среди них работы: «Петровские реформы и развитие русской культуры», «Русская культура Нового времени и Древняя Русь», «Русская культура в современном мире» и другие, изданные Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов в 2006 году в сборниках «Избранные труды по русской и мировой культуре» Д. С. Лихачева и «Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов»². Отдельные аспекты Петербургской культуры затрагиваются Д. С. Лихачевым в работах, посвященных Н. В. Гоголю, Ф. М. Достоевскому и другим русским литераторам, в монографии «Поэзия садов» и др.³ Особый интерес представляют «Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века»⁴. Однако главной в данном плане является лекция «Петербург в истории русской культуры», прочитанная ученым при посвящении его в Почетные доктора СПбГУП 19 мая 1993 года⁵.

¹ *Белинский В. Г.* Петербург и Москва // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 8. С. 396–397.

² *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006; Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006.

³ *Лихачев Д. С.* Достоевский в поисках реального и достоверного // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 285–303; *Лихачев Д. С.* Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие: ОАО «Тип. «Новости»», 1998.

⁴ *Лихачев Д. С.* Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 276–284.

⁵ *Лихачев Д. С.* Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 11–25.

Не вызывает сомнений, что Дмитрий Сергеевич был буквально влюблен в Петербург. Его научные и публицистические работы о городе полны восторженных оценок. Петербург, по его убеждению, не только сконцентрировал в себе «лучшие стороны русской культуры»¹, но он также «самый русский среди русских, и самый европейский среди европейских городов»². Однако подобные оценки — не просто дань традиционной апологетике Петербурга, они не носят произвольного характера, но органично вытекают из всей системы взглядов ученого.

Д. С. Лихачев создал культуросцентричную концепцию истории³. Для него неприемлема логика, по которой до сих пор строятся многие школьные и вузовские учебники: сначала очень подробно анализируются экономические и политические процессы, а потом, в конце, между прочим, — культура того или иного исторического периода, да еще поданная, как сухой перечень некоторых достижений в области науки и искусства. Именно против такого подхода выступал академик, критикуя марксистскую теорию исторического процесса в ее вульгаризированной форме. По его убеждению, «учение марксизма» есть «принижающее окружающее общество, подчиняющее его грубым материальным законам, убивающим нравственность...»⁴.

История человечества для Д. С. Лихачева — это в первую очередь история культуры. Именно в культуре воплощены главный смысл и главная ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств⁵. И смысл жизни на индивидуальном, личностном уровне, по Д. С. Лихачеву, также обретается в культурном аспекте человеческой деятельности. Изучение культуры во многом означало для Дмитрия Сергеевича исследование тех связей, того «внутреннего стержня», который создает структуру общества, направляя в значительной мере ход истории. Будущее общества соответственно рассматривалось ученым как некий культурный проект, созданный прошлым. Ни государство, ни народ, ни отдельная личность не могут начать жизнь заново, «с чистого листа». Возможность управлять будущим ограничена рамками предшествующей культуры. Но история не только задает границы возможного, но и содержит указания на наиболее перспективные пути его развития.

¹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 24.

² Там же.

³ Подробнее см.: *Запесоцкий А. С. Великий русский культууролог* // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 27 нояб. С. 4.

⁴ Лихачев Д. С. Избранное. Воспоминания. СПб.: Logos, 1997. С. 182.

⁵ См.: Лихачев Д. С. Декларация прав культуры (проект идей): впервые представлена в СПбГУП на Дне знаний 1 сентября 1995 г. // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 29.

Упомянем еще раз центральные тезисы ученого о генезисе русской культуры. В статье «Русская культура в современном мире» Д. С. Лихачев отмечал: «Учитывая весь тысячелетний опыт русской истории, мы можем говорить об исторической миссии России. В этом понятии исторической миссии нет ничего мистического. Миссия России определяется ее положением среди других народов тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях этой многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным»¹.

Вместе с тем российская культура, в понимании Лихачева, — это культура европейская на протяжении всего ее развития. «Литература, общая для южных и восточных славян, была литературой европейской по своему типу и в значительной мере по происхождению, — писал он. — ...Это была литература, близкая византийской культуре, которую только по недоразумению или по слепой традиции, идущей от П. Чаадаева, можно отнести к Востоку, а не к Европе»². В монографии «Развитие русской литературы X–XVII веков» он приходит к выводу, что наиболее сильное культурное воздействие оказывали на Русь не азиатские страны, а Византия и Скандинавия. Однако по характеру их влияние было неодинаковым. По мнению Д. С. Лихачева, «византийское влияние поднималось до сравнительно совершенных форм общения высокоразвитых духовных культур»³.

На Русь проникали из Византии литературные и иконописные традиции, политическая и естественно-научная мысль, богословие и т. д. Влияние Скандинавии было другим и сказывалось прежде всего на военном деле, государственной организации, экономике⁴. Но даже в этих областях оно являлось более поверхностным и неопределенным, чем византийское. Влияние степных народов, как полагал Лихачев, было весьма скромным, по сути, архаичным. Исследователь также считал, что не следует преувеличивать воздействие на русскую культуру, общество и государство татаро-монгольского нашествия. Соответственно по мысли ученого, что «Русь естественнее было бы назвать Скандовизантией, нежели Евразией»⁵.

¹ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 196.

² Лихачев Д. С. Первые семьсот лет русской литературы // Лихачев Д. С. Избранное. Великое наследие. Классические традиции литературы Древней Руси. Заметки о русском. СПб.: Logos, 1997. С. 30–31.

³ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. СПб.: Наука, 1998. С. 18.

⁴ Там же.

⁵ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 359.

Взгляд академика Лихачева на европейский характер культуры России определил и его взгляды на деятельность Петра I, на ту оценку, которую Дмитрий Сергеевич дал мероприятиям царя-реформатора в области культуры. Он вовсе не считал Петровскую эпоху временем разрыва с национальными традициями, отрицал популярный у многих авторов тезис о том, что якобы «Петр и его эпоха вырыли пропасть между старой и новой Россией»¹.

При этом важно подчеркнуть, что Д. С. Лихачев не ограничивал тесную взаимосвязь Петровской эпохи с предшествующим развитием России только XVII веком. В последнем факте историки и философы не сомневались задолго до него. Еще К. Д. Кавелин писал: «В течение XVII в. явно обозначились новые потребности государства и призваны были те же средства для их удовлетворения, которые были употреблены в XVIII в., в так называемую эпоху преобразований»². Однако ученый последовательно отстаивал тезис о европейском характере древнерусской культуры и, в частности, литературы на протяжении всего ее существования. Положение о закономерности реформ Петра, их обусловленности всей логикой предыдущего развития отечественной культуры было для академика принципиальным³.

Во многом именно такое **понимание эпохи Петра I как логичного, закономерного этапа в развитии России и российской культуры и определило взгляд Дмитрия Сергеевича на сущность культуры Петербурга**. Еще В. Г. Белинский, размышляя о роли Петербурга в отечественной истории, задавался вопросом: «Что-нибудь одно: или реформа Петра Великого была только великою исторической ошибкою, или Петербург имеет необъятное великое значение для России»⁴. И Лихачев убедительно доказывал: реформы Петра являлись не «ошибкой», но естественным следствием всего историко-культурного развития страны. Следовательно, созданный в ходе этих реформ Петербург закономерно вобрал в свою культуру лучшие традиции русской культуры, европейской по своей сути, став городом общемировых культурных традиций. Ибо важнейшими особенностями европейской культу-

¹ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 166.

² Цит. по: Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 2003. IV. Контекст. § 4.2. Петр — ускоритель уже начавшейся до него европеизации. С. 736.

³ См.: Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 168.

⁴ Белинский В. Г. Указ. соч. С. 394.

ры, по Лихачеву, являются личностное начало, стремление к свободе и восприимчивость к другим культурам. Именно поэтому в петербургской культуре органично соединяются художественные традиции Древней (допетровской) Руси и различных европейских стран Нового времени.

Подкрепляя данное положение конкретными примерами, академик Лихачев показывает влияние на облик Петербурга древнерусских архитектурных традиций. Они обнаруживаются, прежде всего, в наиболее старых постройках города, например в планировке здания «Двенадцати коллегий», в сводах Меншиковского дворца («там и псковские, и новгородские своды») и др.¹

Причины этого понятны. Как справедливо отмечает историк архитектуры С. П. Заварихин: «...петровское барокко даже при наличии европейских влияний не смогло бы так быстро сформироваться, если бы оно не было подготовлено предыдущим, почти вековым, периодом развития русского зодчества»². Влияние русских традиций на зодчество сказывалось и в том случае, если непосредственными руководителями строительства, архитекторами были иностранцы. Трудно не согласиться с И. Грабарем, который писал, что большинство «иноземных» зодчих «сами изменяли творческую манеру под влиянием русских мастеров» и «часто совершенно забывали о своем первом отечестве и становились русскими в полном смысле слова, русскими по складу, по духу и чувству»³.

Русский характер придавали Петербургу также церкви, которые в XIX веке стали строить в «национальном» стиле. Характерно, что Д. С. Лихачев решительно опровергает тезис о «подражательности» того стиля, в котором работали архитекторы К. А. Тон и А. И. Штакеншнейдер. «Подражание обычно, — пишет он, — в какой-то мере отрывает содержание от формы. Здесь этого не было. Например, колокольни требовались по законам церковного богослужения; пятиглавия соответствовали русскому религиозному сознанию»⁴. Еще одной чертой, роднящей Петербург со старинными русскими городами, было, по мнению ученого, наличие в нем гостиных дворов, характерных «для Архангельска, Новгорода, Костромы, Ярославля, Калуги...»⁵. Влияние древнерусских традиций, разумеется, не ограничивалось только архитектурой. «Древнерусские культурные традиции, — отмечал Дмитрий Сергеевич — жи-

¹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 263.

² Цит. по: Смирнов С. Б. Указ. соч. С. 15.

³ Грабарь И. История русского искусства. М., 1910. Т. 1. С. 1, 2.

⁴ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 264.

⁵ Там же. С. 263.

вут в Петербурге и в письменности, преимущественно старообрядческой, и в музыке, преимущественно церковной...»¹

Тесное переплетение в петербургской культуре древнерусских и западноевропейских традиций несколько роднило ее, по мнению ряда философов, с культурой древнего Новгорода. Выдающийся философ Г. П. Федотов писал: «Богат и сложен Великий Новгород. Мы и сейчас не понимаем, как мог он совместить с буйным вечем молитвенный подвиг, с русской иконой ганзейский торг. Все противоречия, жившие в нем, воскресли в старом и новом Петербурге...»² Сходные идеи высказывал литературовед и писатель В. В. Гиппиус: «Окно в Европу. Не “выдумка” Петра, как изощрялись славянофилы, а “история России с древнейших времен”. Мы не так давно выучили: древняя Россия не только Киев, но и Новгород... Теперь наконец выучим: и — Петербург. Новгород — Киев — Москва, — Петербург или Новгород, придвинутый к морю!»³

Интересно, что Д. С. Лихачев также проводил некоторые аналогии между историко-культурными судьбами Петербурга и Новгорода. В работе «О русской интеллигенции» ученый отмечал: «Европа торжествовала при Петре в России, потому что в какой-то мере Петру удалось восстановить тот путь “из Варяг в Греки”, который был прерван в России татаро-монгольским игом, и построить у его начала Петербург»⁴. Здесь же он отмечал, что именно путь «из Варяг в Греки» являлся в Древней Руси не просто торговой артерией, но и путем «распространения культуры», важнейшим же центром на этом пути был Новгород⁵.

Весьма показательно, что связь Петровской эпохи с предыдущим развитием страны наряду с убежденными «западниками» отрицали сторонники евразийства, только они наделяли произошедший культурный «переворот» исключительно отрицательными характеристиками. Так, князь Н. Трубецкой полагал, что «если Россия до Петра Великого по своей культуре могла считаться чуть ли не самой даровитой и плодотворной продолжательницей Византии, то после Петра Великого, вступив на путь романогерманской “ориентации”, она оказалась в хвосте европейской культуры, на задворках цивилизации»⁶.

¹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 264.

² Федотов Г. П. Три столицы // Москва–Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания. С. 484.

³ Гиппиус В. В. Сон в пустыне // Там же. С. 384.

⁴ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 379.

⁵ Там же. С. 384–385.

⁶ Цит. по: Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. С. 371–372.

Для Д. С. Лихачева подобное отречение российских интеллектуалов от Европы, «игра в азиатчину» были, по всей видимости, в лучшем случае неприятным кокетством, в худшем — политической безответственностью¹. Вот почему столь определенно писал он в работе «О русской интеллигенции», что Россия однозначно принадлежит Европе и по религии и по культуре². И здесь же ученый подчеркивал: «Россия по своей культуре отличается от стран Запада не больше, чем все они различаются между собой: Англия от Франции или Голландия от Швейцарии. В Европе много культур»³.

Отрицая постулаты «евразийства», Дмитрий Сергеевич был, конечно, далек от того, чтобы отрицать влияние на формирование Петербурга культурных традиций неевропейских стран. Прочитируем еще раз: «Петербург — город общемировых культурных интересов, это отразилось и в его внешнем облике: на берегу Большой Невы стоят египетские сфинксы, китайские ши-цзы и античные вазы. Кстати сказать, это характерная черта не только Петербурга, но и Рима, и Парижа, и Лондона — центров мировой культуры. И это очень важная черта нашего города»⁴.

Данная фраза заставляет вспомнить слова блестящего знатока культуры Петербурга Н. П. Анциферова из его широко известной работы «Душа Петербурга»: «Годы вносили в строгий и прекрасный покров Северной Пальмиры все новые черты империализма. Словно победоносные вожди справляли здесь свои триумфы и размещали трофеи по городу. А Петербург принимал их, *делал своими, словно созданными для него* (курсив наш. — Авт.). На набережной Невы... поместились два сфинкса — с лицом Аменготепса III... И эти таинственные существа, создание далеких времен, отдаленных стран, чуждого народа, здесь, на берегах Невы, кажутся нам совсем родными, вышедшими из вод великой реки столицы Севера...»⁵

Становление петербургской культуры, по мнению и Н. П. Анциферова, и Д. С. Лихачева, **вовсе не предполагало слепого копирования чужеземных образцов, формального соединения разнородных элементов, но являлось результатом творческой переработки чужого, его изменения применительно к русской специфике.**

¹ Подробнее об отношении Д. С. Лихачева к евразийству см.: *Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог* / СПбГУП. СПб., 2007. С. 72–90. Примеч.: ряд глав написаны в соавт. с Ю. В. Зобниным, Л. А. Санкиным, Т. Е. Шехтер, Ю. А. Запесоцким.

² См.: *Лихачев Д. С. О русской интеллигенции* // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 384.

³ Там же.

⁴ *Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры* // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 16–17.

⁵ *Анциферов Н. П. Указ. соч.* С. 36.

Что же касается мифа о «чужеродности» Петербурга для России, об отсутствии связей между петербургской культурой и русскими национальными традициями, то подобный взгляд был во многом создан самим царем-реформатором, который, говоря словами Лихачева, хотел и умел «придать демонстративный характер не только своей собственной фигуре, но и всему тому, что он делал»¹. Поясняя причины целенаправленного создания Петром I подобной легенды, ученый отмечал: «Раз необходимо было большее сближение с Европой, значит, надо было утверждать, что Россия была совершенно отгорожена от Европы. Раз надо было быстрее двигаться вперед, значит, необходимо было создать миф о России, косной, малоподвижной и т. д. Раз нужна была новая культура, значит, старая никуда не годилась»². Надо заметить, что взгляды царя-реформатора вполне разделяли и многие его сподвижники, причем зачастую вполне искренне. Они сами поднялись «из ничтожества» благодаря реформам, ощущали себя создателями новой России, а прошлое страны склонны были оценивать с долей пренебрежения. В свете новизны Петровских реформ и Петербург неизбежно воспринимался многими как «небывалый», чуждый «старой» Руси город.

Мысль о демонстративной составляющей в облике Петербурга в Петровские времена высказывал целый ряд историков культуры. Так, по мнению Е. Э. Келлер, «политические притязания Петра и необходимость пропаганды и рекламы рождали некоторые обязательства — обязательства самого царя перед столицей и перед страной, обязательства столичного Петербурга перед Россией...»³ Сознательная деятельность Петра I по конструированию нового образа страны стала объектом анализа в работах молодого петербургского ученого Ю. А. Запесоцкого. Пользуясь современной терминологией, он отмечает, что царь-реформатор «осуществил то, что сегодня можно было бы назвать ребрендингом, в масштабах целого государства»⁴. Выводы Ю. А. Запесоцкого опираются на утверждение Д. С. Лихачева о том, что Петр осознанно перенес столицу на Запад⁵. На новом месте легче было творить новый миф. **Разрыв со старой знаковой систе-**

¹ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 165.

² Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Там же. С. 191–192.

³ Келлер Е. Э. Указ. соч. С. 99.

⁴ Запесоцкий Ю. А. Образ России как культурная доминанта петровских реформ // Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог. С. 69.

⁵ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 165.

мой, однако, вовсе не означал, как говорилось, полного разрыва с культурными традициями.

Более того, как ни парадоксально это прозвучит, но, отодвигая столицу к рубежам державы, Петр I, по мнению Дмитрия Сергеевича, также следовал очень древней традиции. Ни об одной особенности Петербурга не было высказано, пожалуй, столько критических и резких замечаний, как о его пограничном положении. Еще Д. Дидро, ссылаясь на слова С. К. Нарышкина, писал Екатерине II: «Страна, в которой столица помещена на краю государства, похожа на животное, у которого сердце находилось бы на кончике пальца...»¹ Однако Лихачев приводит целый ряд исторических примеров, опровергающих мнение об абсолютно нетипичном географическом положении Петербурга: «Характерно следующее: стремление русских основывать свои столицы как можно ближе к границам своего государства. Киев и Новгород возникают на важнейшем в IX–XI вв. европейском торговом пути, соединявшем север и юг Европы — на пути “из варяг в греки”. <...> А затем, после татаро-монгольского ига, как только открываются возможности торговли с Англией, Иван Грозный делает попытку перенести столицу поближе к “морю-окиану”, к новым торговым путям — в Вологду...»²

Интересно, что для ученого был **неприятелем не только тезис о «нерусскости» Петербурга, но и тезис о том, что он является слепком с западноевропейских образцов.** Подобный взгляд типичен для многих западноевропейских авторов как в прошлом, так и в наши дни. По словам же Д. С. Лихачева, Петербург является необычным городом, который не только «чрезвычайно европейский, и чрезвычайно русский», но и в силу этого «отличается и от Европы, и от России»³.

Даже внешне Петербург не похож на западноевропейские города, которые формировались в средние века на территории, ограниченной крепостными стенами. Об этой «непохожести» Петербурга на старые европейские столицы также писал В. Г. Белинский: «Говорят еще, что Петербург не имеет в себе ничего оригинального, самобытного... и как две капли воды похож на все столичные города в мире. Но на какие же именно? На старые, каковы, например, Рим, Париж, Лондон, он походить никак не может; стало быть, это суцая неправда»⁴.

¹ Цит. по: *Исупов К. Г.* Указ. соч. С. 12.

² *Лихачев Д. С.* Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 195.

³ *Лихачев Д. С.* Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 15.

⁴ *Белинский В. Г.* Указ. соч. С. 394.

Петербург возник в совершенно другую эпоху, нежели старинные города Западной Европы, и облик его иной. Коль скоро реформы Петра ознаменовали переход русской культуры «от средневекового типа к типу культуры Нового времени»¹, то и **Петербург строился в первую очередь, как город нового времени**. Он появился в эпоху, для которой в высшей степени был характерен культ разума, рационализма, знания. **Петербург возводился по четкому плану**, согласованному с личными распоряжениями царя, который видел в Петербурге «образцовый», «примерный» город.

Принадлежность Петербурга к Новому времени выразилась также в том, что **он изначально планировался и создавался как научный центр и центр просвещения**. Неслучайно еще упомянутый выше И. Голиков сравнивал «град Петров» с Александрией — средоточием философских и научных школ древности. Именно в Петербурге уже в XVIII веке активно формируется слой образованных людей, сюда стекаются лучшие художественные и научные силы со всей России и из-за рубежа. Развитие научных и учебных заведений здесь происходит чрезвычайно быстрыми темпами. Эту особенность чутко уловил еще Вольтер, который, посвящая графу И. И. Шувалову свою трагедию «Олимпия», писал: «Не прошло и 60 лет с той поры, как положено было начало вашей империи — Петербургу, а у вас уже давно существуют там научные учреждения и великолепные театры...»² Таким образом, город молод, но «научные учреждения» существуют там «давно» — с самого основания.

Именно «просветительская» роль Петербурга, по убеждению Д. С. Лихачева, определила существенные черты его культуры. Здесь необходимо отметить, что Дмитрий Сергеевич, высоко оценивая достижения древнерусской культуры, указывал одновременно на «отсутствие на Руси университетов и вообще высшего школьного образования»³. Правда, еще в 1687 году в Москве открылось Славяно-греко-латинское училище, позже названное Академией, в котором молодые люди постигали «семена мудрости» из наук гражданских и церковных, «наченше от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословия...»⁴ Но это учебное заве-

¹ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 168.

² Цит. по: Исупов К. Г. Указ. соч. С. 15.

³ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 206.

⁴ Цит. по: Буганов В. И. Мир истории: Россия в XVII столетии. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 287.

дение не являлось университетом в полном смысле слова. К тому же, в отличие от европейских университетов данного периода, Академия находилась под контролем церкви. Венцом учености в ней почиталось «богословие», да и численность учеников здесь была невелика. Любые попытки руководивших Академией братьев Лихудов выйти за установленные церковными иерархами пределы немедленно вызвали резкую отповедь. Для Православной церкви университетская наука Западной Европы означала, в первую очередь, «латинство», чуждую и враждебную веру и вызывать симпатии не могла.

Петр I начинает создание в России широкой системы светского образования, и именно при его правлении приходит на Русь европейская наука нового времени. Приходит во многом через Петербург и благодаря Петербургу. С ролью города на Неве как крупнейшего, особого центра науки и просвещения связана, по мнению Д. С. Лихачева, и такая черта петербургской культуры, как академизм. Ученый отмечает, что здесь формируется особая «склонность к классическому искусству, классическим формам», что «проявилось как внешне в зодчестве... так и в существе интересов петербургских авторов, творцов, педагогов и т. д.»¹. Согласно Лихачеву, в Петербурге все основные европейские и мировые стили приобретали классический характер. **Классицизм** с его четкостью, ясностью и содержания, и формы закономерно обусловил такую неотъемлемую черту петербургской культуры, как профессионализм, который пронизывает и науку, и искусство, и даже общественно-политическую деятельность.

Профессионализм, в трактовке Д. С. Лихачева, вовсе не сводится к узкой специализации, но, напротив, предполагает тесную «связь наук и искусств с обучением. Научные школы были даже формально связаны с учебными заведениями»². Учебные заведения Петербурга традиционно давали глубокое и разностороннее образование, ибо профессионализм работавших в них специалистов базировался на фундаментальном образовании.

Закономерно, что именно в Петербурге зародился и был сформирован высший, по Лихачеву, тип человеческой личности — **интеллигенция**. По убеждению Дмитрия Сергеевича, интеллигенция явилась удивительным взлетом европейской духовной традиции, явлением, естественным образом возвращенным именно на российской почве. (К этому утверждению пришел и выдающийся российский культуролог М. С. Каган³.) Для появления интеллигенции, «нужно было соеди-

¹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 17.

² Там же.

³ Каган М. С. Указ. соч.

нение университетских знаний со свободным мышлением и свободным мировоззренческим поведением»¹. Интеллигент, по Д. С. Лихачеву, — это совестливый человек, обладающий образованием и интеллектуальной свободой².

Академик неоднократно отмечал, что интеллигент не только образован, он еще и духовно свободен. В России в условиях деспотизма высказывать свои мысли опасно, но скрывать их невозможно, непереносимо для подлинного интеллигента. Именно об этом трагическом столкновении интеллигенции с тиранией писал Джеймс Биллингтон, уподобляя судьбу «европейской культуры» в Петербурге (а вернее — в России в целом) судьбе свободолюбивой пальмы из притчи В. Гаршина. «История европейской культуры в этом городе, — говорится в его книге “Икона и топор”, — напоминает историю экзотической пальмы в рассказе Всеволода Гаршина. Искусственно пересаженная из жарких краев в оранжерею северного города, эта пальма тщится одарить все запертые в оранжерее покорные растения буйной свободой своей родины. Ее блистательное устремление вверх, к неуловимому солнцу... завершается разбитым потолком оранжереи и убийственной встречей с подлинным климатом этих мест»³.

Однако при всей эмоциональной напряженности подобного образа выводы Д. Биллингтона весьма отличаются от убеждений Лихачева. Дмитрий Сергеевич не без оснований считал интеллигенцию именно русским явлением. «Постоянное стремление к свободе существует там, где есть угроза свободе. Вот почему интеллигенция как интеллектуально свободная часть общества существует в России и неизвестна на Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества меньше (или она минимальна)»⁴. Используя метафору Гаршина, «подлинный климат» России не убил цветущую зелень интеллектуальной свободы, но закалил ее носителей, сделал их подлинными интеллигентами.

Именно поэтому Д. С. Лихачев в числе важнейших сторон петербургской культуры называет существование в городе многочисленных

¹ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 379.

² См. подробнее: Запесоцкий А. С. Последний российский интеллигент: к 100-летию со дня рождения Дмитрия Лихачева // Огонек. 2006. 20–26 нояб. (№ 47). С. 14–15; Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев и русская интеллигенция // Нева. 2006. № 11. С. 129–140.

³ Биллингтон Д. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Рудомино, 2001. С. 234.

⁴ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 371.

добровольных объединений, кружков, общественных организаций, в которых «собиралась мыслящая часть общества — ученые, художники, артисты, музыканты и т. д.»¹. Многие из этих групп формировались по профессиональным занятиям людей, в них входящих, и, соответственно, способствовали «росту петербургского профессионализма»². В другие группы входили люди разных профессий, но сходного мировоззрения, убеждений. Неофициальные и полуофициальные объединения играли особую роль в формировании общественного мнения: «Общественное мнение в Петербурге, — писал Д. С. Лихачев, — создавалось не в государственных учреждениях, а главным образом в этих частных кружках, объединениях, на журфиксах, на встречах ученых и т. д. Именно здесь формировалась и репутация людей...»³

К числу подобных кружков относилась и «Космическая академия», в которую в юности входил сам Дмитрий Сергеевич, и которая была жестоко разгромлена советской властью. Склонные к деспотизму правительства всегда крайне негативно относились к неформальным объединениям мыслящих людей, не без оснований видели в них угрозу. Однако, по мнению Д. С. Лихачева, именно благодаря им в Петербурге «сконцентрировались самые лучшие черты русской культуры»⁴.

Петербург, таким образом, оценивается ученым как своего рода вершина российско-европейско-мирового культурного развития. Петербургская культура вобрала в себя лучшие черты российской культуры, как «европейская, универсальная культура; культура, изучающая и усваивающая лучшие стороны всех культур человечества»⁵.

Разумеется, включением воззрений академика Лихачева, касающихся сути Петербурга как культурного феномена российской истории, в контекст современных дискуссий черта под спорами по данному вопросу не может быть подведена. Во-первых, есть основания полагать, что актуализация историко-культурного научного наследия Д. С. Лихачева, происходящая в настоящее время, является лишь частью современного процесса по воссозданию целостной картины истории российской культурологической мысли картины, существенно деформированной в советское время. И результаты этого процесса не могут не сказаться на осмыслении фактов и явлений нашей истории. Во-вторых,

¹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 21.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 22–23.

⁴ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 23.

⁵ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 361.

можно предположить аналогичный эффект и от общего стремительного развития отечественных гуманитарных наук¹, в особенности от совершенствования методологии междисциплинарных исследований.

Наконец, как нам представляется, утверждение взгляда на историю Отечества как историю Культуры, историю утверждения и неуклонного расширения Человеческого начала является в целом одним из прогрессивных направлений развития исторической науки.

Все это позволяет нам надеяться на дальнейшее развитие дискуссии по различным аспектам историко-культурной сути феномена Петербурга.

¹ См., напр.: Важнейшие достижения научно-исследовательской и научно-организационной деятельности ОИФН РАН в 2001–2006 гг. / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук. М.: УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН.

Часть III

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ — ГРАЖДАНИН И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

3.1. ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Последние 15 лет интеллигенция в России не играет сколь-нибудь существенной роли. Однако в предыдущие времена события развивались иначе. Интеллигенцию боготворили и ненавидели, ее считали мозгом нации и обзывали экскрементами, ее боялись, уничтожали, возвеличивали, высылали на пароходах, пытались купить высокими постами, с ней заигрывали. Считаться интеллигентом было престижно. Само выражение «истинный интеллигент» говорило о том, что были и неистинные — многие пытались выгладеть интеллигентами. Тогда спорили о том, обязательно ли интеллигент должен находиться в оппозиции власти или должен сам идти во власть, чтобы претворять в жизнь свои убеждения. Все это — в прошлом. Теперь власть увлечена спорами с бизнесом. Власть хочет денег, а бизнес хочет власти. Интеллигенция для них — третий лишний.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов, в период слома социалистической системы, российские интеллигенты сначала оказались востребованы реформаторами-революционерами, использованы, а затем отгеснены на обочину исторического развития. На авансцену общественной жизни вышел и утвердил себя диаметрально противоположный интеллигенции социальный тип — новые русские. Именно они стали хозяевами жизни во второй части периода ельцинского правления. «Если ты такой умный, то почему такой бедный?» — с издевкой вопрошали они. Писатели, ученые, инженеры, педагоги возмущались, но о них, казалось, совсем забыли. Забыли настолько, что теперь в рассуждениях об интеллигенции допускается возможность ее использования как инструмента — вроде зубочистки. Дескать, во власть ее пускать не будем, а для каких-то иных надобностей, может быть, и приспособим: «Следует предоставить интеллигенции монополию на обустройство эстетического измерения империи, перекрыв доступ к исполнительным механизмам. <...> Производство идеологических составляющих власти, в том числе национальные идеи, нельзя доверить чиновнику, даже самому надежному “члену команды”. Здесь интеллигенция незаменима»¹.

¹ Секацкий А. Интеллигенция и материя // Известия. 2006. № 116. 3 июля.

Думается, подобные советы могут быть безоговорочно восприняты лишь чиновниками, не отягощенными знанием истории. В них содержится очевидная опасность для «пользователей». С самого момента появления интеллигенции попытки ее использовать предпринимались властью каждый раз, когда «сильные мира сего» попадали в трудные ситуации. Обретя почву под ногами, власть от интеллигенции снова отворачивалась и получала опаснейшего оппонента, подготавливая тем самым очередную смену власти.

Ельцинский период — время очередной революции и смуты на Руси. Для многих — некое затмение и разума, и совести. Чуть ли не все общество вдруг стало напоминать потерявшую человеческий облик толпу, бросившую громить винные склады. Власть сначала была озабочена своим собственным переструктурированием и становлением. А затем совершенно неожиданно для многих оказалась во главе погромщиков. Видимо, это случилось в результате принципиальной ошибки реформаторов: ускоренного административным ресурсом формирования олигархического капитала в условиях недоразвитого рынка, отсутствия в стране как среднего класса, так и соответствующего рынку правового поля и культурных традиций. После 1996 года олигархи фактически захватили власть. Для идей многопартийности, демократии, свободы слова, да и просто совестливости места в идеологии правящего слоя уже не оставалось.

Теперь в стране медленно, но наступает некоторое отрезвление. Впрочем, если внимательно присмотреться, далеко не все общество позволило себе запачкаться участием в погроме. Ни Дмитрия Лихачева, ни Даниила Гранина в рядах погромщиков не было. Часть совестливых людей была отторгнута властью в начале 1990-х годов, другая часть — в середине. Сохранили человеческое достоинство и миллионы простых людей, продолжавших делать свое дело: учить детей, лечить стариков, печь хлеб.

И не случайно в последнее время общество начало снова вспоминать об интеллигенции. Похоже, что-то в стране без нее не получается. Думается, без интеллигенции не может состояться воссоздание сильной, независимой России. Никакие репрессивные меры у нас не решают проблем коррупции, клановости, расизма и т. д. В отличие от Латинской Америки или Грузии, сегодняшней Россией нельзя управлять только силой. В отличие от современного Запада, сегодняшней Россией нельзя управлять и одним манипулированием. В отличие от сегодняшней Украины или стран Балтии, Россией никогда нельзя было управлять разжиганием национализма. Вот тут и вспоминается способность интеллигенции влиять на общественное мнение, на создание нравственного климата.

В последнее время все рельефнее обозначаются и новые проблемы российского бизнеса. Его аморальность перестает восприниматься об-

ществом как норма жизни. Бизнесу поставлен диагноз: «Ты богат не потому, что умен, а потому, что нечестен». Восприятие обществом богатства как плода бессовестности лишает бизнес стабильности. А это — вторая фундаментальная для бизнеса ценность после денег. Кроме того, в последние годы в России высветилась и несостоятельность концепции развития экономики без моральных ограничений. Вопреки убеждениям доморощенных реформаторов выяснилось, что безнравственная экономика не может быть эффективной.

Таким образом, складываются новые предпосылки для востребованности интеллигенции и государством, и бизнесом. Но самое главное — существенно меняются настроения рядовых граждан. Оказывается, что материальные ценности при всей их привлекательности не могут в России заменять ценности духовные.

Но существует ли сегодня в стране истинная интеллигенция и способна ли она соответствовать новым вызовам эпохи? На эти вопросы нет простых ответов.

Как это часто бывает, желание осмыслить настоящее и попытки заглянуть в будущее, тем более на него повлиять, заставляют заново обратить свой взор в прошлое. В связи с этим **закономерен нынешний интерес общества и государства к идейному наследию академика Лихачева, его духовно-нравственному облику: Дмитрий Сергеевич не только больше всех сделал для осознания глубинной сути, общественной природы интеллигенции, но и сам стал ее общепризнанным олицетворением.** Не случайно Даниил Гранин в одной из своих публицистических статей назвал Дмитрия Лихачева последним российским интеллигентом. Слово «последний», как представляется, было произнесено с целью обострения полемики. Но даже если отбросить эту гиперболизацию, признание Лихачева в качестве своего рода эталона интеллигента несомненно.

Дмитрий Сергеевич Лихачев...

Есть люди, которые даже после ухода из жизни с течением времени становятся ближе, понятнее и роднее. Может быть, с возрастом и опытом мы меняемся к лучшему (если так, то жаль, что столь медленно). Может быть, большое действительно лучше видится на расстоянии.

Готовя к 100-летию Дмитрия Сергеевича Лихачева издание двух его книг, я еще раз перечитал то, что вроде бы знал. Я много раз беседовал с ним, организовывал дискуссии с его участием, присутствовал при его выступлениях. Теперь вижу, что понималось мною далеко не все. Чтобы приблизиться к сути, потребовались годы научной работы и жизни. Но и сейчас, думаю, мое приближение является неполным. Удивительная простота высказываний и текстов академика содержат в себе и удивительную глубину.

Лихачев для сегодняшней науки нетипичен. Как насмешливо говорил Козьма Прутков, специалист подобен флюсу. Это изречение

отражает одну из объективных тенденций развития современного научного процесса. Время ученых-энциклопедистов, кажется, безвозвратно ушло в прошлое. Это в минувшие века можно было быть физиком, химиком, биологом, математиком и геологом одновременно в одном лице. Теперь тот или иной ученый может посвятить всю свою жизнь, скажем, проблемам искусственного осеменения и весьма смутно ориентироваться в сути естественного. Даже нобелевские премии нередко дают за эффекты, первооткрыватели которых в момент свершений не имели ни малейшего представления о судьбоносных последствиях своих экспериментов. Обычно, представляя широкую аудитории действительно великих ученых, академиков (звание, по определению подразумевающее масштабность и широту вклада в науку), приходится добавлять: специалист в такой-то области. Что уж говорить о простых докторрах и кандидатах...

И все же **энциклопедисты появляются и в современную эпоху, среди нас**. Правда, распознать их не всегда удастся сразу. Так и с Дмитрием Сергеевичем. Почти всю жизнь он занимался научными исследованиями по древнерусской литературе в качестве сотрудника Пушкинского Дома. И добился блистательных результатов, за которые был избран в Российскую Академию наук. Теперь его имя достойно запечатлено в истории отечественного литературоведения рядом с именами других звезд ИРЛИ: А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц, А. М. Панченко, Н. Н. Скатова. Однако, помимо классического литературоведения, ученого интересовал и целый ряд других вопросов и проблем как близких этой области, так и достаточно далеких от нее.

В 1980-е годы, в особенности — в период перестройки, общественное мнение возвело Лихачева в ранг культовой фигуры общенационального масштаба благодаря его выступлениям в защиту культуры. Как говорит теперь Гранин, Дмитрий Сергеевич «был министром той культуры, которой власть не занимается»¹. Академик вступал в споры там, где власть проявляла невежество, и нередко одерживал победы благодаря научному авторитету, глубине своей аргументации и исключительной внешней простоте приводимых доводов, делавшей их понятными даже плохо образованным партийным функционерам.

В то время многие, считавшие себя не менее крупными учеными, начали завидовать его популярности. За глаза, намеками, недоброжелатели стали упрекать Лихачева в популяризаторстве в ущерб академизму. По сути — в легковесности. И только теперь, когда страсти поутихли, когда его работы оказались снова востребованы, когда появилась возможность обстоятельного ретроспективного анализа лихачевского

¹ Гранин Д. Он был министром той культуры, которой власть не занимается // *Очень*^{UM}. 2006–2007. № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 23.

наследия, стала высвечиваться научная значимость, казалось бы, популяризаторских работ академика, выполненных им «на общественных началах». Более того, становится очевидным, что «второстепенное» — работы о культуре, искусстве и другие — как минимум не уступает признанному в академической среде, считавшемуся основным. В этих работах нет внешних признаков наукообразия: перегруженности специальными терминами, превращающей язык публикаций из русского в «птичий», цитат и примечаний, оформленных по специальным правилам и т. д. Но это никак не сказывается на научности сути, не умаляет масштаба лихачевских идей и концепций.

Происходит третье (после литературоведческого и общественного) признание Лихачева — как крупнейшего ученого-гуманитария и выдающегося российского мыслителя XX века.

Одной из самых ярких работ Лихачева стало его письмо «О русской интеллигенции» в журнал «Новый мир», опубликованное в феврале 1993 года¹. Напомню новому поколению читателей, о чем там говорилось.

В начале сам Дмитрий Сергеевич подчеркивает, что направленный им в редакцию текст — «это — не статья, это именно письмо, в котором автор говорит, пусть и без строгого порядка, но так, как он представляет себе дело сегодня, как обязывает говорить его собственный житейский опыт»². Между тем в этом «разговоре» ученый формулирует почти все основные элементы современных научных представлений об интеллигенции, оформившихся в постсоветский период при его живейшем участии.

Понятие это, по Лихачеву, — чисто русское. Ученый не убежден в том, что интеллигенцию следует считать социальной группой, слишком она разнородна. Интеллигентами могут быть дворяне, люди литературы и искусства, ученые и др. Интеллигентностью способны обладать рабочие или, к примеру, поморские рыбаки. Вместе с тем ему очевидно, что при всем «ассоциативно-эмоциональном содержании» этого понятия интеллигенции присущи вполне конкретные общие черты. Из принятого в советское время определения не вызывало возражений, что **интеллигент — это образованный человек, обладающий большой внутренней культурой**. Но дальше выделялись черты, неведомые официальной советской науке. В первую очередь это — **свобода, понимаемая как «независимость мысли при европейском образовании»**³. В России в условиях деспотизма такая свобода принимает черты «тайной», о которой писали и Пушкин, и Блок. Открыто выражать свои мысли трудно, а скрывать их — еще труднее. Отсюда особое отвращение к деспотизму как специфическая черта русской интеллигенции: «Постоян-

¹ Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 4.

ное стремление к свободе существует там, где есть угроза свободе. Вот почему интеллигенция как интеллектуальная свободная часть общества существует в России и неизвестна на Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества меньше»¹.

Свобода для интеллигента — это нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли. Совесть в представлении Дмитрия Сергеевича — это «рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни»².

Статья в «Новом мире» — настоящий гимн русской интеллигенции. Лихачев считает, что она в целом выдержала испытание смутными временами, несмотря на жесточайшие преследования: «Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной советской власти и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор»³. Чем сильнее было сопротивление интеллигенции, тем ожесточеннее действовали против нее. «Два парохода понадобилось осенью 1922 г. ... чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры ввиду ее общеевропейской известности»⁴.

Читая лихачевские описания этого геноцида, невольно приходишь к сравнению с гонениями на христиан. Принципиальное отличие, пожалуй, в одном. Верующие в Христа были носителями хотя и сформировавшихся на огромном духовно-историческом материале (включавшем римскую философию), но все же новых и потому чуждых их противникам взглядов. Интеллигенты же отстаивали хорошо известные ценности, выработанные в ходе всего развития человечества. В этом плане гонители христиан были в общем-то вульгарными консерваторами, вполне обычными людьми своего времени. Гонители интеллигенции же выступали против сформировавшейся ранее традиции, против высшей в ряде отношений линии в развитии мировой культуры и оказались в своем роде «недолюдьми».

Выступая в «Новом мире», Лихачев выражал не только свои личные взгляды, но и в значительной степени идеи, вызревшие в 1980–1990-е годы в среде российской и, в особенности, петербургской интеллигенции.

¹ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 371.

² Новый мир. 1993. № 2. С. 4.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же.

Большое распространение они получили и в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов. Приход академика Лихачева в наш Университет в это время представляется весьма закономерным. Именно здесь ученый получил возможность реализовать свои научные интересы на завершающем этапе своей биографии. Здесь он обрел круг единомышленников, ту интеллектуальную среду, в которой в то время нуждался.

В 1993 году Дмитрий Сергеевич стал Почетным доктором Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. Отношения Лихачева с Университетом были весьма многогранными. Они включали выступления перед студентами, участие в научных конференциях и дискуссиях, научные исследования. Дмитрий Сергеевич рекомендовал к нам на работу профессуру, консультировал в создании и поддержании университетских традиций, обсуждал стратегию развития СПбГУП и т. д. Близкие к ученому люди помнят, что в последние годы он избегал пышных мероприятий с пространными речами. Университет становится в это время едва ли не единственным местом его систематических встреч с широкой аудиторией, своего рода трибуной, с которой он излагает свои взгляды профессуре и студенчеству, внимательно изучая отклик.

Постепенно в общение с нашим Почетным доктором оказались вовлечены широкие круги университетского сообщества. Включились в этот процесс и наши новые Почетные доктора, крупные фигуры из числа петербургской интеллигенции. В апреле 1999 года по инициативе Дмитрия Лихачева и Даниила Гранина нами был зарегистрирован «Конгресс Петербургской интеллигенции». В него вошли в качестве учредителей Жорес Алферов, Андрей Петров, Михаил Пиотровский и Кирилл Лавров. Создание Конгресса стало неким оформлением уже вполне сложившейся к тому моменту традиции собираться вместе для обсуждения волнующих нас проблем.

Понятие петербургской природы взглядов Лихачева имеет масштабные и глубокие корни. Они — в сущностных чертах российской и петербургской культуры, к чему мне хотелось бы вернуться позднее.

В середине 1990-х годов нам с профессором СПбГУП Владимиром Триодиным удалось организовывать ряд общественных дискуссий по проблемам интеллигенции с участием, пожалуй, самых крупных российских мыслителей того времени. Ученые — Дмитрий Лихачев, Николай Карлов, Никита Моисеев, Борис Раушенбах, Моисей Каган, Борис Парыгин, Владимир Ядов, Николай Скатов, писатели Даниил Гранин, Михаил Чулаки, Вадим Кожин и другие собирались для того, чтобы в своем кругу найти современные ответы на некоторые старые вопросы.

Как ни странно, первоначальный импульс диалогу придали французы. Генеральное консульство Франции в Петербурге предложило на-

шему Университету организовать вечер памяти Андре Мальро, в ходе которого петербургские интеллектуалы могли бы пообщаться с французскими. Инициаторы хотели привлечь международное внимание к наследию своего крупного писателя, общественного и государственного деятеля в связи с переносом его праха в усыпальницу величайших личностей нации — Пантеон. В России подобная дипломатическая инициатива была особо уместна в связи с тем, что Мальро считался большим другом Советского Союза. Эта встреча состоялась в октябре 1996 года. Общение оказалось настолько интересным, что превратилось в некий перманентный процесс. От значительного, но все же частного повода — судьба и творчество Мальро — практически сразу мы перешли к насущным и наболевшим российским темам.

Материалы этих дискуссий были опубликованы нашим Университетом в книге «Судьба российской интеллигенции» в 1999 году¹. Листая книгу и снова погружаясь в обстановку наших встреч, видишь немало любопытнейших высказываний и замечаний. Писатель Михаил Чулаки, к примеру, утверждал, что «интеллигент не может быть харизматической личностью по определению»², потому что рефлексирование интеллигента — это состояние, прямо противоположное природе харизматической личности. Вместе с Граниным они сходились на тезисе, что интеллигенция в советское время была нужна власти только для того, чтобы прибрать ее к рукам, заставить служить правящей идеологии. Николай Карлов обращал внимание на то, что настоящий интеллигент должен быть человеком дела³. Никита Моисеев утверждал, что сила интеллигенции «в присущем ей чувстве недовольства и стремлении к поиску, к отысканию альтернативы установившемуся образу жизни, осмыслению путей его исправления»⁴, что в этом плане она выступает как гарант прогресса. Многие критиковали интеллигенцию за левый радикализм, нередко доводивший до беды. Моисеев же замечал на это, что «интеллигенция рождает иногда бунтарей, но никогда не рождает тиранов»⁵. Игорь Бестужев-Лада поражал замечанием, что интеллигент — это воплощение Бога на Земле: «Господь Бог в образе своего Сына Иисуса Христа во всех четырех Евангелиях ведет себя с людьми как истинный интеллигент»⁶. Наиболее сильно мнения разделились по вопро-

¹ Судьба российской интеллигенции: сб. / СПбГУП. СПб., 1999.

² Чулаки М. М. Литература оказывает огромное влияние на власть // Судьба российской интеллигенции. С. 19.

³ Карлов Н. В. Интеллигенция и образование // Там же. С. 37.

⁴ Моисеев Н. Н. Государство, народ, интеллигенция // Там же. С. 44.

⁵ Там же.

⁶ Бестужев-Лада И. В. Есть ли будущее у интеллигенции? // Там же. С. 64.

су целесообразности «хождения» интеллигенции во власть. Все это было исключительно интересно...

При большом различии и разнообразии взглядов, сошлись на том, что **интеллигент — это образованный человек с обостренным чувством совестливости, обладающий к тому же интеллектуальной независимостью**. Образование без совести и независимости дает обществу иной типаж, смачно названный Солженицыным образованцем. Обычно образованцы пытаются выдавать себя за интеллигентов. Именно они льнут к власти и не брезгают обслуживанием бизнеса.

Дмитрий Лихачев отмечал, что уже на рубеже XI–XII веков внутренней свободой обладал киевский князь Владимир Мономах, являвшийся в какой-то степени прообразом интеллигента¹. Другим прообразом уже на рубеже XV–XVI веков стал монах Максим Грек. В конце XVIII века, по мнению Лихачева, настоящими интеллигентами были Сумароков, Новиков, Радищев, Карамзин. **Первое массовое выступление интеллигентов — это декабристское восстание**. Декабристы не только проявили внутреннюю свободу, но и пошли против своих словесных интересов. Характерно, что интеллектуальная свобода мешала декабристам одержать победу. Они не смогли объединиться именно потому, что были интеллигентами. Тогда впервые одновременно и отчетливо проявились и организационная слабость, и духовная, нравственная сила интеллигенции.

Согласились и с тем, что **интеллигенция в своем генезисе — специфически российское явление. И появилась она как социальный слой изначально в Петербурге**. Философ Моисей Каган остроумно заметил, что этот город «оказался не столько “окном в Европу”, сколько “воротами из Европы”, через которые европейское Просвещение становилось достоянием узкого и медленно расширяющегося слоя россиян»². Здесь российская интеллектуальная элита впервые испытала не только духовное удовлетворение от приобщения к высотам западной цивилизации, но и острое чувство боли от сознания резкого контраста между обретенным ею уровнем идеалов и ужасающей жизнью простых людей.

Вспоминали и высказывание Н. А. Бердяева о том, что «в русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жаждой земной прибыли и земного благоустройства»³. Для российского менталитета, в отличие от народов многих других стран, характерна не столько утилитарная, прагматическая, сколько

¹ Лихачев Д. С. Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества // Судьба российской интеллигенции. С. 32.

² Каган М. С. Образованные люди с большой совестью // Там же. С. 80.

³ Бердяев Н. Русская идея. Судьба России. М.: Сварог и К⁰, 1997. С. 236.

духовно нравственная направленность доминирующих в общественном сознании ценностей, таких как справедливость, истина, красота, вера, совесть и т. д.

Было отмечено, что с самого начала **российская интеллигенция стала выступать как носитель гражданского и национального самосознания**. Оказалось, что ее интересы не связаны ни с личной выгодой, ни с интересами классов. Интеллигенция — это не класс, не партия, не профессиональное объединение, у нее никогда не было писаного устава, иерархии, формальной организации. Однако русская интеллигенция всегда имела собственные символы веры, внутреннюю дисциплину и традиции. Это — независимое, неформальное движение, одно из проявлений способности россиян действовать без подчинения какому-либо лицу, издающему декреты и налагающему на всех единую волю. Ведущий принцип интеллигенции — служение простому народу. Это не следует понимать буквально, как прислуживание, поскольку у нее всегда есть собственный взгляд на общественное благо. Вместе с тем принципиально важно, что интеллигенция всегда была готова жертвовать личным благом ради блага народного, не желая взамен никакой награды, кроме сознания исполненного долга.

Отсюда и особая нравственная позиция интеллигенции, ее чувство гражданской и социальной ответственности, способность мучительно переживать протекающие в обществе процессы, а не замыкаться эгоистически и равнодушно в узких границах собственного бытия. Отсюда — и представление о ней как о разуме и совести нации. Спрашивать, зачем России нужна интеллигенция, то же самое, что спрашивать, нужна ли ей совесть. Общепринятых ответов на подобные вопросы не существует.

Вспоминая минувшее, не могу не отметить, что встречи эти проходили в обстановке исключительного демократизма и взаимного уважения. Все выступавшие пользовались к тому моменту заслуженной репутацией интеллектуальных светил общероссийского масштаба. И все же каким-то совершенно непостижимым образом Дмитрий Лихачев выделялся из этого ряда. Он вполне конкретно и наглядно опровергал слова Михаила Чулаки, проявляя харизму, правда, харизму совершенно особого рода.

Каждая встреча с Лихачевым была Событием. Дмитрий Сергеевич всегда приезжал на наши встречи заранее и терпеливо, безмолвно сидел, ждал начала, опираясь на трость. Научная дискуссия могла длиться два-три часа, и он нередко сидел все это время молча, слушал. Затем брал слово и тихо говорил две-три минуты, но сказанное им потрясало. Не забуду, как во дворце Белосельских-Белозерских он все так же тихо заявил, что сознание определяет бытие. До этого десятки лет марксисты твердили обратное, что бытие определяет сознание, а Лихачев вдруг сообщил нам: «Я лично верю в случайность в истории. То есть я верю в

волю человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как “Что ждет нас в будущем?” не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали никуда отклониться, в истории нет¹. Зал был битком наполнен профессурой, и все слушали, затаив дыхание. Несмотря на существование философской традиции, содержащей подобную точку зрения, такое публичное заявление прозвучало как открытие. Казалось, звучит голос не человека, а какого-то высшего разума, вселенской мудрости.

Ближе всех к Лихачеву в плане впечатления, производимого на аудиторию, является Даниил Гранин. Между тем характерно, что в обыденной жизни эти люди никак не дистанцируются от простых смертных. Похоже, что мудрость для них просто вполне естественное состояние, как для иных жадность или идиотизм.

Что представляют собой взгляды Лихачева на интеллигенцию? Личные взгляды авторитетного для нас человека, действительно выведенные им из собственного опыта, как пишет в «Новом мире» Дмитрий Сергеевич? Умозаключения мыслителя? Либо это все же научно обоснованные результаты ученого? Думается, верно последнее, поскольку **лихачевская концепция интеллигенции как специфического для России социально-культурного феномена вытекает из всего его предшествующего опыта культурологического анализа. На интеллигенцию Д. С. Лихачев смотрит как на явление культуры, как на результат культурного развития.**

Лихачев изучает культуру, а не только историю культуры. Принципиально, что его взгляд на любые рассматриваемые им явления предполагает изучение и оценку их в контексте культуры. Другое дело, что при этом его взгляд многомерен. И временная, историческая плоскость анализа — лишь одна из многих.

У Дмитрия Сергеевича, безусловно, есть свое целостное видение сущности культуры России. Эта целостность разворачивается сразу в нескольких векторах. Во-первых, в многообразии включаемых в понятие культуры явлений, в богатстве их взаимосвязей и взаимовлияний. В частности, ученый рассматривает религиозно-философские взгляды и быт, культуру и искусство, язык и нравы, обычаи и право и так далее — словом, все, что создано руками и разумом человека. А затем еще и включает в поле зрения природу. И анализирует взаимосвязь природы и человека. Во-вторых, Лихачев анализирует культуру в динамике ее исторического становления и развития. И обнаруживает себя тончайшим знатоком как основных этапов культурной жизни, так и особенностей

¹ Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2007. С. 70.

поведения культуры на исторических изломах ее развития. В-третьих, академик конструирует свое особое видение внутреннего морфологического строения культуры. Здесь он выделяет своего рода культурные комплексы и анализирует их взаимовлияние и эволюции.

По мысли Лихачева, интеллигенция — это одна из вершин развития европейской христианской духовной традиции, явление, сформировавшееся на российской почве закономерным образом. Формирование подобного слоя людей может быть расценено как высочайшее гуманитарное достижение России, своего рода торжество человеческого духа, лежащее в русле европейского культурного течения. И совершенно не случайно этот особый в ряде отношений высший «продукт» европейской и (шире) мировой культуры появился, получил развитие именно в Петербурге.

Работы Д. С. Лихачева помогают нам лучше представить и возможную судьбу феномена интеллигенции.

Без сомнения, во власти сегодня есть люди, относящиеся к интеллигенции с большой симпатией. Тем не менее чиновничество в целом, конечно, будет вести себя по отношению к интеллигенции как обычно: пытаться предельно цинично ее использовать, если не получится — дискредитировать. Бизнес же, разумеется, пока представляет себе взаимоотношения с интеллигенцией примерно так же, как новые русские со своими секретаршами в первой половине 1990-х годов.

Думается, власть и бизнес могут пристроить к обслуживанию своих потребностей образованцев, но не интеллигентов. Тем, кто этого не понимает, стоит вспомнить уроки XX века. В его первой половине интеллигенция уничтожалась не экономически, как сейчас, а тотальными репрессиями. Казалось, согнули, сломали, подчинили, приручили. Но дело кончилось тотальным крушением режима. И кто был всем — стал ничем.

Вместе с тем интеллигенции присущи не только положительные, но и отрицательные качества. Многие упрекают ее в пустословии, псевдогуманизме, рефлексивности там, где требуется действие, и многом другом, за что интеллигенция в устах своих оппонентов получила эпитет «гнилая». Впрочем, может быть, справедливее переадресовать эти упреки образованцам.

И все же с точки зрения законов дарвинизма интеллигенция нередко бессильна при столкновении с неинтеллигентностью, проигрывает в борьбе за существование. В ее поведении сказывается и противоречивый характер российского суперэтноса — способность легко увлекаться яркими идеями и неумение педантично разрабатывать концепции и методы их реализации. В полной мере это сказалось в ходе революций начала XX века, идеологически подготовленных интеллигенцией. Сегодняшняя ситуация — не исключение. Благородный порыв к радикальному обновлению общества, выстраданный ею в 1960–1980-е годы,

не будучи подкрепленным предвидением хода перемен и способностью им управлять, обернулся глобальным и разрушительным кризисом для страны.

Есть и иные проблемы: интеллигенция была объектом свирепого геноцида на протяжении всего периода своего существования. Такое не проходит бесследно. К тому же **нарушены процессы воспроизводства интеллигенции**. Прежде всего, ее перестали воспроизводить многие ведущие российские вузы, превратившиеся в очаги коррупции и образованщины. Сегодня **мы являемся свидетелями стремительного вырождения в молодежной среде сословия новых мещан** — людей, стремящихся к безбедному и бесконфликтному существованию в социальной структуре общества. Их помыслы не сопряжены с какими-либо нравственными исканиями.

Истощение слоя совестливых людей приводит к тому, что общество начинает жить суррогатами. Теперь власть пытается назначать своих лидеров для интеллигенции. И использует для этого образованцев...

По Лихачеву, гражданская позиция интеллигента должна зависеть от того, что власть делает для страны и народа. Если власть действует во благо — надо быть вместе с ней. В противном случае — находиться в оппозиции. Борьба за власть и идти во власть — не дело интеллигенции. Пребывание во власти неизбежно оборачивается потерей интеллигентности или поражением.

Очень интересны в связи с этим следующие замечания Дмитрия Лихачева: «Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, коммерческих и даже просто карьерных. <...> Если по своим убеждениям интеллигент входит в партию, требующую от него безусловной дисциплины... то добровольная продажа себя в рабство лишает его возможности причислить себя к интеллигенции»¹. Интеллектуальная свобода — всегда явление морального порядка. А мораль — единственная власть, сила которой не только не лишает человека свободы, но и гарантирует ее. Совесть является гарантом свободы интеллигента.

Может ли быть найдена новая формула использования интеллигенции — не в корыстных интересах власть имущих, а на благо общества и государства? Пока неизвестно.

Быть может, отечественная интеллигенция возродится как разум и совесть страны. Другой сценарий развития — превращение российского этноса в обычный европейский народ, довольствующийся наличием интеллектуалов. Вопрос о судьбе российской интеллигенции остается пока открытым...

¹ Лихачев Д. С. Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 38–39.

3.2. НРАВСТВЕННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ РУССКОГО ОБЩЕСТВА, КУЛЬТУРЫ, НАУКИ*

3.2.1. О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Ряд работ Д. С. Лихачева о русской культуре связан со стремлением осмыслить духовный облик русского народа, наиболее важные черты национального характера, его достоинства и недостатки, понять особенности общественных отношений и жизненных ценностей русского человека. Дмитрия Сергеевича интересовало, можно ли «заглянуть» в русскую душу сквозь глубины истории, обнаружить ее основное ядро, определяющее отношения с природой и обществом. Насколько справедливы суждения «о русском национальном характере как о характере крайности и бескомпромиссности, “загадочном” и во всем доходящем до пределов возможного и невозможного (и, в сущности, недобром)»? — так ставит вопрос Д. С. Лихачев в книге «Заметки о русском»¹.

Он не случайно включается в полемику по столь острому вопросу. К размышлениям побуждали как многолетние исследования истории древнерусской литературы, так и необходимость ответов на письма читателей, душевные волнения, выразившиеся в заметках на полях прочитанных книг. Академик Лихачев пишет отзывы на рукописи, фиксирует мысли в записных книжках. По сути, **он находится в непрерывном диалоге с русской культурой**, в которой живет удивительной, насыщенной жизнью. Это определило композиционную и стилистическую особенность размышлений Дмитрия Сергеевича, их полемическую остроту и непосредственность. Ученый отмечает, что речь идет о его собственном восприятии русского национального характера, которое окрашено индивидуальным отношением. Но именно поэтому оно особенно ценно для россиян. Попробуем последовать за мыслью Д. С. Лихачева, понять смысл его суждений о русском национальном характере.

В историческом процессе формирования национального характера особое значение имеет отношение русского человека к природе. Для русского народа широкое пространство родной земли, простор

* Раздел написан в соавторстве с профессорами СПбГУП С. Н. Иконниковой и В. Г. Ивановым.

¹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. М.: Советская Россия, 1984. С. 7.

полей, даль лесов, высота небес прочно вошли в родной язык, отразились в фольклоре. Слова «природа», «Родина» «родник», «народ», «родственник» имеют общий корень. «Широкое пространство всегда владело сердцами русских»¹, — отмечает Дмитрий Сергеевич. Природа русскому человеку нужна большая, открытая, вольная, просторная, с огромным обзором. В этих просторах можно дышать полной грудью, чувствовать над собой небо, двигаться беспрепятственно в разные края. Символом этого восприятия становится и колокольный звон на дальние расстояния, и быстрая езда на «птице-тройке», и протяжная песня, и удалая пляска. В русском характере запечатлен восторг перед открытой далью, тоскливое страдание от закрытости и ограниченности взора, узости и тесноты.

Природа имеет свою внутреннюю структуру и закономерности существования, познать которые стремится человек. Это выражается в том, что сама природа живет сообществом, природа по-своему как бы социальна. По Лихачеву, «отношения природы и человека — это отношения двух культур, каждая из которых по-своему “социальна”, общезначительна, обладает своими “правилами поведения”. И их встреча строится на своеобразных нравственных основаниях. Обе культуры — плод исторического развития»². Культура природы выражается в соседстве растений и деревьев, их высоте и густоте, близости к водоемам. Живая природа имеет свои мудрые законы, свое время — биологические часы. Человек всегда всматривался в мир природы, стремился разгадать ее тайны, подражать ее мудрости. Это отношение воплотилось в крестьянском жизнеустройстве, языческих ритуалах и обрядах, верованиях и хозяйственном укладе. Русский человек не просто наслаждается видами природы, но живет в согласии со всем земным окружением. Именно поэтому **отношение к природе становится стержнем национального характера.**

Восточно-Европейская равнина кроткая, без высоких гор, но и не бессильно плоская, с сетью рек, готовых быть путями сообщения, с покатыми холмами и густыми лесами. Хозяйственная деятельность крестьянина органично и бережно вписывалась в окружающую природу. Русский человек создавал эстетику параллельных линий пашни, плотно укладывал бревно к бревну при постройке избы, ровнял границы поля, освобождая его от камней, создавал плавные переходы от леса к реке. Глаза его наслаждались покоем и равновесием родной земли. Ритм параллельных линий продолжался в сельских и городских поселениях со строем улиц и рядами домов, садами и огородами, рекой или прудом, мостовыми и мостиками. Родная земля любовно запечатлена в иконо-

¹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. С. 10.

² Там же. С. 18.

писи, русской пейзажной живописи, прозе и поэзии, хоровой музыке, вышивке, керамике, глиняной и деревянной игрушке. Русские художники наслаждались цветовым богатством осенней листвы, графическим узором зимних деревьев, оттенками водных и небесных просторов. Любовь и восхищение родной природой — черта национального характера.

Не случайно в описании облика и топографии Петербурга Д. С. Лихачев выделяет четко выраженные горизонталы: линию соприкосновения воды и земли на всем протяжении набережных Невы; четкую линию домов, границу соприкосновения крыш и неба. Именно эти горизонталы создавали необычайно открытую перспективу исторического центра, которая является таким же памятником, как и архитектура в целом. Органичны и вертикали — перпендикуляры знаменитых шпиль и куполов соборов. Все это создает уникальную композицию, позволяющую любоваться дивной красотой городского пейзажа.

По Лихачеву, вся историческая жизнь страны должна входить в круг духовности человека. «Ценить в себе подлинную связь со своим селом, городом и страной, сохранять и развивать в себе благую сторону, добрые национальные черты своего народа, развивать глубокую ментальность, чутье языка, знание истории, родного искусства и прочее»¹, — призывает ученый.

Но природа не только расположена к человеку, но и таит опасности, стихийные разрушения, пожары и наводнения, засухи и морозы. **Русский человек должен был искать защиты, уметь выживать в сложных жизненных обстоятельствах.** Русские люди испокон веков искали защиты в храме. Для церквей выбиралось самое видное место, их ставили на пригорках, в единении с природой, любили некрашеное дерево, теплое и нежное в прикосновении. «Когда пугало обширное пространство русской равнины, — пишет Д. С. Лихачев, — человек ставил на самых высоких местах, на крутых берегах рек и даже среди болот высокие церкви. Церкви населяли обширный мир. Это подавляло страх одиночества»².

Православие имело защитный смысл, содержало значение «оберега», хранения близких и дальних, мира в целом. Грандиозные храмы на границах Руси знаменовали уверенность и готовность к сопротивлению. **Защитный смысл веры** воплотился в молитвах, почитании святых. Православие было источником просвещения народа, распространения грамотности и знаний, давало нравственную опору. Оно создавало традицию почитания Слова как мудрости. Молитвы многократно

¹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. С. 31.

² Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 6.

повторялись, любимые изречения тщательно выписывались, они направляли на путь истинный повседневное поведение человека. В иконописи проявились многие национальные черты: прощение грешников, заступничество слабых, доброе отношение к ближнему и дальнему, своему и чужому. В миниатюрах и клеймах икон из уст праведников поднимаются легкие облачка, на них красиво написаны изречения, жизненные напутствия и поучения. Эти тексты многократно повторялись, запоминались, подобно заповедям, и были священными.

В написании святого образа «русский тип лица сочетается <...> с проявляющимся в нем национальным складом русского характера»¹, — отмечает Д. С. Лихачев. Представления о человеке, его достоинстве, несуетном уме, высокой мудрости и щедрой доброте воплощены в образах людей на мозаиках, фресках и иконах, в лицах, озаренных внутренним светом «горнего ума». Это особое свечение лиц получило название «ликования», означавшего в Древней Руси не только изображение ликов, но и торжествование, радование, а также хоровое пение. Удивление перед человеческим лицом — «ликом» — пронизывает собой все искусство Киевской Руси. Основные части храма названы по подобию человека: купол — глава, окна — очи, выступы в стенах — перси, двери — уста. Солнце тоже изображалось имеющим «лик». Культурно-исторический смысл понятий «лик», «лицо», «личина» (маска) многократно менялся в истории русской культуры. В православии лицо человека всегда воспринималось как «зеркало» души, противоборства Добра и Зла, Бога и Дьявола. Лик — как свидетельство торжества над грехом, внутреннего и внешнего преображения, достижения святости. Личина (маска) выражала подчинение человека силам зла, лишение его живительных духовных источников, нравственное падение. В художественном изображении отразились представления русского человека о многообразии личности. «Среди ликов Древней Руси есть лики мудрые страданием, мудрые знанием и книжной мудростью, мудрые мужеством и мудрые силой, мудрые жизненным опытом и мудрые дерзостью юности, мудрые смирением и мудрые пониманием других людей, мудрые предвидением будущего и мудрые добротой, и мудрые просто мудростью»², — заключает Д. С. Лихачев.

Человек — это микрокосм, и бесконечное многообразие человеческой индивидуальности воплощается в единстве национального характера. Православная религия «выстраивалась» созвучно русской душе и в свою очередь оказывала влияние на национальный характер народа. Средневековый символизм на иконах дополнялся светлой грустью, со-

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 120.

² Лихачев Д. С. Заметки о русском. С. 50.

чувствием к страданиям, раздумьями о судьбах мира, нежной любовью друг к другу. Христианское учение о Боге сочеталось с пантеистическим признанием проявлений божества повсюду в реальном мире. Православные святые были покровителями в воинских сражениях, учили возделывать землю, приручать животных, просвещали народ. Церковь была включена в повседневную жизнь русского народа.

Религиозность как черта национального характера была лишена крайних форм фанатизма и богоборчества, сохраняла терпимость к иным конфессиям. Особенно тесной была связь славянских народов в эпоху русского Предвозрождения. Русские читали болгарские и сербские произведения как свои: «Южно- и восточнославянские литературные языки, церковнославянские в своей основе, еще не достигли такой дифференциации, при которой они могли восприниматься как различные языки <...> Сознание восточно- и южнославянского единства не было только идеей, оно было практическим результатом полного взаимного понимания южных и восточных славян — языкового, религиозного и культурного»¹. Это единство не было «остатком» былой общности. Укреплению содействовали: введение единой орфографии и стилистических приемов, переезды из страны в страну писателей, художников, ремесленников, церковных деятелей, создание единого умственного движения и связанной с ним единой религиозной, философской и художественной литературы. Вот чем объясняется удивительный феномен «славянского братства» и общих черт национального характера.

Осознанная любовь к своему народу не противостоит в русском характере другим нациям, а только усиливается добрым расположением к ним. Испокоя веков на Руси всегда жили многие народы. Они отличались по языку и вере, образу жизни и обычаям. Но всегда их окружала атмосфера миролюбия и открытости. В середине XI века русский митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» — замечательном произведении древнерусской литературы — говорит о равноправии народов, ибо они совершают общее дело для человечества. «Выявление национальных особенностей характера, знание их, размышления над историческими обстоятельствами, способствовавшими их созданию, помогают нам понять другие народы»², — отмечает академик Лихачев.

Миролюбие, открытость для общения воплотились в «соборности» как черте национального характера. Этим понятием выражается своеобразная форма общности, коллективности, стремления жить и делать дело сообща, «всем миром», вместе переживать радости, приходить на помощь другому в беде, совместно решать возникающие проблемы. Соборность означает также «собранность» в единое сооб-

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 161.

² Лихачев Д. С. Заметки о русском. С. 41.

щество, многократно усиливающее возможности людей в утверждении добра и в противостоянии злу. Поэтому столь ценились силы центристско-ремительные, объединяющие народы, и столь же опасными признавались центробежные силы, ведущие к утрате единства.

Символом соборности был обычай «водить хоровод», петь хором. Само слово «хороший» имеет значение «добрый». Это стремление к единству, сплоченности, потребность во взаимной поддержке, сотрудничестве, «чувстве локтя» пережило все временные границы, стало сознательным принципом жизни. Ненависть и недоброжелательство, агрессивность к другим народам не только опасны, ибо ведут к конфликтам, но они разрушают нравственность своего народа, распространяют зло. «Если доминирует в человеке общая настроенность к восприятию чужих культур, то она неизбежно приводит его к ясному осознанию ценности своей собственной. Поэтому в высших, осознанных своих проявлениях национальность всегда миролюбива, *активно* миролюбива, а не просто безразлична к другим национальностям»¹, — делает вывод Д. С. Лихачев. Национализм — проявление слабости нации, а не ее силы. Великий народ со своей большой культурой и национальными традициями «обязан быть добрым», — подчеркивает ученый. Великий народ должен помогать малочисленному народу сохранить себя, свой язык, свою культуру. Национализм, отгораживаясь от других культур, губит и иссушает свою культуру. Особенно важно взаимодействие русской, украинской и белорусской культур, которые имеют общий корень, творчески усваивают и перерабатывают на свой лад достижения соседей. **Славянское единство и взаимопонимание — черты национального характера русского народа.**

В формировании русского национального самосознания большую роль играли политическая власть, православная церковь, язык и литература, фольклор, обычай и традиции. Это были **скрепляющие основы русской культуры**, соединяющие между собой пространства русской земли. Интересно, что по своему происхождению русский литературный язык был староболгарским и потому понятным для многих славян. Летописные своды, записанные в разных местах, присоединялись друг к другу, были вполне понятны. Д. С. Лихачев отмечает роль интенсивного обмена посланиями, летописными сочинениями, проповеднической литературой, бытовыми сообщениями и сведениями, которые способствовали национальному единению. «Не было ни одного литературного произведения, которое проповедовало бы раздробленность, обособление княжеств. <...> Борьба за разъединение Руси не могла быть популярной»², — указывает Дмитрий Сергеевич. В истории Руси было

¹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. С. 41.

² Там же. С. 47.

немало сложных периодов внутренней борьбы и защиты от иноземных нашествий. Поэтому в национальном самосознании во все времена существовал идеал воина, запечатленный на фресках, мозаиках, иконах. В воинских изображениях отразилось благочестие и преклонение перед мужественным подвигом защитника Отечества, воинской честью и достоинством, воинской осторожностью и мудростью. Интересно, что в одном ряду с воинством стояли и праведные «книжники»: если воины изображались с оружием, мечом и щитом, то проповедники — с книгами или свитками.

Национальный характер включает множество черт сознания и поведения людей в разных исторических ситуациях, образов и изображений в искусстве и литературе. В национальном характере отразились не только высокие нравственные идеалы, но и многие отклонения, пороки, злонамеренные черты. В церковном обращении XV века были такие наставления: «Отрекись пьянства, а не питья, отрекись объядения, а не яствы, отрекись блуда, а не женитьбы»¹. Национальный характер проявляется по-разному в различных социальных группах и исторических условиях. **Идеализировать национальный характер было бы неверно.** Наряду с позитивными качествами — добротой, отзывчивостью, великодушием, смелостью, состраданием, простотой и открытостью в национальном характере отмечают разгильдяйство, лень, пьянство, халатность, безответственность, покорность, расчет на «авось». **В русском характере совмещаются противоположные черты:** доброта с жестокостью, душевная тонкость с грубостью, крайнее свободолюбие с деспотизмом, альтруизм с эгоизмом, самоуничижение с национальной гордыней и шовинизмом. Д. С. Лихачев называет такое противоречивое соединение «поляризованностью русского характера»².

Характеризуя русского человека, говорят о его безудержности, метаниях из одной крайности в другую, бескомпромиссности. Амплитуда колебаний между добром и злом в русском народе чрезвычайно велика. Атакам зла подвергались высокие духовные ценности: соборность и терпимость, свобода и открытость. Русскую культуру постоянно терзали взаимная вражда, тирания. Истории известны коварные способы борьбы, сопровождавшиеся политическими убийствами, отравлениями и ослеплениями. Внутренние распри и вражеские нашествия влияли на характер народа, ограничивали проявления гуманизма. Многовековая русская история прошла под знаком тревог, волнений, восстаний, войн, революций, которые отложили отпечаток на национальный характер народа. Именно поэтому в народе было распространено сочувствие той власти, которая способна дать защиту и «тишину». В разных

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 144.

² Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Там же. С. 191.

вариантах и пропорциях подобные настроения и качества есть и у других народов.

Национальный идеал и национальный характер не полностью совпадают. Добро и зло вовсе не уравнины, добрые качества во много раз ценнее и весомее зла, считает Д. С. Лихачев. Зло — коварно и вероломно, стремится разрушить самое ценное в культуре, действует целенаправленно, как будто обладает сознанием и волей. Оно избирает наиболее ценные сферы русской культуры и ведет на них наступление. Неоднократно подвергалось таким атакам земледельческое трудолюбие, национальная доброжелательность и открытость, крепость семейных отношений. «Мерить культуру, ее высоту мы должны по ее высочайшим достижениям, ибо только вершины гор возвышаются над веками, создают горный хребет культуры»¹, — утверждает в связи с этим академик. Это положение является особенно важным и принципиальным в оценке национального характера русского народа. Русские писатели, публицисты стремились избавить человека от душевной узости, невежества, материальной скупости и жадности, от мелкой злости и личной мстительности, бестолковой суетности и злобности. Осуществление идеалов всегда пробивается сквозь толщу повседневных забот и может оказаться в противоречии с их направленностью. Но без этих высот народ теряет энергию движения и смысл деятельности.

Наряду с отчетливым своеобразием, в русском национальном характере воплотились основные духовные ценности европейской культуры. «Мы должны быть русскими европейцами»², — подчеркивает Д. С. Лихачев. Это утверждение опирается не столько на географическую общность и территориальную принадлежность к Европе, сколько на духовную общность культурного склада сознания и мышления. Процитируем еще раз: «Русская культура, — отмечает Дмитрий Сергеевич, — всегда была по своему типу европейской культурой и несла в себе все три отличительные особенности, связанные с христианством: личностное начало, восприимчивость к другим культурам (универсализм) и стремление к свободе»³. Указанные принципы определяют контуры русского национального характера как целостного выражения основных ценностей европейской культуры.

Национальный характер относится к числу наиболее сложных, загадочных и противоречивых явлений русской культуры. Многочисленные споры и дискуссии, разные мнения лишь подчеркивают его трудноуловимость. И вместе с тем отказаться от этого понятия невозможно. Оно существует в русском языке и литературе, православной вере и

¹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. С. 36.

² Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 360.

³ Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Там же. С. 366.

символах, особенностях культурного пространства и образа жизни, стиле общения между людьми и отношении к другим культурам. Национальный характер способен поворачиваться разными гранями, непохожими и не совпадающими по форме проявления. Четкость и прозрачность может обернуться размытыми контурами и неожиданными действиями. Размышляя о природе общих понятий, концептов русской культуры, Д. С. Лихачев считает подобные универсалии особым типом мысленных образований, которые «замещают» множество реальных явлений. Это позволяет в определении русского национального характера отвлекаться от индивидуальных форм, оставлять возможность для дополнений, домысливания, сотворчества. Такой подход дает возможность избежать претензии на истину в понимании сложного социального и культурного явления.

Национальный характер как концепт может быть по-разному расшифрован в зависимости от индивидуального опыта и исторической ситуации. Тем не менее как понятие он включает всю сложность реальных отношений, проявляется в значениях языка, стереотипах сознания и поведения, символах и ценностях русской культуры. Русский национальный характер сложился исторически, прошел испытания «на прочность», не растворился в других культурах, сохранил достаточную определенность и узнаваемость и является ценным достоянием народа.

3.2.2. ПРАВСТВЕННОСТЬ ДАЕТ СВОБОДУ

В жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева **нравственность, свобода и патриотизм составляли неразрывное целое.**

В основе нравственности, по Лихачеву, лежит ограничение, которое начинается со слова «нельзя». Нравственность ограничивает произвол, который неразумие легко смешивает со свободой, подменяя принцип «я должен» принципом «я хочу».

Там, где существует культура самоограничения, наступает возможность и для существования подлинной нравственности как свободы мыслить и поступать. И Дмитрий Лихачев, с молодых лет воспитавший в себе подлинного интеллигента, был свободным человеком, даже находясь в заключении.

Нравственность в понимании Д. С. Лихачева изначально противостоит идеологии как тому, что навязано извне, потому что подчиняет человека, превращая его в марионетку, в «винтик», которого, пожалуй, можно назвать принципиально безнравственным. И точно также нравственность противостоит власти, в какой бы форме — деспотичной или демократичной — она ни проявлялась. Цель нравственной свободы — деятельное добро, которое проявляется в любви к человеку, в уважении достоинства и чести человека. Добродейание есть сама суть нравствен-

ной свободы. К деятельной любви призывает Христос, говоря: «Возлюби ближнего своего как самого себя». Сознательная сила добра проявляется многообразно и всесторонне, что находит свое выражение в «языке добра»: милосердие, жалость, ласковость, забота, внимание, понимание...

Со студенческих лет до последних дней жизни Д. С. Лихачев мыслил и поступал нравственно свободно, каждый раз, особенно при сложных и непредсказуемых поворотах истории, занимая собственную позицию, независимо от того, совпадала ли она или (что было чаще) расходилась как с официальной точкой зрения, так и с общепринятой. Поэтому можно сказать, что главный нравственный урок, преподанный и завещанный нам Дмитрием Сергеевичем, — жить в согласии с собственной совестью, не кривить душой, не «приспосабливаться к обстоятельствам», не оправдывать себя ссылками на то, что «такое было время» и «так поступали все». Д. С. Лихачев постоянно подчеркивал, что в жизни у каждого человека обязательно должно быть одно правило — **прожить жизнь с достоинством**¹.

XX век был веком жестоким, вызвавшим крутые перемены в мире и, пожалуй, особенно — в жизни России. Эти перемены спровоцировали кризис морали. И здесь вполне уместен вопрос: какой морали? На смену морали «гнилой интеллигенции», пришла революционная, марксистская, которая, по словам В. И. Ленина, не содержит «ни грана этики», получившая название «коммунистическая», основанная на принципе детерминизма в теории, а на практике нашедшая свое выражение в классовой борьбе. Новое, марксистское познание морали изначально отрицает ее «беспартийный», внеклассовый, общечеловеческий характер.

В полном соответствии определяющим принципам классовой морали формулируется лозунг, озвученный Максимом Горьким: «Если враг не сдается — его уничтожают». Эта новая, подробно охарактеризованная В. И. Лениным на III съезде комсомола мораль, получившая партийно-государственную поддержку после программного требования В. И. Ленина: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали»², — становится целью системы коммунистического воспитания.

Система воспитания, опирающаяся на идеалы коммунизма, на революционный энтузиазм трудящихся, не только «певших на собраниях» Интернационал, но веривших: «Мы наш, мы новый мир построим, / Кто был никем, тот станет всем», десятки лет формировала строителей коммунизма, готовых во имя прекрасного будущего выдерживать суро-

¹ См., напр.: *Лихачев Д. С.* Письма о добром. СПб.: БЛИЦ, 1999. С. 15.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 309.

вую действительность настоящего. Борьба на фронтах Гражданской войны, преодоление разрухи, восстановление на новых началах экономики, героизм первых «пятилеток», успехи советского народа способствовали укреплению морали, названной коммунистической.

«У советских собственная гордость — / На буржуев смотрим свысока!» — утверждал «лучший поэт советской эпохи» Владимир Маяковский. Даже его самоубийство рассматривалось как нелепая случайность (со ссылкой на его же слова: «Кто, я застрелился? / Такое загнут!»)

Вера в идеалы коммунизма, в возможность построить «бесклассовое общество», не только подкреплялась советской идеологией, реальными достижениями СССР, но и верой в непогрешимость вождя и учителя — никто не сомневался в том, что у нас к 1940 годам были построены «основы социализма», затем — «социализм», и наша страна оказалась по своим социальным достижениям «впереди планеты всей». Эта вера помогла выстоять в самой жестокой из войн XX века — Второй мировой, которая в Советском Союзе получила название Великой Отечественной...

Однако именно в суровое пятилетие 1941–1945 годов, сначала спонтанно, как дополнительный идеологический момент, **возродился старый русский патриотизм**, озвученный в словах Сталина о «великих предках» — Суворове и Кутузове. Начавшееся возрождение, восстановление исторической памяти закрепляется в послевоенные годы. Новый подход к изучению истории и литературы, осмысление, а затем и закономерно приходящее чувство гордости за нашу тысячелетнюю (более того — двухтысячелетнюю) историю плавно и как бы незаметно «растворяет» советский патриотизм в патриотизме русском. В 1950-х годах система коммунистического воспитания претерпевает существенные изменения: **восстанавливается в правах теория нравственного воспитания** — этика, разумеется, марксистско-ленинская. **Потребовалось еще около тридцати лет, чтобы, освободившись от идеологического ограничения, этика как наука о нравственности и морали вернулась — окончательно — к своему общечеловеческому содержанию. Таков исторический урок, который необходимо усвоить и запомнить.**

Очевидно, что с уровня современного нравственного и этического развития в начале XXI века легко обличать ошибки, просчеты, заблуждения на разных временных этапах XX века. Но общество нуждается не в подобного рода упражнениях, а в осознании истин, выстраданных историческим развитием. И поэтому прав Д. С. Лихачев: «Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры, «накопленный» культуры, память — одна из основ поэзии — эстетического понимания культурных ценностей. Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками»¹.

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 147.

Д. С. Лихачев в размышлениях о нравственности менее всего похож на классного руководителя, который обличает, выговаривает, наставляет, напоминает о правилах поведения. Правда, в конце книги «Письма о добром» Дмитрий Сергеевич счел необходимым объяснить свою позицию: «Возможно, у читателя создалось представление об авторе писем как о высокомерном человеке, пытающемся учить всех и всему. Это не совсем так. В письмах я не только “учил”, но и учился. Я смог учить именно потому, что одновременно учился: учился у своего опыта, который пытался обобщить. Многое мне приходило на ум и по мере того, как я писал. Я не только излагал свой опыт — я и осмыслял свой опыт. Мои письма наставительные, но, наставляя, я наставлялся сам»¹.

Следует сказать и о языке размышлений Д. С. Лихачева. Он ясен, прост, понятен каждому, кто читает его книги. Не случайно в своих размышлениях ученый постоянно обращается к русскому языку: «Самая большая ценность народа — его язык, — язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта. Ведь это значит, что вся сознательная жизнь человека проходит через родной ему язык»². Русский язык — один из совершеннейших языков мира.

Бедность языка, языковая неряшливость, порча языка — по Лихачеву — показатели невоспитанности, отсутствия культуры. Отношение к языку воспитывается с детских лет, и Д. С. Лихачев неоднократно подчеркивает роль родителей и учителей начальной школы: именно повседневное общение формулирует культуру речи детей и подростков. Но от примеров Д. С. Лихачев всегда переходит к обобщениям. И в «Письмах о добром» он говорит о филологии: «филология — это высшая форма гуманитарного образования, форма, соединительная для всех гуманитарных наук. <...> Понимание текста есть понимание всей стоящей за текстом жизни своей эпохи. Поэтому филология есть связь всех связей. <...> Она нужна всем, кто пользуется языком, словом, слово связано с любыми формами бытия, с любым познанием бытия: слово, а еще точнее, сочетания слов. Отсюда ясно, что филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры. Знание и творчество оформляются через слово, и через преодоление косности слова рождается культура»³.

Так, переходя от слова к филологии, Д. С. Лихачев переходит к культурному смыслу филологии, к ее роли в накоплении ценностей культуры. И вполне закономерно — к ее нравственному значению: «Чем большими ценностями мы овладели, тем более изощренным и острым ста-

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 176.

² Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001. С. 477.

³ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 170–171.

новится наше восприятие иных культур — культур, удаленных от нас во времени и пространстве <...> Филология сближает человечество <...> и разные человеческие культуры не путем стирания различий в культурах, а путем осознания этих различий <...> их научного осознания, на основе уважения и терпимости к «индивидуальности» культур. Она воскрешает старое для нового. Филология — наука глубоко личная и глубоко национальная, нужная для отдельной личности и нужная для развития национальных культур. Она оправдывает свое название («филология» — любовь к слову), так как в основе своей опирается на любовь к словесной культуре всех языков, на полную терпимость, уважение и интерес ко всем словесным культурам»¹.

Нравственность, нравственное пронизывают все размышления Д. С. Лихачева, они оказываются не чем-то извне приложенным, прибавленным к его лингвистическим, философским, культурологическим суждениям, но органично им присущим. Дмитрий Сергеевич **связывает нравственность и культурный кругозор**; более того, для него эта связь — нечто само собой разумеющееся: «...каждый специалист, каждый инженер, врач, каждая медицинская сестра, каждый плотник или токарь, шофер или грузчик, крановщик и тракторист должны обладать культурным кругозором. Не должно быть слепых к красоте, глухих к слову и настоящей музыке, черствых к добру, беспамятных к прошлому. А для всего этого нужны знания, нужна интеллигентность, дающаяся гуманитарными науками. <...> ...Будьте и филологами, то есть «любителями слова», ибо слово стоит в начале культуры и завершает ее, выражает ее»². Нравственность содержится в культуре, более того, «беснравственная культура» — словосочетание столь же бессмысленное, как «деревянное железо».

А как связаны нравственность и религия? Достаточно долго, почти все XX столетие, у нас повторяли слова К. Маркса о том, что религия — опиум для народа, человек верующий считался человеком «отсталым»; во всех высших учебных заведениях читались курсы по «научному атеизму». К концу XX века ситуация существенно изменилась: было признано, что **вопрос о вере — сугубо личный вопрос для каждого человека**. Но для академика такая постановка этого вопроса означает не столько даже признание свободы человека в вере, сколько осознание его ответственности за самостоятельное духовное самоопределение.

Д. С. Лихачев был глубоко верующим — и говорит он об этом прямо «Быть верующим — значит, выполнять определенные требования вероучения, вести определенный образ жизни, в согласии с другими верующими и жизнью Церкви. В религиозном духе воспитываются с

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 172.

² Там же. С. 173.

детства. <...> Воспитывая детей в заветах определенной религии или вероучения, мы делаем их более свободными в выборе веры, чем тогда, когда даем им безрелигиозное воспитание, ибо отсутствие чего-то всегда обедняет человека, а от богатства легче отказаться, чем его приобрести. Религия же — именно богатство. Религия обогащает представление о мире, позволяет верующему ощутить значительность всего происходящего, осмысливает жизнь человека, объединяет людей в выполнении определенных религиозных обычаев, обрядов, таинств, составляет самую убедительную основу нравственности. Без религии всегда остается соблазн эгоизма, соблазн замкнутости в своих личных интересах»¹. Содержащееся в религии нравственное начало объединяет людей.

Для Д. С. Лихачева жизнь имеет смысл только как увеличение добра: «А добро — это прежде всего счастье всех людей. Оно складывается из многого, и каждый раз жизнь ставит перед человеком задачу, которую важно уметь решать. <...> Большая цель добра начинается с малого — с желания добра своим близким, но, расширяясь, она захватывает все более широкий круг вопросов»².

Особенностью этических взглядов, нравственных принципов, повседневного поведения академика была их **историческая соотнесенность**. То, что в них миг и вечность оказались нераздельны. Любая конкретная, сиюминутная нравственная оценка, нравственное суждение имели прочное историческое основание, а каждое историческое событие — современную нравственную оценку.

Приведем всего два примера. «Как некое духовное сообщество интеллигенция заявила о себе 14 декабря 1825 года на площади Петровой. Восстание декабристов знаменовало собой появление большого числа духовно свободных людей. Декабристы выступили против своих сословных интересов профессиональных (военных в том числе). Они действовали по велению совести, а их тайные союзы не обязывали их следовать какой-то партийной линии»³.

И второй: «Два парохода понадобились осенью 1922 года («Пруссия» и «Бургомистр Хаген»), чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры ввиду ее общеевропейской известности»⁴.

Завершает Д. С. Лихачев рассказ о мужестве тех, кто не запятнал честь русского интеллигента взволнованно и с глубоким уважением: «Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной совет-

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб., 1994. С. 224–225.

² Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб., 1999. С. 10.

³ Лихачев Д. С. Раздумья о России. С. 624.

⁴ Там же. С. 621.

ской власти и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор. Преклоняюсь перед русской интеллигенцией старшего, уже ушедшего поколения. Она выдержала испытания красного террора, начавшегося не в 1936 или 1937 году, а сразу же после пришествия к власти большевиков. <...> Можно было бы привести пример сотен и тысяч ученых, художников, музыкантов, которые сохраняли свою духовную самостоятельность или даже активно сопротивлялись идеологическому террору — в исторической науке, литературоведении, биологии, философии, лингвистике и т. д. За спинами главарей различного рода разоблачительных кампаний стояли толпы полужнаек, полуинтеллигентов, которые осуществляли террор, прихватывали себе ученые степени и академические звания на этом выгодном для них деле. Смее утверждать, что они не были интеллигентами в старинном смысле этого слова. Нет ничего опаснее полужнаиства. Полужнайки уверены, что они знают все или, по крайней мере, самое важное и действуют нагло и бескомпромиссно. Сколько людей были выброшены этими полужнаиками на улицу!»¹

С глубоким уважением говорит Дмитрий Сергеевич о А. А. Мейере, замечательном русском философе (1875–1938), семь лет проведенном в лагерях, но не эмигрировавшем, который «собирал вокруг себя интеллигенцию, используя свой опыт объединения, полученный еще в ссылках и тюрьмах при царском правительстве»².

Д. С. Лихачев убежден в том, что **человек интеллигентный это, прежде всего, нравственный человек**. Впрочем, столь же твердо и обратное суждение: подлинно нравственный человек всегда интеллигент, ибо для него мыслить и быть нравственным — одно и то же.

И вновь — о репрессиях, но уже в «Воспоминаниях»: «Это теперь только отмечают как “особые” 1936 и 1937 гг. Массовые аресты начались с объявлением в 1918 г. “красного террора”, а потом, как бы пульсируя, усиливались — усиливались в 1928-м, 1930-м и т. д., захватывая не отдельных людей, а целые слои населения, а иногда и районы города, в которых надо было дать квартиры своим “работникам” (например около “Большого дома” в Ленинграде). Как же можно было не знать о терроре? “Незнанием” старались — и стараются — заглушить в себе совесть. <...> А сколько развелось доносчиков! Кто доносил из страха, кто по истеричности характера. Многие доносами подчеркивали свою верность режиму. Даже бахвалились этим!..»³

Нравственность, вера и сила мысли в единстве образуют духовный фундамент человека, достойного называться человеком. Академик от-

¹ Лихачев Д. С. Раздумья о России. С. 620–621.

² Там же. С. 621.

³ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. С. 293.

рицает даже возможность какого-либо компромисса в нравственных отношениях. Здесь только либо-либо: либо нравственный, то есть достойный звания «человек», либо безнравственный (а имя таким — легион: ловчила, лжец, приспособленец, хам и т. п.), по сути не достойный называться человеком. И — никаких переходов: «немножко нравственный», «немножко безнравственный» — все смягчающие формулировки лишь прикрытие безнравственной сущности.

Нравственный человек добр в поступках, но суров в суждениях и оценках. Доброта, однако, отнюдь не «добренький», «всепрощающий», «ссылающийся на то, что человек слаб, надо быть “снисходительным”». Строгость нравственной оценки сближает позиции Д. С. Лихачева и поэта Константина Симонова, который в стихотворении «Друг-приятель» столь же бескомпромиссен.

И это не случайно: в дружбе нравственная ценность личности проявляется не только наиболее ярко, но и обретает исключительность: настоящая дружба — на всю жизнь. Недаром в фольклоре, в народных сказках, пословицах и в народной мудрости прославляется настоящая дружба.

Важным нравственным качеством дружбы, и не только дружбы, — **нравственным качеством человека является постоянство и связанная с ним надежность**. Когда, при обсуждении кандидатуры на ответственную и беспокойную должность, скажут: «Он не подведет, он человек надежный», — это будет одной из самых существенных оценок.

Главное в воспоминаниях и размышлениях Д. С. Лихачева — человек. На страницах его книг оживают не некие «тени прошлого», а люди, как правило, нравственно близкие, созвучные автору. И если он время от времени сетует на свою память — то именно там и тогда, когда не может вспомнить имени встретившегося ему на долгом, трудном и благородном жизненном пути человека, достойного доброй памяти.

Вспоминая сложные предвоенные и послевоенные десятилетия, Дмитрий Сергеевич подчеркивает: «“Проработки” 30–60-х гг. входили в определенную систему уничтожения Добра, были, в какой-то мере, тенью показательных процессов конца 30-х гг. и учитывали их “опыт”. Они были видом расправы с учеными, писателями, художниками, реставраторами, театральными работниками и прочей интеллигенцией»¹. Один из ярких примеров — яростная борьба с «морганизмом-менделизмом» (то есть с генетическим учением) на биолого-почвенном факультете ЛГУ в 1948–1950 годах. Виднейшие ученые — профессора, подобные Гербилюскому и Полянскому, были подвергнуты публичному осуждению и изгнаны с факультета, где на некоторое время господствующее положение заняли воинствующие невежды, подобные — недоброй

¹ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 359.

памяти — поддержанным философам-догматикам, имена коих еще до конца XX века канули в Лету... И нечто подобное — менялись лишь имена — происходило и на других факультетах, особенно гуманитарных: философском, историческом, филологическом, всюду оказывались «свои»: либо настоящие ученые, либо псевдоученые, но «мастера проработок» и приписывания «идеологических диверсий»... Нет худа без добра: поскольку все «проработки» шли на партийных бюро и партийных собраниях, а «застрельщиками» оказывались коммунисты, уже в те годы началась объективная дискредитация коммунистической партии. Годы, внешне казавшиеся годами ее всемогущества, на самом деле обнаружили ее слабость. Сегодня, вспоминая события тех лет¹, можно сказать, что прав был Д. С. Лихачев: без нравственного фундамента не может быть настоящей науки, как гуманитарной, так и естественной. А «нравственный фундамент» — не абстракция, а люди науки. И академик не случайно вновь и вновь говорит об ученых, которые были образцом нравственности. Вот его отзыв о своем старшем товарище в науке — Варваре Павловне Адриановой-Перетц: «Варвара Павловна <...> уделяла главное внимание моральному облику будущих его членов [имеется в виду создававшийся В. П. Адриановой-Перетц Сектор древнерусской литературы в Ленинградском филиале АН СССР]. Особенно опасалась она принять карьеристов, справедливо придавая большое значение общей дружеской атмосфере, которая должна царить в научном коллективе. Она также считала, что честность в отношениях между научными работниками — показатель честности в самой научной работе <...> Вспоминая отношение, которое существовало в Семинарии В. Н. Перетца к своему учителю, Варвара Павловна придавала особенное значение тому, как относится молодежь к своему руководителю, и никогда не прощала измен своим руководителям, хотя бы и мелких»².

По словам Д. С. Лихачева, В. П. Адрианова-Перетц была настоящим воспитателем молодых ученых — «Она стремилась установить мост между прошлым и будущим, не растерять лучшее в традициях прошлого, соединить в своем лице две формации ученых и передать прошлое в заботливые руки будущего»³.

В рамках движения за сохранение культурного наследия России в одном ряду с В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачевым можно назвать и М. Ростроповича, и Г. Вишневу, и А. Солженицына, и И. Бродского, и в некотором роде А. Галича, о чем свидетельствуют

¹ Соавтор этого раздела профессор В. Г. Иванов с 1956 по 1993 год работал в ЛГУ им. А. А. Жданова и на себе испытал давление описываемых Д. С. Лихачевым обстоятельств.

² *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 382.

³ Там же. С. 386.

слова поэта: «Наша обязанность — беречь бесценное наследие, доставшееся нам от отцов и дедов. Потому что я совершенно убежден, что когда во всем мире так много говорят о правах человека, то защита духовных ценностей как раз и является частью этой борьбы»¹ — и его горький перечень уничтоженных знаменитых московских церквей — Иверской часовни Божией Матери, Параскевы Пятницы, собора на Страстной площади, храма Христа Спасителя. А вот его суровый приговор: «Там, где попирается право человека на наследие его отцов и дедов, там, следом за этим, приходят ложь, насилие, смерть»².

Так или иначе, но в последние годы можно говорить о постепенном — пусть медленном — но восстановлении нравственных основ жизни российского общества, и, безусловно, происходит это благодаря таким примерам, как жизнь и научное служение Д. С. Лихачева.

3.2.3. ОБ ЭТИКЕ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

Среди трудов академика есть небольшая публикация, посвященная этике, точнее — этической стороне научной работы³. **Этические нормы в науке и их нарушения — вот что по-настоящему беспокоило ученого.**

Спрашивать Дмитрия Сергеевича, почему он не написал книгу о значении профессионализма в науке, не приходилось. Видимо, он считал высокий профессионализм ученого качеством очевидным, само собой разумеющимся. Ибо он не застал времен, когда этот профессионализм стал угрожающим образом понижаться, а то и вовсе пропадать.

Между тем в старые добрые времена тема этики ученого казалась многим второстепенной (как и тема этики врача, педагога, журналиста). Точнее, она выходила на первый план в каких-то особых случаях, к примеру, при участии ученого в проекте, связанном с применением атома в военных целях. В этом смысле едва ли основной этической проблемой науки XX века была невозможность для ученого контролировать использование результатов своего труда, что делало людей науки в моральном плане заложниками политического руководства. Как писал Фридрих Ницше: «Идеальный ученый... без сомнения, представляет собой одно из драгоценнейших орудий, какие только есть, — но его место в руках более могущественного»⁴.

¹ Галич А. Возвращение: стихотворения. Л.: Музыка, 1990. С. 308.

² Там же. С. 309.

³ Лихачев Д. С. Без доказательств / РАН, Ин-т рус. лит. СПб.: БЛИЦ, 1996.

⁴ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 328.

В отличие от вышесказанного Д. С. Лихачев, говоря об этике науки, имеет в виду этику самой научной работы. Он весьма сурово осуждает этические нарушения в этой сфере, используя терминологию не из морального, но из уголовного кодекса: разбой, воровство, браконьерство, хулиганство.

Что он имеет в виду?

«“Разбой в науке” — заставлять писать за себя подчиненных или зависимых исследователей»¹.

«“Воровство в науке” — пользоваться чужими материалами, не ссылаясь на их истинных владельцев»².

«“Карманное воровство в науке” — ссылаться на источники из чужих рук»³.

«“Браконьерство в науке” — перехватывать чужие темы»⁴.

«“Хулиганство в науке” — ругать предшественников, скрытно пользуясь (хотя бы частично) их материалами»⁵.

В большинстве рассматриваемых случаев, как легко убедиться, ключевое слово — «чужое». То есть в научной работе есть свое — это то, что получено собственным трудом, остальное — чужое — им можно пользоваться, но нельзя присваивать. Д. С. Лихачев не одобряет даже излишней демонстрации эрудиции. Это касается и библиографии: «Библиографические сноски в исследованиях должны быть “умными”: в пределах необходимости, но не для демонстрации учености», — указывает он⁶.

В столь резких замечаниях видна установка ученого эпохи нормальной науки советского времени, нацеливавшей исследователя на результат, а не на демонстрацию своих способностей. С позиций сегодняшнего дня такая оценка может показаться даже излишне ригористичной. Ибо падение профессионализма зримо проявляется начиная именно с научной эрудиции. Она уходит из книг и статей, как роскошь былых времен, которая ныне уже не по карману.

Вернемся к этике науки, как ее понимал Д. С. Лихачев. Ясно, что построить ее, основываясь только на запретах, не получится, для ученого нужно сформулировать и положительные качества, добродетели.

Главная из них, по Д. С. Лихачеву, — честность: «Честность в науке важнее всего. Ущерб, наносимый нарушениями честности в науке, устраним в науке с очень большим трудом»⁷. Далее он пишет: «Высокая

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 114.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 143.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 150.

нравственность ученого проявляется, прежде всего, в ответственном отношении к своей научной работе»¹. Эта мысль очень важна, ибо снимает противоречие между нравственностью и профессионализмом.

Рассматривая тему научного исследования, академик высказывает очень интересное суждение: «Если в конце исследования не видно начала следующего — значит, исследование не доведено до конца»². И затем: «В занятиях какой-либо темой исследователь не должен делать остановок (перерывов). Ведь и поезд, идущий с частыми остановками, тратит сил во много раз больше, чем поезд, преодолевающий тот же путь без остановок»³. «Окончание научной работы — всегда начало следующей»⁴. Здесь содержится понимание Дмитрием Сергеевичем присущего современному научному развитию динамизма. Наука в современном мире развивается особенно быстро. Практически все, что является подлинной научной задачей, кем-то решается и, как правило, в достаточно короткие сроки. На этом фоне поражает самоуспокоенность некоторых коллег, пытающихся и сегодня прожить за счет научного багажа 1990-х, а то и 1980-х годов. Перефразируя Льюиса Кэрролла, можно сказать, что для того, чтобы оставаться в науке на месте, нужно бежать достаточно быстро, а чтобы двигаться вперед — нужно бежать в два раза быстрее.

Надо сказать, что академик Лихачев достаточно много внимания уделял организационно-научной сфере. «Наука коллективна, — констатирует он. — Настоящий ученый организует науку вокруг себя»⁵. Но при этом: «Организатором науки нельзя быть со стороны — сверху, снизу или сбоку»⁶. И самое главное: «Организатором науки может быть только человек науки»⁷. Когда сегодня мы слышим, что надо отдать науку в частные руки, передать вузы и институты бизнесу и так далее, ясно, что и в данном вопросе Д. С. Лихачев, увы, оказался провидцем. Разумеется, трудно возражать против расширения источников финансирования науки и высшей школы, даже при том, что государственное финансирование обязано быть более надежным. Но теперь предлагается переместить научное сообщество из органичной среды обитания в иную среду, где отнюдь не человек науки будет играть роль ее организатора, определять ход развития событий.

И что еще существенно: в бизнесе принципиально важен положительный результат, а в науке, особенно фундаментальной, результат

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 25.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 99.

⁵ Там же. С. 79.

⁶ Там же. С. 99.

⁷ Там же.

может быть в принципе любым. Как утверждает Дмитрий Сергеевич: «Отрицательный результат исследования — тоже результат, причем обычно самый беспорный»¹. Важно, что это сказано без осуждения, ибо итог должен зависеть не от заказчика, а от объекта исследования. В науке нередко нужно пройти определенный путь, чтобы убедиться, что в конце — тупик. Д. С. Лихачевым осуждается как раз обратное. Он пишет: «Чистоплюйство в науке — выбирать только “выгодные” для себя темы»². Это позиция не бизнеса, потому что там, кроме прямой отдачи вложенных средств, ничто не важно, и не «голос сверху», поскольку чиновники от науки чаще всего и есть упомянутые выше «чистоплюи». Это мнение организатора подлинной науки.

Несколько особняком в изложении этической проблематики стоит следующее суждение Д. С. Лихачева: «Главный враг науки — наукообразность. Главная опасность наукообразности в ее “близости” к науке»³. Характерно, что слово «близость» помещено в кавычки. Потому что речь идет о мимикрии — подражании внешним признакам научной деятельности.

Какие-то люди с важным видом восседают в президиумах конференций, входят в состав ученых советов, высказываются по научным вопросам в СМИ, не имея отношения к реальной научной работе и рождая в обществе статус ученого.

Правда, такая мимикрия существовала и раньше. Еще академик Лев Ландау сказал, что жрец науки — это тот, кто ест благодаря науке и не имеет к ней более никакого отношения. Но подобных персон никогда не было так много, как сейчас.

Отдельная тема в размышлениях Д. С. Лихачева о науке — тема именовании. Дмитрий Сергеевич как-то до странности трепетно относится к именам, названиям и вообще к номинации. Наверное, потому, что с нее все начинается. «Если вы хотите, чтобы ваше наблюдение вошло в науку — окрестите его, дайте ему имя, название»⁴. Или, в другом месте: «Как “театр начинается с гардероба”, так научная работа начинается с названия: точного, делового»⁵. Но и здесь академик предостерегает от излишеств: «Если ученый создает сотни научных терминов, — он разрушает науку, десятки — поддерживает ее, два-три — двигает науку вперед»⁶. Есть и более афористичная мысль: «Краткость — вежливость ученого»⁷. Данный критерий распространяется и на научные доклады:

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 102.

² Там же. С. 150.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Там же. С. 56.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ Там же. С. 62.

«Не верьте длинным докладам, — пишет он, — аргументированные обычно коротки»¹.

От темы номинации академик переходит к оценке **языка науки**: «Главное достоинство научного языка — ясность»² — и объясняет, почему это достоинство является основным: «Если язык научной работы труден, он не выполняет основную свою задачу — сообщать»³. Разумеется, Д. С. Лихачева волнует научная коммуникация, поскольку ему всегда казалось принципиально важным наличие сообщества ученых как структуры гражданского общества, связанной с государством, но не зависящей от него в процессе духовного производства, то есть производства идеи, научных концепций и проектов.

В прямой связи с темой научной коммуникации оказывается тема оценки результатов научного труда. Разумеется, «от ошибок никто не застрахован... Ошибка в выводах указывает на ошибочность работы исследователя, ошибочность примененного метода — на порок самого исследователя»⁴. То есть в первом случае виноват в ошибке сам специалист, но у него есть шанс исправиться, а во втором — его учителя, не научившие верно выбирать методологию исследования. Психологически же «страховаться в науке следует чувством готовности претерпеть неудачу»⁵. Именно с «готовностью претерпеть» связана такая этическая категория, как мужество: «Самое большое мужество ученого — вовремя признавать свои ошибки»⁶.

Таким образом, **главным критерием оценки научной работы становится внутреннее «Я» ученого, его совесть**. Внешние же оценки — менее существенны. Как пишет ученый: «Когда у спорящих нет аргументов, появляются просто “мнения”»⁷. Правда, большую роль в научном сообществе играет понимание. Для Дмитрия Сергеевича в данном контексте «интеллигентность — это способность к пониманию»⁸.

Можно было бы утверждать, что такой настрой академика дает в его глазах преимущество герменевтическим процедурам в познании над логико-аналитическими. Но это не совсем так. Далее он пишет: «Не навязывайте своего понимания или, еще того хуже, непонимания другим. Не считайте, что вы обладаете абсолютным вкусом, как и абсолютным знанием. Первое невозможно в искусстве, второе невозможно в науке»⁹.

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 85.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 102.

⁵ Там же. С. 128.

⁶ Там же. С. 119.

⁷ Там же. С. 62.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Там же. С. 86.

Границы понимания в науке в принципе не совпадают с границами научной истины. Точнее, первые шире последних. Это — еще одна причина неизбежности научных споров. Но весьма любопытно, что среди аргументов «против» Д. С. Лихачев называет фигуру умолчания: «Молчание в науке — знак несогласия»¹. Может быть, это связано с традицией исихазма в русской православной духовности; возможно, менталитет исследователя содержит внутреннюю установку — молча игнорировать все, с чем не согласен. Так или иначе, но правота этого замечания очевидна. Впрочем, причиной молчания несогласных может быть чей-то научный авторитет, особое значение в данной области чьей-то личности или страх перед начальством. Позиция Лихачева по отношению к начальству определена достаточно ясно: «Нельзя быть “свадебным генералом” в науке: это унижает ученого»². К сказанному выше примыкает следующий тезис: «Не количество работ, а их качество!»³ И еще более уничижительно: «Если ученый бегаёт за званиями и степенями, он рискует убежать от своей специальности»⁴. Можно ли сделать вывод об отрицании почтенным академиком научных авторитетов? Разумеется, нет, ибо «не уважают заслуг других те, кто их сам не имеет»⁵. Понятно, что Дмитрий Сергеевич четко отделяет реальный масштаб творческой личности от показной мишуры, имеющей мало отношения к сути дела.

При прочтении текстов академика Д. С. Лихачева о науке возникает странное чувство, связанное с глубиной разрыва между желаемым и существующим. С одной стороны, не может не вызывать уважения этическая доминанта его высказываний, с другой — мысли ученого воспринимаются как голос из иной реальности. Словно все постулаты рождены в месте уединения оторванного от обычной жизни мудреца. Но ведь это не так. Дмитрий Сергеевич извещал многое на своем научном и жизненном пути. И все-таки в текстах незримо присутствуют житейское благополучие, достоинство, даже величие прошлого века — времени наивысшего расцвета советской науки.

В 1990-е годы в научной среде возникнет совершенно иная ситуация. Разразившаяся национальная катастрофа привела к массовому обнищанию людей науки, уходу наиболее энергичных в политику и бизнес, миграции за рубеж, старению научных коллективов. В современную историю России вписаны не научные победы и прорывы, а самоубийства директоров НИИ, не знавших, на какие деньги содержать ин-

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 77.

² Там же. С. 87.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Там же. С. 91.

ституты, вывоз за рубеж всего, что можно было продать, — распиленного на металлолом оборудования, оборонных технологий, научных результатов; махинации с фондами заработной платы научных учреждений и с их имуществом. И все более бойкая торговля учеными степенями и званиями «на вынос и распивочно». Кто из «сильных мира сего» в нашей стране еще не доктор или, на худой конец, не кандидат каких-нибудь наук?

В этих условиях мысли академика могут восприниматься как рекевием по науке, которую мы потеряли. И все-таки здесь есть светлая сторона. Актуализация воззрений Д. С. Лихачева на этику научной работы связана не со вчерашним или сегодняшним, но с завтрашним днем российского общества и государства.

«Долг ученого — иметь преемников.

Ум ученого — давать творческую свободу своим преемникам.

Доброта ученого — не иметь секретов от своих преемников»¹.

Поставленный академиком Лихачевым **вопрос о долге ученого** важен сегодня как никогда. Преподавательский состав российских вузов — в большинстве своем дедушки и внучки. Потеря среднего поколения печальна, но не фатальна по ее отдаленным последствиям, если в науке сохранится преемственность, о которой говорит Дмитрий Сергеевич. И в том случае, если наука будет востребована обществом и государством, — не все безнадежно. Нам остается в связи с этим лишь повторить за Дмитрием Сергеевичем: «Самый верный путь ученого — путь самой науки: заботиться только о выявлении научной истины и больше ни о чем на свете»².

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 31.

² Там же. С. 119.

3.3. Д. С. ЛИХАЧЕВ И А. А. ЗИМИН: УРОКИ НАУЧНОЙ ПОЛЕМИКИ*

Среди лихачевской мемуаристики достаточно часто встречается драматический сюжет, связанный с академической полемикой вокруг версии истории создания «Слова о полку Игореве», выдвинутой в начале 1960-х годов историком А. А. Зиминым.

Д. С. Лихачев был принципиальным оппонентом этой версии, объявляющей «Слово...» фальсификацией. «...Древнерусский мир, в частности “Слово о полку Игореве”, представлял для него огромную ценность — не только научную, но и человеческую, — пишет в своих воспоминаниях о Д. С. Лихачеве Я. А. Гордин. — И он был готов отстаивать интересы этого мира. Иногда это приводило к драматическим и мучительным для Дмитрия Сергеевича ситуациям... В начале 1960-х годов произошло событие, стоившее Дмитрию Сергеевичу немалых нервов и здоровья. Известный и уважаемый историк, специалист по русскому Средневековью, Александр Александрович Зимин занялся исследованием “Слова о полку Игореве” и пришел к выводу, что “Слово...” написано в XVIII веке. Он сделал об этом доклад в Пушкинском Доме. Казалось бы, обычный научный спор. Разумеется, Дмитрий Сергеевич и большинство его коллег были категорически не согласны с Зиминым. Но тут в дело вмешались идеологические власти — отдел идеологии ЦК КПСС. Работа Зимина была объявлена идеологической диверсией. Академик Рыбаков настаивал на том, что это — “сионистский заказ”! Дмитрий Сергеевич оказался в очень трудном положении. Он хотел вести научную дискуссию, а от него, заведующего сектором древнерусской литературы, требовали уничтожения оппонента. <...> Дмитрий Сергеевич до конца жизни тяжело переживал эту унижительную для науки ситуацию»¹.

О «накале страстей» (и не только научных) вокруг этой полемики свидетельствуют и воспоминания знаменитого первооткрывателя «берестяных грамот» академика В. Л. Янина: «Некоторое “противостоя-

* Раздел написан в соавторстве с профессорами СПбГУП Ю. В. Зобниным и А. А. Михайловым.

¹ Гордин Я. А. Лихачев как моральный авторитет // Очень^{UM}. 2006–2007. № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 50.

ние” между мной и Лихачевым относится к середине 1960-х годов, когда Александр Александрович Зимин выступил со своей концепцией <...> я с величайшим уважением воспринял мужество ученого, осмелившегося противостоять официальной трактовке, приравнявшей “Слово...” чуть ли ни к “Манифесту коммунистической партии” и требующей неприкосновенности к тексту, который, естественно, не мог не измениться в процессе многовекового редактирования. Я был уверен, что демарш Зимина понудит исследователей более внимательно изучать замечательный памятник русского Средневековья. Так и оказалось в дальнейшем. Но Зимин своего главного противника подозревал в Лихачеве, который, в свою очередь, заподозрил во мне зиминского сторонника, но очень скоро, к счастью, разобрался в ситуации»¹.

Приведенные воспоминания В. Л. Янина показательны как выражение позиции, которую разделяет, на наш взгляд, большинство крупных ученых, обращающихся в наше время к той памятной дискуссии о «Слове...»: научная состоятельность концепции Зимина ими не признается, но сам факт возникновения в те времена полемики «поверх идеологических барьеров» всячески приветствуется как попытка оздоровления обстановки в советской науке. Ведь и Д. С. Лихачев, как свидетельствует Я. А. Гордин, «предлагал опубликовать книгу Зимина, чтобы полемика была гласной и открытой»², однако это было запрещено «сверху».

Думается, современному читателю также будет небезынтересно узнать об этом любопытном эпизоде, ярко обрисовывающем тот исторический контекст, в котором приходилось действовать академику Лихачеву в годы расцвета его научного творчества.

Александр Александрович Зимин (1920–1980), без сомнения, является одним из крупных российских историков XX столетия. В сфере его научных интересов лежали различные аспекты истории России XI–XVIII веков. Видный современный исследователь, доктор исторических наук С. М. Каштанов, оценивает личность и заслуги А. А. Зимина перед наукой следующим образом: «Зимин был и остается гордостью российской исторической науки. Ученый с огромным творческим потенциалом, широчайшим кругозором и редкой научной интуицией, он вызывал уважение и восхищение и своими трудами, и своей личностью. Обладая ярко выраженным холерическим темпераментом, Зимин буквально “горел” жаждой творчества... Зимин был “ученым с мировым именем” в полном смысле слова. Не только российские, но и иностранные коллеги относились к нему с глубочайшим почтением, я бы сказал,

¹ Янин В. Л. Совесть, благородство и достоинство отличали Лихачева // *Очень*^{UM}. 2006–2007. № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 32–33.

² См.: Гордин Я. А. Указ. соч. С. 50.

с преклонением, а также с большой душевной теплотой. Ценились его труды, ценилась его эрудиция, острота мысли, остроумие, раскованность, искренность и желание помочь»¹. Другой видный историк В. М. Панеях пишет о А. А. Зимине следующее: «Выдающийся многогранный талант А. А. Зимина как ученого сочетался с его необычной работоспособностью, преданностью науке и бескорыстной увлеченностью поисками исторической правды»².

А. А. Зимин учился на историческом факультете МГУ (1938–1941), историко-филологического факультете Среднеазиатского университета (окончил в 1942 г.), в аспирантуре Института истории АН СССР. В 1947 году защитил кандидатскую диссертацию о землевладении и хозяйстве Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XV — начале XVIII века и начал работу в Институте истории АН СССР в качестве младшего научного сотрудника. С 1951 года он являлся старшим научным сотрудником того же Института. Уже в самом начале исследовательского пути Александр Александрович зарекомендовал себя как чрезвычайно яркий и талантливый ученый. С. М. Каштанов отмечал: «Кандидатская диссертация А. А. Зимина поражает читателя, прежде всего, размахом творческой инициативы автора и продуктивностью примененной им методики исследования. Его работа — принципиально новый этап в подходе к изучению истории крупной духовной корпорации»³. Случай, когда уже кандидатская диссертация оценивается специалистами как «принципиально новый этап» в исследовании крупной научной проблемы — безусловно, редчайший.

В 1950-е годы А. А. Зиминим был подготовлен целый ряд работ, посвященных русской общественно-политической мысли XVI века и таким ее представителям, как Иосиф Волоцкий⁴ и Федор Карпов⁵. Данные исследования закономерно привели А. А. Зимина к научному сотрудничеству с Д. С. Лихачевым — тогда уже одним из наиболее авторитетных специалистов в изучении древнерусской литературы. В 1956 году

¹ Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин // Портреты историков: Время и судьбы: в 2 т. М.: Унив. кн.; Иерусалим: Gesharim, 2000. Т. 1: Отечественная история. С. 389.

² Панеях В. М. Панорама истории России XV–XVI веков А. А. Зимина. К выходу в свет книги «Витязь на распутье» // Отечественная история. 1992. № 6. С. 80.

³ Каштанов С. М. Указ. соч. С. 371.

⁴ Зимин А. А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого // Тр. Отд. древнерус. лит. (ОДРЛ) Ин-та рус. лит. АН СССР. М.; Л., 1953. Т. IX. С. 159–177.

⁵ Зимин А. А. Общественно-политические взгляды Федора Карпова // Тр. Отд. древнерус. лит. (ОДРЛ) Ин-та рус. лит. АН СССР. М.; Л., 1956. Т. XII. С. 160–174.

вышел в свет сборник сочинений видного русского публициста XVI века Ивана Семеновича Пересветова, над которым А. А. Зимин и Д. С. Лихачев работали вместе, причем оба исследователя поместили в сборнике свои статьи¹.

По воспоминаниям коллег, в период совместной работы А. А. Зимин испытывал к Д. С. Лихачеву огромное уважение, восхищался им. Так, С. М. Каштанов вспоминает: «Однажды А. А. Зимин показал мне фотографию, где в числе прочих был запечатлен Д. С. Лихачев. Зимин спросил меня, узнаю ли я, кто тут Лихачев. Я, конечно, не узнал. Зимин возмутился и с восторгом отозвался об этом ученом»².

В 1958 году была опубликована монография А. А. Зимина «И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в.»³. Позже он защитил ее в качестве докторской диссертации. Показательно, что Д. С. Лихачев в дальнейшем также неоднократно обращался к наследию Ивана Пересветова и его роли в развитии русской общественной мысли.

Для А. А. Зимина период работы над «пересветовской темой» стал временем активного формирования присущих ему методов исследования, выработки собственного исследовательского почерка. Еще в 1954 году он писал видному ленинградскому историку Б. А. Романову: «Исторически тема с Пересветовым очень трудна и требует “труппы” и “хоров”». Если же ее свести к ковырянию в списках и редакциях, то она перестанет быть исторической <...> Пересветов — соло — невозможен, скучен...»⁴ Здесь нельзя не отметить, что подобный подход к влиянию исторической среды на тот или иной текст был очень близок Лихачеву. В своей широко известной работе «Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв.», завершенной в 1962 году, Дмитрий Сергеевич отмечал: «На всем пути истории текста стоят люди с их интересами, воззрениями, представлениями, вкусами, слабыми и сильными сторонами, навыками письма и чтения, особенностями памяти, общего развития, образования. Из этих людей наиболее важен для нас автор, но значение имеют и редактор, и заказчики, и переписчики, и читатели, также оказывающие влияние на судьбу текста, а за этими людьми стоят, в свою очередь, люди и люди: все общество оказывает свое заметное и

¹ *Зимин А. А. И. С. Пересветов и его сочинения // Пересветов И. Сочинения. М.; Л., 1956; Лихачев Д. С. Иван Пересветов и его литературная современность // Там же. С. 28–56.*

² *Каштанов С. М. Указ. соч. С. 377.*

³ *Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1958.*

⁴ *Цит. по: Панеях В. М. Указ. соч. С. 70.*

незаметное влияние на судьбу памятника»¹. Именно многочисленные люди, окружавшие автора, и есть те «труппы» и «хоры», о которых писал А. А. Зимин.

Лихачевское стремление показать и раскрыть на основе конкретных фактов глубокие исторические закономерности будет присуще Зимину на протяжении всей его исследовательской деятельности. В предисловии к одному из наиболее ярких своих исследований — монографии «Витязь на распутье» Александр Александрович писал: «Историку легче рассказать о том, как все происходило, чем понять, почему так произошло. Это тем более сложно, когда размышляешь о переходных эпохах, когда победившие правители “переписывали историю”...»² Здесь нелишне заметить, что А. А. Зимин относился к Б. А. Романову как к своему учителю, наставнику. Сам же Б. А. Романов, крупный исследователь Киевской Руси, по своим научным интересам был тесно связан с Лихачевым. По воспоминаниям Р. П. Дмитриевой и М. А. Салминой, Д. С. Лихачев еще в 1948 году не побоялся выступить в защиту книги Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси», которая подверглась грубым и необоснованным нападкам со стороны партийных «идеологов»³.

Одновременно с научной работой А. А. Зимин вел активную преподавательскую деятельность: с 1947 по 1972 год он работал в Московском государственном историко-архивном институте в качестве старшего преподавателя (1947–1950), доцента (1950–1970), профессора (1970–1973). По отзывам коллег, он пользовался большой любовью и уважением студентов, преподавал очень ярко и интересно. «Он (А. А. Зимин. — *Прим. авт.*), — вспоминает С. М. Каштанов, — не терпел академическую напыщенность и псевдонаучность. Юмор, остроумие и доброта — неотъемлемые черты его личности»⁴. Нелишне отметить, что стойкую неприязнь к «псевдонаучности» испытывал также Дмитрий Сергеевич, который в своих работах избегал нарочитой усложненности, присущей многим академическим текстам, подчеркивал, что «демонстрация эрудиции в научной работе — пошлость и безвкусица»⁵, если она не обусловлена логикой научного доказательства.

¹ Цит. по: *Лихачев Д. С.* Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. СПб., 2001. С. 45–46.

² *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 4.

³ *Дмитриева Р. П., Салмина М. А.* Дмитрий Сергеевич Лихачев — преподаватель исторического факультета Ленинградского университета (1946–1953) // Тр. Отд. древнерус. лит. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб., 1997. Т. 50. С. 29–30, 535

⁴ *Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 369.

⁵ *Лихачев Д. С.* Без доказательств / РАН, Ин-т рус. лит. СПб., 1996. С. 112.

Немало общего у Д. С. Лихачева и А. А. Зимина было и в отношении к целому ряду вопросов методологии научного исследования. Так, оба ученых испытывали повышенный интерес к вопросам текстологии и, в частности, к трудам А. А. Шахматова. В силу данных обстоятельств А. А. Зимин не мог не заинтересоваться вышедшим в свет летом 1962 года сборником статей «“Слово о полку Игореве” — памятник XII века», который был подготовлен Сектором древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. По воспоминаниям супруги ученого, Валентины Григорьевны Зиминной, он «буквально “заболел” “Словом...”» <...> после чего последовало напряженное, прямо-таки азартное, внимательнейшее изучение всего о “Слове” написанного¹.

Сопоставляя текст «Слова о полку Игореве» с другими произведениями древнерусской литературы, А. А. Зимин пришел к неожиданному выводу, что оно было написано вовсе не в XII веке, а гораздо позже — в XVIII столетии и представляет собой блестящую стилизацию древнерусского памятника («пастиш»). Автором «Слова...» А. А. Зимин считал талантливого богослова о. Иоиля (Быковского) (1706–1798), у которого А. И. Мусин-Пушкин, по собственному утверждению последнего, приобрел рукопись.

Важнейшим аргументом для такой датировки «Слова...», по мнению Александра Александровича, являлся характер его взаимоотношений с «Задонщиной» — воинской повестью, посвященной Куликовской битве (1380). Зимин полагал, что «Задонщина» сохранилась в первичной (Краткой) и вторичной (Пространной) редакциях и что именно списки Пространной редакции обнаруживают наибольшую близость к «Слову...». Соответственно, утверждал он, «Слово...» могло быть создано лишь после возникновения Пространной редакции «Задонщины», то есть не ранее 20-х годов XVI века. Другими важными источниками для написания «Слова...» были, по мнению Александра Александровича, Ипатьевская летопись и некоторые памятники русского, белорусского и украинского фольклора. Ученый также находил в «Слове...» идеи, актуальные для XVIII века, считал, что оно может быть истолковано как «призыв к присоединению Крыма и победоносному окончанию Русско-турецкой войны»².

15 февраля 1963 года А. А. Зимин направил Д. С. Лихачеву, с которым, как говорилось выше, был давно связан научными интересами, письмо с просьбой заслушать на заседании Сектора древнерусской литературы его доклад на тему «К изучению “Слова о полку Игореве”». Заседание состоялось 27 февраля, к сожалению, в отсутствие самого Дмит-

¹ *Зимина В. Г.* К читателю // Зимин А. А. «Слово о полку Игореве». СПб., 2006. С. 3.

² См.: *Лихачев Д. С.* Когда было написано «Слово о полку Игореве»? // Вопросы литературы. 1964. № 8. С. 144.

рия Сергеевича, который в то время оказался в больнице. Выступление продолжалось три часа. Сам ученый впоследствии вспоминал: «...это был первый доклад, который я делал не по бумажке (потому как работы-то самой еще не было), была груда материала и уйма выводов»¹. Заседание собрало, совершенно неожиданно для его организаторов, нетипично большое для научных мероприятий количество слушателей и участников дискуссии — около 150 человек, среди которых оказалось немало студентов. Изложенная Зиминим гипотеза вызвала немало возражений, но каких-либо окончательных выводов участники заседания не сделали.

По возвращении в Москву Александр Александрович подвергся «проработке» со стороны руководства Института истории АН СССР за то, что сделал доклад по собственной инициативе, без согласования с руководителями. Одновременно ему было предложено представить его тезисы для публикации в журнале «Вопросы истории», где их предполагалось напечатать с сопроводительной статьей М. Н. Тихомирова. Зимин от такого предложения отказался, ибо публикация тезисов неизбежно закрывала дорогу для последующей публикации полномасштабного исследования. Тогда начальство потребовало от исследователя подготовить научный текст с изложением доводов, приведенных на заседании в Институте литературы. Вот что писал об этом впоследствии сам ученый: «Работу о “Слове...” меня заставило написать начальство, стенограммы заседания не было, а ему очень хотелось меня “проработать”. Требовался для этого мой какой-либо, хоть плохенький (а это даже лучше), но все-таки текст. Я написал трехтомник, который сохранился в ротапринтном варианте в нескольких экземплярах»².

Речь в данном случае идет о работе «“Слово о полку Игореве”»: (Источники, время написания, автор)», объемом в 660 страниц, которая была напечатана на ротапринте Института истории Академии наук тиражом в 101 экземпляр (1963). Экземпляры были направлены ученым, которых предполагалось привлечь к обсуждению гипотезы, причем исследователи получали книги строго по списку, так, словно речь шла не о научном, историческом исследовании, а о неких сверхсекретных материалах, разглашение которых угрожает безопасности государства.

Само обсуждение состоялось в Отделении истории АН СССР 4–6 мая 1964 года. На него было приглашено около 100 ученых, причем более 30 из них сделали более или менее развернутые выступления. Среди выступавших были крупнейшие специалисты в области истории, филологии, археологии, ученые с мировыми именами: Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков, А. В. Арциховский, О. В. Творогов и др. Вместе с тем на обсуждении присутствовали и в значительной мере контролировали его ход представители официальной «идеологической машины». Среди них — секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев и вице-президент Академии наук

¹ Зимина В. Г. Указ. соч.

² Там же. С. 4.

П. И. Федосеев, научные работы которых были посвящены философии марксизма-ленинизма. Участвовали также ученые, специализация которых представляется очень далекой от обсуждаемой проблемы. Однако занимаемые ими высокие номенклатурные должности не позволяли остаться в стороне от дискуссии: директор Института истории АН СССР В. М. Хвостов и академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е. М. Жуков, оба — специалисты в области международных отношений.

Подробный отчет о заседании был опубликован в том же 1964 году на страницах журнала «Вопросы истории»¹. Однако публикация производилась под контролем партийных органов (видимо, в лице Л. Ф. Ильичева). В результате, наиболее подробно в ней изложены доводы научных оппонентов А. А. Зимины — особенно Д. С. Лихачева и Б. А. Рыбакова². Вместе с тем нельзя отрицать, что многие положения новой гипотезы действительно оказались уязвимы для критики. Ученые различных специализаций аргументированно указывали Зимину на неточную трактовку им многих терминов и исторических реалий, на огрехи в переводе текста и т. д.

Сам А. А. Зимин в заключительном слове сказал: «Результаты обсуждения настолько значительны и интересны, что потребуются значительная работа, чтобы все это переварить, продумать еще раз. Выказана была масса интересных мыслей, наблюдений, масса полезного. Лично для себя я получил много полезного. <...> Мне хочется иметь возможность еще не один раз обратиться за консультациями, за помощью к присутствующим, к их большим знаниям, которыми я, конечно, не всегда обладаю. <...> И если мы будем так же дружно и плодотворно работать, решая сложные вопросы, как мы работали, очень хорошо работали, на этом совещании, я думаю, что советская историческая наука и советская наука вообще только выиграет. <...> И такое собрание, какое было организовано сейчас, — деловое, без лишних людей, не имеющих непосредственного отношения к теме, на котором собрались люди, серьезно работающие в этих областях, мне кажется, лично мне по крайней мере, принесло огромную пользу. Еще раз я хочу сказать от всей души, от всего сердца — я благодарен и собравшимся, и тем, кто взял на себя нелегкую задачу собрать это весьма компетентное собрание»³.

¹ Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве» // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 121–140.

² Стенограмма заседания хранится в архиве Российской Академии наук (Отделение истории, ф. 457, оп. 3 (1964)).

³ Стенограмма обсуждения работы А. А. Зимины «Слово о полку Игореве» // Архив РАН. Отделение истории, ф. 457, оп. 3 (1964), № 20, л. 138–139. См. также: Соколова Л. В. Новые мифы о старом: (по поводу интервью на радиостанциях «Эхо Москвы» и «Свобода» в связи с выходом книги А. А. Зимины «Слово о полку Игореве») [Электронный ресурс] / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Электрон. дан. Режим доступа: <http://odrl.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3229>. Загл. с экрана.

Явная несправедливость заключалась, конечно, не в научной критике работы А. А. Зимина как таковой, а в том идеологическом давлении, которому подвергся исследователь. Даже в отредактированном партийной цензурой отчете мрачное впечатление производит, например, фрагмент выступления Е. М. Жукова. Подводя итог долгой, очень глубокой в научном отношении дискуссии, тот заявил: «...подготовка и проведение обсуждения явились не вполне оправданным расходом средств и времени, поскольку выяснилось, что обсуждение концепции не заслуживает того внимания, которое ей было уделено»¹. Жуков добавил также, что «опровержение надуманных построений отвлекло на значительное время многих специалистов от текущей работы»². Власти, таким образом, фактически ставили крест на любых попытках продолжить дальнейшую разработку гипотезы Александра Александровича, заявляя, что никакого нового обсуждения быть не должно.

Важно подчеркнуть, что **Д. С. Лихачев выступал против перевода обсуждения работы А. А. Зимина из научной сферы в идеологическую.** В преамбуле к своему выступлению он подчеркивал: «Еще одно замечание, которое я считаю необходимым предпослать своему выступлению: спор о подлинности “Слова о полку Игореве” является научным спором и привносить сюда какие-то вненаучные элементы не следует»³. Таких же принципов придерживались и многие другие сотрудники Института истории литературы АН СССР, в частности Л. А. Дмитриев писал А. А. Зимину: «В вопросе о “Слове...” я твой противник и, как ты сам прекрасно понимаешь, я должен и буду здесь спорить с тобой. Но, и это я говорил и в частных, и в официальных разговорах, твоя точка зрения — это твоя научная гипотеза, и спорить с ней нужно как с гипотезой, не примешивая сюда никакой политики»⁴.

Многие из выступавших на обсуждении ученых, не соглашаясь с доводами А. А. Зимина, говорили тем не менее о необходимости опубликовать его работу. Так, О. В. Творогов, в частности, отмечал: «На вопрос о судьбе работы А. А. Зимина я с полной решимостью отвечаю: она должна быть издана <...> если же книга опубликована не будет, советской науке будет нанесен непоправимый ущерб. О гипотезе А. А. Зимина не забудут, будут продолжаться плодиться слухи и домыслы, проповедниками скептического отношения к “Слову...” станут добровольные интерпретаторы взглядов А. А. Зимина, любители сенсаций и эффек-

¹ Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве». С. 140.

² Там же.

³ Стенограмма обсуждения работы А. А. Зимина «Слово о полку Игореве». № 3, л. 16–17. См. также: *Соколова Л. В.* Указ. соч.

⁴ *Соколова Л. В.* Указ. соч.

тов. В то же время историки древнерусской литературы будут лишены возможности научно спорить, отстаивать свою точку зрения»¹. Как показало время, это было мудрое, провидческое замечание.

Тем не менее власть имущие рассудили иначе. Еще до обсуждения, 4 марта, книгу затребовал председатель идеологической комиссии Л. Ф. Ильичев, а 16 марта А. А. Зимины вызвали к вице-президенту АН СССР П. Ф. Федосееву, который в присутствии Е. М. Жукова, директора Института истории В. М. Хвостова, ученого секретаря Отделения истории АН СССР Ю. В. Бромлея и академика Б. А. Рыбакова сообщил, что, хотя обсуждение и состоится, книга напечатана не будет². Бесспорно, что фактический запрет публикации грубо противоречил принципам научной этики. Ученый с горечью писал в своем дневнике: «Корифеи науки заговорили языком публицистов. <...> Получилось, что честные в своей основе ученые стали играть роль свидетелей обвинения на несправедном процессе. Самолюбцы вступают неизбежно в союз с сатаной, если забывают о существовании великого братства ученых. Никакая цель не оправдывает недостойных средств борьбы за ее торжество. Каковы бы ни были расхождения между учеными в споре о “Слове...”, никто не имел права брать себе в союзники жандармов»³.

Впрочем, после обсуждения А. А. Зимин не прервал работы над «Словом...», постоянно уточнял и подкреплял аргументацию своей гипотезы. Так, в статье «“Слово о полку Игореве” и восточнославянский фольклор», опубликованной в 1967 году⁴, Александр Александрович развивает свою мысль о том, что автор «Слова...» был любителем фольклора и именно под воздействием «народных образцов» трансформировал текст «Задонщины». Ярко выраженная индивидуальная творческая манера повествования, своеобразие приемов изображения героев в «Слове...», по мнению А. А. Зимины, не соответствовали «литературным явлениям Древней Руси XII в.»⁵. В другой статье, «Ипатьевская летопись и “Слово о полку Игореве”»⁶, вышедшей в свет годом позже, ученый возвращается к анализу так называемого «текстологического треугольника», то есть взаимоотношений «Слова...», «Задонщины» и

¹ Архив РАН. Отделение истории, ф. 457, оп. 3 (1964), № 15, л. 69; *Соколова Л. В.* Указ. соч.

² *Зимин А. А.* «Слово о полку Игореве» (фрагменты из книги) / публ., подгот. текста, вступ. ст. А. А. Формозов // *Вопросы истории.* 1992. № 6–7. С. 99.

³ *Зимин А. А.* Обретение свободы // *Родина.* 1990. № 8. С. 88.

⁴ *Зимин А. А.* «Слово о полку Игореве» и восточнославянский фольклор // *Русский фольклор.* Л., 1968. Т. 1. С. 212–224.

⁵ Там же. С. 222.

⁶ *Зимин А. А.* Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // *История СССР.* 1968. № 6. С. 43–64.

Ипатьевской летописи. Он утверждает, что автор «Слова...» черпал фактографию похода князя Игоря Святославича именно из Ипатьевской летописи и из нее же взял многие лексические обороты.

С другой стороны, многие видные ученые также продолжали участвовать в полемике, причем споры, порой, принимали очень эмоциональный характер. Достаточно упомянуть, что статья Б. А. Рыбакова, Ф. П. Филина и В. Д. Кузьмина, направленная против положений статьи А. А. Зимина «Ипатьевская летопись и “Слово о полку Игореве”» получила весьма публицистическое название: «Старые мысли, устарелые методы»¹. Современный историк В. М. Панеях справедливо видит в событиях, развернувшихся вокруг гипотезы А. А. Зимина, своеобразный знак времени, когда недолгая политическая «оттепель» подходила к концу: «...выводы автора не были приняты официальной наукой, а сам он был подвергнут длительной травле. В то же время его источниковедческая методика, в скрытой форме воспринятая и использованная оппонентами, замалчивалась ими. Вся эта история — одно из свидетельств того, что десталинизация не стала необратимым процессом и, напротив, начала отступать...»²

В отличие от некоторых своих коллег, **Д. С. Лихачев всегда оставался в рамках строго научной дискуссии, причем его критика гипотезы Зимина носила глубоко аргументированный характер.** Уже в 1964 году в журнале «Вопросы литературы» была опубликована статья Дмитрия Сергеевича «Когда было написано “Слово о полку Игореве”?», которая включала как положения, высказанные во время дискуссии в Отделении истории АН СССР, так и новые аргументы в пользу древности «Слова...». Показательно, что первый раздел своей статьи Д. С. Лихачев озаглавил: «Absit invidia», что в переводе с латыни означает «Пусть не будет злобы». Подчеркивая важность развернувшейся дискуссии, ученый писал: «Во времена культа личности Сталина, когда научные дискуссии сплошь да рядом превращались в проработки, не было возможности не только выступить тем, кто сомневался в подлинности “Слова...”, но и тем, кто хотел защитить его от сомнений... Защитники “Слова...” не могли привести развернутую аргументацию, так как не имели возможности подробно изложить доводы своих противников... Привычка обвинять, а не спорить сослужила дурную службу науке»³. Д. С. Лихачев хотел, разумеется, именно «спорить», причем спорить обоснованно. Показательно, что к вопросу о времени написа-

¹ Рыбаков Б. А. Старые мысли, устарелые методы: (ответ А. А. Зимину) / Б. А. Рыбаков, В. Д. Кузьмин, Ф. П. Филин // Вопросы литературы. 1967. № 3. С. 153–176.

² Панеях В. М. Указ. соч. С. 77.

³ Лихачев Д. С. Когда было написано «Слово о полку Игореве»? С. 132.

ния «Слова...» он возвращался в целом ряде работ, в том числе в фундаментальном исследовании «Историческая поэтика русской литературы»¹.

Как уже говорилось, **центральной научной проблемой дискуссии явилось определение источника подражания в истории создания двух, действительно похожих текстов:** Зимин полагал, что автор «Слова...» подражал «Задонщине», Лихачев видел в «Задонщине» подражание «Слову...». Приведем лишь некоторые из аргументов ученого, в которых проявился блеск Лихачева-полемиста: «“Задонщина”, — пишет он, — небольшое произведение, созданное на грани XIV–XV веков и прославляющее куликовскую победу “за Доном” (отсюда название этого произведения). <...> “Задонщина” — также нестилизация подражание произведению эпохи независимости Руси — “Слову о полку Игореве”. В отличие от “Слова о полку Игореве”, “Задонщина” стилистически неоднородна. Три стилистических слоя легко могут быть обнаружены во всех списках “Задонщины”: 1) стилистический слой, близкий к “Слову о полку Игореве” и буквально повторяющий отдельные элементы “Слова”; 2) стилистический слой “делопроизводственного” характера, совершенно чуждый “Слову”, и 3) слой фольклора. Два первых слоя очень характерны для всех списков “Задонщины” и находятся между собой в резком диссонансе. <...> Иногда смешение [этих] двух стилей — высокого поэтического и делового прозаического производит прямо-таки комическое впечатление. Так, делопроизводственность проникает даже в плач московских жен. Если в “Слове...” жены русских воинов упомянуты в общей массе как поэтический образ, который должен характеризовать тяжесть утрат (“Жены руския въсплакашась, аркучи: уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати”), то привыкший к деловой точности и чиновничеству московской бюрократии автор “Задонщины” уточняет: *кто именно из жен плакал и о ком именно*; это почти официальная реплика о плаче жен — жен официальной московской бюрократии: “Въспели бяше птицы жалостные песни. Все въсплакалис<я> к ней болярыни избьенных, воеводины жены: *Микулина жена Васильевич<а>*, да *Марья Дмитриева* рано плакашас<я> у Москвы у брега на забралах, а ркучи: “Доне, Доне, быстрая река, прирыла еси горы каменные, течеси в землю По<ло>вецкую. Прилилеи моего государя ко мне Микулу Васильевич<а>”, *Тимофеева жена Волуевич<а> Феодос<ь>я* так<о> плакас<я>, а ркучи: “Уже весел<ь>е понич<е> в славне гради Москве, уже не вижу своег<о> государя Тимофея Волуевич<а> в животе”. Да *Ондреева жена Марья*, да *Михайлова Оксен<ь>я* рано плакашас<я>: “Се уж<е> нам обема солнце померкне на славне

¹ Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб., 1997. С. 190–208 и другие работы.

гради Москве”. Это не поэтический плач, а официальное сообщение о плаче. Поэтический стиль резко диссонирует с делопроизводственной точностью. <...> Стоит упомянуть и о таком географическом несоответствии в “Задонщине”. В “Слове...” в обращении Ярославны к Днепру говорится, что он “пробил” каменные горы сквозь землю Половецкую, и Днепр действительно пробивает каменные пороги как раз в том месте, где степные народы чаще всего нападали на русские ладьи. Это было самое опасное место земли Половецкой. В “Задонщине”, в плаче русских жен говорится несколько иначе: “Доне, Доне, быстрая река, прирыла еси горы каменная, течеси в землю По<ло>вецкую”. *Но Дон на своем пути не встречает порогов, а любой крутизны правый берег еще не позволяет сказать, что река “прирыла (прорыла) каменные горы”.* Каменными были только пороги на Днепре. Следовательно, и здесь в “Задонщине” явная несообразность, объясняемая механичностью заимствования из “Слова...”¹. Лихачев заключает: «Итак, “Задонщина” — типичное для конца XIV — начала XV века нестилизованное подражание памятнику эпохи независимости Руси — эпохи, к которой обращалась вся русская культура после куликовской победы»².

Книга А. А. Зимина «Слово о полку Игореве» увидела свет через много лет после смерти автора, в 2006 году. В подготовке ее к публикации приняли участие видные исследователи из Петербурга и Москвы: О. В. Творогов, А. Л. Хорошкевич, В. П. Козлов, А. А. Формозов. Нельзя не отметить, что ее появление сразу же вызвало бурные споры. К сожалению, в отзывах на книгу некоторых журналистов и публицистов иногда присутствует стремление к некоторой сенсационности, весьма далекой от взвешенного, научного подхода³. Между тем **публикация работы, несомненно, является актом справедливости по отношению к выдающемуся исследователю**, своего рода оплатой морального долга всего научного сообщества перед его памятью.

Трудно не согласиться также с О. В. Твороговым, который в предисловии к этой книге пишет о ее научном значении: «А. А. Зимина нельзя упрекнуть в том, что какая-либо из проблем “слововедения”, существенная для решения вопроса о датировке и атрибуции памятника, обойдена его вниманием. Его книга — наиболее полный свод возражений защитникам древности “Слова...”, и без ответа на все доводы и сомнения А. А. Зимина нельзя, на мой взгляд, в дальнейшем бестрепетно рассуждать о времени создания памятника. Но если аргументация автора — самого основательного из “скептиков” — окажется неубедительной, то это будет означать, что у скептического отношения к древности

¹ Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. С. 190–192, 201.

² Там же. С. 204.

³ Соколова Л. В. Указ. соч.

“Слова...” осталось мало шансов на будущее...»¹ И далее О. В. Творогов решительно заявляет: «Должен признать, что, прочитав книгу А. А. Зими́на, я не изменил своего взгляда и по-прежнему считаю “Слово...” памятником древнерусской литературы»².

Дмитрий Сергеевич, безусловно, присоединился бы к этой позиции. Однако **несмотря на кардинально противоположную трактовку истории создания «Слова о полку Игореве» (по сравнению с Зиминым) в вопросах, касающихся нравственных позиций творчества (в том числе научного), возможности свободно излагать свои взгляды и этики ведения дискуссий, Лихачев и Зимин, думается, не имели разногласий.** Полемика между этими выдающимися учеными останется в истории отечественной науки, в истории России незаурядным уроком нравственности для будущих поколений, достойным примером служения Науке, служения Истине.

¹ Творогов О. В. О книге А. А. Зими́на // Зимин А. А. «Слово о полку Игореве». С. 7.

² Там же.

3.4. ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

Проблема взаимодействия личности и власти является одной из самых болезненных, трудных для русской интеллигенции. Думается, Дмитрий Лихачев не был в данном плане исключением. Напротив, его взаимоотношения с властью представляют сегодня интереснейший материал для осмысления этой темы.

Необходимость написания настоящего раздела книги стала очевидной в ходе научной сессии Отделения историко-филологических наук РАН, состоявшейся в Москве 20 декабря 2006 года. Сессия была посвящена 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. Среди докладов особняком стояло выступление С. О. Шмидта. Оно содержало один неоправданно резкий, но весьма любопытный пассаж, побуждающий к размышлениям.

Присвоив себе, по обыкновению, статус «хранителя имени» Д. С. Лихачева, Сигурд Оттович обрушился с критикой на Ю. В. Зобнина, одного из лихачевских учеников и коллег по Пушкинскому Дому, рекомендованного в свое время академиком на работу в наш Университет. Профессор Зобнин — выдающийся филолог, один из крупнейших по мировым меркам специалистов по литературе Серебряного века — был обвинен ни много ни мало в использовании текстов Дмитрия Сергеевича — «неблаговидно для памяти Лихачева»¹.

Поводом для этого выпада послужил фрагмент текста Юрия Владимировича, процитированный Шмидтом по университетскому журналу «Очень^{UM}»: «...если государство начнет давить интеллигенцию, получится катастрофа, поэтому от “государственных объятий” нужно уклоняться, но напрямую с ним не конфликтовать. Должна быть внутренняя свобода, “тайная свобода”»². Особое негодование Сигурда Оттовича вызвал итоговый вывод профессора Зобнина: «То, что говорил Лихачев, очень похоже на слова леди Макбет: “Кажись цветком и будь змеей под ним”. И тогда интеллигенция вновь будет в своей стихии. Страшнозвучит, но, если вдуматься, это правда»³. Прочитав Ю. В. Зобнина, его критик заключает: «Не говоря о том, что леди Макбет отнюдь не положительный образ у Шекспира, суждения эти противоречат всем нравственным установкам Лихачева»⁴.

¹ Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: матер. науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук; отв. ред А. П. Деревянко. М.: УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2006. С. 23.

² Зобнин Ю. В. Мы чувствуем себя крестниками Лихачева / [беседа вела Т. Львова] // Очень^{UM}. 2006/2007. № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 29.

³ Там же.

⁴ Шмидт С. О. Д. С. Лихачев и практика сохранения историко-культурного наследия России // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия. С. 24.

Если оставить в стороне претензии Сигурда Оттовича на право быть единственным толкователем воззрений Д. С. Лихачева, то спор по сути лихачевских нравственных установок в данном плане представляется весьма интересным.

Разумеется, пересказ Ю. В. Зобниным размышлений Дмитрия Сергеевича о действиях интеллигенции является вольным. Это — не строгое цитирование, а именно пересказ словами слушателя, своими словами. Да и сравнение интеллигента со змеей кажется не самым удачным. Даже если вспомнить, что змея в культуре многих народов выступает символом мудрости. Но главное все же не в этом. **Проблема взаимоотношений интеллигенции и власти, шире — личности и власти, нуждается в обстоятельном осмыслении, и жизненный путь академика Д. С. Лихачева представляет для этого уникальный материал.**

Как уже говорилось ранее, теоретически, по Лихачеву, интеллигент должен быть вместе с властью, когда она вершит добрые дела, и решительно противостоять ей, когда творится зло. Но власть — это сила, причем чаще всего беспощадная. Вот почему вопрос о способах, путях противостояния злу на практике, в повседневной жизни приобретает нередко трагическое звучание. В России времен Лихачева на протяжении почти всей его жизни открытое противостояние власти означало превращение в «лагерную пыль». Он уцелел, изобретая и воплощая в повседневность свои формулы противостояния. Так что, по сути дела, думается, профессор Зобнин был прав.

Но в этой точке размышления над диалектикой взаимоотношений личности и власти должны не заканчиваться, а начинаться. Был ли Дмитрий Сергеевич антисоветчиком, антикоммунистом, диссидентом? Что объединяло его с фигурами типа Андрея Сахарова, Александра Зиновьева, Александра Солженицына и что от них отличало?

По всей видимости, определенная **конфликтность взаимоотношений Дмитрия Лихачева с советской властью была заложена уже в самом факте его «классового» происхождения.** Один из видных отечественных филологов, сотрудник Отдела новой русской литературы Пушкинского Дома А. В. Лавров вспоминает, что Д. С. Лихачев был наглядно выраженным «старорежимным» человеком, вышедшим из дореволюционной дворянско-интеллигентской среды и сохранившим верность духовно-нравственному кодексу этой среды. По его мнению, через десятилетия владычества «нового человека», который принуждал других жить по собственным стадным понятиям, Д. С. Лихачев прошел, «не утратив своего исконного существа, которое сказывалось в мельчайших деталях поведения, в манере разговаривать, во всем тоне личности»¹.

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост., отв. ред., авт. пер. Е. Г. Водолазкин. СПб.: Logos, 2002. С. 112.

Личность, сформированная старой русской культурой... Многих это в Лихачеве восхищало и привлекало. Профессор Московского и Венского университетов, филолог С. С. Аверинцев вспоминал: «Для меня Дмитрий Сергеевич был прежде всего последним представителем культурной формации, знакомой по старым книгам, но в его лице являвшийся с повсечасной естественностью. Это делало общение с ним для меня особенно ценным, это же подчас стимулировало невозможность согласиться — одно было связано с другим. Я сам, впервые причувствившись читать на отцовских книгах, все больше с ятями да фитами, с юных лет привык считать себя существом скорее палеонтологическим, однако перед ним чувствовал, до чего я поздний. В нем было вправду естественно то, что было бы несносным стилизаторством в другом; он по праву законного наследника завершал путь целого культурного круга»¹.

Но восхищало и привлекало это далеко не всех. Многими он не мог восприниматься как свой, более того — раздражал и вызывал ненависть, примерно как профессор Преображенский у Швондера в «Собачем сердце». Малообразованной, малокультурной частью нового начальства, а она составляла подавляющее большинство, Лихачев воспринимался чужеродным явлением. Один из сослуживцев Дмитрия Сергеевича отмечал, что неприятие властью Лихачева, как и других интеллигентов, было «вне пределов рационального вообще. Это было рефлексом, звериным чутьем на несходство. Так по особенностям шороха кустов волк безошибочно определяет оленя. Советская власть слушала даже не столько то, *что* сказано, сколько то, *как* это сделано»².

Размышляя об этом, невольно вспоминаешь бабелевское: «Аннулировал ты коня, четырехглазый»³.

Таким образом, можно сказать, что **первый конфликт Д. С. Лихачева с властью был культурно-социальным.**

По всей видимости, и Дмитрию Лихачеву было непросто полюбить новый режим. Его внучка З. Ю. Курбатова вспоминала, что Лихачев называл революцию «несчастьем», рассказывал о разрушении ею прекрасного мира: «Все было нарядно, логично и счастливо в дореволюционной России — как говорил дед, “до несчастья” — у меня не было сомнений в этом, как и в том, почему прекрасный мир однажды разрушился»⁴. И далее: «Фотографии запечатлели красавца-инженера в форменной фуражке, строго смотрящего на потомков через чеховское пенсне. Прадедуска был главным инженером Печатного двора, много зарабатывал, получал даже царские подарки... После “несчастья” жизнь

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 181.

² Там же. С. 9–10.

³ Бабель И. Э. Конармия // Бабель И. Э. Избранное. Фрунзе: Адабият, 1990. С. 127.

⁴ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 33.

его резко изменилась — понижение по службе, боязнь ареста, “уплотненная квартира”. Дедушка Митя при всей своей сдержанности и нежелании рассказывать о семейных несчастьях очень страдал из-за положения отца при советской власти: бывший щеголь стал одеваться, как рабочие, и — самое ужасное — выпивать с пролетариями, чтобы казаться “своим”. Дедушка был очень привязан к отцу...»¹

Многие с удовольствием сделали бы из Лихачева антисоветчика. Размышляя о долголетию Дмитрия Сергеевича, Фазиль Искандер предложил однажды свое объяснение: Лихачев поставил себе задачу пережить советскую власть, и пережил ее. Разумеется, это была шутка, но шутка, отражавшая некий общественный взгляд.

Думается, все же, что реальность была намного сложнее. Бывает ли вообще власть, к которой у любой думающей личности нет совершенно никаких претензий? Что делать человеку? Пытаться повлиять на власть, воевать с ней, сокрушить ее? Либо покинуть Родину, оказаться в чужой жизни, под той властью, которая тебя не волнует, потому что она чужая?

Но есть и третий путь, он может быть выражен формулой: «Все мерзостно, что вижу я вокруг... Но как тебя покинуть, милый друг!»² — под другом здесь можно понимать свою семью, друзей, любимый город и любимую работу, свою страну. Если всем интеллигентам непрерывно воевать с властью и исправлять ее пороки, то кто будет учить детей, лечить стариков, проектировать мосты и дороги, заниматься научными исследованиями...

Недоброжелатели упрекали Лихачева в том, что он остался жив. Но **смысл жизни для нормальных людей вовсе не обязательно заключается в борьбе с властью и в политической жизни. Есть и другие ценности:** радость семьи, удовольствие от работы, наслаждение познанием — все то, что составляет повседневный смысл жизни человека. Видимо, Дмитрий Сергеевич был по натуре в первую очередь созидателем: «Он потерял почти десять лучших лет жизни из-за ареста и Соловков, но уже в 1941 году, живя в жуткой коммунальной квартире, в одной комнате с маленькими детьми, с одним краном с холодной водой на кухне, с проституткой за стенкой, защитил кандидатскую диссертацию. А потом — война, блокада, вынужденная — по требованию НКВД — эвакуация в Казань, и уже в 1947 году он защитил докторскую»³, — рассказывает Людмила Дмитриевна Лихачева. «Для самого деда вопроса эмиграции не существовало — он мог жить только в России, на голодной, больной, истерзанной, но родной земле»⁴, — дополняет этот рассказ З. Ю. Курбатова.

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 33.

² Шекспир У. Сонет LXVI / пер. С. Я. Маршака // Шекспир У. Сонеты. СПб.: Терция: Кристалл, 2000. С. 177.

³ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 31.

⁴ Там же. С. 36–37.

Даниил Гранин заметил, что судьбу Дмитрия Сергеевича можно изобразить как **цепь репрессий**: «Одна несправедливость следует за другой. А кроме того, ужасы ленинградской блокады, эвакуации, семейные потери. Несчастья настигали его, но не они определяли его облик»¹. По мнению Даниила Александровича, тяжкие испытания не лишили Лихачева благородства, напротив: «За многие годы нашего общения я не помню, чтобы он кого-то поносил, кому-то завидовал, льстил властям, искал компромиссов, даже во имя “интересов дела”. Когда-то его ожесточенно преследовали ленинградские власти, старались уничтожить и морально и физически. Ему подожгли квартиру. Его избили в подъезде его дома. Он не искал примирения. Между прочим, он об этом не рассказывает ни в воспоминаниях, ни в своих выступлениях. А в рассказах о Соловках, где он сидел в лагере, нет описания личных невзгод. Что он описывает? Интересных людей, с которыми сидел, рассказывает, чем занимался. Грубость и грязь жизни не ожесточали его и, похоже, делали его мягче и отзывчивее»².

Гранин считает, что источником душевной прочности академика была его работа. Но, разумеется, не она одна. Высочайшей ценностью в жизни Дмитрия Сергеевича была его семья. Ему было, что терять. В этом плане характерен следующий эпизод: «Папа никогда не говорил дома, при нас, детях, об аресте и Соловках, но я чувствовала, что что-то в его жизни было необычное и тяжелое. Я первый раз услышала о том, что он пережил, лет десяти-одиннадцати, после войны, когда мы еще жили на Лахтинской улице. У нас в гостях был кто-то из знакомых и бабушка (папина мать) за чаем наговорила лишнего и по тем временам опасного. <...> После ухода гостя папа... произнес слова, которые я запомнила: “Я уже сидел и больше не хочу”. Это произвело на меня сильное впечатление, но я не осмелилась у него или у мамы что-нибудь спросить»³, — вспоминала дочь ученого Л. Д. Лихачева.

Такова была объективная реальность повседневного бытия миллионов людей в те времена в Советском Союзе. Сознание не может мириться с нечестностью, несправедливостью, подлостью, предательством, глупостью. А хочется жить на родине, заниматься любимым делом, общаться с родными, нянчить детей и внуков, наслаждаться прогулками по любимому городу... **Многим думающим людям приходилось искать свое место между двумя полюсами: на одном из них — самоожжение, на другом — полное приспособленчество.** Впрочем, не только в Советском Союзе и не только в те времена...

Существуют различные экстравагантные концепции: якобы, Лихачев был не функционером «системы», и не ее оппонентом, а как бы

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 382.

² Там же. С. 381–382.

³ Там же. С. 27.

«вне ее»¹. Согласиться с ними трудно. Быть вне системы не удается даже дворникам и истопникам. На практике выход из «системы» всегда означал лишь переход на службу иной системе.

«Казалось бы, после всех бедствий занятие древнерусской литературой — идеальное убежище, безопасное убежище, в котором он мог укрыться от всех треволнений мира. Однако не получилось»², — писал Даниил Гранин. Труды Лихачева — убедительный пример того, как яркие, настоящие научные результаты мешают спокойно существовать серости, бездарности. Интересно, что некоторые сегодняшние «бескомпромиссные противники коммунизма» пытаются поставить в вину Лихачеву написание во время блокады книги «Оборона русских городов»³. Эта брошюра раздавалась солдатам в окопах. «Преступление» Лихачева заключалось в том, что он выполнил данную работу по заказу Ленинградского обкома партии. Разумеется, в советский период об «антикоммунизме» этих лихачевских критиков никто не знал.

На самом же деле Дмитрий Сергеевич вряд ли когда-либо смог бы принять от кого-либо «заказ», противоречащий его убеждениям. Работавший в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома академик А. М. Панченко вспоминал: «Сейчас часто слышишь, как многие отрекаются от своего прошлого, говорят: “Мы не знали” или “Тогда было так надо”. Когда есть смертная казнь, палачи нужны, но не каждый ведь пойдет в палачи». «В древнерусском секторе ничего подобного не было. Поэтому нам не надо выбрасывать изданные книги или отрекаться от них»⁴.

Как бы то ни было, но **даже занимаясь древнерусской литературой, Д. С. Лихачев постоянно чувствовал себя в опасности**. Сотрудник Отдела пушкиноведения Пушкинского Дома Лидия Михайловна Лотман вспоминала: «Постоянная готовность превратить спор или литературную полемику в политические обвинения и обилие “доброхотов”, готовых сфабриковать такое обвинение, угнетали. После конференции в университете, посвященной “Слову о полку Игореве” (1975 год), в ходе которой блестящий доклад прочел Д. С. и выступал мой брат Ю. М. Лотман, в “инстанции” был сделан клеветнический донос о содержании этих выступлений. Присутствовавших студентов и аспирантов стали вызывать в партбюро и допрашивать. <...> Под впечатлением подобных эпизодов Д. С., с которым мы встретились в электричке по пути из Зеленогорска в Ленинград, сказал мне однажды: “Чувствуешь себя как в оккупации”»⁵.

Второй конфликт Д. С. Лихачева с властью — конфликт профессиональный.

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 9.

² Там же. С. 387.

³ Тиханова М. А. Оборона древнерусских городов / М. А. Тиханова, Д. С. Лихачев. Л.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1942.

⁴ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 100.

⁵ Там же. С. 82.

Не случайно, размышляя об ушедшем из жизни коллеге, Л. М. Лотман вспоминает одну из его работ: в статье «Об общественной ответственности литературоведения» Д. С. Лихачев утверждает, что если человек «сохранит умение понимать людей иных культур, понимать широкий и разнообразный круг произведений искусства, идеи своих коллег и оппонентов, если он сохранит навыки “умственной социальности”, сохранит свою восприимчивость к интеллектуальной жизни — это и будет интеллигентностью»¹. Однако невежественная власть мешала работать, мешала жить интеллектуальной жизнью настоящим ученым, поддерживала научную ссорность, безнравственных людей, пытавшихся добиться успеха ложной политизацией науки, демонстрациями верноподданничества, доносами.

Обстановка постоянного недоверия, подозрительности со стороны властей пропитывала все поры повседневной жизни академика, создавала постоянное психологическое давление, отравляла существование: «Когда я приходила из школы и на телефоне в прихожей лежала вышитая болгарская подушка, это означало, что на Втором Муринском — гости и ведутся антисоветские разговоры. Прошедший школу Соловков в юности, чудом избежавший арестов в конце 30-х и во время блокады, сто раз подвергавшийся “проработкам” уже после войны, дед был крайне осторожен, чтобы не давать поводов вездесущим “органам”. За дедом следили, причем гебисты не старались скрывать следов своей достаточно грубой работы. Письма из-за границы приходили склеенные кое-как желтым канцелярским клеем, телефонные разговоры иногда искусственно прерывались — слышны были щелчки и звуки намазывающейся пленки»², — вспоминала внучка Д. С. Лихачева.

Третий конфликт Д. С. Лихачева с властью сложился в сфере нравственности.

Как справедливо отмечала та же Л. М. Лотман: «Нравственные принципы, которые всегда лежали в основе его деятельности, стали очевидны, когда в круг его занятий вошли вопросы истории быта, истории искусства, экологии, природы и культуры, когда его научная деятельность сомкнулась с практической общественной деятельностью»³. Молчать и скрывать свои убеждения становилось все труднее, в особенности — от подрастающих младших членов семьи: «Постепенно мир становился откровенно раздвоенным. В школе рассказывали про Павлика Морозова — дома дед сообщал, что такого персонажа не было в помине. По телевизору показывали фильм о Чапаеве — дед с отвращением передавал воспоминания своего учителя Аничкова о том, как красный герой лично и с особой жестокостью расстреливал пленных офицеров.

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 85.

² Там же. С. 36.

³ Там же. С. 152.

Что касается Байкало-Амурской магистрали, то как раз от деда я впервые услышала о том, что ее начали строить заключенные еще в тридцатые годы»¹, — пишет З. Ю. Курбатова.

Между тем **профессиональные достижения Д. С. Лихачева превращали его в крупную общественную величину**. В 1952 году ему была присуждена Государственная премия СССР за работу «История культуры Древней Руси». В 1953 году он избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1961 году Дмитрий Сергеевич становится депутатом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. В 1967 году он становится Почетным доктором Оксфордского университета (Великобритания). В 1969 году ученому присуждается Государственная премия СССР за «Поэтику древнерусской литературы». В следующем году Лихачева избирают действительным членом Академии наук СССР.

Своим новым положением Дмитрий Сергеевич распорядился своеобразно. Даниил Гранин обратил внимание на то, что интеллигентная скромность быта была одной из важнейших черт стиля жизни академика: «Он не был аскетом, любил удобства, комфорт. Но не считал для себя возможным пользоваться этим, особенно в наше время. Скромная городская квартира, в которой он жил, тесная по современным понятиям для ученого мирового класса, была завалена книгами. Он принимал иностранных гостей со всего мира в маленьких комнатухах в Комарове. Никогда не стеснялся, не считал, что должен иметь какие-то просторные апартаменты. И это сегодня, когда ажиотаж, азарт стяжательства, тяга к богатству охватили все слои общества. <... > Стиль жизни Лихачева — вызов интеллигента всему обществу приобретателей»².

Но был и другой **вызов в поведении Лихачева** той поры: «Он широко использовал возможности, открывавшиеся по мере его научного и общественного признания, для помощи тем, кто в этом нуждался. <...> В пору, когда мой брат Ю. М. Лотман подвергался опасной критике и преследованию за то, что искал новые пути в изучении литературы и культуры, Д. С. принципиально выступил на его защиту, доказывая, что разработка новых подходов к материалам исследования, нового метода в науке, а также формирование разных школ — необходимое условие развития всех областей знания»³, — рассказывает Л. М. Лотман. А вот эпизод из биографии Ильи Захаровича Сермана — с 1956 по 1976 годы сотрудника Пушкинского Дома, затем — профессора Иерусалимского университета: «Когда в 1975 году наша дочь Нина уехала в Израиль, Дмитрий Сергеевич в числе семи других членов ученого совета голосовал против четырнадцати его партийных членов, проголосовавших за

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 38.

² Там же. С. 388.

³ Там же. С. 83.

мое изгнание из института. И память об этом как-то смягчала горечь незаслуженного и несправедливого решения моей участи»¹.

Другой эпизод подобного **заступничества** содержится в воспоминаниях Г. М. Прохорова: «...в Институт русской литературы, Пушкинский Дом, явились по представителю от КГБ и Василеостровского обкома партии, собрали — кого удалось — сотрудников и предложили им коллективно обратиться с просьбой к властям о лишении меня советского гражданства и ученой степени кандидата филологических наук. <...> И мои сотрудники во главе с... Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, сделать это не согласились. <...> Мое непосредственное начальство, Дмитрий Сергеевич Лихачев, был вызван в Смольный, в обком партии, к всесильному Григорию Романову, и тот, между прочим, упрекнул академика за то, что он оказывает покровительство таким людям, как я. Что сказал или пообещал ему Лихачев, я не знаю, но Романов согласился прекратить преследования. <...> Машины, дежурившие около дома в городе и вдруг освещавшие ночных прохожих около дачи, исчезли; вызовы, допросы и потери друзей прекратились; слежка тоже — или пошла по другому режиму... Но главное — я остался на свободе, в России и в Пушкинском Доме, некогда приглашенный туда и сохраненный там Дмитрием Сергеевичем Лихачевым»².

Эти примеры можно множить и множить. **Лихачев помогал и совершенно незнакомым ему, посторонним людям.** Помогал просто потому, что не мог не помогать. Академик РАО Игорь Кон рассказывал автору этих строк, как в одном из провинциальных городков готовилось осуждение одного из жителей за распространение «порнографии», которой правоохранительные органы сочли роман Набокова «Лолита». Судьи со всей очевидностью склонялись к обвинительному приговору. Отчаявшийся их переубедить адвокат обратился за помощью к Лихачеву. Представленное в судебное заседание в последний момент письмо Дмитрия Сергеевича спасло судьбу человека.

Но так получалось не всегда. Академику приходилось балансировать на грани возможного и невозможного. И общая обстановка непрерывно менялась. Причем, далеко не всегда — в лучшую сторону. Гелиан Прохоров свидетельствует: «В январе 1981 года мы с моим другом и соавтором Сергеем Гречишкиным собирали письма в защиту нашего общего друга, известного литературоведа и переводчика Константина Азадовского, ставшего жертвой провокации со стороны “доблестных органов” и арестованного (ныне реабилитированного). <...> обратились мы и к Дмитрию Сергеевичу, но он отказался — и отнюдь не из соображений осторожности: “Письмо за моей подписью только ухудшит в дан-

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 92.

² Там же. С. 108–110.

ном случае ситуацию. Для *них* мое имя в одном может сыграть свою роль — убедить дополнительно в том, что они правильно поступили»¹. Но иных примеров было намного больше: «В январе 1986 года к нам обратился киевский историк и литературовед С. И. Белоконь. Он жаловался на то, что подвергся преследованиям и лишился работы из-за своей общественно-политической деятельности в защиту свободы. С. И. Белоконь просил написать письмо президенту Академии наук Украины с просьбой предоставить ему работу. Мы встретились с Дмитрием Сергеевичем в вестибюле Пушкинского Дома. Он вошел с мороза, прочел напечатанный текст обращения в защиту Белоконя, достал замерзшими пальцами свою печатку “Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев”, сделал тиснение в левом верхнем углу, подписал его, предложив и мне поставить свою подпись. Через некоторое время от Белоконя пришло письмо, в котором он сообщал, что получил работу. Это всего лишь один эпизод из многочисленных заступничеств Дмитрия Сергеевича за терпящих бедствие людей самых различных профессий и разного общественного положения»², — делится воспоминаниями академик А. А. Фурсенко.

Атмосферу противостояния ученого и власти того времени красноречиво характеризует рассказ академика Вячеслава Всеволодовича Иванова: «Позвонив Дмитрию Сергеевичу домой, я узнал, что он в Доме ученых на вечере памяти Беркова. <...> Когда вечер кончился, я подошел к Дмитрию Сергеевичу. Он предложил мне посидеть с ним и с его женой в гостиной на втором этаже — как раз рядом с тем залом, где прошло заседание. Мы уселись в креслах у окна. Меня беспокоила разговорившаяся травля Солженицына. <...> Час был поздний. Свет уже был приглушен. В пустой гостиной на столах напротив тех кресел, где мы сидели, были разложены газеты. Их в полумраке разглядывал или вернее делал вид, что читал, неизвестный нам молодой человек. Лихачев показывал мне на него, усмехаясь. Когда по окончании разговора мы встали, он бегом выскочил из комнаты и опростетью побежал одеваться. <...> я поравнялся с Дмитрием Сергеевичем. Он сказал мне, что за ним, как и за мной, следят и что надо быть осмотрительными. <...> Я узнал о его разговоре с тогдашним ленинградским партийным градоначальником Романовым. В ответ на вопрос, почему его не пустили поехать в Болгарию, Романов сказал, что и дальше никуда за границу не пустит. Ваши друзья — наши враги. Кто? Романов назвал четыре имени — Романа Якобсона, незадолго до того высланного Солженицына, еще позже уехавшего Эткинда и меня. Трое других были за границей. Я один в России, как и сам Лихачев. В ответ на недоуменный вопрос обо мне Романов пояснил: “А как же, Вы с ним сидели вечером в гостиной Дома ученых”»³.

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 112–113.

² Там же. С. 161.

³ Там же. С. 174–175.

Здесь уместно сказать, что лихачевское благородство было понятно далеко не всем даже в академической среде. Хотя, может быть, следовало бы сказать: в первую очередь, в академической среде. Многие из его коллег вели себя совершенно иначе. Стоило ли удивляться их стремлению опорочить Лихачева, выдумать неблагоприятные объяснения его поведению?

Очень хорошо раскрывает этот аспект ситуации С. С. Аверинцев. Он вспоминает, что неизменно встречал со стороны Дмитрия Сергеевича постоянную готовность помочь ему в конфликтах с официозной идеологией: «готовность эта была неутомимой, а в ряде ситуаций должна быть без малейшего преувеличения названа отважной. Последнее подчеркиваю особо, поскольку мы уже слышим сегодня голоса, с нарочитым нажимом подчеркивающие в общественном поведении покойного черты расчетливости и осторожности; и нам, жившим в ту пору, боязно, как бы непуганые поколения не приняли всего этого за чистую монету. Само собой разумеется, что в советских условиях всякий, кто желал заниматься легальной академической и просветительской деятельностью, должен был соблюдать осторожность и рассчитывать свои шаги; это относилось решительно ко всем нам. Но вот границу между необходимой осторожностью и предосудительной оробелостью совесть разных людей проводила весьма по-разному, и эти различия, из сегодняшнего дня почти неуловимые, тогда решали все. Не называя имен, скажу, что в определенные моменты некоторые уважаемые старшие коллеги, по образу мыслей мне скорее сочувствовавшие, начинали избегать со мной общения. <...> А Дмитрий Сергеевич вел себя совсем иначе, и я должен засвидетельствовать, что были случаи, когда я твердо знал, что единственный представитель академического мира, к которому мне можно обратиться, — это он, больше не к кому. А это наперед опровергает любые попытки тривиализировать его общественное поведение. Если бы делать то, что делал он, было бы и вправду уж так не опасно, не страшно, — почему же этого не делал никто другой среди лиц влиятельных? Если его роль была, как нас хотят уверить, чуть ли не предусмотрена, чуть ли не поручена ему советским официозом, — почему на эту роль не нашлось больше охотников?»¹

Возможно, самым необычным в этой деятельности Лихачева было **стремление помогать своим научным оппонентам**: «Заговорили о Лотмане... Он сказал мне, что статью Юрия Михайловича о “Слове о полку Игореве” не считает правильной, но ему казалось, что надо побольше опубликовать разных точек зрения на “Слово” — тогда мы лучше его поймем»², — говорит Вяч. Вс. Иванов. Вот и С. С. Аверинцев отмечает, что готовность становиться в трудный час на его сторону, которую Дмитрий Сергеевич неизменно проявлял по отношению к нему с

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 177–178.

² Там же. С. 174.

начала 1970-х и до самого конца советских передраг, была делом оказана «не совсем такому лицу, каким обычно помогают в этом грешном мире»¹. В частности, Сергей Сергеевич констатирует, что «вокруг каждого человека есть “свой”, это вполне нормально, сколь же нормальна помощь, оказываемая “своим”»². Научная традиция в Советском Союзе была такова, что научное сообщество жило своего рода «кланами», группировками, где руководители и ученики поддерживали друг друга, следуя определенным неписаным правилам, выполняя определенные, довольно-таки жестко детерминированные роли. Аверинцев же не был для Лихачева «своим» в некотором будничном смысле: членом социума, подчиненным, учеником и, тем более, «послушным учеником»³.

Видимо, **противостояние власти — это искусство возможного**. Лихачев искусно сочетал в подобном противостоянии, с одной стороны, взаимно противоречивые черты прагматика и идеалиста, с другой — человека высокоинтеллектуального и творческого одновременно. И ему удалось буквально пройти по грани бытия и небытия. Не случайно зоркий и внимательный к нюансам жизни Даниил Гранин как-то заметил, что **Дмитрий Сергеевич уцелел потому, что был умен и осторожен**.

Даже в благодущные для России XX века годы «оттепели» и «застоя» отстаивание своих принципов в противодействии власти не было безопасным. Лихачева трижды проваливали при избрании в академию. За отказом подписать организованное Академией наук письмо против А. Д. Сахарова последовало избиение в парадной своего дома, обернувшееся сломанными ребрами. «Слишком очевидными доказательствами угрозы, подступавшей из кромешной темноты, были в свое время и гибель дочери, и приключившееся тогда же нападение неизвестного на него самого»⁴, — пишет С. С. Аверинцев.

Подвергая испытаниям Дмитрия Лихачева, судьба проявила удивительную изобретательность. Здесь снова уместно процитировать Д. А. Гранина: «Ему угрожали. Он оставался непреклонным. В сущности — всего лишь порядочным человеком, отнюдь не диссидентом — но, может быть, это было еще опаснее»⁵. И еще: «В девяностые года звезда Лихачева взошла высоко, он стал одним из самых популярных людей и, соответственно, подвергался тем же страстям и соблазнам, что и остальные деятели. Его искушали особенно энергично. Вербовали себе в сторонники, старались заручиться его поддержкой. Власть хотела использовать его репутацию. Так, например, Черномырдин, создавая движение “Наш дом — Россия”, настойчиво предлагал Лихачеву воз-

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 178.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 177.

⁵ Там же. С. 387.

главить избирательный список в депутаты Думы. Он не поддавался. Времени порча не сумела воздействовать на него»¹.

Как позднее отмечали близкие Д. С. Лихачева, «его временем» стала перестройка: «В одночасье, солнечным летним днем, дед перестал быть опальным — письмо от Горбачевой привез фельдьегер, примчавшийся на серебристом автомобиле прямо из Москвы. <...> Дед... внутренне просиял — вряд ли его так волновало отношение властей, просто дед сказал кому-то невидимому: “То-то же”»².

О взаимоотношениях Лихачева и власти в горбачевскую пору существуют разные, порой — диаметрально противоположные мнения. Например, директор Библиотеки Конгресса США Джеймс Х. Биллингтон считает, что «фактически, Лихачев был домашним учителем семьи Горбачевых, открывавшим перед ними сокровища той культуры, которая предшествовала эпохе советской власти. Надо отдать должное чете Горбачевых в том, что они ценили Лихачева, а Лихачеву — что он не превратился в очередное “украшение дома” руководителей государства»³. Эту же мысль позднее повторил С. О. Шмидт: «С середины 1980-х гг... он понял, что получил возможность просвещать в желанном ему духе не только широкую общественность, но и самых влиятельных людей государства»⁴.

Д. М. Буланин же утверждает, что «политики превратили красивую сказку об “эпохе” Д. С. Лихачева в жестокий фарс»⁵, что «те — наверху, кто признал его как *persona grata*, сделали его ответственным за все свои злодеяния. <...> те, кто его приблизили к трону, безусловно все понимали, блестяще разыграв эту партию. Присвоить себе авторитет академика, всю жизнь находившегося в оппозиции к власти, — это (отдадим им должное) гениальный тактический ход. <...> его использовали на полную катушку. Используют и по сию пору, апеллируя не к живому, так к мертвому. Не к человеку, так к мифу»⁶. В итоге своих рассуждений этот автор заявляет, что власти сделали из Д. С. Лихачева «удобную для себя политическую марионетку»⁷.

Среди критиков Д. С. Лихачева были не только завистники, стремившиеся приписать ему корыстные мотивы. Встречались и отдельные сторонники прежней власти, противники М. С. Горбачева, возлагавшие на

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 381.

² Там же. С. 35.

³ Биллингтон Дж. Х. [Программа «Открытый мир» — живая память об академике Лихачеве] // Открытый мир: информ. бюл. 2006. Весна, вып. 2. С. 3.

⁴ Шмидт С. О. Д. С. Лихачев и практика сохранения историко-культурного наследия России // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия. С. 18.

⁵ Буланин Д. М. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 166.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 167.

академика часть ответственности за распад СССР. Вот уж, действительно, в России ни в чем не виноват может быть лишь тот, кто ничего не делает...

А Лихачев был из тех людей, кто делал много. Если иметь в виду общественную деятельность, то прежде всего он выступал в защиту культуры и природы. Филолог Илья Серман вспоминает: «...как только появилась возможность свободного проявления его личных, человеческих качеств, Дмитрий Сергеевич выпрямился во весь рост»¹. А Даниил Гранин дополняет: «С тех пор, как ему стало можно выступать, он выступал очень много»². Писатель сравнивает Дмитрия Сергеевича с Сизифом, продолжающим толкать свой камень. Как вспоминает Даниил Александрович, иногда академик говорил ему: «Даже в случаях тупиковых, когда все глухо, когда Вас не слышат, будьте добры высказывать свое мнение. Не отмалчивайтесь, выступайте. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хотя бы один голос. Пусть люди знают, что кто-то протестует, что не все смирились»³. Действительно, в силу специфики профессии слово Лихачева и было его делом. Хотя, разумеется, добиться положительного результата удавалось далеко не всегда.

Однако **период перестройки был для Дмитрия Сергеевича порой надежд**: «Тогда дед считал, что справедливость начинает торжествовать, осталось еще немного — публичный суд над коммунистической партией, похороны мумии Ленина — и черная полоса в истории страны закончится»⁴. В 1991 году, когда группа государственных деятелей Советского Союза ввела чрезвычайное положение, академик выступил с резким протестом. 20 августа, во второй день ГКЧП, на Дворцовой площади, выступая перед 400-тысячной аудиторией, Д. С. Лихачев сказал: «Не поддавайтесь на лицемерие так называемых руководителей — руководителей заговора... Кто из захватчиков власти в прежние времена не клялся народу его интересами? Не верьте этому. Потому что интересы народа они могли защищать гораздо раньше. Они отвечали за положение в стране, у них и так была власть»⁵.

Безусловно, такое выступление требовало мужества. Тогда никто не знал исхода борьбы за власть. Однако, по всей видимости, Лихачев не мог поступить иначе. **Демократические убеждения были им выстраданы**. Как отмечал Джеймс Х. Биллингтон: «Несмотря на свою любовь к традициям и негодование по поводу расстрела царской семьи,

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 92

² Там же. С. 383.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ [Пресса Ленинграда в дни путча [19–21 авг. 1991 г.] [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://agitclub.ru/gorby/putch/leningrad19.htm>. Загл. с экрана.

Лихачев решительно отвергал всякую мысль о возвращении страны к монархии и горячо поддерживал демократические реформы¹.

Профессор Женевского университета Ж. Нива вспоминал о следующем замечании Дмитрия Сергеевича: «государство не должно быть идеологизированным, но оно и не должно быть слабым (как сегодня). Оно должно медленно, мирно уходить. И все понимали, что уход этот должен сопровождаться ростом красоты, гармонии, культуры, словом, Царства Божиего»².

В газете «Аргументы и факты», в статье «О прошлом и будущем России» Дмитрий Сергеевич утверждал, что демократия в России имеет глубокие исторические корни. Он полагал, что крепостное право — это вовсе не рабство, а совершенно иная форма отношений. И приводил примеры: князь в Киевском княжестве в X–XI веках довольно-таки демократично обсуждал дела с боярами (в документах боярской думы были и такие записи: «Великий государь говорил, а бояре не приговорили»). Разве это не демократия?). Традиция русских сходов была так же весьма демократичной и сходы были значительно более организованными, нежели российская Дума 1990-х годов с ее драками: «Ничего подобного крестьяне не допускали, они были степенными людьми». Земские соборы так же были формой демократической жизни³.

В июне 1994 года он писал: «Демократия без нравственности — абсурд. Переходный период, который всегда во всех странах несет в себе некоторую хаотичность, требует от людей государственных высокой и очень чуткой нравственности. Административная мораль — вот чего нам не хватает после семидесяти пяти лет систематического нарушения нравственных норм. <...> А в безнравственном обществе никакие экономические законы не действуют. И все распоряжения гаснут. Распоряжения президента, правительства не выполняются безнравственными людьми»⁴.

Нередко бывает так, что благими намерениями оказывается вымощена дорога в ад. Вот и события 1990-х годов в России для многих стали трагедией, сопоставимой по масштабу с революцией 1917 года.

Далеко не все государственные деятели и «прорабы перестройки», инициаторы тех реформ оставили о себе добрую память в народе. А Д. С. Лихачева вспоминают с уважением. Благородство его помыслов и действий было несомненно. Кроме того, сам Дмитрий Сергеевич был удивительным примером уважительного отношения к тем, кто мыслит иначе. Он никогда не стремился нанести какой-либо личный ущерб

¹ Биллингтон Дж. Х. [Программа «Открытый мир» — живая память об академике Лихачеве] // Открытый мир: информ. бюл. 2006. Весна, вып. 2. С. 3.

² Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 202–203.

³ Аргументы и факты. 1995. 12 окт.

⁴ Не бывает демократии без нравственности / беседу с Д. С. Лихачевым вел А. Романенко // Российская газета. 1994. 11 июня.

своим оппонентам. Характерно в этом плане следующее замечание З. Курбатовой: «Деда от нынешней все возрастающей армии неофитов отличала большая терпимость к атеистам и людям другой веры, он считал, что в церковь можно зайти и неверующему, чтобы постоять просто так, не молясь. Никогда в жизни он не сделал бы кому-либо замечания по поводу церковных обрядов»¹. И уж тем более академик никогда не стремился уничтожить или даже унижить инакомыслящих. Дж. Биллингтон вспоминал, что Д. С. Лихачев говорил с ним на «универсальном языке культуры»². Впрочем, это мог бы сказать о Дмитрие Сергеевиче каждый его собеседник.

Воспоминания Джеймса Х. Биллингтона, одного из крупнейших зарубежных специалистов по российской истории и культуре, особо интересны потому, что сочетают в себе доброжелательную непредубежденность, высокую собственную культуру, независимость и преимущество «взгляда со стороны». В частности, Биллингтон писал, что Д. С. Лихачев «воплощает в себе лучшие черты российской культуры 20-го столетия», что эрудиция, великодушие и плюрализм являлись внутренне присущими ему качествами³: «В каком-то смысле он был последним великим представителем высокой культуры старого Петербурга. Но в то же время россияне все больше и больше видели в нем новое воплощение вечного исторического явления — голоса совести, говорящего правду властям. <...> В свойственной ему мягкой, но решительной манере, он защищал цельность и одновременно разнообразие российской культуры, неустанно подчеркивая ее способность стать преобразующей силой в обществе, глубоко пораженном тоталитаризмом»⁴.

Существенно, что **Дмитрий Сергеевич не воспринимался российским обществом как политик. Он никогда не стремился к власти. Влияние Лихачева, по сути, было влиянием именно культурным.** Не случайно Д. А. Гранин заметил: «Его присутствие мешало идти на сделки со своими слабостями»⁵. Ученый стремился быть на стороне добра. И это было очевидно всем окружающим. Тонко ощущающий реальность, Даниил Александрович сказал об этом так: «Лихачев был бойцом-одиночкой. Борьбу со злом всегда начинал один, не ожидая подкрепления. В его распоряжении не было ни партии, ни движения. Не было и влиятельной должности, вертушек. В его распоряжении была лишь моральная репутация, авторитет. Правда»⁶.

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 37.

² Биллингтон Дж. Х. [Программа «Открытый мир» — живая память об академике Лихачеве] // Открытый мир: информ. бюл. 2006. Весна, вып. 2. С. 1.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Гранин Д. А. Наша печаль, наша любовь // Там же. С. 4.

⁶ Там же.

В годы перестройки общественное сознание поставило в один ряд имена двух ученых: Лихачева и Сахарова. Оба выступали в защиту перемени, оба воспринимались как носители классической русской культуры. Дмитрий Сергеевич был одним из немногих, кто не подписал письмо советских ученых с осуждением Сахарова. Различия в деятельности этих двух знаменитых академиков найти не трудно. Однако в контексте данной темы их общее важнее.

Судьба предоставила академику Лихачеву скорбную возможность высказать, что его больше всего привлекало в А. Д. Сахарове. Это произошло в Лужниках на митинге, посвященном кончине Андрея Дмитриевича: «Один праведник может оправдать существование целого народа — вот так, слегка перефразируя библейское изречение, я хотел бы сказать об Андрее Дмитриевиче Сахарове. <...> Он один говорил от лица всех нас. Он спас и сохранил нашу честь и достоинство, подав голос в защиту людей, преследуемых властями, для которых инакомыслие было тяжчайшим государственным преступлением. <...> Не знаю, что стало бы с нашим обществом, куда бы оно сегодня зашло, если бы не то незаметное влияние, которое оказывал тихий глуховатый голос Андрея Дмитриевича на страну. <...> В сущности, Сахаров никогда не стремился поразить оригинальностью взглядов, высказать что-то такое, чего не смог бы сказать никто другой. Он всегда говорил и писал о простых человеческих истинах, которые в свободной, демократической стране воспринимаются как нечто совершенно естественное, обыденное. Но в государстве, где обыкновенному человеку запрещено говорить обыкновенные вещи, они, высказанные вслух, становились откровением. Не исключительность, а обыденность тех истин, которые отстаивал Андрей Дмитриевич Сахаров как политик, потрясала людей. Потому что, когда в изолированном обществе один человек говорит правду, каждое сказанное им слово обретает особый смысл. <...> Он был предельно искренен и естественен во всех своих поступках, в любой ситуации оставаясь самим собой. Отсюда необычайная сила его воздействия на людей. Отсюда — громадность его личности, оказавшейся сильнее всех “обстоятельств времени”. <...> Все в его жизни было удивительно закономерно, а сам он явился выразителем оставшейся честной части России»¹. Эти слова удивительно применимы к самому Дмитрию Сергеевичу Лихачеву.

¹ Лихачев Д. С. Он спасал нашу честь. Слово об А. Д. Сахарове: [произнесено в Лужниках на митинге, посвященном кончине А. Д. Сахарова] // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001. С. 641–643.

Часть IV
ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ —
ПРОСВЕТИТЕЛЬ И ПЕДАГОГ

4.1. РУССКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ*

Просветитель — важная ипостась деятельности русского ученого, еще одна сторона этой поистине универсальной личности. В просветительской деятельности Лихачева получила выражение настоятельная потребность активно влиять на процессы современной ему культуры, нравственный уровень общества. Просветительная направленность в творчестве Дмитрия Сергеевича оказалась столь сильна, что просматривается даже в самом понимании Лихачевым науки, ее целей и задач. Труды академика воплощают его убеждение в том, что наука и культура должны быть органичной частью жизни общества, определять его сознание, служить гуманистическим идеалам. Просветительская деятельность ученого отражает его веру в существование особой миссии российской интеллигенции, русской культуры в целом. **Академик Лихачев — наследник и продолжатель традиций русского просветительства. Вместе с тем в его деятельности явно воплощены идеи и принципы Просвещения европейского.**

Обращение к просветительским идеям, получившим выражение в трудах и выступлениях Д. С. Лихачева, показывает, что ученый, по существу, открывает новый этап этого вида деятельности — **просветительство эпохи глобальной культуры. Им создается новый синтетический блок научных оснований, объединяющий разные по исторической и культурной принадлежности идеи, и новый тип методик, интегрирующих рационализм европейской просветительской школы и яркую нравственную ориентацию отечественного просветительства.**

Анализ библиографии трудов Д. С. Лихачева показывает удивительную интенсивность, масштабность его просветительской деятельности и позволяет выявить специфику ее направленности. Здесь и сугубо исследовательские работы, и научно-популярные статьи, и публицистические очерки, и публичные выступления, и интервью. В публикациях ученого утверждается значимость, непреходящая историческая и духовная ценность древнерусского культурного наследия, отстаивается необходимость сохранения памятников истории и архитектуры, развития «малых городов», ведется проповедь добра...¹

* Раздел написан в соавторстве с доцентом СПбГУП А. В. Карповым.

¹ См. например: Я вспоминаю... М.: Прогресс, 1991; Русское искусство от древности до авангарда. М.: Искусство, 1992; *Лихачев Д. С. Письма о добром.* СПб.: Русско-Балтийский инф. центр БЛИЦ, 1999 и др.

О просветительской работе Д. С. Лихачева немало писали коллеги ученого по Пушкинскому Дому¹. Ее фактология была затронута в материале С. О. Шмидта «Д. С. Лихачев и практика сохранения историко-культурного наследия России»². Эти публикации, как и другие многочисленные заметки мемуарного характера, могут быть материалом для научного осмысления. Едва ли не единственной попыткой научного анализа данного аспекта деятельности Дмитрия Сергеевича до сих пор остается доклад профессора СПбГУП Г. М. Бирженюка на II Международных Лихачевских научных чтениях «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева», в котором впервые была предпринята попытка сформулировать основные направления просветительской деятельности Дмитрия Сергеевича в соотношении ее с философией и мировоззрением европейского и русского Просвещения³. Однако этим аспектом суть феномена лихачевского просветительства, разумеется, не исчерпывается.

Прежде всего, следует отметить, что **термин «просвещение» в современном русском языке может означать два разных понятия: вид человеческой деятельности (просветительство) и конкретную эпоху европейской истории (Просвещение).**

Просветительство как деятельность было свойственно различным периодам истории культуры, различным эпохам⁴. Основное назначение

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. СПб.: Logos, 2006.

² Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: матер. науч. сессии Отделения историко-филологических наук РАН. Москва, 20 декабря 2006 г. / отв. ред. А. П. Деревянко. М.: УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2006. С. 10–25.

³ Бирженюк Г. М. Д. С. Лихачев как просветитель // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Международные Лихачевские научные чтения, 23–24 мая 2002 г. / СПбГУП. СПб., 2003. С. 23–27.

⁴ См. например: *Полетаева Л. Г.* Литературно-просветительская деятельность декабристов в Забайкалье. Чита: Читинский гос. ун-т, 2006; *Софронов В. Ю.* Три века сибирского миссионерства. Тобольск: Тобольский гос. пед. ин-т, 2005. Ч. 3: Духовно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири (конец XVII — начало XX в.); *Щукин Д. С.* Государственная и просветительская деятельность Николая Петровича Румянцева конца XVIII — первой четверти XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. Саранск, 2005; *Ткалич А. И.* Просветительская деятельность Русской православной церкви на Крайнем Северо-Востоке в досоветский период: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Моск. гос. ун-т культуры. М., 1999; *Софронова Л. В.* Просветительская деятельность Джона Колета и его роль в гуманистическом движении Англии накануне реформации (конец XV — начало XVI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. пед. ун-т. М., 1992; *Суховерхов В. В.* Г. М. де Ховельянос как просветитель: Из истории испанской про-

просветительства, главная его функция — распространение опыта и знаний. О просветительстве говорят, характеризуя культурно-познавательную и научно-образовательную активность государства и его институтов, общественных движений и групп, отдельных личностей просветителей. Именно в этом смысле мы можем говорить, к примеру, о деятельности Русской православной церкви, революционно-демократических кружков второй половины XIX века, просветительных обществ в России начала XX века и т. д.

В свою очередь, просветительство имеет две разновидности. Первая представляет собой **научно-популярное просветительство**, передачу знаний о достижениях науки и техники, о сущности философско-мировоззренческих учений, адаптированных к тому, что принято называть «средним уровнем образованности» человека и т. д. По существу, речь идет о демократизации знаний. Вторая разновидность — это **просветительство духовно-нравственного характера**, целью которого является духовное преобразование личности сообразно определенному нравственному идеалу.

В ином (нежели деятельность) значении Просвещение — это конкретный этап европейской культурной истории XVIII века, характеризующийся рядом особенностей: энциклопедизм, антропоцентризм, просветительский рационализм, антиметафизичность, общечеловечность и т. д.¹ Общим местом сегодня стало понимание Просвещения как рационалистического по сути типа культуры. Известно, что исторической миссией Просвещения было утверждение определяющей роли Разума, противопоставленного религиозному культу. Просвещение как истори-

светительской и либеральной мысли второй половины XVIII — начала XIX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / МГУ. М., 2002; *Луценко А. В.* Александр Богданов как политик, ученый, просветитель, основоположник методологии системного анализа: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Томский гос. пед. ун-т. Томск, 2000; *Некрасов С. М.* Апостол добра. Повествование о Н. И. Новикове. М.: Русский путь, 1994 и др.

¹ См. например: *Длугач Т. Б.* Философия французского Просвещения XVIII века // История философии: Запад–Россия–Восток. М.: Ин-т философии РАН, 1996. Кн. 2; *Моряков В. И.* Русское просветительство второй половины XVIII века. (Из истории общественно-политической мысли России). М.: Наука, 1994; *Лабутина Т. Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения / Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Наука, 2005; *Европейское Просвещение и цивилизация России* / отв. ред.: С. Я. Карп, С. А. Мезин. М.: Наука, 2004; *Человек эпохи Просвещения* / отв. ред. Г. С. Кучеренко. М.: Наука, 1999; *Мигунов А. Н.* Феномен русского Просвещения. СПб.: Изд-во Смольного университета, 1999; *Каган М. С.* Введение в историю мировой культуры. СПб.: Петрополис, 2003. Кн. 2; *Якимович А.* Новое время. Искусство и культура XVII–XVIII веков. СПб.: Азбука-классика, 2004.

ческая эпоха отличается активностью, критическим отношением к действительности в сочетании с наличием позитивной программы переустройства, совершенствования мира на основе Разума. Это порождает философию и дидактизм культуры данной эпохи.

Несмотря на различие понятий эпохи Просвещения и просветительской деятельности, они взаимообусловлены, что обстоятельно исследовано В. Ф. Пустарнаковым¹. Для эпохи Просвещения характерно идеализированное мировоззрение, сочетающее утопические представления и яркие реалистические идеи. С точки зрения упомянутого ученого, существенной чертой философии классического Просвещения является **придаток ценностного над познавательным**. Характерно, что предтеча Просвещения, ренессансный гуманист Петрарка руководствовался максимой: «Лучше хотеть добра, чем знать истину», согласно которой знания должны быть не просто связаны с моралью, но подчинены ей². Аналогичных взглядов придерживались и мыслители эпохи Просвещения. К примеру, у Вольтера есть тезис: «Добродетель ценнее знаний»³. Иными словами, вознося роль науки, знания, образованности, идеологи Просвещения все же считали необходимым ставить их под контроль морали, в контекст ценностных иерархий, сообразно своим представлениям о высших целях человека и общества.

Науку, знание, образование мыслители эпохи Просвещения ценили не самих по себе, а лишь постольку, поскольку наука, знание, образование в конечном счете оказывались полезны человеку, могли служить его счастью. **Высшим ценностным критерием для Просвещения стал человек**, его природа, благо, счастье. Исходная и главная аксиоматическая установка мировоззрения этой эпохи — антропоцентризм; в это время главной составной частью просветительской доктрины становится антропология — учение о человеке. Философия Просвещения проявляет антиметафизичность и практическую направленность, будучи неразрывно связана с моралью, политикой, юриспруденцией, с практикой общественной жизни. Фундаментальными категориями просветительской идеологии становятся свобода и равенство⁴.

Деятели эпохи Просвещения намеревались «открыть человечеству дорогу к лучшему будущему, построить разумное общество на основах добра и справедливости»⁵. Однако им было суждено сыграть несколько

¹ Пустарнаков В. Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа / Ин-т философии РАН. М., 2001.

² Петрарка Ф. Письма / пер. с лат. В. В. Библихина. СПб.: Наука, 2004.

³ Вольтер. Бог и люди. М., 1961. Т. 2. С. 39.

⁴ См.: Пустарнаков В. Ф. Указ. соч. С. 46–142.

⁵ Строев А. Те, кто поправляет Фортуну: авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 5.

иную роль в истории культуры, ибо «чем логичней стремились быть писатели и философы, тем иррациональней становилась жизнь, творчество, теории»¹.

Состоялась ли эпоха Просвещения в России и наследовал ли ей Дмитрий Лихачев? В. Ф. Пустарнаков отвечает на этот вопрос положительно и обосновывает как время русского Просвещения период 1840–1860-х годов, наиболее точно соответствующий классической французской модели, хотя предыстория русского Просвещения началась на рубеже XVII–XVIII века. Тогда в России появились первые буржуазные идеи, сходные с ренессансно-гуманистическими концепциями общественной мысли Франции: естественным правом, общественным договором, просвещенным абсолютизмом, а также идеи в духе классической философской рационалистической метафизики XVII века. Непосредственным прологом русского Просвещения можно считать вторую половину XVIII века, когда в Россию «стали проникать сочинения и идеи классиков западноевропейского Просвещения Локка, Вольтера, Монтескье, Гельвеция, Гольбаха, Дидро, Руссо и других, оказавших в той или иной степени влияние на все основные течения тогдашней русской мысли вплоть до официальной идеологии самодержавия (Екатерина II)»².

Наиболее яркой фигурой отечественного Просвещения считается А. И. Герцен, который к 1848 году типологически был уже настоящим русским просветителем. Преодолев изначальную двойственность своих устремлений к «дневному свету» разума и к «лунному свету мистического откровения»³, то есть противоречие рационалистически-просветительского и религиозно-романтического начал, Герцен переходит в конце 1830-х годов на «западнические» позиции, а точнее — на позиции Просвещения. Типичный для Просвещения лозунг «Да здравствует разум!», установка на то, чтобы все понять, все осмыслить «через горнило сознания», стали основой его деятельности. Особенно отчетливо соответствующие воззрения А. И. Герцена проявились в его трактовках таких проблем, как великое единство развития рода человеческого; Восток–Азия–Запад, Европа–Россия; личность как вершина исторического мира, разумный эгоизм. В эти годы Герцен активно использует типичную для Просвещения терминологию: «естественное»–«неестественное», «искусственное» и т. д.

Однако существенно ранее западно ориентированного российского просветительства, а затем параллельно ему развивается глубоко отечественная традиция, связанная прежде всего с проповеднической деятельностью.

¹ Строев А. Указ. соч. С. 5.

² Пустарнаков В. Ф. Указ. соч. С. 143–144.

³ Цит. по кн.: Там же. С. 201.

Первым в ряду деятелей этого направления следует назвать преподобного Сергия Радонежского. Как отмечал Д. С. Лихачев: «Горнего града гражданин и вышнего Иерусалима жителя» Сергий Радонежский постоянно вмешивается в политическую жизнь Руси. Сергий пользуется своим нравственным авторитетом для поддержки московского великого князя. По одному его слову, чтобы оказать давление на нижегородцев, затворяют все церкви в Нижнем Новгороде. Он подчиняет политике Москвы Рязанское княжество. Он благословляет Дмитрия Донского на борьбу с Ордой за независимость Руси»¹.

Сергий Радонежский — крупная духовная фигура отечественной истории. Именно игумену Радонежскому принадлежит утверждение на Руси новой идеи личности, отражающей гуманистический дух русского Предвозрождения, которое было столь непохоже на западное, хотя во многом с ним и перекликалось. **Главный смысл этой новой идеи личности заключался в обожествлении человека и мира, в возвышении человека, в признании его духовного величия.** Так воплотилась глубокая вера в неиссякаемые возможности человека, выраженная в стилистике мышления того времени. Духовная деятельность Сергия Радонежского в этом направлении сформировала целую эпоху отечественной культуры. Как писал известный русский философ Г. П. Федотов: «От мистики до политики огромный шаг, но преп. Сергий сделал его, как сделал шаг от отшельничества к общежитию, отдавая свое духовное благо для братьев своих, для русской земли. <...> Преп. Сергий <...> представляется нам гармоническим выразителем русского идеала святости, несмотря на заострение обоих полярных концов ее: мистического и политического. Мистик и политик, отшельник и кинобит совместились в его благодатной полноте»². В лице Сергия российская культура получила **тип просветителя-проповедника духовного служения**, основу которого составили идеи любви к ближнему, милосердия, терпимости, мирскости и соборности, уважения к светской и религиозной власти и т. п.

Другим примером русского просветителя-проповедника можно назвать митрополита Антония Сурожского — одного из замечательных мыслителей современности. Будучи экзархом Московского Патриарха для Западной Европы, он являлся совершенно русским человеком по интересам и стилю мышления. Его труды объединены темой духовного

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 101.

² Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 151–152.

бытия человека, его веры и призвания. Рассматривая философско-нравственные проблемы жизни и творчества, размышляя о наиболее сложных вопросах духовности в наше время, этот церковный деятель привнес в постиндустриальную эпоху новое, свежее миропонимание, широтой своей объемлющее множество аспектов современной жизни и приводящее их к гармонии. Не имея богословского образования, он стал одним из наиболее авторитетных православных мыслителей мира, почетным доктором двух университетов и двух православных духовных академий¹.

Отечественная история свидетельствует, что **русских просветителей объединяли прежде всего энциклопедическая образованность, стремление создать целостный образ современного им мира, наиболее просто и ясно обрисовать своей аудитории открывающиеся перед человеком пути возвращения в себе Человеческого начала, пути к свету знания.** Подобная миссия не могла быть реализована на основе узкопрофессионального знания. Она требовала синтетичности, обращения ко многим областям знаний, объединяемого одной центральной идеей.

Отечественное просветительство — это просветительство прежде всего экзистенциальное, человеческое. Оно предполагает доверительность беседы, прямое общение личностей. Важная его грань — передача нравственного опыта от человека к человеку, соотнесение его с важнейшими реалиями современной жизни. Это — мужество, свобода, корректная критичность в отношении к современной культуре, политике, образу жизни, интерес к передовым тенденциям развития научного знания. Русский просветитель несет умение актуализовать важную идею, используя широкий пласт исторического материала, опираясь на богатейший опыт предшественников.

Именно таким просветителем и был Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он обладал глубоким знанием русской литературы и русской культуры в целом, что позволяло ему выявлять национально значимые идеи и традиции, ценности и представления, сопоставлять и анализировать их. Такой опыт формировал «исторически поставленное» зрение, открывал возможность увидеть и выявить наиболее продуктивные и прогрессивные идеи для нашей современности и найти им актуальную форму.

Историк А. Зимин пишет, что «в своей культурно-цивилизационной истории **русский мир освоил опыт по крайней мере двух типов просвещения.** Первый из них, следуя традиции, можно и должно называть *религиозным*. Второй — *светским*, научно-философским. Оба типа,

¹ *Епископ Керченский Иларион (Алфеев)*. Богословие митрополита Суражского Антония в свете святоотеческого Предания [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.metroplit-anthony.orc.ru/trudy/03.htm>. Загл. с экрана.

как правило, сопутствовали, обогащая, друг другу, но были в отечественной истории и периоды, когда светское просвещение практически растворилось в или, наоборот, радикально стремилось к секуляризации¹.

Примеры Сергия Радонежского и Антония Сурожского показывают, что просветительская деятельность на Руси нередко обретала **проповеднический** характер. Проповедь — **прямое обращение к сердцу слушателей, несущее в себе веру**, стремление не столько обогатить их новыми знаниями и фактами, сколько передать им определенные идеи, настроения, внушить убеждения, способные стать их нравственной «собственностью», направлять душевные устремления к Добру. Проповедь — это откровение авторитетной личности, порожденное ее стремлением указать собеседнику путь личного совершенствования и обретения верной жизненной позиции в сложных обстоятельствах. Проповедническая деятельность — это творчество, целью которого является более гармоничное устройство внутренней жизни слушателя, обретение им подлинной связи с обществом, поддержка человека в его наиболее возвышенных устремлениях.

В советский период по мере формализации культурной жизни общества данная традиция была во многом утеряна. Даже на центральном телевидении стали редкостью просто хорошие рассказчики, не говоря уже о проповедниках. Выступления мастеров живого слова уровня Ираклия Андроникова представляли собой исключение из правила. Лихачев вернул русскому просветительству эмоциональность и убедительность проповеди, доверие к Слову, основательно подорванное в предшествующие десятилетия бюрократившимися идеологическими структурами, официозной газетно-журнальной пропагандой, зачитывающими свои выступления по бумажке «вождями» и «лекторами» разного толка. Д. С. Лихачев вернул просветительству реальную силу, воздействующую на умы и души сограждан. Мировую славу и известность Дмитрия Сергеевича составили не только научная деятельность и защита памятников истории и культуры, но и «этическая проповедь в средствах массовой информации, принесшая ему доверие, популярность и авторитет»².

По всей видимости, Д. С. Лихачеву довелось стать просветителем особого типа — просветителем-проповедником. И в этом (наряду с масштабностью фигуры) — особенность лихачевского просветительства. С одной стороны, авторитет Дмитрия Сергеевича в обществе основывался на общеизвестном статусе ученого и интуитивно ощуща-

¹ Зимин А. О двух типах просвещения на Руси // Высшее образование в России. 1997. № 2. С. 86.

² Соколов А. В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб.: СПбГУП, 2007. С. 324.

емой народом его принадлежности к великой российской культуре. Он выступал как бы от имени Культуры и Знания. Академик воплощал собой европейскую линию национального просветительства, органично вбирающую в себя антропоцентричность, энциклопедичность, интеллектуальную независимость. С другой — лихачевские тексты и выступления стали воплощением Веры, оказались неразрывно связаны с духовно-творческой традицией русского просветительства, которая по сути, а нередко и по форме была проповеднической деятельностью. Таким образом, в просветительской деятельности Дмитрия Сергеевича знание не только сочеталось с четким этическим и нравственным самоопределением, но и усиливалось убежденностью, верой в исповедуемые ценности и идеалы.

В связи с этим нельзя не упомянуть интересный и до сих пор не объяснимый эпизод из биографии Д. С. Лихачева. К его 90-летию Д. М. Буланин, один из бывших сослуживцев, к тому же считавший себя чуть ли не его учеником, опубликовал статью, в которой назвал академика наставником, учителем жизни¹, проповедником². Казалось, автор этого текста считал свой труд комплиментарным. Лихачев же возразил Буланину, причем весьма жестко. Выяснилось, что сам Дмитрий Сергеевич категорически протестует против такого понимания его деятельности: «Все мои статьи имеют не “проповедническую” цель, а являются определенными *поступками* в борьбе за сохранение культуры...»³

Еще ранее Д. С. Лихачев писал: «Я ведь не пророк и не проповедник, хотя убеждать и призывать в последние годы приходится часто»⁴. Таким образом, позицию академика можно считать принципиальной. Его возражения Д. М. Буланину заключались в противопоставлении проповеди и действия, поступка. Однако из работ Дмитрия Сергеевича вытекало, что в ряде случаев слово тоже может являться делом, поступком. И если Д. М. Буланин высказывался о проповеди как о бесполезном деле («Я не собираюсь обсуждать относительные достоинства нравственного учения Лихачева, и тем более эффективность его проповеди. Последнее вообще бесполезное дело: удивительное нежелание человечества перевоспитываться не остановило еще ни одного проповедника»⁵), то это никого не обязывало с ним соглашаться. Тем более что от-

¹ Буланин Д. М. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 20.

² Там же. С. 20–22.

³ По поводу статьи Д. М. Буланина о Д. С. Лихачеве («Русская литература». 1997. № 1) // Звезда. 1998. № 3. С. 237; Лихачев Д. С. Проповедь или поступок? Ответ на юбилейное послание Д. М. Буланина // Русская литература. 1998. № 2. С. 212–213.

⁴ Лихачев Д. С. Я вспоминаю. М.: Прогресс, 1991. С. 143.

⁵ Буланин Д. М. Указ. соч. С. 21.

кровенно иронизирующий в данных строках Буланин противоречил своим же тезисам из другой части этой работы. Однако поскольку иных объяснений Д. С. Лихачев нам не оставил, его мнение по данному вопросу приходится отнести к числу пока непонятых.

Видимо, негативную реакцию академика вызвал не столько текст Д. М. Буланина (хотя и текст этот при внимательном прочтении выглядит, возможно, недопустимо неуважительным), сколько подтекст либо контекст дискуссии, лежащий, разумеется, вне статьи.

Между тем понятие «проповедник» никогда не несло в русском языке сколь-нибудь негативного оттенка и не вступает по смыслу в противоречие с широко известными проявлениями духовных и практических устремлений Д. С. Лихачева, глубинной сутью его обращений к обществу. «Проповедовать — говорить всенародно, возвещать, провозглашать; поучать, взывать к слушателям речью, убеждая и наставляя»¹, — так зафиксировано в словаре Владимира Даля. Проповедь, издавна понимаемая как жанр церковного ораторского искусства, часто трактуется сегодня вполне в светском духе, как этическая устремленность, как духовное поучение, как экзистенциальная категория.

В проповеди принято выделять несколько аспектов. Во-первых, глоссолалию — то есть способность знать и говорить то, что неведомо другим; во-вторых, пророческий аспект — то есть пророчество, предсказание о будущем; и, в-третьих, аспект дидактический, связанный с духовным поучением². Заметим, что Дмитрий Сергеевич, безусловно, был в ряде отношений уникальным носителем знания. В первую очередь знания о России, ее истории и культуре. Кроме того, просветительство Лихачева сближается с проповедничеством и своим стремлением к наставлению современников в русле приобщения к миру исторических традиций и гуманистических идеалов. Ведь смысл проповеди — прежде всего в утверждении нравственного начала в человеке.

Особенность лихачевского просветительства заключается в том, что нравственная составляющая является, во-первых, одним из ключевых аспектов анализа истории русской культуры, литературы, искусства; во-вторых, выступает как императив его общественно-просветительных устремлений. И в этом аспекте его просветительство приобретает характер проповедничества, утверждения в форме проповеди гуманистических ценностей культуры.

Нравственная ценность явлений культуры — один из ведущих критериев просветительской методологии Лихачева. Апеллируя в первую

¹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/search.xml?text=enc_abc&enc_abc=*&how=enc_abc_rev&encpage=dal. Загл. с экрана.

² Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: ИНИОН РАН, Интелвак, 2001, стб. 822.

очередь к памятникам культуры, произведениям искусства, Дмитрий Сергеевич подчеркивал определяющую роль их нравственного содержания. «Благодаря нравственному началу, которое заключено в древней русской литературе, — пишет академик, — ее значение чрезвычайно велико именно сейчас. Любовь к родине, патриотизм также воспитывается на этом “укорочении расстояний”, на представлениях о конкретных живых людях, конкретном родном пейзаже, близком ощущении прошлого как своего прошлого, своей старины»¹. «Нравственная требовательность», как называет это свойство Д. С. Лихачев, литературы Древней Руси изумительна².

По мнению Дмитрия Сергеевича, «ценности русской литературы своеобразны в том отношении, что их художественная сила лежит в тесной связи ее с нравственными ценностями. Русская литература — совесть русского народа. Она носит при этом открытый характер по отношению к другим литературам человечества. Она теснейшим образом связана с жизнью, действительностью, сознанием ценности человека самого по себе, русская литература (проза, поэзия, драматургия) — это и русская философия, и русская особенность творческого самовыражения, и русская всечеловечность»³. Предназначение литературы выражается в способности быть внутренне-созидательным началом создания духовного мира человека, началом, к которому «мы всегда можем обратиться за духовной помощью»⁴.

Свои нравственно-просветительские идеи Дмитрий Сергеевич реализовывал на практике, в первую очередь, в соответствующих **издательских проектах**. В 1969 году вышел том в книжной серии «Библиотека всемирной литературы», посвященный древнерусской литературе «Изборник»⁵. Интересная новация этого издания заключалась в том, что, как пишет сотрудник ИРЛИ Н. В. Поньрко, в «нем впервые было предложено издавать тексты билингвой, когда на левых нечетных страницах издания вы читали оригинальный древнерусский текст, а на правых — его перевод на современный русский язык. Это была первая ласточка,

¹ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 190.

² Лихачев Д. С. Вечно живая классика // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001. С. 317.

³ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 205.

⁴ Там же.

⁵ Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. М.: Худож. лит., 1969. (Б-ка всемирной литературы. Сер. первая; Т. 15).

которая определила судьбу последующих изданий»¹. В этом примере хорошо просматривается постоянное стремление Лихачева сделать памятники культуры, результаты научных исследований, да и просто важные идеи максимально доступными широкой аудитории.

Популяризацию же древнерусского литературного и культурного наследия он считал делом своей личной, персональной ответственности. В одном только 1986 году вышло 8 различных изданий «Слова...», подготовленных при участии (перевод, редактирование, вступительные статьи) Дмитрия Сергеевича, и несколько статей об этом выдающемся произведении древности самого Лихачева. Великая заслуга академика перед Россией заключается не только в том, что он поднял на следующую ступень развития академическую научную школу медиевистики, но и в предании древнерусскому литературному наследию новой жизни в сознании современных ему поколений соотечественников. Во многом благодаря Лихачеву страна переосмыслила, иначе осознала ценность и величие своих древних культурных корней. Его переводы и комментарии к произведениям древнерусской литературы («Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Поучение Владимира Мономаха» и многие другие) приблизили к нам далекий мир древности, ввели читателя в пространство чувствований и переживаний средневекового русича.

В конце 1970-х годов Дмитрий Сергеевич предложил издавать книжную серию «Памятники литературы Древней Руси». Всего было задумано 12 томов, и последний из них вышел в 1994 году. Эта серия была удостоена Государственной премии. А Лихачевым был предложен уже 20-томный проект «Библиотеки литературы Древней Руси», который, по словам Н. В. Понырko, мыслился как книжная серия «для всех россиян как для научного сообщества, и любой исследователь может ссылаться на это издание, имеющее также научный комментарий. Но это издание рассчитано и на людей, не связанных с наукой, именно для них и существует перевод на современный русский язык. <...> Дмитрий Сергеевич надеялся, что эта серия будет еще и обучать читателя, который не в состоянии обойтись без правой страницы с переводом. Читатель, в котором еще существует генетическое ощущение языка, при подсказке этих правых страниц очень легко начинает понимать древнерусскую речь, сопоставляя тексты, оригинал и его перевод. И эта подсказка воспитывает ощущение человека в истории и возможность восприятия этих произведений совершенно на другом уровне»².

¹ Понырko Н. В. Д. С. Лихачев — научный вдохновитель и издатель книжной серии «Библиотека литературы Древней Руси» // Образование в процессе гуманизации современного мира: IV Международные Лихачевские научные чтения, 20–21 мая 2004 г. / СПбГУП. СПб., 2004. С. 20.

² Там же.

Представляется немаловажным **обратиться к пониманию Лихачевым особенностей развития национальных образовательно-просветительских традиций в России.** Размышляя над проблемами развития страны, ученый отмечает, что при несомненном подъеме искусства, архитектуры, фольклора Русь до XIX века явно отставала от западных стран в сфере науки и философии, «в западном смысле этого слова»¹. Причину тому ученый видит в слишком долгом «отсутствии на Руси университетов и вообще высшего школьного образования»². Отсюда, по Лихачеву, и «многие отрицательные явления в русской жизни. Созданный в XIX и XX веках университетски образованный слой общества оказался слишком тонким. К тому же этот университетски образованный слой не сумел возбудить к себе необходимого уважения. Пронизавшее русское общество народничество, преклонение перед народом, способствовало падению авторитета. Народ, принадлежавший к иному типу культуры, увидел в университетской интеллигенции что-то ложное, нечто себе чужое и даже враждебное»³.

Ученый раскрывает здесь важный в просветительском контексте аспект — противоречие между наукой как формой отвлеченного знания, как видом деятельности, требующей образованности, критичности, независимости, в конечном счете, индивидуальности (вспомним его понимание интеллигентности) и живым обыденным знанием, бытующим в народных массах. Трудности демократизации науки, распространения знаний в обществе мучительно переживались классической русской интеллигенцией рубежа XIX–XX веков. Заботясь о просвещении масс, интеллигенция стремилась распространять научные знания в обществе таким образом, чтобы ясность и доступность изложения приводили к глубине и точности постижения, но результаты не всегда обнадеживали.

Сам Д. С. Лихачев способ снятия этого противоречия видел в **синтезе научных и просветительских начал**, когда знание выступает одновременно и как результат научных исканий Истины, и как потребность донести ее до массового сознания. Характерно, что его «Текстология»⁴ была издана в начале 1960-х годов в двух вариантах: фундаментальной монографии для специалистов и научно-популярного очерка. Другой фундаментальный научный труд Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы», опубликованный в 1967 году⁵, «стали читать все

¹ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 206.

² Там же.

³ Там же. С. 206–207.

⁴ Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962; Текстология: краткий очерк. М.; Л.: Наука, 1964.

⁵ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967.

интеллектуальные люди нашего времени»¹. Н. В. Поньрко отмечает, что это «был своего рода интеллектуальный бестселлер. Ее цитировали, потому что этот академический труд был написан прекрасным языком и с точки зрения человека, глядящего из современности в прошлое»².

Манера письма, стиль в немалой степени способствовали популяризации идей Дмитрия Сергеевича. Об этом хорошо пишет А. А. Гусейнов в комментариях к избранным трудам Д. С. Лихачева по русской и мировой культуре: «ясность языка, еще больше свободная, эссеистская манера рассуждения. Автор часто апеллирует к личным наблюдениям, к конкретным узнаваемым фактам и произведениям, непринужденно переходит от предмета к предмету; он пишет так, будто ведет необязательную беседу. Вся эта мозаика на первый взгляд случайных фактов, воспоминаний, ассоциаций складывается в стройную картину, организованную вокруг определенной идеи, в результате чего последняя предстает не в голом виде последовательного логического рассуждения, а в качестве одухотворяющей основы самой жизни. И все-таки особая привлекательность и злободневность текстов заключена не в их эстетическом строе, не в стиле и манере, а в содержании идей. Лихачев говорит вещи, которые не могут не волновать думающего человека, интересующегося русской культурой. И говорит так, словно хочет прояснить читателю то, что тот сам смутно чувствует. И задача читателя в этом случае скорее распознать истину, чем узнать ее»³.

Характерно, что **труды Д. С. Лихачева, посвященные русскому языку, включают не только лингвистический, но и просветительский аспект**. Известна активность академика, с которой он страстно выступал в защиту чистоты русского языка, разъясняя своим читателям языковые нормы, объясняя происхождение слов и их первоначальные значения, помогая понять важность правильной речи и литературного письма. Язык, по Лихачеву, — это «самая большая ценность народа <...> Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта»⁴. Тысячелетняя история литературы и письменности превращает языковую память в мощную нравственную и просветительскую силу. Однако выразительный потенциал языка может обедняться, язык — упрощаться и даже сознательно искажаться. И тогда на первый план выходит необходимость повышения языковой культуры.

¹ Поньрко Н. В. Указ. соч. С. 20.

² Там же.

³ Гусейнов А. А. Культурология Дмитрия Лихачева: коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» / А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий; СПбГУП. СПб., 2006. С. 28–29.

⁴ Лихачев Д. С. О языке устном и письменном, старом и новом // Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 355.

В работе «О языке устном и письменном, старом и новом» Дмитрий Сергеевич формулирует требования к научному тексту, озаглавленные им «О хорошем языке научной работы». Позволим себе привести некоторые из них:

Хороший язык научной работы не замечается читателем. Читатель должен замечать только мысль, но не язык, каким мысль выражена.

— Главное достоинство научного языка — ясность.

— Другое достоинство научного языка — легкость, краткость, свобода переходов от предложения к предложению, простота.

— Придаточных предложений должно быть мало. Фразы должны быть короткие, переход от одной фразы к другой логическим и естественным, «незамечаемым».

— Каждую написанную фразу следует проверять на слух; надо прочитывать написанное вслух для себя.

— Следует поменьше употреблять местоимения, заставляющие думать, к чему они относятся, что они «заменяли».

— Не следует бояться повторений, механически от них избавляться. То или иное понятие должно называться одним словом (слово в научном языке — всегда термин). Избегайте только тех повторений, которые приходят от бедности языка¹.

В проблематике языковой культуры Дмитрия Сергеевича особо волновало явление, названное им «психологией сознательной порчи языка». В 1964 году увидела свет его статья «Арготические слова профессиональной речи», написанная еще в 1938 году². В ней ученый объясняет появление экспрессивных выражений в языке тех или иных профессий. Длительная пауза между написанием работы и ее публикацией огорчала Лихачева в первую очередь тем, что положения статьи «не исполняются практически в воспитательной работе. На нее как-то не обратили внимания, а я сам придаю ей серьезное значение»³.

Приведем интересный эпизод из жизни Пушкинского Дома. О. В. Панченко вспоминал, что когда он впервые вошел в Отдел древнерусской литературы в 1988 году, то на доске объявлений увидел лихачевский приказ со списком запрещаемых для употребления в «Трудах Отдела древнерусской литературы» слов и выражений. В нем значились: «абсолютно», «уникально», «впечатляющий», «волнительно», «сказать ниже», «информация» и др. Сотрудникам предлагалось список дополнять. Среди слов, добавленных в «Список Лихачева» его коллегами, оказались: «судьбоносный», «потрясающий», «практически невозмож-

¹ Лихачев Д. С. О языке устном и письменном, старом и новом. С. 357.

² См.: Лихачев Д. С. Статьи разных лет. Тверь: Тверское обл. отделение Российского фонда культуры, 1993. С. 95–138.

³ Лихачев Д. С. О языке устном и письменном, старом и новом. С. 367.

но», «обговорить», «задумка», «морально-нравственный» и др. Рядом с этим приказом висело еще одно «распоряжение», в котором Дмитрий Сергеевич в шутивно-назидательном тоне рекомендовал своим сотрудникам посетить выставку Казимира Малевича в Русском музее¹.

По существу **просветительство стало личным стилем жизни Д. С. Лихачева**. Для реализации этой миссии ему совсем не обязательно была многомиллионная аудитория.

В ряде случаев **просветительская миссия Лихачева реализовывалась в ходе конфликта с властями**, когда ученый боролся с губительными для культуры невежественными решениями. Оппонируя авторам проекта «реконструкции» Екатерининского парка, Лихачев писал, что этот проект «губителен и беспомощен даже с чисто архитектурной точки зрения <...>. Нельзя и бессмысленно возвращать парк к одному какому-либо периоду: петровскому, елизаветинскому, екатерининскому...» Ибо в итоге утрачивается то, что Лихачев назвал «мемориальной достоверностью»². Д. А. Гранин вспоминает: «В 60-е годы возникла идея перестройки Невского проспекта. <...> Перестройка была намечена основательная. Нижние этажи всех домов предлагалось соединить в одну общую витрину, создать особое пространство, сделать его пешеходной зоной. <...> Дмитрий Сергеевич выступил с речью. Это была блестящая речь. Он доказал, что перестройка Невского губительна для всей культуры. <...> Так начались его выступления — в защиту Екатерининского парка в Пушкине, Петергофского парка. С тех пор он стал препятствием для ленинградских властей, для всех невежественных, корыстных проектов. Вокруг него объединялась общественность»³.

Добиваться успеха удавалось не всегда. Д. С. Лихачев рассказывал об ущербе, нанесенном Невскому проспекту: «Портик Руска очень важен именно на этом месте, потому что он прямой перспективой связан с портиком Русского музея, что в этом и был градостроительный замысел Руска. <...> Через некоторое время портик Руска был разрушен (под предлогом строительства станции метро. — *Прим. авт.*), а на все последующие недоумения главный архитектор отвечал: “А мы его и не разрушали. Мы его разобрали, мы его и восстановим”. И действительно — восстановили... <...> Внешне он как будто бы такой же, а все-таки колонны не те. Кроме того, портик отнесен на несколько метров назад, и это уже меняет перспективу: исчезло противостояние Русскому музею. Вторжение в сложившийся архитектурный ансамбль нанесло ущерб Невскому проспекту. <...> Вроде бы горький опыт должен был бы на-

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 237–239.

² *Лихачев Д. С.* «Аллеи древних лип...» // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001. С. 649.

³ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 215.

учить нас бережно относиться к культуре прошлого, к природе беречь малый мир и большой мир, в которых мы живем и которые теснейшим образом взаимосвязаны. И вроде бы он чему-то научил нас... Но — научил ли?»¹ Власть училась плохо, а вот интеллигенция сплачивалась вокруг Дмитрия Сергеевича.

Практическая направленность просветительской деятельности была характерна для Д. С. Лихачева с первых шагов в науке. В далекие 1940-е годы, в блокадное время, преодолевая невероятные лишения, ученый занимается научно-просветительской работой. Осенью 1942 года вышла книга, написанная им в соавторстве с археологом М. А. Тихановой для солдат, находящихся в окопах. Лихачев вспоминал: «мы отправились в Смольный. <...> В Смольном густо пахло столовой. Люди имели сытый вид. Нас приняла женщина. Она была полной, здоровой. А у меня дрожали ноги от подъема по лестнице. Книгу она заказывала нам с каким-то феноменально быстрым сроком. <...> Мы согласились. И в мае (1942 г. — *Прим. авт.*) наша книжка “Оборона древнерусских городов” была готова. <...> Писалось, помню, хорошо — дистрофия на работе мозга не сказывалась»².

Большое просветительское значение имели **публичные выступления Д. С. Лихачева в прессе, на радио и телевидении**. Они по своему дополняли такие его печатные труды, как «Письма о добром», «Заметки о русском» и другие работы, направленные, прежде всего, на восстановление деформированного революцией и последующей сменой социально-экономических формаций процесса культурной преемственности поколений. Разумеется, адресатом лихачевской деятельности по укреплению национальных культурных корней, приобщению к традициям прошлого было в первую очередь молодое поколение. Однако деформации процесса культурной преемственности затронули многие поколения. Поэтому Лихачеву приходилось обращаться практически ко всем: и к юношеству, впервые обдумывающему проблемы вечных ценностей и истин, и к умудренным опытом людям, анализирующим прожитое. Многим из его слушателей передавались представления о богатстве и красоте русской духовности через крат-

¹ Лихачев Д. С. Тревоги совести // Лихачев Д. С. Я вспоминаю. С. 130–131.

² Лихачев Д. С. Избранное: Воспоминания. 2-е изд. СПб.: Logos, 2000. С. 504. Позже Д. С. Лихачев напишет: «С этого момента мои узкотекстологические занятия древними русскими летописями и историческими повестями приобрели для меня “современное звучание”. <...> Рассказы летописей как бы определяли размеры ленинградских событий. И мне стало ясно, что напомнить историю осад древнерусских городов остро необходимо. Это было ясно и М. А. Тихановой». (Лихачев Д. С. Послесловие к брошюре 1942 года // Лихачев Д. С. Я вспоминаю. С. 98, 102).

кие рассказы-собеседования о сюжетах, образах, памятниках отечественной истории, о запомнившихся эпизодах и событиях личной жизни Дмитрия Сергеевича.

Даниил Гранин вспоминает: «Благодаря телевидению Лихачев стал широко известен. Он вводил нас в мир высокой русской культуры и полузабытых ценностей жизни. Это была душевная среда, пронизанная деликатностью, учтивостью, которые стали неотъемлемым правилом его собственного поведения»¹. Этим во многом объяснялись личная популярность и общественная востребованность академика, особенно в «смутное» время на рубеже 1980–1990-х годов: «Органичность и открытость его публичного поведения были столь велики, что незнакомым людям, естественно, приходила в голову мысль обращаться к нему по самым разным поводам, далеким от древнерусской литературы»².

Значительный отклик в то время вызвала лихачевская идея «экологии культуры», породившая соответствующее движение³. Один из его активистов М. Г. Талалай впоследствии вспоминал: «Красный томик Лихачева со статьями о русской культуре, ходивший по рукам, был изрядно потрепан: надобно было писать множество воззваний, обращений, и за верным выражением часто обращались к основополагающей статье. Но, пожалуй, томик служил не как цитатник, а как пособие по стилистике, справочник по вежливым формам поведения»⁴.

Просветительские устремления Лихачева неотделимы от его размышлений о смысле и предназначении русской интеллигенции. **Образ интеллигента**, воссоздаваемый Дмитрием Сергеевичем в его трудах и устных выступлениях, безусловно, **был его личным идеалом просветителя**.

Очевидно, что академика правомерно считать продолжателем традиции отечественного просветительства, которое всегда сопровождалось мучительными духовными поисками и было согрето теплом живой человечности. Знание в этой традиции подвергалось нравственной оценке и рассматривалось в контексте Добра и Зла: не просто Разум, а добрый Разум, не просто знание и осведомленность, а знание ради добра, знание, несущее в себе ценностную компоненту. Закономерно, что одна из его главных книг называется «Письма о добром»⁵.

Эта сторона деятельности ученого была осмыслена профессором СПбГУП А. В. Соколовым в недавней монографии «Интеллигенты и

¹ Гранин Д. А. Один из последних // Гранин Д. А. Тайный знак Петербурга. СПб., 2002. С. 335.

² Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 241.

³ Там же. С. 217.

⁴ Там же. С. 218.

⁵ Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб.: Logos, 2006.

интеллектуалы в российской истории». На основании обращения к научному и публицистическому наследию академика Аркадий Васильевич предлагает включить в компоненты модели идеального русского интеллигента «по эскизу академика Лихачева» этическое самоопределение: а) совестливость, честность, правдивость; б) толерантность, осуждение насилия и террора; в) благоговение перед культурой, приобщенность к книжной культуре, русской литературе; г) индивидуализм, самодостаточность; д) оппозиционность по отношению к деспотичной власти¹.

Этическое самоопределение, духовно-нравственная составляющая определяет не только смысл и направленность лихачевского просветительства, но и шире — его научную методологию, суть философско-культурологических воззрений, в которых нравственная доминанта занимает ключевое место.

Среди просветительских задач, которые ставил перед собой Дмитрий Сергеевич, необходимо упомянуть и утверждение в общественном сознании принципа **толерантности**, терпимости, особенно — по отношению к иной культуре. Нам нечего бояться всемирного взгляда на природу и человека, искусство и культуру. «Сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войны»², — писал он в «Декларации прав культуры». Касаясь проблемы религиозного образования в светской школе, ученый высказывает мысль, что «всякое деление по какому-нибудь признаку таит в себе очень большую опасность роста вражды на этой почве. Поэтому представить себе класс в школе, в котором часть учеников будет заниматься Законом Божиим православным, а часть, скажем, Кораном и магометанством, — трудно. Это даст новый повод для разделения и драк в школе. <...> Поэтому преподавание Закона Божия православного, католического, протестантского или ислама — это, конечно, очень важно для воспитания нравственности. Но это должно быть вне стен школы»³.

Петербургская тема одна из главных в просветительской деятельности для Д. С. Лихачева. Он заново открывает Петербург современникам, обращая внимание не только на красоту, но и на «душу» города, его особый эмоциональный «климат», уникальность его нравственного значения.

¹ Соколов А. В. Указ. соч. С. 332.

² Лихачев Д. С. Декларация прав культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 392.

³ Лихачев Д. С. Всякая образованность создается чтением и книгами // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 74.

Дмитрий Сергеевич выражает надежду на возвращение культуре города его «европейского характера со всеми европейскими ценностями: личностным характером, универсализмом, восприимчивостью к другим культурам, терпимостью к чужим убеждениям, свободой, открытым выходом в Европу и свободным входом к нам»¹. «Петербургские тексты» Лихачева в силу своего уникального просветительского потенциала, культурно-образовательного значения и легендарности личности автора оказались чрезвычайно востребованы. В частности, предисловиями ученого (специально написанными или тематически подобранными публикаторами) снабжаются многие издания, посвященные истории культуры Санкт-Петербурга². Просто, на основе доступных каждому наблюдений и сравнений Лихачев раскрывает многомерность культурной истории Петербурга, ее неоднозначность, неповторимость, «русскость» и «европейскость», блистательность города, где, говоря словами литературоведа и историка культуры И. П. Смирнова, «страдание стало каждодневной историей»³.

Следует заключить, что Д. С. Лихачеву очевидно принадлежит **особое место в истории русской просветительной деятельности**. Уход Дмитрия Сергеевича из жизни — это множественная утрата для общества. Но, думается, наиболее болезненно страна ощущает сегодня отсутствие Просветителя лихачевского масштаба.

¹ Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 183.

² См., например: Петербург. Художественная жизнь. 1900–1916: фото-летопись. СПб.: Искусство-СПб., 2001. [Вступ. ст. Д. С. Лихачева «О петербургской культуре начала XX века»].

³ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 211.

4.2. О ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ

Дмитрий Сергеевич Лихачев — Почетный член Российской Академии образования. В самом этом факте уже отражено **признание особого значения трудов ученого для отечественной педагогики.**

Но в чем конкретно заключается вклад Д. С. Лихачева в образование? Удивительно, но при всей простоте вопроса ответить на него не легко. В современных справочниках можно прочесть о том, что Дмитрий Сергеевич — филолог и историк культуры, общественный деятель, что он создал **«концепцию, в русле которой рассматривал проблемы гуманизации жизни людей и соответствующей переориентации воспитательных идеалов, а также всей системы образования как определяющей общественное развитие на современном этапе»**¹. Там же говорится о его трактовке культуры не только как суммы нравственных ориентиров, знаний и профессиональных умений, но и как своего рода «исторической памяти». Мы знаем, что с культурой Лихачев тесно связывал понятие интеллигенции, видя в лучших ее представителях **идеал воспитания.** Нравственным проблемам академик посвятил ряд специальных книг и статей².

Все это верно, но с позиций современной педагогической науки явно недостаточно. Почти невероятно, но факт: «по Лихачеву» не было научных исследований в педагогической отрасли научного знания. Между тем практика настоятельно требует таких работ.

В преддверии столетия ученого писатель Даниил Гранин выдвинул идею проведения 1 сентября 2006 года уроков Лихачева во всех школах страны. Вместе с Даниилом Александровичем мы обратились с письмами к главам субъектов Российской Федерации, предложив им прислать в Санкт-Петербург на ежегодные майские Международные Лихачевские научные чтения лучших учителей регионов с тем, чтобы мы

¹ Лихачев Д. С. // Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. С. 376.

² См., например: *Лихачев Д. С.* Заветное. М.: Изд. образовательный и культурный центр «Детство. Отрочество. Юность», 2006; *Он же.* Письма о добром. СПб.: Logos, 2006; *Он же.* Раздумья / сост. и общ. ред. Г. А. Дубровской. М.: Дет. лит., 1991; *Он же.* Школа на Васильевском / Д. С. Лихачев, Н. В. Благово, Е. Б. Белодубровский. М.: Просвещение, 1990; *Он же.* Я вспоминаю. М.: Прогресс, 1991.

могли предложить педагогам методики проведения таких уроков. Предполагалось, что, вернувшись в регионы, эти учителя распространят их на местах.

Группа ведущих ученых Санкт-Петербурга, собранная Международным благотворительным фондом им. Д. С. Лихачева, создала под руководством члена-корреспондента РАО О. Е. Лебедева интереснейшие методические разработки Лихачевских уроков¹. Их главная идея — «урок... посвятить... конкретному человеку, имя которого стало символом нравственных ценностей»². В этих рекомендациях представлены размышления авторов о возможных вариантах урока, о проблемах, которые могут быть рассмотрены на нем.

Сама по себе эта идея заслуживает специального рассмотрения, и мы вернемся к ней несколько позднее. Пока же отметим, что наше с Д. А. Граниным обращение вызвало у губернаторов неожиданно активный отклик: на Чтения приехали учителя, представлявшие около 60 регионов России. К сожалению, позднее пассивность чиновников среднего звена Министерства образования не позволила реализовать нашу инициативу в полном объеме, но в целом ряде регионов страны эти уроки прошли.

Это является свидетельством **востребованности педагогического наследия** Д. С. Лихачева, как и большой успех издания эссе, философских стихотворений в прозе, размышлений и отдельных записей академика, предпринятого специально для школ страны председателем Российского детского фонда, академиком РАО, писателем А. А. Лихановым³.

Разумеется, все эти скромные действия абсолютно не соответствуют общему масштабу лихачевского наследия и его научно-педагогическому потенциалу. Очевидно, что решение данной проблемы сдерживается не только отсутствием полного академического собрания сочинений Д. С. Лихачева, но и недопониманием научного и практического значения публикаций Дмитрия Сергеевича, осуществленного за рамками литературоведения.

Между тем очевидно, что **на повестке дня процесс сущностного, а не формально-ритуального включения научного и нравственного наследия академика Д. С. Лихачева в контекст отечественной педагогики**. Следует дополнить оценку его литературоведческих работ и нравственного значения «публицистики» исследованием и выявлением научного вклада в педагогику. Дмитрий Сергеевич педагогичес-

¹ Уроки Лихачева: метод. рек. для учителей средних школ / сост. О. Е. Лебедев. СПб.: Бизнес-пресса, 2006.

² Там же. С. 2.

³ *Лихачев Д. С. Заветное.*

кой общественностью страны воспринимается как знаковая фигура и как «свой». Но это созвучие академика с педагогическим сообществом (я имею в виду и учительство, и вузовскую интеллигенцию, и ученых Академии), скорее, интуитивное, нежели обстоятельно осмысленное.

Видимо, во многом вводит в заблуждение простота лихачевских текстов. Вот как пишет об этом академик А. А. Гусейнов: «...тексты Лихачева, как, впрочем, и его исследовательские труды, читаются легко. Этому, конечно, способствует ясность языка, еще больше свободная эссеистская манера рассуждения. Автор часто апеллирует к личным наблюдениям, к конкретным узнаваемым фактам и произведениям, непринужденно переходит от предмета к предмету; он пишет так, будто ведет необязательную беседу. Вся эта мозаика на первый взгляд случайных фактов, воспоминаний, ассоциаций складывается в стройную картину, организованную вокруг определенной идеи, в результате чего последняя предстает не в голом виде последовательного логического рассуждения, а в качестве одухотворяющей основы самой жизни. И все-таки особая привлекательность текстов заключена... в содержании идей. Лихачев говорит вещи, которые не могут не волновать думающего человека... И говорит так, словно хочет прояснить читателю то, что тот сам смутно чувствует. И задача читателя в этом случае скорее распознать истину, чем узнать ее, говоря точнее: узнать, но так, как узнать человека, которого видел и знал раньше»¹. Это высказывание удивительно точно соответствует восприятию лихачевских публикаций педагогическим сообществом. Мы «распознаем» в них то, что либо знали в несколько ином виде, либо ощущали интуитивно.

Однако во всех своих человеческих, личных, общественных «ипостасях» Д. С. Лихачев остается прежде всего ученым. Как уже говорилось ранее, в своем подходе к науке он не является типичным для нашего времени исследователем научных проблем, то есть его нельзя отнести к категории специалистов, которые путем кропотливого анализа доходят до сути определенного явления, а затем переходят к следующему. Общегуманитарная теоретическая подготовка академика столь высока, что скрупулезное обоснование своих научных суждений, использование стандартных, общепринятых в науке технологий изложения своих мыслей для него излишне: его «публицистические» тексты не наукообразны по форме, но высоконаучны по содержанию.

Отечественной педагогике необходимо определенно выяснить, что в научных воззрениях Д. С. Лихачева является традиционным и что новаторским. Необходимо вычленив суть его воззрений из «публицистики» и логично, последовательно описать в контексте истории

¹ Гусейнов А. А. Культурология Дмитрия Лихачева: коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» / А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий; СПбГУП. СПб., 2006. С. 28–29.

педагогических учений. К примеру, возьмем его книгу «Школа на Васильевском», написанную в соавторстве с Н. В. Благово и Е. Б. Белодубровским. В первых же строках читаем: «Главная цель средней школы — воспитание. Образование должно быть подчинено воспитанию. Воспитание — это, в первую очередь, прививка нравственности и создание у учащихся навыков жизни в нравственной атмосфере. Но вторая цель, теснейшим образом связанная с развитием нравственного режима жизни, — развитие всех способностей человека и особенно тех, которые свойственны тому или иному индивидууму»¹. Понятно, что авторская позиция целиком лежит в русле традиций отечественной педагогики, и хорошо известно — каких.

Но целый ряд других публикаций академика требует значительно больших усилий для анализа. Назову, к примеру, «Раздумья», «Письма о добром», «Я вспоминаю». **В них Д. С. Лихачев выступает в роли, схожей во многом с ролью не только теоретика, осовременившего нравственные заповеди, но и педагога-практика.** Может быть, здесь уместно сравнить его с В. А. Сухомлинским. Только мы не просто читаем рассказ о собственном педагогическом опыте, а как бы присутствуем на уроке замечательного учителя, ведущего разговор, удивительный по мере педагогического таланта, выбору предмета, способам аргументации, педагогическому интонированию, владению материалом и словом. Уровень лихачевского монолога столь высок, что кажется, урок ведет сама Истина или Господь Бог (кому как нравится). На первый взгляд просто непостижимо, как в этих текстах важнейшие для воспитания человека истины проходят как бы непосредственно в душу читателя, минуя всевозможные наслоения и препятствия, столь свойственные для нашей педагогической практики.

Вместе с тем очевидно, что абсолютно все компоненты этого «урока» могут и должны быть подвергнуты теоретическому и методическому анализу. Например, очень интересно, что в ряде публикаций академика **педагогическая система воспроизводится и рассматривается как бы глазами объекта воспитания — ученика.** Только ученик этот постепенно вырос в крупную личность, состоялся в семейной жизни, сфере частных межличностных отношений, общественной жизни, профессиональной деятельности и получил во всех этих сферах заслуженное признание. **Теперь, представляя из себя своего рода «идеальный педагогический результат», данный объект воспитания может проследить, как происходило его становление и развитие в качестве самостоятельной личности, субъекта самовоспитания,** как работали те или иные педагогические системы, что мешало ему на жиз-

¹ Лихачев Д. С. Школа на Васильевском. С. 5.

ненном пути и что помогало, какую роль играли различные компоненты педагогических систем, социально-культурная среда и т. д.

Такой ретроспективный анализ, проводимый академиком, с учетом уникального научного аппарата Дмитрия Сергеевича, неизбежно дает и уникальные результаты. Данную ситуацию можно рассматривать как **удивительный педагогический эксперимент**, который поставила сама судьба ученого, предоставив ему же возможность фиксации и анализа результатов.

Почему жизнь Лихачева сложилась именно так, а не иначе? Что в ней было случайно, а что закономерно? В какое время, под каким влиянием и какие ценностные ориентации у него сформировались? Кто был для него идеалом? Какие педагоги, какие персонажи истории, кто из окружавших личностей оказывал влияние? Что из содержания процесса обучения воспринималось в конце жизни как наиболее важное и почему? Как обучение Лихачева было взаимосвязано с его воспитанием? Мы можем задавать себе эти и другие вопросы и получать на них из трудов Дмитрия Сергеевича вполне конкретные ответы, обогащающие педагогическую науку. Этот аспект лихачевского наследия также ждет своих исследователей.

Работы Д. С. Лихачева должны сыграть свою роль и в переосмыслении ряда фундаментальных постулатов и проблем образования. Стремительные перемены реальности, динамично обновляющийся жизненный контекст деятельности педагога требуют систематической сверки наших позиций с жизнью. Разумеется, фундаментальные ценности, выработанные в ходе жизнедеятельности человечества, меняются мало. Что нельзя сказать об особенностях их звучания на различных этапах общественного развития и конкретных педагогических технологиях возвращения этих ценностей в новых поколениях воспитуемых.

Интереснейший материал для исследователя — собственные гуманитарные взгляды Д. С. Лихачева. Вся мировая история может, по его мнению, рассматриваться как история вызревания и прорастания из глубин бытия Человеческого начала. Может быть, именно **Человеческое начало является главным предметом разносторонних исследований самого Дмитрия Сергеевича на протяжении всей его жизни.** Эта тема пронизывает все его публикации, озаряя их особенным внутренним светом. Но этот феномен лихачевского наследия не изучен и не описан надлежащим образом.

И если считать Дмитрия Лихачева в широком смысле слова педагогом, то, помимо оценки «великий», следует добавить определение «гуманист». Проблема гуманизма направляла научные интересы ученого. Гуманизм «просвечивал» во всем, что бы Дмитрий Сергеевич ни исследовал: литературу, живопись, зодчество, религиозно-философские взгляды

ды писателей Древней Руси, творчество Ф. М. Достоевского, феномен и судьбы российской интеллигенции и т. д. Гуманизм был интересен Лихачеву при исследовании зарождения и развития культуры, в анализе трансформаций литературного творчества... И уж, разумеется, эта тема волновала его в работах, напрямую связанных со становлением человеческой личности. **Что такое гуманизм и как его взрастить «по Лихачеву»** — предмет особого интереса педагогической науки.

Член-корреспондент РАО О. Е. Лебедев посвятил данной теме публикацию «Уроки Лихачева для детей и взрослых»¹. В частности, петербургский ученый пишет: «Тысячи школьных уроков не сводятся к занятиям по математике и физике, литературе и истории, биологии и другим учебным предметам. Это уроки отношения к миру, к природе, к ценностям культуры, к людям. Сейчас началась работа над созданием нового поколения стандартов для общеобразовательной школы. В связи с этим возобновились дискуссии относительно главных результатов школьного образования. В ходе одной из таких дискуссий была высказана верная, на мой взгляд, мысль о том, что главным результатом образования, полученного в школе, надо считать способность ее выпускников различать добро и зло». Далее О. Е. Лебедев продолжает: «По сути дела, весь социальный опыт, который осваивается учащимися на школьных уроках, представляет собой опыт решения проблем — познавательных, мировоззренческих, политических и всяких иных. Но ведущее место в этой совокупности разнообразных проблем занимают проблемы нравственного выбора».

Здесь уместно еще раз повторить, что совесть, по Лихачеву, — единственная власть, сила которой не только не лишает человека свободы, но и гарантирует ее. Размышляя об этом, академик утверждает: «Совесть принуждает, но принуждение совести является гарантией его (человека) полной свободы, потому что совесть принуждает изнутри, все остальные принуждения приходят извне: партийные, классовые, какие угодно другие»².

Источником нравственного образования человека является освоенная им гуманитарная культура, источником образования — культура в целом. Если вдуматься в смысл слов «общее образование», то можно его представить как образование, которое объединяет людей общими представлениями о ценностях культуры. В связи с этим можно предположить, что **магистральный путь дальнейшего развития образования лежит в направлении его культурологической составляющей, несущей в себе интегрирующее различные предметы гу-**

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 29 авг.

² Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 39.

манистическое начало. В данном плане методологический вклад Лихачева в образование очень важен. И здесь открывается широчайший фронт работы для педагогической науки.

Прежде всего, на мой взгляд, заслуживают изучения **воззрения академика на общий процесс культурной преемственности поколений.** Образование как социальный институт общества является, по Лихачеву, именно институтом культурной преемственности. Для понимания «природы» этого института очень важна адекватная оценка учения Д. С. Лихачева о культуре. Скажем, принципиальное значение имеет представление академика о европейском характере российской культуры.

Весьма важны работы Лихачева, посвященные Петровским реформам. Существенно, что Дмитрий Сергеевич очень убедительно показывает ущербность представлений о допетровской Руси как крае и времени исключительно крестьянской культуры: в подобных взглядах нет места ни для «Слова о полку Игореве», ни для Андрея Рублева и Феофана Грека, ни для Сергия Радонежского. Допетровская средневековая культура Руси была великой культурой. Другое дело, что настало время для ее перехода на новый этап развития.

Наиболее широкий контекст, в котором, по Лихачеву, следует рассматривать нашу культуру, — всемирный. Подчеркнем еще раз: Дмитрий Сергеевич полагает самой характерной чертой русской культуры, проходящей через всю ее тысячелетнюю историю, — вселенскость, универсализм. В этом смысле Россия — самая европейская страна в Европе. Ибо, по Лихачеву, «европейская культура отличается именно тем, что она открыта к восприятию других культур, к их объединению, изучению, сохранению и отчасти усвоению»¹.

Из понимания Д. С. Лихачевым российской культуры как европейской логично вытекает его **утверждение о европейском характере отечественного образования,** особую роль в становлении которого он отводит Санкт-Петербургу. Думается, изучение истории формирования и развития петербургских образовательных учреждений и их системы под лихачевским углом зрения может многим обогатить отечественную педагогическую теорию.

Следует отметить, что воззрения академика на историю российской культуры даже при их определенной дискуссионности могут являться отправным пунктом для дальнейшего **развития теории педагогических систем в их общекультурном контексте, переосмысления целей воспитания, педагогического опыта, не говоря уже о совершенствовании отдельных предметных курсов.**

¹ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 198.

Разумеется, результаты научной деятельности Д. С. Лихачева должны быть включены в школьные и вузовские программы как **Знание, обязательное при получении образования**. Пока это должным образом не сделано, но, несомненно, произойдет после осмысления великого наследия академика новыми поколениями ученых.

Влияние литературы, искусства, архитектуры, природы на души людей Дмитрием Сергеевичем прочувствовано и осмыслено по-особому. Взять хотя бы исключительную по силе мысли работу «Сады Лицея»¹ или уже упоминавшееся выступление перед профессурой и студенчеством Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов «Петербург в истории русской культуры». Не меньший интерес вызывают и его размышления «О русской интеллигенции». Они могут быть рассмотрены как элементы своего рода **педагогической программы Лихачева по самовоспитанию для молодых людей**, вступающих в жизнь. Но самой важной в этом плане является, конечно, «Декларация прав культуры» и ее центральная мысль, что **культура — определяющее условие реализации созидательного потенциала личности**.

Заслугой Д. С. Лихачева стало и выделение специфической роли социально-культурной среды в становлении личности. Роль идеального окружения идеалов, образцов, попадающих в индивидуальное пространство жизнедеятельности личности, состоит в том, что, живя, человек, хочет он того или нет, осознает или не осознает, впитывает, вбирает то, что создано предками, в пространстве его существования незримо присутствует все, сотворенное предшествующими поколениями. Именно в этом видел академик, к примеру, уникальность воздействия на человека Петербурга–Петрограда–Ленинграда. Жить там, где жили выдающиеся архитекторы, литераторы, критики, философы, впитывать впечатления от их творений, от знакомства с их жизненным путем — значит, обогащаться духовно, возвышаться нравственно. Вот почему отношение к прошлому для Д. С. Лихачева — критерий присутствия (или отсутствия) в человеке прекрасного, доброго: «Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек не любит старые улицы, старые дома, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, он, как правило, равнодушен и к своей стране»².

¹ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 244–260.

² Лихачев Д. С. Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 332–333.

Д. С. Лихачев пришел к пониманию того, что **память о прошлом — это один из способов существования культуры**. Фальсификация прошлого, предвзятое к нему отношение, выстраивание его по шаблонам в угоду той или иной идеологической конъюнктуре лишает культуру преемственности, живой связи с предшествующим развитием, а человеческую личность оставляет без духовных корней, без той нравственной почвы, на которой только и произрастает человеческое в человеке. Именно с точки зрения нравственного значения памяти, с позиций «экологии культуры» рассматривал ученый великие события в истории нашей Родины, страницы ее воинской славы — Бородинское сражение, Куликовскую битву. С болью писал он о варварски взорванном в 1932 году памятнике на могиле выдающегося полководца Отечественной войны 1812 года Петра Ивановича Багратиона. С горечью говорил о могиле героев Куликовской битвы Пересвета и Осляби, на месте которой в старой церкви Рождества завод «Динамо» установил мотор мощностью в 180 киловатт. Нет ни упоминаний, ни мемориальной доски, только грохот и рев моторов...

Думается, читателю очевидно, что задача данной главы — не подведение итогов научно-педагогической деятельности выдающегося российского ученого, а **приглашение коллегам (и теоретикам, и практикам) к дальнейшему осмыслению и применению педагогического наследия академика Д. С. Лихачева**. Речь идет о педагогическом наследии как взглядах на проблемы воспитания и образования; результатах исследований в области гуманитарной культуры, которые могут рассматриваться как исходные позиции для дальнейших педагогических поисков; опыте педагогической деятельности. В связи с этим важно в контексте педагогической науки более детально рассмотреть само понятие «педагогического наследия» и сферу его применения.

Изучение педагогического наследия Лихачева может иметь существенное значение как для решения педагогических проблем среднего и высшего образования, так и для постановки новой исследовательской проблематики. К примеру, «вечными проблемами» педагогики школы являются **отбор содержания образования и выбор методов обучения**. Наследие Дмитрия Сергеевича содержит в этом плане значительные перспективы. Возьмем отбор содержания: школа должна приобщать к культуре, но ей приходится работать с учебными (адаптированными) текстами. Важно оптимизировать соотношение адаптированных и научных текстов, а также первоисточников. В советской школе был накоплен интересный опыт работы с первоисточниками — ленинскими работами. От этого опыта, естественно, отказались. Но **потребность в обращении к философским, культурологическим текстам, доступным для школьников, осталась. В роли таких первоисточников вполне могут выступать работы Д. С. Лихачева**.

Лихачевское наследие может быть весьма полезно и в решении другой проблемы: необходимым элементом содержания образования является **собственный опыт обучаемых**, который **должен быть переосмыслен в процессе обучения**. Однако отечественная педагогика пока не добилась в данном плане сколь-нибудь заметных успехов. У Дмитрия Сергеевича здесь можно многому научиться. В то же время **труды академика могут быть использованы и для совершенствования методов обучения**, например методики диалога. Важная исследовательская задача — опираясь на работы Лихачева, **углубить современное понимание роли фактора исторической памяти в процессе развития образовательных систем**.

Итак, у научно-педагогического сообщества страны впереди большая работа, к которой нас обязывает и память замечательного ученого-гуманитария, и потребности страны.

4.3. ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ — ИМЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ*

В данном разделе представляется уместным вернуться к начатому ранее разговору об уроках Лихачева в школах, точнее — **об идее посвящения урока конкретному человеку, имя которого стало символом нравственных ценностей**. Сама по себе эта идея, безусловно, не является новой для педагогики. Напротив, она существует столько же, сколько существует обучение и воспитание. В ее основе — **выбор идеала, воспитание примером**.

Наиболее ярко, последовательно и масштабно данная идея воплотилась в христианстве — единственной, как справедливо отмечал Д. С. Лихачев, религии, в которой Богом является личность, избираемая верующими как идеал для подражания, с мифологизированным опытом которой сверяются мысли и поступки. Фигура Христа стала своего рода центральным культурным элементом, своего рода «точкой кристаллизации», вокруг и от которой развивается последние две тысячи лет европейская культура. В контексте этого процесса образуются **европейские педагогические модели**, занимающие ведущее место в настоящее время и в нехристианских культурах.

Совершенно очевидно, что этот уникальный опыт человечества вполне воспроизводим в более локальных масштабах при формировании отдельных субкультур. Это учитывалось в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в период с 1992 года по настоящее время. Речь идет **о конкретном педагогическом эксперименте**, который частично отражен в ряде публикаций, не раз становился предметом специального анализа Президиума Российской Академии образования¹ и в целом — предметом иного разговора. Тем не менее представляется уместным познакомить читателя с некоторыми аспектами

* Раздел написан в соавторстве с профессором СПбГУП Л. А. Санкиным.

¹ *Занесоцкий А. С.* Модель гуманитарного университета и воспитание российского интеллигента: докл. на совместном заседании бюро Президиума РАО и Ученого совета СПбГУП, 9 февраля 2000 г. / СПбГУП. СПб., 2000; *Он же.* Обеспечение качества высшего гуманитарного образования: выездное заседание Президиума Российской Академии образования / СПбГУП. СПб., 2006; *Он же.* Обеспечение качества высшего гуманитарного образования // Педагогика. 2006. № 2. С. 3–13.

данного опыта, поскольку, по существу, **урок Лихачева ведется в СПбГУП уже 15 лет.**

Данный эксперимент Президиумом РАО признан успешным и может быть рассмотрен как **пример использования знаковых фигур для формирования культурно-образовательной среды, в свою очередь создающей современный уровень университетского образования.** Коллегами отмечен стремительный рост СПбГУП от обычного, по ленинградским меркам, учебного заведения до одного из лидеров отечественного высшего образования. О том же говорит бесстрастная статистика государственных органов: за последние 15 лет СПбГУП практически по каждому из показателей госаккредитации вышел на уровень 5–10 % ведущих вузов страны. Ежегодно на биржу труда обращается менее 1 % наших выпускников. Их уверенный карьерный рост подтверждается независимыми социологическими исследованиями. **Эти результаты во многом связаны с особой ролью личности Дмитрия Лихачева, реализованной в университетском сообществе благодаря специально разработанным педагогическим технологиям.**

Несомненно, представление о вузе как социально-педагогической системе в принципе не является чем-то новым в педагогике высшей школы. Так же, как и тезис о важности для университетов соединения науки и обучения. В то же время конкретные механизмы реализации этих важных для высшего образования положений мало описаны и тем более явно недостаточно изучены.

Опыт совместной работы с Дмитрием Сергеевичем побуждает ко многим размышлениям на профессиональные темы: как реформировать средний по уровню вуз, перевести его в иное качество? Как создать творческую обстановку, привлечь научные светила и использовать их присутствие, превращая институт в университет? Как сформировать новые традиции и сделать их фактором повышения качества работы?

Следует начать с того, что СПбГУП последние 15 лет исповедует и отстаивает свой путь, свое видение университетского образования в России. Это видение во многом сформировалось под влиянием и при непосредственном участии Д. С. Лихачева.

...Приход академика Лихачева в Университет в начале 1990-х годов представляется закономерным.

В советское время, уже будучи академиком, Дмитрий Сергеевич много «воевал» с начальством, защищая культуру и природу, используя для этого весь свой авторитет. Уже в 1970-е годы он завоевал в среде интеллигенции репутацию защитника национальных святынь и человека прогрессивных взглядов. С приходом к власти Горбачева данный образ академика стал доступен широким массам. В начале демократических преобразований Д. С. Лихачев активно поддерживал перестройку,

но в начале 1990-х годов понял, что общее направление перемен может принести народу неисчислимые беды. Наступило разочарование. В этот период он и знакомится с нашим вузом.

В СПбГУП Лихачев увидел тогда один из немногих, но ярких примеров перемен к лучшему, конкретное свидетельство того, что его усилия были не напрасны. Это же привлекало к нам первого мэра города Анатолия Собчака и многих других. С начала 1990-х годов бывать в нашем вузе стало интересно. Сюда потянулись выдающиеся отечественные интеллектуалы: Александр Зиновьев, Юрий Осипов, Юрий Афанасьев, Игорь Кон, Александр Панченко, Николай Скатов, Борис Васильев, Григорий Бакланов и многие другие — обсудить проблемы гражданского общества, судьбы интеллигенции, взаимосвязь экономики, нравственности и культуры, пути реформирования образования. Люди самых разных политических ориентаций стремились использовать СПбГУП как трибуну для изложения своих взглядов: от Гавриила Попова, Галины Старовойтовой до Анатолия Лукьянова и Геннадия Зюганова.

В конце 1992 года наш профессор Р. С. Милонов ввел в эту среду академика Д. С. Лихачева. В нашем вузе ему понравилось. Видимо, что-то напоминало академику собственную студенческую юность. Во всяком случае, он сразу ощутил особую атмосферу, почувствовал себя просто и естественно. Обстоятельно познакомившись с Университетом, Лихачев вскоре принял принципиальное для себя решение — согласился стать нашим Почетным доктором. «...теперь я — ВАШ¹, — сказал он, получая докторскую мантию СПбГУП, и пояснил, — ...хочу поблагодарить всех моих коллег, находящихся в этом зале, за ту честь, которая мне оказана. Я чувствую себя сегодня в Университете XXI века. Если основная часть европейских университетов гордится своим прошлым, то мы должны гордиться своим будущим»².

Через пять лет работы в СПбГУП академик счел необходимым в одном из телеинтервью добавить следующее: «Думаю, что это — университет будущего. Он очень мобильный, способный на эксперименты — а в образовании эксперименты очень нужны. Этот вуз откликается на новые идеи, он живой, там живая наука. Кроме того, творческие процессы — театральные, балетные, музыкальные — сочетаются в нем с научным изучением искусств. Это очень важно». Учитывая, что в 1992 году мы первыми в стране ввели платное образование, начали заключать договоры на обучение с частными лицами и с тех пор подвергались всевозможным нападкам, Дмитрий Сергеевич неожиданно продолжил в нашу

¹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры: акт. лекция, прочитанная 19 мая 1993 г. в день вручения Д. С. Лихачеву диплома и мантии Почетного доктора СПбГУП // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 25.

² Там же. С. 11.

защиту: «Так что, если у родителей есть возможность заплатить за воспитание собственных детей, за обучение в этом университете — то это лучший способ потратить деньги, получить от них достойную отдачу»¹.

Продуктивность перемен в СПбГУП и мнение о вузе академика Д. С. Лихачева были обусловлены рядом обстоятельств. Во-первых, наше учебное заведение было малоизвестным, но серьезным центром гуманитарного знания, — лучшим на тот момент российским вузом культуры. Не зря наши выпускники занимали ключевые должности в сфере культуры ряда соцстран и практически всех республик СССР. В Ленинграде крупнейшие учреждения культуры, такие как БКЗ «Октябрьский», ДК им. Ленсовета, Выборгский ДК и другие и сегодня возглавляются нашими выпускниками той поры. К моменту распада СССР здесь собралась незаурядная профессура. Малоизвестность же учреждения объяснялась закрытым характером международной профсоюзной системы подготовки кадров.

Во-вторых, в момент слома социалистической системы, в суматохе и неразберихе нам удалось добиться реальной вузовской автономии. Мы перестали обращать внимание на идеологические инстанции. Почти сразу же открылась кафедра культурологии, на которую пришли С. Н. Иконникова и М. С. Каган. В вузе появились и другие новые крупные ученые: один из основоположников отечественной социальной психологии Б. Д. Парыгин, академик-педагог А. В. Даринский, юрист-международник И. Е. Тарханов и т. д. Создалась динамичная и свободная обстановка, как будто бы в давно запертом помещении вдруг отомкнули двери и широко распахнули окна, ворвался свежий ветер. Мы внедрили механизмы самофинансирования, что закрепило нашу самостоятельность. Таким образом, с 1991 года наш вуз стал и до сих пор остается удивительно независимым от любых внешних сил в плане подбора кадров, научной и духовной жизни.

Разумеется, наши учредители (профсоюзы) серьезно контролируют работу вуза, особенно — в финансово-хозяйственной сфере, а министерство проверяет соблюдение госстандартов и других норм. Но этот контроль осуществляется не оперативным вмешательством, а по соответствию результатов работы уставным целям и задачам.

В постсоветскую эпоху мы вступили с достойными учредителями, маститыми профессорами, реальной вузовской автономией, творческой атмосферой и желанием перемен.

Для понимания сути сотрудничества академика Лихачева с нашим вузом весьма полезно прочитать его работу «Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века»². Дмит-

¹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры. С. 67.

² Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 276–284.

рий Сергеевич пишет, что «в городах существуют районы наибольшей творческой активности», «места деятельности, куда тянет собираться, обсуждать работы, беседовать, где обстановка располагает к творческой откровенности, где можно быть в своей среде». По его мнению, тяга к творческому новаторству способствует появлению групп единомышленников. Новаторство требует коллективности и признания хотя бы в небольшом кружке людей близкого интеллектуального уровня. Эти высказывания дают ответ сразу на два вопроса, которые нам часто задают в последние годы: почему академик Лихачев избрал для сотрудничества именно наш Университет, и почему вслед за ним в СПбГУП пришли Николай Платэ, Даниил Гранин, Андрей Петров, Лев Додин, Борис Эйфман и др.

Практики посвящения в почетные доктора тогда в нашей стране не существовало. Традиция, имеющая многовековую историю, была практически забыта в советский период. Между тем к концу XX века в мировом образовательном сообществе сложились два подхода к ее реализации: приглашать в почетные доктора личностей, добившихся выдающихся успехов в сферах науки, культуры, искусства, либо в поисках практической выгоды облачать в мантии «сильных мира сего». Мы пошли по первому пути.

Идея избрать Д. С. Лихачева Почетным доктором СПбГУП родилась не случайно. Дело в том, что у нас вызвали озабоченность стремительное разрушение советской системы воспитания и отсутствие какой-либо ее замены. Как известно, **педагогический процесс** (если он есть) **представляет собой систему, важнейшим элементом которой является цель воспитания. Формирование же цели предполагает наличие идеалов.** Люди, разрушавшие Советский Союз, начали с разрушения идеалов советского времени. Образовалась очень опасная пустота, в которую стремительно входили чуждые нашим представлениям о жизни ценности.

В связи с этим **мы посчитали очень важным представить университетскому сообществу персонифицированные символы, воплощающие традиционные для человечества ценности, — людей, которые были бы официальным образом провозглашены вузом в качестве своих идеалов. И Лихачев удивительно замечательно подходил для этой роли.** Несмотря на все кипение политических страстей того времени, Дмитрий Сергеевич оказался как бы вне политики, вернее — над политикой. В пору всеобщего смятения умов **он стал олицетворением идеи служения вечным, абсолютным ценностям.** Его научный и нравственный авторитет в обществе был безупречен.

Самому Д. С. Лихачеву эта идея понравилась по другой причине. Он хотел **поддержать** динамично развивающийся, реформируемый Университет. Дело в том, что многим в нашем городе было непонятно,

что происходит в СПбГУП. А мы создавали **принципиально новую модель университета, в основе которой лежала опора на лучшие достижения отечественной и мировой культуры**. Эту модель мы назвали культуроцентристской. Радикальному реформированию подвергались юридическая и экономическая сферы жизни вуза, система воспитания, взаимоотношения между педагогами, студентами и администрацией и многое другое. Общественное мнение неоднозначно ко всему этому относилось. Одним было в принципе ненавистно наше уверенное движение вперед, другие откровенно завидовали чужим успехам, третьи опасались конкуренции и т. д. В этой обстановке Дмитрий Сергеевич счел нужным положить свой авторитет на нашу чашу весов. Характерно, что академик Лихачев за всю свою жизнь принял мантии 19 зарубежных вузов и только одного — российского.

Как посвящать в почетные доктора, никто не знал. Мы обратились за консультациями к Дмитрию Сергеевичу, и работа закипела. Университетские секретарши взялись за пошив мантии и шапочки. Несколько раз наши делегации ездили домой к Лихачеву смотреть его академический «гардероб». В итоге по его совету разработали очень скромный, строгий фасон. Затем был создан дизайн диплома, определена лаконичная форма занесения имен Почетных докторов на мраморную доску. Церемонию посвящения в доктора тоже разрабатывали с Лихачевым. Дата основания новой традиции была приурочена к 24 мая — Дню славянской письменности.

Церемония прошла в обстановке исключительного эмоционального подъема. Все чувствовали, что происходит что-то особенное. В этот день для коллектива что-то изменилось. Сознание того, что перечень наших педагогов и ученых открывается именем Лихачева, уже никогда не позволяло нам далее жить как прежде. С этого дня мы повели отсчет новейшей истории нашего учебного заведения — в качестве не просто вуза, а Университета. Позднее к 24 мая мы стали приурочивать открытия ежегодных выставок трудов наших педагогов, научные конференции, подведение итогов конкурсов научных работ студентов, презентации выпущенных в свет книг. Вслед за Дмитрием Сергеевичем нашими Почетными докторами стали: Михаил Аникушин, Георгий Свиридов, Кирилл Лавров, Мстислав Ростропович, Наталья Бехтерева, Эльдар Рязанов, Андрей Вознесенский и другие замечательные россияне.

Сейчас представляется совершенно очевидным, что **присутствие в вузе особой группы духовных лидеров** благотворно сказывается как на деятельности всего университетского сообщества, так и на личном «настрое» универсантов. Одно дело осознавать себя участником некоей учебной или научной будничной рутины, совсем другое — понимать, что твоими коллегами или учителями являются выдающиеся современники, «чьи имена звучат нам как девизы».

Церемония облачения Лихачева в нашу мантию была показана центральным телевидением. Вслед за нами многие отечественные вузы стали избирать почетных докторов. И все же, мне думается, что роль традиций в отечественном высшем образовании, при всем формальном ее декларировании, по существу недооценена. Даже в самых богатых историей университетах ее скорее ощущают интуитивно, нежели делают предметом изучения и системного конструирования.

Теперь мы убеждены, что **университет** — это не столько здание, библиотека, компьютеры, и даже не столько профессора и студенты, сколько **человеческая общность, базирующаяся на тех или иных ценностях. Каковы ценности — такова общность.** И результаты ее деятельности — соответствующие. **Мы сформировали социально-педагогическую систему, в центре которой — крупнейшие личности России и замечательные достижения отечественной и мировой культуры.** И получили желаемые результаты в виде востребованности вуза молодежью, оценок нашей деятельности государственными органами и учредителями, трудоустройства выпускников и их карьерного роста. Но все начиналось с мантии для Лихачева.

Особо следует отметить влияние Дмитрия Сергеевича на деятельность университетской кафедры культурологии. Начало было положено лекцией «Петербург в истории русской культуры», прочитанной академиком 19 мая 1993 года при посвящении его в Почетные доктора. Вскоре в учебные планы по всем специальностям СПбГУП были введены курсы «История культуры Санкт-Петербурга».

Возвращая научные долги патриарху, кафедра в последнее время внесла значительный вклад в осмысление научного наследия академика Д. С. Лихачева в сфере истории и теории культуры. Надеюсь, не только гуманитариям, но и самому широкому кругу читателей будет интересно познакомиться с выпущенной в этом году СПбГУП книгой Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» и комментариями к ней. К юбилею Дмитрия Сергеевича Университетом издан и еще один сборник: «Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов». В нем собраны материалы, появившиеся в ходе работы академика в СПбГУП. Некоторые из них публикуются впервые. Названное издание обладает ценностью документального свидетельства, позволяющего ясно представить себе мысли и чаяния Д. С. Лихачева в последние годы жизни.

Значительный интерес для читателя могут представить три текста, связанных с разработкой Д. С. Лихачевым «Декларации прав культуры» — своего рода вершины жизненного пути Великого Петербуржца. Конечно, это — особая страница в нашей совместной деятельности с Дмитрием Сергеевичем, которой Университет всегда будет гордиться. Но для исследователей наследия академика Лихачева, как мне думает-

ся, интересно и другое — возможность проследить, как изменился текст Декларации от первоначальной идеи до итогового документа, разработанного под руководством выдающегося ученого профессурой СПбГУП. Текст, завершающий сборник, создан Лихачевым как руководителем коллектива ученых-единомышленников. В таком характере этой работы видится некое послание в будущее: лидер уходит, но «продолжение следует»...

Рамки данной книги не позволяют показать, как конкретно «встраивались» в сложившуюся систему научно-педагогической деятельности Университета студенты. Но одну красноречивую деталь следует все же привести: в настоящий период в среднем каждый четвертый студент делает ежегодно доклад на молодежной секции майской научной конференции, носящей имя Дмитрия Лихачева.

Работа академика в СПбГУП показывает пример конкретной пользы крупного ученого для учебного заведения. Вместе с тем она побуждает и к размышлениям о роли университетов в содействии реализации ярких личностей не только в период их становления, но и в пору зрелости. Кроме того, очевидно, что университетский период деятельности академика стал и его особым посланием в будущее — через соприкосновение с научно-педагогическим сообществом и студенчеством.

Незадолго до ухода Дмитрия Сергеевича из жизни Университет приступил к съемкам документального фильма о Лихачеве. В одном из последних интервью Дмитрий Сергеевич обращается к молодому поколению с напутствием: «Спешите учиться, спешите получать образование», «...образованность — это основа умения честно прожить жизнь, насладиться ею, получить радость от познания мира...»¹ Эти слова звучат как определение смысла человеческой жизни.

Думается, есть глубокая внутренняя логика в том, что, получив блестящее университетское образование и проявив себя в качестве выдающегося деятеля академической науки, Дмитрий Сергеевич на завершающем этапе жизни снова приходит в университет: связь времен не должна распасться, страна должна прирастать новыми университетами и новыми Лихачевыми.

¹ Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 61.

Часть V ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ: ВИДЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

5.1. О ФИЛОСОФСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ЛИХАЧЕВА

Научное наследие академика Лихачева в своей основе, безусловно, имеет определенную **философскую составляющую**, хотя личные взаимоотношения ученого с философским «цехом» научного знания были непростыми.

По всей видимости, сам Д. С. Лихачев не причислял себя к философам. В связи с этим особый интерес представляет мнение академика А. А. Гусейнова: «Лихачев, кажется, не очень любил философию, и я не знаю, насколько хорошо он ее знал. Однажды он даже предложил исключить философию из числа экзаменов кандидатского минимума в аспирантуре, чем огорчил своих коллег-гуманитариев из философского цеха. Каким бы, однако, ни было отношение к философии, его рассуждения о культуре в действительности имеют философскую природу»¹.

С другой стороны, в предисловии к моей статье «О философской составляющей воззрений Дмитрия Лихачева» редакция журнала «Вопросы философии» пишет об ученом: «В сферу его интеллектуальных интересов естественно входила и философия. И хотя она не была непосредственно в центре его профессиональной научной работы, сама эта работа, ее уровень, с необходимостью предполагали философскую компетентность. Его идеи “концептосферы национального языка” и направленности развития культуры имеют явные философские коннотации. И когда изменения, произошедшие в нашей стране, представили ему такую возможность, Дмитрий Сергеевич начал публиковать работы, прямо затрагивающие и философскую тематику. Уже в 1969 году появилась его первая публикация в “Вопросах философии” (беседа “Древнерусская культура и современность”). В 1990 году в нашем журнале была опубликована важная статья Дмитрия Сергеевича “О национальном характере русских”. В 1996 году вышли в свет его “Очерки по философии художественного творчества”. В 1994 году Дмитрий Сергеевич Лихачев вошел в редколлегию нашего журнала. Его работа в этом

¹ Гусейнов А. А. О культурологии Д. С. Лихачева // Гусейнов А. А., Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева / СПбГУП. СПб., 2006. С. 25.

качестве, его научный и общественный авторитет оказали заметное влияние на становление нынешних традиций нашего издания»¹.

Здесь стоит напомнить следующее. **В традиции отечественной философии, начиная с очень давних, допетровских, времен собственно академическая философия замещалась чем-то иным.** До XVIII века философия в России прячется внутрь религиозной тематики, включая споры иосифлян и нестяжателей, сторонников реформы патриарха Никона и старообрядцев и т. д.

Появившаяся в послепетровскую эпоху академическая философия развивалась в России в трудных условиях. Как писал впоследствии Г. Г. Шпет: «Профессора философии подвергались самой глупой цензуре, и их жалкое преподавание должно было протекать в атмосфере доносов, преследований и нелепых указаний на истинное направление, которого они должны держаться»². А в начале XIX века министр народного просвещения князь Ширинский-Шихматов вообще ее запретил — так, ему приписывают следующие слова: «польза от философии не доказана, а вред от нее возможен»³. В результате лучшие наши философы того времени, начиная с западников и славянофилов, — литераторы или литературные критики. Отчасти эта традиция была продолжена в России и XX веке, и философия «была допущена» преимущественно на страницы толстых литературных журналов. В одном из словарей первых лет советской власти писалось, что «марксизм окончательно вытеснил философию из общественной жизни»⁴.

Д. С. Лихачев — прямой продолжатель неакадемической традиции русских философов, в том числе и постольку, поскольку по департаменту философии в Академию наук СССР (не рассматривая современность) избирались не А. Ф. Лосев или М. М. Бахтин, отлученные в свое время от академической философии, а в основном не очень интересные персонажи, работы которых теперь мало кто помнит.

Говорить о философских взглядах академика Лихачева как минимум непросто, потому что в его текстах нет прямого их изложения. Если же пытаться вырвать его философские рассуждения из окружающего их контекста, то можно получить достаточно странные результаты.

Так, академик в одной из наших дискуссий утверждает: «70 лет нас воспитывали в пессимизме, в философских учениях пессимистического характера. Ведь марксизм — это одно из самых отчаянно пессимистических учений. Материя преобладает над духом, над духовностью —

¹ Вопросы философии. 2006. № 12. С. 95.

² Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г. Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 42–43.

³ Там же. С. 260.

⁴ Настольный энциклопедический словарь-справочник. М.: Прометей, 1926.

одно это положение говорит уже о том, что материя, то есть низменное начало, первична, и с этой точки зрения разбирались все литературные, художественные произведения»¹.

У философа-профессионала сразу возникает желание пойти в «лобовую атаку» на этот текст. В самом деле, оптимизм и пессимизм характеризуют определенное видение мира человеком, а материализм и идеализм — это про другое, про вопрос — что первично. А поскольку дважды два — четыре, то и комбинаций вышеуказанных категорий тоже четыре.

Например, философия Шопенгауэра — пессимистический идеализм, а у Маркса — материализм, но вполне оптимистически звучащий в социальном смысле (для его единомышленников, разумеется): «Грядет час капиталистической эксплуатации. Экспроприаторов экспроприруют!» Если спросить сегодня историка: «Скажите, музыка революции оптимистична по своему звучанию?», то, скорее всего, последует встречный вопрос: «Для кого?»

Известен случай, как один доцент кафедры истории КПСС заказал в Ленинградской библиотеке АН СССР статью по первым словам названия — «Ряды исчезающих классов...». Он был сильно удивлен, когда выяснилось, что это работа по высшей алгебре. А он-то думал — про буржуазию...

С другой стороны, когда Д. С. Лихачев указывает, что литературные произведения разбирались с точки зрения первичности материи, вспоминается идеологизированная вульгарная литературно-художественная критика 1930–1950-х годов. Скорее всего, именно такое вмешательство философии в дела литературы обусловило не вполне благоприятное отношение Дмитрия Сергеевича к философии как академической дисциплине.

Академик утверждает в процитированном выше выступлении, что «материя — низменное начало». «Низменное» оно в сравнении, разумеется, с духом, с духовностью, но перед нами — вовсе не ответ на вопрос «что первично». Если с материей связывать природное начало, а с духовностью — культуру, то перед нами одна из двух возможных природно-культурных парадигм. Та, согласно которой культура улучшает природу, в том числе и природу человека; приобщиться к культуре в этом случае как раз и означает возвыситься духовно, а не материально. Представителями второй природно-культурной парадигмы были Ж.-Ж. Руссо, З. Фрейд и, в известной степени, Л. Н. Толстой. По их представлениям, культура в той или иной мере испортила человека, искажив его естественные наклонности, надстроив над его природными свойствами целый ряд искусственных ценностей.

¹ Д. С. Лихачев — Университетские встречи: 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 69–70.

Что сказал бы по этому поводу академик? — «Нельзя путать культуру и государство, культуру и цивилизацию»¹. То есть он не готов увидеть в человеческих трудностях и проблемах вину собственно культуры. Подобная позиция расценивалась целым рядом представителей русской философской мысли, в частности Н. А. Бердяевым, не говоря уже о философах 1860–1870-х годов, как культуropоклонство.

Интересно, что в своих работах — в частности таких, как «Русская культура Нового времени и Древняя Русь» и «Русская культура в современном мире», — Дмитрий Сергеевич демонстрирует значительный интерес к трудам многих известных русских философов от Чаадаева до Бердяева включительно, вступая подчас с ними в скрытую, а иногда и явную полемику.

Таким образом, обратившись всего к одному фрагменту выступления Д. С. Лихачева, можно убедиться, что его философские воззрения требуют весьма основательного исследования.

Но есть и другие, не менее интересные для философов фрагменты лихачевского наследия. В комментариях к «Избранным трудам» ученого академик А. А. Гусейнов показывает, насколько современна и актуальна содержащаяся в них проблематика, и далее пишет о Д. С. Лихачеве: «Он даже поставил вопрос о правах культуры (выражение, которое, как я понимаю, имеет фигуральный смысл)»². Это замечание виднейшего современного философа России весьма интересно и вызывает желание поспорить.

Действительно ли, создавая «Декларацию прав культуры», академик Лихачев свел название столь важного для него документа к риторической фигуре, к метафоре? С этим можно было бы согласиться, если бы не заглавия таких известных работ ученого, как «Заметки о русском»³, «Письма о добром»⁴.

Сам смысл данных названий при беглом прочтении не совсем ясен. Почему не о «русском народе» или о «добром человеке»? — Думается, потому, что «добрый», «русский», «права культуры» — это для Д. С. Лихачева **универсалии**. Ученый возвращает нас здесь к центральной для средневековой европейской философии проблеме универсалий. Казалось бы, вместо «возвращает» можно было бы написать «реанимирует», но интенция, звучащая в этом глаголе, не годится по сути дела. Проблема универсалий и не умирала, более того, как существенный

¹ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 197.

² Гусейнов А. А. О культурологии Д. С. Лихачева. С. 27.

³ Лихачев Д. С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. М.: Сов. Россия, 1984.

⁴ Лихачев Д. С. Письма о добром. Пенза: Департамент культуры Пенз. обл., 1996.

элемент философской культуры она дает о себе знать в разных областях науки.

Известно, что сами основные аспекты существований универсалий сформулированы Проклом в «Первоосновах теологии»¹ — **до вещи, наряду с вещью и после вещи** (в латинских переводах соответственно **existentia ante rem, existentia in re, existentia post rem**). Напомним, что в отношении универсалий возможны три варианта философской методологии, соответствующие **реализму, концептуализму и номинализму**. Реализм принимал все три альтернативы, номинализм их все отбрасывал, а концептуализм отвергал лишь вариант существования универсалий до вещи.

Если при этом переместить акценты к теме сущности, то существование сущности (*ante rem*) — это платонизм, наличие сущности наряду с вещью (*in re*) требует постановки дополнительного вопроса: идет ли речь о сущности в родовом смысле или о сущности индивида. Если первое, то перед нами вариант средневекового учения о субстанциональной форме, если второе — это раскритикованный К. Поппером индивидуальный эссенциализм. Крайне расширительно истолкованная позиция К. Поппера привела многих специалистов в философии науки к попытке изгнания универсалий из научной методологии. Так, в формулировке научного *credo* одной уважаемой ученой дамы говорится, что ею «подвергаются критике концепции, так или иначе допускающие самостоятельное существование абстрактных сущностей, показывается, что данное допущение есть путь к тому, чтобы населить универсум философских рассуждений магическими объектами и отношениями»².

Если здесь идет речь о самостоятельном существовании в значении *ante rem*, то вопросов не возникает. Но отвержение второй альтернативы — существование сущности *in re* создает трудно разрешимые проблемы в сфере гуманитарных наук, имеющих дело с развитой понятийной сферой.

Проще всего это заметно в таких областях, как мораль и право. Допустим, можно трактовать название «комиссия по охране прав детства и материнства» в номиналистическом духе: «детство» есть множество детей, а «материнство», соответственно, множество матерей. Но юристы вряд ли согласятся с такой трактовкой. Права детства не заканчиваются детьми, включая сложный комплекс правоотношений в сфере семьи, школы и других институтов. Материнство не есть совокупность матерей, поскольку оно включает также проблемы женщин, которые только готовятся к рождению ребенка и многое другое.

¹ Трактат Прокла «Первоосновы теологии» // Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. С. 594–595.

² Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды / авт.-сост. А. П. Алексеев [и др.]. М.: Книга и бизнес, 1993. С. 170.

Антиноминалистическая позиция присутствует весьма четко в тексте созданной под руководством академика Д. С. Лихачева «Декларации прав культуры»: «Культура не ограничивается памятниками культуры и истории... Театр — это не только отдельные постановки, хотя бы и взятые в целом. Искусство — это не совокупность памятников культуры, как и история — не совокупность документов о прошлом. Ювелирные изделия не составляют собой ювелирное искусство. Произведениями живописи не ограничивается живопись»¹.

Нам следует понять причины, подвигшие глубокоуважаемого академика на столь антиноминалистически звучащий пассаж.

То, что методология естественных наук в XX веке — еще со времен логического эмпиризма — насквозь пронизана номинализмом, общеизвестно. В этом случае универсалии в науке интерпретируются, по выражению Е. Е. Ледникова, всего лишь «как удобная манера речи»². Видимо, это же имеет в виду А. А. Гусейнов, употребляя выражение «фигуральный смысл».

Для изгнания теоретических терминов из научной методологии в середине прошлого века даже была предложена сложнейшая процедура Рамсей-элиминации, сводившая общее к совокупности единичных случаев. Но Рамсей-элиминация не эффективна даже в естественных науках, за исключением очень простых случаев. Что касается случаев сложных, то обратимся к примеру Рамсей-элиминации, проводившейся лет за 400 до Рамсея в сфере гуманитарной, да к тому же художественной. Имеется в виду пример из творчества великого представителя Северного Возрождения Питера Брейгеля-старшего. Речь идет о его графических листах «Пороков и Добродетелей». Если аллегории французских раннеготических соборов (церковь и синагога, семь разумных и семь неразумных дев) пытаются явить добродетели и пороки в их чистом, сущностном виде, лишенные акциденции, под которой понимается их конкретное жизненное проявление, то перед нами концептуалистическая трактовка данной темы. В свою очередь в графических листах «Пороки» (1556–1557) и «Добродетели» (1559–1560) каждый из пороков и, соответственно, добродетелей показан в виде большого количества конкретных примеров. Вот, например, графический лист «Гнев» (Ira). На листе множество разных людей и монстров в многообразных проявлениях гнева и ярости. Это и ярость войны, и гнев, обращенный к самому себе в виде существа, впивающегося в собственную руку; есть сцена, на которой в котле, подвешенном над костром,

¹ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры и ее международное значение // День науки в СПбГУП / СПбГУП. СПб., 1996. С. 35–36.

² Ледников Е. Е. Критический анализ номиналистических и платонистических тенденций в современной логике. Киев, 1973. С. 50.

мужчина и женщина не замечают, что вода уже готова закипеть, поскольку захвачены самозабвенной яростью любовной страсти. Это и есть номинализм в формулировке У. Оккама как «целостная единичная направленность», как «высказывающаяся о многом — не о себе самой, но о самих вещах».

Но, допустим, в отношении графического листа «Лень» (*Desideria*) все ясно. Перед нами множество проявлений человеческой лени вплоть до крайних, когда на черепице крыши дома сами по себе жарятся блины, но человеку лень протянуть за ними руку из окна. А как быть с графическим листом «Вера» (*Fides*)? Он композиционно поделен на три части. Если в отношении центральной из них все понятно (женская фигура, символизирующая веру, стоит на раскрытом саркофаге), то, взглядевшись в лица людей, собравшихся на мессу, недоумеваешь — при чем здесь вера? Их лица вульгарны, нет ни малейшего оттенка благочестия. Полное невнимание к проповеди: один зеваает, другой дремлет, женщина ухмыляется.

Казалось бы, все ясно — художник изобразил свое отношение к мессе, но концептуально перед нами проблема. Если мы разбиваем общее на некую совокупность его единичных проявлений, то где гарантия, что перед нами та самая совокупность, а не другая? В листе «Вера» наряду с проявлениями веры имеет место полнейшее безверие.

То есть, если вернуться к тому, о чем пишет Д. С. Лихачев, но рассматривать культуру не как целостность, а как множество единичных ее проявлений в реальной жизни, то что гарантирует различие культуры и антикультуры? Как единичные объекты, и те и другие (объекты культуры и антикультуры) подчас неразличимы. Пример последних — особняки «новых русских» по периметру охранной зоны Древнего Новгорода. Каждый из особняков внешне вполне симпатичен и вроде ничему не мешает, но вся застройка в целом разрушительно антикультурна. Впрочем, примеры такого рода можно приводить до бесконечности.

Смысл философско-методологической позиции академика Д. С. Лихачева, думается, состоит в следующем. Математизированное естествознание XX века обнаруживает осязаемый крен в сторону номинализма. Номинализм в науке XX века пытался проложить путь, обратный тому, по которому шло естествознание XIX века, точнее, второй его половины. Как писал Б. С. Грязнов: «Если классический интуитивизм ставил перед собой задачу выработать такой логический аппарат, который позволял бы надежными способами выводить общее утверждение науки (законы) из единичных утверждений об эмпирической действительности, то неопозитивизм, имея в руках развитый аппарат логико-дедуктивных систем, стремился свести общее утверждение к единичным»¹.

¹ Грязнов Б. С. Логика, рациональность, творчество. М.: Наука, 1971. С. 147.

Именно **недостатки позитивистской научной методологии и почувствовал Д. С. Лихачев**. Культура — живое, развивающееся явление, его невозможно инвентаризировать в принципе, повесив на каждый объект, как на музейный экспонат, бирку с номером, да и невозможно предвидеть характер развития культуры.

Но **как целостная система культура способна отделить себя от своей противоположности — антикультуры и бескультурия**. Это блестяще показано академиком Лихачевым в работе «Экология культуры»¹. Он объяснил, что **культура держится на внутренней связи элементов целого** и, что в данном случае принципиально, ведет себя как организм. Отличие организма от механизма состоит в том, что в первом случае целое больше, а во втором — равно сумме его частей. И потому **изучение культуры и, в первую очередь, гуманитарной культуры может потребовать методологии, отличной от методологии естественных наук**. Как пишет известный американский философ П. Стросон: «Философия естественных наук еще не вся философия»².

Напрашивается вывод о малоизученном **способе сохранения гомеостатического равновесия в методологии современной науки**. Номиналистический крен, видимо, следует, и это понял Д. С. Лихачев, компенсировать подчеркнутым концептуализмом методологии гуманитарных наук, и если кому-то отмеченный выше акцент на универсалиях в названиях его работ кажется несколько излишним, то надо вслед за академиком научиться видеть и опасность противоположной крайности. «Не перегибешь — не выпрямишь», — как говаривал когда-то Мао Цзэ-Дун. Впрочем, рассуждая в духе модной ныне деконструкции, можно допустить, что это было сказано значительно раньше.

Не претендуя на всесторонний анализ философской составляющей взглядов Д. С. Лихачева, приведу лишь еще одно высказывание об ученом из рассмотренной ранее статьи Р. Милнер-Гулланда: «В основе его работ по текстологии лежит не придирчивая формалистическая педантичность, а глубокий философский интерес к природе и значимости текста... В своей работе “Эстетическая оценка и текстологическое исследование” он противопоставляет — без предпочтения — “статичность” эстетического подхода к тексту и “динамичность” исторического подхода. Подобное противопоставление статичности и динамики проходит через все его работы на культурно-исторические темы, придавая им устойчиво диалектический характер: не кажется ли вам весьма интересным наблюдать, как он пытается через эту диалектику пересмотреть

¹ Лихачев Д. С. Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 330–347.

² Strawson P. Individuals // Philosophical problems today. Dordrecht, 1994. Vol. V. № 1. P. 28.

“древний спор” между философией и поэзией, который Платон считал столь увлекательным? Во всяком случае, мне представляется, что он является самым значительным из постгегелианских мыслителей и историков, в котором глубокое стремление понять движущие силы прошлых столетий сочетается с живым оптимизмом и, может быть, неожиданной верой в возможность культурного прогресса»¹. Слова зарубежного исследователя побуждают к размышлению о неисполненном долге отечественных гуманитарных наук по освоению научного наследия Дмитрия Сергеевича во всей его многогранности и глубине.

То, что Д. С. Лихачев не причислял себя к философам, не должно мешать нам снова и снова вчитываться в его работы. Думается, при всей внешней простоте изложения философские размышления Лихачева содержат немало недопонятого и недооцененного современниками.

¹ *Mulner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906–1999) // Slavonica. Sheffield, 1999/2000. Vol. 6. № 1. P. 150.*

5.2. ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ Д. С. ЛИХАЧЕВА

В России завершился Год академика Д. С. Лихачева, провозглашенный специальным Указом Президента РФ В. В. Путина¹. Научное сообщество отметило юбилей ученого традиционно — проведением ряда научных конференций² и переизданием многих его трудов³. Были открыты интернет-сайты, специально посвященные научной деятельности и биографии академика⁴, издан ряд не публиковавшихся ранее его работ⁵.

¹ О праздновании 100-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева: Указ Президента РФ от 14 февраля 2006 г. № 110 // СЗ РФ. 2006. № 8 (20 февр.). Ст. 906.

² Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: матер. науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук; отв. ред. А. П. Деревянко. М.: УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2006; Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 г. / РАН, РАО, Конгресс петербург. интеллигенции, СПбГУП; сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. СПб.: СПбГУП, 2006; Культурное наследие Древней Руси: III Лихачевские чтения: междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 27–30 ноября 2006 г. [организаторы: Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) и др.]; Роль духовного наследия Д. С. Лихачева в воспитании подрастающего поколения в сфере художественного образования: междунар. науч.-практ. конф. Москва, 19–20 декабря 2006 г. [организаторы: МГУКИ и др.] и др.

³ *Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре* / СПбГУП. СПб., 2006. (Почетные доктора Университета); *Он же. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет*: [в 3 т.] / сост. О. В. Панченко, М. А. Федотова, И. В. Федорова. СПб.: Арс, 2006; *Он же. Заветное*: [сб.] / авт. проекта и сост. А. А. Лиханов; вступ. слово Д. А. Гранина. М.: Издат. образ. и культ. центр «Детство. Отрочество. Юность», 2006; *Он же. Избранное: мысли о жизни, истории, культуре* / сост., подг. текста, вступ. ст. Д. Н. Бакуна. М.: Рос. фонд культуры, 2006; *Он же. Письма о добром* / [предисл. пред. Совета федерации Федерального собрания РФ С. М. Миронова]. СПб.: Logos, 2006; *Он же. Раздумья о России*. [3-е изд.]. СПб.: Logos, 2006 и др.

⁴ Площадь Д. С. Лихачева: [Электронный ресурс] / СПбГУП. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.lihachev.ru/> — Загл. с экрана; Год академика Лихачева: [Электронный ресурс] / Междунар. благотвор. фонд им. Д. С. Лихачева. Электрон. дан. Режим доступа: <http://likhachev100.fond.spb.ru/> — Загл. с экрана.

⁵ Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006.

В результате значительно расширились представления о круге научных интересов Д. С. Лихачева, были признаны научными многие его работы, относившиеся ранее к публицистике¹. Литературовед и историк культуры получил признание и как теоретик культуры, искусствовед. Интерес к его наследию проявили ученые-педагоги, философы, юристы и представители других отраслей научного знания. Не случайно на заседании Отделения историко-филологических наук РАН в декабре 2006 года было предложено относить академика к числу ученых-энциклопедистов, типу исследователей, практически не встречающегося в науке начиная со второй половины XX века².

Возможно, экономика осталась едва ли не единственной из «нетехнических» наук, в которой заслуги Д. С. Лихачева не выявлены, не обсуждены и не получили высокой оценки. Такое положение, на первый взгляд, представляется совершенно справедливым: у ученого не только не было специальных трудов, посвященных данной сфере человеческой деятельности, но и практически не встречается даже отдельных упоминаний экономических факторов, процессов, явлений.

Во всяком случае, чтобы отыскать хотя бы какие-то фразы на темы экономики в 1337 известных на конец 2006 года публикациях академика³, нужно весьма постараться. «Распад Киевского государства был вызван новыми экономическими и политическими условиями, создавшимися в связи с ростом производительных сил в местных феодальных центрах»⁴; «...быстрое экономическое развитие русских земель, разви-

¹ См. например: *Гусейнов А. А.* Культурология Дмитрия Лихачева: коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» / А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий; СПбГУП. СПб., 2006; *Запесоцкий А. С.* Дмитрий Лихачев: многогранность научного наследия / СПбГУП. СПб., 2006. (Избранные лекции Ун-та; Вып. 47); статьи А. С. Запесоцкого: Д. С. Лихачев — выдающийся гражданин, просветитель, ученый // Вестник РАН. 2006. Т. 76. № 11. С. 1026–1030; О философской составляющей воззрений Дмитрия Лихачева // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 95–98; Нам предстоит узнать Дмитрия Лихачева // Вопросы культурологии. 2006. № 8. С. 9–13; Академик Лихачев: взгляд из XXI века // Наука и жизнь. 2006. № 12. С. 16–21 и др.

² *Янин В. Л.* Век Лихачева // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: матер. науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук; отв. ред. А. П. Деревянко. М., 2006. С. 8; *Запесоцкий А. С.* Дмитрий Лихачев — многогранность научного наследия // Там же. С. 26.

³ См.: Библиография работ Д. С. Лихачева // Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог / СПбГУП. СПб., 2007. С. 215–290. (Новое в гуманист. науках; Вып. 21).

⁴ *Лихачев Д. С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М.: Современник, 1979. Гл.: «Слово о полку Игореве». С. 165.

тие ремесел и разделение труда, приводившее к усиленному торговому обмену между отдельными областями, экономически подготовляло постепенное политическое объединение русских земель в единое централизованное государство»¹; «...в XII веке на базе развития феодального способа производства, на базе развития основного классового противоречия феодального общества — между феодалами-землевладельцами и закрепощаемыми крестьянами — происходит борьба сил раздробленности и централизации»²; «...Киев продолжает, тем не менее, играть прежнюю роль политического и культурного центра Русской земли, продолжая расширяться, богатеть и украшаться. Растет и крепнет киевское ремесло и торговля, строятся новые храмы и княжеские “дворы”, растут монастыри»³, — вот, пожалуй, и вся «экономическая теория», которую можно найти в трудах ученого в период с 1946 по 1980 год.

Знакомство с научным наследием академика, да и с воспоминаниями современников, описывающих его личную жизнь, создает впечатление, что вся деятельность Дмитрия Сергеевича прошла как бы вне экономических реалий и категорий. «У деда, как у многих интеллигентов старого образца, не было стремления не то чтобы к роскоши, но даже к некоторой благоустроенности. Деда не волновало, где жить — в центре или на окраине, какие в квартире потолки, балконы, интерьер. В 70-е мои родители стали собирать старинную мебель — покупали красное дерево в комиссионном на улице Марата, потом реставрировали, иногда папа это делал собственноручно, — и расставляли со вкусом и логикой. Дед беспощадно клеймил это занятие: “Мещанство, стыдно, недостойно!”» — пишет внучка ученого⁴. Говоря о периоде 1970–1980-х годов, писатель Д. А. Гранин отмечает: «Лихачев был очень обеспеченным человеком. Ему хорошо платили за его работы. У него было много изданий у нас и за границей, зарубежных и наших наград и премий. Он мог позволить себе очень многое, но не позволял. <...> Он жил скромно, потому что считал, что так должен жить интеллигентный человек»⁵.

¹ Лихачев Д. С. Культура русского народа X–XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Гл.: Русская культура после татаро-монгольского нашествия до образования русского централизованного государства. С. 42.

² Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Гл.: «Слово о полку Игореве» в становлении русской литературы. С. 182.

³ Тиханова М. А. Оборона древнерусских городов / М. А. Тиханова, Д. С. Лихачев. Л.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1942. Гл.: Киев — мать городов русских. С. 18.

⁴ Курбатова З. Ю. [Воспоминания о Д. С. Лихачеве] // Дмитрий Лихачев и его эпоха. Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост. и отв. ред. Е. Водолазкин. СПб.: Logos, 2002. Разд.: Дом. С. 40.

⁵ Гранин Д. А. Он был министром той культуры, которой власть не занимается / [беседу вел М. Рутман] // Очень^{UM}. 2006/2007. № 1, спец. вып.: к 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 22.

Можно предположить, что если бы не идеологические требования к публикациям того времени, то и процитированные выше фрагменты в его трудах, формально связанные с экономической теорией советского времени, не были бы написаны. Так же, впрочем, как не были бы включены в работы и чрезвычайно редко встречающиеся ссылки на Карла Маркса, Владимира Ленина и других официальных классиков советского времени.

Более того, знакомство с текстами академика перестроечного и постперестроечного периодов позволяет говорить чуть ли не о некоем его «антиэкономизме»: к примеру, существуют прямые высказывания Д. С. Лихачева о том, что интеллигент не имеет права при принятии принципиальных, общественно значимых решений руководствоваться материальными соображениями. «Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, **коммерческих** (выделено мною. — А. З.) и даже просто карьерных»¹, — говорит он в одной из дискуссий по проблемам интеллигенции, организованных нашим Университетом в середине 1990-х годов.

И все же оказаться совсем в стороне от вопросов экономики Д. С. Лихачеву не удалось. Ведь «антиэкономизм» — это тоже экономические воззрения, только особого рода. Если перефразировать одного из отечественных классиков, то следует признать, что невозможно жить в обществе и быть свободным от мыслей о его экономических отношениях.

Разумеется, Дмитрий Сергеевич не принадлежал к какой-либо экономической школе. Однако, думается, что его идеи ближе всего к институциональному направлению экономической мысли. Лихачева можно назвать «интуитивным институционалистом», который не придавал решающего значения рынку.

В современной экономической теории появилась дискуссионная, но весьма интересная точка зрения на дореволюционную Россию, отрицающая в принципе наличие в ней капиталистического рынка в его классическом (западном) понимании. В числе ее авторов можно назвать американского профессора Ричарда Пайпса. В изданной у нас в стране в 1993 году монографии «Россия при старом режиме»² он утверждает, что в дооктябрьской России буржуазия как класс вообще не сформировалась. От констатации отсутствия у нас буржуазии как движущей силы рыночной экономики Пайпс перебрасывает мостик к неразвитости, «не-

¹ Лихачев Д. С. Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества: [выступл. на дискус. «Судьба российской интеллигенции», 23 мая 1996 г. Дворец Белосельских-Белозерских] // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 38.

² Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

внедренности» в России ключевых экономических ценностей Запада. В данном отношении американский экономист предлагает по сути дела признать Россию качественно иным, недоразвитым по сравнению с Западом, «отставшим навсегда» типом цивилизации.

Разумеется, идея «вечного отставания» не могла быть воспринята позитивно российскими коллегами Пайпса, из-за чего его концепции, по всей видимости, и подверглись серьезной критике (назовем хотя бы публикацию А. А. Галагана¹). Вместе с тем в позиции американского ученого содержалось, очевидно, и некое рациональное зерно: отечественный дореволюционный капитализм проявлял определенные специфические особенности. Не случайно профессор Р. Гусейнов пишет: «С середины XIX века Россия начала длительный путь формирования буржуазных производственных отношений. К XX веку она подошла в переходном состоянии, когда ни одна содержательная характеристика капитализма не существовала в развитом виде. Капиталистическая экономика существовала лишь как тенденция, а не как система»².

Если полагать, что во всей дореволюционной истории России капиталистического рынка не было, тогда, разумеется, в отечественной истории его не было никогда. В связи с этим и **позицию Д. С. Лихачева, игнорировавшего сколь-нибудь существенное значение рынка, следует признать естественной.** Здесь важно отметить, что в целом ряде исследований Дмитрий Сергеевич использовал метод прямых интуиций. Огромный массив базовых знаний помогал ему нередко формулировать итоговые выводы сразу после постановки проблемы, без традиционной цепочки логических обоснований. Необходимо заметить также, что в истории, культурологии, педагогике и ряде других направлений развития научного знания лихачевские выводы означали существенное продвижение вперед.

С учетом сказанного представляется уместным вернуться к тезису об интуитивном институционализме Дмитрия Лихачева.

Современное понимание институционализма хорошо просматривается в работах целого ряда отечественных авторов. Упомянем, к примеру, К. Ляско³, А. Шаститко⁴ и процитируем профессора Л. Бляхмана: «Институциональная концепция структурных реформ в наибольшей

¹ Галаган А. А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. М.: Ось-89, 1997.

² Гусейнов Р. История экономики России: учеб. пособие. М.: ИВЦ «Маркетинг»: ЮКЭА, 1999. С. 216.

³ Ляско К. Доверие и транзакционные издержки // Вопросы экономики. 2003. № 1.

⁴ Шаститко А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. 2003. № 1.

степени соответствует условиям России», — пишет он. И далее продолжает: «Социальный институт — совокупность формализованных (правовых) и неформальных (традиции, привычки, корпоративная, деловая и трудовая мораль) внешних норм, а также социальных систем (административной, судебной, правоохранительной, информационной и т. д.), регулирующих совместную деятельность людей, поведение хозяйственных субъектов. Социальные институты — это совокупность правил, механизмов их реализации и норм поведения, которые превращают множество предприятий и других организаций в социально-экономическую систему, обеспечивают их эффективное взаимодействие»¹.

Л. С. Бляхман обращает внимание на то, что в рамках институциональной теории экономика рассматривается как подсистема общества, а рыночные реформы и увеличение валового продукта — лишь как средство решения задач общественного развития, но не как самоцель. Поведение хозяйствующих субъектов в связи с этим определяется не только законами макро- и микроэкономики, но и степенью доверия между гражданами и социальными институтами, уровнем защищенности личности и собственности и т. д. Неэффективная экономика России в контексте этой теории обусловлена низкой деловой активностью массы населения и неудовлетворительным управлением. Отсюда вытекает необходимость придания реформам, в первую очередь, характера преобразования институциональной среды рыночной экономики².

Таким образом, в рамках институционального подхода логично полагать, что сегодняшние проблемы российских трансформаций связаны с недостаточно высокой культурой производства, экономической деятельности, что в свою очередь коренится в низкой общей культуре российского общества. **Будучи стихийным институционалистом, Д. С. Лихачев и ощущает интуитивно, что рынок — важный, но далеко не самый главный и уж тем более не единственный институт общества. И попытки государства абсолютизировать его роль в практической деятельности имеют губительные последствия.**

Весьма интересны в связи с этим идеи профессора В. Т. Рязанова о значении иных (помимо рынка) факторов: «То, что человек и особенно его поведения играют весьма значительную роль в экономико-теоретических построениях, подтверждается и тем, что нередко само определение предмета экономической науки указывает на важность такой связи. В известной трактовке предмета экономической теории Л. Роббинс определял ее как науку, «изучающую человеческое поведение с

¹ Бляхман Л. С. Фирма и структурные реформы в России: реальность и мифы // Мир фирмы: [сб. науч. ст.] / под ред. И. П. Бойко, Л. С. Бляхмана, Е. Г. Черновой. СПб.: ОЦЭиМ., 2005. Вып. 1. С. 46.

² Там же. С. 46–47.

точки зрения соответствия между целями и ограниченными ресурсами, которые могут иметь различное употребление»¹. Данный автор указывает, что «выбор определенной модели человека в экономической теории можно рассматривать в качестве важной методологической предпосылки, от обоснованности которой во многом зависит достоверность ее содержательных выводов и рекомендаций». И далее пишет: «...обоснование модели человека не может быть ограничено узкоэкономическим подходом, опирающимся на принцип рациональности, оно должно учитывать влияние морально-ценностных норм, а потому анализировать соотношение экономики и этики»².

Более того, капиталистическая рыночная модель экономики отнюдь не универсальна. Из стран, придерживающихся этой модели, отнюдь не все добиваются процветания. Нельзя не согласиться с еще одним высказыванием профессора В. Т. Рязанова: «Нужно иметь в виду, что большая роль нерыночных форм хозяйствования не столько отражает неразвитость или запаздывание в развитии, сколько выступает признаком включенности и интегрированности экономики в более сложную систему социальных отношений. В связи с этим отметим, что обособление экономики в жизни общества остается уникальным и до сих пор в полной мере не воспроизводимым примером именно западной модели цивилизации (прежде всего Европы и США), превратившей экономическую рациональность в доминирующую черту поведения индивидов и функционирования общественного организма. Даже Япония и страны НИС, добившиеся во второй половине XX века замечательных экономических результатов, опирались в своем успехе в большей степени на другие основания»³.

Для России нерыночные формы хозяйствования изначально были преобладающими. К примеру, Петр I создал командную экономику, в которой принцип экономической целесообразности не был ведущим. На рубеже XIX–XX веков страна начинает реформы, которые направлены на формирование капиталистических отношений, но серьезных успехов в формировании новых экономических отношений не достигает. В стране господствовала нерыночная идеология, которая являлась серьезным тормозом для капиталистических экономических отношений. «Для того чтобы мог произойти соответствующий специфике капитализма “отбор” в сфере жизненного уклада и отношения к профессии, то есть для того, чтобы определенный вид поведения и представле-

¹ Роббинс Л. Предмет экономической науки // Thesis: теория и история эконом. и соц. ин-тов и систем: альм. 1993. Т. 1, вып. 1. С. 18.

² Рязанов В. Т. Антропологический принцип в экономике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2006. Вып. 1. С. 4.

³ Там же. С. 13.

ний одержал победу над другими, он должен был, разумеется, сначала возникнуть, притом не у отдельных, изолированных друг от друга личностей, а как некоторое мироощущение, носителями которого являлись группы людей», — писал Макс Вебер¹.

Нельзя не согласиться с профессором Р. Гусейновым, что «буржуазия создает для себя и идеологию, соответствующую новой экономической системе. Такой идеологией в Западной Европе стал, с одной стороны, протестантизм, с другой — либерализм. Буржуазия создала подлинный культ хорошо работающего, добродетельного и добросовестного человека, удача к которому приходит благодаря его способности трудиться и разумно рисковать. И с этим условием развития капитализма в России было не все в порядке. Здесь, напротив, до XX века господствовали иные идеологические установки: православие, самодержавие, соборность, общинность. Особую роль в консервации нерыночной идеологии сыграла ортодоксальная православная церковь, оказавшаяся неспособной к какой-либо прогрессивной эволюции. Еще в 1728 году специальным указом Петра II были приняты меры против протестантской пропаганды»².

В России рыночная система в жизни общества никогда не играла столь существенной роли, как на Западе, и, думается, именно потому ученые-обществоведы не уделяли ей большого внимания, уверенные в том, что прогрессивные изменения лежат в другом измерении. Несомненно, **академик Лихачев осознавал, что в стране господствовала командная система, бороться с которой и что-то изменять можно было только изменяя общественное сознание, повышая культурный уровень общества.** Основным мотивационным механизмом отечественной системы является принуждение, а в крайнем варианте — насилие, которое он испытал на себе. Все вместе взятые соображения не вызвали у ученого стремления вторгаться в решение чисто экономических проблем. Но с точки зрения изменения институтов общества, оказывающих влияние на создание благоприятной экономической среды, его работы имеют существенное значение.

Без лихачевских идей вряд ли возможно решение таких проблем, как воссоздание в новых условиях корпоративной культуры и этики, формирование новой трудовой морали, социальной ответственности бизнеса и др. В связи с этим закономерно, что научные воззрения Д. С. Лихачева оказались востребованными в дискуссиях экономистов в конце XX — начале XXI века. Так, ни одни из традиционных ежегодных майских научных чтений СПбГУП, приуроченных к Дням славянской пись-

¹ Вебер М. Избранные произведения: пер с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 77.

² Гусейнов Р. Указ. соч. С. 202.

менности и культуры и проводящихся с 1993 года, не обходились без таких дискуссий с обсуждением на экономических секциях лихачевских идей¹.

Казалось бы, мировая экономика накопила к настоящему времени достаточный опыт трансформаций от командно-административной к рыночной системе. С небольшими вариациями его прошли десятки стран. Но российская ситуация стала уникальной. «Пробуксовка» рыночных реформ и трагические социальные катаклизмы переходного периода усилили сомнения в том, что в России развитие рынка может быть локомотивом перемен. Анализируя причины неудач, **крупнейшие отечественные специалисты — и теоретики, и практики — стали ощущать необходимость более основательной увязки регулирования развития экономики с социальным, ментальным и (шире) общекультурным контекстом**². По сути отечественная экономическая система снова оказалась командной, а рынок — всего лишь одним, далеко не всемогущим институтом системы. Не случайно теперь, через полтора десят-

¹ См., например: *Окрепилов В. В.* Высокое качество как выражение прогресса культуры // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Международные Лихачевские научные чтения, 23–24 мая 2002 г. / СПбГУП. СПб., 2003. С. 15–17; *Каменецкий В. А.* Экономика и культура (к соотношению главного и второстепенного) // Образование в условиях формирования нового типа культуры: III Международные Лихачевские научные чтения, 22–23 мая 2003 г. / СПбГУП. СПб., 2003. С. 188–191; *Богомолов О. Т.* Экономика и культура // Культура и глобальные вызовы мирового развития: V Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–20 мая 2005 г. / СПбГУП. СПб., 2005. С. 9–12; *Каширин В. И.* Философия экономики: синтез экономики и цивилизационного детерминизма // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 г. / СПбГУП. СПб., 2006. С. 279–280; *Рубинштейн А. Я.* Культура в условиях административной и бюджетной реформ // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 г. / СПбГУП. СПб., 2006. С. 303–309.

² См.: *Некителов А. Д.* Гуманитарное образование и реформы // День науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов: матер. ежегод. междунар. науч.-практ. конф. «Гуманитарная культура как фактор преобразования России», 20–21 мая 1999 г. / СПбГУП. СПб., 2000. С. 20–21; *Арбатов Г. А.* Экономика и современность // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: Международные Лихачевские научные чтения, 24–25 мая 2001 г. / СПбГУП. СПб., 2001. С. 134–135; *Петраков Н. Я.* Опора на интеллигенцию — залог выхода России из кризиса // Там же. С. 14–15; *Львов Д. С.* Нравственная экономика // Свободная мысль — XXI. 2004. № 9. С. 24–36; *Богомолов О. Т.* Экономика и общественная среда // Экономическая наука современной России. 2005. № 4. С. 7–17.

ка лет после формального введения рыночных отношений министр финансов России заявляет, что опасается расходовать средства стабилизационного фонда из-за того, что его могут разворовать. В этой ситуации воровство и коррупция выглядят экономическими категориями, а локомотивом экономики следует провозгласить мораль и право.

Впрочем, тезис нелиберальных творцов реформ о том, что сначала мы произведем экономические реформы и сотворим процветающую экономику, а затем к ней «подтянутся» нравственность и культура, вызывал у многих сомнения еще в период существования Советского Союза. Наилучшим образом утопичность, несостоятельность этой концепции была заметна уже на примере знаменитой программы Г. Явлинского «500 дней»¹. Даже самым доброжелательным аналитикам было очевидно, что любые экономические реформы — тем более предполагающие переход от социалистического, командно-административного уклада хозяйственной жизни к рыночному укладу — невозможны директивными методами, близкими к военному коммунизму. Пожалуй, никто, кроме автора этого проекта, не верил, что указаниями начальства можно мгновенно изменить менталитет населения, его общую культуру и за 500 дней в приказном порядке ввести в СССР капитализм.

Между тем в современных условиях идеи либерализма подвергаются все более серьезной критике. Причем не только в России, но и на Западе. К примеру, профессор Массачусетского университета (США) Дэвид М. Котц пишет: «Торжество нелиберализма в течение последних двадцати пяти лет парадоксально, ибо его принципы не согласуются с историческим опытом, прежде всего в области экономического развития и экономической трансформации. Если рассмотреть процесс экономического развития, то даже в истории стран — основных столпов нелиберализма — США и Великобритании не находится подтверждения их сегодняшним поучениям. Традиционно считается, что Великобритания достигла промышленного превосходства на рубеже XVIII–XIX веков благодаря проведению политики свободной торговли (*Laissez faire*). Однако, как показал Чан Хажун, в критический период, когда в ходе промышленной революции Великобритания догоняла своих соперников на континенте, государство активно вмешивалось и во внутреннюю экономическую политику, и во внешнюю торговлю страны в целях продвижения экономических интересов Великобритании. В США в XIX веке государство устанавливало высокие тарифы и активно инвестировало в развитие национальной транспортной системы, что способствовало выдвиганию США из положения аграрной страны на пози-

¹ Переход к рынку: концепция и программа «500 дней» / [подгот. С. Шаталиным, Г. Явлинским и др.]. М., 1990.

ции лидирующей промышленной державы мира к концу столетия. Свободная торговля и неолиберализм в целом стали поощряться в обоих случаях только после того, как страны стали настолько сильными в экономическом отношении по сравнению со своими конкурентами, что уменьшение роли государства во всех странах стало служить средством продления экономического лидерства доминирующей державы»¹.

Академик Д. С. Львов справедливо констатирует: «Для наших либерал-реформаторов так и остался непонятым исходный тезис подлинных реформ — в ходе их осуществления надлежит не только перестроить саму реальность — экономику, но и скорректировать субъективное отношение людей к этой реальности, то есть трансформировать образ социального мира, который превалирует в сознании наших сограждан»². Понятно, что «трансформировать образ» — это задача социально-психологическая, в более широком смысле — задача, решение которой лежит в сфере культуры.

Как экономика связана с культурой? Что здесь первично и что вторично? В каком соотношении эти сферы находятся? Эти вопросы для современной экономической теории становятся одними из центральных. И оказывается, что научное наследие Д. С. Лихачева может быть в поиске ответов на них, осмыслении сегодняшних российских реалий далеко не бесполезным.

Советская идеология, и вслед за ней наука, утверждала верховенство материального начала над духовным: «бытие определяет сознание», «сфера производства — это базис, а культура — надстройка» и т. д. И Дмитрий Сергеевич стремился в тот период официальной точке зрения не противоречить. «Экономический подъем вызывал подъем культуры, вел к дальнейшему развитию культуры...»³ — писал он в 1979 году, видимо, памятуя о пребывании в Соловецком лагере на заре собственных научных изысканий.

Однако после прекращения идеологического диктата в науке и общественной жизни мы получили возможность познакомиться с иными его высказываниями. В постсоветский период стало очевидно, что на самом деле, **по Лихачеву, культура — основа экономики, а не наоборот.**

¹ *Котц Дэвид М.* Государство и экономическая трансформация: российский и китайский опыт перехода к рыночной экономике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2005. Вып. 2. С. 48–49.

² *Львов Д. С.* Экономика и жизненный мир человека // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 26–27 мая 2006 г. / сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк; СПбГУП. СПб., 2006. С. 26.

³ *Лихачев Д. С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1979. С. 165.

В связи с этим нельзя еще раз не упомянуть выступление Дмитрия Сергеевича на заседании президиума Российского фонда культуры в 1992 году: «У нас нет культурной программы — есть экономическая, военная, а вот культурной нет. Хотя культуре принадлежит первенствующее место в жизни народа и государства»¹. Возможно, многие увидят в этой позиции некий полемический переклест. Однако если учесть, что академик придерживается классического определения культуры, его мнение заслуживает серьезного осмысления.

Между тем оказалось, что на самом деле Д. С. Лихачев и на сравнительно ранних этапах своей научной биографии интересовался значительно более широким кругом явлений, нежели памятники культуры Древней Руси. Характерен следующий фрагмент одного из его выступлений: «Я помню, как говорил с академиком Николаем Ивановичем Вавиловым, который утверждал, что Россия — северная страна, а для северной страны наиболее подходящей формой земледелия является частное хозяйство; **за это он и заплатился** (выделено мною. — А. З.)»², — рассказал он в ходе одной из наших встреч в 1998 году. Видимо, горький личный опыт и сломанные судьбы многих великих российских ученых побудили Дмитрия Сергеевича не афишировать существенную часть своих воззрений в советское время. Он не хотел становиться диссидентом.

Следует отметить, что вышеприведенное высказывание академика о ведущей роли культуры носило не декларативно-популистский характер, а вытекало из всей системы научных взглядов ученого, из его философии, миропонимания. По всей видимости, он был скорее идеалистом, нежели материалистом. Во всяком случае, знаменитому постулату «Бытие определяет сознание» он предпочитал альтернативный, едва ли не противоположный взгляд. По крайней мере, Д. С. Лихачев считал, что материя не должна преобладать над духом, что материя — это «низменное начало». В связи с этим ученый и восстает публично против утрирования роли социально-экономического детерминизма в историческом развитии. Прочитируем еще раз: «70 лет нас воспитывали в пессимизме, в философских учениях пессимистического характера. Ведь марксизм — это одно из самых отчаянно пессимистических учений. Материя преобладает над духом, над духовностью — одно это положение говорит уже о том, что материя, то есть низменное начало, первич-

¹ Лихачев Д. С. «Язык указов мне глубоко чужд...»: из выступления Л. С. Лихачева на президиуме Российского фонда культуры. 1992 год // Наше наследие. 2001. № 59–60. С. 97.

² Лихачев Д. С. Нас ждет то, что мы сделаем сами: [выступление на дискуссии «Россия во мгле: оптимизм или отчаянье?», 15 октября 1998 г. Дворец Белосельских-Белозерских] // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 72.

на, и с этой точки зрения разбирались все литературные, художественные произведения; в основе всего искали классовую борьбу, то есть ненависть. И на этом воспитывалась наша молодежь. Что же удивляться, что у нас в отношении нравственности установились пессимистические нормы. <...> Но дело не только в том, что материя не является основой духовности, а в том, что сами законы, которые предписывает наука, порождают этот пессимизм. Если от воли человека ничего не зависит, если история идет своими путями, независимо от человека, то ясно, что человеку не за что бороться, а значит, и не нужно бороться. Я лично верю в случайность в истории, то есть я верю в волю человека. <...> Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали никуда отклониться, в истории нет»¹.

Разумеется, эта цитата, вырванная из общего эмоционального контекста устной научной дискуссии, не должна трактоваться как полное отрицание Д. С. Лихачевым закономерностей исторического развития. В целом ряде научных работ академик таковые закономерности не только признает, но и опирается на них в своих теоретических построениях. Например, когда речь идет о реформах Петра².

По всей видимости, Дмитрий Сергеевич протестует лишь против гиперболизации материальных факторов развития в ущерб духовно-нравственным, культурным.

Характерно и принципиально, что для Лихачева понятие ценностей носит культурный характер: «Под культурными ценностями подразумеваются не только отдельные объекты — памятники архитектуры, скульптуры, живописи, письма, печати, археологии, прикладного искусства, музыки, фольклора... традиции и навыки в области искусства, науки, образования, поведения, обычаев, культурных индивидуальностей народов, групп населения, отдельных людей и т. д.»³. То есть, понятие ценностей, по Лихачеву, не связано напрямую с материальным или нематериальным характером явлений, и уж тем более денежным характером, как бы не сопряжено со сферой товарно-денежных отношений.

Финансовая деятельность в контексте взглядов ученого имеет характер третьестепенный, подчиненный. Тема финансов у Д. С. Лихаче-

¹ Лихачев Д. С. Нас ждет то, что мы сделаем сами // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 69–70.

² См.: Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 168.

³ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры: впервые представлена в СПбГУП на Дне знаний 1 сентября 1995 г. // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 29.

ва вообще возникает только как своего рода реакция на «импульсы» из «мира денег» — там, где речь заходит о необходимости поддержки культуры со стороны государства: «Культура во всех ее формах имеет право на финансовую поддержку со стороны государства: поддержку образования и охрану культурных ценностей, в первую очередь, и культуры всех этносов, проживающих на территории государства. <...> Самоокупаемость культуры (или отдельной ее части) может быть декретирована в тех случаях, когда она не ведет к снижению качества произведений культуры. “Самоокупаемая” культура является такой культурой, которая оказывается материально и духовно полезной в целом, воздействует положительно на общество, поднимая его нравственность и умственный потенциал людей»¹.

Дмитрий Сергеевич так обосновывает эту свою позицию: «Культура не может существовать без дотаций со стороны государства. Она дает свой невидимый “доход” в виде уважения со стороны других государств, роста нравственности, любви к своей стране, упорядочения общественной жизни. А главное — управление страной становится более умным, ибо умным народом легче управлять умно: увеличивается предсказуемость. Когда говорят, что каждый народ достоин своего правительства, то понимать это следует не в том смысле, что народ сам себя как бы наказывает своим правительством, а в том смысле, что стране с низкой культурой необходимо особое управление (сильные карательные органы, особое законодательство, предусматривающее преступления, немислимые в культурном обществе, сложные системы голосования и т. д.)»². Квинтэссенцией Лихачевского культураноцентризма является следующее его высказывание: «...Россия — великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства»³.

Если для философских воззрений академика Д. С. Лихачева материя низменна, вторична по отношению к духу, к духовному, то Лихачев-культуролог относится к материальной стороне жизни совершенно иначе. Думается, его нельзя упрекнуть в пренебрежительном или уничижительном отношении к производству, торговле, финансово-экономи-

¹ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры (проект): впервые представлена в СПбГУП на Дне знаний 1 сентября 1995 г. // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 30.

² Лихачев Д. С. Великая культура примирительна по своей сути: речь на междунар. науч.-практ. конф. «Гуманитарная культура как фактор преобразования России», 22–23 мая 1997 г. Театрально-концертный зал СПбГУП // Там же. С. 52.

³ Там же. С. 50.

ческой деятельности. Данную сферу он рассматривает как полноправную часть культуры — наряду с литературой, искусством, инженерно-технической сферой, бытом и др. (Другое дело, что литература и искусство в силу первоначального научного профиля привлекают его внимание в первую очередь.)

Характерно, например, что в контексте разговора об архитектуре Петербурга торговые ряды, приказы, рынки естественным образом находятся для него в едином культурном контексте между Адмиралтейством, Меншиковским дворцом и православными храмами. Петербургская торговля выступает здесь органичной частью русской культуры: «"Двенадцать коллегий" — это сеть, анфилада зданий, примыкающих друг к другу по тому типу, как примыкали приказы в Москве. <...> Еще одна особенность русских городов, ярко выраженная в Петербурге, — гостиные двory, характерные для Архангельска, Новгорода, Костромы, Ярославля, Калуги и многих других русских городов. Все они имели солидные торговые центры в виде гостиных дворов. В Петербурге их сразу несколько: большой Гостиный двор (угол Невского проспекта и Садовой), Апраксин двор, Никольский двор, Андреевский рынок и т. д. Наличие гостиных дворов в Петербурге придавало его торговле вид и характер, типичные для русских городов. Русский характер придавался Санкт-Петербургу и русскими церквями...»¹ И далее ученый констатирует: «Как свидетельством особой русскости Петербурга могу поделиться и своими детскими впечатлениями. В Петербург часто приезжали крестьяне, главным образом Олонецкой, Ярославской, Новгородской, Архангельской и прочих губерний. Лодки с северной глиняной посудой и игрушками въезжали в Лебяжью канавку, Мойку, Фонтанку и здесь торговали привезенным. Крестьяне, приходившие в город на заработки, приводившие барки с кирпичом и дровами, создавали особый колорит Петербурга, связанного со всеми другими частями России водным транспортом. Одним словом, Петербург как город — не просто европейский, он явно русско-европейский город»².

Ломка советского социально-экономического уклада жизни приходится на завершающий период жизни Д. С. Лихачева. 1990-е годы — особо трудное время для отечественной интеллигенции: кажется, чуть ли не вся страна круто разворачивается от духовной жизни, культуры к проблемам материального обогащения. Дмитрию Сергеевичу уже за

¹ Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры: акт. лекция, прочит. 19 мая 1993 г. в день вручения Д. С. Лихачеву диплома и мантии Почетного доктора СПбГУП // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 13–14.

² Там же. С. 15.

восемьдесят. Он глубоко переживает постигшую страну социальную катастрофу, испытывает разочарование и боль от сознания неисчислимых бед и лишений, которые приносят хаотичные и непродуманные реформы миллионам простых людей. И вместе с тем пытается выработать свою позицию по отношению к новым российским реалиям.

В это время в его воззрениях проявляется удивительное и заслуживающее серьезнейшего осмысления сочетание либеральных идей с социальной ориентированностью, трудно совместимое с поляризацией основных экономических моделей, произошедшей в XX веке.

К примеру, выясняется, что Д. С. Лихачев с большой симпатией, сочувствием относится к крестьянству: «Кстати, крестьянство всегда стояло костью в горле у правительства. Крестьяне были **свободны** (выделено мною. — А. З.) — они сеяли хлеб, **продавали его, кому хотели, назначая свою цену** и т. д. До сих пор власти противодействуют созданию фермерского слоя, потому что фермерство — это **свободное предпринимательство** огромных масштабов и никто не сможет в него вмешаться. Возрождение крестьянства очень важно, без этого положение в стране не улучшится... Закон о земле до сих пор не принят из опасения, что она вновь попадет в руки чиновников. Чиновник не может любить землю — ее может любить только крестьянин, который непосредственно, мускульно ее чувствует, знает, что от того, как он пашет и удобряет, зависит благосостояние его детей и внуков, к которым его земля перейдет. Она должна непременно переходить по наследству, чтобы в стране сформировался класс землепашцев»¹. В другом выступлении Д. С. Лихачев снова возвращается к этому тезису: «В течение тысячи лет Россия была связана с земледелием. Недаром существовал культ земли, земледельческие праздники... Создать и упорядочить земельный кодекс — первая, самая важная задача, потому что когда в нашей стране будет упорядочено земледелие, когда будут **законы, которые твердо гарантируют право на землю ее владельцу и его наследникам** (выделено мною. — А. З.), тогда не будет и голода в России»².

При определенных условиях Дмитрий Сергеевич не возражает и против введения платного высшего образования. В 1993 году, основательно познакомившись с деятельностью нашего Университета, он становится его Почетным доктором. Но СПбГУП вынужден с 1992 года в силу сложившихся обстоятельств (прекращения бюджетного финансирования) первым в стране ввести платное обучение. Журналисты не

¹ Лихачев Д. С. Спешите учиться: интервью 22 апреля 1998 г. Кабинет Д. С. Лихачева в Пушкинском Доме: [публ. впервые] // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 62.

² Лихачев Д. С. Нас ждет то, что мы сделаем сами // Там же. С. 71–72.

преминули расспросить ученого о его отношении к этому факту. Ответ был таков: «...если у родителей есть возможность заплатить (выделено мною. — А. З.) за воспитание собственных детей, за обучение в этом университете — то это лучший способ потратить деньги, получить от них достойную отдачу»¹. Уже в этом ответе проявляется убежденность Д. С. Лихачева в необходимости социальной ориентированности механизмов экономического развития.

Нетрудно заметить, что эти его идеи однозначно совпадают с существующими в экономической науке положениями о человеческом капитале. Понятие человеческого капитала, как известно, ввел еще А. Смит, который понимал его как капитализированную ценность приобретенных и полезных способностей всех жителей, членов общества. В книге «Экономика», написанной С. Фишером, Р. Дорнбушем и Р. Шмалензи, дано следующее определение: «Человеческий капитал есть мера воплощенной в человеке способности приносить доход. Человеческий капитал включает врожденные способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию»². Затраты на образование или обучение человека, полагал А. Смит, можно рассматривать как капиталовложения в его способность зарабатывать в будущем, аналогичные вложениям вещей в вещественный капитал³. Эффективность таких инвестиций резко возрастает в условиях современной научно-технической революции.

Совершенно отчетливо соответствующие аспекты лихачевских воззрений проявляются в проекте «Декларации прав культуры» — документе, ставшем по сути научным и нравственным завещанием академика⁴. Понимая, что огромное количество культурных ценностей в мире сегодня сосредоточено в руках частных владельцев, Д. С. Лихачев предлагает международному сообществу принять следующий постулат: «Все произведения культуры должны быть доступны для бесплатного обо-

¹ Лихачев Д. С. Спешите учиться: интервью 22 апреля 1998 г. Кабинет Д. С. Лихачева в Пушкинском Доме [публ. впервые] // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 67.

² Фишер С. Экономика = Economics / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи; пер. с англ., общ. ред. и предисл. Г. Г. Сапова. М.: Дело, 1993. Гл. 17: Человеческий капитал и профсоюзы. С. 303.

³ Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики: В. Петти, А. Смит, Д. Рикардо. М.: Экономический Ключ, 1993. С. 165.

⁴ Декларация прав культуры (проект) / СПбГУП. СПб., 1996; Декларация прав культуры [оконч. вариант, разработ. коллективом ученых СПбГУП под науч. рук. Д. С. Лихачева] // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 81–90; Декларация прав культуры: [оконч. вариант, разработ. коллективом ученых СПбГУП по рук. Д. С. Лихачева] // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 388–397.

зрения...»¹ Заметим, что верный своему пониманию ценностей ученый и здесь проявляет равнодушие к материальным благам. Его волнует совсем другое — коммерциализация культурной жизни, способствующая распространению низкопробных, а зачастую и антигуманных явлений. В связи с этим он выражает в «Декларации» «...озабоченность усиливающейся экспансией антигуманных явлений массовой коммерческой культуры, угрожающих самобытности национальных культур и культурному развитию человечества в целом»². Культура во всем мире должна охраняться государствами и быть общедоступной, поскольку «...является основой социального и экономического развития народов, государств и цивилизаций, духовного и нравственного возвышения человека»³.

По Лихачеву, культурное развитие и культурная солидарность в совокупности с экономической и политической интеграцией современного мирового сообщества могут составить залог толерантности, взаимопонимания и демократии, стать условием предотвращения войн и насилия⁴.

Думается, что **Дмитрию Сергеевичу удалось предвосхитить одну из самых перспективных тенденций развития современной экономической мысли: синтез лучших сторон либерального и социально-ориентированного подходов на основе совершенствования государственного воздействия на экономику и социальную жизнь.** «Либеральные системы Запада... не видят сегодня экономику вне государственного регулирования, — пишет профессор Е. Ф. Чеберко. — Изменение форм государственного воздействия на экономику ни в коей мере не наносит ущерба становлению цивилизованного рынка»⁵. Разумеется, речь идет о том государственном воздействии, которое стало по мере исторического развития одной из высочайших форм человеческой деятельности, государственном воздействии, как своего рода достижении социально-экономического развития.

Современная экономическая мысль России настойчиво ищет пути такого синтеза. В качестве одного из ярчайших примеров назовем хотя бы концепцию академика Л. Абалкина «Теория исторического синтеза — предпосылка разработки долгосрочной стратегии», изложенную в од-

¹ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры (проект): впервые представлена в СПбГУП на Дне знаний 1 сентября 1995 г. // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 33.

² Декларация прав культуры [оконч. вариант, разработ. коллективом ученых СПбГУП под науч. рук. Д. С. Лихачева] // Там же. С. 82.

³ Там же. С. 81.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Чеберко Е. Ф. Совершенствование управления государственным сектором экономики / Е. Ф. Чеберко, А. В. Бобров. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2005. С. 18–21.

ном из последних номеров журнала «Вопросы экономики»¹. Кстати, в рамках данной концепции предлагается «обобщить человеческий опыт за последние 2–2,5 века со времен промышленной революции и начала становления гражданского общества»² и выделяются три глобальных мегатренда, последний из которых (по порядку, но не по значению) — учет особенностей цивилизационного устройства общества. Л. Абалкин в связи с этим пишет: «К сожалению, особенности цивилизационного устройства общества пока изучены крайне недостаточно. <...> Цивилизационные особенности устойчивы и изменяются крайне медленно. Но до настоящего времени механизм или генетический код, с помощью которого осуществляется воспроизводство данного цивилизационного типа и который включает в себя культуру, традиции, верование, семейные предания и многое другое, все еще остается загадкой»³. Думается, изучение научного наследия Дмитрия Лихачева и — более широко — расширение междисциплинарного диалога наук могут способствовать преодолению указанной проблемы.

Рассматривая историю человечества как непрерывный процесс борьбы культуры с дикостью, Добра со Злом, академик Лихачев отмечает, что развитие культуры протекает совершенно по иным законам, нежели жизнь природы. Если в природе верх одерживает сильнейший, подтверждая законы дарвинизма, то в культуре неуклонно побеждает Человеческое начало. Оно пробивается как трава сквозь асфальт, невзирая на вытаптывание. В связи с этим, оперируя понятиями выдающегося ученого-гуманитария, можно утверждать, что культура неизбежно одержит победу над дикостью и в экономической сфере жизни общества.

¹ Абалкин Л. Размышления о долгосрочной стратегии, науке и демократии // Вопросы экономики. 2006. № 12. С. 16–17.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 17.

5.3. ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ КУЛЬТУРЫ

Своего рода вершиной жизненного пути Д. С. Лихачева и особой страницей его научно-педагогического сотрудничества с Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов стала разработка «Декларации прав культуры». По сути, это **своего рода послание ученого мировому сообществу, послание в будущее.**

Академик Лихачев познакомил нас со своей идеей разработки проекта «Декларации» летом 1995 года. По его мысли, современный этап развития цивилизации породил необходимость официального принятия международным сообществом, правительствами государств ряда принципов и положений, обеспечивающих дальнейшее сохранение и развитие культуры как достояния человечества. Дмитрий Сергеевич считал, что забота о культуре в ее целостности — дело всего мира. Ведь развитие культуры — это не только движение вперед, но и отбор в мировом масштабе всего лучшего, что создано человеком. В связи с этим логичным представлялось обсудить эту идею с интеллигенцией Санкт-Петербурга, выйти в международное сообщество с инициативой принятия «Декларации» от имени города, являющегося уникальным феноменом мировой культуры. (Как известно, Санкт-Петербург — единственный город России, включенный ЮНЕСКО в список всемирного культурного наследия.)

Исходя из необходимости придать импульс общественной дискуссии, Дмитрий Сергеевич подготовил, выражаясь его словами, «проект проекта»¹, презентация которого состоялась 1 сентября 1995 года на традиционном Дне знаний в СПбГУП. Идеи «Декларации» получили поддержку петербургской общественности. Но документ обращен к международному сообществу, а субъектом международного права выступает государство. Поэтому Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов предложил создать при правительстве города общественную комиссию по доработке идей «Декларации прав культуры» с тем, чтобы правительство Санкт-Петербурга передало одобренный им вариант проекта на рассмотрение президенту России, и далее — в ЮНЕСКО.

Анатолий Собчак выпустил соответствующее распоряжение. В состав комиссии, возглавляемой председателем правительства города, вошли крупные общественные деятели, ученые, просветители, храни-

¹ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры (проект) / СПбГУП. СПб., 1995.

тели культуры, деятели литературы и искусства. Среди них: В. Е. Багно, О. В. Басилашвили, Я. А. Гордин, Д. А. Гранин, В. В. Знаменов, М. С. Каган, А. А. Мыльников, М. Б. Пиотровский, В. Е. Триодин и др. Члены комиссии выступили в роли экспертов. Сам же текст шлифовался и оттачивался группой ученых Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. В результате общими усилиями под научным руководством Д. С. Лихачева был подготовлен итоговый документ.

Думается, научное и нравственное значение «Декларации» трудно переоценить: в документе сформулирован новый подход к определению места и роли культуры в жизни общества. В нем прямо сказано, что вне культуры самостоятельное существование народов и государств лишается смысла. Культура, по существу, поставлена в один ряд с жизнью. И потому право на культуру должно стоять в одном ряду с правом на жизнь, правами человека. Культура — условие продолжения осмысленной жизни, человеческой истории, дальнейшего развития человечества¹.

В «Декларации» вводится понятие гуманитарной культуры, то есть культуры, ориентированной на развитие созидательных начал в человеке и обществе. И это закономерно: ничем не регулируемый, нецивилизованный рынок усиливает экспансию антигуманных ценностей массовой культуры. Если так будет продолжаться и дальше, мы можем стать свидетелями утраты культурой своей сущностной функции — быть гуманистическим ориентиром и критерием развития цивилизации и человека. Вот почему государства должны стать гарантами возвращения гуманитарной культуры, которая обеспечивает духовную основу и возможность развития, совершенствования человека и общества.

Интересно, что в «Декларации» Д. С. Лихачев дал свое, альтернативное видение глобализации — как процесса, движимого в первую очередь не экономическими, а культурными интересами человечества. По Лихачеву, глобализацию нужно осуществлять не для «золотого миллиарда» жителей отдельных стран, а для всего человечества; ее неверно понимать только как экспансию мировых корпораций, перетоки кадров и сырьевых ресурсов. Человечеством должна быть выстроена концепция глобализации как гармоничного мирового культурного развития, в ней должен существовать баланс между культурами огромными, например США, России, Китая, и культурами малых этносов.

Примерно в то же время на Западе фурор произвели публикации гарвардского культуролога, профессора Хантингтона. Он предсказал, что международные конфликты XXI века будут, по сути, конфликтами различных культур, имея в виду мусульманскую и христианскую части

¹ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 388–397.

мира. Д. С. Лихачев же пошел значительно дальше. В своем проекте он особое внимание уделяет именно предотвращению таких конфликтов.

Глобализацию многие критикуют, но ею можно и нужно управлять, добиваясь положительных результатов для всех. Допустим: большая и малая культура. Есть опасность подавления большим меньшего? Безусловно. Но можно ли изолировать малую культуру от большой? Может быть, и можно, но опасно. Например, всякая попытка изолировать язык малого народа от языка большого приводит к обеднению языка малого народа. С другой стороны, русский язык — «могучий», но чем он могучий? Да своими связями, открытостью, в том числе и тем, что из сотен тысяч слов десятки тысяч в нем — иностранные. Русский язык все время подпитывался от других языков. Так же и малые культуры должны подпитываться от больших культур. И их же обогащать.

Идея сохранения культуры — это идея сохранения духа, языка, особого ментального склада, этических комплексов. Культура будет подвергаться интернационализации неизбежно. Но всегда у каждого народа должно оставаться культурное пространство для своей самобытности. Это проблема баланса.

Есть целый ряд вопросов, на которые у нас нет сегодня конкретных ответов. Но важно, чтобы для их поиска были заложены правильные базисные подходы. Это так же, как с защитой природы. Понятно, что человек должен расходовать природные ресурсы. Но человечество последнее время непрерывно работает над тем, чтобы эти ресурсы не только расходовать, но и возобновлять. Да и расходовать более экономично, целесообразно. Главная задача в том, чтобы некую неотвратимость направить в нужное русло. Лихачев был убежден, что это возможно, и убедительно обосновывал данную точку зрения результатами своих исследований истории развития мировой культуры, и в первую очередь российской. Наша культура на протяжении многих веков впитывала различные зарубежные влияния. И Дмитрий Сергеевич в своих работах показал, какую пользу это приносило.

«Декларация» не только обогащает теоретическую мысль. Этот документ имеет и практическое значение. На уровне государств его принятие должно привести к изменению национального законодательства каждой страны, способствовать полноценному развитию национальных культур. На уровне мирового сообщества — это шаг на пути интеграции мирового культурного процесса, с общечеловеческих позиций — это обогащение коллективного разума. Наконец, на уровне жизни каждого отдельного человека это, если вспомнить Священное Писание, формирование Человека «по образу и подобию» Божию.

«Декларация» прошла апробацию на различных российских общественных форумах и получила одобрение научной и творческой интеллигенции страны. МИД России добился отражения ряда ее положений

в принятых ЮНЕСКО Декларации о культурном разнообразии (2001)¹ и Конвенции об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005)². На повестке дня — работа над ее целостным принятием мировым сообществом.

Формально проблема заключается в том, что современное международное право признает правоспособность исключительно человека, и попытки юридического закрепления прав культуры являются в связи с этим неправомерными. Создатели документа хорошо представляли себе данное обстоятельство, но не сочли необходимым менять его название по идеологическим соображениям.

Реальная же трудность, однако, состоит в том, что правительства многих стран в принципе не считают нужным обременять себя какими-либо заботами о культуре. Фактически, мировое сообщество еще не созрело в полной мере для принятия идей Д. С. Лихачева.

Разумеется, руководя в организационном плане практической деятельностью коллектива разработчиков «Декларации», я заранее предвидел как юридические, так и практические трудности ее реализации. Наверное, можно было убедить Дмитрия Сергеевича изменить формулировки во имя юридической корректности. Достаточно было сделать небольшие поправки в названии и отдельных пунктах: «просто» поставить вопрос не о «правах культуры», а о «праве человека на культуру». С формальной точки зрения все сразу встало бы на свои места. Но «поправить» «Декларацию» было невозможно без ущерба для гуманитарной красоты лихачевской идеи. **Постановка вопроса о правах культуры носит в документе именно декларативный характер, включает в себе высокое гуманитарное, философское содержание.**

Попробуем вместе с читателем, суммируя многое из сказанного ранее, **представить** (разумеется, упрощенно) **логику развития Лихачева-ученого, приведшую его к идее создания «Декларации».**

Дмитрий Сергеевич в начале своего пути получал классическое гуманитарное образование в домашней среде. Школы, в которых он учился, можно без малейшей натяжки назвать лучшими в России. То же можно сказать и о Петербургском университете первой четверти XX века. Это было время удивительного расцвета и взлета данного вуза. Филологический факультет времен учебы Лихачева (тогда, впрочем, он назывался несколько иначе) вообще следует считать уникальным явлением во всемирной истории университетского образования.

¹ Принята 31-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО, Париж, 2 ноября 2001 г.

² Принята 33-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО, Париж, 20 октября 2005 г.

Таким образом, не умаляя личной одаренности ученого, его можно в полной мере считать явлением, органично сформировавшимся в контексте высших проявлений российской культуры научного мышления и поиска. Интересно, что дед Д. С. Лихачева был Почетным гражданином Санкт-Петербурга. Учитывая, что до революции это звание передавалось по наследству, Лихачев — дважды Почетный гражданин, что своеобразно подчеркивает его многоплановую принадлежность к культурной элите города.

Многолетняя работа в Пушкинском Доме — Институте русского языка и литературы РАН оказала последующее влияние на формирование исследователя в русле высоких традиций российской академической науки. Здесь следует напомнить, что начиная с 1920-х годов в отечественном литературоведении совершенно отчетливо формируются две мощные разделяющиеся ветви. Первая сосредотачивается на структурном, текстологическом анализе литературы, рассматривая ее как «искусство для искусства», вторая же исследует литературу в первую очередь в ее социальном контексте, и затем — в контексте общекультурном.

Лихачев проявляет себя блестящим исследователем сразу в обоих направлениях. Он создает выдающиеся текстологические труды и одновременно пишет блестящие работы с анализом произведений древнерусской литературы в их «окружении» живописью, зодчеством, ярчайшими личностями творцов и государственных деятелей. В научную ткань его публикаций органично входят религиозно-философские аспекты анализа, вопросы кросс-культурных коммуникаций и т. д. Вскоре Лихачев начинает выстраивать своего рода «параллельные ряды» для литературы в сфере искусства, государственном строительстве, идеологии и духовной жизни. Логическим результатом этого процесса становится конструирование Дмитрием Сергеевичем представлений о своего рода культурных комплексах. Сам же Лихачев по меткому замечанию уже известного читателям западноевропейского слависта может быть охарактеризован как Мыслитель, в котором глубокое стремление понять движущие силы прошлых столетий сочетается с живым оптимизмом и верой в возможность культурного прогресса. Во второй половине XX века особое место в работах ученого занимает идея целостности культуры, особого значения ее внутренних взаимосвязей.

Идя в своем научном поиске от древности, изучая культуру в ее многовековом развитии, академик предстает на зрелом этапе своей деятельности и как уникальный специалист по межнациональному культурному взаимодействию. Он знает больше других о том, как древняя культура «прорастает» в современную, в какой мере современная культура «опирается» на толщу веков. Он знает и о чудовищных, невосполнимых культурных утратах, которые понесло человечество на протяжении своей истории, как варвары приносили дикость в миры высокой

культуры, оставляя пепелища на огромных пространствах, как «выкашивались» почти без следа целые цивилизации. Он видит, как сегодня человечество губит свою культуру и безо всяких войн, в будничной повседневности. Знание непоправимости этих утрат непрерывно движет ученого к мысли о недостаточном понимании человечеством роли культуры в своем развитии, о недостаточности мер по защите культуры от варварства.

Подчеркну, что здесь речь идет не просто о культуре, а о ее особенном — целостном понимании. Культура, по Лихачеву, целостна настолько, что из нее нельзя убрать части, чтобы не навредить остальным. Не случайно академик А. А. Гусейнов с удивлением замечает, что «для Лихачева характерно трепетное отношение к культуре, как если бы она была живым существом, к тому же обладающим святостью»¹. Отсюда, как понимает читатель, остается ровно один шаг до постановки вопроса о правах культуры.

К концу XX века человечество уже не нужно убеждать в необходимости защищать природу. И идея прав человека утвердилась на большей части планеты, по крайней мере, на уровне провозглашенных, декларируемых и даже законодательно закрепленных постулатов. А вот культура, которая важна для человека не меньше, чем природа, и чем те или иные его отдельно взятые личностные права, остается без надлежащей защиты. Подчеркнем еще раз: не театры и живопись, не библиотеки и музеи, не памятники архитектуры в отдельности, а культура в целом, как обозначает это понятие сам Лихачев, — «культуросфера»².

Разумеется, группа ученых, разработавших «Декларацию» под научным руководством Дмитрия Сергеевича, хотела бы, чтобы юридическое сообщество посмотрело на этот документ в более широком научном контексте, нежели позволяют рамки юриспруденции как самостоятельной и весьма определенно очерченной области научного знания. И на то есть более чем серьезные основания.

Представляется очевидным, что одной из основных тенденций многовекового развития науки является ее дифференциация, создание относительно автономных «цехов» ученых. Этот процесс невозможен без формирования неких базовых констант, на которых строится фундамент, а затем и здание соответствующих учений. Но иногда оказывается, что константы одной науки являются весьма относительными для другой. И появляется потребность в междисциплинарном диалоге. Для любого

¹ Гусейнов А. А. Культурология Дмитрия Лихачева: коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» / А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий; СПбГУП. СПб., 2006. С. 27

² Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 358.

дипломированного юриста очевидно, что, строго (в рамках юриспруденции) говоря, культура не может быть субъектом права. В связи с этим разговор о «правах культуры» в контексте данной отрасли знания является формально некорректным. Но в иных «цехах» он ведется: философы, историки, культурологи и другие считают его необходимым.

Процесс дифференциации научного знания неизбежно вызывает к жизни иную — встречную — тенденцию: диалог наук, стремление к их взаимодействию и взаимообогащению. Думается, что большинство наиболее значительных научных прорывов современности вообще происходит именно на стыках наук, в междисциплинарных поисках. Скорее всего так происходит потому, что сами явления практики «не стремятся» оказаться целиком в русле категориального и, тем более, инструментального аппарата той или иной науки.

В связи с этим «Декларация прав культуры» становится одним из хороших поводов для диалога ученых различных специальностей о дальнейших путях защиты мирового культурного наследия и обеспечения развития российской культуры как в ее внутреннем историческом, многонациональном и социальном разнообразии, так и в мировом контексте — с учетом перспектив глобализации.

Возможно, «Декларация прав культуры» не будет принята еще очень долго. Тем не менее мы будем без устали ее обсуждать и продвигать в общественном сознании, что само по себе имеет, на мой взгляд, большое значение для состояния умов человечества. В мировом сообществе должно утверждаться лихачевское, воистину гуманистическое видение глобализации: когда над экономическими и политическими интересами преобладают интересы культуры, нравственности, гуманности.

Как бы то ни было, «Декларация» в ее нынешнем виде уже сама стала своего рода памятником культуры XX века, памятником академику Д. С. Лихачеву. Думается, с течением времени ее значение будет возрастать, она встанет в сознании потомков в один ряд с Нагорной проповедью, Великой хартией вольностей и другими достижениями человеческой мысли, не имеющими силы норм прямого юридического действия, но лежащими в основе сотворения таких норм. В этом документе Дмитрий Сергеевич формулирует, быть может, главное свое открытие: **смысл жизни можно обрести только через приобщение к культуре**. Вот ответ академика Лихачева на вопрос, волнующий каждого мыслящего человека во все времена, в любые эпохи.

Следует отметить, что личность самого Д. С. Лихачева явилась ярчайшим явлением и российской, и мировой культуры, стала одним из символов ее величия. 25 ноября 1996 года, в преддверии своего 90-летия, академик Лихачев написал такие строчки на авантитуле первого (университетского) издания «Декларации»: «Культура представляет главный смысл и главную ценность существования человечества. Спасибо

моим друзьям, благодаря которым «Декларация прав культуры» увидела свет. Давайте объединим усилия, чтобы заложенные в ней идеи были реализованы».

«Декларация прав культуры» — по сути научное и нравственное завещание Дмитрия Сергеевича. Долг нашего поколения — приложить все усилия к тому, чтобы замечательные идеи академика Лихачева, воплощенные в этом документе, были приняты мировым сообществом. Нужно добиться претворения этих идей в жизнь нашу и наших детей, в жизнь следующих за нами поколений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дмитрий Лихачев многие годы был открыт и научному миру, и обществу. Более того, он находился в центре внимания. Странно, но его жизненный путь на сегодня удивительно мало осмыслен, равно как и итоги научной работы.

Дмитрий Сергеевич был не просто потомственным петербуржцем. Стоит еще раз вдуматься в то обстоятельство, что помимо звания Почетного гражданина, присвоенного в 1993 году ему лично, он был Почетным гражданином Санкт-Петербурга по праву наследования. Его дед в дореволюционное время был удостоен этого звания. Возможно, понять Лихачева — означает понять лучшее, что есть в Петербурге, в России, понять те крупницы хорошего и ценного, что есть в нас самих. Это стоит сделать каждому, кто стремится быть хоть немного похожим на легендарную и почти исчезнувшую особую породу людей — петербургских, ленинградских интеллигентов.

...Дмитрий Лихачев, великий и одновременно чрезвычайно скромный человек, любил культуру своей страны неброской любовью настоящего интеллигента. Десять лет назад небольшой круг его друзей собрался во дворце Белосельских-Белозерских, чтобы поздравить Дмитрия Сергеевича с 90-летием. Тогда мы услышали от него такие слова: «Оглядываясь на прожитые годы, я могу сказать, что наиболее счастливыми были те периоды моей жизни, в которые мне удалось что-то сделать для русской культуры»¹.

Прошло время, уже нет с нами академика Лихачева, страна почтила памятью 100-летие со дня его рождения. Юбилей среди прочего полезен и тем, что позволяют, поднявшись над рутинной будней, охватить взглядом события времен минувших, осмыслить их суть и логику в полноте внутренних и внешних взаимосвязей. Хочется верить, что юбилей Дмитрия Сергеевича послужит новой отправной точкой для фундаментального изучения его многогранного научного наследия, что труды академика Д. С. Лихачева, пронизанные истинным гуманизмом, нравственной красотой, высоким патриотическим чувством, будут сполна востребованы XXI веком.

¹ Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 45.

ЛИТЕРАТУРА

1. Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2006.
 2. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит., 1985.
 3. Лихачев Д. С. «Язык указов мне глубоко чужд...»: из выступления Д. С. Лихачева на президиуме Российского фонда культуры, 1992 г. // Наше наследие. 2001. № 59–60. С. 97.
 4. Лихачев Д. С. Без доказательств / РАН, Ин-т рус. лит. СПб.: БЛИЦ, 1996.
 5. Лихачев Д. С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы. М.: Русский путь, 2004.
 6. Лихачев Д. С. Великое наследие. М.: Современник, 1975 (переизд. 1979).
 7. Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
 8. Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995 (переизд. 2000).
 9. Лихачев Д. С. Вступление // Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. С. 7–10.
 10. Лихачев Д. С. Декларация прав культуры. СПб.: СПбГУП, 1996.
 11. Лихачев Д. С. Декларация прав культуры и ее международное значение // День науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов: матер. конф., 23–24 мая 1996 г. / СПбГУП [и др.]; отв. ред. В. Е. Триодин. СПб., 1996. С. 34–37.
 12. Лихачев Д. С. Дмитрий Сергеевич Лихачев: «Я живу с ощущением расставания...» / Беседу с академиком Д. С. Лихачевым вел Д. Шеваров // Комсомольская правда. 1996. 5 марта. С. 5.
 13. Лихачев Д. С. Заветное. М.: Изд. образовательный и культурный центр «Детство. Отрочество. Юность», 2006.
 14. Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Л.: Сов. писатель, 1989.
 15. Лихачев Д. С. Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века (по воспоминаниям) // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 276–284.
 16. Лихачев Д. С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. М.: Сов. Россия, 1984 (Писатель и время).
 17. Лихачев Д. С. Иван Пересветов и его литературная современность // Пересветов И. Сочинения / подгот. текста А. А. Зимин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 28–56.
 18. Лихачев Д. С. Избранное. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. СПб.: Logos, 1997.
 19. Лихачев Д. С. Избранное. Воспоминания. СПб.: Logos, 1997.
 20. Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 1–3.
 21. Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2006 (Почетные доктора Ун-та).
 22. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб.: Алетейя, 1997.
 23. Лихачев Д. С. Когда было написано «Слово о полку Игореве»? // Вопросы литературы. 1964. № 8. С. 132–160.
-
-

24. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 316–329.
25. *Лихачев Д. С.* Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 348–362.
26. *Лихачев Д. С.* Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 87–163.
27. *Лихачев Д. С.* Культура русского народа X–XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
28. *Лихачев Д. С.* Нас ждет то, что мы сделаем сами: дискус. «Россия во мгле: оптимизм или отчаянье?», октябрь 1998 г. Дворец Белосельских-Белозерских // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 69–72.
29. *Лихачев Д. С.* О петербургской культуре начала XX века // Петербург. Художественная жизнь. 1990–1916: фотолетопись. СПб.: Искусство-СПб., 2001. С. 5–9.
30. *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 370–387; То же: Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.
31. *Лихачев Д. С.* Очерки по философии художественного творчества. СПб.: БЛИЦ, 1999 (1-е изд.: СПб.: БЛИЦ, 1996).
32. *Лихачев Д. С.* Память истории священна // Наше наследие. 2001. № 59–60. С. 94–100.
33. *Лихачев Д. С.* Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 11–25; То же: *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 261–275.
34. *Лихачев Д. С.* Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 164–170.
35. *Лихачев Д. С.* Письма о добром и прекрасном. М.: Дет. лит., 1988.
36. *Лихачев Д. С.* Письма о добром. СПб.: Logos, 2006; СПб.: БЛИЦ, 1999.
37. *Лихачев Д. С.* «Повесть временных лет» / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996.
38. *Лихачев Д. С.* Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст М.: Согласие: ОАО «Тип. «Новости»», 1998.
39. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979.
40. *Лихачев Д. С.* Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 44–86.
41. *Лихачев Д. С.* Проповедь или поступок?: (ответ на юбилейное приветствие Д. М. Буланина) // Русская литература. 1998. № 2. С. 212–213.
42. *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. СПб.: Наука, 1998.
43. *Лихачев Д. С.* Раздумья / сост. и общ. ред. Г. А. Дубровской. М.: Дет. лит., 1991.
44. *Лихачев Д. С.* Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001.
45. *Лихачев Д. С.* Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 191–207.
46. *Лихачев Д. С.* Русская культура. М.: Искусство, 2000.
47. *Лихачев Д. С.* Русский язык в богослужении и в богословской мысли // Русское возрождение. 1997. № 69–70.
48. *Лихачев Д. С.* Русское искусство от древности до авангарда. М.: Искусство, 1992.
49. *Лихачев Д. С.* Сады Лицея // Пушкин: исслед. и матер. Л., 1979. Т. 9. С. 188–194; То же: Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 244–260.
50. *Лихачев Д. С.* Спешите учиться // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 61–68.
51. *Лихачев Д. С.* Текстология: краткий очерк. М.; Л.: Наука, 1964.
52. *Лихачев Д. С.* Текстология: на матер. русской литературы X–XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962 (переизд.: Алетей, 2001).

53. *Лихачев Д. С.* Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 363–369.
54. *Лихачев Д. С.* Школа на Васильевском / Д. С. Лихачев, Н. В. Благово, Е. Б. Белодубровский. М.: Просвещение, 1990.
55. *Лихачев Д. С.* Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 330–347.
56. *Лихачев Д. С.* Я вспоминаю. М.: Прогресс, 1991.
57. *Тиханова М. А., Лихачев Д. С.* Оборона древнерусских городов. Л.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1942.

* * *

1. Об увековечении памяти Д. С. Лихачева: Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 2001 г. № 587 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 22. Ст. 2213.
2. О праздновании 100-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева: Указ Президента Российской Федерации от 14 февраля 2006 г. № 110 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 8. Ст. 906.
3. *Абалкин Л.* Размышления о долгосрочной стратегии, науке и демократии // Вопросы экономики. 2006. № 12. С. 4–19.
4. *Аверинцев С. С.* Новое в современной классической филологии. М.: Наука, 1979.
5. *Алпатов М. В.* Андрей Рублев. М.: Изобразительное искусство, 1972.
6. Антология экономической классики: В. Петти. А. Смит. Д. Рикардо. М.: Эконом: Ключ, 1993.
7. *Анциферов Н. П.* «Непостижимый город...». Л.: Лениздат, 1991.
8. *Аскольдов С. А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антол. / под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
9. *Бахтин М. М.* Временное целое героя (проблема внутреннего человека — души) // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
10. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в XIII т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. VIII.
11. *Бердяев Н. А.* Истина и откровение: пролегомены к критике откровения. СПб.: РХГИ, 1996.
12. *Бердяев Н. А.* Русская идея. Судьба России. Царство Духа и Царство Кесаря. М.: Сварог и К⁰, 1997.
13. *Бердяев Н. А.* Утопический этатизм евразийцев // Н. А. Бердяев о русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.
14. *Бестужев-Лада И. В.* Есть ли будущее у интеллигенции? // Судьба российской интеллигенции / СПбГУП. СПб., 1999. С. 59–66.
15. *Биллингтон Дж.* Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры. М.: Рудомино, 2001.
16. *Биллингтон Дж.* [Программа «Открытый мир» — живая память об академике Лихачеве] // Открытый мир : информ. бюл. 2006. Весна, вып. 2. С. 1, 3.
17. *Биржевик Г. М.* Лихачев как просветитель // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Международные Лихачевские научные чтения, 23–24 мая 2002 г. / СПбГУП [и др]. СПб.: СПбГУП, 2003. С. 23–27.
18. *Бляхман Л. С.* Фирма и структурные реформы в России: реальность и мифы // Мир фирмы: [сб. науч. ст.] СПб.: ОЦЭиМ, 2005. Вып. 1.
19. *Богомолов О. Т.* Экономика и общественная среда // Экономическая наука в современной России. 2005. № 4. С. 7–17.
20. *Болотнова Н. С.* Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск: Изд-во Томск. пед. ин-та, 1994.
21. *Борисов Н. С.* «И свеча бы не угасла...». М.: Мол. гвардия, 1990.

22. *Борисов Н. С.* Сергей Радонежский. М.: Мол. гвардия, 2003.
23. *Буганов В. И.* Мир истории: Россия в XVII столетии. М.: Мол. гвардия, 1989.
24. *Буланин Д. М.* Эпилог к истории русской интеллигенции: три юбилея. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.
25. *Вебер М.* Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
26. *Вишняцкий Л. Б.* Введение в преисторию. Кишинев: Изд-во Высш. антропол. шк., 2005.
27. *Вольтер Ф. М.* Бог и люди: в 2 т. / сост., подгот. текста и ред. А. С. Варшавского, Е. Г. Эткинда. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Т. 1–2.
28. *Галаган А. А.* История предпринимательства российского. От купца до банкира. М.: Ось-89, 1997.
29. *Галич А.* Возвращение: стихотворения. Л.: Музыка, 1990.
30. *Герцен А. И.* Сочинения: в 9 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 1–9.
31. *Гордин Я. А.* Лихачев как моральный авторитет / [беседа вел. Т. Львова] // *Очень*^{UM}. 2006–2007. № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 48–51.
32. *Грабарь И. Э.* История русского искусства. М.: И. Кнебель, 1910. Т. 1.
33. *Грабарь И. Э.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX вв. СПб.: Лениздат, 1994.
34. *Гранин Д. А.* Наша печаль, наша любовь // *Открытый мир: информ. бюл.* 2006. Весна, вып. 2. С. 4. Из кн. *Гранин Д.* Тайный знак Петербурга. СПб., 2000.
35. *Гранин Д. А.* Он был министром той культуры, которой власть не занимается / [беседа вел. М. Рутман] // *Очень*^{UM}. 2006–2007. № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 16–23.
36. *Гранин Д. А.* Тайный знак Петербурга. СПб.: Logos, 2002.
37. *Грязнов Б. С.* Логика, рациональность, творчество. М.: Наука, 1971.
38. *Гудзий Н. К.* Естественно-научные сочинения [в переводах XI — начала XIII века] // *История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. 1: Литература XI — начала XIII века.*
39. Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 г. / РАН, РАО, Конгресс петербург. интеллигенции, СПбГУП; сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. СПб.: СПбГУП, 2006.
40. *Гумилев Л. Н.* «Дар слов мне был обещан от природы»: Лит. наследие. Стихи. Драм. Переводы. Проза. СПб.: Росток, 2004.
41. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989 (перизд. 1993).
42. *Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 2005.
43. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990.
44. *Гусейнов А. А.* Культурология Дмитрия Лихачева: коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» / А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2006.
45. *Гусейнов Р.* История экономики России. М.: ИВЦ «Маркетинг», ООО «Изд-во ЮКЭА», 1999.
46. *Гуцин А. С.* Происхождение искусства. Л.; М.: Искусство: Тип. им. Володарского, 1937.
47. День науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов: матер. ежегод. междунар. науч.-практ. конф. «Гуманитарная культура как фактор образования России», 20–21 мая 1999 г. / СПбГУП. СПб., 2000.
48. *Дидро Д.* Собрание сочинений: в 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 10.
49. *Дмитриева Р. П., Салмина М. А.* Дмитрий Сергеевич Лихачев — преподаватель исторического факультета Ленинградского университета (1946–1953) // *Тр. Отд. древнерус. лит. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом).* СПб., 1997. Т. 50. С. 27–31.
50. Дмитрий Сергеевич Лихачев / вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц, М. А. Салминой; библиогр.; сост. М. А. Салминой и Г. Н. Финашиной. 3-е изд. М.: Наука, 1989 (Матер. к библиогр. ученых СССР; Сер. лит. и яз.; Вып. 17).

51. Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост. и отв. ред. Е. Г. Водолазкин. СПб.: Logos, 2002.
52. Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / [сост., предисл. и авт. переводов Е. Г. Водолазкин]. [2-е изд. перераб и доп.]. СПб.: Logos, 2006.
53. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. СПб., 2001.
54. *Дэвлет Е. Г.* Альтамира: у истоков искусства. М.: Алетейя, 2004.
55. Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 7.
56. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1–2.
57. *Жукова О. А.* История русской культуры и современность // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 112–113.
58. *Заварихин С. П.* Явление Санкт-Петербург-Бурха. СПб.: Стройиздат, 1996.
59. *Запесоцкий А. С.* Адвокат российской культуры. (К 100-летию академика Д. С. Лихачева) // Журнал российского права. 2006. № 11. С. 137–141.
60. *Запесоцкий А. С.* Академик Лихачев: взгляд из XXI века // Наука и жизнь. 2006. № 12. С. 16–21.
61. *Запесоцкий А. С.* Великий гражданин: Указом Президента В. В. Путина нынешний год объявлен Годом Лихачева // Трибуна. 2006. 26 мая (№ 20). С. 5.
62. *Запесоцкий А. С.* Все начиналось с мантии для Лихачева // Российская газета. 2006. 24 мая (№ 108). С. 12.
63. *Запесоцкий А. С.* Д. С. Лихачев — выдающийся гражданин, просветитель, ученый // Вестник РАН. 2006. Т. 76. № 11. С. 1026–1030.
64. *Запесоцкий А. С.* Д. С. Лихачев: многогранность научного наследия / СПбГУП. СПб., 2006 (Избранные лекции Ун-та; Вып. 47).
65. *Запесоцкий А. С.* Д. С. Лихачев: человек будущего в университете будущего // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 3–10.
66. *Запесоцкий А. С.* Декларация прав культуры — программа деятельности российской интеллигенции // Конгресс российской интеллигенции. Москва, 10–11 декабря 1997 г. / СПбГУП; сост. и отв. ред. С. А. Филатов. СПб., 1998. С. 100–103.
67. *Запесоцкий А. С.* Декларация прав культуры — программа деятельности российской интеллигенции // Судьба российской интеллигенции / сост. и отв. ред. В. Е. Триодин. СПб.: СПбГУП, 1999. Ч. 3: Конгресс интеллигенции России. С. 254–256.
68. *Запесоцкий А. С.* Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог / СПбГУП. СПб., 2007. (Новое в гуманитарных науках; Вып. 21).
69. *Запесоцкий А. С.* Дмитрий Лихачев и русская интеллигенция // Нева. 2006. № 11. С. 129–140.
70. *Запесоцкий А. С.* Дмитрий Лихачев и современная теория культуры / А. С. Запесоцкий, Е. А. Кайсаров, Ю. М. Шор // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 1. С. 290–306.
71. *Запесоцкий А. С.* К вопросу об исторической концепции Д. С. Лихачева // Отечественная история. 2007. № 2. С. 151–158.
72. *Запесоцкий А. С.* Культура как смысл жизни // Звезда. 2006. № 11. С. 69–78.
73. *Запесоцкий А. С.* Культурология Дмитрия Лихачева // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 167–173.
74. *Запесоцкий А. С.* Культурософия Д. С. Лихачева и вызовы эпохи: [К 100-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева] // Человек. 2007. № 1. С. 5–15.
75. *Запесоцкий А. С.* Мантия для Лихачева // Очень^{UM}. 2004. № 4. С. 66–75.
76. *Запесоцкий А. С.* Модель гуманитарного университета и воспитание российского интеллигента: докл. на совместном заседании бюро Президиума РАО и Ученого совета СПбГУП, 9 февраля 2000 г. / СПбГУП. СПб., 2000.
77. *Запесоцкий А. С.* Нам предстоит узнать Дмитрия Лихачева // Вопросы культурологии. 2006. № 8. С. 9–13.

78. *Запесоцкий А. С.* Неисполненное завещание академика Лихачева // Известия. 2006. 24 мая (№ 90). С. 9.
79. *Запесоцкий А. С.* Несбывшаяся мечта Дмитрия Лихачева // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 25 мая (№ 92). С. 6.
80. *Запесоцкий А. С.* Новые смыслы научного наследия Дмитрия Лихачева // Очень^{UM}. 2006. № 36. С. 32–37.
81. *Запесоцкий А. С.* О научном наследии Дмитрия Лихачева // Вопросы литературы. 2006. № 6 (нояб.-дек.). С. 52–59.
82. *Запесоцкий А. С.* О философской составляющей воззрений Дмитрия Лихачева // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 95–98.
83. *Запесоцкий А. С.* Обеспечение качества высшего гуманитарного образования // Педагогика. 2006. № 2. С. 3–13.
84. *Запесоцкий А. С.* Обеспечение качества высшего гуманитарного образования: выездное заседание Президиума Российской Академии образования, 14 декабря 2005 г. / СПбГУП. СПб., 2006.
85. *Запесоцкий А. С.* Осмысление научного и нравственного наследия Дмитрия Лихачева только начинается // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 8 апр. (№ 61). С. 6.
86. *Запесоцкий А. С.* Педагогическое наследие академика Д. С. Лихачева // Педагогика. 2006. № 9. С. 44–54.
87. *Запесоцкий А. С.* Последний российский интеллигент: к 100-летию со дня рождения Дмитрия Лихачева // Огонек. 2006. 20–26 нояб. (№ 47). С. 14–15.
88. *Запесоцкий А. С.* Право на культуру есть право на жизнь // Декларация прав культуры / СПбГУП. СПб., 1996. С. 5–8.
89. *Запесоцкий А. С.* Слово издателя // Очень^{UM}. 2006/2007. № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 4.
90. *Запесоцкий А. С.* Становление культурологической парадигмы / А. С. Запесоцкий, А. П. Марков. СПб.: СПбГУП, 2007. (Дискус. клуб Ун-та; Вып. 10). [Из содерж.: Разд. 5: Культурологический метод Д. С. Лихачева. С. 27–54].
91. *Запесоцкий А. С.* Яркая личность Дмитрия Лихачева // Международная жизнь. 2006. № 12. С. 86–96.
92. *Зимин А. А.* «Слово о полку Игореве» и восточнославянский фольклор // Русский фольклор. Л., 1968. Т. 1. С. 212–224.
93. *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991.
94. *Зимин А. А.* Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР. 1968. № 6. С. 43–64.
95. *Зимин А. А.* О политической доктрине Иосифа Волоцкого // Тр. Отд. древнерус. лит. Ин-та рус. лит. АН СССР. М.; Л., 1953. Т. IX. С. 159–177.
96. *Зимин А. А.* Обретение свободы / публ. В. Г. Зиминой // Родина. 1990. № 8. С. 88–89.
97. *Зимин А. А.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова // Тр. Отд. древнерус. лит. Ин-та рус. лит. АН СССР. М.; Л., 1956. Т. XII. С. 160–174.
98. *Зимин А. А.* Пересветов и его сочинения // Пересветов И. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
99. *Зимин А.* О двух типах просвещения на Руси // Высшее образование в России. 1997. № 2. С. 86–91.
100. *Зимин А. А.* «Слово о полку Игореве» (фрагменты из книги) / публ., подгот. текста, вступ. ст. А. А. Формозов // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 96–115.
101. *Зимина В. Г.* К читателю // Зимин А. А. «Слово о полку Игореве». СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
102. *Зиновьев А. А.* Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995.
103. *Ильенков Э. В.* Космология духа // Наука и религия. 1988. № 8. С. 4–7.
104. *Ильенков Э. В.* Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.
105. *Ильин И. А.* Основы христианской культуры. СПб.: Шпиль, 2004.

106. *Ильин И. А.* Путь к очевидности // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Рус. кн., 1994. Т. 3.
107. *Каган М. С.* Град Петров в истории русской культуры. СПб.: АО «Славия», 1996.
108. *Каган М. С.* История культуры Петербурга: учеб. пособие. СПб.: СПбГУП, 2000. (Б-ка Гуманит. ун-та; Вып. 10).
109. *Келлер Е. Э.* Праздничная культура Петербурга: очерки истории. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2001.
110. *Кожин В.* Пушкин и Чаадаев: к истории русского самосознания // Петр Чаадаев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1998. С. 696–725.
111. *Конрад Н. И.* Запад и Восток: ст. М.: Гл. ред. восточной литературы, 1972.
112. *Котц Д. М.* Государство и экономическая трансформация: российский и китайский опыт перехода к рыночной экономике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2005. Вып. 2.
113. Культура и глобальные вызовы мирового развития: V Международные Лихачевские науч. чтения, 19–20 мая 2005 г. / СПбГУП [и др.]. СПб.: СПбГУП, 2005.
114. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
115. *Кьеркегор С.* Страх и трепет: (этич. трактаты). М.: Республика, 1993.
116. *Лебедев О. Е.* Уроки Лихачева для детей и взрослых // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 29 авг. (№ 159). С. 4.
117. *Леви-Строс К.* Интервью журналу ЮНЕСКО // Журнал ЮНЕСКО. 1990. № 4.
118. *Ледников Е. Е.* Критический анализ номиналистических и платонистических тенденций в современной логике. Киев: Наук. думка, 1973.
119. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1970. Т. 41.
120. *Леонтьев К. Н.* О всемирной любви // Русская идея. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 190–226.
121. *Лепяхин В.* Икона и иконичность. СПб.: Успенское подворье Оптиной пустыни, 2002.
122. *Лесур Ф.* Дмитрий Лихачев, историк и теоретик литературы // Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. СПб.: Алетея, 1997. С. III–LXXXIII.
123. *Лиотар Ж. Фр.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетея, 1998.
124. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.
125. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Высокая классика. М.: Аст; Харьков: Фолио, 2000. С. 594–595.
126. *Лосев А. Ф.* Философия имени // Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль; Российский открытый ун-т, 1993. С. 613–801.
127. *Лосский Н. О.* Обоснование интуитивизма // Лосский Н. О. Избранное. М.: Правда, 1991. С. 11–334 (Из истории отечественной философской мысли).
128. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство, 1994.
129. *Львов Д. С.* Нравственная экономика // Свободная мысль — XXI. 2004. № 9. С. 24–36.
130. *Ляско К.* Доверие и транзакционные издержки // Вопросы экономики. 2003. № 1. С. 42–58.
131. *Мережковский Д. С.* Зимние радуги // «Город над морем», или Блистательный Санкт-Петербург. Воспоминания. Рассказы. Очерки. Стихи. СПб.: Лениздат, 1996.
132. *Мережковский Д. С.* Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995.
133. *Моисеев Н. Н.* Государство, народ, интеллигенция // Судьба российской интеллигенции / сост. и отв. ред. В. Е. Триодин. СПб.: СПбГУП, 1999. С. 42–48.
134. Москва–Петербург: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000.
135. Н. А. Бердяев о русской философии: [сб.]: в 2 ч. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Ч. 1–2.
136. Настольный энциклопедический словарь-справочник. М.: Прометей, 1926.

137. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 754–755.
138. Обновленчество // Православие в России. М., 1995. С. 112–115.
139. Образование в условиях формирования нового типа культуры: III Международные Лихачевские научные чтения, 22–23 мая 2003 г. / СПбГУП [и др]. СПб.: СПбГУП, 2003.
140. Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве» // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 121–140.
141. Оккам У. Избранное. М.: Едиториал УРСС, 2002.
142. *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М.: Независимая газ., 1993.
143. *Панеях В. М.* Панорама истории России XV–XVI веков А. А. Зимина. К выходу в свет книги «Витязь на распутье» // Отечественная история. 1992. № 6. С. 70–81.
144. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М.: Большая рос. энцикл., 2002.
145. Переход к рынку: концепция и программа «500 дней» / [подгот. С. Шаталиным, Г. Явлинским и др.]. М., 1990.
146. Петр Великий: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2003.
147. Петр Чаадаев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1998.
148. *Петрарка Ф.* Письма. СПб.: Наука, 2004.
149. *Поньрко Н. В. Д. С. Лихачев* — научный вдохновитель и издатель книжной серии «Библиотека литературы Древней Руси» // Образование в процессе гуманизации современного мира: IV Международные Лихачевские научные чтения, 20–21 мая 2004 г. / СПбГУП [и др.]. СПб., 2004. С. 19–20.
150. *Поньрко Н. В.* Хранитель культурного наследия России. К 100-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева // Вестник РАН. 2006. Т. 76. № 11. С. 1020–1026.
151. *Поппер К.* Открытое общество и его враги: [в 2 т.] / пер. с англ., под общ. ред. и с предисл. В. Н. Садовского. М.: Междунар. фонд «Культ. инициатива», 1992. Т. 1–2.
152. Портреты историков: Время и судьбы: в 2 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Л. Т. Мильская. М.: Университетская книга; Иерусалим: Gesharim, 2000. Т. 1: Отечественная история.
153. Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: матер. науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук; отв. ред. А. П. Деревянко. М.: УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2006.
154. *Пустарнаков В. Ф.* Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа / Ин-т философии РАН. М.: ИФРАН, 2002.
155. *Пушкарев И. И.* Николаевский Петербург. СПб.: Лига Плюс, 2000.
156. *Пушкин А. С.* О ничтожестве литературы русской // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 7. С. 307–308.
157. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // Thesis: теория и история эконом. и соц. ин-тов и систем: альм. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 10–23.
158. *Рыбаков Б. А.* Старые мысли, устаревшие методы: (ответ А. А. Зимину) / Б. А. Рыбаков, В. Д. Кузьмин, Ф. П. Филин // Вопросы литературы. 1967. № 3. С. 153–176.
159. *Рязанов В. Т.* Антропологический принцип в экономике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2006. Вып. 1.
160. *Санкин Л. А.* Академик и Университет // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 1 сент. (№ 162). С. 7.
161. *Санкин Л. А.* Дмитрий Лихачев — имя университетское // Высшее образование в России. 2006. № 10. С. 100–108.
162. Санкт-Петербург: 300 лет истории. СПб.: Наука, 2003.
163. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. М.: Республика, 2000.
164. *Секацкий А.* Интеллигенция и материя // Известия. 2006. 3 июля. (№ 116).
165. Семiotика города и городской культуры. Петербург: [сб. ст. / ред. А. Э. Мальц]. Тарту: ТГУ, 1984. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 664. Труды по знаковым системам; 18).

166. *Синдаловский Н. А.* Легенды и мифы Санкт-Петербурга. СПб.: Фонд «Ленинградская галерея», 1994.
167. *Скрынников Р. Г.* Крест и корона. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
168. *Смелзер Н. Дж.* Социология / пер. с англ. А. В. Липского // Социологические исследования. 1990. № 12. С. 116–137.
169. *Смирнов С. Б.* Петербург–Москва: сумма истории. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000.
170. Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Керимова. М.: Акад. проект, 2004.
171. *Соколов А. В.* Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб.: СПбГУП, 2007.
172. *Спивак Д. Л.* Метафизика Петербурга. Французская цивилизация. СПб.: Алетейя, 2005.
173. Сто русских философов. М.: Мирта, 1995.
174. *Столяр А. Д.* Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985.
175. *Строев А.* Те, кто поправляет Фортуну: авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
176. *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании. М.: СП «Рус. путь»; Париж: УМСА-Press 1996.
177. Судьба российской интеллигенции / сост. и отв. ред. В. Е. Триодин. СПб.: СПбГУП, 1999.
178. *Тойнби А.* Исследование истории. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006.
179. *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. (Сер. Филология мира).
180. Уроки Лихачева: метод. рек. для учителей средних школ / сост. О. Е. Лебедев. СПб.: Бизнес-пресса, 2006.
181. *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М.: Моск. рабочий, 1990.
182. Феномен Петербурга: тр. междунар. конф., сост. 3–5 нояб. 1999 г. во Всерос. музее А. С. Пушкина. СПб.: БЛИЦ, 2000.
183. *Филитов А. К.* Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб.: Сохранение природы и культурного наследия, 2004.
184. Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания: матер. круглого стола / выступили В. А. Лекторский, В. Е. Кемеров, В. Ф. Петренко, Н. М. Смирнова, И. Т. Касавин, Е. Л. Черткова, Т. Х. Керимов, С. А. Никитин, В. С. Швырев, М. А. Розов // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 3–39.
185. Философы России XIX–XX столетия. Биографии, идеи, труды / авт.-сост. А. П. Алексеев [и др.]. М.: Книга и бизнес, 1993.
186. *Фишер С.* Экономика = Economics / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи; пер. с англ.; общ. ред. и предисл. Г. Г. Сапова. М.: Дело, 1993.
187. *Флоренский П.* Избранные труды по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996.
188. *Флоренский П.* Столп и утверждение истины: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1–2.
189. *Франк С. Л.* Непостижимое // Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990.
190. *Фрейд З.* Достоевский и отцеубийство // Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995.
191. *Фролов Б. А.* Первобытная графика Европы. М.: Наука, 1992.
192. *Хаззагеров Г.* Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. № 1. С. 133–145.
193. *Хайдеггер М.* Бытие и время. СПб., 2004.
194. *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993.
195. *Чаадаев П. Я.* Философические письма. М.: АСТ, 2006.
196. *Чеберко Е. Ф.* Совершенствование управления государственным сектором экономики. СПб.: СЗАГС, 2005.

197. Чулаки М. М. Литература оказывает огромное влияние на власть // Судьба российской интеллигенции / сост. и отв. ред. В. Е. Триодин. СПб.: СПбГУП, 1999. С. 19–20.
198. Шаститко А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. 2003. № 1. С. 24–41.
199. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980.
200. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Искусство, 1993.
201. Шпет Г. Г. Сочинения. М.: Правда, 1989.
202. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Изд-во шк. культ. политики, 1995.
203. Эйхенбаум Б. О. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. О. О прозе: сб. ст. Л.: Худож. лит., 1969. С. 306–326.
204. Эткин А. «И поныне на Афоне...» // Эткин А. Хлыст: секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 261–263.
205. Языкова И. К. Богословие иконы. М.: Фирма «Интербумага», 1994.
206. Янин В. Л. Совесть, благородство и достоинство отличали Лихачева: [беседу вела Е. Александрова] // Очень^{UM}. 2006–2007. № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 30–35.
207. Milner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906–1999) // Slavonica. Sheffield, 1999/2000. Vol. 6. № 1. P. 141–150; см. также: Милнер-Гулланд Р. Воспоминания о Д. С. Лихачеве [Электронный ресурс] / Международный благотворительный фонд им. Д. С. Лихачева. Электрон. дан. Режим доступа: <http://likhachev.lfond.spb.ru/Memoirs/robin.htm>. Загл. с экрана.
208. Strawson P. Individuals // Philosophical problems today. Vol. 1. Dordrecht. 1994. P. 28.

Электронные ресурсы

1. Год академика Лихачева [Электронный ресурс] / Междунар. благотвор. фонд им. Д. С. Лихачева. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.likhachev100.lfond.spb.ru/>. Загл. с экрана.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/search.xml?text=enc_abc&enc_abc=*&how=enc_abc_rev&enpage=dal. Загл. с экрана.
3. Епископ Керченский Иларион (Алфеев). Богословие митрополита Суражского Антония в свете святоотеческого Предания [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.metropolit-anthony.orc.ru/trudy/03.htm>. Загл. с экрана.
4. Кондаков И. В. История культурологической мысли [Электронный ресурс] // Культурология. XX в.: энцикл.: в 2 т. СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/edu/ref/enc/i.html#BM80036>. Загл. с экрана.
5. Площадь Д. С. Лихачева [Электронный ресурс] / Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет профсоюзов. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.lihachev.ru/>. Загл. с экрана.
6. Соколова Л. В. Новые мифы о старом: (по поводу интервью на радиостанциях «Эхо Москвы» и «Свобода» в связи с выходом книги А. А. Зимина «Слово о полку Игореве») [Электронный ресурс] / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Электрон. дан. Режим доступа: <http://odrl.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3229>. Загл. с экрана.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

-
-
Абалкин Л. 321, 322	Буслаев Ф. И. 17
Аверинцев С. С. 31, 37, 242, 250, 251	Васильев Б. Л. 9, 15, 289
Адрианова-Перетц В. П. 17, 23, 117, 125, 140, 141, 192, 218	Васнецов В. М. 45, 90
Азадовский К. 248	Вебер М. 311
Аксаков И. С. 174	Вернадский В. И. 138
Алексий (митрополит) 114	Виноградов Н. Н. 132, 133
Алпатов М. В. 115	Вишневская Г. П. 218
Алферов Ж. И. 195	Вознесенский А. А. 15, 292
Андроников И. Л. 264	Волоцкий И. 228
Аникушин М. К. 292	Вольтер 184, 260, 261
Анциферов Н. П. 181	Врубель М. А. 45, 90
Артановский С. 31	Выготский Л. С. 40
Архимед 119	Галаган А. А. 308
Арциховский А. В. 232	Галич А. 218
Аскольдов С. А. 133, 134, 135, 136	Ганди М. 20
Афанасьев Ю. Н. 289	Гаршин В. М. 186
Багно В. Е. 117, 324	Гейне Г. 23
Бакланов Г. Я. 289	Гельвеций К. А. 261
Бантыш-Каменский Н. Н. 17	Герцен А. И. 152, 153, 261
Басилашвили О. В. 324	Гиппиус В. В. 180
Бахтин М. М. 36, 41, 68, 138, 296	Гоголь Н. В. 175
Белинский В. Г. 24, 25, 175, 178, 183	Голиков И. И. 173, 184
Белодубровский Е. Б. 280	Гольбах П. А. 261
Белоконь С. И. 249	Гончаров И. А. 137
Бенуа А. Н. 119	Гончарова Н. С. 45, 90
Бердяев Н. А. 56, 128, 161, 163, 197, 298	Горбачев М. С. 157, 252, 288
Бестужев-Лада И. В. 196	Гордин Я. 226, 227, 324
Бехтерева Н. П. 292	Горький М. 211
Библиер В. 31	Грабарь И. Э. 179
Биллингтон Дж. Х. 163, 186, 252, 253, 255	Гранин Д. А. 18, 190, 191, 192, 195, 196, 199, 244, 245, 247, 251, 253, 255, 272, 274, 277, 278, 291, 306, 324
Бирженюк Г. М. 258	Грек М. 197
Благово Н. В. 280	Грек Ф. 107, 108, 109, 111, 114, 283
Блок А. А. 193	Гречишкин С. 248
Бляхман Л. С. 308, 309	Грибоедов А. С. 137
Брейгель П. (старший) 300	Грязнов Б. С. 301
Бродский И. А. 218	Гудзий Н. К. 129
Бромлей Ю. В. 235	Гумилев Л. Н. 150, 151, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 160, 161, 163, 164
Бузулукский А. Н. 14	Гуревич А. 31
Буланин Д. М. 252, 265, 266	Гуревич П. 31
Булгаков М. А. 135	
Бунин И. А. 131, 252, 265	
-

- Гусейнов А. А. 18, 41, 270, 279, 295, 298, 300, 328
Гусейнов Р. 308, 311
Гутенберг И. 120
Даль В. И. 266
Данте А. 108, 159
Даринский А. В. 290
Державин Г. Р. 131
Дидро Д. 183, 261
Дионисий (Ареопagit) 115
Дмитриев Л. А. 234
Дмитриева Р. П. 230
Добролюбов Н. А. 24, 25
Додин Л. А. 291
Донской Дмитрий 114, 116, 262
Дорнбуш Р. 320
Достоевский Ф. М. 40, 46, 65, 66, 68, 131, 138, 153, 161, 163, 175, 282
Дягилева Т. Д. 14
Евдокимычева М. А. 8
Ефимова Е. П. 14
Жирмунский В. М. 69
Жуков Е. М. 233, 234, 235
Жуковский В. А. 17
Заварихин С. П. 179
Зализняк А. А. 118
Запесоцкий А. С. 8, 9, 10, 11, 15
Запесоцкий Ю. А. 14, 182
Зимин А. А. 118, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 263
Зимина В. Г. 231
Зингер 123
Зиновьев А. А. 163, 241, 289
Злобин Н. 31
Знаменов В. В. 324
Зобнин Ю. В. 14, 23, 240, 241
Зюганов Г. А. 289
Иванов Вяч. Вс. 249, 250
Иванов Вяч. Ив. 128
Иконникова С. Н. 15, 31, 290
Иларион (митрополит) 105, 206
Иларион (монах) 127
Ильенков Э. В. 43
Ильин И. А. 46, 56
Ильичев Л. Ф. 233, 235
Искандер Ф. 243
Исупов К. Г. 172
Кавелин К. Д. 178
Каган М. С. 31, 185, 195, 197, 290, 324
Кайсаров Е. А. 14
Карамзин Н. М. 17, 66, 67, 197
Карлов Н. В. 195, 196
Карпов А. В. 8
Карпов Ф. 228
Каштанов С. М. 227, 228, 229
Келлер Е. Э. 182
Ключевский В. О. 12, 27
Кожин В. В. 195
Козлов В. П. 238
Кон И. С. 248, 289
Кондаков И. В. 36
Конрад Н. И. 44
Костенческий К. 105
Костомаров В. Г. 15
Котц Дэвид М. 313
Крылов И. А. 137
Кузьмин В. Д. 236
Курбатова З. Ю. 242, 243, 247, 255
Кустодиев Б. М. 45, 90
Кэрролл Л. 221
Лавров К. Ю. 195, 292
Лавров А. В. 241
Лазарев В. Н. 107
Ландау Л. 222
Лебедев О. Е. 278, 282
Ледников Е. Е. 300
Ленин В. И. 211, 307
Леонтьев К. Н. 68
Лермонтов М. Ю. 131
Лесков Н. С. 131
Летников Е. Е. 300
Лиханов А. А. 278
Лихуды И. и С. 185
Логофет П. 109
Локк Дж. 261
Ломоносов М. В. 131
Лосев А. Ф. 31, 40, 68, 128, 129, 296
Лосский Н. О. 56
Лотман Ю. М. 25, 31, 138, 245, 247, 250
Лотман Л. М. 245, 246, 247
Лукьянов А. И. 289
Лукьянов В. Г. 8
Львов Д. С. 314
Лютер М. 20
Ляско К. 308
Малевич К. 45, 90, 272
Малиновский А. Ф. 17
Мальшев В. И. 17
Мальро А. 196
Мандельштам О. Э. 128, 130
Марков А. П. 8, 14
Маркс К. 214, 297, 207

- Маяковский В. В. 212
 Межуев В. 31
 Мейер А. А. 216
 Менделеев Д. И. 119
 Мережковский Д. С. 68
 Милнер-Гулланд Р. 26, 27, 28, 127, 155, 156, 302
 Милонов Р. С. 14, 289
 Михайлов А. А. 8, 14
 Моисеев Н. Н. 195, 196
 Монахова Е. А. 14
 Мономах Владимир 197
 Монтескье Ш. 261
 Мусин-Пушкин А. И. 17, 231
 Мильников А. А. 324
 Набоков В. В. 248
 Нарышкина С. К. 183
 Некрасов Н. А. 24
 Нерознак В. П. 134
 Нестеров М. В. 45, 90
 Нива Ж. 254
 Ницше Ф. 219
 Новиков Н. И. 197
 Ньютон И. 119
 Оккама У. 301
 Орлов А. С. 17, 192
 Осипов Ю. М. 289
 Пайпс Р. 307
 Палама Г. 127
 Панеях В. М. 228, 236
 Панченко А. М. 192, 245, 289
 Панченко О. В. 271
 Парыгин Б. Д. 195, 290
 Пастернак Б. Л. 65, 119
 Пересветов И. С. 229
 Пермский С. 109
 Петрарка Ф. 108, 159, 260
 Петров А. П. 195, 291
 Петров-Водкин К. С. 45, 90
 Пикассо П. 99
 Пиотровский М. Б. 195, 324
 Писарев Д. И. 24, 25
 Платэ Н. А. 291
 Покровский Н. Н. 117
 Поньрко Н. В. 124, 267, 268, 270
 Попов Г. Х. 289
 Поппер К. 299
 Потапенко И. Н. 174
 Потебня А. А. 17
 Премудрый Епифаний 108, 109
 Прозоров Ю. М. 117
 Прокл 299
 Пропп В. Я. 41
 Прохоров Г. М. 248
 Пустарнаков В. Ф. 260, 261
 Путин В. В. 16, 18, 304
 Пушкин А. С. 40, 46, 47, 131, 134, 137, 159, 173, 193
 Радищев А. Н. 197
 Радонежский С. 108, 109, 114, 115, 262, 264, 283
 Раушенбах Б. В. 195
 Репин И. Е. 65
 Рерих Н. К. 45, 90
 Роббинс Л. 309
 Романов Б. А. 229, 230
 Романов Г. 248, 249
 Ростропович М. Л. 218, 292
 Рублев А. 65, 109, 111, 114, 115, 283
 Руссо Ж.-Ж. 261, 297
 Рыбаков Б. А. 226, 232, 233, 235, 236
 Рябушкин А. П. 90
 Рязанов В. Т. 309, 310
 Рязанов Э. А. 292
 Савицкий П. Н. 153
 Сазонова Л. И. 117
 Салмина М. А. 230
 Санкин Л. А. 14
 Сахаров А. Д. 241, 251, 256
 Свиридов Г. В. 292
 Серман И. З. 247, 253
 Серпуховский В. А. 114
 Симонов К. М. 217
 Скатов Н. Н. 192, 195, 289
 Смелзер Н. Дж. 76
 Смирнов И. П. 276
 Смит А. 320
 Собчак А. А. 289, 323
 Соколов А. В. 274
 Соколов Э. 31
 Солженицын А. И. 148, 197, 218, 241, 249
 Сталин И. В. 162, 236
 Старовойтова Г. В. 289
 Степанов Ю. С. 134
 Строусон П. 302
 Струве Г. П. 161
 Сувчинский П. П. 153
 Сумароков А. П. 174, 197
 Сурожский А. (митрополит) 262, 264
 Сухомлинский В. А. 280
 Талалай М. Г. 274
 Тарковский А. А. 65

- Тарханов И. Е. 290
Творогов О. В. 232, 234, 238, 239
Тиханова М. А. 118, 273
Тихомиров М. Н. 232
Тойнби А. 44
Толстой Л. Н. 88, 131, 297
Тон К. А. 179
Топоров В. Н. 172
Триодин В. Е. 14, 324
Трубецкой Н. С. 153, 154, 163, 180
Тынянов Ю. Н. 40
Тютчев Ф. И. 131
Фатиев Н. И. 14
Федосеев П. Ф. 233, 235
Федотов Г. П. 180, 262
Филин Ф. П. 236
Филонов П. Н. 26, 45, 90
Фишер С. 320
Флиер А. 31
Флоренский П. А. 34, 111, 128
Флоровский Г. В. 153
Формозов А. А. 238
Франк С. Л. 56
Фрейд З. 68, 297
Фрейденберг О. М. 41
Фурсенко А. А. 249
Хажун Ч. 313
Хазагеров Г. Г. 139
Хайдеггер М. 59, 97
Хантингтон С. 324
Хармс Д. И. 26
Хвостов В. М. 233, 235
Хлебников В. 65
Хорошкевич А. Л. 238
Чаадаев П. Я. 145, 152, 177, 298
Чеберко Е. Ф. 321
Черный Д. 109
Чернышевский Н. Г. 24, 25
Чулаки М. М. 195, 196, 197
Шагал М. 45, 90
Шаститко А. А. 308
Шахматов А. А. 140, 231
Шекспир У. 66, 240
Шехтер Т. Е. 14
Ширинский-Шихматов П. А. 296
Шмалензи Р. 320
Шмидт С. О. 240, 252, 258
Шопенгауэр А. 297
Шор Ю. М. 8, 14
Шпенглер О. 44
Шпет Г. Г. 296
Штакеншнейдер А. И. 179
Шувалов И. И. 184
Щербатов М. М. 149
Эйфман Б. Я. 291
Эйхенбаум Б. М. 24
Явлинский Г. А. 313
Ядов В. А. 195
Языкова И. К. 115
Якобсон Р. О. 41
Янин В. Л. 12, 15, 30, 118, 226, 227
Ясперс К. 97

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА

28 (15) ноября 1906 г. в Санкт-Петербурге родился Дмитрий Сергеевич Лихачев.
Отец — Сергей Михайлович Лихачев, инженер-электрик, мать — Вера Семеновна Лихачева, урожденная Коняева.

-
1914–1923	Ученик гимназии Императорского Человеколюбивого общества, ученик гимназии и реального училища К. И. Мая, ученик Советской трудовой школы им. Л. Лентовской.
1923–1928	Студент романо-германской и славяно-русской секции отделения языкознания и литературы факультета общественных наук Ленинградского государственного университета.
1928	Окончил Ленинградский государственный университет.
8 февраля	Арестован за участие в студенческом кружке «Космическая академия наук», осужден на 5 лет за контрреволюционную деятельность.
ноябрь 1928 — август 1932	Политзаключенный Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН), затем — Бел-Балтлага.
1930	Опубликована первая научная работа Д. С. Лихачева «Картежные игры уголовников» в журнале «Соловецкие острова» (1930, № 1; переизд.: <i>Лихачев Д. С.</i> Статьи разных лет. Тверь, 1993).
8 августа 1932	Освобожден из заключения досрочно. Вернулся в Ленинград.
1932–1933	Литературный редактор Соцэргиза (Ленинград).
1933–1934	Корректор по иностранным языкам в типографии «Коминтерн» (Ленинград).
-

- 1934–1938** Ученый корректор, литературный редактор, редактор Отдела общественных наук Ленинградского отделения издательства Академии наук СССР.
- 1935** Женился на Зинаиде Александровне Макаровой.
- 1937** Родились дочери-близнецы Вера и Людмила Лихачевы.
- 1938–1954** Младший, с 1941 — старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР (ИРЛИ АН СССР).
- осень 1941 —
весна 1942** Находился с семьей в блокадном Ленинграде.
Издание первой книги «Оборона древнерусских городов» (1942), написанной совместно с М. А. Тихановой.
- 1941** Защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук на тему: «Новгородские летописные своды XII века».
- июнь 1942** Вместе с семьей эвакуировался по «Дороге жизни» из блокадного Ленинграда в Казань.
- 1945** Издание книг «Национальное самосознание Древней Руси» и «Новгород Великий».
- 1946** Издание книги «Культура Руси эпохи образования Русского национального государства (конец XIV — начало XVI в.)».
- 1946–1953** Доцент, с 1951 — профессор Ленинградского государственного университета. На историческом факультете ЛГУ читал спецкурсы «История русского летописания», «Палеография», «История культуры Древней Руси» и др.
- 1947** Защитил диссертацию на степень доктора филологических наук на тему: «Очерки по истории литературных форм летописания XI–XVI вв.».
Издание книги «Русские летописи и их культурно-историческое значение».
- 1950** Издание «Слова о полку Игореве» в серии «Литературные памятники» с переводом и комментариями Д. С. Лихачева.
Издание «Повести временных лет» в серии «Литературные памятники» с переводом (совм. с Б. А. Романовым) и комментариями Д. С. Лихачева.
- 1952** Присуждена Государственная премия СССР за коллективный научный труд «История культуры Древней Руси. Т. 2».
Издание книги «Возникновение русской литературы».
- 1952–1991** Член, с 1971 — председатель редколлегии серии АН СССР «Литературные памятники».

- 1953 Избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.
- 1954–1999 Заведующий сектором, с 1986 — Отделом древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР.
- 1956–1999 Член Союза писателей СССР (Секция критики), с 1992 — член Союза писателей Санкт-Петербурга.
- 1958 Издание книги «Человек в литературе Древней Руси».
- 1961–1962 Депутат Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся.
- 1962 Издание книг «Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв.» и «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.)».
- 1963 Избран иностранным членом Болгарской академии наук.
- 1965–1966 Член Организационного комитета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.
- 1967 Избран почетным доктором Оксфордского университета (Великобритания).
Издание книги «Поэтика древнерусской литературы», удостоенной Государственной премии СССР.
- 1967 Член Совета Ленинградского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Член Центрального совета, с 1982 — член Президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.
- 1969 Присуждена Государственная премия СССР за научный труд «Поэтика древнерусской литературы».
- 1970 Избран действительным членом Академии наук СССР.
- 1971 Избран иностранным членом Сербской академии наук и искусств.
Присуждена степень почетного доктора наук Эдинбургского университета (Великобритания).
Издание книги «Художественное наследие Древней Руси и современность» (совм. с В. Д. Лихачевой).
- 1973 Избран иностранным членом Венгерской академии наук.
Издание книги «Развитие русской литературы X–XVII вв.: Эпохи и стили».
- 1974–1999 Председатель Научного совета по комплексной проблеме «История мировой культуры» АН СССР.

- 1975** Издание книги «Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси».
- 1976** Избран членом-корреспондентом Британской академии. Издание книги «“Смеховой мир” Древней Руси» (совм. с А. М. Панченко).
- 1977** Государственным Советом Народной Республики Болгарии награжден орденом Кирилла и Мефодия I степени.
- 1978** Издание книги «“Слово о полку Игореве” и культура его времени».
- 1978–1989** Инициатор, редактор (совм. с Л. А. Дмитриевым) и автор вступительных статей к монументальной серии «Памятники литературы Древней Руси» (12 томов), выходящей в издательстве «Художественная литература» (издание удостоено Государственной премии в 1993).
- 1979** Публикация статьи «Экология культуры» (Москва. 1979. № 7).
- 1981** Издание книг «Литература — реальность — литература» и «Заметки о русском».
- 1981–1998** Член редакционного совета альманаха «Памятники Отечества» Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.
- 1982** Избран почетным доктором Университета Бордо (Франция). Издание книги «Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей» (перезд.: Л., 1991; СПб., 1998).
- 1983** Избран почетным доктором Цюрихского университета (Швейцария). Издание книги для учащихся «Земля родная».
- 1983–1999** Председатель Пушкинской комиссии АН СССР.
- 1984** Имя Д. С. Лихачева присвоено малой планете № 2877, открытой советскими астрономами: (2877) Likhachev-1969 TR2.
- 1984–1999** Член Ленинградского научного центра АН СССР.
- 1985** Издание книг «Прошлое — будущему: статьи и очерки» и «Письма о добром и прекрасном».
- 1986** В связи с 80-летием присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот». Издание книги «Исследования по древнерусской литературе».

- 1986–1993** Председатель правления Советского фонда культуры (с 1991 — Российского фонда культуры).
- 1987** Избран депутатом Ленинградского городского Совета народных депутатов.
Издание книги «Великий путь: Становление русской литературы XI–XVII вв.».
Издание «Избранных работ» в трех томах.
- 1989–1991** Народный депутат Верховного Совета СССР от Советского фонда культуры.
- 1990** Издание книги «Школа на Васильевском: Книга для учителя» (совм. с Н. В. Благово и Е. Б. Белодубровским).
- 1991** Издание книг «Я вспоминаю», «Книга беспокойств», «Раздумья».
- 1992** Избран иностранным членом Философского научного общества США.
Издание книги «Русское искусство от древности до авангарда».
- 1993** Президиумом Российской Академии наук награжден Большой золотой медалью им. М. В. Ломоносова за выдающиеся достижения в области гуманитарных наук.
Присуждена Государственная премия РФ за серию «Памятники литературы Древней Руси».
Избран иностранным членом Американской академии наук и искусств.
Избран Почетным доктором Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов.
Присвоено звание первого Почетного гражданина Санкт-Петербурга.
Издана книга «Статьи ранних лет».
- 1994** Издание книги: «Великая Русь: История и художественная культура X–XVII вв.» (совм. с Г. К. Вагнером, Г. И. Вздорновым, Р. Г. Скрынниковым).
- 1995** В Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов представил проект «Декларации прав культуры». Осуществил научное руководство деятельностью группы ученых СПбГУП по разработке проекта «Декларации».
Издание книги «Воспоминания».
- 1996** Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени за выдающиеся заслуги перед государством и большой личный вклад в развитие русской культуры.

- Издание книг «Очерки по философии художественного творчества» (переизд. 1999) и «Без доказательств».
- 1997** Издание книги «Об интеллигенции: сборник статей».
- 1997–1999** Редактор (совм. с Л. А. Дмитриевым, А. А. Алексеевым, Н. В. Понырko) и автор вступительных статей монументальной серии «Библиотека литературы Древней Руси (изданы т. 1–7, 9–11; издательство «Наука»).
- 1998** Награжден орденом Святого апостола Андрея Первозванного «За веру и верность Отечеству» за вклад в развитие отечественной культуры (первый кавалер).
Издание книги «“Слово о полку Игореве” и культура его времени. Работы последних лет».
- 1999** Учреждает «Конгресс петербургской интеллигенции» (вместе с Ж. Алферовым, Д. Граниным, А. Запесоцким, К. Лавровым, А. Петровым, М. Пиотровским).
Издание книг «Раздумья о России», «Новгородский альбом».

Дмитрий Сергеевич Лихачев скончался 30 сентября 1999 г. в Санкт-Петербурге. Похоронен на кладбище в Комарово 4 октября.

**Д. С. ЛИХАЧЕВ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ**

Научно-педагогическое сотрудничество Д. С. Лихачева с Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов началось в 1992 г. и продолжалось до последних дней жизни ученого.

В мае 1993 г. Д. С. Лихачев был избран Почетным доктором СПбГУП.

Д. С. Лихачев принимал участие в разнообразных научных и общественных мероприятиях, проводимых Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов, в частности, в форуме «Судьба российской интеллигенции» (1996), научно-практической конференции «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1997), Конгрессе российской интеллигенции (1997) и др.

В 1995/96 г. под руководством Д. С. Лихачева группой ученых СПбГУП был разработан проект «Декларации прав культуры», публикация которого вызвала широкий общественный резонанс. «Декларация прав культуры» по сути стала научным и нравственным завещанием академика.

С 1993 г. при непосредственном участии Д. С. Лихачева в стенах СПбГУП проводились ежегодные научные чтения, приуроченные к Международным дням славянской письменности и культуры. По инициативе ректора СПбГУП А. С. Запесоцкого и писателя Д. А. Гранина после смерти Дмитрия Сергеевича Лихачева чтениям был придан государственный статус (Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.).

Международные Лихачевские научные чтения проводятся ежегодно с 2001 г. и одной из центральных тем является изучение творческого наследия Д. С. Лихачева. Помимо Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов в число соучредителей Чтений входят Российская Академия наук, Российская Академия образования, Конгресс петербургской интеллигенции. О значении и представительности Лихачевских чтений говорит тот факт, что в их работе ежегодно участвуют крупнейшие российские и зарубежные ученые, деятели культуры и искусства, церковные иерархи, видные общественные и государственные деятели. Несмотря на отсутствие бюджетного финансирования, Лихачевские чтения год от года собирают все большее количество единомышленников великого ученого.

В рамках подготовки к 100-летию академика Д. С. Лихачева Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов разработал и осуществил широкую юбилейную программу.

В дни Лихачевских чтений (май 2006 г.) была организована выставка, посвященная научной и образовательной деятельности Д. С. Лихачева в Гуманитарном университете профсоюзов.

Увидел свет сборник лекций и выступлений Д. С. Лихачева в СПбГУП «Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов», отражающий все ключевые моменты его сотрудничества с Университетом. Многие тексты, имеющие безусловное историческое значение, опубликованы впервые.

Увидело свет и другое издание — «Д. С. Лихачев. Избранные труды по русской и мировой культуре». Книга представляет собой своеобразное учебное пособие для студентов и аспирантов и дает представление о культурологических концепциях ученого.

Издательскую часть юбилейной программы пополнил специальный выпуск журнала университетского сообщества СПбГУП «Очень ^{UM}», составленный из воспоминаний современников Дмитрия Сергеевича, готовится сборник «Дни науки в Университете», где будут представлены лучшие доклады участников Чтений за период 1993–2006 гг.: Д. С. Лихачева, Н. А. Платэ, О. Т. Богомолова, Д. С. Львова, Б. В. Раушенбаха, В. С. Степина, Н. Н. Моисеева, В. Г. Костомарова, И. С. Кона, С. П. Капицы, А. Б. Куделина, М. Л. Ростроповича, Г. В. Свиридова, М. К. Аникушина, Н. М. Дудинской, А. Д. Некипелова, Н. В. Карлова, Н. П. Бехтеревой, В. В. Кожина, Н. Я. Петракова, А. М. Панченко, Т. И. Заславской.

23 ноября 2006 г. открылся университетский сайт «Площадь Лихачева»: <http://www.lihachev.ru>. В день 100-летия Д. С. Лихачева, 28 ноября 2006 г., на Аллее Славы Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов был открыт памятник великому ученому.

В планах научно-исследовательской работы Университета дальнейшее осмысление научного и нравственного наследия академика Д. С. Лихачева занимает особое место. Приоритетное направление научных разработок — феномен Дмитрия Лихачева как выдающегося культуролога XX в. Продолжается работа над «Декларацией прав культуры».

ИЗ ОФИЦИАЛЬНОЙ ХРОНИКИ

1993

19 мая

Театрально-концертный зал СПбГУП. Прошла торжественная церемония вручения диплома и мантии Почетного доктора СПбГУП академику Д. С. Лихачеву. Дмитрий Сергеевич выступил перед студентами с актовой лекцией «Петербург в истории русской культуры».

1995

23 мая

Театрально-концертный зал СПбГУП. Академик Д. С. Лихачев выступил на торжественной церемонии вручения мантии и диплома Почетного доктора СПбГУП балерине Н. М. Дудинской.

1 сентября Академик Д. С. Лихачев выступил перед студентами на Дне знаний Университета с проектом идей «Декларации прав культуры».

1996

23 мая *Театрально-концертный зал СПбГУП.* Академик Д. С. Лихачев выступил с докладом «Декларация прав культуры и ее международное значение» на пленарном заседании конференции «День науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов».

23 мая *Дворец Белосельских-Белозерских.* Академик Д. С. Лихачев выступил с докладом «Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества» на научной дискуссии «Судьба российской интеллигенции», проводимой под эгидой СПбГУП.

9 октября *Александринский театр.* Академик Д. С. Лихачев присутствовал на праздновании 70-летия ВПШК-СПбГУП и выступил на торжественной церемонии вручения мантии и диплома Почетного доктора СПбГУП композитору Г. В. Свиридову.

10 октября *Дворец Белосельских-Белозерских.* Академик Д. С. Лихачев присутствовал на обсуждении «Декларации прав культуры». В обсуждении участвовали ведущие профессора Университета, научная общественность Санкт-Петербурга.

28 ноября *Санкт-Петербургский научный центр Российской Академии наук.* Академик Д. С. Лихачев выступил с речью «Книга спасает от смерти» на праздновании 90-летия со дня своего рождения.

3 декабря *Дворец Белосельских-Белозерских.* Академик Д. С. Лихачев выступил с докладом «У нас есть опыт преодоления падения культуры» на научной дискуссии «Судьба российской интеллигенции», организованной СПбГУП.

1997

22 мая *Театрально-концертный зал СПбГУП.* Академик Д. С. Лихачев выступил с докладом «Великая культура примирительна по своей сути» на пленарном заседании международной научно-практической конференции «Гуманитарная культура как фактор преобразования России».

25 ноября *Дворец Белосельских-Белозерских.* Академик Д. С. Лихачев участвовал в заседании круглого стола по проблемам российской интеллигенции, проведенного Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов.

10 декабря *Конгресс российской интеллигенции. Москва.* Академик Д. С. Лихачев выступил с видеобращением «Сила интеллигенции —

в индивидуальности» к участникам конгресса, проводимого при участии СПбГУП.

1998

12 марта *Театрально-концертный зал СПбГУП.* Академик Д. С. Лихачев выступил на торжественной церемонии вручения мантии и диплома Почетного доктора СПбГУП музыканту М. Л. Ростроповичу.

22 апреля *Кабинет Д. С. Лихачева в Пушкинском Доме.* Почетный доктор СПбГУП, академик Д. С. Лихачев дал интервью «Спешите учиться» для документального фильма СПбГУП о жизни и научной деятельности Д. С. Лихачева.

14 октября *Дворец Белосельских-Белозерских.* Почетный доктор СПбГУП, академик Д. С. Лихачев выступил с речью «Нас ждет то, что мы сделаем сами» на научной дискуссии «Россия во мгле: оптимизм или отчаяние?», организованной СПбГУП.

1999

24 апреля *Театрально-концертный зал СПбГУП.* Академик Д. С. Лихачев выступил с докладом «Всякая образованность создается чтением и книгами» на Дне школьного библиотекаря в Университете.

21 мая *Театрально-концертный зал СПбГУП.* Почетный доктор СПбГУП, академик Д. С. Лихачев выступил на торжественной церемонии вручения мантии и диплома Почетного доктора СПбГУП актеру К. Ю. Лаврову.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ Д. С. ЛИХАЧЕВА

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ТРУДОВ
АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА (1935–1995)*

1. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. — М.; Л., 1935. — Т. 3–4. — С. 47–100.
2. Сборник статей и материалов о русской литературе XVIII в. // Кн. новости. — 1938. — № 17–18. — С. 37–38. — Рец. на кн.: XVIII век / АН СССР. — М., 1940. — Т. 2.
3. [Рецензия] // Кн. новости. — 1938. — № 19–20. — С. 35–36. — Рец. на кн.: Былины Севера. — М.; Л., 1938. — Т. 1: Записи / вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой.
4. [Рецензия] // Кн. новости. — 1938. — № 19–20. — С. 37. — Рец. на кн.: Онежские былины / зап. А. Ф. Гильфердингом. — М.; Л., 1938.
5. Советский фольклор // Кн. новости. — 1938. — № 21. — С. 25–27. — Рец. на кн.: Советский фольклор / АН СССР. — № 6.
6. [Рецензия] // Кн. новости. — 1938. — № 22. — С. 21–23. — Рец. на кн.: Пушкинский временник. — М., 1939. — № 4.
7. [Рецензия] // Кн. новости. — 1938. — № 22. — С. 24. — Рец. на кн.: Шестидесятые годы: сб. / под ред. Н. К. Пиксанова, О. В. Цехновицера. — М.; Л., 1940.
8. Издание трудов А. А. Шахматова по русским летописям // Кн. новости. — 1938. — № 23. — С. 25. — Рец. на кн.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. — М.; Л., 1938.
9. Академическое собрание сочинений А. Н. Радищева // Кн. новости. — 1938. — № 24. — С. 11–12.: портр. — Рец. на кн.: Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. — М.; Л., 1938. — Т. 1.
10. [Рецензия] // Кн. новости. — 1938. — № 24. — С. 37. — Рец. на кн.: Исторический архив. — Т. 4.
11. Русские летописи // Звезда. — 1939. — № 9. — С. 160–166.
12. Задонщина: о древнерус. повести начала XV в., посвящ. Куликовской битве 1380 г. // Литературная учеба. — 1941. — № 3. — С. 87–100.

* Библиография подготовлена на основе книг: Дмитрий Сергеевич Лихачев / вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц и М. А. Салминой, библиография сост. М. А. Салминой и Г. Н. Финашиной. — 3-е изд., доп. — М.: Наука, 1989. (Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз. Вып. 17); Хронологический список трудов академика Д. С. Лихачева за 1988–1996 гг. / сост. М. А. Салмина // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб., 1997. — Т. 50. — С. 40–70. Используются сведения с сайта Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева.

13. Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV–XV веках // Исторический журнал. — 1941. — Кн. 6. — С. 43–56.
14. Искусство XVII в. // История русской литературы: учебник для вузов / под ред. В. А. Десницкого, Б. С. Мейлаха и Л. А. Плоткина. — М., 1941. — Т. 1, ч. 1. — С. 307–313.
15. Искусство XVIII в. // История русской литературы: учебник для вузов / под ред. В. А. Десницкого, Б. С. Мейлаха и Л. А. Плоткина. — М., 1941. — Т. 1, ч. 2. — С. 296–310.
16. Искусство Киевской Руси // История русской литературы: учебник для вузов / под ред. В. А. Десницкого, Б. С. Мейлаха и Л. А. Плоткина. — М., 1941. — Т. 1, ч. 1. — С. 87–90.
17. Искусство времени образования многонационального Русского государства. Эпоха Ивана Грозного // История русской литературы: учебник для вузов / под ред. В. А. Десницкого, Б. С. Мейлаха и Л. А. Плоткина. — М., 1941. — Т. 1, ч. 1. — С. 221–224.
18. Искусство периода объединения Северо-Восточной Руси (1380–1460) // История русской литературы: учебник для вузов / под ред. В. А. Десницкого, Б. С. Мейлаха и Л. А. Плоткина. — М., 1941. — Т. 1, ч. 1. — С. 150–151.
19. Искусство периода создания национального Русского государства (1460–1530-е годы) // История русской литературы: учебник для вузов / под ред. В. А. Десницкого, Б. С. Мейлаха и Л. А. Плоткина. — М., 1941. — Т. 1, ч. 1. — С. 182–184.
20. Искусство периода феодальной раздробленности и татаро-монгольского ига // История русской литературы: учебник для вузов / под ред. В. А. Десницкого, Б. С. Мейлаха и Л. А. Плоткина. — М., 1941. — Т. 1, ч. 1. — С. 122–125.
21. Оборона древнерусских городов. — Л.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1942. — 104 с.: ил. — Совместно с М. А. Тихановой.
22. Военное искусство Древней Руси // Звезда. — 1943. — № 1. — С. 106–112.
23. Культура Киевской Руси при Ярославе Мудром // Исторический журнал. — 1943. — Кн. 7. — С. 28–35.
24. Культура Руси на рубеже XIV–XV веков // Исторический журнал. — 1943. — Кн. 1. — С. 40–45.
25. К вопросу о теории русского государства в конце XV и в XVI в. // Исторический журнал. — 1944. — Кн. 7–8. — С. 31–38.
26. Национально-героические идеи в архитектуре Ленинграда // Звезда. — 1944. — № 4. — С. 97–101.
27. Новгородские летописные своды XII в.: автореф. // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1944. — Т. 3, вып. 2–3. — С. 98–106.
28. Архитектурный облик Ленинграда // Пропаганда и агитация. — 1945. — № 18. — С. 54–61.
29. Литература Новгорода XIV–XV вв. // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — М.; Л., 1945. — Т. 2, ч. 1: Литература 1220–1580-х гг. — С. 253–268.
30. Литература Новгорода второй половины XV — первой половины XVI в. // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — М.; Л., 1945. — Т. 2, ч. 1: Литература 1220–1580-х гг. — С. 368–389.

31. Литература Новгорода XIII–XIV вв. // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — М.; Л., 1945. — Т. 2, ч. 1: Литература 1220–1580-х гг. — С. 107–125.
32. Литература Новгорода времени Грозного // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — М.; Л., 1945. — Т. 2, ч. 1: Литература 1220–1580-х гг. — С. 516–520.
33. Литература Пскова XIII–XIV вв. Введение // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — М.; Л., 1945. — Т. 2, ч. 1: Литература 1220–1580-х гг. — С. 128–134. — Совместно с В. П. Адриановой-Перетц.
34. Литература Пскова второй половины XV — первой половины XVI в. Введение // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — М.; Л., 1945. — Т. 2, ч. 1: Литература 1220–1580-х гг. — С. 390–394.
35. Национальное самосознание Древней Руси: очерки из области русской литературы XI–XVII вв. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. — 119 с.
36. Новгород // Звезда. — 1945. — № 3. — С. 102–106.
37. Новгород Великий: очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. — Л.: Госполитиздат, 1945. — 103 с.
38. Псков // Звезда. — 1945. — № 10–11. — С. 201–204.
39. Устные летописи в составе «Повести временных лет» // Исторические записки. — 1945. — Т. 17. — С. 201–224.
40. Русский посольский обычай XI–XIII вв. // Исторические записки. — 1946. — Т. 18. — С. 42–55.
41. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1946. — Т. 5, вып. 5. — С. 418–428.
42. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1947. — Т. 5. — С. 36–56.
43. Иван Грозный — писатель // Звезда. — 1947. — № 10. — С. 183–188.
44. О русской летописи, находившейся в одном сборнике со «Словом о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1947. — Т. 5. — С. 139–141.
45. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. — 499 с.
46. Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов. 1864–1920: сб. ст. и матер. / под ред. С. П. Обнорского. — М.; Л., 1947. — С. 253–293.
47. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1948. — Т. 6. — С. 100–110.
48. Исторические песни второй половины XVII в. // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — М.; Л., 1948. — Т. 2, ч. 2: Литература 1590–1690 гг. — С. 282–286.
49. История русского летописания: план курса и крат. метод. указания: учеб. матер. № 6. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1948. — 7 с.
50. Любовное письмо XVII века: (из сб. Титова № 1121) // Учен. зап. Гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. — 1948. — Т. 67: Каф. рус. лит. — С. 38–39.

51. О летописном периоде русской историографии // Вопросы истории. — 1948. — № 9. — С. 21–40.
52. Очерки по истории форм летописания XI–XVI вв. // Вести высшей школы. — 1948. — № 11. — С. 64. — Аннот. докт. дис.
53. Плач о реке Нарове 1665 г.: текст и коммент. // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1948. — Т. 6. — С. 333–338.
54. Повесть о Горе-злочастии // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — М.; Л., 1948. — Т. 2, ч. 2: Литература 1590–1690 гг. — С. 207–221.
55. Повести о покорении Сибири // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — М.; Л., 1948. — Т. 2, ч. 2: Литература 1590–1690 гг. — С. 89–94.
56. Путешествия на Запад // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — М.; Л., 1948. — Т. 2, ч. 2: Литература 1590–1690 гг. — С. 420–427.
57. Сибирское летописание // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — М.; Л., 1948. — Т. 2, ч. 2: Литература 1590–1690 гг. — С. 273–282 (автором этой статьи в книге ошибочно указан В. Л. Комарович).
58. Смутное время в изображении литературных памятников 1612–1630 гг. // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — М.; Л., 1948. — Т. 2, ч. 2: Литература 1590–1690 гг. — С. 68–77.
59. Софийский временник и новгородский политический переворот 1136 года // Исторические записки / отв. ред Б. Д. Греков. — М.: Изд-во АН СССР, 1948. — Т. 25. — С. 240–265.
60. Старообрядческая литература. Протопоп Аввакум // История русской литературы / ред. тома А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. — М.; Л., 1948. — Т. 2, ч. 2: Литература 1590–1690 гг. — С. 314–322.
61. Юбилей чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1948. — Т. 6. — С. 407–409.
62. Из наблюдений над лексикой «Слова о полку Игореве» // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1949. — Т. 8, вып. 6. — С. 551–554.
63. Летописные известия об Александре Поповиче // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1949. — Т. 7. — С. 17–51.
64. Повести о Николе Заразском (тексты) // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1949. — Т. 7. — С. 257–406.
65. Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г. (Волоколамский список XVI в. Список Хронографа 1599 г.): вступ. ст., подгот. текста и коммент. // Воинские повести Древней Руси / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1949. — С. 5–29, 119–142.
66. Слово о полку Игореве: вступ. ст. («Слово о полку Игореве», с. 5–51), подгот. текста, пер. с древнерус., примеч. — Л.: Сов. писатель, 1949. — 208 с. — (Б-ка поэта: Малая сер. — 2-е изд.).
67. Бессмертное произведение русской литературы: (к 150-летию первого издания «Слова о полку Игореве») // Звезда. — 1950. — № 12. — С. 150–154.

68. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: сб. исслед. и ст. / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1950. — С. 5–52.
69. Повесть временных лет. По Лаврентьевской летописи 1377 г.: ист.-лит. очерк (ч. 2, с. 4–148), подгот. текста, пер. с древнерус. (совм. с Б. А. Романовым) и коммент. / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1950. — Ч. 1–2.
70. Слово о полку Игореве: ист.-лит. очерк (с. 229–290), подгот. текста, пер. с древнерус., коммент. и примеч. / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 481 с. — (Лит. памятники).
71. Слово о полку Игореве: ист.-лит. очерк / отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 164 с. — (Науч.-попул. сер.). — (2-е изд., доп. — 1955).
72. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: сб. исслед. и ст. / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1950. — С. 53–92.
73. Иван Грозный — писатель // Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье; пер. и коммент. Я. С. Лурье; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1951. — С. 452–467.
74. Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы // Вопросы истории. — 1951. — № 12. — С. 30–54.
75. Литература XI–XIII вв. // История культуры Древней Руси / под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера. — М.; Л., 1951. — Т. 2: Домонгольский период, ч. 2: Общественный строй и духовная культура. — С. 163–215.
76. Некоторые вопросы классового характера русской литературы XI–XVII веков // Известия АН СССР. Отд.-ние лит. и яз. — 1951. — Т. 10, вып. 5. — С. 461–473.
77. Общественно-политические идеи «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1951. — Т. 8. — С. 17–30.
78. Послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г.: публ. // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1951. — Т. 8. — С. 247–286.
79. Послание в Кирилло-Белозерский монастырь (1573) // Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье; пер. и коммент. Я. С. Лурье; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1951. — С. 162–192.
80. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1951. — Т. 8. — С. 218–234.
81. Возникновение русской литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 240 с.
82. Золотое слово русской литературы: вступ. ст. // Слово о полку Игореве. — М.; Л.: Детгиз, 1952. — С. 5–42. — (2-е изд., доп. — 1954; 3-е изд. — 1961; 4-е изд. — 1970; 5-е изд. — 1972; 6-е изд. — 1975; 7-е изд. — 1978; 8-е изд. — 1979; 9-е изд. — 1980; переизд. — 1983; переизд. — 1984; уточн. изд. — 1986).
83. Слово о полку Игореве: вступ. ст. («Золотое слово русской литературы», с. 5–42), подгот. текста, пер. с древнерус., объяснит. пер., примеч. / грав. В. А. Фаворского, М. И. Пикова. — М.; Л.: Детгиз, 1952. — 224 с. — (2-е изд., доп. — 1954; 3-е изд. — 1961; 4-е изд. — 1970; 5-е изд. — 1972; 6-е изд. — 1975; 7-е изд. — 1978; 8-е изд. — 1979; 9-е изд. — 1980; переизд. — 1983; переизд. — 1984; уточн. изд. — 1986).

84. Эпическое время русских былин // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия: сб. ст. — М., 1952. — С. 55–63.
85. Величайшее произведение литературы Древней Руси: вступ. ст. // Слово о полку Игореве. — Л.: Сов. писатель, 1953. — С. 5–31. — (Б-ка поэта: Малая сер. — 3-е изд.).
86. Культура Руси периода феодальной раздробленности: искусство и литература // Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. / под ред. Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто. — М., 1953. — Ч. 1. — С. 424–462.
87. Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X–XI вв.) // Русское народное поэтическое творчество. — М.; Л., 1953. — Т. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII века. — С. 141–216.
88. Народное поэтическое творчество в годы феодальной раздробленности Руси — до татаро-монгольского нашествия (XII — начало XIII в.) // Русское народное поэтическое творчество. — М.; Л., 1953. — Т. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII века. — С. 217–247.
89. Слово о полку Игореве: вступ. ст. («Величайшее произведение литературы Древней Руси», с. 5–31), подгот. текста, пер. и коммент. — Л.: Сов. писатель, 1953. — 270 с. — (Б-ка поэта: Малая сер. — 3-е изд.).
90. Изображение людей в летописи XII–XIII веков // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1954. — Т. 10. — С. 7–43.
91. Итоги и перспективы изучения древнерусской литературы в свете задач построения истории литературы // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1954. — Т. 13, вып. 5. — С. 414–433.
92. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI–XIII веков // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1954. — Т. 10. — С. 76–91.
93. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. — М.; Л., 1954. — С. 319–346.
94. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1954. — Т. 10. — С. 106–119.
95. Изучение древней русской литературы в СССР за последние десять лет. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 23 с. — (Докл. сов. делегации на Междунар. совещ. славяноведов в Белграде).
96. Некоторые новые принципы в методике текстологических исследований древнерусских литературных памятников // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1955. — Т. 14, вып. 5. — С. 403–419.
97. Нельзя так относиться к памятникам народного зодчества: письмо в ред. // Литературная газета. — 1955. — 15 янв. — Совместно с А. Морозовым, Н. Ворониным, А. Юговым.
98. Движение русской литературы XI–XVII веков к реалистическому изображению действительности. — М.: Тип. «На боевом посту», 1956. — 19 с. — (Материалы к дискус. о реализме в мировой лит.).
99. Иван Пересветов и его литературная современность // Пересветов И. Сочинения / подгот. текст А. А. Зимин. — М.; Л., 1956. — С. 28–56.
100. Изображение людей в житийной литературе конца XIV–XV века // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1956. — Т. 12. — С. 105–115.

101. Московский Кремль // *Художественные памятники Московского Кремля*. — М., 1956. — С. 5–10: ил.
102. Об итогах и задачах изучения русской литературы XI–XVII вв. // Колобанов В. А. Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945–1955 гг. / В. А. Колобанов, О. Ф. Коновалова, М. А. Салмина. — М.; Л., 1956. — С. 3–34.
103. От исторического имени литературного героя к вымышленному // *Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз.* — 1956. — Т. 15, вып. 3. — С. 201–214.
104. По поводу статьи В. А. Черных о развитии методов передачи текста исторических источников // *Исторический архив*. — 1956. — № 3. — С. 188–193.
105. Слово о полку Игореве // *БСЭ*. — 2-е изд. — 1956. — Т. 39. — С. 357–358. — Совместно с Н. К. Гудзием.
106. Создадим музей русского народного искусства // *Звезда*. — 1956. — № 2. — С. 188–189.
107. Средневековый символизм в стилистических системах Древней Руси и пути его преодоления: (к постановке вопроса) // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его 60-летию: сб. ст. — М., 1956. — С. 165–171.
108. Закономерности развития художественной литературы: материалы к изучению проблем // *Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз.* — 1957. — Т. 16, вып. 6. — С. 493–508. — Совместно с др.
109. Заседание, посвященное творчеству протопопа Аввакума, состоявшееся 26 апреля в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР // *Вестник АН СССР*. — 1957. — № 7. — С. 113–114.
110. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. // *Труды Отдела древнерусской литературы*. — 1957. — Т. 13. — С. 66–89.
111. К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов // *Исторический архив*. — 1957. — № 6. — С. 154–166.
112. Литературные памятники Киевской Руси // *Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков*. — М., 1957. — С. III–XII.
113. Новый перевод «Слова о полку Игореве»: [о пер. С. В. Ботвинника] // *Ленинградский альманах*. — 1957. — Кн. 12. — С. 359–360.
114. Повесть временных лет: пер. с древнерус., ст. и примеч. // *Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков*. — М., 1957. — С. 1–146.
115. Повесть о разорении Рязани Батыем: пер. с древнерус., ст. и примеч. // *Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков*. — М., 1957. — С. 267–275, 358–366.
116. Слово Даниила Заточника: ст. и примеч. // *Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков*. — М., 1957. — С. 326–330.
117. У предыстиков реализма русской литературы // *Вопросы литературы*. — 1957. — № 1. — С. 73–86.
118. Шахматов Алексей Александрович // *БСЭ*. — 2-е изд. — 1957. — Т. 47. — С. 553–554.
119. Бессмертное произведение древнерусской литературы // *Слово о полку Игореве: в ил. и док.* / сост. О. А. Пини. — Л., 1958. — С. 3–14.
120. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы Древней Руси» // *Труды Отдела древнерусской литературы*. — 1958. — Т. 15. — С. 486–495.

121. Варвара Павловна Адрианова-Перетц: (к 70-летию со дня рождения) // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1958. — Т. 17, вып. 3. — С. 263–266.
122. Вопросы советской науки: закономерности развития художественной литературы. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — 22 с. — Совместно с др.
123. Иносказание «жизни человеческой» в «Повести о Горе-злочастии» // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков: сб. посвящен Н. К. Пиксанову. — М.; Л., 1958. — С. 25–27.
124. История русского романа: проспект. — Л.: Ин-т рус. лит. АН СССР (Пушкинский Дом), 1958. — 62 с. — Совместно с др.
125. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе // Русская литература. — 1958. — № 2. — С. 3–13.
126. Какие типы изданий следует рекомендовать для публикаций памятников древних славянских литератур? // Сборник ответов на вопросы по литературоведению. — М., 1958. — С. 98–102. — (Сов. ком. славистов. IV Междунар. съезд славистов).
127. Литература второй половины XI — первой четверти XII века. Развитие оригинальных русских жанров, углубление связей литературы с русской действительностью // История русской литературы / гл. ред. Д. Д. Благой. — М.; Л., 1958. — Т. 1: Литература X–XVIII веков. — С. 53–86.
128. Литература второй четверти XII — первой четверти XIII века. Рост местных литературных центров. Критическое отношение прогрессивной литературы к феодальному дроблению страны и отражение идеи единства Руси // История русской литературы / гл. ред. Д. Д. Благой. — М.; Л., 1958. — Т. 1: Литература X–XVIII веков. — С. 87–133.
129. Литература конца X — первой половины XI века: появление первых русских и переводных литературных произведений // История русской литературы / гл. ред. Д. Д. Благой. — М.; Л., 1958. — Т. 1: Литература X–XVIII веков. — С. 24–52.
130. Наука и просвещение в России до XVIII в. // История Академии наук СССР. — М.; Л., 1958. — Т. 1: 1724–1803. — С. 13–19.
131. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — 67 с. — (АН СССР. IV Междунар. съезд славистов. Докл.).
132. Некоторые итоги и перспективы изучения русской литературы X–XVII вв. // Вестник АН СССР. — 1958. — № 12. — С. 19–24.
133. Об издании древнеславянских текстов // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1958. — Т. 17, вып. 2. — С. 198–200. — (Материалы к IV Междунар. съезду славистов).
134. Об исторической и формальной классификации списков древнеславянских памятников // Славянская филология: сб. ст. — М., 1958. — Т. 1. — С. 264–274. — (IV Междунар. съезд славистов).
135. Русская литература X–XVII веков: заключение // История русской литературы / гл. ред. Д. Д. Благой. — М.; Л., 1958. — Т. 1: Литература X–XVIII веков. — С. 369–377.
136. Стих о жизни патриарших певчих: демократическая сатира конца XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1958. — Т. 14. — С. 423–426.

137. Человек в литературе Древней Руси. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — 186 с. — (2-е изд. — М.: Наука, 1970).
138. Возможный случай скрытой полемики фольклорного произведения с книжным // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков. — М.; Л., 1959. — С. 335–336.
139. Новгород Великий: очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. — М.: Сов. Россия, 1959. — 104 с.
140. Об образовании восточнославянских национальных литературных языков. Вопрос № 5: «Чем объяснить усиление влияния и расширение функций деловой речи в стилистике древнерусской литературы XVI–XVII вв.»: ответ // Вопросы языкознания. — 1959. — № 5. — С. 56–59.
141. У предыстоков реализма русской литературы // Проблемы реализма: материалы дискуссии о реализме в мировой литературе, 12–18 апреля 1957 г. — М., 1959. — С. 426–444.
142. Вопросы атрибуции текстов древнерусской литературы // О принципах определения авторства в связи с общими проблемами теории и истории литературы: науч. сес. — Л., 1960. — С. 5–12. — (Тез. докл. и сообщ.).
143. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике: докл. сов. ученых на IV Междунар. съезде славистов. — М., 1960. — С. 95–151.
144. О словаре-комментарии «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1960. — Т. 16. — С. 424–441. — Совместно с Б. Л. Богородским и Б. А. Лариным.
145. Об одной особенности реализма // Вопросы литературы. — 1960. — № 3. — С. 53–68.
146. Понятие «лучшего списка» в текстологической работе // Археографический ежегодник за 1958 год / под ред. М. Н. Тихомирова. — М., 1960. — С. 7–10.
147. Серия монографических исследований памятников древнерусской литературы // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1960. — Т. 19, вып. 3. — С. 237–242.
148. Вопросы атрибуции произведений древнерусской литературы // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1961. — Т. 17. — С. 17–41.
149. Выступление на I Координационном совещании по актуальным проблемам славяноведения // Актуальные проблемы славяноведения: материалы I Координац. совещ. по актуал. пробл. славяноведения. — М., 1961. — С. 29–31. — (Крат. сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР. № 33–34).
150. Задачи текстологии // Русская литература. — 1961. — № 4. — С. 175–185.
151. К вопросу о подделках литературных памятников и исторических источников // Исторический архив. — 1961. — № 6. — С. 145–149.
152. Кризис современной зарубежной механистической текстологии // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1961. — Т. 20, вып. 4. — С. 274–286.
153. Культура русского народа X–XVII вв. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — 120 с.
154. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV в. // Исследования и материалы по древнерусской литературе. — М., 1961. — С. 9–24.

155. Литературный этикет Древней Руси (к проблеме изучения) // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1961. — Т. 17. — С. 5–16.
156. Несколько замечаний по поводу статьи Риккардо Пиккио // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1961. — Т. 17. — С. 675–678.
157. О своей работе // Вопросы литературы. — 1961. — № 12. — С. 245.
158. Памятники культуры — всенародное достояние // История СССР. — 1961. — № 3. — С. 3–12.
159. По поводу сообщения В. Малышева «Старинные переплеты и рукописные находки» // Русская литература. — 1961. — № 2. — С. 207–208.
160. Слово о полку Игореве — героический пролог русской литературы. — М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1961. — 134 с. — (2-е изд. — Л.: Худож. лит., 1967).
161. У истоков русской литературы // Дет. энцикл. — 1961. — Т. 10. — С. 173–176.
162. «Возни стрикусы» в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1962. — Т. 18. — С. 587.
163. Время в произведениях русского фольклора // Русская литература. — 1962. — № 4. — С. 32–47.
164. Вторая международная конференция по поэтике // Вести АН СССР. — 1962. — № 2. — С. 97–98.
165. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века: сб. ст. — М.; Л., 1962. — С. 5–78.
166. Изучение состава сборников для выяснения истории текста произведений // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1962. — Т. 18. — С. 3–12.
167. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — 172 с.
168. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России: рез. докл. // IV Международный съезд славистов: материалы дискуссии. — М., 1962. — Т. 1: Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. — С. 31–32.
169. О единообразии в условных наборных обозначениях особенностей текста // Исторический архив. — 1962. — № 1. — С. 174–175.
170. Основные принципы текстологического изучения памятников русской литературы XI–XVII вв.: докл. на общ. собрании Отд-ния лит. и яз. АН СССР, 27 июня 1962 г. // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1962. — Т. 21, вып. 6. — С. 481–490.
171. Понятие «конвоия» в текстологических исследованиях памятников древнерусской литературы // Древний мир: сб. ст. [посвящ. акад. Василию Васильевичу Струве]. — М., 1962. — С. 646–650.
172. Предпосылки возникновения жанра романа в русской литературе // История русского романа. — М.; Л., 1962. — Т. 1. — С. 26–39.
173. Работа по описанию старых славянских рукописей в СССР после IV Международного съезда славистов в Москве // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1962. — Т. 21, вып. 1. — С. 64–67.
174. Русская демократическая поэзия XVII века // Демократическая поэзия XVII века / подгот. текста и примеч. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1962. — С. 5–30. — Совместно с В. П. Адриановой-Перетц. — (Б-ка поэта: Большая сер. — 2-е изд.).

175. Система жанров в древнерусской литературе: докл. на V Всесоюз. совещ. по древнерус. лит. Ленинград, 22–26 мая 1962 г.: крат. излож. // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1962. — Т. 21, вып. 5. — С. 461.
176. «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века: сб. ст. — М.; Л., 1962. — С. 300–320.
177. Совещание Эдиционно-текстологической комиссии Международного комитета славистов // Вести АН СССР. — 1962. — № 1. — С. 130.
178. Совещание Эдиционно-текстологической комиссии Международного комитета славистов в Варшаве // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1962. — Т. 21, вып. 2. — С. 170–172.
179. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — 605 с. — (2-е изд., перераб. и доп. — Л.: Наука, 1983).
180. Анэстетизм и древнерусская литература // Русская литература. — 1963. — № 1. — С. 79–87.
181. Беречь памятники прошлого: [по поводу ст. В. Солоухина «Беречь прошлое — думать о будущем» в журн. «Нева». 1962. № 11] // Нева. — 1963. — № 3. — С. 195–196.
182. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // Археологический ежегодник за 1962 год: (к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова). — М., 1963. — С. 48–51.
183. Какие критерии следует положить в основу периодизации славянских литератур — каждой литературы в отдельности и всех в целом: ответ на вопрос № 2 // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1963. — Т. 22, вып. 4. — С. 318–319.
184. Краткий очерк научно-исследовательской и преподавательской деятельности В. П. Адриановой-Перетц // Варвара Павловна Адрианова-Перетц. — М., 1963. — С. 6–17. — (Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 4).
185. Культура Древней Руси // Краткая история СССР. — М.; Л., 1963. — Ч. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. — С. 62–75. — (2-е изд., перераб. — Л., 1972. — Ч. 1. — С. 48–58).
186. Московский Кремль: ист. очерк // Юному художнику: кн. для чтения по истории искусства. — 2-е изд. — М., 1963. — С. 291–296.
187. Об эстетическом изучении памятников культуры прошлого // Вопросы литературы. — 1963. — № 3. — С. 100–111.
188. Работа, которую необходимо продолжить: [о кн. «Теория литературы: основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер» и возможных ее продолжениях] // Вопросы литературы. — 1963. — № 9. — С. 54–61.
189. Русская культура XIII–XV вв. // Краткая история СССР: в 2 ч. — М.; Л., 1963. — Ч. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. — С. 98–107. — (2-е изд., перераб. — Л., 1972; 4-е изд., перераб. и доп. — М., 1983).
190. Русская культура XVII в. // Краткая история СССР. — М.; Л., 1963. — Ч. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. — С. 206–217. — (2-е изд., перераб. — Л., 1972. — С. 159–166; 4-е изд., перераб. и доп. — М., 1983. — С. 157–163).

191. Русская культура во второй половине XV–XVI в. // Краткая история СССР: в 2 ч. — М.; Л., 1963. — Ч. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. — С. 153–166. — (2-е изд., перераб. — Л., 1972; 4-е изд., перераб. и доп. — М., 1983).
192. Система литературных жанров Древней Руси: докл. сов. делегации // Славянские литературы: V Междунар. съезд славистов. София, сентябрь 1963 г. — М., 1963. — С. 47–70.
193. Слово о полку Игореве // Огонек. — 1963. — № 51. — С. 14–15.
194. Шестоднев Иоанна Экзарха и «Поучение» Владимира Мономаха // Вопросы теории и истории языка. — Л., 1963. — С. 187–190.
195. V Международный съезд славистов // Русская литература. — 1964. — № 1. — С. 210–211. — Совместно с Я. С. Лурье.
196. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. — М., 1964. — С. 311–359.
197. Древнейшее русское изображение скомороха и его значение для истории скоморошества // Проблемы сравнительной филологии: сб. ст. к 70-летию чл.-кор. АН СССР В. М. Жирмунского. — М., 1964. — С. 462–466.
198. К изучению художественных методов русской литературы XI–XVII вв. // Актуальные задачи изучения русской литературы XI–XVII веков. — М.; Л., 1964. — С. 5–28. — (Труды Отдела древнерусской литературы; Т. 20).
199. Когда было написано «Слово о полку Игореве»? // Вопросы литературы. — 1964. — № 8. — С. 132–160.
200. О названии «Задонщина» // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст., посвящ. 75-летию проф. С. Н. Валка. — М.; Л., 1964. — С. 474–475. — (Труды Ленингр. отд-ния Ин-та истории АН СССР; Вып. 7).
201. Памятники искусства в литературе Новгорода // Новгород: к 1100-летию города. — М., 1964. — С. 48–56.
202. Первая русская летопись // Рассказы «Начальной русской летописи» / подгот. Т. Михельсон и Д. Лихачев; пер. с древнерус. — М., 1964. — С. 5–22. — Совместно с Т. Михельсон. — (2-е изд. — М., 1966).
203. Слово о полку Игореве // Слово о полку Игореве / ред. текста и прозаич. пер. И. П. Еремина; поэтич. пер. В. А. Жуковского; грав. В. А. Фаворского. — М.: Худож. лит., 1964. — С. 5–20. — (Нар. б-ка). — (Переизд.: 1967, 1968, 1976).
204. Текстология: крат. очерк. — М.; Л.: Наука, 1964. — 102 с.
205. Черты подражательности «Задонщины»: (к вопр. об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве») // Русская литература. — 1964. — № 3. — С. 84–107.
206. Шахматов — текстолог // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1964. — Т. 23, вып. 6. — С. 481–486.
207. В чем суть различий между древней и новой русской литературой // Вопросы литературы. — 1965. — № 5. — С. 170–187.
208. В чем сущность спора о реалистичности в древнерусской литературе // Русская литература. — 1965. — № 2. — С. 59–69.
209. Об авторе и его книге // Блок Г. Московяне: ист. повесть. — 2-е изд. — М., 1965. — С. 3–6. — (3-е изд. — М., 1975).
210. Ответ Б. Я. Бухштабу и Е. И. Прохорову: в связи с дискус. по поводу кн. Д. С. Лихачева «Текстология» // Русская литература. — 1965. — № 3. — С. 156–162.

211. По поводу статьи Б. Я. Бухштаба «Что же такое текстология?» // Русская литература. — 1965. — № 1. — С. 76–89.
212. Принцип историзма в изучении единства содержания и формы литературного произведения // Русская литература. — 1965. — № 1. — С. 16–32.
213. Стилистическая симметрия в древнерусской литературе // Проблемы современной филологии: сб. ст. к 70-летию акад. В. В. Виноградова. — М., 1965. — С. 418–423.
214. В поисках единомышленников: [к опубл. Ин-том славяноведения Парижского ун-та трудов М. И. Успенского «Небольшие исторические данные о происхождении “Слова о полку Игореве”»] // Вопросы литературы. — 1966. — № 5. — С. 158–166.
215. Задачи изучения Соловецкого историко-культурного комплекса: тез. докл. и сообщений к научной конференции в г. Архангельске «Памятники культуры русского Севера». — М., 1966. — С. 25–28.
216. Новгород Великий, ровесник русской истории // Советский Союз. — 1966. — № 5. — С. 37–41.
217. Об Игоре Петровиче Еремине // Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. — М.; Л., 1966. — С. 3–8.
218. Повесть временных лет: (отрывки): пер с древнерус. // Древнерусская литература: хрестоматия / сост. А. Л. Жовтис. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1966. — С. 5–20. — Совместно с Б. А. Романовым. — (Автором перевода Посланий Ивана Грозного князю А. М. Курбскому Д. С. Лихачев назван ошибочно.)
219. Принцип ансамбля в древнерусской эстетике // Культура Древней Руси: посвящ. 40-летию научной деятельности Николая Николаевича Воронина. — М., 1966. — С. 118–120.
220. Принцип историзма в изучении единства содержания и формы литературного произведения // Вопросы методологии литературоведения. — М.; Л., 1966. — С. 142–169.
221. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. — 499 с. — (Russian reprint ser. ed. by A. V. Soloviev. 31. The Hague: Europe Printing, 1966 (8 с. доп. с перечнем важнейших изданий и исслед. летописей, вышедших после 1947 г.)). — Фототип. переизд.
222. Слово о гибели Русской земли и «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского // Русско-европейские литературные связи: сб. ст. к 70-летию со дня рождения акад. М. П. Алексеева. — М.; Л., 1966. — С. 92–96.
223. Сохраним ансамбли Ленинграда // Декоративное искусство СССР. — 1966. — № 4. — С. 19–23. — Совместно с др.
224. Сравнительное изучение литературы и искусства Древней Руси // Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси. — М.; Л., 1966. — С. 3–10. — (Труды Отдела древнерусской литературы; Т. 22).
225. Эстетическая оценка и текстологическое исследование: тез. // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры: к 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР П. Н. Беркова. — М.; Л., 1966. — С. 449–455. — (XVIII век; Сб. 7).
226. Возвышение Москвы (вторая четверть XIII — середина XV в.) // Культура Древней Руси: пособие для учителей / сост. Э. С. Смирнова. — Л., 1967. — С. 85–96.

227. Изучение русской литературы X–XVII веков за 50 лет // Русская литература. — 1967. — № 3. — С. 88–101.
228. Киевская Русь (X — начало XIII в.) // Культура Древней Руси: пособие для учителей / сост. Э. С. Смирнова. — Л., 1967. — С. 9–21.
229. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. (Конец XIV — начало XVI в.) — Л.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1946. — 160 с. — (Russian reprint ser. ed. A. V. Soloviev with the assistance of A. Kim-ball. 39. The Hague, Paris: Mouton, 1967). — Фототип. переизд. кн.
230. Летописи // Крат. лит. энцикл. — 1967. — Т. 4. — С. 168–169.
231. Москва во главе Русского государства (конец XV–XVI в.) // Культура Древней Руси: пособие для учителей / сост. Э. С. Смирнова. — Л., 1967. — С. 145–156.
232. Несколько мыслей о языке литературы и литературном языке Древней Руси // Историко-филологические исследования: сб. ст. к 75-летию акад. Н. И. Конрада. — М., 1967. — С. 302–307.
233. По поводу статьи С. Н. Азбелева «Текстология как вспомогательная историческая дисциплина» // История СССР. — 1967. — № 2. — С. 230–235.
234. Поэтика древнерусской литературы. — Л.: Наука, 1967. — 372 с. — (2-е изд., доп. — Л.: Худож. лит., 1971; 3-е изд., доп. — М.: Наука, 1979).
235. Предвозрождение на Руси в конце XIV — первой половине XV века // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. — М., 1967. — С. 136–182.
236. Россия на пороге нового времени (XVII в.) // Культура Древней Руси: пособие для учителей / сост. Э. С. Смирнова. — Л., 1967. — С. 209–220.
237. «Слово о полку Игореве» / [вступ. заметка] // Слово о полку Игореве. — М., 1967. — С. 5–20. — (Нар. б-ка). — (Переизд.: М., 1968; Л., 1976).
238. Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче, как победили супостата своего царя Мамай: пер. с древнерус. // Слово о полку Игореве. — Л., 1967. — (Б-ка поэта: Большая сер. — 2-е изд.). — С. 378–388. — Совместно с Л. А. Дмитриевым и О. В. Твороговым.
239. Слово о погибели Русской земли: пер. с древнерус. // Слово о полку Игореве. — Л., 1967. — (Б-ка поэта: Большая сер. — 2-е изд.). — С. 360–362. — Совместно с Л. А. Дмитриевым и О. В. Твороговым.
240. Слово о походе Игоря Святославича: вступ. ст. // Слово о полку Игореве. — Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1967. — С. 5–39. — (Б-ка поэта: Большая сер. — 2-е изд.).
241. Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова: [пер. с древнерус.] // Там же. — С. 57–66. — (Б-ка поэта: Большая сер. — 2-е изд.). — Совместно с Л. А. Дмитриевым и О. В. Твороговым.
242. Советская литературная наука и классическое наследие: ответы на вопр. ред. журн. // Вопросы литературы. — 1967. — № 9. — С. 28–31.
243. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. — 1968. — № 8. — С. 74–87.
244. Впечатления от книги: об учебнике по истории древнерус. лит. для вузов Н. К. Гудзия // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. — М., 1968. — С. 44–45.

245. Древнеславянские литературы как система: докл. сов. делегации // Славянские литературы: VI Междунар. съезд славистов. Прага, август 1968 г. — М., 1968. — С. 5–48.
246. «Единый исторический факт» и художественное обобщение в русских былинах // Славяне и Русь: [к 60-летию акад. Б. А. Рыбакова]. — М., 1968. — С. 429–436.
247. Национальное единообразие и национальное разнообразие // Русская литература. — 1968. — № 1. — С. 135–141.
248. Барокко и его русский вариант XVII века // Русская литература. — 1969. — № 2. — С. 18–45.
249. Будущее литературы как предмет изучения: заметки и размышления // Новый мир. — 1969. — № 9. — С. 167–184.
250. Древнерусская культура и современность: беседа // Вопросы философии. — 1969. — № 11. — С. 129–134.
251. Из комментария к тексту стихотворения «Родина» // Вопросы теории и истории языка: сб. ст., посвящ. памяти Б. А. Ларина. — Л., 1969. — С. 69–70.
252. Изборник: сб. произв. лит. Древней Руси / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. — М., 1969. — (Б-ка всемир. лит. Сер. 1; Т. 15).
253. Илья Николаевич Голенищев-Кутузов // Русская литература. — 1969. — № 4. — С. 175–180.
254. К статье А. Г. Кузьмина «Мнимая загадка Святослава Всеволодовича» // Русская литература. — 1969. — № 3. — С. 110.
255. Наставление тверского епископа Семена: подгот. текста, пер. с древнерус., примеч. // «Изборник»: сб. произв. лит. Древней Руси / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. — М., 1969. — С. 376–377, 747 — (Б-ка всемир. лит. Сер. 1; Т. 15).
256. Национальное самосознание Древней Руси: очерки из области русской литературы XI–XVII вв. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. — 120 с. — (Slavistic printings and reprintings, ed. by C. H. Van Schooneveld. 238. The Hague, Paris: Mouton, 1969). — Фототип. переизд. кн.
257. Павел Наумович Берков: некролог // Русская литература. — 1969. — № 3. — С. 241–244. — Совместно с И. З. Серманом.
258. Первые семьсот лет русской литературы // «Изборник»: сб. произв. лит. Древней Руси / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. — М., 1969. — С. 5–26. — (Б-ка всемир. лит. Сер. 1; Т. 15).
259. Повесть временных лет: пер. с древнерус. // Хрестоматия по древнерусской литературе / сост. М. Е. Федорова и Т. А. Сумникова. — М., 1969. — С. 6–27. — Совместно с Б. А. Романовым. — (2-е изд., испр. — М., 1974; 3-е изд., испр. и доп. — М., 1985 и 1986; 4-е изд., испр. и доп. — М., 1994).
260. Повесть временных лет: подгот. текста, пер. с древнерус., примеч. // «Изборник»: сб. произв. лит. Древней Руси / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. — М., 1969. — С. 28–91, 700–707. — (Б-ка всемир. лит. Сер. 1; Т. 15).
261. Повесть о Горе-злочастии: подгот. текста, примеч. // «Изборник»: сб. произв. лит. Древней Руси / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. — М., 1969. — С. 597–608, 780. — (Б-ка всемир. лит. Сер. 1; Т. 15).
262. Повесть о разорении Рязани Батыем: пер. с древнерус. // Хрестоматия по древнерусской литературе / сост. М. Е. Федорова, Т. А. Сумникова. — М.,

1969. — С. 80–88. — (3-е изд., испр. и доп. — М., 1985 и 1986; 4-е изд., испр. и доп. — М., 1994).

263. Повесть о разорении Рязани Батыем: подгот. текста, пер., примеч. // «Изборник»: сб. произв. лит. Древней Руси / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. — М., 1969. — С. 344–361, 742–745. — (Б-ка всемир. лит. Сер. 1; Т. 15).

264. Поучение Владимира Мономаха: пер. с древнерус. // Хрестоматия по древнерусской литературе / сост. М. Е. Федорова, Т. А. Сумникова. — М., 1969. — С. 33–38. — (3-е изд., испр. и доп. — М., 1985 и 1986. — С. 40–46).

265. Поучение Владимира Мономаха: подгот. текста, пер. с древнерус., примеч. // «Изборник»: сб. произв. лит. Древней Руси / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. — М., 1969. — С. 146–171, 709–713. — (Б-ка всемир. лит. Сер. 1; Т. 15).

266. Поэт и история // Соснора В. А. Всадники. — Л., 1969. — С. 5–10.

267. Работа Н. Заболоцкого над переводом «Слова о полку Игореве»: публ. писем Д. С. Лихачева к Н. Заболоцкому, коммент. к письмам и ст. Н. Заболоцкого «К вопросу о ритмической структуре “Слова о полку Игореве”» // Вопросы литературы. — 1969. — № 1. — С. 164–165, 168–171, 173, 175–176, 187–188.

268. Семнадцатый век в русской литературе // XVII век в мировом литературном развитии. — М., 1969. — С. 299–328.

269. Слово Даниила Заточника: подгот. текста, пер., примеч. // «Изборник»: сб. произв. лит. Древней Руси / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. — М., 1969. — С. 224–235, 728–730. — (Б-ка всемир. лит. Сер. 1; Т. 15).

270. Слово о полку Игореве: подгот. текста, пер., примеч. // «Изборник»: сб. произв. лит. Древней Руси / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. — М., 1969. — С. 196–213, 715–726. — (Б-ка всемир. лит. Сер. 1; Т. 15).

271. Тресвѣтлое солнце Плача Ярославны // Литература и общественная мысль Древней Руси. — Л., 1969. — С. 409. — (Труды Отдела древнерусской литературы; Т. 24).

272. Древнерусская культура и современность: интервью // Декоративное искусство СССР. — 1970. — № 1. — С. 41–43.

273. О планировании изучения древней русской литературы // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. — Л., 1970. — С. 5–12.

274. Основные направления в беллетристике XVII в. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. — Л., 1970. — С. 491–500, 525–536, 558–561.

275. Памяти Владимира Валерьяновича Данилова (20/VII 1881 г. — 23/IV 1970 г.) // Памятники русской литературы X–XVII вв. — М.; Л., 1970. — С. 351–354. — (Труды Отдела древнерусской литературы; Т. 25).

276. [По поводу книги А. Н. Копылова «Культура русского населения Сибири в XVII–XVIII вв.». — Новосибирск, 1968]: письмо в редакцию // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1970. — Т. 29, вып. 5. — С. 470–471.

277. Сюжетное повествование в памятниках, стоявших вне жанровых систем XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. — Л., 1970. — С. 195–207.

278. Сюжетное повествование и новые явления в русской литературе XVII в. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. — Л., 1970. — С. 454–457.

279. Художественная среда литературного произведения // Симпозиум «Проблемы ритма, художественного времени и пространства в литературе и искусстве», 21–25 декабря 1970 г.: тез. и аннот. — Л., 1970. — С. 7–9.
280. Б. А. Романов и его «гид» Даниил Заточник // Исследования по социально-политической истории России: сб. ст. памяти Бориса Александровича Романова. — Л., 1971. — С. 39–43. — (Труды Ленингр. отд-ния Ин-та истории АН СССР; Вып. 12).
281. В поисках выражения реального: о Ф. М. Достоевском // Вопросы литературы. — 1971. — № 11. — С. 177–183.
282. Виктор Максимович Жирмунский (2 авг. 1891 года — 31 янв. 1971 года): некролог // Русская литература. — 1971. — № 1. — С. 233–237. — Совместно с А. В. Десницкой.
283. Вступительное слово (на совещании, посвященном памяти акад. А. А. Шахматова, проходившем 7–8 октября 1970 г. в Ленинграде) // Археологический ежегодник за 1970 год. — М., 1971. — С. 390–394.
284. Историческая реальность и изучение закономерностей в развитии стилей // Русская литература. — 1971. — № 3. — С. 58–61.
285. Литературный «дед» Остапа Бендера // Страницы истории русской литературы: к 80-летию чл.-кор. АН СССР Н. Ф. Бельчикова. — М., 1971. — С. 245–248.
286. [Люди и нравы Древней Руси: докл. на научном заседании, посвящ. памяти Б. А. Романова, 16 ноября 1957 г.] // Исследования по социально-политической истории России: сб. ст. памяти Бориса Александровича Романова. — Л., 1971. — С. 390–392. — (Труды Ленингр. отд-ния Ин-та истории АН СССР; Вып. 12).
287. Можно ли включать «Историю Российскую» Татищева в историю русской литературы // Русская литература. — 1971. — № 1. — С. 64–68.
288. Николай Иосифович Конрад: некролог // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1971. — Т. 30, вып. 1. — С. 99–102. — Совместно с В. И. Семановым.
289. О теме данной книги // Виноградов В. В. О теории художественной речи. — М., 1971. — С. 212–232.
290. По поводу письма в редакцию А. Н. Копылова // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1971. — Т. 30, вып. 4. — С. 380–383.
291. Поэтика художественного времени // Минц С. И. Русская фольклористика: хрестоматия / С. И. Минц, Э. В. Померанцева. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1971. — С. 245–255.
292. Предисловный рассказ Достоевского // Поэтика и стилистика русской литературы: памяти акад. Виктора Владимировича Виноградова. — Л., 1971. — С. 189–194.
293. Пути к новой русской литературе // Художественное наследие Древней Руси и современность. — Л.: Наука, 1971. — С. 71–112. — Совместно с В. Д. Лихачевой.
294. Русская культура нового времени и Древняя Русь // Древнерусская литература и русская культура XVIII–XX вв. — Л., 1971. — С. 3–7. — (Труды Отдела древнерусской литературы; Т. 26).
295. Своеобразие древнерусской литературы // Художественное наследие Древней Руси и современность. — Л.: Наука, 1971. — С. 52–70. — Совместно с В. Д. Лихачевой.

296. Слово о полку Игореве // Крат. лит. энцикл. — 1971. — Т. 6. — С. 961–963.
297. Слово о полку Игореве / [вступ. ст. «Золотое слово русской литературы», с. 5–42], подгот. текста, пер., примеч. — Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1971. — 229 с. — (Школьная б-ка).
298. Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова: подгот. текста, пер., послесл. / худож. В. Семенов. — Л.: Худож. РСФСР, 1971. — 111 с.
299. Социальные корни отличий русского барокко от барокко других славянских стран // Научная конференция «Сравнительное изучение славянских литератур»: тез. докл. и сообщ. — М., 1971. — С. 7–10.
300. Социальные корни типа Манилова // Проблемы теории и истории литературы: сб. ст., посвящ. памяти проф. А. Н. Соколова. — М., 1971. — С. 297–307.
301. Художественное наследие Древней Руси и современность. — Л.: Наука, 1971. — 120 с.
302. К дискуссии о методах реставрации памятников древнерусской живописи // Искусство. — 1972. — № 2. — С. 34–37.
303. Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. — Л., 1972. — С. 10–27.
304. Курбский и Грозный — были ли они писателями? // Русская литература. — 1972. — № 4. — С. 202–209.
305. Мировое значение культуры Новгорода: докл. на науч.-метод. конф. в Новгороде, 29–31 мая 1968 г. // Тысячелетние корни русской культуры. — Новгород, 1972. — С. 82–96.
306. Н. И. Конрад как руководитель серии «Литературные памятники» // Археологический ежегодник за 1971 год. — М., 1972. — С. 226–230.
307. Новые открытия памятников русской письменности и литературы // Вести АН СССР. — 1972. — № 4. — С. 55–65.
308. Писатели и книжники Древней Руси // Жуков Д. Русские писатели XVII века / Д. Жуков, Л. Пушкарев. — М., 1972. — С. 5–8. — (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 4).
309. Своеобразие исторического пути русской литературы X–XVII веков // Русская литература. — 1972. — № 2. — С. 3–36.
310. Слово о полку Игореве и процесс жанрообразования XI–XIII вв. // История жанров в русской литературе X–XVII вв. — Л., 1972. — С. 69–75. — (Труды Отдела древнерусской литературы; Т. 27).
311. Варвара Павловна Адрианова-Перетц: некролог // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1973. — Т. 32, вып. 1. — С. 100–103. — Совместно с Н. Дробленковой, Л. Дмитриевым и А. Панченко.
312. Возрождение в средневековье: ответ В. В. Кожинову // Русская литература. — 1973. — № 4. — С. 114–118.
313. Древнерусский смех // Проблемы поэтики и истории литературы: сб. ст. — Саранск, 1973. — С. 73–90.
314. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы: докл. сов. делегации // Славянские литературы: VII Междунар. съезд славистов. Варшава, август 1973 г. — М., 1973. — С. 160–177.

315. Илья Николаевич Голенищев-Кутузов // Голенищев-Кутузов И. Н. Славянские литературы: ст. и исслед. — М., 1973. — С. 3–16.
316. Культура Древней Руси и задачи ее изучения // Бюл. Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО. — 1973. — № 4. — С. 6–8.
317. Несколько мыслей о «неточности» искусства и стилистических направлениях // Philologica. Исследования по языку и литературе: памяти акад. В. М. Жирмунского. — Л., 1973. — С. 394–401.
318. Николай Иосифович Конрад // Литературные памятники: справ. / сост. Д. В. Ознобишин. — М., 1973. — С. 28–36.
319. О Ефиме Яковлевиче Дороше // Дорош Е. Дождь пополам с солнцем: деревенский дневник. — М.: Сов. писатель, 1973. — С. 5–8. — (Переизд.: М., 1990).
320. О словарях и словарниках // Русская речь. — 1973. — № 2. — С. 60–64.
321. Общие принципы реконструкции литературно-художественных текстов // Текстология славянских литератур: докл. конф. Ленинград, 25–30 мая 1971 г. — Л., 1973. — С. 131–137.
322. Основные принципы текстологических исследований памятников древнерусской литературы // Текстология славянских литератур: докл. конф. Ленинград, 25–30 мая 1971 г. — Л., 1973. — С. 219–234.
323. Письмо к художнику А. Д. Шмаринову // Кто с мечом: три произведения древнерус. лит. XIII–XV веков; пер. с древнерус. / сост. А. Д. Шмаринов; консультант Д. С. Лихачев. — М., 1973. — С. 9–11. — (2-е изд. — М., 1975. — С. 8–10).
324. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей: по поводу ст. А. Г. Кузьмина «Спорные вопросы методологии изучения русских летописей» в журн. «Вопросы истории». 1973. № 2 // Вопросы истории. — 1973. — № 8. — С. 194–203. — Совместно с В. Л. Яниным и Я. С. Лурье.
325. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. — Л.: Наука, 1973. — 254 с.
326. Социально-исторические корни отличий русского барокко от барокко других стран // Сравнительное изучение славянских литератур: материалы конф., 18–20 мая 1971 г. — М., 1973. — С. 381–390.
327. Бунт крошечного «мира» // Семиотика: материалы Всесоюз. симпоз. по вторичным моделирующим системам. — Тарту, 1974. — Т. 1 (5). — С. 116–118.
328. Была ли эпоха так называемых «петровских реформ» перерывом в развитии русской культуры? // Междунар. науч. конф. «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII–XIX вв.)», 26–28 ноября 1974 г.: тез. докл. и сообщ. — М., 1974. — С. 40–41.
329. В поисках выражения реального // Достоевский: материалы и исслед. — Л., 1974. — Т. 1. — С. 5–13.
330. Варвара Павловна Адрианова-Перетц — организатор исследовательской работы // Вопросы истории русской средневековой литературы. — Л., 1974. — С. 3–5. — (Труды Отдела древнерусской литературы; Т. 29).
331. Время в художественной литературе // Образцы изучения текста художественного произведения в трудах советских литературоведов / сост. Б. О. Корман. — Ижевск, 1974. — Вып. 1: Эпическое произведение. — С. 91–98.

332. Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей // Археографический ежегодник за 1972 год. — М., 1974. — С. 234–242.
333. Золотое слово русской литературы // Русская литература: хрестоматия для 8 кл. сред. шк. / сост. Т. П. Казымова. — М., 1974. — С. 3. — (2-е изд. — М., 1975; 3-е изд. — М., 1976; 4-е изд. — М., 1978. — Ч. 1; 5-е изд., испр. — М., 1980. — Ч. 1; 6-е изд., испр. и доп. — М., 1983. — Ч. 1).
334. К вопросу о происхождении названия псковско-новгородских еретиков «стригольники» // Сборник докл. и сообщ. лингвист. о-ва Калинин. ун-та. — 1974. — Т. 4. — С. 130–132.
335. Миссия древнеболгарской литературы и культуры // Болгария. — 1974. — № 9. — С. 12–13.
336. О воспитании патриотизма, о преемственности в освоении культуры // Возраст познания / сост. Н. Филипповский. — М., 1974. — С. 97–110. — (2-е изд. — М., 1977).
337. Об изучении древней русской литературы в Академии наук за 250 лет ее существования (несколько общих наблюдений) // Русская литература. — 1974. — № 2. — С. 3–13.
338. Об общественной ответственности литературоведения // Контекст. 1973: лит.-теорет. исслед. — М., 1974. — С. 6–10.
339. Русское предвозрождение в истории мировой культуры // Историко-филологические исследования: сб. ст. памяти акад. Н. И. Конрада. — М., 1974. — С. 17–26.
340. Слово о полку Игореве: вступ. ст. // «Слово о походе Игоревом». — Куйбышев, 1974. — С. 5–33. — (Школьная б-ка).
341. Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова: отрывки текста и прозаич. пер. с древнерус., вступ. заметка, примеч. // Русская литература: хрестоматия для 8 кл. сред. шк. / сост. Т. П. Казымова. — М., 1974. — Совместно с Л. А. Дмитриевым и О. В. Твороговым. — (2-е изд. — М., 1975; 3-е изд. — М., 1976; 4-е изд. — М., 1978. — Ч. 1; 5-е изд., испр. — М., 1980. — Ч. 1; 6-е изд., испр. и доп. — М., 1983. — Ч. 1).
342. Стиль как поведение: (к вопросу о стиле произведений Ивана Грозного) // Современные проблемы литературоведения и языкознания: к 70-летию со дня рождения акад. Михаила Борисовича Храпченко. — М., 1974. — С. 191–199.
343. Великое наследие: клас. произв. лит. Древней Руси. — М.: Современник, 1975. — 368 с. — (2-е изд., доп. — М.: Современник, 1980. — 412 с.). — (Б-ка «Любителям рос. словесности»).
344. Вступление и послесловие «Несколько слов о “Последней охоте Василия III”» к статье Е. Дороша «Страницы ненаписанных книг» // Новый мир. — 1975. — № 7. — С. 156–157, 207–210.
345. Задачи изучения связи рукописной книги и печатной // Рукописная и печатная книга. — М., 1975. — С. 1–10.
346. Из выступления на общем собрании Отделения литературы и языка АН СССР по обсуждению деятельности Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели // Литературная Грузия. — 1975. — № 4. — С. 85–86.
347. Издатели по призванию // Издания М. и С. Сабашниковых (1891–1934): каталог выставки / сост. Л. И. Юниверг; под ред. А. И. Маркушевича. — М., 1975. — С. 3–4.

348. Новое о древнерусской литературе // Наука и человечество: междунар. ежегод., 1976. — М., 1975. — С. 44–51. — Ежегод. пер. на нем., пол. и чеш. яз.
349. Петровские реформы и развитие культуры // Новости ЮНЕСКО: информ. бюл. — 1975. — № 1. — С. 10–16.
350. Послесловие к брошюре 1942 года: Д. С. Лихачев «Оборона древнерусских городов» / Д. С. Лихачев, М. А. Тиханова // Звезда. — 1975. — № 1. — С. 180–183.
351. Система стилевых взаимоотношений в истории европейского искусства и место в ней русского XVIII века // Русская литература XVIII века и ее международные связи: памяти П. Н. Беркова. — Л., 1975. — С. 5–11. — (XVIII век; Сб. 10).
352. Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова: пер. с древнерус. // «Слово о полку Игореве» в переводах А. Мусина-Пушкина, В. Жуковского, А. Майкова, И. Новикова [и др.]. — М.: Современник, 1975. — 277 с. — Совместно с Л. А. Дмитриевым и О. В. Твороговым.
353. Современность древнерусской литературы: беседа // Литературное обозрение. — 1975. — № 2. — С. 77–83.
354. Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины» (исследование Анджело Данти) // «Слово о полку Игореве» и памятки древнерусской литературы. — Л., 1976. — С. 165–175. — (Труды Отдела древнерусской литературы; Т. 31).
355. Гипотезы или фантазии в истолковании темных мест «Слова о полку Игореве» // Звезда. — 1976. — № 6. — С. 203–210.
356. Еще раз о «Сне Святослава» в «Слове о полку Игореве» // Сравнительное изучение литератур: сб. ст. к 80-летию акад. М. П. Алексеева. — Л., 1976. — С. 9–11.
357. К вопросу о судьбе рукописи Изборника 1073 г. в XIV в. // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи: в 2 т. — Л., 1976. — Т. 1. — С. 42–44.
358. Кирилл и Мефодий // Смена. — 1976. — № 10. — С. 24–25.
359. Небрежение словом у Достоевского // Достоевский: материалы и исслед. — Л., 1976. — Т. 2. — С. 30–41.
360. Необходимые разъяснения: к полемике с М. Ф. Мурьяновым по поводу толкования отдельных выражений произведений древнерус. лит. // Русская литература. — 1976. — № 4. — С. 103–106.
361. О некоторых неотложных задачах специальных филологических дисциплин // Вести АН СССР. — 1976. — № 4. — С. 64–72.
362. О точности литературоведения // Литературные направления и стили: сб. ст., посвящ. 75-летию проф. Г. Н. Пospelова. — М., 1976. — С. 14–17.
363. Открыть человека: беседа // Вопросы литературы. — 1976. — № 11. — С. 186–196.
364. Подарок болгарских ученых: картина К. Гошевой «Спор Кирилла-Константина с римскими “триязычниками” в Венеции» // Вести АН СССР. — 1976. — № 11. — С. 90–92.
365. Роман Робертович Гельгардт: к 70-летию со дня рождения // Науч. докл. высш. шк. филол. науки. — 1976. — № 4. — С. 126–127. — Совместно с др.
366. Слово о полку Игореве и эстетические представления его времени // Русская литература. — 1976. — № 2. — С. 24–37.

367. Слово о полку Игореве: ист.-лит. очерк. — М.: Просвещение, 1976. — 175 с. — (2-е изд., испр. и доп. — 1982).
368. Смеховой мир Древней Руси. — Л.: Наука, 1976. — 204 с. — (Сер. «Из истории мировой культуры»). — Совместно с А. М. Панченко. Д. С. Лихачеву принадлежит ст. «Смех как мировоззрение». — С. 7–90.
369. Стилеформирующая доминанта древнерусского домонгольского искусства и литературы // Средневековая Русь. — М., 1976. — С. 131–134.
370. Учиться понимать: о чем беседует сегодняшний кинематограф со зрителем // Советский экран. — 1976. — № 15. — С. 8–9.
371. Хожение в тысячу лет: беседа // В мире книг. — 1976. — № 11. — С. 84–87.
372. Бунт «кромешного мира» // Семиотика и художественное творчество. — М., 1977. — С. 253–264.
373. В. М. Жирмунский — свидетель и участник литературного процесса первой половины XX в. // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика: избр. тр. — Л., 1977. — С. 5–14.
374. Задачи серии «Литературные памятники» // Русская литература. — 1977. — № 4. — С. 103–108.
375. И сохранить, и изучить: [обсуждение ст. Е. Немировского «Музей книги: каким ему быть?»] // В мире книг. 1976. № 6] // В мире книг. — 1977. — № 3. — С. 75.
376. О Борисе Александровиче Ларине // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: избр. работы: учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. пед. ин-тов. — М., 1977. — С. 5–10.
377. Об авторе этой книги // Сильман Т. И. Заметки о лирике. — Л., 1977. — С. 217–222.
378. Открытие в известном: беседа // В мире книг. — 1977. — № 7. — С. 12–14.
379. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // О прогрессе в литературе. — Л., 1977. — С. 50–77.
380. Прошлое должно служить современности! // Неман. — 1977. — № 10. — С. 169–171.
381. Размышления о герое будущего в литературе // Театр. — 1977. — № 11. — С. 83–84.
382. Своеобразие исторического пути русской литературы X–XVII веков // Литература и социология. — М., 1977. — С. 85–136.
383. Тактические умолчания в споре о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» // Русская литература. — 1977. — № 1. — С. 88–93.
384. Типологическое изучение древнерусской литературы: о работах в этой области А. Н. Робинсона // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1977. — Т. 36, № 4. — С. 338–344.
385. Ахматова и Гоголь // Традиция в истории культуры. — М., 1978. — С. 223–227.
386. Была ли эпоха Петровских реформ перерывом в развитии русской культуры? // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций, XVIII–XIX вв.: материалы Междунар. конф. ЮНЕСКО. — М., 1978. — С. 170–174.

387. Величие древней литературы // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. — М., 1978. — С. 5–20.
388. Героический пролог русской литературы: «Слово о полку Игореве» // Вершины: кн. о выдающихся произведениях рус. лит. — М., 1978. — С. 9–38.
389. Древнерусская литература и современность // Русская литература. — 1978. — № 4. — С. 25–31.
390. Задачи серии «Литературные памятники» // Литературные памятники: справ. / сост. Д. В. Ознобишин. — М., 1978. — С. 5–20. — (Лит. памятники).
391. «Задонщина» и «Повесть о разорении Рязани Батыем» // Древняя Русь и славяне. — М., 1978. — С. 366–370.
392. Из комментария к стихотворению А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека» // Русская литература. — 1978. — № 1. — С. 186–188.
393. К 60-летию чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто // История СССР. — 1978. — № 2. — С. 239–242. — Совместно с А. Л. Нарочницким и Я. Н. Щаповым.
394. К вопросу о политической позиции Владимира Мономаха // Из истории феодальной России: ст. и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина. — Л., 1978. — С. 34–37.
395. Монументально-исторический стиль в древнеславянских литературах и его мировые связи: докл. на симпоз. «Три дня древнерусской литературы в Тбилисском государственном университете», посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Тбилиси, 26–28 сентября 1977 г.: крат. излож. // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1978. — Т. 37, вып. 2. — С. 189.
396. Монументально-исторический стиль древнеславянских литератур // Славянские литературы: VIII Междунар. съезд славистов. Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г. — М., 1978. — С. 119–150.
397. О статье Андрея Чернова // Литературная учеба. — 1978. — № 6. — С. 168.
398. Повесть временных лет: пер. с древнерус. // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. — М., 1978. — С. 23–277.
399. Поучение Владимира Мономаха: пер. с древнерус., коммент. // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. — М., 1978. — С. 393–413, 459–463.
400. Предисловие // Сапунов Б. В. Книга в России в XI–XIII вв. — Л., 1978. — С. 3–8.
401. Слово о Толстом // Литературное обозрение. — 1978. — № 9. — С. 3–6.: портр.
402. Слово о полку Игореве и культура его времени. — Л.: Худож. лит., 1978. — 359 с. — (2-е изд., доп. — 1985).
403. Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести / вступ. ст., сост. и коммент. В. П. Аникина, Д. С. Лихачева, Т. Н. Михельсон. — М., 1979. — 638 с. — (Б-ка мировой лит. для детей; Т. 1). — (Переизд.: М., 1986, 1989).
404. Величие гения: о Л. Н. Толстом // Двести десять шагов: ст. о лит. и искусстве. Поэма. — М., 1979. — С. 19–21. — (Б-ка «Комс. правды»; № 5).
405. Выступление за «круглым столом» журнала «История СССР» о предмете и методе истории культуры // История СССР. — 1979. — № 6. — С. 120–121.

406. Градозащитная символика Успенских храмов // Уникальному памятнику русской культуры Успенскому собору Московского Кремля — 500 лет: тез. науч. конф., 4–6 сентября 1979 г. — М., 1979. — С. 35–36.
407. Жанры и виды древнерусской литературы. Литература и действительность // Древняя русская литература в исследованиях: хрестоматия / сост. Л. Н. Гусева, Л. Л. Короткая. — Минск, 1979. — С. 33–52.
408. Знать свое прошлое // Литературная учеба. — 1979. — № 1. — С. 189–191.
409. Из «Поучения» Владимира Мономаха: пер. с древнерус. и коммент. // Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести / вступ. ст., сост. и коммент. В. П. Аникина, Д. С. Лихачева, Т. Н. Михельсон. — М., 1979. — С. 387–390, 560–563. — (Б-ка мировой лит. для детей; Т. 1). — (Переизд.: М., 1986, 1989).
410. Из «Моления Даниила Заточника»: пер. с древнерус. и коммент. // Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести / вступ. ст., сост. и коммент. В. П. Аникина, Д. С. Лихачева, Т. Н. Михельсон. — М.: Дет. лит., 1979. — С. 412–416, 578–581. — (Б-ка мировой лит. для детей; Т. 1). — (Переизд.: М., 1986, 1989).
411. К специфике художественного слова // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1979. — Т. 38, вып. 6. — С. 509–512.
412. Куликовская битва в истории русской культуры // Памятники Отечества. — М., 1979. — Кн. 4. — С. 244–256.
413. Литературный этикет // Древняя русская литература в исследованиях: хрестоматия / сост. Л. Н. Гусева, Л. Л. Короткая. — Минск, 1979. — С. 52–70.
414. О задачах ежегодника // Памятники культуры. Новые открытия: ежегод., 1978. — Л., 1979. — С. 5–6.
415. О точности литературоведения // Введение в литературоведение: хрестоматия. — М., 1979. — С. 180–183.
416. Первые века русской литературы // Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести / вступ. ст., сост. и коммент. В. П. Аникина, Д. С. Лихачева, Т. Н. Михельсон. — М.: Дет. лит., 1979. — С. 19–40. — (Б-ка мировой лит. для детей; Т. 1). — Совместно с Т. Н. Михельсон. — (Переизд.: М., 1986, 1989).
417. Повесть о Горе-злочастии // Древняя русская литература в исследованиях: хрестоматия / сост. Л. Н. Гусева, Л. Л. Короткая. — Минск, 1979. — С. 214–227.
418. Повесть о Тверском Отроче монастыре // Древняя русская литература в исследованиях: хрестоматия / сост. Л. Н. Гусева, Л. Л. Короткая. — Минск, 1979. — С. 203–214.
419. Повесть о разорении Рязани Батыем: пер. с древнерус. и коммент. // Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести / вступ. ст., сост. и коммент. В. П. Аникина, Д. С. Лихачева, Т. Н. Михельсон. — М.: Дет. лит., 1979. — С. 419–425, 583–584. — (Б-ка мировой лит. для детей; Т. 1). — (Переизд.: М., 1986, 1989).
420. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. // Древняя русская литература в исследованиях: хрестоматия / сост. Л. Н. Гусева, Л. Л. Короткая. — Минск, 1979. — С. 190–203.
421. Сады Лицея // Пушкин: исслед. и материалы. — Л., 1979. — Т. 9. — С. 188–194.

422. Связь всех связей: о месте филол. науки в системе соврем. знаний // Литературное обозрение. — 1979. — № 1. — С. 36–37.
423. Слово о Толстом: к 150-летию Л. Н. Толстого // Современник: крат. ежегод., 1979. — М., 1979. — С. 275–284.
424. Слово о полку Игореве и эстетические представления его времени // Древняя русская литература в исследованиях: хрестоматия / сост. Л. Н. Гусева, Л. Л. Короткая. — Минск, 1979. — С. 110–130.
425. Слово о полку Игореве: подгот. текста, пер. с древнерус. и коммент. // Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести. — М., 1979. — С. 397–411, 568–578. — (Б-ка мировой лит. для детей; Т. 1). — (Переизд.: 1986, 1989).
426. Сочинения царя Ивана Васильевича Грозного // Древняя русская литература в исследованиях: хрестоматия / сост. Л. Н. Гусева, Л. Л. Короткая. — Минск, 1979. — С. 167–187.
427. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского. (Царь и «государев изменник») // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков; отв. ред. Д. С. Лихачев. — М.: Наука, 1979. — С. 183–213. — (Лит. памятники). — (Переизд.: 1981, 1993).
428. Толстой и тысячелетние традиции русской литературы // Русская и грузинская средневековые литературы. — Л., 1979. — С. 5–19.
429. Тысячелетие русской литературы // Русская литература. — 1979. — № 1. — С. 3–13. — Совместно с Л. А. Дмитриевым и О. В. Твороговым.
430. Экология культуры // Москва. — 1979. — № 7. — С. 173–179.
431. Богаче духом, сильнее разумом...: о пробл. изд. для младших школьников ист. кн. // Детская литература. — 1980. — № 1. — С. 73–75.
432. Ваша профессия и ваш патриотизм // Ленин. Наука. Молодежь. — М., 1980. — С. 213–216.
433. Воспоминания о Николае Асееве // Воспоминания о Николае Асееве / сост. К. М. Асеева, О. Г. Петровская. — М., 1980. — С. 240–302.
434. Заметки о русском // Новый мир. — 1980. — № 3. — С. 10–38.
435. История русской культуры показывает ее открытый характер: размышления // Культура и жизнь. — 1980. — № 10. — С. 28–29.
436. К 70-летию академика Алексея Сергеевича Бушмина // Русская литература. — 1980. — № 3. — С. 242–243. — Совместно с Ю. А. Андреевым и В. Н. Баскаковым.
437. Куликовская битва в истории русской культуры // Поле Куликово: сказания о битве на Дону. — М., 1980. — С. 7–15. — (Воинам рус. рати, 1380–1980).
438. Куликовская битва в миниатюрах XVI века // Повесть о Куликовской битве: из Лицевого летопис. свода XVI в. = The tale of the battle on the Kulikovo field / сост. Л. А. Дмитриев; пер. с древнерус. О. П. Лихачевой. — Л., 1980. — С. 171–177. — На рус. и англ. яз.
439. Литература эпохи «Слова о полку Игореве» // Памятники литературы Древней Руси: XII век / сост., общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. — М., 1980. — С. 5–22. — (Памятники лит. Древней Руси).
440. Ложная этическая оценка у Н. С. Лескова // Звезда. — 1980. — № 7. — С. 176–179.

441. Мировое значение Куликовской победы // *Художник*. — 1980. — № 10. — С. 38–49.
442. Моление Даниила Заточника: подгот. текста, пер., коммент. // *Памятники литературы Древней Руси: XII век / сост., общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева*. — М., 1980. — С. 388–399, 688–690.
443. На священное дело: к 600-летию Куликовской битвы // *Дружба*. — 1980. — № 5. — С. 66–69.
444. О переводе Игоря Шкляревского «Слова о полку Игореве» // *Октябрь*. — 1980. — № 9. — С. 3.
445. Озаренная «Словом» («Задонщина») // *Великое наследие. Меж Непрядвой и Доном: к 600-летию Куликовской битвы*. — М., 1980. — С. 102–108. — Перевод «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» (из «Софийской первой летописи») приписан Д. С. Лихачеву ошибочно.
446. Победа на Куликовом поле: к 600-летию Куликовской битвы // *Русская речь*. — 1980. — № 4. — С. 52–55.
447. Повесть о Николе Зараском: пер. с древнерус. // *На поле Куликовом: рассказы рус. летописей и воин. повести XIII–XV вв. / худ. и сост. А. Шмаринов*. — М., 1980. — С. 43–52.
448. Повесть о разорении Рязани Батыем: пер. с древнерус. // *На поле Куликовом: рассказы рус. летописей и воин. повести XIII–XV вв. / худ. и сост. А. Шмаринов*. — М., 1980. — С. 53–70.
449. Понимать, значит — знать: размышления о творч. чтении // *В мире книг*. — 1980. — № 8. — С. 68–70.
450. Поэзия труда библиографа // *Советская библиография*. — 1980. — № 2. — С. 62–64.
451. Работа Международной эдиционно-текстологической комиссии (1958–1978) // *Лебедева Е. Д. Текстология: тр. Междунар. эдиционно-текстол. комис. при Междунар. ком. славистов: указ. докл. и публ., 1958–1978*. — М., 1980. — С. 5–13.
452. Русская культура и сражение на Куликовом поле за Доном // *Звезда*. — 1980. — № 9. — С. 3–8.
453. Русь перед Куликовской битвой: беседа // *Знание — сила*. — 1980. — № 8. — С. 15–17.
454. Своеобразие исторического пути русской литературы X — первой четверти XVIII века: введение // *История русской литературы: в 4 т. — Л., 1980. — Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века*. — С. 11–18; *Заключение* // Там же. — С. 446–462.
455. Советская афористика // *В мире книг*. — 1980. — № 7. — С. 3, обл.
456. Соловки в истории русской культуры // *Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов*. — М., 1980. — С. 9–41.
457. Художественные особенности русской средневековой литературы // *Чтения по древнерусской литературе*. — Ереван, 1980. — С. 5–19.
458. Шесть веков памяти: к 600-летию Куликовской битвы // *Юный художник*. — 1980. — № 8. — С. 1–2.
459. Экология культуры // *Памятники Отечества*. — М., 1980. — № 2. — С. 10–16.

460. Багратион русского искусства: о Д. И. Арсенишвили // *Партийное слово*. — 1981. — № 10. — С. 13–14.
461. Восстановление литературных текстов Древней Руси // *Восстановление памятников культуры: проблемы реставрации*. — М., 1981. — С. 219–227.
462. Выступление на конференции // *Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: материалы Всесоюз. конф.* — Л., 1981. — С. 250–257.
463. Друзья создаются в юности // *Студенческий меридиан*. — 1981. — № 11. — С. 31–32.
464. Еще раз о точности литературоведения: заметки и соображения // *Русская литература*. — 1981. — № 1. — С. 84–88.
465. Заметки о реставрации мемориальных садов и парков // *Восстановление памятников культуры: проблемы реставрации*. — М., 1981. — С. 95–120.
466. Заметки о русском. — М.: Сов. Россия, 1981. — 71 с. — (Писатель и время). — (2-е изд., доп. — М.: Сов. Россия, 1984. — 62 с.).
467. Истоки и характер содружества братских литератур Европы // *Иностранная литература*. — 1981. — № 4. — С. 188–192. — Совместно с Ю. Андреевым.
468. К читателю // *Творогов О. В. Литература Древней Руси: пособие для учителя*. — М., 1981. — С. 3–5.
469. Контрапункт стилей как особенность искусств // *Классическое наследие и современность*. — Л., 1981. — С. 21–29.
470. Литература — реальность — литература. — Л.: Сов. писатель, 1981. — 215 с.
471. Литература времени национального подъема // *Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века / сост. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев*. — М., 1981. — С. 5–26.
472. Литература трагического века в истории России // *Памятники литературы Древней Руси. XIII век / сост. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев*. — М., 1981. — С. 5–26.
473. Мост в будущее: беседа // *Альманах библиофила*. — М., 1981. — Вып. 11. — С. 7–19.
474. Наставление тверского епископа Семена: подгот. текста, пер. с древнерус., коммент. // *Памятники литературы Древней Руси. XIII век / сост. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев*. — М., 1981. — С. 464–465, 612.
475. Несколько замечаний о составлении Свода русского фольклора // *Русский фольклор*. — Л., 1981. — Т. 21. — С. 115–116.
476. Несколько слов о С. И. Вавилове как инициаторе серии «Литературные памятники» // *Сергей Иванович Вавилов: очерки и воспоминания*. — 2-е изд. — М., 1981. — С. 262–264.
477. О книге И. А. Бунина «Темные аллеи» // *Звезда*. — 1981. — № 3. — С. 182–184.
478. П. Н. Берков — ученый и человек // *Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур*. — Л., 1981. — С. 3–20.
479. Повесть временных лет: пер. с древнерус. // *За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI–XV веков / сост., вступ. ст., коммент. и подбор миниатюр Ю. К. Бегунова*. — М., 1981. — С. 27–77.: ил.

480. Повесть о Николе Заразском: подгот. текста, пер., коммент. // Памятники литературы Древней Руси. XIII век / сост. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. — М., 1981. — С. 176–183, 553–554.
481. Повесть о разорении Рязани Батыем: пер. с древнерус. // За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI–XV веков / сост., вступ. ст., коммент. и подбор миниатюр Ю. К. Бегунова. — М., 1981. — С. 159–181.
482. Повесть о разорении Рязани Батыем: подгот. текста, пер. с древнерус., коммент. // Памятники литературы Древней Руси. XIII век / сост. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. — М., 1981. — С. 184–199, 554–559.
483. Поучение князя Владимира Мономаха. Лаврентьевская летопись: пер. с древнерус. // За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI–XV веков / сост., вступ. ст., коммент. и подбор миниатюр Ю. К. Бегунова. — М., 1981. — С. 87–97.
484. Похвала роду рязанских князей: подгот. текста, пер., коммент. // Памятники литературы Древней Руси. XIII век / сост. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. — М., 1981. — С. 200–203, 559–560.
485. Предисловие // Сергеев В. Рублев. — М., 1981. — С. 5–6. — (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 13 (618)). — (2-е изд. — М., 1986).
486. Принцип историзма в изучении литературы // Взаимодействие наук при изучении литературы. — Л., 1981. — С. 89–101.
487. Принцип историзма в изучении литературы // Общественные науки. — 1981. — № 6. — С. 69–80.
488. Рассказ о преступлении рязанских князей: подгот. текста, пер., коммент. // Памятники литературы Древней Руси. XIII век / сост. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. — М., 1981. — С. 128–129, 543.
489. Слово о полку Игореве: вступ. ст. // Слово о походе Игоревом / сост. А. Е. Тархов. — М.: Мол. гвардия, 1981. — С. 8–14. — (Школьная б-ка).
490. Слово о полку Игореве: пер. с древнерус. // За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI–XV веков / сост., вступ. ст., коммент. и подбор миниатюр Ю. К. Бегунова. — М., 1981. — С. 102–125.
491. Универсальный свод знаний: беседа // Альманах библиофила. — М., 1981. — Вып. 11. — С. 20–31.
492. Я его так ясно помню...: о Л. В. Георге — «учителе словесности» // Аврора. — 1981. — № 9. — С. 100–107.
493. Авторы рязанского цикла «Повестей о Николе Заразском» // Россия на путях централизации: сб. ст. — М., 1982. — С. 201–205.
494. Завещание Ярослава Мудрого: пер. с древнерус. // О, Русская земля!: сб. / сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. И. Грихин. — М.: Сов. Россия, 1982. — С. 209. — (Б-ка рус. худож. публицистики).
495. Звездный дождь: проза Б. Пастернака разных лет // Пастернак Б. Воздушные пути: проза разных лет. — М., 1982. — С. 3–17.
496. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности (П. Н. Беркова) // Павел Наумович Берков (1896–1969) / библиогр. сост. Р. И. Кузьменко, Н. Д. Кочетковой. — М., 1982. — С. 8–31. — (Материалы к библиогр. ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 14).
497. Летописи // Книговедение: энцикл. слов. — М., 1982. — С. 315–316.

498. Литература эпохи исторических размышлений // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. — М., 1982. — С. 5–20.
499. Мировое значение Куликовской победы // Сказания и повести о Куликовской битве. — Л., 1982. — С. 255–261. — (Лит. памятники).
500. Мозаики и живопись Древнего Киева: альбом / автор вступ. ст. и сост. Д. С. Лихачев. — Л.: Художник РСФСР, 1982. — 16 с. — (К 1500-летию Киева). — На рус. и англ. яз.
501. О предпосылках подъема болгарской культуры, ее «золотом веке» // Обзор. — 1982. — № 58. — С. 79.
502. Об авторе: о П. Флоренском // Декоративное искусство СССР. — 1982. — № 1. — С. 25.
503. Об одном из малоизученных аспектов художественной культуры // Художественное творчество. — 1982. — Л., 1982. — С. 246–251.
504. Память истории священна: интервью // Огонек. — 1982. — № 29. — С. 18–20.
505. Первое произведение по истории Древней Руси // Рассказы Начальной русской летописи / сост. Д. С. Лихачев; пер. с древнерус. и пояснения Т. Н. Михельсон; худож. И. Архипов. — М., 1982. — С. 110–121. — (Перезид.: М., 1987).
506. Повествовательное пространство как выражение «повествовательного времени» в древнерусских миниатюрах // Литература и живопись. — Л., 1982. — С. 93–111.
507. Повесть об ослеплении Василька Теребовльского: пер. с древнерус. // О, Русская земля!: сб. / сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. И. Грихин. — М.: Сов. Россия, 1982. — С. 210–217. — (Б-ка рус. худож. публицистики).
508. Подлинный глава советской исторической науки: о Б. Д. Грекове // Исследования по истории и историографии феодализма: к 100-летию со дня рождения Б. Д. Грекова. — М., 1982. — С. 98.
509. Полтава А. С. Пушкина: предисловие // Пушкин А. С. Полтава: Поэма. 1828–1829. — Харьков, 1982. — С. 8–15. — На рус. и укр. яз.
510. Поучение Владимира Мономаха: пер. с древнерус. // О, Русская земля!: сб. / сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. И. Грихин. — М.: Сов. Россия, 1982. — С. 236–247. — (Б-ка рус. худож. публицистики).
511. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. — 2-е изд., испр. и доп. — Л.: Наука, 1982. — 341 с.
512. Предисловие к поэме И. Шкляревского «Слово о Куликовом поле»: по «Сказанию о Мамаевом побоище» // Октябрь. — 1982. — № 9. — С. 3.
513. Сад и культура России: о садово-парковом искусстве // Декоративное искусство СССР. — 1982. — № 12. — С. 38–46.
514. Слово Даниила Заточника, написанное им своему князю Ярославу Владимировичу: пер. с древнерус. // О, Русская земля!: сб. / сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. И. Грихин. — М.: Сов. Россия, 1982. — С. 257–262. — (Б-ка рус. худож. публицистики).
515. Слово и сад // Finitis duodecim lustris: сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. — Таллин, 1982. — С. 57–65.
516. Слово о Киеве: докл., прочит. в Киеве 3 декабря 1981 г. на пленар. заседании конф. «Исторические традиции духовной культуры народов СССР и

современная идеологическая борьба» в связи с 1500-летием Киева: излож. // Русская литература. — 1982. — № 2. — С. 3–11.

517. Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова: пер. с древнерус. // О, Русская земля!: сб. / сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. И. Грихин. — М.: Сов. Россия, 1982. — С. 248–256. — (Б-ка рус. худож. публицистики).

518. Тысячелетие письменной культуры восточного славянства и мир // Иностранная литература. — 1982. — № 10. — С. 180–183.

519. Экология культуры // Знание — сила. — 1982. — № 6. — С. 22–24.

520. 15 сентября 1068 года: рассказ об одном дне из истории Киевской Руси // Знание — сила. — 1983. — № 4. — С. 30–31.

521. Виктор Андроникович Мануйлов: к 80-летию со дня рождения // Русская литература. — 1983. — № 4. — С. 230–233.

522. Европейское значение культуры Новгорода // Новгородская икона XII–XVII веков: альбом. — Л., 1983. — С. 7–19.

523. Земля родная: кн. для учащихся. — М.: Просвещение, 1983. — 256 с.

524. Земля родная: фрагмент из кн. // Литературная учеба. — 1983. — № 1. — С. 178–182.

525. Золотое слово русской литературы: вступ. ст. // Слово о полку Игореве. — М.: Худож. лит., 1983. — С. 3–20. — («Классики и современники». Поэтич. б-ка). — (Переизд.: 1985, 1987).

526. Икона «Нил Столобенский в житии» самого начала XVIII в. с изображением Ниловой пустыни // Памятники культуры. Новые открытия: ежегод. 1981. — Л., 1983. — С. 245–254.

527. Культура Древней Руси // Краткая история СССР: в 2 ч. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 1983. — Ч. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. — С. 49–58.

528. Моление Даниила Заточника: подгот. текста, пер. с древнерус., примеч. // Повести Древней Руси XI–XII веков / сост. Н. В. Понырko. — Л.: Лениздат, 1983. — С. 414–425, 565–567.

529. Напутствия журналу // Советский музей. — 1983. — № 1. — С. 20.

530. Начало русской литературы // Повести Древней Руси XI–XII веков / сост. Н. В. Понырko. — Л.: Лениздат, 1983. — С. 3–21. — (Б-ка «Страницы истории Отечества»).

531. О характере и задачах серии «Литературные памятники»: вступ. слово [на заседании редкол. сер., обсуждающем пробл. изд. «Лит. памятников» (Хождения в страны и века)] // Иностранная литература. — 1983. — № 3. — С. 189.

532. Окна, открытые в историю. Как «читать» древнерусскую книжную миниатюру // Юный художник. — 1983. — № 4. — С. 28–32.

533. П. Н. Берков — ученый, книголюб, человек // Берков П. Н. История советского библиофильства (1917–1967). — М., 1983. — С. 3–21.

534. Память истории священна: беседа // Собеседник. — М., 1983. — Вып. 4. — С. 37–51.

535. Память культуры и культура памяти // Юный художник. — 1983. — № 8. — С. 1–3.

536. Повесть временных лет: пер. с древнерус. // Повести Древней Руси XI–XII веков / сост. Н. В. Понырko. — Л.: Лениздат, 1983. — С. 124–227.

537. Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // Русская литература. — 1983. — № 4. — С. 9–21.
538. Праздник навсегда: о киноискусстве и его роли в процессе становления личности: беседа // Советский экран. — 1983. — № 15. — С. 12–13.
539. Предисловие // Абрамов Ф. Трава-мурава. — М., 1983. — С. 3–4.
540. Роман о первопечатнике: предисл. ко 2-му изд. кн. Н. Г. Самвеляна «Московии таинственный посол» // В мире книг. — 1983. — № 12. — С. 12–13.
541. Русский Север // Гемп К. Сказ о Беломорье. — Архангельск, 1983. — С. 7–8.
542. Слово о плъку Игоревъ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова: подгот. текста, пер. с древнерус. // Повести Древней Руси XI–XII веков / сост. Н. В. Поньрко. — Л.: Лениздат, 1983. — С. 378–394.
543. Слово о полку Игореве: сб.: вступ. ст. («Золотое слово русской литературы», с. 3–20), подгот. текста, пер. с древнерус., объяснит. пер. / худ. В. А. Фаворский. — М.: Худож. лит., 1983 — («Классики и современники». Поэтич. б-ка). — (Переизд.: 1985, 1987).
544. Служение памяти // Наш современник. — 1983. — № 3. — С. 171–174.
545. Археографическое открытие Сибири // Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. — М., 1984. — С. 3–7. — (2-е изд., доп. — М., 1988).
546. В защиту «Слова о полку Игореве»: [по поводу сер. очерков А. Никитина «Испытание Словом...» в журн. «Новый мир». 1984. № 5–7] // Вопросы литературы. — 1984. — № 12. — С. 80–99.
547. Ваша профессия и ваш патриотизм // Преемственность: [сб.]. — Л., 1984. — С. 134–138. — (Публицистика ленингр. писателей).
548. Внутренний мир художественного произведения // Учебный материал по анализу произведений художественной прозы / сост. А. Ф. Белоусов. — Таллин, 1984. — С. 105–121.
549. Гомосфера — термин наших дней: [беседа] // Огонек. — 1984. — № 36. — С. 17–19.
550. Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века: (по воспоминаниям) // Учен. зап. Тарт. ун-та. — 1984. — Вып. 664: Тр. по знаковым системам, № 18. — С. 72–77.
551. «Интеллигентность создается чтением» // Телевидение и радиовещание. — 1984. — № 6. — С. 37–41.
552. Искусство памяти и память искусства // Критика и время: лит.-крит. сб. — Л., 1984. — С. 68–74.
553. Куликовская битва в миниатюрах XVI века // Повесть о Куликовской битве. Текст и миниатюры лицевого свода XVI века. — Л., 1984. — С. 317–328, 370–381. — На рус. и англ. яз.
554. Лики слова // Ленинградская панорама: лит.-крит. сб. — Л., 1984. — С. 270–277.
555. Литература — реальность — литература: ст. — Л.: Сов. писатель, 1984. — 271 с.
556. Мост в будущее: [беседа] // Встречи с книгой. — М., 1984. — Вып. 2. — С. 25–31.
557. Музы не умирают... // Пушкинские места России: путеводитель. — М., 1984. — С. 6–9.

558. Наедине с прошлым: [о нравств. силе древнерус. лит.] // Аврора. — 1984. — № 3. — С. 111–118.: ил.
559. Неравнодушная проза // Кузьмин А. Н. Повесть как жанр литературы. — М., 1984. — С. 3–4. — (Нар. ун-т: Фак. лит. и искусства).
560. Об актуальности проблемы общения в современном искусствознании // Искусство и общение: сб. науч. тр. — Л., 1984. — С. 5–14.
561. Об интеллигентности // Преемственность: [сб.]. — Л., 1984. — С. 139–141. — (Публицистика ленингр. писателей).
562. [Ответ в виде автографа на вопрос журнала «Студенческий меридиан» о формировании у молодежи исторического сознания] // Студенческий меридиан. — 1984. — № 5. — С. 21.
563. Очередные задачи серии «Литературные памятники» // Литературные памятники: справ. / сост. Д. В. Ознобишин. — М., 1984. — С. 5–21.
564. Повесть о Горе-злочасти: [подгот. изд.]. — Л.: Наука, 1984. — 110 с.: ил. — (Лит. памятники). — Совместно с Е. И. Вансеевой. — Авт. след. ст.: Жизнь человека в представлении неизвестного автора XVII века. — С. 89–105.
565. Послесловие // Адмони В. Из долготы дней: стихотворения. 1925–1983. — Л., 1984. — С. 78–83.
566. Послесловие к брошюре 1942 года [Тиханова М. А. Оборона древнерусских городов / М. А. Тиханова, Д. С. Лихачев] // Преемственность: [сб.]. — Л., 1984. — С. 128–134. — (Публицистика ленингр. писателей).
567. Поэзия труда библиографа // Библиография в моей жизни: ученый, писатель, рабочий, инженер о роли библиогр. в их работе и творчестве: сб. очерков / ред.-сост. А. Г. Глухов. — М., 1984. — С. 43–45.
568. Предисловие // Древнерусская литература: источниковедение: сб. науч. тр. — Л., 1984. — С. 3–4. — Без подписи.
569. [Предисловие к статье И. Волгина «Последний год Достоевского»] // Дружба народов. — 1984. — № 1. — С. 156.
570. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Русская литература. — 1984. — № 3. — С. 130–144.
571. Пушкин и мы: [к 185-летию со дня рождения А. С. Пушкина] // Огонек. — 1984. — № 23. — С. 8–9.
572. Слово к молодежи // Кожухова Е. А. Воспитание историей: наследие и личность: путь к причастности. — М., 1984. — С. 3–5. — (Новое в жизни, науке, технике: Сер. Этика; Вып. 10).
573. Слово о полку Игореве / вступ., подгот. текста, пер. с древнерус., примеч. Д. С. Лихачева; ил. Г. Захарова. — Кемерово: Кн. изд-во, 1984. — 96 с.: ил.
574. Слово о полку Игореве: древнерус. текст / сост., [вступ. ст. «Героический пролог русской литературы», с. 3–33], пер. с древнерус., объяснит. пер., примеч. — М.: Просвещение, 1984. — 206 с. — (Школьная б-ка).
575. Слово о полку Игореве: миниатюрное изд.: [пер. с древнерус.]. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1984. — 127 с. — Совм. с Л. А. Дмитриевым, О. В. Твороговым.
576. Слово о полку Игореве: [отрывок / пер. с древнерус.] // За землю русскую!: стихи о подвигах, доблести и славе / сост. Г. Ф. Карпуни. — Новосибирск, 1984. — С. 9–16.
577. Слово об авторе: [о М. В. Бражникове] // Бражников М. В. Лица и фиты знаменного распева: исслед. — Л., 1984. — С. 3.

578. Смех в Древней Руси. — Л.: Наука, 1984. — 295 с. — Совместно с А. М. Панченко и Н. В. Понырко. — Авт. след. ст.: Предисловие. — С. 3–6; Смех как мировоззрение. — С. 7–71.
579. Соловки в истории русской культуры // Беломорье / сост. Д. Ушаков. — М., 1984. — С. 27–41.
580. Таинственный посол добра: [послел.] // Самвелян Н. Московии таинственный посол: роман. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1984. — С. 249–254.
581. Фотография: восприятие и отношение: [беседа] // Советское фото. — 1984. — № 8. — С. 14–15.
582. Фотография: история и воспитание: [беседа] // Советское фото. — 1984. — № 7. — С. 18–19.: портр.
583. Экология культуры // Клуб и худож. самодеятельность. — 1984. — № 1. — С. 18–21.
584. Эпоха решительного подъема общественного значения литературы // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. — М., 1984. — С. 5–18.
585. 800 лет Игоревой песне: величайшая патриотическая поэма // Студенческий меридиан. — 1985. — № 6. — С. 10–11.
586. Борис Леонидович Пастернак // Пастернак Б. Л. Избранное: в 2 т. — М., 1985. — Т. 1: Стихотворения и поэмы. — С. 3–28.
587. Введение к разделу «Литературы восточных славян и Литвы» // История всемирной литературы: в 9 т. — М., 1985. — Т. 3. — С. 458–461.
588. Великая патриотическая поэма: («Слову о полку Игореве» — 800 лет) // Библиотекарь. — 1985. — № 9. — С. 49.
589. Великий памятник словесности: «Слову о полку Игореве» — 800 лет // Наука и религия. — 1985. — № 8. — С. 38–40.
590. Вечное и современное: к 800-летию «Слова о полку Игореве». Интервью из Пушкинского Дома // Литературное обозрение. — 1985. — № 9. — С. 3–4.
591. Владимир Всеволодович Мономах // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1985. — Т. 40. — С. 57–60.
592. [Вступительное слово на II Алексеевских чтениях, посвящ. памяти акад. М. П. Алексеева, 5–6 июня 1984 г. в Ин-те русской литературы АН СССР и в ЛГУ] // Русская литература. — 1985. — № 1. — С. 240–241.
593. [Выступление на конференции молодых специалистов 26, 27 и 28 сентября 1984 г. в Ин-те русской литературы АН СССР] // Русская литература. — 1985. — № 1. — С. 246.
594. Готические окна Достоевского // Античная культура и современная наука. — М., 1985. — С. 239–240.
595. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского Кремля: материалы и исслед. — М., 1985. — С. 17–23.
596. Даниил Заточник // Труды Отдела древнерусской литературы. — 1985. — Т. 40. — С. 71–73. — Библиогр.: с. 71–73.
597. Жемчужине русской и мировой литературы «Слову о полку Игореве» — 800 лет // Крестьянка. — 1985. — № 5. — С. 22–23.
598. Заметки о русском: природа, родник, родина, просто доброта // Писатель и время: сб. документ. прозы. — М., 1985. — С. 4–43.

599. Запись в Книге почетных гостей Ярославского музея-заповедника с экспозицией «Слово о полку Игореве» // Огонек. — 1985. — № 41. — С. 15. — (Ямщиков С. Праздник «Слова о полку Игореве»).
600. Золотое слово древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» // Коммунист. — 1985. — № 10. — С. 46–47.
601. История русской литературы XI–XVII веков: учебник для пед. ин-тов по спец. 2101 «Рус. яз. и лит.». — М.: Просвещение, 1980. — 462 с. — Совместно с др. авт. след. разд.: Введение, с. 3–33; Заключение, с. 447–459. — (2-е изд., доп. — М.: Просвещение. 1985. — 431 с. — Совместно с др. авт. след. разд.: Введение, с. 3–31; Заключение, с. 397–408).
602. К читателям // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. — М., 1985. — С. 5–9. — Совместно с Г. М. Прохоровым.
603. Княжеские певцы по свидетельству «Слова о полку Игореве» // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. — Л., 1985. — С. 503–505. — (Труды Отдела древнерусской литературы; Т. 38).
604. Культура и мы: интервью к Дню знаний // Огонек. — 1985. — № 36. — С. 22–24.
605. Легкий мир «Слова о полку Игореве» // Юность. — 1985. — № 9. — С. 79–80.
606. Литература «государственного устройства» (середина XVI в.) // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. — М., 1985. — С. 5–16.
607. Не рассчитано ли было «Слово» на двух исполнителей? // Знание — сила. — 1985. — № 6. — С. 7–9.
608. Немного о Владимире Ивановиче Малышеве: [вступ. слово к Малышевским чтениям 3 мая 1978 г.] // Древнерусская книжность: по материалам Пушкинского Дома: сб. науч. тр. — Л., 1985. — С. 262–264.
609. Новгородские черты в «Слове о полку Игореве» // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. — Л., 1985. — С. 509–513. — (Труды Отдела древнерусской литературы; Т. 38).
610. Об интеллигентности // Студенческий меридиан. — 1985. — № 1. — С. 6.
611. Об экологии культуры // Знание — сила. — 1985. — № 12. — С. 40.
612. Об этой книге // Достоевский Ф. М. Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь). — Красноярск, 1985. — С. 3–4.
613. Окно, открытое истари: [беседа] // Новое время. — 1985. — № 36. — С. 24–25.
614. Письма о добром и прекрасном / сост., общ. ред. Г. А. Дубровской. — М.: Дет. лит., 1985. — 207 с. — (2-е изд., доп. — М., 1988; 3-е изд. — М., 1989).
615. Плач Ярославны: объяснит. пер. // Русский язык за рубежом. — 1985. — № 4. — С. 98–99.
616. Повесть о разорении Рязани Батыем: подгот., пер. с древнерус. и примеч. // Воинские повести Древней Руси / вступ. ст. Л. А. Дмитриева; сост. Н. В. Понырко. — Л., 1985. — С. 96–115, 473. — (Б-ка «Страницы истории Отечества»).
617. Походы Святослава. Из «Повести временных лет»: пер. с древнерус. // Воинские повести Древней Руси / вступ. ст. Л. А. Дмитриева; сост. Н. В. Понырко. — Л., 1985. — С. 22–26. — (Б-ка «Страницы истории Отечества»).

618. Предисловие к статье С. В. Белова «Вокруг Достоевского» // Новый мир. — 1985. — № 1. — С. 192.
619. Прошлое — будущему: статьи и очерки. — Л.: Наука, 1985. — 575 с.: ил. — (Наука, мировоззрение, жизнь).
620. Пушкин и мы // Собеседник: лит.-крит. ежегод. — М., 1985. — Вып. 6. — С. 7–12.
621. Пушкин-москвич // Пушкин А. С. Стихотворения / сост. Е. Жезлова. — М., 1985. — С. 221–232.
622. Размышления об авторе «Слова о полку Игореве» // Русская литература. — 1985. — № 3. — С. 3–6.
623. Русская литература // История всемирной литературы: в 9 т. — М., 1985. — Т. 3. — С. 461–487.
624. Символ единства: к 625-летию Андрея Рублева // Студенческий меридиан. — 1985. — № 9. — С. 16.
625. Скрытые открытия автора «Слова»: к 800-летию «Слова о полку Игореве» // Литературное обозрение. — 1985. — № 9. — С. 6–8.
626. Слово о «Слове»: к проблеме изучения и пропаганды культуры Древней Руси // Культурно-историческое наследие Руси и героико-патриотическое воспитание: к 800-летию «Слова о полку Игореве». — М., 1985. — С. 45–65. — (Сб. науч. тр. НИИ культуры; № 143).
627. Слово о «Слове»: к 800-летию «Слова о полку Игореве» // Клуб и худож. самодеятельность. — 1985. — № 16. — С. 1–2.
628. «Слово о полку Игореве» и художественная культура Киевской Руси: вступ. ст. // Слово о полку Игореве: сб. / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов. — Л.: Сов. писатель, 1985. — С. VII–XXXVIII. — (Б-ка поэта. Большая сер.).
629. Соседство книг // В мире книг. — 1985. — № 1. — С. 79–81.
630. Темы для изучения: к 800-летию «Слова о полку Игореве» // Вопросы лит. — 1985. — № 9. — С. 141–144.
631. Шедевр поэзии — миллионными тиражами: к 800-летию «Слова о полку Игореве» // Бюл. Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО. — 1985. — № 3. — С. 31–33.
632. Благородное содружество: о взаимосвязях русской и еврейской культур // Год за годом: лит. ежегод. — 1986. — № 2. — С. 4.
633. Быть гражданином... // Вам жить в XXI веке. — М., 1986. — С. 86–92.
634. Великий мир «Слова»: диалог о «Слове о полку Игореве» // Огонек. — 1986. — № 12. — С. 14–16. — Совместно с В. Г. Распутиным.
635. Во благо культуры: о деятельности Сов. фонда культуры: интервью // Огонек. — 1986. — № 17. — С. 17.
636. Вступительное слово к Малышевским чтениям // Знание — сила. — 1986. — № 7. — С. 39.
637. Вступление к предисловию // Золотое слово русской литературы «Слово о полку Игореве» в иллюстрациях советских художников: к 800-летию создания памятника: каталог выставки. — М., 1986. — С. 1.
638. Гениальное произведение литературы Древней Руси // Слово о полку Игореве: древнерус. текст, пер. и перелож. поэт. вариации / ст., сост. и подгот. текста Л. А. Дмитриева. — М., 1986. — С. 5–19.

639. Гениальное произведение литературы Древней Руси: вступ. ст. // Слово о полку Игореве: 1185–1985. Древнерус. текст. — М., 1986. — С. 7–24.
640. Дело Константина-Кирилла Философа и его брата Мефодия // Жития Кирилла и Мефодия. — Факсимильное изд. — М.; София, 1986. — С. 6–17. — На рус. и англ. яз. — Совместно с П. Н. Динековым.
641. Достоинство культуры: беседа // Огонек. — 1986. — № 48. — С. 10–11.
642. Заметки об истоках искусства // Контекст, 1985: лит.-теорет. исслед. — М., 1986. — С. 15–20.
643. Земли родной минувшая судьба...: ответы на вопр. корреспондента о значении «Слова о полку Игореве» // Мир человека: ежегод. — М., 1986. — Вып. 11. — С. 61–65.
644. Идеологический фон литературного произведения: на прим. «Слова о полку Игореве» // Литература. Язык. Культура / отв. ред. Г. В. Степанов. — М., 1986. — С. 31–34.
645. Исследования по древнерусской литературе / отв. ред. О. В. Творогов. — Л.: Наука, 1986. — 406 с.
646. Какой человек может называться воспитанным, интеллигентным, культурным: беседа первая // Сельская молодежь. — 1986. — № 9. — С. 14–17. — (Беседы с акад. Лихачевым).
647. Кратчайший путь: о поэзии А. С. Кушнера // Кушнер А. С. Стихотворения. — Л., 1986. — С. 3–12.
648. Культура Руси XII века, времени создания «Слова о полку Игореве» // Злато слово: сб. / сост., предисл. и вступ. ст. Н. С. Борисова. — М.: Молодая гвардия, 1986. — С. 233–256, 449. — (История Отечества в романах, повестях, документах: Век XII).
649. Лики слова // Перспектива — 85: о литературе наших дней. — М., 1986. — С. 55–62.
650. Литература Древней Руси // Изборник: повести Древней Руси / сост. и примеч. Л. Дмитриева и Н. Поньрко. — М., 1986. — С. 3–23. — («Классики и современники». Рус. классич. лит.). — (Переизд.: М., 1987).
651. Мир нашему дому: о вкладе литературы и искусства в решение глобальных проблем современности: беседа // Литературное обозрение. — 1986. — № 3. — С. 3–4, 6.
652. Моление Даниила Заточника: пер. с древнерус. // Изборник: повести Древней Руси / сост. и примеч. Л. Дмитриева, Н. Поньрко. — М., 1986. — С. 99–105. — («Классики и современники». Рус. классич. лит.). — (Переизд.: М., 1987).
653. Мощный талант // Земля Федора Абрамова. — М., 1986. — С. 374–375.
654. Мысли о науке // Студенческий меридиан. — 1986. — № 4. — С. 9.
655. На пути к новому литературному сознанию // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. — М., 1986. — С. 5–14.
656. Наставление тверского епископа Семена: пер. // Изборник: повести Древней Руси / сост. и примеч. Л. Дмитриева и Н. Поньрко. — М., 1986. — («Классики и современники». Рус. классич. лит.). — С. 182. — (Переизд.: М., 1987).
657. Несколько слов о себе // Огонек. — 1986. — № 48. — С. 9–10.
658. Новое о древнерусской литературе // Сквозь века. — М., 1986. — Вып. 1. — С. 25–36.

659. Нравственность — основа культуры: беседа // Современная драматургия. — 1986. — № 3. — С. 211–222.
660. О «Слове о полку Игореве» // Советский музей. — 1986. — № 1. — С. 55. — (Говорят участники юбил. торжеств).
661. О культуре прошлого и связи ее с настоящим: беседа третья // Сельская молодежь. — 1986. — № 12. — С. 29–31. — (Беседы с акад. Лихачевым).
662. О необходимости создания истории культуры // *Studia Russica* / Будапешт. ун-т им. Л. Этвеша, фак. гуманитар. наук, каф. рус. филологии. — Budapest, 1986. — IX: Спец. вып.: Культура. — Р. 165–169.
663. О поэзии Льва Малякова // Маляков Л. Сберегите цветы полевые: стихотворения. Поэмы. — Л., 1986. — С. 3–4.
664. О проекте сборника: отзыв о проекте сб. документ. материалов «Время больших начинаний. Страницы из лит. и худож. жизни советской России в эпоху революции и Гражданской войны» / сост. М. Варга // *Studia Russica* / Будапешт. ун-т им. Л. Этвеша, фак. гуманитар. наук, каф. рус. филологии. — Budapest, 1986. — IX: спец. вып.: Культура. — Р. 28–30.
665. О художественных особенностях «Слова о полку Игореве»: докл. на Всесоюз. конф. «“Слово о полку Игореве” и русская культура», 2–4 декабря 1985 г.: крат. излож. // Русская литература. — 1986. — № 2. — С. 234.
666. Об авторе «Слова» // Огонек. — 1986. — № 20. — С. 16.
667. Об одном из путей зеленого строительства // Художественное творчество. 1986. — Л., 1986. — С. 253–254.
668. Об основной и ближайшей задаче Советского фонда культуры // Огонек. — 1986. — № 40. — С. 14.
669. Об охране культурных ценностей прошлого: отрывки из интервью с венг. кор. во время Европейского культ. форума в Будапеште в октябре 1985 г. // *Studia Russica* / Будапешт. ун-т им. Л. Этвеша, фак. гуманитар. наук, каф. рус. филологии. — Budapest, 1986. — IX: Спец. вып.: Культура. — Р. 452–464.
670. Отзыв о книге: Варга М. Русская поэзия советской эпохи. 1917–1967: сб. худож. текстов / М. Варга, Н. Секей, Л. Силард; ред. М. Варга. 1973 // *Ibid.* — Р. 518.
671. Отзыв о проекте сборника критических материалов, составленном М. Варгой // *Ibid.* — Р. 38–41.
672. Откройте шире окно истории: беседа // Собеседник. — 1986. — № 40. — С. 10.
673. Память истории священна. — М.: Правда, 1986. — 63 с. — (Б-ка «Огонек»; № 6).
674. Повесть о разорении Рязани Батыем: пер. с древнерус. // Изборник: повести Древней Руси / сост. и примеч. Л. Дмитриева, Н. Поньрко. — М., 1986. — («Классики и современники». Рус. классич. лит.). — С. 150–163. — (Переизд.: М., 1987).
675. Повесть о разорении Рязани Батыем: пер. с древнерус. // Храбрые русичи. Слово о полку Игореве. Воинские повести. Былины. Исторические песни Древней Руси / сост., предисл., вводн. ст. Е. И. Осетрова, В. И. Калугина. — М.: Московский рабочий, 1986. — С. 117–123.
676. Повесть о разорении Рязани Батыем: подгот. текста, пер. с древнерус. // Повести ратной славы Древней Руси. — Воронеж, 1986. — С. 73–92.

677. Послание участникам спецкурса и спецсеминара по экологии культуры: из телефон. разговора от 16 февраля 1986 г. // *Studia Russica / Будапешт. ун-т им. Л. Этвеша, фак. гуманитар. наук, каф. рус. филологии.* — Budapest, 1986. — IX: Спец. вып.: Культура. — P. 474.
678. Поучение Владимира Мономаха: пер. с древнерус. // *Изборник: повести Древней Руси / сост. и примеч. Л. Дмитриева, Н. Поньрко.* — М., 1986. — С. 59–70. — («Классики и современники». Рус. классич. лит.). — (Переизд.: М., 1987).
679. Поэзия преображения: беседа // *Искусство кино.* — 1986. — № 9. — С. 84–96.
680. Появление на Руси жанра летописи // *Армянская и русская средневековые литературы.* — Ереван, 1986. — С. 7–18.
681. Предисловие // *Волгин И. Последний год Достоевского: исторические записки.* — М., 1986. — С. 3.
682. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // *Исследования «Слова о полку Игореве»: сб.* — Л., 1986. — С. 9–28.
683. Против дилетантизма в изучении «Слова о полку Игореве» // *Исследования «Слова о полку Игореве»: сб.* — Л., 1986. — С. 183–196.
684. Прошлое — будущему: беседа // *На пороге XXI: интервью с ленингр. акад.* — Л., 1986. — С. 133–150.
685. Русские летописи и их культурно-историческое значение // *Древнерусская литература в исследованиях: хрестоматия / сост. В. В. Кусков.* — М., 1986. — С. 162–190.
686. Русский Север как памятник отечественной и мировой культуры // *Коммунист.* — 1986. — № 1. — С. 115–119. — Совместно с В. Яниным.
687. Слово о Пушкине: к 150-летию со дня смерти // *Памятники Отечества.* — М., 1986. — № 2. — С. 3–10.
688. «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени: посвящается памяти В. П. Адриановой-Перетц // *Слово о полку Игореве. 800 лет: сб.* — М.: Сов. писатель, 1986. — С. 130–152.: ил.
689. «Слово о полку Игореве» как выдающийся памятник отечественной литературы: докл. на Всесоюз. конф. Москва, 19 ноября 1985 г.: излож. // *Обществ. науки.* — 1986. — № 3. — С. 209–210.
690. Слово о полку Игореве как художественное целое // *Альманах библиофила.* — М., 1986. — Вып. 21: Слово о полку Игореве. 800 лет. — С. 268–292.
691. Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святослава, внука Олега: подгот. текста и пер. / ил. Н. А. Воробьева. — М.: Худож. лит., 1986. — 157 с.: ил.
692. Слово о полку Игореве. 800 лет: сб. текстов; пер. с древнерус., объяснит. пер. / сост. и авт. вступ. ст. Е. И. Осетров; пер. с древнерус. и коммент. О. В. Творогова. — М.: Современник, 1986. — 158 с.
693. Слово о полку Игореве. 800 лет: сб.: подгот. текста, объяснит. пер. / сост. Л. И. Сазонова. — М.: Сов. писатель, 1986. — 575 с.
694. Слово о полку Игореве: 1185–1985. Древнерус. текст: вступ. ст. (Гениальное произведение литературы Древней Руси, с. 7–24), подгот. текста, пер. с древнерус., примеч. / цв. миниатюры Р. Смирной (Палех). — М., 1986. — 117 с.
695. Слово о полку Игореве: пер. с древнерус. // *Изборник: повести Древней Руси / сост. и примеч. Л. Дмитриева, Н. Поньрко.* — М., 1986. — С. 78–95. — («Классики и современники». Рус. классич. лит.). — (Переизд.: 1987).

696. Слово о полку Игореве: древнерус. текст: пер. и переложения. Поэтич. вариации: пер. с древнерус.; вступ. ст. (с. 23–41) / ст., сост. и подгот. текста Л. А. Дмитриева. — М.: Худож. лит., 1986. — 358 с. — Загл. также древнерус.
697. Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова: подгот. текста, пер. с древнерус., объяснит. пер., коммент. // Злато слово: сб. / сост., предисл. и вступ. ст. Н. С. Борисова. — М.: Молодая гвардия, 1986. — С. 29–79, 396–445. — (История Отечества в романах, повестях, документах: Век XII).
698. Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова: прозаич. пер. // Храбрые русичи. Слово о полку Игореве. Воинские повести. Былины. Исторические песни Древней Руси / сост., предисл., вводн. ст. Е. И. Осетрова, В. И. Калугина. — М.: Московский рабочий, 1986. — С. 23–27. — Совместно с Л. А. Дмитриевым.
699. Строение литературы: (к постановке вопроса) // Русская литература. — 1986. — № 3. — С. 27–29.
700. Чем несамостоятельнее «любая культура, тем она самостоятельнее»: беседа // Вопросы литературы. — 1986. — № 12. — С. 111–123.
701. Что такое интеллигентность: беседа вторая // Сельская молодежь. — 1986. — № 10. — С. 48–51. — (Беседы с акад. Лихачевым).
702. Эпическое время былин // Русское народное поэтическое творчество: хрестоматия по фольклористике / сост. Ю. Г. Круглов. — М., 1986. — С. 344–351.
703. [XXI век — век гуманитарной культуры: выступление за круглым столом Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО] // Бюл. Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО. — 1987. — № 4. — С. 4–6.
704. Академик А. С. Бушмин — исследователь русской литературы и организатор литературной науки // Бушмин А. С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. — Л., 1987. — С. 5–20. — Совместно с В. Н. Басаковым.
705. Была ли эпоха Петровских реформ перерывом в развитии русской культуры? // Изучение культур славянских народов. — М., 1987. — С. 92–95.
706. В жанре мениппеи // Исаев Н. Гений на островах: повесть. Новеллы. — М., 1987. — С. 5–7. — Совместно с С. А. Фомичевым.
707. В памяти народной: к 150-летию со дня смерти А. С. Пушкина: беседа // Огонек. — 1987. — № 6. — С. 8–10.
708. В памяти народной: беседа в Дни памяти А. С. Пушкина // Венок Пушкину: ст. — М., 1987. — С. 3–13. — (Б-ка «Огонек»; № 16).
709. Введение к разделу «Восточнославянские литературы» // История всемирной литературы: в 9 т. — М., 1987. — Т. 4. — С. 340–343.
710. Великий путь: Становление рус. лит. XI–XVII вв. — М.: Современник, 1987. — 301 с. — (Б-ка «Любителей рос. словесности»).
711. Владимир Всеволодович Мономах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л., 1987. — Вып. 1: XI — первая половина XIV в. — С. 98–102.
712. Воспитать в себе гражданина мира // Проблемы мира и социализма. — 1987. — № 5. — С. 39–40.
713. Выступление на IX Международном съезде славистов по докладу П. Бухвальд-Пельцевой «Эмблематика Киевской Руси эпохи барокко» // IX Междунар. съезд славистов. Киев, 6–14 сентября 1983 г.: материалы дискус. «Литературоведение и лингвостилистика». — Киев, 1987. — С. 25.

714. Выступление на IX Международном съезде славистов по докладу А. М. Панченко «Роль скоморохов в культуре Древней Руси» // IX Междунар. съезд славистов. Киев, 6–14 сентября 1983 г.: материалы дискус. «Литературоведение и лингвостилистика». — Киев, 1987. — С. 22–23.

715. Выступление на IX Международном съезде славистов по докладу Д. Фрейданка «Первые русские жития святых в европейском контексте» // IX Междунар. съезд славистов. Киев, 6–14 сентября 1983 г.: материалы дискус. «Литературоведение и лингвостилистика». — Киев, 1987. — С. 10–11.

716. Выступление на IX Международном съезде славистов по докладу К. Мечева «Болгаро-русские литературные связи XI–XII веков» // IX Междунар. съезд славистов. Киев, 6–14 сентября 1983 г.: материалы дискус. «Литературоведение и лингвостилистика». — Киев, 1987. — С. 24.

717. Выступление на IX Международном съезде славистов по докладу Р. Белкнапа «Сюжет: практика и теория» // IX Междунар. съезд славистов. Киев, 6–14 сентября 1983 г.: материалы дискус. «Литературоведение и лингвостилистика». — Киев, 1987. — С. 186.

718. Выступление на IX Международном съезде славистов по докладу Ф. Томсона «Цитаты отеческих творений у Киевских писателей как отражение их начитанности. К проблеме об уровне Киевской культуры» // IX Междунар. съезд славистов. Киев, 6–14 сентября 1983 г.: материалы дискус. «Литературоведение и лингвостилистика». — Киев, 1987. — С. 11–12.

719. Выступление на годичном общем собрании Отделения литературы и языка АН СССР, 9 марта 1987 г. // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1987. — Т. 46, № 4. — С. 304.

720. Даниил Заточник // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л., 1987. — Вып. 1: XI — первая половина XIV в. — С. 112–113.

721. Делиль Ж. Сады: подгот. изд. — Л.: Наука, 1987. — 231 с. — (Лит. памятники). — Совместно с Н. А. Жирмунской, Ю. М. Лотманом и И. Я. Шафаренко.

722. Должна быть своя нравственная точка зрения...: на вопросы «Литературной учебы» отвечает акад. Д. С. Лихачев // Литературная учеба. — 1987. — № 4. — С. 123–128.

723. Жак Делиль — учитель садоводства // Делиль Ж. Сады. — Л.: Наука, 1987. — С. 210–213. — (Лит. памятники).

724. Заметки о русском: гл. из кн. // Отчизна. — 1987. — № 11. — С. 53–54.

725. Знать чужое, ценить свое: беседа // Новое время. — 1987. — № 31. — С. 31–32.

726. Из «Лимониса»: О некоем скомрасе, хулившем пречистую богородицу: подгот. текста // Сатира XI–XVII веков. — М., 1987. — С. 90. — (Сокровищница древнерус. лит.).

727. Из «Писем о добром и прекрасном» // Крестьянка. — 1987. — № 6. — С. 14–15. — (Вечер в домашнем кругу: Семейные чтения); № 7. — С. 16–17.

728. Из «Слова Даниила Заточника»: подгот. текста // Сатира XI–XVII веков. — М., 1987. — С. 83–86. — (Сокровищница древнерус. лит.).

729. Избранные работы: в 3 т. — Л.: Худож. лит., 1987. — Т. 1–3.

730. Киев — мать городов русских // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность: сб. науч. тр. — Киев, 1987. — С. 6–14.

731. Книголюб — это состояние души // Наука и жизнь. — 1987. — № 3. — С. 6–9. — Совместно с Я. Рабиновичем.
732. Комментарий к открытому письму «Создадим отряды культуры» редакции журнала «Аврора» и Ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина // Аврора. — 1987. — № 1. — С. 5.
733. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности С. О. Шмидта // Шмидт Сигурд Оттович: библиогр. указ. / Мин-во высш. и сред. спец. образования РСФСР; Моск. гос. ист.-арх. ин-т. — М., 1987. — С. 3–9.
734. Крупное явление советской культуры // Левидов А. М. Литература и действительность / сост. и подгот. текста В. А. Левидова. — Л., 1987. — С. 3–7.
735. Культура и человечество // Великий Октябрь, 70 лет: научно-технический и социальный прогресс. — М., 1987. — С. 243–245.
736. Наш мир различен и един: диалог // Наука и религия. — 1987. — № 11. — С. 63–64. — Совместно с Н. Г. Самвеляном.
737. Не только можно, но и должно: возможен ли безъядерный мир и какими вы представляете себе основы международной стабильности? // Новое время. — 1987. — № 2. — С. 3–4.
738. Несколько слов о романе «Доктор Живаго» // Огонек. — 1987. — № 50. — С. 15.
739. Нравственность — основа культуры: беседа // Лицом к правде. — М., 1987. — С. 174–195.
740. О Петербурге моего детства: из воспоминаний // Декоративное искусство СССР. — 1987. — № 1. — С. 31–34.
741. О Пушкине // Русский язык за рубежом. — 1987. — № 3. — С. 7–10.
742. О дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем...: беседа // В мире книг. — 1987. — № 10. — С. 9–11.: портр.
743. О значении серии «Жизнь замечательных людей»: кат. 1933–1985. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 1987. — С. 14. — (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 13 (681)).
744. О памяти // Время решений: сб. — М., 1987. — С. 68–76.
745. О проекте переброски северных рек // Огонек. — 1987. — № 40. — С. 26.
746. Об авторе этой книги // Глинка В. Исторические повести: Старосельская повесть. История унтера Иванова. Судьба дворцового гренадера. — Л., 1987. — С. 794.
747. Письмо сотрудникам и авторам журнала «В мире книг» // В мире книг. — 1987. — № 9. — С. 16.
748. Планета мира и добра: Говорят участники форума «За безъядерный мир, за выживание человечества» // Литературное обозрение. — 1987. — № 5. — С. 3–4.
749. По поводу рецензии А. Г. Кузьмина на книгу Б. А. Успенского «Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в.»: письмо в «Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1987. — Т. 46, № 5. — С. 475–476.
750. Повести о Николе Заразском // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л., 1987. — Вып. 1: XI — первая половина XIV в. — С. 332–337.

751. Повесть временных лет: пер. с древнерус. // Изборник: повести Древней Руси / сост. и примеч. Л. Дмитриева и Н. Поньрко. — М., 1986. — С. 24–58. — («Классики и современники». Рус. классич. лит.). — (Переизд.: М., 1987).
752. Повесть о Горе-злочастии: подгот. текста // Изборник: повести Древней Руси / сост. и примеч. Л. Дмитриева, Н. Поньрко. — М., 1986. — («Классики и современники». Рус. классич. лит.). — С. 347–357. — (Переизд.: М., 1987).
753. Подступы к решительным переменам в строении литературы // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. — М., 1987. — С. 5–22.
754. Послесловие к брошюре 1942 года // Я говорю с тобой из Ленинграда: лит.-худож. сб. / сост. Д. Колпакова. — Л., 1987. — С. 155–159.
755. Предисловие // Греков А. П. Фрески церкви Спаса Преображения на Ковалеве. — М., 1987. — С. 5–6.
756. Предисловие к произведению О. Базунова «Мореплаватель» // Новый мир. — 1987. — № 6. — С. 7.
757. Предисловие к публикации «Дыхание лирики»: из переписки Р. М. Рильке, М. Цветаевой и Б. Пастернака // Дружба народов. — 1987. — № 6. — С. 245.
758. Предисловие к публикации стихов В. Т. Шаламова // Аврора. — 1987. — № 9. — С. 132.
759. Предисловие // Порфиридов Н. Г. Новгород. 1917–1941. Воспоминания. — Л., 1987. — С. 3.
760. Прекрасное в мире растет безмерно... // Под вашу сень, Михайловские роци: стихи, написанные А. С. Пушкиным в Михайловском / сост. С. С. Гейченко. — Л., 1987. — С. 5–6.
761. Пример и символ единства // В мире отечественной классики: сб. ст. — М., 1987. — Вып. 2. — С. 59–65.
762. Природа, культура и национальный характер: о корнях рус. культуры // Земля рождения, земля судьбы. Очерки. Беседы. Воспоминания. Раздумья: сб. ст. / сост. Е. А. Кожухова. — М., 1987. — С. 235–250.
763. Родина, природа, доброта // Сегодня в нашем городе...: газ. «Вечерний Ленинград» — 70 лет. — Л., 1987. — С. 261.
764. Русская литература // История всемирной литературы: в 9 т. — М., 1987. — Т. 4. — С. 343–361.
765. Слово о Пушкине // Театральная жизнь. — 1987. — № 2. — С. 2–3.
766. Слово о милиции: приветствие советской милиции в связи с ее 70-летием // Сов. милиция. — 1987. — № 11. — С. 29.
767. Советы юношеству // Воспитание школьников. — 1987. — № 3. — С. 60–64.
768. Традиционность средневековых литератур // Историко-философский журнал. — 1987. — № 2. — С. 59–62.
769. Тревоги совести: о проблеме нравственности // Личное мнение: сб. писат. публицистики. — М., 1987. — С. 38–50.
770. Чем нам дорог Пушкин // Наука и религия. — 1987. — № 2. — С. 12.
771. Беден не тот, у кого мало, а тот, кому мало: беседа // Дружба народов. — 1988. — № 6. — С. 221–224. — (Нация и мир).
772. Боль Отечества // Огонек. — 1988. — № 34. — С. 17–18.

773. В начале стоит слово // Литературная Армения. — 1988. — № 4. — С. 2–9.
774. Введение // Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манасии в славянских литературах / Ин-т лит. Болг. АН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); введ. Д. С. Лихачева; исслед. И. С. Дуйчева и М. А. Салминой; подгот. текстов М. А. Салминой; словоуказ. О. В. Творогова. — 1988. — С. 5–10.
775. Великое наследие // День поэзии. 1988 / сост. А. Бобров. — М.: Сов. писатель, 1988. — С. 5.
776. Возвращение к Человеку: диалог // Иностранная литература. — 1988. — № 1. — С. 211–218. — Совместно с Н. Г. Самвеляном.
777. Выступление на Годичном общем собрании АН СССР // Вестник АН СССР. — 1988. — № 7. — С. 63–67.
778. Выступление на встрече с М. С. Горбачевым // К выживанию — через сотрудничество: Встреча М. С. Горбачева с членами руководства Междунар. фонда за выживание и развитие человечества. Москва, 15 января 1988 г. — М.: АПН, 1988. — С. 13–14.
779. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. — М.: Сов. Россия, 1988. — 143 с. — (Писатель и время). — Совместно с Н. Г. Самвеляном.
780. Доклад о раннем славянском христианстве на Чтениях по истории литературы и культуры Древней Руси. Горький, 31 мая — 5 июня 1987 г. // Русская литература. — 1988. — № 1. — С. 249–250.
781. Жанр «путешествия во времени и пространстве» // Театр. — 1988. — № 9. — С. 136.
782. Живет только он, народ... // Наука и религия. — 1988. — № 12. — С. 28–30.
783. Как частица души... // Карпунин Г. Ф. Стихотворения и стихотворное прочтение «Слова о полку Игореве». — Новосибирск, 1988. — С. 211. — (Б-ка сибирской поэзии).
784. Крещение Руси и государство Русь // Новый мир. — 1988. — № 6. — С. 249–258.
785. Мне нужен Пушкин, нужен как Россия // Писатель и время: сб. докум. прозы / сост. И. Г. Подсвилов. — М.: Сов. писатель, 1988. — С. 4–22.
786. Моление Даниила Заточника: древнерус. текст и пер. // Русская литература XI–XVIII вв. / сост., вступ. ст., примеч. Л. А. Дмитриева, Н. Д. Кочетковой. — М.: Худож. лит., 1988. — С. 77–87.
787. Музы не умирают // Пушкинские места: путеводитель: в 2 ч. / сост. Н. А. Тархова; худож. В. А. Плотнов. — М.: Профиздат, 1988. — Ч. 1. — С. 5–10.
788. Наказание Семена, епископа Тверского: подгот. древнерус. текстов // Древняя русская литература: хрестоматия: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. Н. И. Прокофьев. — 2-е изд., доп. — М.: Просвещение, 1988. — С. 137–145.
789. О Георгии Владимировиче Степанове // Степанов Г. В. Язык. Литература. Поэтика / отв. ред. Д. С. Лихачев. — М., 1988. — С. 3–6.
790. О национальном чувстве // Наука и религия. — 1988. — № 5. — С. 3–5.
791. О необходимости воздвигнуть памятник жертвам сталинских репрессий: мемориал совести // Огонек. — 1988. — № 29. — С. 31.
792. О поэте Юрии Казарновском // Огонек. — 1988. — № 28. — С. 4–5.

793. Образ города // Знание — сила. — 1988. — № 5. — С. 10–16.
794. Особенности поэтики произведений Н. С. Лескова // Лесков и русская литература / АН СССР, Ин-т мировой лит. — М., 1988. — С. 12–21.
795. Остановите исполнение приговора // Огонек. — 1988. — № 48. — С. 3. — Совместно с др.
796. Память преодолевает время // Наше наследие. — 1988. — № 1. — С. 1–4.
797. Письма о добром и прекрасном: фрагменты из новой книги // В мире книг. — 1988. — № 1. — С. 10–15.
798. Повесть о Тверском Отроче монастыре // Русская литература XI–XVIII вв. / сост., вступ. ст., примеч. Л. А. Дмитриева, Н. Д. Кочетковой. — М., 1988. — С. 414–423. — (Б-ка учителя).
799. Повесть временных лет (Отрывки): древнерус. текст и пер. // Русская литература XI–XVIII вв. / сост., вступ. ст., примеч. Л. А. Дмитриева, Н. Д. Кочетковой. — М., 1988. — С. 18–49.
800. Повесть временных лет (фрагменты): подгот. древнерус. текстов // Древняя русская литература: хрестоматия: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. Н. И. Прокофьев. — 2-е изд., доп. — М., 1988. — С. 6–30.
801. Повесть о Горе-злочастии: подгот. древнерус. текстов // Древняя русская литература: хрестоматия: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. Н. И. Прокофьев. — 2-е изд., доп. — М., 1988. — С. 442–452.
802. Повесть о разорении Рязани Батыем: древнерус. текст и пер. // Русская литература XI–XVIII вв. / сост., вступ. ст., примеч. Л. А. Дмитриева, Н. Д. Кочетковой. — М., 1988. — С. 88–105.
803. Повесть о разорении Рязани Батыем: пер. с древнерус. // Голубая Мещера: сб. / сост. В. Сафонов, В. Кабанов. — М., 1988. — С. 21–28. — (Сердце России).
804. Повесть о разорении Рязани Батыем: подгот. древнерус. текстов // Древняя русская литература: хрестоматия: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. Н. И. Прокофьев. — 2-е изд., доп. — М., 1988. — С. 95–112.
805. Послания Ивана Грозного в сокращении: подгот. древнерус. текстов // Древняя русская литература: хрестоматия: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. Н. И. Прокофьев. — 2-е изд., доп. — М., 1988. — С. 158. — Совместно с Я. С. Лурье.
806. Поучение Владимира Мономаха: древнерус. текст и пер. // Русская литература XI–XVIII вв. / сост., вступ. ст., примеч. Л. А. Дмитриева, Н. Д. Кочетковой. — М., 1988. — С. 48–63.
807. Предварительные итоги тысячелетнего опыта // Огонек. — 1988. — № 10. — С. 9–12.
808. Предисловие // Карамзин Н. М. История государства Российского: репринт. воспроизвед. изд. 1842–1844 гг.: в 3 кн., с приложением «Ключа» П. М. Строева. — М., 1988. — Кн. 1. — Т. 1–4. — С. 5–6.
809. Предисловие // Музыкальная культура средневековья. Теория. Практика. Традиция: сб. науч. трудов / отв. ред. и сост. В. Г. Карцовник. — Л.: Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии. — Л., 1988. — Вып. 1. — С. 7. — (Сер. «Проблемы музыкознания»).

810. Размышления над романом Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Взгляд: критика. Полемика. Публикации / сост. А. Н. Латынина, С. С. Лесневский. — М., 1988. — С. 363–375.
811. Размышления над романом Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Новый мир. — 1988. — № 1. — С. 5–22.
812. Размышления над романом Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Пастернак Б. Л. Доктор Живаго: роман / публ., подгот. текста и коммент. Е. Б. Пастернака, В. М. Борисова. — Вильнюс, 1988. — Кн. 1. — С. 3–12.
813. Святая Русь и соловецкие мученики веры по рассказу одного из узников лагеря // Символ. — Париж, 1988. — Дек. (№ 20). — С. 47–51.
814. Семнадцатый век в русской литературе // Памятники литературы Древней Руси / вступ. ст. Д. Лихачева, сост. и общ. ред. Л. Дмитриева, Д. Лихачева. — М.: Худож. лит., 1988. — Кн. 1: XVII век. — С. 6–26.
815. Скоморох Всеслава и ток на Немиге // Древности славян и Руси / АН СССР, Ин-т археологии. — М., 1988. — С. 138–140.
816. Слово о полку Игореве: подгот. древнерус. текстов // Древняя русская литература: хрестоматия: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. Н. И. Прокофьев. — 2-е изд., доп. — М., 1988. — С. 52–57.
817. Слово о полку Игореве: предисл., ред. древнерус. текста и примеч. / поэтич. пер. и послесл. И. Шкляревского; худож. Д. Бисти. — М., 1988. — 70 с.
818. Сохранить и приумножить // Известия. — 1988. — 6 февр. (№ 37). — С. 3.
819. Тревоги совести // Зависит от нас: перестройка в зеркале прессы. — М., 1988. — С. 215–223. — (Попул. б-ка).
820. Тревоги совести / Н. Тютлинов // Перспектива — 87. Советская литература сегодня: сб. ст. / сост. В. П. Балашов, А. М. Банкетов. — М., 1988. — С. 60–73.
821. Ахматова и Гоголь // Ахматова А. А. «Узнают голос мой...»: стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта / сост. Н. Н. Глен, Л. А. Озеров; вступ. ст. Л. А. Озерова. — М., 1989. — С. 570–575.
822. Близорукость // Литературная газета. — М., 1989. — 20 сент. (№ 38). — С. 5.
823. Боль о статье С. Калиничева «Искушение или откуп?» в журн. «Радуга» (1989. № 4) // Радуга. — Киев, 1989. — № 8. — С. 128–129.
824. Борис Леонидович Пастернак // Пастернак Б. Л. Собр. соч.: в 5 т. / редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачев, Д. Мамлеев [и др.]; сост. и коммент. Е. Б. Пастернак и К. М. Поливанова. — М., 1989. — Т. 1. — С. 5–44.
825. В памяти народной // Солнце нашей поэзии (Из современной Пушкинианы) / сост. Ю. И. Осипов. — М., 1989. — С. VI–XXIV.
826. Встреча в Концертной студии Останкино 12 марта 1986 г. // Останкинские вечера / сост. и лит. запись Е. В. Гальпериной. — М., 1989. — С. 111–132.
827. Всяк сущий в ней язык... // Наука и религия. — 1989. — № 7. — С. 2–4.
828. Выступление на съезде народных депутатов СССР в мае-июне 1989 г. // Слово писателя: выступления писателей на Съезде народных депутатов СССР / сост. Г. Иванов. — М., 1989. — С. 3–9.
829. Гарантии перемен // Ленинградский рабочий. — 1989. — 17 марта. — № 11. — С. 4.

830. Двести слов о перестройке: [ответ на анкету «Литературной газеты»] // Литературная газета. — 1989. — 26 апр. (№ 17). — С. 1.
831. День рождения Пушкина — День русской культуры // Народное творчество. — 1989. — № 6. — С. 7.
832. Добрый язычник // Памятники Отечества: альм. Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. — М., 1989. — № 1. — С. 38–39.
833. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. — Л.: Сов. писатель, 1989. — 608 с.
834. Из выступления на Съезде народных депутатов СССР // Культурно-просветительная работа. — М., 1989. — № 8. — Текст опубл. на обороте обложки журнала.
835. Из книги «Письма о добром и прекрасном»: письма 3–5, 7–11 // Семенов В. Д. Быть собой. — М., 1989. — С. 66–79. — (Новое в жизни, науке, технике: Сер. «Педагогика и психология»; № 2).
836. Имя нашего дома // Наше наследие. — 1989. — № 1. — С. 33–38.
837. Интеллигентным притвориться нельзя: (из встречи в Концертной студии Останкино, 1986 год) // 15 встреч в Останкине / сост. Т. Земскова. — М., 1989. — С. 144–172.
838. Культура правды — антикультура лжи // Красная книга культуры / изд. подгот. В. Рабинович; отв. ред. И. Т. Фролов; худож. А. Ф. Быков. — М., 1989. — С. 323–329.
839. Мысли о культуре // Известия. — 1989. — 16 нояб. (№ 320). — С. 3.
840. Небесная линия города на Неве // Наше наследие. — 1989. — № 1. — С. 8–13.
841. «О, Русская земля!..» // Книги не молчат: из публицистики восьмидесятых / сост. И. Скороходова. — М., 1989. — С. 153–158.
842. О воспитании советского патриотизма, о преемственности в освоении культуры (Вместо предисловия) // В памяти Отечества: материалы науч. чтений. Горький, 31 мая — 5 июня 1987 г. — Горький, 1989. — С. 9–10.
843. О готовящемся издании трудов по языкознанию И. Е. Аничкова // Вопросы языкознания. — 1989. — № 6. — С. 102–103.
844. О добром и прекрасном // Трезвость и культура. — 1989. — № 11. — С. 8–10.
845. О месте погребения пяти казненных декабристов: после экспедиции // Огонек. — 1989. — № 29. — С. 19.
846. О первопечатнике Иване Федорове, о древнерусской литературе // Круг чтения: календарь. 1989. — М., 1989. — С. 4, 18.
847. О своем участии в деятельности Съезда народных депутатов СССР // Наше наследие. — 1989. — № 1. — С. 1.
848. О филологии / предисл. Л. А. Дмитриева. — М.: Высш. школа, 1989. — 208 с. — (Классика литературной науки).
849. Об авторе рассказа «Дракон» // Нева. — 1989. — № 1. — С. 118.
850. Особенности поэтики произведений Н. С. Лескова // Лесков Н. С. Повести и рассказы / сост., примеч. Л. А. Аннинского. — М., 1989. — С. 3–8.
851. От споров — к творчеству // Клуб. — 1989. — № 3. — С. 26, 30–31.
852. Отклик: Меламед С. Не согласен с академиком // Молодой коммунист. — 1989. — № 8. — С. 36–38.

853. Патриотизм против национализма // Говоря откровенно: заметки писателей о межнациональных отношениях / сост. Г. Иванова, В. Канунникова. — М., 1989. — С. 96–101.
854. Письма о добром и прекрасном / сост. и общ. ред. Г. А. Дубровской. — Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1989. — 136 с.
855. Повесть о разорении Рязани Батыем: пер. с древнерус. // Литературная Рязань: альм. — Рязань, 1989. — Кн. 4. — С. 230–237.
856. Предисловие // Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1989. — С. 7–10.
857. Предисловие к статье: Мосякин А. Продажа // Огонек. — 1989. — № 6. — С. 18.
858. Пушкин и мы // «Минувшее меня объемлет живо...» / сост. Ю. Осипов. — М., 1989. — С. 7–12.
859. Размышления над романом Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Пастернак Б. Доктор Живаго: роман. Повести. Фрагменты прозы. — М., 1989. — С. 5–16; Перечитывая заново: лит.-критич. ст. / сост. В. Лаврова. — Л., 1989. — С. 135–146.
860. Сады и парки: [отрывок из книги «Письма о добром и прекрасном»] // Лес и человек: ежегод., 1990. — М., 1989. — С. 47–48.
861. Слово о законе и благодати Илариона // Альманах библиофила: тысячелетие русской письменной культуры (988–1988) / сост. П. Г. Горелов и В. В. Кожинов; гл. ред. Е. И. Осетров. — М., 1989. — Вып. 26. — С. 45–55.
862. Слово к читателю: [о романе Д. Джойса «Улисс» в пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего] / Е. Гениева // Иностранная литература. — 1989. — № 1. — С. 141–142.
863. Слово о П. А. Флоренском // П. А. Флоренский: философия, наука, техника / АН СССР, Ленингр. отд-ние Ин-та истории естествознания и техники, Сов. фонд культуры; ред.-сост. В. А. Росов, П. В. Флоренский. — Л., 1989. — С. 3–4.
864. Страдающий Бог // Иностранная литература. — 1989. — № 9. — С. 234–239. — Совместно с Н. Г. Самвеляном.
865. Счастья достигает тот, кто стремится сделать счастливыми других...: (письма к молодому читателю) / публ. подгот. С. Селиванова // Пограничник. — 1989. — № 9. — С. 55–65.: портр.
866. Тревоги совести // Книги не молчат: из публицистики восьмидесятых / сост. И. Скороходова. — М., 1989. — С. 139–152.
867. Тысячелетие культуры // Альманах библиофила: тысячелетие русской письменной культуры (988–1988) / сост. П. Г. Горелов и В. В. Кожинов; гл. ред. Е. И. Осетров. — М., 1989. — Вып. 26. — С. 6–13. — (Всесоюз. добровол. о-во любителей книги).
868. Филофей Пирогов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ч. 2: Л–Я / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — Л.: Наука, 1989. — Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. — С. 473–474.
869. Фрагмент выступления Д. С. Лихачева на Съезде народных депутатов СССР в защиту культуры: в защиту культуры и нравственности // Клуб. — 1989. — № 8. — С. 2.
870. Горькие мысли после пожара // Личное мнение: сб. писат. публицистики. — М., 1990. — Вып. 2. — С. 306–312.

871. Давид Ильич Арсенишвили // Вачнадзе Н. З. Д. И. Арсенишвили: эскизы к творч. портрету / Гос. Тбилис. ун-т. — Тбилиси, 1990. — С. 5–6.
872. Диалоги [Д. С. Лихачева и Н. Г. Самвеляна]: что век грядущий нам готовит... «Пока сердца для чести живы...»; Продолжение разговора о чести; Многогранность таланта и логическое мышление; «Хронологический провинциализм»; Возвышенный гений Пушкина; «Всесвет» // Круг чтения: календарь. 1990. — М., 1990. — С. 14, 28, 42, 56, 70, 84, 98, 112, 126, 140, 154, 168 (см. продолжение в 1991 г.).
873. Закономерности и антизакономерности в литературе // Русская литература. — 1990. — № 1. — С. 3–5.
874. Из «Повести временных лет»: пер. с древнерус. // Сказания о чудесах. — М., 1990. — Т. 1. — С. 9–15. — (Б-ка рус. фантастики: в 20 т.).
875. Каким быть обществу «Классика»? // Учительская газета. — 1990. — 16–23 окт. (№ 42). — С. 8.
876. Книга или телеэкран? // Наше наследие. — 1990. — № 1. — С. 36.
877. Кто мешает возрождению «Ленинграда»: письмо в редакцию // Нева. — 1990. — № 3. — С. 191–192.
878. Моление Даниила Заточника: пер. с древнерус. // Литература Древней Руси: хрестоматия / сост. Л. А. Дмитриев. — М., 1990. — С. 168–173.
879. Мыслители из провинции // Молодой коммунист. — 1990. — № 7. — С. 46–47.
880. Назначение Изборника 1076 г. // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) — Л., 1990. — Т. 44. — С. 179–184.
881. [О сохранности рукописных сокровищ Российской государственной библиотеки] // Огонек. — 1990. — № 3. — С. 4. — Совместно с народными депутатами СССР Б. Олейником, Б. Ельциным и др.
882. О Ефиме Яковлевиче Дороше // Дорош Е. Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. — М., 1990. — С. 5–8.
883. О национальном характере русских // Вопросы философии. — 1990. — № 4. — С. 3–6.
884. О сохранении памятников русского Севера: письмо в ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 1. — С. 119–121.
885. Петербургские встречи: [по материалам заседания литературно-публицистического клуба «Глаголь»: выступ.] / Т. Шубина // Литературная учеба. — 1990. — № 4. — С. 79–90.
886. Письма: Д. С. Лихачев — Н. Н. Асееву (15, 27 мая, 15, 29 июня, 4, 13 ноября, 21 декабря 1961 г.; 15 января, 13 февраля, 27 мая, 11 июня, 10 июля, 8 августа, 5 ноября 1962 г.; 1, 13, 16 февраля, 18, 27 марта 1963 г.) // Николай Асеев: родословная поэзии. Статьи. Воспоминания. Письма / сост. А. М. Крюкова, С. С. Лесневский; вступ. ст. Л. А. Озерова; коммент. А. М. Крюковой. — М., 1990. — С. 454–455, 457–460, 463–466, 468, 470, 472–473, 476–481, 483, 485–488, 490–491.
887. Повесть временных лет (отрывки): пер. с древнерус. // Литература Древней Руси: хрестоматия / сост. Л. А. Дмитриев. — М., 1990. — С. 24–42.
888. Повесть о разорении Рязани Батыем: пер. с древнерус. // Литература Древней Руси: хрестоматия / сост. Л. А. Дмитриев. — М., 1990. — С. 184–191.

889. Последнее средство / Т. Фирсова // Новое время. — 1990. — № 6. — С. 47.
890. Поучение Владимира Мономаха: пер. с древнерус. // Литература Древней Руси: хрестоматия / сост. Л. А. Дмитриев. — М., 1990. — С. 112–121.
891. Предисловие // Федотов Г. П. Святые Древней Руси. — М., 1990. — С. 5–6.
892. Размышления над романом Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // С разных точек зрения: «Доктор Живаго» Бориса Пастернака / сост. Л. В. Бахнов, Л. Б. Воронин. — М., 1990. — С. 170–183.
893. Россия // Позиция: лит. полемика: опыт критического ежегодника / сост. В. Г. Бондаренко. — М.: Сов. Россия, 1990. — Вып. 2. — С. 15–31.
894. Русская культура в духовной жизни мира // Русский язык за рубежом. — 1990. — № 6. — С. 11–17.
895. Слово о полку Игореве: вступ. ст. («Слово о полку Игореве», с. 5–44, совм. с Л. А. Дмитриевым), реконстр. древнерус. текста, пер. с древнерус. / сост., подгот. текстов и примеч. Л. А. Дмитриева. — Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1990. — 399 с. — (Б-ка поэта: Малая сер. — 4-е изд.).
896. Слово о полку Игореве: подгот. текста, пер. и коммент. // Сказания о чудесах. — М., 1990. — Т. 1. — С. 9–15, 72–80, 511–512. — (Б-ка рус. фантастики: в 20 т.).
897. Школа на Васильевском: кн. для учителя. — М.: Просвещение, 1990. — 159 с. — Совместно с Н. В. Благово и Е. Б. Белодубровским.
898. Агрессивность «бездуховности» // Уйти от роковой черты. — М., 1991. — С. 90–95.
899. Горькие мысли после пожара // Пожарное дело. — 1991. — № 12. — С. 12–14.
900. Диалоги (Д. С. Лихачева и Н. Г. Самвеляна): что случилось с нашей культурой; Земля — Эрмитаж в космическом пространстве; Культура всего человечества — едина // Круг чтения: календарь. 1991. — М., 1991. — С. 162–165 (см. начало в 1990 г.).
901. Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века (по воспоминаниям) // Круг чтения: календарь. 1991. — М., 1991. — С. 174–175.
902. Как мы остались живы // Нева. — 1991. — № 1. — С. 5–31.
903. Книга беспокойств: воспоминания, статьи, беседы / сост. Г. А. Дубровская. — М.: Новости, 1991. — 522 с.
904. Краеведение как наука и как деятельность // Историческое краеведение в СССР: вопросы теории и практики: сб. науч. ст. / АН Украины, Ин-т истории Украины, Науч. совет АН Украины по исторической демографии и исторической картографии, Укр. совет профессиональных союзов, Укр. о-во охраны памятников. — Киев, 1991. — С. 3–4.
905. Моление Даниила Заточника: пер. с древнерус. // Древнерусские повести / ред.-сост. И. Остапенко; худож. О. Коровин. — Пермь, 1991. — С. 107–113.
906. Нас спасет культура // Собеседник. — 1991. — № 1. — С. 3.
907. Николай Павлович Анциферов // Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга: прилож. к репринт. воспроизвед. изд. 1922–1924 гг. — М., 1991. — С. 3–4.

908. Повесть временных лет (отрывки): пер. с древнерус. // Древнерусские повести / ред.-сост. И. Остапенко; худож. О. Коровин. — Пермь, 1991. — С. 5–47. — (Юношеская б-ка).
909. Повесть временных лет: пер. с древнерус. // Повесть временных лет / вступ. ст. и примеч. О. В. Творогова; худож. М. М. Мечев. — Петрозаводск, 1991. — С. 15–171.
910. Повесть о разорении Рязани Батыем: пер. с древнерус. // Древнерусские повести / ред.-сост. И. Остапенко; худож. О. Коровин. — Пермь, 1991. — С. 126–138.
911. Послесловие // Ашкенази М. Б. И было в те дни. Очерки. Воспоминания. — Н. Новгород, 1991. — С. 173–174.
912. Поучение Владимира Мономаха: пер. с древнерус. // Древнерусские повести / ред.-сост. И. Остапенко; худож. О. Коровин. — Пермь, 1991. — С. 64–76.
913. Почему у нас такая культура: из выступ. Д. С. Лихачева на I Съезде народных депутатов СССР // Воскресение: информ.-реклам. вестн. Хабаровского отд.-ния Фонда культуры. — 1991. — № 1. — С. 1.
914. Предисловие // Памятники русской духовной музыки. Тысяча лет русской церковной музыки. 988–1988. — Вашингтон, 1991. — С. IX и XI. — (Сер. 1; Т. 1).
915. Принцип дополнительности в изучении литературы // Русская литература. — 1991. — № 3. — С. 36–37.
916. Раздумья / сост. и общ. ред. Г. А. Дубровской. — М.: Дет. лит., 1991. — 318 с.
917. Раздумья у письменного стола: две столицы и путь между ними // Круг чтения: календарь. 1991. — М., 1991. — С. 156–157. — Совместно с М. Куликовым, Н. Самвеляном, А. Шнитке.
918. Русская культура в современном мире // Новый мир. — 1991. — № 1. — С. 3–9.
919. Ситуация в культуре крайне тяжелая... // Пожарное дело. — 1991. — № 12. — С. 15–18.
920. Слово о полку Игореве: пер. с древнерус. // Древнерусские повести / ред.-сост. И. Остапенко; худож. О. Коровин. — Пермь, 1991. — С. 89–106.
921. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт: речь, подгот. для Междунар. конф. «Великая Европа культур». Рим, 1991 г. // Наше наследие. — 1991. — № 6. — С. 15–16.
922. Штрихи из облика С. Н. Валка // Валк С. Н. Избранные труды по археологии: научное наследие / АН СССР, Отд.-ние истории, Археогр. комиссия, Архив АН СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. М. П. Ирошников. — СПб., 1991. — С. 334–335.
923. Экология — проблема нравственная // Наше наследие. — 1991. — № 1. — С. 3–7.
924. Я вспоминаю / предисл. Н. Г. Самвеляна. — М.: Прогресс, 1991. — 256 с.
925. Вступительное слово // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); отв. ред. Л. А. Дмитриев. — СПб.: Наука, 1992. — Т. 45. — С. 5–8.

926. Вступительное слово // Венки Карамзину / Российский фонд культуры, О-во любителей российской словесности. — М.: Academia, 1992. — С. 9–10.
927. Защитить новую Югославию: Обращение к VII Съезду народных депутатов Российской Федерации // Правда. — 1992. — 2 дек. (№ 179). — С. 13.
928. Искусство и наука (мысли) // Русская литература. — 1992. — № 3. — С. 3–13.
929. Каждой эпохе — своего орла // Литературная газета. — 1992. — 25 марта (№ 13). — С. 10.
930. Культурные ценности должны сохраняться в местах их пребывания: два интервью с академиком Дмитрием Лихачевым // Панорама культурной жизни. — 1992. — Вып. 2. — С. 18–19.
931. Об Александре Александровиче Мейере // Вопросы философии. — 1992. — № 7. — С. 92–93.
932. Письмо в редакцию // Санкт-Петербургская панорама. — 1992. — № 6. — С. 6.
933. Русское искусство от древности до авангарда. — М.: Искусство, 1992. — 408 с.
934. Святая Русь // Жизнеописания достопамятных людей земли Русской. X–XX вв. / сост. С. С. Бычков. — М., 1992. — С. 6–7. — (Клуб любителей истории Отечества).
935. Сергей Радонежский и Франциск Ассизский // Наука и религия. — 1992. — № 1. — С. 8–10.
936. Соловецкий дневник // Европа + Америка. — 1992. — № 1 (3). — С. 93–104.
937. Строение литературы: к постановке вопроса // Грузинская и русская средневековые литературы / Тбилис. гос. ун-т, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — Тбилиси, 1992. — С. 5–8.
938. Учит земля родная: [из беседы накануне открытия I Всесоюзной конференции по историческому краеведению] // Вестник Союза краеведов России. — 1992. — № 1. — С. 7–10.
939. Без культуры нет учителя // Начальная школа. — 1993. — № 1. — С. 7–10.
940. Беседы прежних лет // Наше наследие. — 1993. — № 26. — С. 33–60; № 27. — С. 33–59.
941. В защиту интеллигенции // Возрождение культуры России: истоки и современность: по материалам Всерос. науч. семин. Санкт-Петербург, 15–16 декабря 1992 г. — СПб., 1993. — Вып. 1. — С. 14–17.
942. Доклад о старой орфографии / предисл. В. П. Нерознака // Русская речь. — 1993. — № 1. — С. 43–51.
943. Его не будет с нами. А. Н. Робинсон (1917–1993) // Известия Российской Академии наук. Сер. лит. и яз. — 1993. — Т. 52, № 5. — С. 92–93.
944. К вопросу о том, кто изображен на рисунке И. Е. Репина, подаренном им А. Ц. Пуни 13 марта 1921 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: ежегод., 1992 / РАН, Науч. совет по истории мировой культуры; сост. Т. Б. Князевская. — М., 1993. — С. 286–287.
945. Как оживить литературоведение, сохранить национальное достояние // Вестник РАН. — 1993. — Т. 63, № 7. — С. 614–617.

946. Каким был автор «Слова о полку Игореве»? // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. — СПб., 1993. — Т. 48. — С. 26–30.
947. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. — М., 1993. — Т. 52, № 1. — С. 3–9.
948. Культура должна быть открытой всему миру // Евразия. Народы. Культуры. Религии. — 1993. — № 2. — С. 58–60.
949. О русской интеллигенции: письмо в редакцию // Новый мир. — 1993. — № 2. — С. 3–9.
950. Помнить о своих корнях: для бесед со старшеклассниками // Воспитание школьников. — 1993. — № 3. — С. 33–37.
951. Послесловие. О национальном характере русских // Из истории русской гуманистической мысли: хрестоматия для учащихся старших классов / сост. А. Ф. Малышевский [и др.]; общ. ред. А. Ф. Малышевского; науч. ред. А. И. Ракитова. — М., 1993. — С. 278–280.
952. Поучение Владимира Мономаха: пер. с древнерус. // Из истории русской гуманистической мысли: хрестоматия для учащихся старших классов / сост. А. Ф. Малышевский [и др.]; общ. ред. А. Ф. Малышевского; науч. ред. А. И. Ракитова. — М., 1993. — С. 9–13.
953. Слово о Льве Александровиче Дмитриеве // Русская литература. — 1993. — № 3. — С. 233–235.
954. Статьи ранних лет / ред. Т. К. Пушай, В. Н. Расторгуев; худож. В. В. Курочкин. — Тверь: Твер. обл. отд-ние Рос. фонда культуры, 1993. — 146 с.
955. Великая Русь. История и художественная культура X–XVII веков. — М.: Искусство, 1994. — 488 с. — Разд.: Киевская Русь. — Ч. 1: Литература Руси XI — начала XIII века. — С. 11–60. — Совместно с Г. К. Вагнером, Г. И. Вздорновым, Р. Г. Скрынниковым.
956. Вместо предисловия // Львов Н. А. Избранные сочинения / предисл. Д. С. Лихачева. — Кельн; Веймар; Вена; Белая; СПб., 1994. — С. 5.
957. Из статьи «Михаил Шемякин и Петербург Петра Первого» // Михаил Шемякин. Май-июнь 1994 г. Галерея «Дом Нащокина». — (Б. м., 1994). — С. 5–6.
958. Культура как целостная динамическая среда: докл. лауреата Большой золотой медали им. М. В. Ломоносова академика Д. С. Лихачева // Вестник Российской Академии наук. — 1994. — Т. 64, № 8. — С. 721–725.
959. Культура как целостная среда // Новый мир. — 1994. — № 8. — С. 3–8.
960. Не бывает демократии без нравственности / беседа с Д. С. Лихачевым вел А. Романенко // Российская газета. — 1994. — 11 июня (№ 110). — С. 2.
961. Нельзя уйти от самих себя...: историческое самосознание и культура России // Новый мир. — 1994. — № 6. — С. 113–120.
962. О Владимире Свешникове-Кемецком // Мъра. — 1994. — № 4. — С. 25. — Публикация Д. С. Лихачевым стихов заключенного и расстрелянного Вл. Кемецкого. Из цикла «Каменные стихи».
963. От Илариона до Аввакума // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. — М.: Худож. лит., 1994. — Кн. 3. — С. 620–630.
964. Петербург в истории русской культуры: актовая лекция, прочитанная академиком Российской Академии наук Дмитрием Сергеевичем Лихачевым

19 мая 1993 г., в день вручения ему диплома и мантии Почетного доктора СПбГУП (Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов). — СПб.: Изд-во СПбГУП, 1994. — 19 с.

965. Письма о добром. — 4-е изд., испр. и доп. — СПб.: Нотабене, 1994. — 232 с.

966. Письма: Д. С. Лихачев — гл. редактору Строительного издательства в Берлине (Aufbau — Berlin), 24 апреля 1963 г.; в редакцию журн. «Русская литература», 10 июля 1963 г.; П. Н. Федосееву, 11 июля и 5 декабря 1963 г.; Б. А. Рыбакову, 29 августа 1963 г. и др. // Русская литература. — 1994. — № 2. — С. 242, 254–256, 260–264; № 3. — С. 214–216, 220–224, 226–227, 229–230, 236, 240.

967. Предисловие // Слово о полку Игореве. Слово о погибели Русской земли. Задонщина / стихотворные перелож. Е. Лукина; худож. А. Аземша. — СПб.: Белл, 1994. — С. 5.

968. Русские верят в сказки о русских // Комсомольская правда. — 1994. — 12 янв. (№ 3). — С. 3.

969. Сергей Алексеевич Алексеев (Аскольдов) (По юношеским воспоминаниям) // Пути и миражи русской культуры / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); отв. ред. В. Е. Багно. — СПб.: Северо-Запад, 1994. — С. 383–386.

970. Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу: пер. с древнерус. // Сказание о Борисе и Глебе / сост. протоиерей В. Брегеда. — М.: Ниппур, 1994. — С. 3–14.

971. Соловки 1928–1931 гг. // Фольклор и культурная среда ГУЛАГа / Фонд «За развитие и выживание человечества»; сост. В. С. Бахтин и Б. Н. Путилов, ред. В. Ф. Лурье. — СПб., 1994. — С. 165–174.

972. Статуя Петра Великого Михаила Шемякина в Петропавловской крепости // Михаил Шемякин. Май-июнь 1994 г. Галерея «Дом Нащокина». — (Б. м., 1994). — С. 7–8.

973. Ю. Д. Левин: к 75-летию со дня рождения // Русская литература. — 1994. — № 4. — С. 206–209. — Совместно с П. Р. Заборовым, В. Е. Багно.

974. Без тумана ложных обобщений: вместо предисловия // Русские утопии / сост. В. Е. Багно. — СПб.: Terra Fantastic: Изд-во Дома «Corvus», 1995. — С. 9–20. — (Альм. «Канун»; Вып. 1).

975. Берег // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. — Т. 1. — С. 102–103.

976. Воспоминания о Л. А. Дмитриеве // Лев Александрович Дмитриев: Библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб., 1995. — С. 42–44.

977. Воспоминания. — СПб.: Logos, 1995. — 519 с.

978. [Вступительная статья] // Пушкин А. С. Рабочие тетради / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), Консорциум сотрудничества с Санкт-Петербургом. — СПб.; Лондон, 1995. — Т. 1. — С. 5–15. — Совместно с С. А. Фомичевым, на с. 17–26 то же на англ. яз.

979. Два типа границ между культурами // Русская литература. — 1995. — № 3. — С. 4–6.

980. Декларация прав культуры // Наука, культура, образование на рубеже XXI века: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 4–6 октября 1995 г. / М-во

культуры РФ, М-во образования РФ, Российская Академия образования, Российский творческий союз работников культуры, СПбГУП. — СПб., 1995. — С. 13–17.

981. Декларация прав культуры: проект / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, СПбГУП. — СПб.: СПбГУП, 1995. — 15 с. — Авт. указан на обл. изд.; текст на рус. и англ. яз.

982. Декларация прав культуры: проект [представлен общественности для обсуждения на Дне знаний в СПбГУП 1 сентября 1995 г.] / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, СПбГУП. — СПб.: СПбГУП, 1995. — 15 с.: фото. — Авт. указан на обл. изд.; текст на рус. и англ. яз.

983. Дмитрий Лихачев. Запись произведена 10 мая 1990 г. в Ленинграде // Ott Y. Plauback: избр. интервью из цикла передач «Телевизионное знакомство». — Таллинн, 1995. — С. 233–266.

984. Древний Новгород как столица — предшественник Петербурга // Новгород в культуре Древней Руси: материалы чтений по древнерус. лит. Новгород, 16–19 мая 1995 г. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), Новгород. гос. ун-т; сост. В. А. Кошелев. — Новгород, 1995. — С. 4–5.

985. Жанр «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб., 1995. — Т. 2. — С. 173–181.

986. Зарубежная русская культура XX века в собрании профессора Ренэ Герра // Они унесли с собой Россию...: русские художники — эмигранты во Франции. 1920–1970-е. Из собрания Ренэ Герра: кат. выставки / авт.-сост. А. Толстой, Р. Герра. — М., 1995. — С. 6–7.

987. Из «Повести временных лет»: пер. с древнерус. // Древнерусская литература: хрестоматия: учеб. пособие для 6–9-х кл. общеобразоват. учреждений / сост., авт. вступ. ст. и примеч. О. В. Творогов. — М., 1995. — С. 25–38.

988. Из «Поучения» Владимира Мономаха: пер. с древнерус. // Древнерусская литература: хрестоматия: учеб. пособие для 6–9-х кл. общеобразоват. учреждений / сост., авт. вступ. ст. и примеч. О. В. Творогов. — М.: Просвещение, 1995. — С. 77–84.

989. Из выступления в первую годовщину со дня кончины Л. А. Дмитриева // Лев Александрович Дмитриев: библиография. Творческий путь. Воспоминания. Дневники. Письма / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. — С. 115–116.

990. Композиция «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. — Т. 3. — С. 67–69.

991. Летописец Игоря Святославича // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. — Т. 3. — С. 145–151.

992. Новгородские элементы в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. — Т. 3. — С. 323–326.

993. [О факсимильном издании Рабочих тетрадей А. С. Пушкина] // Пушкин А. С. Рабочие тетради / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), Консорциум сотрудничества с Санкт-Петербургом. — СПб.; Лондон, 1995. — Т. 1. — [Без с.], на рус. и англ. яз.

994. Песнь о Роланде // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. — Т. 4. — С. 93–95.
995. Повесть о разорении Рязани Батыем: пер. с древнерус. // Древнерусская литература: хрестоматия: учеб. пособие для 6–9-х кл. общеобразоват. учреждений / сост., авт. вступ. ст. и примеч. О. В. Творогов. — М.: Просвещение, 1995. — С. 117–126.
996. Поэтика «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. — Т. 4. — С. 171–175.
997. «Призраки дурных людей преследуют меня...»: [беседа с кор. К. К. по поводу книги Д. С. Лихачева «Воспоминания»] // Аргументы и факты. — 1995. — № 37 (сент.). — С. 1.
998. «Слово о полку Игореве» и обычай посольских переговоров в Древней Руси // Лотмановский сборник / Тартус. ун-т, Рос. гос. гум. ун-т, Ин-т высших гуманитар. исслед.; ред.-сост. Е. В. Пермяков. — М.: ИЦ-Гарант, 1995. — Т. 1. — С. 320–322. — (Памяти Юрия Михайловича Лотмана (28.02.1922 — 28.10.1993)).
999. Слово об Александре Невском // Князь Александр Невский и его эпоха: исслед. и материалы / Мэрия Санкт-Петербурга, РАН, Ин-т истории материальной культуры; под ред. Ю. К. Бегунова, А. Н. Кирпичникова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. — С. 13–14.
1000. Страна без культуры теряет право на существование // Россия. — 1995. — № 1. — С. 14–17.
1001. Что есть истина? // Русские утопии / сост. В. Е. Багно. — СПб.: Terra Fantastic: Изд-во Дома «Corvus», 1995. — С. 341–344. — (Альм. «Канун»; Вып. 1).
1002. Литературный этикет русского средневековья // Poetics, poetyka, poetika. — Warszawa, 1961. — S. 637–649.
1003. Die Kultur Russlands während der osteuropaischen Fruhrenaissance vom 14. bis zum Beginn des 15. Jahrhunderts. — Dresden: VEB Verl. Kunst, 1962. — 184 s.
1004. Текстолюжа: крат. оглед. — Београд: Науч. књ., 1966. — 78 с.
1005. Nach dem Formalismus. Aufsätze zur russischen Literaturtheorie. — München: C. Hanser Verl., 1968. — 116 s. — (Reihe Hanser; 4).
1006. Забытый сербский писатель первой половины XVI века Аникита Лев Филолог // Горски вијенац. A garland of essays offered to professor E. M. Hill. — Cambridge, 1970. — P. 215–219. — (Publ. Modern humanities res. assoc.; Vol. 2).
1007. Oroszozrag kulturaja a reneszansz hajnalán. — Budapest: Gondolat, 1971. — 1, 200 s.
1008. Поэтика старе руске књижевности. — Београд: Српска књижевна задруга, 1972. — 454 с. — На серб. яз.
1009. Clovek v literature Stare Rusi. — Praha: Odeon, 1974. — 190 s., 51 il.
1010. Der Mensch in der altrussischen Literatur. — Dresden: VEB Verl. der Kunst, 1975. — 262 s., 41 Il.: Il. — (Fundus-Bucher 36/37).
1011. K pramenum ruskeho realismu. — Praha: Lidove nakl., 1975. — 296 s.
1012. Poetika staroruske literatury. — Praha: Odeon, 1975. — 352 s.

1013. *Prerenasterea rusa: Cultura Rusiei in vremea lui Rubliov si a lui Epifanie Preainteleptul.* (Stirsitul sec. al XIV-lea — inceputul sec. al XV-lea). — Bucuresti: Ed. Meridiane, 1975. — 299 p.: il. — (B-ca de arta; 136).

1014. *Големият свят на руската литература: изслед. и ст. на болг. яз. / сост. и ред. П. Динев.* — София: Наука и изкуство, 1976. — 672 с.

1015. *Artystyczna spuscizna Dawnej Rusi a wspolczesnosc.* — Warszawa: In wyd. «Pax», 1977. — 140 s., 8 il. — Wspolnie z W. Lichaczowoj.

1016. *О составлении фототек кириллических почерков // Сборник Владимира Мошина.* — Београд, 1977. — С. 223–225.

1017. *Russische Literatur und europaische Kultur des 10. — 17. Jahrhunderts.* — Berlin: Akad. — Verl., 1977. — 246 s. — (Slavistische Studien und Texte).

1018. *Слово о полку Игореве = The lay of the warfare waged by Igor / transl. into mod. Russian and introduction by D. Likhachev; transl. from old Russian into Engl. by I. Petrova.* — М.: Progress, 1981. — 123 с.

1019. *Poetyka literatury staroruskiej.* — Warszawa: Panstw. wyd. nauk., 1981. — 381 s.

1020. *The great heritage: the classical literature of Old Rus.* — М.: Progress publ., 1981. — 350 p. — Bibliogr. 9 ref.

1021. *Черты первобытного примитивизма воровской речи // Russische Gaunersprache / hrsg. u. eingel. von Olexa Horbatsch.* — 2 erg. — Auflage; Frankfurt am Main; Munchen, 1982. — S. 11–14. — (Specimina philol. Slavicae; Bd. 16).

1022. *Соседство книг // Литературознание и фольклористика: в чест на 70-годишнината на акад. Петър Динев.* — София, 1983. — С. 37–42.

1023. *Smich Stare Rusi.* — Praha: Odeon, 1984. — 220 s.: il. — (ARS. Literarnevedna rada). — Spolu s A. M. Pancenko.

1024. *Ce ne va aduce secolul de miine.* — Moscova: APN, 1987. — 64 p. — In colaborare N. Samvelean.

1025. *Co nam chysta vek buduci.* — Moskva: APN, 1987. — 64 s. — Spolu s N. Samvelian.

1026. *Das 21. Jahrhundert — Jahrhundert des Humanismus.* — Moskau: APN, 1987. — 31 s.: 11., Portr., Taf. — (Meinung eines Prominenten; 4).

1027. *El siglo XXI debe convertirse en siglo de humanismo.* — М.: APN, 1987. — 32 p.: il., portr. — (Opiniones autorizadas; 4).

1028. *Le XXI-e siecle doit etre le siecle de l'humanisme.* — Moscou: APN, 1987. — 32 p.: il., portr. — (Un avis competent; 4).

1029. *Mit tartocat szamunkra a jowo szazad?* — Moszkva: APN, 1987. — 163 p. — N. Samveljan egyuittmukodesevel.

1030. *The 21st century must be an age of humanism.* — Moscow: APN, 1987. — 31 p.: il., portr., tab. — (Expert opinion; 4).

1031. *Was bringt es uns, das kunftige Jahrhundert.* — Moskau: APN, 1987. — 68 s. — In Gemeinschaft mit N. Samveljan.

1032. *Poetique historique de la litterature russe (X–XX-e siecle) / Traduction, preface et notes de F. Lesourd.* — Lausanne: l'Age d.'Homme, 1988. — P. 9–254, 313–321, 329–331: portr.

1033. *Religion: Russian Orthodoxy / trans. and adapted by N. Rzhnevsky with the help of R. Sohoney // The Cambridge Companion to Modern Russian Culture / ed. by N. Rzhnevsky.* — Cambridge University Press, 1988. — P. 38–56.

1034. Textology. A Short Essay / translated from the Russian by Marcella M. Atkinson. — Detroit: Wayne State University Press, 1988. — 13 p.
1035. Смех в Древней Руси. — Токио: Хэйбонся, 1989. — 405 с. — Совместно с А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. — На яп. яз.
1036. Boris Pasternak's «Doktor Shiwago» // Kunst und Literatur. — Berlin, 1989. — № 1. — S. 33–38.
1037. Chiesa e stato sovrani, ciascuno nel proprio campo (Intervista della Novosti) // Rassegna sovietica. — Roma, 1989. — № 1. — P. 189–200.
1038. Hva venter oss i del 21 arhundre? — Moskva: APN, 1990. — 70 s. — На норвеж. яз.
1039. Hvad vil det kommende arhundrede bringe? — Moskva: APN, 1990. — 75 s. — На дат. яз.
1040. Le retour a l'homme: Dialogues sur le temps passe, present et a venir. — Moscou: Progres, 1990. — 227 p. — Avec N. Samvelian.
1041. Mita tuleva vuosisata tuo tullessaan. — Moskova: APN, 1990. — 75 s. — На фин. яз.
1042. Next Century: What Will It Bring? — Moskow: APN, 1990. — 75 p. — На англ. яз.
1043. Que nous reserve le siecle prochain? — Moscou: APN, 1990. — 79 p. — На франц. яз.
1044. Vad har vi att vanta pa 2000-talet? — Moskva: APN, 1990. — 75 s. — На швед. яз.
1045. Wat brengt de 21ste eeuw ons? — Moskou: APN, 1990. — 79 s. — На нидерланд. яз.
1046. Die Lachtwelt des alten Russland / mit einem Nachtrag von Jurij M. Lotman, Boris A. Uspenskij; Eingeleitet und herausgegeben von Renate Lachmann. — München: Wilhelm Fink Verlag, 1991. — 206 s. — Mit A. M. Pancenko.
1047. Le radici dell' arte Russia dal Medioevo alle Avanguardie / volume a curi di E. Kostjiukovic; traduzione A. Bourtsev, S. Cecehi, M. Di Salvo, M. Ghiglioni, A. Pedetti, G. Scandiani, A. Silvestri, L. Tonini. — Milano: Fabri Editori, Bompiani, 1991. — 407 p.
1048. Poezja ogrodow. O semantyce stylow ogrodowo-parkowych. — Wroclaw: Ossolineum, 1991. — 361 s.
1049. Reflections on Russia / ed. by Nicolai N. Petro; translated by Christina Sever; foreword by S. Frederick Starr. — Boulder (CO): Westview Press, 1991. — 191 p. — (CCRS Series on Change in Contemporary Soviet Society).
1050. Johdatus nauruun: reunamerkinnoja venalaisyydesta / Suomentanut E. Peuranen. — Pieksamaki: Pietari — Saation Julkaisuja I, 1994. — 285 s.
1051. Слово о профессоре Е. Накамуре // Россия — святость и хаос: сб. исслед. по культуре и истории / ред. Т. Баннай, Т. Куриудзава, М. Наганова и Р. Ясуй. — Токио: Сайрюся, 1995. — С. 464–465.

СПИСОК ТРУДОВ АКАДЕМИКА
Д. С. ЛИХАЧЕВА ЗА 1996–2007 гг.*

Книги, брошюры

1052. Без доказательств / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб.: БЛИЦ, 1996. — 159 с. — (Рус. PEN CLUB).

1053. Владимир Мономах [князь]. Поучения, или Духовная Великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим / [пер. с памятника с древнерус. осущ. Д. С. Лихачевым по Лаврентьевской летописи]. — М.: Фонд развития отечеств. книгоиздания, 1996. — 236 с. — (Тяжела ты, шапка Мономаха).

1054. Декларация прав культуры: (проект): [разработан в развитие идеи и основного содержания «Декларации прав культуры», предлож. Д. С. Лихачевым. Доработка текста осущ. обществ. комиссией при Правительстве Санкт-Петербурга, создан. распоряжением мэра Санкт-Петербурга (№ 1281-р от 18.12.95), под науч. рук. Д. С. Лихачева]. — СПб.: СПбГУП, 1996. — 19 с.

1055. Декларация прав культуры: проект: [к 90-летию со дня рождения акад. Д. С. Лихачева] / вступ. ст. А. С. Запесоцкого. — СПб.: СПбГУП, 1996. — 19 с.

1056. Очерки по философии художественного творчества / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб.: БЛИЦ, 1996. — 159 с.

1057. Письма о добром / послесл. С. О. Шмидта. — 3-е изд., доп. — Пенза: Департамент культуры Пенз. обл., 1996. — 211 с.: ил., портр.

1058. Повесть временных лет / РАН; подгот. текста, пер. статьи и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — 2-е изд., испр. и доп. / подгот. М. Б. Свердлов. — СПб.: Наука, 1996. — 668 с. — (Лит. памятники).

1059. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. Заметки о русском: избранное / ред. Т. Шмакова. — СПб.: Logos, 1997. — 560 с.: ил., портр.

1060. Избранное. Воспоминания / ред. Т. Шмакова. — 2-е изд., перераб. — СПб.: Logos, 1997. — 605 с.: ил., портр.

1061. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. — СПб.: Алетейя, 1997. — 582 с.

1062. Об интеллигенции / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб.: Альм. «Канун», 1997. — 446 с. — (Приложение к альм. «Канун»; Вып. 2).

1063. Письма о добром и прекрасном. Беседы прошлых лет. — М.: Прогресс, 1997. — 96 с.

* Библиографический материал подготовлен сотрудниками отдела информационно-библиографического обслуживания Научной библиотеки СПбГУП З. Г. Хоронжиной и Т. Д. Дягиловой. При подготовке списка были просмотрены следующие источники за 1996–2007 гг.: Книжная летопись, Летопись журнальных статей, Летопись газетных статей, Летопись рецензий; Библиографические указатели ИНИОН: «Языкознание», «Литературоведение», «Науковедение», «История, Археология, Этнология», электронные ресурсы Интернета: сведения с сайта Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева и др. Использовались сведения, полученные из Базы данных «Санкт-Петербург» Российской национальной библиотеки, картотеки персоналий Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки.

1064. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. Заметки о русском: избранное / ред. Т. Шмакова. — СПб.: Logos, 1998. — 559 с.
1065. «Слово о полку Игореве» и культура его времени: избранное / ред. Т. Шмакова. — СПб.: Logos, 1998. — 528 с.: портр.
1066. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Согласие: ОАО «Тип. «Новости»», 1998. — 471 с.: ил.
1067. Развитие русской литературы X–XVII веков. — 3-е изд. — СПб.: Наука, 1998. — 206 с.: портр. — (Б-ка междунар. лит. фонда).
1068. *Фурсей Г. Н.* Наука и образование в общем контексте культуры как определяющий фактор устойчивого развития России / Г. Н. Фурсей, Е. И. Рюмцев, М. Н. Чирятов; при содействии и участии Д. С. Лихачева; СПбГУ и др. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. — 162 с.
1069. Воспоминания. — 2-е изд., перераб. — СПб.: Logos, 1999. — 608 с.: ил., портр.
1070. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. — СПб.: Алетейя, 1999. — 508 с.: ил.
1071. Новгородский альбом: рисунки, посвящ. 1140-летию Великого Новгорода. — СПб.: БЛИЦ, 1999. — 158 с.: ил.
1072. Очерки по философии художественного творчества / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — 2-е изд., доп. — СПб.: БЛИЦ, 1999. — 191 с. — (Рус. PEN CLUB).
1073. Письма о добром / вступ. ст. А. Петровского; послесл. С. О. Шмидта. — СПб.: БЛИЦ, 1999. — 189 с.
1074. Письма о добром и прекрасном = Letters about the good and the beautiful: книга для чтения с коммент. на англ. яз. / сост. и автор коммент. Е. Е. Павлова. — М.: Гос. ин-т рус. яз., 1999. — 108 с.
1075. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Наука, 1999. — 668 с. — (Лит. памятники).
1076. Повесть о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова / пер. реконструиру. текста Д. С. Лихачева; худож. Д. Саенко. — СПб.: Наука, 1999. — 42 с.
1077. Развитие русской литературы X–XVII веков. — 3-е изд. — СПб.: Наука, 1999. — 204 [2] с., [1] л. портр. — (Б-ка междунар. лит. фонда).
1078. Раздумья о России. — СПб.: Logos, 1999. — 666 с.: ил.
1079. Слово о полку Игореве: переводы и комментарии / вступ. ст., дослов. и объясн. пер. с древнерус., примеч. Д. С. Лихачева. — М.: Худож. лит., 1999. — 222 с.: ил.
1080. Великая Русь: История и художественная культура X–XVII веков / Д. С. Лихачев, Г. К. Вагнер, Г. И. Вздорнов, Р. Г. Скрынников — М.: Искусство, 2000. — 488 с.: ил, цв. ил. — (Славяно-визант. свод).
1081. Декларация прав культуры. — М.: Логос, 2000. — 8 с.
1082. Избранное. Воспоминания / ред. Т. Шмакова. — 2-е изд., перераб. — СПб.: Logos, 2000. — 608 с.: ил.
1083. Небесная линия города на Неве: воспоминания, статьи. — СПб.: Серебряные ряды, 2000. — 79 с.: ил. — (Из сер. «Гражданин Великого города»).

1084. Русская культура: сб. / сост. Л. Р. Мариупольская; Ин-т «Открытое о-во, Фонд содействия». — М.: Искусство, 2000. — 438 с.: ил., портр.
1085. «Слово о полку Игореве» и культура его времени: избранное. — СПб.: Logos, 2000. — 528 с.: ил.
1086. Декларация прав культуры: (проект) / СПбГУП; под науч. ред. Д. С. Лихачева. — СПб.: СПбГУП, 2001. — 19 с.: цв. портр.
1087. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. — СПб.: Алетейя, 2001. — 566 с. — (Славян. б-ка. Bibliotheca slavica).
1088. Раздумья о России. — СПб.: Logos, 2001. — 672 с.
1089. Текстология: на материале рус. лит. X–XVII вв. / при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва; РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — 3-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Алетейя, 2001. — 758 с.: ил. — (Славян. б-ка).
1090. Письма о добром. — СПб.: Logos, 2002. — 256 с.: ил.
1091. Русь: история и художественная культура X–XVII вв. / Д. С. Лихачев, Г. К. Вагнер, Г. И. Вздорнов, Р. Г. Скрынников. — М.: Искусство-XXI в., 2003. — 488 с. — (Славяно-визант. свод).
1092. Введение к чтению памятников древнерусской литературы / отв. ред. С. О. Шмидт; сост. А. В. Топычканов. — М.: Рус. путь, 2004. — 340 с.
1093. Раздумья о России. — 2-е изд., испр. — СПб.: Logos, 2004. — 667 с.
1094. Иван IV (царь). Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; пер. и коммент. Я. С. Лурье; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — Репринт. воспроизведение изд. 1951 г. — СПб.: Наука, 2005. — 715 с., [12] л.: ил. — (Лит. памятники). — Имен. указ.: С. 687–710.
1095. Воспоминания. — 3-е изд. — СПб.: Logos, 2006. — 542, [1] с.: ил., портр.
1096. Воспоминания. — М.: Вагриус, 2006. — 428 с. — (Сер. «Мой XX век»).
1097. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет: к 100-летию Д. С. Лихачева: [в 3 т.] / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), Междунар. благотвор. фонд им. Д. С. Лихачева; редкол.: Д. А. Гранин (пред.) [и др.]. — СПб.: АРС, 2006. — Т. 1. — 397, [2] с.: ил., портр., факс.; Т. 2. — 511 с.: ил., портр.; Т. 3. — 509, [1] с.: ил., портр.
1098. Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / науч. ред. А. С. Запесоцкий. — СПб.: СПбГУП, 2006. — 96 с.
1099. Заветное: сб. / авт. проекта и сост. А. А. Лиханов. — М.: Детство. Отрочество. Юность, 2006. — 271 с.
1100. Избранное. Воспоминания / ред. Т. Л. Шмакова. — 3-е изд. — СПб.: Logos, 2006. — 544 с.: ил.
1101. Избранное: мысли о жизни, истории, культуре / сост., подг. текста, вступ. ст. Д. Н. Бакуна. — М.: Рос. фонд культуры, 2006. — 336 с.
1102. Избранные труды по русской и мировой культуре: сб. / СПбГУП. — СПб.: СПбГУП, 2006. — 416 с.
1103. Неизвестный Лихачев: неопубликованные материалы из архива Российского фонда культуры / под науч. ред. Л. М. Аринштейна; подгот. текстов, сост. коммент., вступ. ст. И. Ю. Юрьевой. — М.: Рос. фонд культуры, 2006. — 288 с.
1104. Письма о добром / предисл. С. М. Миронова. — СПб.: Logos, 2006. — 256 с.: ил.

1105. Письма о добром и прекрасном / Российско-Армянский (Славянский) гос. ун-т. — Ереван.: Изд-во РАУ, 2006. — 211 с.
1106. Письма о добром. — М.: Наука; СПб.: Logos, 2006. — 315 с., [1] л. портр. — (Лит. памятники).
1107. Повести Древней Руси. — СПб.: Искусство-СПб, 2006. — 423 с. — (Сер. «Школа прозы»).
1108. Раздумья о России. — 3-е изд. — СПб.: Logos, 2006. — 654 с.
1109. Русские летописи XI–XVI веков / сост., предисл. А. Г. Боброва. — М.: Амфора, 2006. — 440 с. — Из содерж.: Повесть временных лет (по Лаврентьевскому списку) / пер. Д. С. Лихачева; коммент. О. В. Творогова. — С. 22–174; Поучение Владимира Мономаха (из Лаврентьевской летописи [1096 г.]) / пер. и коммент. Д. С. Лихачева. — С. 174–189; Рассказ о преступлении рязанских князей (из Новгородской первой летописи старшего извода [1217 г.]) / пер. и коммент. Д. С. Лихачева. — С. 225–227.
1110. Текстология: краткий очерк / РАН, Археогр. комиссия. — 2-е изд. — М.: Наука, 2006. — 174, [1] с., [1] л. портр.
1111. Человек в литературе Древней Руси / РАН, Археогр. комиссия. — 3-е изд. — М.: Наука, 2006. — 202 с.
1112. Слово о полку Игореве / вступ. ст., пер. с древнерус., примеч., под ред. Д. С. Лихачева. — М.: Оникс, 2007. — 272 с. — (Золотая б-ка 2).
1113. Слово о полку Игореве / вступ. ст., пер. с древнерус., примеч., под ред. Д. С. Лихачева. — М.: Оникс, 2007. — 272 с. — (Великие страницы истории Отечества).
1114. La Poesia dei Giardini. — Torino: Einaudi, 1996.
1115. Спомени / превела от руски София Бранц. — София: Народна култура, 1997. — Перевод в сокр. кн. Д. С. Лихачева «Воспоминания» (СПб.: Logos, 1995).
1116. La mia Russia / trad. di Claudia Zonghetti. — Torino: Giulio Einaudi editore, 1999. — 389 p. — Книга Д. С. Лихачева «Воспоминания» (СПб., 1995).
1117. Reflection on the Russian soul: a memoir / trad. B. Adams; Introd. M. Kun — Budapest: Centr. Europ. univ. press, 2000. — XVII. — 296 p.: il. — Bibliogr. in the text.
1118. Il silenzio del Nord: L'album di Novgorod. 40 disegni (1937) / A. cura di Anna Raffetto. — Novara, 2001. — 59 p.

Статьи в книгах и научных изданиях

1119. Выступление академика Дмитрия Сергеевича Лихачева // Форум творческой интеллигенции России: доминанта культуры в современном мире. Ответственность художника за будущее России / Междунар. ассоц. творч. интеллигенции «Мир культуры», Акад. рос. искусства. — М., 1996. — С. 39–44.
1120. Декларация прав культуры и ее международное значение // День науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов: материалы конф., 23–24 мая 1996 г. / ФНПР, Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленингр. обл., СПбГУП; отв. ред. В. Е. Триодин. — СПб., 1996. — С. 35–37.
1121. Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества // Судьба российской интеллигенции: материалы науч. дискус., 23 мая 1996 г. / СПбГУП; сост. и отв. ред. В. Е. Триодин. — СПб., 1996. — Вып. 1. — С. 8–12.

1122. Лицо // Ваш Григорий Козинцев: воспоминания. — М., 1996. — С. 189.
1123. К читателям // Ленинградский мартиролог. 1937–1938: [книга памяти жертв политических репрессий] / редкол.: А. Я. Разумов (отв. ред.). — СПб., 1996. — Т. 2: Окт. 1937 г. — С. 6–7.
1124. Конкретное литературоведение и труды М. П. Алексеева: [1896–1981, историка и теоретика лит., комментатора, специалиста в обл. междунар. связей рус. лит. и культуры] // Россия, Запад, Восток: встречные течения: к 100-летию со дня рождения акад. М. П. Алексеева / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб., 1996. — С. 46–52.
1125. Лев Александрович Дмитриев (опыт портрета) // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. — СПб., 1996. — Т. 49. — С. 3–4.
1126. Несколько мыслей о роли культуры в формировании общеевропейского дома // Слово и образ: к 75-летию Е. А. Маймина / Псков. гос. пед. ин-т. — Псков, 1996. — С. 48–51.
1127. Слово о П. А. Флоренском // П. А. Флоренский: pro et contra: личность и творчество Павла Флоренского в оценке русских мыслителей и исследователей: антол. / отв. ред. тома Д. К. Бурлака. — СПб., 1996. — С. 561–562.
1128. Судьба рукописи Изборника 1073 г. в XIV в. // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. — СПб., 1996. — Т. 49. — С. 297–299.
1129. Язык мой / записал И. Медовой // Русская культура вне границ: информ.-аналит. сб. / Рос. гос. б-ка, Гос. культурно-досуговая ассоц. «Россия»; науч. ред. Е. А. Батенина. — М., 1996. — Вып. 4. — С. 62–65. — Перепеч. из газ.: Культура. — 1995. — 25 нояб. — С. 3.
1130. Великая культура примирительна по своей сути // День науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Гуманитарная культура как фактор преобразования России», 22–23 мая 1997 г. / ФНПР, Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленингр. обл., СПбГУП; отв. ред. В. Е. Триодин. — СПб., 1997. — С. 17–18.
1131. Величие древней литературы // Библиотека литературы Древней Руси / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. — СПб., 1997. — Т. 1: XI–XII века. — С. 7–24.
1132. Выступление // Богословие после Освенцима и ГУЛАГа и отношение к евреям и иудаизму в Православной Церкви большевистской России: материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 26–29 января 1997 г. / Высш. религ.-филос. шк. — СПб., 1997. — С. 16–19.
1133. И. Е. Аничков: биограф. очерк / Д. С. Лихачев, С. С. Зилитинкевич, В. П. Недашков // Аничков И. Е. Труды по языкознанию / РАН, Ин-т лингвист. исслед.; сост. и отв. ред. В. П. Недашков. — СПб., 1997. — С. 5–48.
1134. Закономерности и антизакономерности в литературе // Освобождение от догм: история русской литературы: состояние и пути изучения / РАН, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького; отв. ред. Д. П. Николаев. — М., 1997. — Т. 1. — С. 12–15.
1135. Искусство и наука // Освобождение от догм: история русской литературы: состояние и пути изучения / РАН, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького; отв. ред. Д. П. Николаев. — М., 1997. — Т. 1. — С. 18–32.

1136. Концептосфера русского языка // Освобождение от догм: история русской литературы: состояние и пути изучения / РАН, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького; отв. ред. Д. П. Николаев. — М., 1997. — Т. 1. — С. 33–42.
1137. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. / Ин-т народов России [и др.]; под общ. ред. В. П. Нерознака. — М., 1997. — С. 280–287.
1138. Литература трагического века в истории России // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. — СПб., 1997. — Т. 5: XIII век. — С. 5–28.
1139. Литература эпохи «Слова о полку Игореве» // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. — СПб., 1997. — Т. 4: XII век. — С. 5–24.
1140. Поэтические переводы «Слова о полку Игореве» / пер. «Слова о полку Игореве» Д. С. Лихачева // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. — СПб., 1997. — Т. 4: XII век. — С. 565–582.
1141. «Принцип дополнительности» в изучении литературы // Освобождение от догм: история русской литературы: состояние и пути изучения / РАН, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького; отв. ред. Д. П. Николаев. — М., 1997. — Т. 1. — С. 15–18.
1142. Самое большое сопротивление злым идеям всегда оказывает личность // Судьба российской интеллигенции: материалы науч. дискус., 25 ноября 1997 г. / СПбГУП; сост. и отв. ред. В. Е. Триодин. — СПб., 1997. — Вып. 2. — С. 52–54.
1143. Строение литературы: (к постановке вопроса) // Освобождение от догм: история русской литературы: состояние и пути изучения. — М., 1997. — Т. 1. — С. 8–11.
1144. Экология культуры // Как гражданин России. — М., 1997. — С. 52–63: ил. — (Памятники Отечества: альм.: малая сер.; № 3).
1145. Экология культуры // Культура и судьбы мира: универсализм регионального / Акад. славян. культуры. — М., 1997. — С. 7–19.
1146. Гумилев Л. Н. Сочинения. Древняя Русь и Великая степь: в 2 т. / сост. А. И. Куркчи; предисл. Д. С. Лихачева. — М.: Ин-т «ДИ-ДИК», 1997. — (Фонд «Мир Л. Н. Гумилева». Сер. I «Сочинения Л. Н. Гумилева в 15 т. Bibliotheca Gumilevica»). — Загл. пер.: Древняя Русь и Великая степь. — Т. 1. — 508 с.: ил.; Т. 2. — 541 с.: ил.
1147. Психология арга // Россия — Восток — Запад / РАН, Отд-ние лит. и яз.; отв. ред. Н. И. Толстой. — М., 1998. — С. 60–84.
1148. Сила интеллигентности в индивидуальности // Конгресс российской интеллигенции. Москва, 10–11 декабря 1997 г. / сост. и отв. ред. С. А. Филатов. — СПб., 1998. — С. 23–25.
1149. Соловки // Распяты: писатели — жертвы политических репрессий / Ист.-мемор. комис. Союза писателей Санкт-Петербурга; авт.-сост. З. Дичаров. — СПб., 1998. — Вып. 4: От имени живых... — С. 129–137.
1150. Пастернак Б. Л. Избранные произведения: в 2 т. — СПб.: Кристалл: Респекс, 1998. — Т. 2: Доктор Живаго: роман / вступ. ст. Д. С. Лихачева. — 557 с. — (Б-ка мировой литературы).

1151. *Эткинд Е. Г.* Материя стиха / предисл. Д. С. Лихачева. — Репринт. изд. — СПб.: Гуманитар. союз, 1998. — 506 с.

1152. Всякая образованность создается чтением и книгами // Будущее — за Россией читающей: День школьного библиотекаря в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, 24 апреля 1999 г. / СПбГУП; под общ. ред. В. Е. Триодина. — СПб., 1999. — С. 15–17.

1153. Заключительное слово Д. С. Лихачева // Судьба российской интеллигенции: сб. / СПбГУП; сост. и отв. ред. В. Е. Триодин. — СПб., 1999. — [Ч. 2: Судьба российской интеллигенции]. — С. 98–99.

1154. Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества // Судьба российской интеллигенции: сб. / СПбГУП; сост. и отв. ред. В. Е. Триодин. — СПб.: СПбГУП, 1999. — [Ч. 2: Судьба российской интеллигенции]. — С. 31–36.

1155. Литература времени национального подъема // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. — СПб., 1999. — Т. 6: XIV — середина XV века. — С. 5–28.

1156. Литература эпохи исторических размышлений // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. — СПб., 1999. — Т. 7: Вторая половина XV века. — С. 5–20.

1157. Нас ждет то, что мы сделаем сами // Судьба российской интеллигенции: сб. / СПбГУП; сост. и отв. ред. В. Е. Триодин. — СПб.: СПбГУП, 1999. — [Ч. 6: Россия во мгле: Оптимизм или отчаянье?]. — С. 315–317.

1158. О Татьяне Борисовне Князевской // Памятники культуры: новые открытия = Monumentes of Culture: new discoveries. Письменность. Искусство. Археология: ежегод. 1998 / РАН, Науч. совет по истории мировой культуры; редкол.: Д. С. Лихачев (пред.) [и др.]. — М., 1999. — С. 5–6.

1159. Переводная литература в развитии литературы домонгольской Руси // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. — СПб., 1999. — Т. 2: XI–XII века. — С. 5–19.

1160. Самое большое сопротивление злым идеям всегда оказывает личность // Судьба российской интеллигенции / СПбГУП. — СПб., 1999. — [Ч. 4: Петербургская интеллигенция в преддверии конгресса интеллигенции]. — С. 174–176.

1161. Священная история в познавательных произведениях литературы Древней Руси // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. — СПб., 1999. — Т. 3: XI–XII века. — С. 5–8.

1162. У нас есть опыт преодоления падения культуры // Судьба российской интеллигенции: сб. / СПбГУП; сост. и отв. ред. В. Е. Триодин. — СПб., 1999. — [Ч. 3: Сценарии развития российской интеллигенции]. — С. 104–105.

1163. *Мальшиев В. П.* Откровение певца и травника / предисл. Д. С. Лихачева. — СПб.: Наука, 1999. — 303 с.: портр.

1164. *Мануйлов В. А.* Записки счастливого человека: Воспоминания. Автобиограф. проза. Из неопубл. стихов / под ред. Н. Ф. Будановой; вступ. ст. Д. С. Ли-

хачева. — СПб.: Фонд регион. развития Санкт-Петербурга, 1999. — 444 с. — (Дневники и воспоминания петербургских ученых).

1165. Монастырская культура: восток и запад / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); сост. Е. Г. Водолазкин; вступ. слово Д. С. Лихачева. — СПб.: Альм. «Канун», 1999. — 287 с.

1166. *Новиков С. Г.* Портрет интеллекта = Picture of Intellect: фотоальбом / предисл. Д. С. Лихачева; послесл. Д. А. Гранина. — СПб.: Светлячок, 1999. — 286 с.: ил.

1167. Пушкинские места: Москва и Подмосковье, Санкт-Петербург и его пригороды, Украина и Молдавия, Псковский край, Верхневолжье, Кавказ и Закавказье, Болдинская земля, Поволжье и Урал: путеводитель / предисл. Д. С. Лихачева; подгот.: К. В. Айвазян [и др.], сост. Н. А. Тархова. — М.: Профиздат, 1999. — 575 с.: ил.

1168. *Франк С. Л.* Этюды о Пушкине / предисл. Д. С. Лихачева. — М.: Согласие, 1999. — 177 с.: портр.

1169. Литература «государственного устройства» // Библиотека литературы Древней Руси / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. — СПб., 2000. — Т. 10: XVI век.

1170. О русской интеллигенции: письмо в редакцию // Антология русской философии: в 3 т. / СПбГУ [и др.]; редкол.: А. Ф. Замалеев [и др.]. — СПб., 2000. — Т. 2. — С. 493–505. — Перепеч. из журн. «Новый мир». 1993. № 2. С. 3–9.

1171. Обращение к «своей античности» // Из истории русской культуры / сост. А. Д. Кошелев. — М., 2000. — Т. 1: Древняя Русь. — С. 725–731. — (Язык. Семиотика. Культура).

1172. Эпоха решительного подъема общественного значения литературы // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. — СПб., 2000. — Т. 9: Конец XV — первая половина XVI века. — С. 5–18.

1173. Русские летописи. — Рязань: Узорочье, 2000. — Т. 8: Московский летописный свод конца XV века. — 649 с. — Из содерж.: Академик Д. С. Лихачев об академике А. А. Шахматове.

1174. Древнерусский смех: [смеховая культура Древней Руси] // М. М. Бахтин: pro et contra: личность и творчество М. М. Бахтина в оценке рус. и миров. гуманист. мысли: антол. / отв. ред. Д. К. Бурлака, изд. подгот. К. Г. Исупов. — СПб., 2001. — Т. 1. — С. 448–467.

1175. На пути к новому литературному сознанию. Сочинения царя Ивана Грозного и князя Андрея Курбского // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. — СПб., 2001. — Т. 11: XVI век. — С. 5–12.

1176. *Логинов В. М.* И вошли дни благословенны...: док.-художеств. повествование: [из истории рос. керамики] / В. Логинов, Ю. Скальский; вступ. ст. Д. С. Лихачева. — М.: Алгоритм-книга, 2001. — С. 333.

1177. О петербургской культуре начала XX века: вступ. ст. // Петербург. Художественная жизнь. 1900–1916: фотолетопись: альбом. — СПб., 2001. — С. 5–9.

1178. Повести и сказания Древней Руси: памятники литературы XI–XVII вв. в избр. пер.: Изборник / сост. Н. В. Поньрко; под ред. [и со вступ. ст. с. 5–24] Д. С. Лихачева. — М.; СПб.: Дилчя: Дилчя публицинг, 2001. — 1151 с.

1179. *Щеглов М. М.* Академия общественных связей: опыт, проблемы, материалы / Рос. акад. образования [и др.]. — СПб.: КультИнформПресс, 2001. — 354 с., 4 л. ил. — Из прил.: Декларация прав культуры / Д. С. Лихачев.
1180. Была ли эпоха Петровских реформ перерывом в развитии русской культуры? // Петр Великий: pro et contra: личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: антол. / редкол.: Д. К. Бурлака [и др.]. — СПб., 2003. — С. 708–712. — (Сер. «Русский путь»).
1181. Всадники: [по мотивам «Слова о полку Игореве»] / предисл. Д. С. Лихачева. — СПб.: Пушкин. фонд, 2003. — 104 с.: ил.
1182. Литература «обобщающих предприятий» // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб., 2003. — Т. 12: XVI век. — С. 5–7.
1183. *Пушкин А. С.* Стихотворения; Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения; Проза / Александр Сергеевич Пушкин; авт. вступ. ст. Д. С. Лихачев. — М.: ЭКСМО, 2005. — 607 с. — (Б-ка всемирной литературы).
1184. Рукописи не горят: рассказы, повести, воспоминания / предисл. Б. Никольского. — СПб.: Журн. «Нева», 2005. — 718 с. — Посвящ. 50-летию журн. «Нева». — Из содерж.: Как мы остались живы: воспоминания / Д. С. Лихачев.
1185. Подступы к решительным переменам в строении литературы // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. — СПб.: Наука, 2006. — Т. 14: Конец XVI — начало XVII в. — С. 5–23.
1186. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь / предисл. Д. С. Лихачева. — М.: АСТ, 2006. — 767 с.

Редактирование

1187. *Комнина А.* Алексиада: пер. с греч. / редкол. С. С. Аверинцев, Д. С. Лихачев, Г. Л. Курбатов [и др.]. — М.: Алетей, 1996. — С. 704. — (Византийская б-ка; Источники).
1188. Памятники культуры: новые открытия = Monumentes of Culture: new discoveries: Письменность. Искусство. Археология: ежегод. 1994 / Рос. акад. наук, Науч. совет по истории мир. культуры; редкол.: Д. С. Лихачев (пред.) [и др.]. — М.: Наука, 1996. — 604 с.
1189. Полярность в культуре / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); сост. В. Е. Багно, Т. А. Новичкова. — СПб.: Альм. «Канун», 1996. — 427 с. — (Канун: альм. / под общ. ред. Д. С. Лихачева; Вып. 2).
1190. Россия, Запад, Восток: встречные течения: сб. ст.: к 100-летию со дня рождения акад. М. П. Алексеева / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); редкол.: Д. С. Лихачев (отв. ред.) [и др.]. — СПб.: Наука, 1996. — 444 с.
1191. Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); гл. ред. серии Д. С. Лихачев; ред. А. А. Алексеев, М. А. Салмина. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. — Т. 49. — С. 543.
1192. Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. — СПб.: Наука, 1997.
1193. Т. 1: XI–XII века / [вступ. ст. Д. С. Лихачева]. — 1997. — 542 с.

1194. Т. 2: XI–XII века / [вступ. ст. Д. С. Лихачева]. — 1999. — 555 с.
1195. Т. 3: XI–XII века / [вступ. ст. Д. С. Лихачева]. — 1999. — 413 с.
1196. Т. 4: XII век / [вступ. ст. Д. С. Лихачева]. — 1997. — 685 с.
1197. Т. 5: XIII век / [вступ. ст. Д. С. Лихачева]. — 1997. — 526 с.
1198. Т. 6: XIV — середина XV века / [вступ. ст. Д. С. Лихачева]. — 1999. — 583 с.
1199. Т. 7: Вторая половина XV века / [вступ. ст. Д. С. Лихачева]. — 1999. — 581 с.
1200. Т. 8: XIV — первая половина XVI века / [вступ. ст. О. В. Творогова]. — 2003. — 581 с.
1201. Т. 9: Конец XV — первая половина XVI века / [вступ. ст. Д. С. Лихачева]. — 2000. — 566 с.
1202. Т. 10: XVI век / [вступ. ст. Д. С. Лихачева]. — 2004. — 618 с.
1203. Т. 11: XVI век / [вступ. ст. Д. С. Лихачева]. — 2001. — 683 с.
1204. Т. 12: XVI век / [вступ. ст. Д. С. Лихачева]. — 2003. — 624 с.
1205. Т. 13: XVI век. — 2005. — 860 с.
1206. Т. 14: Конец XVI — начало XVII в. / Федер. целевая прогр. «Культура России» (подпрогр. «Поддержка полиграфии и книгоизд. России»); вступ. ст. Д. С. Лихачева. — 2006. — 758 с.
1207. Памятники культуры: новые открытия = Monumentes of Culture: new discoveries: Письменность. Искусство. Археология: ежегод. 1991: [посвящ. 85-летию Д. С. Лихачева] / РАН, Науч. совет по истории мир. культуры; редкол.: Д. С. Лихачев (пред.) [и др.]. — М.: Наука, 1997. — 428 с., 4 л. ил.
1208. Антропология религиозности: сб. ст. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб.: Альм. «Канун», 1998. — 495 с. — (Канун: альм. / под общ. ред. Д. С. Лихачева; Вып. 4).
1209. Памятники культуры: Новые открытия = Monumentes of Culture: New discoveries: Письменность. Искусство. Археология: ежегод. 1996 / РАН, Науч. совет по истории мир. культуры; редкол.: Д. С. Лихачев (пред.) [и др.]. — М.: Наука, 1998. — 666 с.
1210. Памятники культуры: Новые открытия = Monumentes of Culture: New discoveries: Письменность. Искусство. Археология: ежегод. 1997 / РАН, Науч. совет по истории мир. культуры; редкол.: Д. С. Лихачев (пред.) [и др.]; сост. Т. Б. Князевская. — М.: Наука, 1998. — 602 с.
1211. Русские пиры: сб. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб.: Альм. «Канун», 1998. — 428 с. — (Канун: альм. / под общ. ред. Д. С. Лихачева; Вып. 3).
1212. Анатолий Васильевич Предтеченский: из творч. наследия: сб. / РАН, Ин-т рос. истории, Санкт-Петерб. фил.; сост. Т. Н. Жуковская, Л. М. Предтеченская; предисл. Д. С. Лихачева, Т. Н. Жуковской. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — 436 с., 4 л. ил. — (Историко-филологический архив; Вып. 4).
1213. Памятники культуры: новые открытия = Monumentes of culture: new discoveries: Письменность. Искусство. Археология: ежегод. 1998 / РАН, Науч. совет по истории мировой культуры; редкол.: Д. С. Лихачев (пред.) [и др.]; сост. Т. Б. Князевская. — М.: Наука, 1999. — 570 с.
1214. Пушкин и его современники: сб. науч. тр. / РАН, Отд-ние лит. и яз., Пушкин. комис.; редкол.: Д. С. Лихачев [и др.]. — СПб.: Акад. проект, 1999. — Вып. 1 (40). — 1999. — 348 с.

1215. *Барышников М. Н.* Деловой мир Петербурга: ист. справ. — СПб.: Logos, 2000. — 582 с.: ил. (Санкт-Петербург. Град Петра — 300 лет / редкол.: Д. С. Лихачев [и др.]).

1216. Русская интеллигенция: история и судьба / РАН, Науч. совет по истории мировой культуры; сост. Т. Б. Князевская; редкол.: Д. С. Лихачев (отв. ред). — М.: Наука, 2000. — 423 с.

1217. Памятники культуры: новые открытия = Monumentes of Culture: new discoveries: Письменность. Искусство. Археология: ежегод. 1999 / РАН, Науч. совет по истории мир. культуры; редкол.: Д. С. Лихачев (отв. ред.) [и др.]; сост. Т. Б. Князевская. — М.: Наука, 2000. — 715 с.

1218. Рассказы Начальной русской летописи: сб. для внеклас. чтения в 6–10-х кл. / пер. с древнерус. яз., вступ. ст. Т. Н. Михельсон; науч. ред. Д. С. Лихачев. — М.: Рус. слово, 2000. — 158 с., 4 л. ил. — (Внеклассное чтение) (Сер. «Кладезь знаний»).

1219. Рассказы русских летописей XII–XIV веков: кн. для внеклас. чтения в 6–10-х кл. / пер. с древнерус. яз., вступ. ст. Т. Н. Михельсон; науч. ред. Д. С. Лихачев. — М.: Рус. слово, 2000. — 217 с. — (Внеклассное чтение) (Сер. «Кладезь знаний»).

1220. Русские летописи XV–XVII веков: кн. для внеклас. чтения в 6–10-х кл. / пер. с древнерус. яз., вступ. ст. Т. Н. Михельсон; науч. ред. Д. С. Лихачев. — М.: Рус. слово, 2000. — 303 с. — (Внеклассное чтение) (Сер. «Кладезь знаний»).

1221. Памятники культуры: новые открытия = Monumentes of Culture: new discoveries: Письменность. Искусство. Археология: ежегод. 2000 / РАН, Науч. совет по истории мир. культуры; сост. Т. Б. Князевская; отв. ред. Д. С. Лихачев. — М.: Наука, 2001. — 624 с.

1222. Рассказы русских летописей XII–XIV веков: кн. для внеклас. чтения в 6–10-х кл. / пер. с древнерус. яз., вступ. ст. Т. Н. Михельсон; науч. ред. Д. С. Лихачев. — М.: Рус. слово, 2001. — 217 с. — (Сер. «Кладезь знаний»).

1223. *Рункевич С. Г.* Свято-Троицкая Александро-Невская лавра, 1713–1913: ист. исследование: в 2 кн. / редкол.: Д. С. Лихачев [и др.]. — СПб.: Logos, 2001. — (Град Петра. 300 лет).

Кн. 1. — 631 с.: ил.; Кн. 2. — 589 с.: ил. — Указ. имен.: с. 519–589.

1224. Русская интеллигенция: история и судьба / РАН, Науч. совет по истории мировой культуры; сост. Т. Б. Князевская; редкол.: Д. С. Лихачев (отв. ред.). — М.: Наука, 2000. — 423 с.

1225. Русские летописи XV–XVII веков: кн. для внеклас. чтения в 6–10-х кл. / пер. с древнерус. яз., вступ. ст. Т. Н. Михельсон; науч. ред. Д. С. Лихачев. — М.: Рус. слово, 2001. — 303 с., 4 л. ил. — (Сер. «Кладезь знаний»).

1226. Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев; РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), Отд-ние древнерус. лит. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. — Т. 52. — 798 с., 1 л. портр.

1227. Язык. Литература. Эпос: (к 100-летию со дня рождения акад. В. М. Жирмунского): сб. ст. / РАН, Ин-т лингвист. исслед.; редкол.: Д. С. Лихачев (отв. ред.) [и др.]. — СПб.: Наука, 2001. — 443 с.: портр.

1228. Шедевры русской литературы XX века: антол. / науч.-ред. совет: Д. С. Лихачев [и др.]. — М.: Глобус, 2002. — Т. 1: Проза. — 755 с.

1229. Византийские легенды: пер. / РАН; изд. подгот. С. В. Полякова; отв. ред. Д. С. Лихачев. — Репринт. воспр. изд. 1972 г. — СПб.: Наука, 2004. — 303 с. — (Лит. памятники).

1230. Семнадцатый век в русской литературе // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. О. В. Творогова. — СПб., 2006. — Т. 15: XVII век. — С. 5–31.

**Статьи, доклады, выступления,
интервью в периодических изданиях**

Журналы

1231. Детство с Куоккалой и Достоевским: отрывки воспоминаний // Новый мир. — 1996. — № 1. — С. 156–158.

1232. Из бесед о культурной топографии Петербурга / беседу вел Л. Смирнов // Наше наследие. — 1996. — № 38. — С. 26–32.

1233. Одной души с народом // Российская провинция. — 1996. — № 3 (16). — С. 128–130. — К 200-летию А. С. Пушкина.

1234. Фрагменты воспоминаний / предисл. О. Хлебникова // Новое время. — 1996. — № 48. — С. 42–43. — Содерж.: Гимназия Человеколюбивого общества [1914]; Гимназия и реальное училище К. И. Мая [1915].

1235. Через хаос к гармонии // Русская литература. — 1996. — № 1. — С. 3–5.

1236. Академик Александр Михайлович Панченко [литературовед]: к 60-летию со дня рождения / Д. С. Лихачев, Н. Н. Скатов, С. И. Николаев // Русская литература. — 1997. — № 1. — С. 268–270.

1237. Диалог в природе как признак жизни и одухотворения в литературе // Русская литература. — 1997. — № 3. — С. 3–5.

1238. Дмитриев Л. А. Блокадный дневник [25.06.1941 — 26.11.1942] / публ. Р. П. Дмитриевой; предисл. Д. С. Лихачева; послесл. В. Бахтина // Звезда. — 1997. — № 2. — С. 172–199.

1239. Концепции интеллигенции не должно быть вообще // Рубежи. — 1997. — № 12. — С. 59–60.

1240. Слово к читателю русского перевода «Улисса» // Диапазон. — 1997. — Спец. вып. — С. 107–108. — (К первой публ. «Улисса» Дж. Джойса на рус. яз.).

1241. Человек должен быть интеллигентен // Учитель. — 1997. — № 1. — С. 16–19.

1242. С. А. Алексеев и его «Повесть»: [вступ. ст.] // Русская литература. — 1998. — № 2. — С. 165–166.

1243. Выступление на Совете Федерации о проблемах финансирования Пушкинского Дома и музея Пушкина // Рос. Федерация сегодня. — 1998. — № 3. — С. 5–7. — (В Совете Федерации: 28-е пленар. заседание).

1244. Год без прогулки вдоль Славянки // Наше наследие = Our heritage. — 1998. — № 46. — С. 29–35.

1245. Ксения Дмитриевна Муратова: некролог / Д. С. Лихачев, Н. Н. Скатов, Н. Н. Мостовская [и др.] // Русская литература. — 1998. — № 4. — С. 266–268.

1246. Проповедь или поступок?: (ответ на юбилейное приветствие Д. М. Буланина) // Русская литература. — 1998. — № 2. — С. 212–213.
1247. Сфинксы напротив Крестов / предисл. И. Свердловой // Всемирное слово. — 1998. — № 10/12. — С. 99–101: ил. — Содерж.: Шемякин М. «Я счастлив служить России...», Лихачев Д. С. «Вглядитесь в лица этих сфинксов...».
1248. Слово о Варваре Павловне Адриановой-Перетц: выступ. на заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, посвящ. памяти В. П. Адриановой-Перетц, 17 декабря 1997 г. // Русская литература. — 1998. — № 2. — С. 219–222.
1249. Только через очищение: может ли Петербург называться столицей российской культуры? // Невский, 70: журн. Санкт-Петерб. союза журналистов. — 1998. — № 2. — С. 14–15.
1250. Актуальная проблема: [обществ. деятели о смертной казни] // Бюллетень М-ва юстиции. — 1999. — № 5. — С. 22–24.
1251. К молодому поколению // Домашний лицей. — 1999. — № 4. — С. 2–3.
1252. Пушкин дорог нам всем // Наука и жизнь. — 1999. — № 6. — С. 2–3.
1253. Вместо предисловия: из воспоминаний Д. С. Лихачева // Русское возрождение: Независимый русский православный журнал. — Нью-Йорк; Москва; Париж, 2000. — № 77–78. — С. 14–18. — [Памяти Д. С. Лихачева].
1254. Воспитать в себе гражданина // Там же. — С. 45–51.
1255. Выступление на заседании Президиума правления Советского фонда культуры 26 сентября 1990 года о выделении 3 млн 700 тыс. рублей на реставрацию Валаамского монастыря // Там же. — С. 322–329.
1256. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Там же. — С. 69–81.
1257. День классики и культуры (радиопередача 24 мая 1990 г.) // Там же. — С. 120–130.
1258. Доклад о старой орфографии // Там же. — С. 23–28.
1259. Заметка об обществе «Классика» // Там же. — С. 131.
1260. Интервью Д. С. Лихачева «Литературной газете» 1993 г. // Там же. — С. 331–338.
1261. Кому принадлежит история // Там же. — С. 193–207.
1262. Леонид Владимирович Георг (о моем учителе) // Там же. — С. 159–168.
1263. Нас обкрадывают...: интервью // Там же. — С. 55–63.
1264. Нас спасет культура // Там же. — С. 84–86.
1265. Наука без морали погибнет // Там же. — С. 87–100.
1266. Нельзя так относиться к памятникам народного зодчества: письмо в редакцию «Литературной газеты» // Там же. — С. 181–182.
1267. Новгородские письма // Там же. — С. 183–191.
1268. О ленинградской блокаде: из неопубл. беседы с Д. С. и З. А. Лихачевыми // Там же. — С. 301–308.
1269. Обращение в Верховный Совет о Музее изящных искусств // Там же. — С. 340.
1270. Обращение [от имени] Советского фонда культуры и Всесоюзного Пушкинского общества к депутатам Московского совета, народному депутату СССР С. Б. Станкевичу // Там же. — С. 64–68.

1271. Передовая линия обороны Болгарского государства духа // Там же. — С. 101–115.
1272. Письмо Г. В. Мясникову // Там же. — С. 341. — [Об издании газеты «Пенатъ»].
1273. Послесловие к брошюре 1942 года «Оборона древнерусских городов» // Там же. — С. 309–317.
1274. Предисловие к книге «Места, где провел я лучшие свои годы» (Пушкин о Захарове) публикация З. А. и Л. Д. Лихачевых // Там же. — С. 342–343.
1275. Предисловие к пятому тому Полного собрания сочинений А. С. Пушкина на английском языке // Там же. — С. 116–122.
1276. Русская культура в современном мире // Там же. — С. 134–151.
1277. Соловки // Там же. — С. 210–232.
1278. Уметь понять и простить: интервью / публ. В. Еронина // Адвокат. — 2000. — № 2 — С. 80–82.
1279. Ученый и художник // Наука в России. — 2000. — № 2. — С. 55–63. — (Рисунки).
1280. Память истории священна: ст., письма и др. материалы, связ. с деятельностью ученого в Рос. фонде культуры конца 80-х годов XX в. / публ. и примеч. В. П. Енишерлова // Наше наследие. — 2001. — № 59/60. — С. 94–106.
1281. Письма Д. С. Лихачева В. А. Каверину: Каверин В. А. Из книги «Оглядываясь назад» / публ. Т. В. Бердиковой // Звезда. — 2002. — № 4. — С. 142–146.
1282. Образ города // Преподавание истории в школе. — 2003. — № 6. — С. 21–25.
1283. Давайте говорить внятно / интервью записал И. Медовой // Босс: Бизнес: организация, стратегия, системы. — 2004. — № 11. — С. 90–91. — (Self made boss) (Правила поведения).
1284. Англичане по воспоминаниям / публ. В. Зилитинкевич // Альманах Междунар. благотвор. фонда им. Д. С. Лихачева. — 2005. — Вып. 1: Культура и общество. — С. 34–47.
1285. Андрей Рублев (1360–1430) // Изобразительное искусство в школе. — 2005. — № 3. — С. 3.
1286. Есть литература, которая незаметно растет... / беседовал Н. Михайлов // Литературная учеба. — 2005. — № 5. — С. 34–37.
1287. Компетентностный подход как одно из оснований обновления образования // Кафедра / Твер. обл. ин-т усовершенствования учителей. — 2005. — № 1. — С. 3–8.
1288. О мире древнерусской литературы // Уроки литературы. — 2005. — № 2. — С. 2. — [Разумное, доброе, вечное].
1289. Степенность во всем!: из вступ. ст. академика Лихачева к VI тому Памятников литературы Древней Руси // Закон. — 2005. — № 10. — С. 105–106. — [NOTA BENE].
1290. Декларация прав культуры: проект / разраб. в СПбГУП под науч. рук. Д. С. Лихачева // Журнал российского права. — 2006. — № 12. — С. 142–146.
1291. Друзья создаются в юности: интервью / запись и публ. Ю. Ростовцева // Студенческий меридиан. — 2006. — № 3. — С. 46–49. — (Наши публикации).
1292. Заветные мысли // Чудеса и приключения. — 2006. — № 2. — С. 59.

1293. Заметки к воспоминаниям о Вере / публ. З. Курбатовой // Наше наследие. — 2006. — № 79–80. — С. 52–69.
1294. Заметки об истоках искусства // *Alma mater*. — 2006. — № 10. — С. 3–6.
1295. [Из выступлений академика Д. С. Лихачева] // Наука и жизнь. — 2006. — № 12. — С. 21–23. — Содерж.: Нас ждет то, что мы сделаем сами: из выступления в дискуссии «Россия во мгле: оптимизм или отчаянье?», 15 октября 1998 г. Дворец Белосельских-Белозерских; Петербург в истории русской культуры: из акт. лекции; Декларация прав культуры и ее международное значение.
1296. «Милая добровольная затворница»: письма Д. С. Лихачева к С. В. Вереш [1965–1968] // Наше наследие. — 2006. — № 79–80. — С. 89–97.: ил., фото.
1297. «Надо спешить сказать...»: семь писем Д. С. Лихачева [к Ю. В. Манну] // Наше наследие. — 2006. — № 79–80. — С. 100–101.
1298. Неожиданный Лихачев / беседу с Д. С. Лихачевым вел А. Самойлов // Звезда. — 2006. — № 11. — С. 39–56.
1299. О блокаде: [Ленинград: воспоминания] / публ. Н. Кавина // Звезда. — 2006. — № 11. — С. 16–17.
1300. О книгах Л. Н. Гумилева / публ. М. Г. Козыревой // Звезда. — 2006. — № 11. — С. 18–21.
1301. О русской интеллигенции: [первая публикация ранее неизвестного письма ученого в редакцию журнала «Грани»] // Грани. — 2006. — № 219. — С. 6–21.
1302. Об особенностях русского православия: запись лекции, прочит. 21 ноября 1990 г. в «St. John the Baptist Russian Orthodox Church» (США) // Звезда. — 2006. — № 11. — С. 7–15.
1303. Петербург в истории русской культуры: актовая лекция, прочит. 19 мая 1993 г. в день вручения Д. С. Лихачеву диплома и мантии Почетного доктора СПбГУП // Студенческий меридиан. — 2006. — № 12. — С. 72–76.
1304. Письма к А. А. Ахматовой: [1959–1964] / публ. и вступ. заметка Н. Крайневой // Звезда. — 2006. — № 11. — С. 58–61.
1305. «Под Учителем разумею Вас!»: письма Д. С. Лихачева С. О. Шмидту [1995, 1997]; предисл. Б. Егорова // Наше наследие. — 2006. — № 79–80. — С. 98.: ил., фото.
1306. «Пусть мои слова кто-то услышит» // Журналист. — 2006. — № 11. — С. 20–21.
1307. Самая большая ценность народа // Журналистика и культура рус. речи. — 2006. — № 1. — С. 16–27.
1308. «...Солнце мы похоронили в нем»: беседа Д. С. Лихачева с Л. М. Смирновым // Альманах Междунар. благотвор. фонда им. Д. С. Лихачева. — 2006. — Вып. 2–3: Культура и общество. — С. 6–38.
1309. Спешите учиться: всякая образованность создается чтением и книгами: интервью с Д. С. Лихачевым [материалы из сб. Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. — СПб., 2006] // Студенческий меридиан. — 2006. — № 11. — С. 31–33.
1310. «Храните своих друзей...»: письма Д. С. Лихачева В. П. Енишерлову [1986–1998]; публ. и примеч. В. П. Енишерлова; подгот. текста и прим. Б. В. Егорова // Наше наследие. — 2006. — № 79–80. — С. 47–51.: ил., фото.

1311. Человек будущего в университете будущего // Студенческий меридиан. — 2006. — № 9. — С. 22–26.
1312. Человек — эпоха: две встречи с Д. С. Лихачевым [запись бесед с академиком. Д. С. Лихачев вспоминает о Соловках и о своем учителе рисования П. Н. Андрееве] / публ. и вступ. ст. Н. Кавина // Звезда. — 2006. — № 11. — С. 29–38.
1313. «Я хорошо помню свое детство» / беседа Л. Смирновой с Д. С. Лихачевым: 14 февраля 1996 г.; публ. Н. Кавина // Звезда. — 2006. — № 11. — С. 22–28.
1314. «Всяк сущий в ней язык...» / беседу вел Александр Романов // MONOLITH digest. — 2007. — № 15. — С. 44–47.
1315. [Доктору Робину Милнер-Галланду [Милнер-Гулланду]: письмо Д. С. Лихачева от 16.02.1977 г.] // Slavonica: A twice-yearly publication on the languages, literatures, history and culture of Russia and Central and Eastern Europe. — 1999/2000. — Vol. 6, № 1. — P. 144–145.
1316. Жанровске у приказивану луди // Источник. — Београд. 2000 година. IX. Број 33/34. — С. 27–34. — Пер. с рус. яз. гл. «Жанровые различия в изображении людей» из книги Д. С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси» (М., 1970).
1317. Соловке од 1928 до 1931 године // Источник. — Београд. 2000 година. IX. 33/34. — С. 35–43. — Пер. с рус. яз. ст. Д. С. Лихачева «Соловки 1928–1931 годы».

Газеты

1318. Все флаги к невским берегам / беседовала А. Осипова // Вечерний Петербург. — 1996. — 7 июня (№ 107). — С. 6.
1319. Дмитрий Сергеевич Лихачев на вершине XX века / беседу записал В. Лазарев // Книжное обозрение. — 1996. — 3 дек. (№ 48). — С. 12–13.
1320. Единомыслие — искусственно / беседу записал В. Костюковский // Известия. — 1996. — 27 нояб. (№ 224). — С. 5.
1321. И великие играли в рюхи / беседу записала Н. Дардыкина // Московский комсомолец. — 1996. — 28 нояб. — С. 1.
1322. Интеллектуал с одним «л»: письмо в редакцию // Литературная газета. — 1996. — 2 окт. (№ 40). — С. 6.
1323. К читателям: [предисл. к кн.: «Ленинградский мартиролог. 1937–1938». Т. 2] // Вечерний Петербург. — 1996. — 14 июня. — С. 6.
1324. Мы никого не уполномачивали говорить от нашего имени // Известия. — 1996. — 13 апр. (№ 70). — С. 2. — Совместно с др.
1325. Не делайте, господа, революции... / беседу вела Т. Вольтская // Невское время. — 1996. — 28 нояб. (№ 225). — С. 1, 3.
1326. Недопустимо, чтобы чиновники спекулировали культурным достоянием // Новая газета. — 1996. — 11–17 янв. (№ 1). — С. 1, 5.
1327. Нравственное воспитание — основа здорового общества / беседу записал И. Логвинов // Гудок. — 1996. — 3 дек.
1328. Россию спасет не сильный кулак, а сильный интеллект / беседу записала П. Соловей // Труд. — 1996. — 16 февр. (№ 32). — С. 4.
1329. Русский музей в опасности // Культура. — 1996. — 28 сент. (№ 37). — С. 1.

1330. Русский человек по-детски доверчив / беседу записал С. Бычков // Московские новости. — 1996. — 24 нояб. — 1 дек. (№ 47). — С. 20.
1331. Самой судьбою предназначено / беседовала А. Осипова // Вечерний Петербург. — 1996. — 11 янв. (№ 6). — С. 3.
1332. Создать смеховой мир // Невское время. — 1996. — 24 фев. — С. 1.
1333. Спокойствие классики и холодность ума — вот что нам необходимо / беседу записал И. Медовой // Культура. — 1996. — 25 мая (№ 19). — С. 1.
1334. «Среди депутатов Госдумы немало психически больных людей» [вопр. охраны памятников истории и культуры Моск. обл.] / беседу записал С. Бычков // Московский комсомолец. — 1996. — 31 авг. (№ 184). — С. 8.
1335. Судьба России — в создании новой культуры / интервью записал С. Бычков // Московские новости. — 1996. — 26 нояб. (№ 47).
1336. Сфера добра ближе к вечности / беседу записала П. Соловей // Труд-7. — 1996. — 22 нояб. (№ 212). — С. 8.
1337. Судить о том, что я сделал, где оступился, придется уже после моей смерти. Только на Страшном суде все станет ясно / беседу записал К. Шилов // Литературная газета. — 1996. — 23 окт. (№ 43). — С. 6.
1338. Уголовники дважды спасли мне жизнь / беседу записал Л. Сидоровский // Общая газета. — 1996. — 28 нояб. — 4 дек. (№ 47). — С. 10.
1339. Это оправдывает существование человечества / беседу записал С. Ильченко // Невское время. — 1996. — 13 апр. — С. 1. — (Из первых рук).
1340. Я живу с ощущением расставания... / беседу записал Д. Шеваров // Комсомольская правда. — 1996. — 5 марта (№ 42). — С. 5.
1341. Каков язык, таковы и нравы. (Власть не должна выражаться в стиле подворотни): беседа // Вечерний Петербург. — 1997. — 31 окт. (№ 206). — С. 2.
1342. Народ велик своей культурой: [выступ. акад. Д. Лихачева на заседании Совета культуры] // Гудок. — 1997. — 3 июля.
1343. Нельзя лишать Россию петербургских традиций... // Санкт-Петербургские ведомости. — 1997. — 22 июля (№ 31). — С. 1.
1344. О прошлом и будущем Петербурга: интервью // Петровский курьер. — 1997. — 10 июня (№ 16). — С. 1.
1345. Охраняйте свободу совести: [о проблемах культуры] / беседу записал И. Логвинов // Новая газета. — 1997. — 17 нояб. (№ 46). — С. 16.
1346. Петербург должен стать культурной столицей // Российские вести. — 1997. — 5 июня (№ 102). — С. 3.
1347. Россия обязательно возродится / беседу записал И. Логвинов // Гудок. — 1997. — 14 окт. (№ 188).
1348. Сохраним Андреевский оркестр!: (обращение к депутатам Законодательного собрания Санкт-Петербурга) // Санкт-Петербургские ведомости. — 1997. — 6 дек. (№ 229). — С. 2.
1349. Беспорядок в стране создают не порядочные люди: [о культуре] / беседу записал Ю. Куканов // Российские вести. — 1998. — 26 февр.
1350. Вторжение ползунаек: [о совет. периоде истории] / беседа // Трибуна. — 1998. — 10 апр. — С. 4.
1351. [Высказывание о факультете культуры СПбГУП] // Санкт-Петербургские ведомости. — 1998. — 9 сент. (№ 168). — С. 5. — Материал расположен в ст. «Факультет перспективных профессий».

1352. Дмитрий Лихачев ходит в Русский музей 80 лет! / интервью записала К. Тольская // Час пик. — 1998. — 21 марта (№ 25). — С. 4.
1353. Еще одна культурная катастрофа — недопустима! (Научная общественность всего мира против уничтожения Российского исторического архива) // Вечерний Петербург. — 1998. — 3 марта (№ 37). — С. 3.
1354. Журнал, не изменившийся в эпоху больших перемен, когда изменилось все // Вечерний Петербург. — 1998. — 28 февр. (№ 36). — С. 3.
1355. Нам не нужна национальная идея // Русская мысль = La pensee russe. — Париж. — 1998. — № 4244. — С. 11.
1356. Невский старец / беседу записала Т. Вольтская // Независимая газета. — 1998. — 28 нояб. (№ 19). — С. 10. — (Фигуры и лица).
1357. Она была искренна, а потому опасна [о Г. Старовойтовой] // Северная столица. — 1998. — 25 нояб. — 1 дек. (№ 8). — С. 2.
1358. Пушкину уготована трудная судьба // Российские вести. — 1998. — 12 февр. — С. 3.
1359. Россия потеряла великого композитора... Но осталась его музыка: [памяти Г. Свиридова: высказывания] // Труд. — 1998. — 9–15 янв. — С. 10. — Авт.: Е. Светланов, А. Эшпай, Д. Лихачев, Д. Толстой, Д. Хворостовский, В. Астафьев.
1360. Я Михалкову дел не передавал / беседу вел А. Синицын // Коммерсант-daily. — 1998. — 11 июня. — С. 10.
1361. Анкета «Мой Пушкин»: [ответы литераторов на анкету «Литературной газеты»] // Литературная газета. — 1999. — 2 июня (№ 22). — С. 1, 9–11. — Авт.: Д. С. Лихачев, А. Кушнер, А. Мелихов, Е. Попов, И. Шкляревский, А. Варламов, В. Концевий, Ю. Кублановский, Р. Бородулин, М. Рощин.
1362. Будьте творцами, и зло уйдет: [последнее выступление перед питерской прессой] / записала Н. Сидорова // Вечерний Петербург. — 1999. — 8 окт. (№ 184). — С. 2.
1363. Век закончился... / беседа, запись и публ. И. Степановой // Смена. — 1999. — 1 окт. — С. 1.
1364. Вспоминаю старый город // Метро. — 1999. — 28 апр. (№ 42). — С. 5.
1365. Душа обязана трудиться!..: последнее интервью // Северная столица. — 1999. — 25 окт. (№ 1). — С. 1, 3.
1366. Завтра Александру Сергеевичу Пушкину исполнится 200 лет: ст. // Лесная газета. — 1999. — 5 июня. — Содерж.: Тайна безмерного обаяния / Д. Лихачев.
1367. Заметки о русском // Вести. — 1999. — 6 нояб. (№ 126). — С. 7.
1368. Из Петербурга ушла душа / беседа, запись и публ. И. Степановой // Московские новости. — 1999. — 5–11 окт. (№ 36). — С. 13.
1369. Культура не может жить в уголке / беседовала И. Степанова // Смена. — 1999. — 16 сент. — С. 1, 4.
1370. Место под нарами: Соловки. 1928–1931 гг.: воспоминания: публ. / записал Н. Кавин // Первое сентября. — 1999. — 6 нояб. — С. 5.
1371. Моя жизнь почти совпадает с жизнью XX века. Автобиография // Известия. — 1999. — 1 окт. — С. 3.
1372. Наша Природа — национальная святыня // Санкт-Петербургские ведомости. — 1999. — 2–8 окт. (№ 182). — С. 3.

1373. Ни правого, ни виновного не убивайте // Российская газета. — 1999. — 31 марта (№ 60). — С. 2.
1374. И назовет его всяк...: [о Пушкине] // Российская газета. — 1999. — 16 янв. (№ 8). — С. 1.
1375. Обязательно посади дерево — даже если завтра конец света: [о нравственности: диалог акад. Д. С. Лихачева и писателя Ф. Искандера: публ.] / записала И. Кленская // Культура. — 1999. — 7–13 окт. (№ 36). — С. 1.
1376. Последнее интервью Дмитрия Лихачева / беседа, запись и публ. Л. Ивановой // Аргументы и факты. — 1999. — Окт. (№ 40). — С. 5.
1377. Просторы и пространство: из книги «Заметки о русском» // Книжное обозрение. — 1999. — 11 окт. (№ 41). — С. 5.
1378. Пушкин нуждается в нашей защите // Санкт-Петербургские ведомости. — 1999. — 15 янв. (№ 7). — С. 1.
1379. Радуга над веком падения культуры / беседовала И. Степанова // Русская мысль = La pensee russe. — Париж, 1999. — 8 апр. (№ 4264). — С. 14–15.
1380. Скоро утонем в грязи // Известия. — 1999. — 8 сент. (№ 167). — С. 12.
1381. Черты первобытного примитивизма воровской речи / публ. А. Чернова // Новая газета. — 1999. — 7–10 окт. (№ 37). — С. 1, 12.
1382. Что думал академик Лихачев о строительстве высокоскоростной магистрали // Аргументы и факты. — 1999. — Март (№ 9). — С. 2.
1383. Основной инстинкт интеллигента: [размышления на морал.-этич. темы] / публ. Н. Васильевой // Российские вести. — 2000. — 27 сент. — 3 окт. (№ 38–39). — Прил.: с. 2. — (Древо; № 8).
1384. Созидательная память народа: [о культуре: публ.] // Российские вести. — 2001. — 19–25 дек. (№ 43). — С. 11.
1385. Без доказательств: фрагм. из кн. // Невское время. — 2006. — 10 июня (№ 106). — С. 8; Невское время. — 2006. — 15 нояб. (спец. вып.). — С. 5.
1386. Декларация прав культуры: [проект] / разработан под науч. рук. Д. С. Лихачева // Известия. — 2006. — 24 мая (№ 90). — С. 9; Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 25 мая. (№ 92). — С. 7.
1387. Друзья создаются в юности / беседа, запись и публ. Ю. Ростовцева // Литературная Россия. — 2006. — 23 июня (№ 25). — С. 15.
1388. Зло атакует в обход: [ст. Д. С. Лихачева «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт»] // Невское время. — 2006. — 1 июля (№ 121). — С. 8; Невское время. — 2006. — 15 нояб. (спец. вып.). — С. 6.
1389. Интеллигентным притвориться нельзя // Невское время. — 2006. — 10 мая (№ 82). — С. 8; Невское время. — 2006. — 15 нояб. (спец. вып.). — С. 2.
1390. Любите читать! Письмо двадцать второе // Библиотека в школе: газета Изд. дома «Первое сентября». — 2006. — № 10. — С. 39–40.
1391. Моральные проблемы должна решать литература: [ст. Д. С. Лихачева: «Из заметок о русской литературе»; «Пушкин»; «Достоевский»; «Лесков»; «О классической прозе»; «Память — преодоление смерти»] // Невское время. — 2006. — 3 нояб. (204). — С. 11.
1392. Не надо бояться жить, или Неожиданный Лихачев / беседа, запись и публ. А. Самойловой // Московские новости. — 2006. — 24–30 нояб. (№ 45). — С. 36.
1393. «Небесная линия» города на Неве: [фрагм. ст. Д. С. Лихачева «Петербург в истории русской культуры», «Градостроительные заветы Петра Велико-

го»]. // Невское время. — 2006. — 30 сент. (№ 181). — С. 7; Невское время. — 2006. — 15 нояб. (спец. вып.). — С. 8.

1394. «Ничто из приобретенного в молодости не проходит бесследно» / беседа А. Макаровой // Кронштадтский вестник. — 2006. — 30 июня (№ 25).

1395. О людях и лицах ушедшей эпохи / публ. Н. Кавина // Первое сентября. — 2006. — 25 нояб. (№ 22). — С. 21.

1396. О русском языке и ненормативной лексике: культура и искусство / беседа Д. Шеварова // Православие и Мир. — 2006. — 25 дек.

1397. Петербург в истории русской культуры: актовая лекция, прочит. 19 мая 1993 г., в день вручения Д. С. Лихачеву диплома и мантии Почетного доктора СПбГУП // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 8 апр. (№ 61). — С. 7–8.

1398. Писмата: [Письмо на Д. С. Лихачев до Елена и Иван Дуйчеви 14.11.1958 г.; Из письмо на Иван Дуйчев до Д. С. Лихачев 1 декември 1958 София] // Русия днес = Россия сегодня. — 2006. — 16–22 юни. — С. 23.

1399. Подлинный камень дорожке всяких декораций: [ст. Д. С. Лихачева «Краеведение как наука и как деятельность»; «Русский Север»] // Невское время. — 2006. — 22 июля (№ 137). — С. 8; Невское время. — 2006. — 15 нояб. (спец. вып.). — С. 7.

1400. Путешествия в иноземства: [ст. Д. С. Лихачева «Церемония с улыбкой»; «Достоинство в крови»] // Невское время. — 2006. — 20 мая (№ 91). — С. 7; Невское время. — 2006. — 15 нояб. (спец. вып.). — С. 3.

1401. Самый красивый город мира — город-трагедия: [беседа] // Невское время. — 2006. — 26 мая (№ 95). — С. 7; Невское время. — 2006. — 15 нояб. (спец. вып.). — С. 4.

1402. «Свободой жертвовать нельзя!» / беседа Л. Сидоровского // Невское время. — 2006. — 15 нояб. (№ 210). — С. 10.

Кино- и видеоматериалы

1403. Д. С. Лихачев: информ. бюллетень киноvideоматериалов: к 90-летию со дня рождения [Фильмография] / Федер. служба России по телевидению и радиовещанию, Гос. фонд телевиз. и радиопрограмм (Гостелерадиофонд). — М., 1996. — 25 с.

1404. Бессмертное слово: [Слово о полку Игореве] / авт. сцен. В. Никитина; реж. Д. Демин; опер. В. Еркин; комп. К. Волчков; текст читает Р. Суховерко; Об истории его открытия и изучения рассказывает Д. С. Лихачев: [видео-запись]. — М.: Гостелерадио СССР: Мастер ТЭИП, 2000. — 1 вк. (50 мин.), в бум. футл. — (Коллекц. серия).

1405. Век Лихачева: документальный фильм / реж. К. Артюхов. — СПб.: Леннаучфильм, [2006]. — 52 мин.

Видеофильмы с участием академика Д. С. Лихачева, выпущенные в СПбГУП

1406. Видеообращение к Конгрессу российской интеллигенции, Москва, 10–11 декабря 1997 г.: [видео-запись]: опубл. в кн.: Конгресс российской интеллигенции, Москва, 10–11 декабря 1997 г.: сб. / сост. и отв. ред. С. А. Филатов. — СПб.: СПбГУП, 1998.

1407. Университет XXI века: [видео-запись]: видеофильм / Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург). —

СПб.: СПбГУП, 2000. — 1 вк. — Примеч.: Видеозапись содержит выступление Д. С. Лихачева.

1408. Дмитрий Сергеевич Лихачев. Письма о добром и прекрасном: [видеозапись]: видеофильм / Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург). — СПб.: СПбГУП, [2001]. — 1 вк.

1409. Университетские встречи. Кассета II: Д. С. Лихачев, М. Л. Ростропович, Д. А. Гранин, А. А. Вознесенский, Б. Л. Васильев: [видеозапись]: видеофильм / Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург); вед. А. С. Запесоцкий. — СПб.: СПбГУП, 2001. — 1 вк. — (Университетские встречи).

Электронные ресурсы, посвященные академику Д. С. Лихачеву

1410. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев [Электронный ресурс] / Междунар. благотвор. фонд им. Д. С. Лихачева. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://likhachev.fond.spb.ru/>. — Загл. с экрана.

1411. Выдающиеся сотрудники прошлых лет — Д. С. Лихачев [Электронный ресурс] / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=126>. — Загл. с экрана.

1412. Д. С. Лихачев [Электронный ресурс] / Библиотека истории русской философии и культуры. Дом А. Ф. Лосева. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://losev-library.ru/index.php?pid=1745>. — Загл. с экрана.

1413. Площадь Д. С. Лихачева [Электронный ресурс] / Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. — Электрон. дан. — СПб., 2006. — Режим доступа: www.lihachev.ru/. — Загл. с экрана.

Тексты основных трудов Д. С. Лихачева в Интернете

1414. Введение к чтению памятников древнерусской литературы [Электронный ресурс]: [сб. ст.] / А. В. Топычканов. — М.: Рус. путь, 2004. — 337 с. — Электрон. дан. — Электронный ресурс размещен на сайте «Площадь Д. С. Лихачева» / СПбГУП. — Режим доступа: <http://www.lihachev.ru/nauka/literatura/biblio/1991/>. — Загл. с экрана.

1415. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси [Электронный ресурс] // Избранные работы: в 3 т. — Л., 1987. — Т. 2. — С. 3–342. — Электрон. дан. — Электронный ресурс размещен на сайте «Площадь Д. С. Лихачева» / СПбГУП. — Режим доступа: <http://www.lihachev.ru/nauka/literatura/biblio/2028/>. — Загл. с экрана; То же. — Электронный ресурс размещен на сайте Международного благотвор. фонда им. Д. С. Лихачева. — Режим доступа: <http://likhachev.fond.spb.ru/Articles/vn.htm>. — Загл. с экрана.

1416. Вокруг разговоров об интеллигенции [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Электронный ресурс размещен на сайте Новгород. регион. центра развития образования. — Режим доступа: <http://method.novgorod.rcde.ru/getblob.asp?id=500001788>. — Загл. с экрана.

1417. Воспоминания [Электронный ресурс]. — СПб.: Logos, 1995. — 519 с.: ил. — Электрон. дан. — Электронный ресурс размещен на сайте Музея и общественного центра им. Андрея Сахарова. — Режим доступа: http://www.sakharov-center.ru/asfd/auth/auth_book.xtmpl?id=82385&aid=105. — Загл. с экрана.

1418. Избранные труды по русской и мировой культуре [Электронный ресурс]: [сб.] / науч. ред. Ю. В. Зобнин; СПбГУП. — СПб.: СПбГУП, 2006. — 416 с. — (Почетные доктора Ун-та). — Электрон. дан. — Электронный ресурс размещен на сайте «Площадь Д. С. Лихачева» / СПбГУП. — Режим доступа: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/lihachev_izbrtrud.pdf. — Загл. с экрана.

1419. Письма о добром и прекрасном [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Электронный ресурс размещен на сайте Православ. гимназии преподобного Сергия Радонежского (Академгородок, Новосибирск). — Режим доступа: <http://orthgymn.ru/likhachev/khrestomatia/letters/>. — Загл. с экрана.

1420. Развитие русской литературы X–XVII веков [Электронный ресурс]. — 3-е изд. — СПб.: Наука, 1999. — 204, [2] с., [1] л. портр. — (Б-ка междунар. лит. фонда). — Электрон. дан. — Электронный ресурс размещен на сайте «Площадь Д. С. Лихачева» / СПбГУП. — Режим доступа: <http://www.lihachev.ru/nauka/literatura/biblio/1850/>. — Загл. с экрана.

1421. Раздумья о России. — 3-е изд. — СПб.: Logos, 2004. — 654 с. — Электрон. дан. — Электронный ресурс размещен на сайте «Площадь Д. С. Лихачева» / СПбГУП. — Режим доступа: <http://www.lihachev.ru/nauka/kulturologiya/biblio/1933/>. — Загл. с экрана.

1422. Русская культура [Электронный ресурс]: [сб.] / сост. Л. Р. Мариупольская; Ин-т «Открытое о-во. Фонд содействия». — М.: Искусство, 2000. — 438 с.: ил., портр. — Электрон. дан. — Электронный ресурс размещен на сайте «Площадь Д. С. Лихачева» / СПбГУП. — Режим доступа: <http://www.lihachev.ru/nauka/kulturologiya/biblio/1834/>. — Загл. с экрана; То же. — Электронный ресурс размещен на сайте Православ. гимназии преподобного Сергия Радонежского (Академгородок, Новосибирск). — Режим доступа: <http://orthgymn.ru/likhachev/khrestomatia/culture/>. — Загл. с экрана.

1423. «Слово о полку Игореве» и культура его времени [Электронный ресурс]. — 2-е изд., доп. — Л.: Худож. лит., Ленингр. отд-ние, 1985. — 352 с. — Электрон. дан. — Электронный ресурс размещен на сайте «Площадь Д. С. Лихачева» / СПбГУП. — Режим доступа: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/slovo_o_polku_ig.pdf. — Загл. с экрана.

1424. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. [Электронный ресурс] / при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва; РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб.: Алетейя, 2001. — 758 с. — Электронный ресурс размещен на сайте «Площадь Д. С. Лихачева» / СПбГУП. — Режим доступа: <http://www.lihachev.ru/nauka/literatura/biblio/1837/>. — Загл. с экрана.

1425. Человек в литературе Древней Руси [Электронный ресурс]. — М.: Наука, 1970. — 180 с. — Электрон. дан. — Электронный ресурс размещен на сайте «Площадь Д. С. Лихачева» / СПбГУП. — Режим доступа: <http://www.lihachev.ru/nauka/literatura/biblio/1858/>. — Загл. с экрана; То же. — Электронный ресурс размещен на сайте Международного благотвор. фонда им. Д. С. Лихачева. — Режим доступа: <http://likhachev.fond.spb.ru/Articles/ch.htm>. — Загл. с экрана.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТРУДАХ Д. С. ЛИХАЧЕВА*

1. *Абрамкин В. М.* Писатели Ленинграда: биобиблиогр. указ. / В. М. Абрамкин, А. Н. Лурье. — Л., 1964. — С. 171–172.
2. *Абрамов Ф. А.* Ученый и писатель // Абрамов Ф. А. Собр. соч.: в 3 т. — Л., 1982. — Т. 3. — С. 557–559.
3. *Абрамов Ф. Д. С.* Лихачеву — 70 лет // Литературная газета. — 1976. — 8 дек. — С. 5.: портр. — (Поздравляем юбиляра).
4. *Абросимов В.* После России он больше всего любил Болгарию // Эхо планеты. — 2006. — 22–31 дек. (№ 52). — С. 35.
5. *Авдеенко Ал.* Уровень общения: [о телефильме «Дома у Пушкина» с участием Д. С. Лихачева] // Советская культура. — 1984. — 12 июня. — С. 3. — (Телеобозрение).
6. *Аверинцев С.* Дмитрий Сергеевич Лихачев: [некролог] // Новый мир. — 1999. — № 12. — С. 240–241.
7. *Аверинцев С.* Седины честныя: [к 90-летию Д. Лихачева] // Литературная газета. — 1996. — 27 нояб. (№ 48). — С. 6.
8. *Аверинцев С.* Уходит эпоха // Литературная газета. — 1999. — 6–12 окт. (№ 40). — С. 1.
9. *Адрианова-Перетц В. П.* Дмитрий Сергеевич Лихачев: [к 60-летию со дня рождения] / В. П. Адрианова-Перетц, Л. А. Дмитриев, Я. С. Лурье // Русская литература. — 1966. — № 3. — С. 233–240.
10. *Адрианова-Перетц В. П.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности [Д. С. Лихачева] // Дмитрий Сергеевич Лихачев / библиогр. сост. Г. Н. Финашиной и М. А. Салминой. — М., 1966. — С. 6–27. — (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 7).
11. *Адрианова-Перетц В. П.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности [Д. С. Лихачева] / В. П. Адрианова-Перетц, М. А. Салмина // Дмитрий Сергеевич Лихачев / библиогр. сост. М. А. Салминой и Г. Н. Финашиной. — 2-е изд., доп. — М., 1977. — С. 8–38. — (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 11).
12. *Адрианова-Перетц В. П.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности [Д. С. Лихачева] / В. П. Адрианова-Перетц,

* «Литература о жизни и трудах Д. С. Лихачева» составлена З. Г. Хоронжиной и Т. Д. Дягилевой. При подготовке библиографического списка использовались материалы из книг: Дмитрий Сергеевич Лихачев / вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц и М. А. Салминой; библиогр. сост. М. А. Салминой и Г. Н. Финашиной. — 3-е изд., доп. — М.: Наука, 1989. — 301 с. — (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 17); Литература о жизни и трудах академика Д. С. Лихачева за 1988–1996 гг. / сост. М. А. Салмина // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — С. 71–82. Использовались сведения из Базы данных «Санкт-Петербург» Российской национальной библиотеки, картотеки персоналий Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки, сведения с сайта Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева.

М. А. Салмина // Дмитрий Сергеевич Лихачев / вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц, М. А. Салминой; библиогр. сост. М. А. Салминой и Г. Н. Финашиной. — 3-е изд., доп. — М., 1989. — С. 11–42. — (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 17).

13. *Адрианова-Перетц В. П.* [Рецензия] // Вестник АН СССР. — 1947. — № 8. — С. 148–149. — Рец. на кн.: А. А. Шахматов, 1864–1920: сб. ст. и матер. / под ред. С. П. Обнорского. — М.; Л., 1947.

14. *Адрианова-Перетц В. П.* [Рецензия] // Литературная газета. — 1951. — 20 окт. — Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. [Т. 1–2. — 1951].

15. *Адрианова-Перетц В. П.* [Рецензия] // Звезда. — 1947. — № 12. — С. 209–211. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.; Л., 1947.

16. *Адрианова-Перетц В. П.* Талант и мастерство ученого: [к выдвижению на соиск. Гос. премии СССР кн. Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы»] / В. П. Адрианова-Перетц, В. Базанов, К. Григорьян [и др.] // Литературная газета. — 1969. — 8 окт. — С. 4.

17. *Адрианова-Перетц В. П.* У истоков русской литературы: [к присуждению Гос. премии СССР за коллектив. науч. труд «История культуры Древней Руси». — Т. 2] // Вечерний Ленинград. — 1952. — 17 марта.

18. *Азбелев С. Н.* Реализм и древнерусская литература // Русская литература. — 1963. — № 1. — С. 45–76.

19. *Азбелев С. Н.* Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // История СССР. — 1966. — № 4. — С. 81–106.

20. *Азеран Р.* Почетное гражданство: [Д. С. Лихачев назван первым Почетным гражданином Санкт-Петербурга] / Р. Азеран, М. Ильина, И. Потемкин // Ленинградская правда. — 1991. — 8 янв. (№ 6). — С. 3.

21. *Айвазян К.* Уроки Дмитрия Лихачева: [к 80-летию со дня рождения] // Коммунист (Ереван). — 1986. — 28 нояб. — Портр.

22. Академик Дмитрий Лихачев — Герой на Социалистический Труд // Антени. — 1986. — 3 дек. (№ 49). — С. 1.

23. Академик Д. С. Лихачев — Герой Социалистического Труда // Вестник АН СССР. — 1987. — № 3. — С. 141–143.: портр.

24. Академик Д. С. Лихачев: диалог с XX веком: каталог выставки / Комитет по культуре Правительства Санкт-Петербурга, Гос. музей истории Санкт-Петербурга, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) [и др.]; науч. ред. Ю. Б. Демиденко, М. Л. Макогнова; [вступ. слово В. И. Матвиенко]. — СПб.: ГМИ СПб., 2006. — 216 с. — Из содерж.: Гранин Д. А. Слово о Д. С. Лихачеве. — С. 5–7; Багно В. Е. Д. С. Лихачев и XX век: повесть временных лет. — С. 9–15; Творогов О. В. Д. С. Лихачев и древнерусская литература. — С. 17–23; Лобакова И. А. Петербург Д. С. Лихачева. — С. 25–31; Боглачев С. В. Петербургские адреса академика Лихачева. — С. 33–49; Ковалева Т. В. Коллекция Д. С. Лихачева в Музее истории Санкт-Петербурга. — С. 51–53; Федорова И. В. Архив академика Д. С. Лихачева в рукописном отделе Пушкинского Дома. — С. 55–59; Основные даты жизни и деятельности академика Д. С. Лихачева. — С. 61–64.

25. Академик Дмитрий Лихачев — награжден с орденом «Георги Димитров»: [поздравительное письмо Генерального секретаря ЦК БКП и председателя Гос. Совета НРБ Тодора Живкова Д. С. Лихачеву по случаю награждения орденом «Георги Димитров»] // Антени. — 1986. — 24 дек. (№ 52). — С. 7.

26. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев: [к 90-летию со дня рождения] // Известия РАН: Сер. лит. и яз. — 1996. — Т. 55, № 6 (нояб.-дек.). — С. 79–86, [1] фото. — Из содерж.: Творогов О. В. [О творчестве Д. С. Лихачева]. — С. 79–82; Гришунин А. Л. [О творчестве Д. С. Лихачева]. — С. 82–86.
27. Академик обращается к президенту... // Санкт-Петербургские ведомости. — 1998. — 10 фев. — С. 2.
28. Академик [Д. С. Лихачев] в Доме юмора [г. Габрово, Болгария] // Библиотечкарь. — 1987. — № 9. — С. 62; Советская Россия. — 1987. — 8 фев. — С. 5.
29. Академику и великому гражданину // Санкт-Петербургские ведомости. — 2001. — 29 нояб. (№ 220). — С. 1.
30. Академику Лихачеву — 85 лет // Труд. — 1991. — 28 нояб. (№ 275–276). — С. 6.: портр.
31. Академия Лихачева // Трибуна. — 2006. — 24 нояб. (№ 46). — С. 11.
32. Академия молчала, ученые — нет: [о выступлении Д. С. Лихачева на многотысячном митинге 20 августа в Ленинграде во время августовских событий 1991 г.] // Московские новости. — 1991. — 1 сент. (№ 35). — С. 2.
33. Акимов В. Книги деяний // Нева. — 1986. — № 4. — С. 161–162. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. — Л., 1985.
34. Алейник Л. «Нечего смотреть на голые стены». Так говорят тем, кто приходит к дому Бориса Пастернака // Строительная газета. — 1988. — 11 фев. (№ 34). — С. 4. — Д. С. Лихачев о создании музея в доме Б. Л. Пастернака.
35. Алекаева Г. Пушкинское начало: [Д. С. Лихачеву вручена медаль Пушкина в Пушкинском Доме] // Вечерний Петербург. — 1994. — 2 июня (№ 120). — С. 1.: фото.
36. Александров В. [Рецензия] // Преподавание истории в школе. — 1952. — № 6. — С. 106–107. — Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. — М.; Л., 1951. — Т. 2.
37. Александров В. А. [Рецензия] // Вопросы истории. — 1955. — № 9. — С. 141–142. — Рец. на кн.: Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: статейные списки / отв. ред. Д. С. Лихачев. — М.; Л., 1954.
38. Александрова Н. Память в бронзе: [об открытии бронзового бюста Д. С. Лихачева на Аллее Славы в СПбГУП] // Российская газета. — 2006. — 29 нояб. (№ 268). — С. 11.
39. Алексеев А. А. Перспективы текстологии: от реконструкции архетипа к истории текста // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб., 2003. — Т. 54. — С. 50–57.
40. Алексеев М. Корни и крона: размышления над «Заметками о русском» акад. Д. С. Лихачева // Литературная газета. — 1980. — 7 мая. — С. 6.
41. Алексеева Е. По ком звонит колокол: [обзор телепередач недели] // Санкт-Петербургские ведомости. — 1999. — 5 окт. (№ 183). — С. 3. — (Памяти ученого).
42. Алексин А. Чистый пламень души: размышления писателя о юношестве и культуре: [в поддержку идеи Д. С. Лихачева о создании «летучих отрядов» школьников — друзей Фонда культуры] // Правда. — 1987. — 27 марта.
43. Алексютин Н. Каждому таланту по звезде: [в Петровском зале Санкт-Петербургского государственного университета состоялось награждение победителей Международного детского конкурса «Звезда Прометей». Награ-

- да учреждена Д. С. Лихачевым] // Учительская газета. — 2006. — 5 дек. (№ 49). — С. 3.
44. *Алехин С.* Слушаю вас... // Российская газета. — 1996. — 28 нояб. (№ 228). — С. 1, 3.
45. *Алешина И.* Милицейская обитель // Вечерний Петербург. — 1995. — 19 окт. (№ 195). — С. 3. — Обращение Д. С. Лихачева в Министерство внутренних дел России о возвращении монахам монастыря Свято-Троицкой Сергиевой пустыни в пос. Стрельна под Санкт-Петербургом.
46. *Алмазов Б.* В сражении за свое Отечество: [сегодня Дмитрию Сергеевичу Лихачеву исполнилось 80 лет] // Смена. — 1986. — 28 нояб. — С. 2.: портр.
47. *Алферова Г. В.* Поэтика садово-паркового искусства // Вестник АН СССР. — 1983. — № 12. — С. 118–126. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. — Л., 1982.
48. *Аль (Альшиц) Д. Н.* «Ищи в науке только истину»: [к 90-летию со дня рождения] // Санкт-Петербургские ведомости. — 1996. — 28 нояб. (№ 227). — С. 2–3.
49. *Аль (Альшиц) Д. Н.* ...И свеча не погасла! К вопросу о масштабе и значении научного подвига Д. С. Лихачева в историко-культурной жизни эпохи // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. А. А. Алексеева [и др.]. — СПб., 1997. — Т. 50. — С. 21–26.
50. *Ангелов Б.* Всесъюзно съвещание по старорусска литература в Ленинград: [о доклад. Д. С. Лихачева «Система жанров в древнерус. лит.»] // Списание на БАН. — 1962. — Год 7, кн. 3. — С. 121–123.
51. *Ангелов Б.* За някои общи черти в развитието на старославянските литератури: [по поводу ст. Д. С. Лихачева «Древнеславянские литературы как система»] // Лит. мисъл. — 1969. — Кн. 3. — С. 51–61.
52. *Ангелов Б.* Към въпроса за второто южнославянско влияние на Русия // Ангелов Б. Из историята на руско-българските литературни връзки. — София, 1980. — Кн. 2. — С. 48–55. — Рец. на ст.: Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России.
53. *Ангелов Б.* Ст. Някои въпроси из историята на старите славянски литератури // Лит. мисъл. — 1959. — Кн. 5. — С. 135–138. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. — М., 1958.
54. *Андреев А.* «Не спешите ставить памятники где попало» // Вечерний Петербург. — 1998. — 18 февр. (№ 29). — С. 1.
55. *Андреев В.* Исследования ленинградских болгаристов / В. Андреев, П. Дмитриев // Ленинградский университет. — 1984. — 13 апр. — С. 3.: фото.
56. *Андреева А.* Из племени зубров: [о телефильме «Д. С. Лихачев. Я вспоминаю...»] // Ленинградский рабочий. — 1988. — 4 нояб. (№ 44). — С. 16.: фото.
57. *Андреева В.* Гражданин великой России // Нефтеюганский рабочий. — 2006. — 29 нояб. (№ 47). — С. 16.
58. *Анисимова Н.* Звезда академика: [об учреждении безденежной премии им. акад. Д. С. Лихачева в рамках междунар. программы поощрения талантливой молодежи «Созвездие талантов»] // Санкт-Петербургские ведомости. — 2003. — 5 дек. (№ 224). — С. 2.

59. *Аннинский Л.* Настоящее сопротивление // Родина. — 2006. — № 10. — С. 17–21.
60. *Антонов М.* У истоков русской литературы // Наш современник. — 1980. — № 3. — С. 190–191. — Рец. на кн.: Памятники литературы Древней Руси. — М., 1978.
61. *Антонов С.* Дар музею // Советская Россия. — 1986. — 24 окт.
62. *Аржаников Н.* Лауреаты «Науки — 69» // За науку в Сибири. — 1969. — 19 нояб. (№ 47).
63. *Арсеньев В.* Кто в кадре?: [о выступлении Д. С. Лихачева по телевидению в концертной студии «Останкино» 12 марта 1986 г.] // Известия. — 1986. — 21 марта. — С. 6. — Моск. веч. вып.
64. *Архангельский А.* Лихачев: образ и жизнь // Профиль. — 2006. — 27 нояб. (№ 44). — С. 137.
65. *Арьев А.* Обреченный выжить // Новый меценат. — 2006. — № 9. — С. 101–103.
66. *Арьев А. Ю.* Петербургская пауза // Радуга. — Таллинн, 1997. — № 1. — С. 60–70. — О деятелях культуры Ленинграда, в том числе и о Д. С. Лихачеве.
67. *Ас. В.* Дмитрий Лихачов // Земедел. знаме. — 1979. — 27 май (№ 124). — С. 6.: портр.
68. *Асланов В.* Поговорим по-азербайджански: слова для повседневной речи: [о книге Д. С. Лихачева «Письма о добром и прекрасном»] // Бакинский рабочий. — 1990. — 28 апр. (№ 93). — С. 4; 12 мая (№ 103). — С. 4; 19 мая (№ 109). — С. 4; 26 мая (№ 115). — С. 4; 2 июня (№ 121). — С. 4.
69. *Афанасьев К.* О Невском, о нашем городе: [отклик на ст. Д. Лихачева о реконструкции Ленинграда] // Ленинградская правда. — 1965. — 8 авг.
70. *Афонская П.* Дмитрий Лихачев — как символ нашей культуры // Утро Петербурга. — 2007. — 1–7 февр. — С. 11.
71. *Багдасарян Н.* Это был не лавровый, а терновый венок // Парламентская газета. — 2006. — 28 нояб. (№ 198). — С. 1, 5.
72. *Багно В. Е.* Наследие Д. С. Лихачева и изучение международных связей русской литературы // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: материалы науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филолог. наук; отв. ред. А. П. Деревянко, сост. А. Е. Петров. — М., 2006. — С. 73–83.
73. *Баженова И. Н.* Путиами добра и красоты // Русский язык в национальной школе. — 1986. — № 1. — С. 57–58. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. — М., 1985.
74. *Бажинов И. Д.* Лихачев Дмитрий Сергеевич // Укр. сов. энцикл. — 1981. — Т. 6. — С. 126–127.: портр.; Укр. рад. енцикл. — 2-е вид. — 1981. — Т. 6. — С. 155.: портр.
75. *Базилевич К. В.* Древние повести о воинской славе // Новый мир. — 1950. — № 5. — С. 261–262. — Рец. на кн.: Воинские повести Древней Руси / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1949.
76. *Базилевич К. В.* [Рецензия] // Советская книга. — 1947. — № 3. — С. 50–55. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. (Конец XIV — начало XVI в.). — Л., 1946.

77. *Байц А.* Накануне выборов представители творческой интеллигенции обсуждают «Декларацию прав культуры» // Северная столица. — 1995. — 13–19 окт. (№ 35). — С. 7.
78. *Байчева М.* Великое наследие — новый ценный вклад в историю русской литературы // Болг. русистика. — 1977. — № 1. — С. 77–79. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Великое наследие. — М., 1975.
79. *Бак Д.* Новая петербургская философия // Новый мир. — 1997. — № 6. — С. 230–233. — Рец. на кн.: Канун: альм. / под ред. Д. С. Лихачева. — СПб., 1995. — [Вып. 1].
80. *Бакирова Д.* Экология культуры и экология природы: точка расхождения в работах Д. С. Лихачева // Вестник Казанского ун-та культуры и искусств. — 2006. — № 3. — С. 18–24.
81. *Бакун Д. Н.* О герое и замысле этой книги: предисл. сост. // Лихачев Д. С. Избранное: мысли о жизни, истории, культуре / сост., подгот. текста, вступ. ст. Д. Н. Бакуна. — М.: Рос. фонд культуры, 2006. — С. 5–7. — К 100-летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева.
82. *Балаиов Д.* Слово о Лихачеве // Север. — 1986. — № 10. — С. 100–102.
83. *Балаиов Н. И.* Образ филолога: [памяти Д. С. Лихачева] // Независимая газета. — 1999. — 16 окт. (№ 194). — С. 9–10, [1] фото. — (Кулиса «НГ»; № 16).
84. *Балаиов Н. И.* Подвиг академика Лихачева // Известия РАН. Сер. лит. и яз. — 2000. — Т. 59, № 1. — С. 3–10.
85. *Балла О.* Вторая жизнь академика Лихачева // Знание — сила. — 2006. — № 11. — С. 52–56.
86. *Барамидзе А. Г.* Выдающийся советский ученый: к 70-летию акад. Д. С. Лихачева / А. Г. Барамидзе, В. С. Шадури, Л. В. Менабде // Литературная Грузия. — 1977. — № 2. — С. 92–94.
87. *Барамидзе А. Г.* Новые работы ленинградских коллег / А. Г. Барамидзе, А. А. Гвахария, Л. В. Менабде // Известия АН СССР. Сер. яз. и лит. — 1979. — № 4. — С. 170–172. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. 1) «Слово о полку Игореве» и культура его времени. — Л., 1978; 2) Памятники литературы Древней Руси. Т. 1: Начало русской литературы (XI — начало XII в.). — М., 1978; 3) Поэтика древнерусской литературы.
88. *Барамидзе А. Г.* Масштабность, многообразие, глубина исследования / А. Г. Барамидзе, Л. В. Менабде // Коммунист. — 1986. — 28 нояб. — С. 4.: портр. — На груз. яз.
89. *Барит К.* «Как может быть силен один человек»: [памяти Д. С. Лихачева] // Петербургский час пик. — 1999. — 6–12 окт. (№ 39). — С. 1.
90. *Барит К.* Не стоит село без праведника // Час пик. — 1996. — 28 нояб. (№ 207). — С. 1–2.
91. *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом. 1905–1930–1980: (ист. очерк). — Л.: Наука, 1980. — С. 134–143.
92. *Басманов А.* О «Слове»: [о телефильме «По былинам сего времени...» с участием Д. С. Лихачева] // Огонек. — 1986. — № 27. — С. 19.
93. *Бахтин В.* Дмитрий Сергеевич: к 80-летию со дня рождения акад. Д. С. Лихачева // Нева. — 1986. — № 11. — С. 158–160.
94. *Бегунов Ю.* Ученый патриот: [к награждению Д. С. Лихачева орденом Трудового Красного Знамени в связи с 60-летием] // Смена. — 1966. — 29 нояб.

95. *Бежин Л.* Ответственность за слово // Новый мир. — 1982. — № 9. — С. 256–259. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. — Л., 1981.

96. «Без памяти нет совести»: эти слова академика Лихачева вновь прозвучали на конгрессе «Культура и будущее России // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 30 нояб. (№ 224). — С. 1. — О международном юбилейном конгрессе «Культура и будущее России», посвященном 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева.

97. *Безрукова Л.* Звезда Лихачева // Труд-7. — 2006. — 9 марта (№ 40). — С. 10.

98. *Белев Г.* По формулате на эпохата: [о докл. Д. С. Лихачева «Эволюция одного лит. образа»] // Лит. фронт. — 1975. — 4 сент. (№ 36). — С. 7.

99. *Белжеларский Е.* Он слишком много знал // Итоги. — 2006. — 27 нояб. (№ 48). — С. 98, 99.

100. *Белов О.* Вслед за уроком — лихачевская марка // Известия. — 2006. — 20–21–22 окт. (№ 195). — С. 13.

101. *Белов С.* Авторитет ученого: к 75-летию со дня рождения акад. Д. С. Лихачева // Книжное обозрение. — 1981. — 27 нояб. — С. 15.: портр.

102. *Белов С. В.* 75-летие академика Дмитрия Сергеевича Лихачева // Книга: исслед. и матер. — М., 1982. — [№ 45]. — С. 124–129.

103. *Белов С.* От всего сердца: [о науч. деятельности акад. Д. С. Лихачева] // Нева. — 1985. — № 3. — С. 111–112.

104. *Белгородская А.* Русские идеалы // Независимая газета. — 2003. — 3 июля. — С. 6. — (НГ-Ex libris). — Рец. на кн.: Русь: история и художеств. культура X–XVII вв. / Д. С. Лихачев, Г. К. Вагнер, Г. И. Вздорнов, Р. Г. Скрынников. — М.: Искусство-XXI в., 2003. — 488 с.

105. *Белодубровский Е.* «Небесная линия города на Неве» — так называется юбилейный, сотый вечер Фонда культуры // Вечерний Петербург. — 1993. — 23 окт. (№ 238). — С. 3. — Выступление на вечере Д. С. Лихачева.

106. *Белякова А.* «Търся древни съвременници» // Днес и утре. — 1983. — № 6. — С. 12–13, 16.: портр.

107. *Белякова Н.* Храню письмо от Лихачева // Волгоградская газета. — 2006. — 7 июня (№ 69). — С. 4.

108. *Березанская С.* «Власть Соловецкая. Свидетельства и документы» // Советский фильм. — М., 1989. — № 4. — С. 12–14.

109. *Берков П. Н.* Дмитрий Сергеевич Лихачев: (к 60-летию со дня рождения) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1966. — Т. 25, вып. 5. — С. 449–453.

110. *Берков П. Н.* Проблемы современной текстологии // Вопросы литературы. — 1963. — № 12. — С. 81–85, 93–95. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. — М.; Л., 1962.

111. *Беспалова Л.* «Личность на телеэкране, Д. С. Лихачев» // 7 дней: программы телевидения и радио. — 1992. — 9–15 марта. — С. 11. — (Ленингр. вып. еженед. «Говорит и показывает Москва». № 11).

112. *Билинкис Я. С.* Внутренняя жизнь художественного произведения // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1977. — Т. 36, вып. 6. — С. 502–507.

113. *Биллингтон Джеймс.* TABULA PUSSIA / беседовал И. Кригер // Новая газета. — 2006. — 11 дек. (№ 94).

114. *Биллингтон Д.* Он открыл «Открытый мир» // *Невское время*. — 2006. — 29 нояб. (№ 219). — С. 1. — Воспоминания директора Библиотеки конгресса США о Д. С. Лихачеве.
115. *Биллингтон Д.* Памяти Лихачева: голос совести // *Ведомости*. — 2006. — 30 нояб. (№ 226).
116. *Бирженюк Г. М.* Для Лихачева культура всегда была приоритетом / [беседу вела Е. Прудникова] // *Очень*^{UM}. — 2006/2007. — № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. — С. 88–93.
117. *Бирюков В.* По предложению академиков // *Вечерний Ленинград*. — 1991. — 20 апр. (№ 92). — С. 1. — Обращение Д. С. Лихачева и Ж. И. Алферова к председателю Ленсовета А. А. Собчаку о формировании консультативного совещания по созданию в «Новой Голландии» центра культуры.
118. *Битов А.* Слова прощания / А. Битов, Д. Гранин, В. Топоров // *Литературная газета*. — 1999. — 6–12 окт. (№ 40). — С. 9.
119. *Благово Н. В.* Школа Карла Мая в Петербурге // *История Петербурга*. — 2002. — № 3. — С. 78–85.
120. *Благой Д.* Итак, для кого же мы пишем?: [отклик на ст. Д. С. Лихачева «Для кого пишет литературовед»]. — *Литературная газета*. — 1964. — 23 июля // *Литературная газета*. — 1964. — 30 июля. — С. 2.
121. *Бобров А.* Предисловие: [посвящено Д. С. Лихачеву] // *Русские летописи XI–XVI веков: избранное*. — СПб., 2006. — С. 7–21. — К 100-летию Д. С. Лихачева.
122. *Бобров А. Г.* Лихачев Дмитрий Сергеевич // *Санкт-Петербург: энцикл. / Междунар. благотвор. фонд им. Д. С. Лихачева; редкол.: Б. В. Ананьич [и др.]*. — СПб.; М., 2004. — С. 470.
123. *Бобров А. Г.* Д. С. Лихачев и Великий Новгород // *София*. — Великий Новгород, 2001. — № 3. — С. 28–31.
124. *Бобров И.* Встречать студентов будет бронзовый Лихачев // *Метро*. — 2006. — 14 нояб.
125. *Бобров М. М.* Лихачев оказался нужен всем / [записал А. Горичевский] // *Очень*^{UM}. — 2006/2007. — № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. — С. 70–75.
126. *Богданова О.* Василий Леонидович Комарович // *Вопросы литературы*. — 1988. — № 9. — С. 130–151. — Воспоминания Д. С. Лихачева о В. Л. Комаровиче.
127. *Богдановић Д.* Предговор [к сербскому изданию книги Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы»] // *Лихачов Д. С. Поэтика старе руске књижевности*. — Београд, 1972. — С. V–XIX.
128. *Боглачев С. В.* Петербургские адреса юного Лихачева // *Альманах Междунар. благотвор. фонда им. Д. С. Лихачева*. — СПб., 2005. — Вып. 1: Культура и общество. — С. 72–91.
129. *Боглачев С. В.* Площадь Академика Лихачева / *Междунар. благотвор. фонд им. Д. С. Лихачева; С. В. Боглачев, Г. Ю. Никитенко*. — СПб.: Серебряный век, 2006. — 60 с. — Из содерж.: Кобак А. В. Введение. — С. 3–4; Никитенко Г. Ю. Площадь Академика Лихачева. Дома и люди. — С. 5–29; Боглачев С. В. Петербургские адреса академика Д. С. Лихачева. — С. 31–49; Здесь жил, учился и работал Д. С. Лихачев. — С. 51–52.

130. *Богомолов Н.* О покаянии // Советская культура. — 1989. — 2 февр. (№ 14). — С. 1. — К словам Д. С. Лихачева о вине каждого в прошлых и нынешних народных бедах.
131. *Богословская Е.* Лучшие люди собираются для лучших дел // Час пик. — 1997. — 1 нояб. (№ 162). — С. 1.
132. *Богуславский М. В.* Лучшие деятели российского образования: 1970-е годы: [Д. Б. Кабалевский, Д. С. Лихачев, В. Ф. Тендряков] // Педагогический вестник. — 2004. — № 19/20. — С. 13.
133. *Богуславский М. В.* Российские педагоги — подвижники 1960–1990 годов: [Д. Б. Эльконин, Э. В. Ильенков, В. А. Сухомлинский, Д. Б. Кабалевский, Д. С. Лихачев, В. Ф. Тендряков, А. А. Католиков и др.] // Перемены. — 2004. — № 6. — С. 65–89.
134. *Боева Л.* [Рецензия] // Лит. мисъл. — 1976. — Кн. 8. — С. 116–119. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. — М., 1975.
135. *Боева Л.* Значителен труд върху староруската култура: // Език и лит. — 1977. — Кн. 6. — С. 84–89. — Рец. на кн.: Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. — М., 1976.
136. *Боева Л.* Ленинградская школа медиевистов за 60 лет // Болг. русистика. — 1983. — № 3. — С. 35–41.
137. *Боева Л.* Новая популярная серия «Памятники литературы Древней Руси» // Старобълг. лит. — 1984. — Кн. 15. — С. 168–172.
138. *Боева Л.* Очерк теоретической истории древнерусской литературы // Palaeobulgarica-Старобългаристика. — 1977. — № 2. — С. 90–93. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. — Л., 1973.
139. *Божкова-Кавалджиева С.* Академик Дмитрий Лихачев: 75 години от рождение тому // Език и лит. — 1982. — Кн. 6. — С. 155–117.
140. *Божкова-Кавалджиева С.* Академик Дмитрий Лихачев в Болгарии // Болгария. — 1981. — № 5. — С. 21.
141. *Бойко О.* Друзья мои, прекрасен ваш союз!...: [Царскосельская премия 1997 г. академику Д. С. Лихачеву] // Невское время. — 1997. — 22 окт. (№ 193). — С. 3, [3] фото.
142. *Бойко О.* Рыцарский орден вручен Дмитрию Лихачеву: [академик Д. С. Лихачев — рыцарь ордена Святого Константина Великого] // Невское время. — 1997. — 31 окт. (№ 200). — С. 1, [1] фото.
143. *Боков Н.* Опасения и надежды академика Лихачева // Русская мысль. — 1999. — № 4253. — С. 15.
144. *Бокучава А.* Поэта неведомый друг: [о телепередаче «Встреча школьников с акад. Д. С. Лихачевым»] // Советская культура. — 1984. — 29 мая. — С. 3.
145. Болгарский орден — академику Лихачеву [орден «Стара планина» I степени] // Смена. — 1996. — 27 нояб. (№ 266). — С. 2.
146. Болгарский орден — академику Лихачеву // Санкт-Петербургские ведомости. — 1996. — 21 нояб. — С. 1.
147. *Бондаренко И.* Мы рады за Дмитрия Сергеевича!: [Д. С. Лихачев награжден орденом Святого апостола Андрея Первозванного] // Смена. — 1998. — 1 окт. (№ 223). — С. 2, [1] фото.

148. *Боров Т.* Берков П. Н. и Лихачов Д. С. двама бележити съветски литературоведи // Читалище. — 1967. — № 2. — С. 36 — 37.: портр.
149. *Боров Т.* Двама бележити съветски литературоведи, приятели на България — юбиляри П. Н. Берков — 70 годишен, Д. С. Лихачов — 60 годишен // Боров Т. Живот с книги. 1942–1972. — София, 1973. — С. 168–171.
150. *Бояджиев Д.* Има и екология на естетическите ценности! // Балкан. знаме. — 1985. — 25 янв. (№ 1). — С. 1–2.
151. *Брейтвейт Р.* Записки о Дмитрии Сергеевиче / пер. с англ. Т. Талалаевой // Альманах Междунар. благотвор. фонда им. Д. С. Лихачева. — СПб., 2005. — Вып. 1: Культура и общество. — С. 50–55.
152. *Бродецкий В.* Дар из Болгарии: [вручение Д. С. Лихачеву — председателю Сов. фонда культуры дара Болгарского фонда культуры им. Л. Живковой] // Московские новости. — 1987. — 1 марта. — С. 7.
153. *Бродская М.* Площадь Лихачева. Звучит! // Парламентская газета. — 2006. — 31 янв. (№ 17). — С. 6.
154. *Брун Т. А.* «Слово о полку Игореве» в работах советских ученых // Новые советские и зарубежные исследования «Слова о полку Игореве»: сб. обзоров. — М., 1987. — С. 7–78. — (Ин-т науч. информ. по обществ. наукам АН СССР).
155. *Брунцев В.* Карты от Лихачева // Петровский курьер. — 1998. — 30 нояб. (№ 45). — С. 1.
156. *Буганов В. И.* Отечественная историография русского летописания: обзор сов. лит. — М.: Наука, 1975. — С. 33–45, 144–147, 217–227.
157. *Буганов В. И.* Русское летописание в советской историографии // Вопросы истории. — 1966. — № 12. — С. 143–155.
158. *Будовниц И.* [Рецензия] // Вопросы истории. — 1951. — № 5. — С. 109–114. — Рец. на кн.: Слово о полку Игореве / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1950; Слово о полку Игореве: сб. исслед. и ст. / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1950; Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве»: ист.-лит. очерк. — М.; Л., 1950.
159. *Будовниц И.* Публицистика Ивана Грозного // Литературная газета. — 1952. — 11 марта. — С. 2. — Рец. на кн.: Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. — М.; Л., 1951.
160. *Буланин Д. М.* Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев: (к 75-летию со дня рождения) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1981. — Т. 40, вып. 6. — С. 545–547.
161. *Буланин Д. М.* Дмитрий Сергеевич Лихачев и русская культура конца двадцатого века // Русская литература. — 1997. — № 1. — С. 3–13.
162. *Буланин Д. М.* Эпилог к истории русской интеллигенции: три юбилея. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. — 256 с.
163. *Бухштаб Б.* О природе текстологии и проблеме выбора основного текста // Русская литература. — 1965. — № 3. — С. 125–133.
164. *Бухштаб Б.* Что же такое текстология? // Русская литература. — 1965. — № 1. — С. 65–75. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Текстология: крат. очерк. — М.; Л., 1964.
165. Был человек, умевший мудро жить: [об открытии бюста Д. С. Лихачева в СПбГУП] // Купчинские вести. — 2006. — Дек. (№ 26). — С. 1.

166. *Бычков В. В.* К вопросу о древнерусской эстетике. (Методологические заметки): Дмитрию Сергеевичу Лихачеву посвящается // Старобълг. лит. — 1984. — Кн. 16. — С. 18–25.
167. *Бычков С.* Материк русской культуры: [краткая заметка с фотогр. накануне 90-летия Д. С. Лихачева] // Московские новости. — 1996. — 8–15 окт. (№ 36). — С. 21.
168. *Бычков С.* Свет и воздух голубой: заметки о творчестве Дмитрия Лихачева // Московский комсомолец. — 1988. — 9 сент. (№ 207). — С. 4.: фото.
169. В дар фонду // Вечерний Ленинград. — 1989. — 17 окт. (№ 238). — С. 1.: фото. — Д. С. Лихачев принимает коллекцию старинного русского литья А. Г. Евдокимова.
170. В зале Карлова университета: [Д. С. Лихачев — доктор философии Карлова университета (Прага)] // Санкт-Петербургские ведомости. — 1991. — 20 дек. (№ 90). — С. 3.
171. В Москве появилась мемориальная доска Дмитрия Лихачева // Новые известия. — 2006. — 23 нояб. (№ 215). — С. 5.
172. В объективе — «Поэзия садов»: [в новом выставочном зале Петербургского государственного музея городской скульптуры открылся фотовернисаж по мотивам книги Дмитрия Сергеевича Лихачева] // Новый меценат. — 2006. — № 9. — С. 17.
173. В память о Почетном гражданине // Санкт-Петербургский курьер. — 2006. — 30 нояб. — 6 дек. (№ 48). — С. 3.
174. В Петербурге появилась Площадь Лихачева: в день столетия откроется и памятник // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 28 нояб. (№ 222). — С. 2.
175. В Советском фонде культуры // Советская культура. — 1990. — 29 сент. (№ 39). — С. 2.
176. *В. С.* [Рецензия] // Юность. — 1964. — № 11. — С. 102. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. — М.; Л., 1962.
177. *Вагнер Г. К.* От Соловков до планеты 2877: [к биогр. Д. С. Лихачева] // Русское подвижничество: [сб. ст.: посвящ. 90-летию со дня рождения Д. С. Лихачева]. — М., 1996. — С. 13–22.
178. *Вагнер Г. К.* Шаг к теории реставрации // Искусство. — 1982. — № 4. — С. 70–72. — Рец. на кн.: Восстановление памятников культуры: проблемы реставрации / под ред. Д. С. Лихачева. — М., 1981.
179. *Валк С. Н.* Отзыв о рукописи Д. С. Лихачева «Текстология» (М.; Л., 1962) // Валк С. Н. Избранные труды по археографии: научное наследие / АН СССР, Отд-ние истории, Археогр. комиссия, Архив АН СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. М. П. Ирошников. — СПб., 1991. — С. 263–265.
180. *Валк С. Н.* Страничка из истории советской археографии: [о ст. Д. С. Лихачева «По поводу ст. В. А. Черных о развитии методов передачи текста ист. источников»] // Ист. архив. — 1956. — № 3 // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. — М., 1976. — С. 428–431.
181. *Ванина М.* Дмитрий Лихачев: новый и неожиданный: презентация в клубе «Буквоед» приоткрыла книголюбам иной образ великого ученого // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 13 дек. (№ 233). — С. 4.
182. *Варгасова Е.* Увеличивать добро в окружающем мире, а не «брать от жизни все» // Вечерний Новосибирск. — 2006. — 6 дек. (№ 228).

183. *Варшавский Я.* Лишь собственной трусости надо бояться! // Советская культура. — 1989. — 17 янв. (№ 7). — С. 4. — Рец. на фильм В. Виноградова «Д. С. Лихачев. Я вспоминаю...».
184. *Варшавский Я.* Наедине со всеми: [о телепередаче «Памятники Отечества» с участием Д. С. Лихачева] // Учительская газета. — 1986. — 4 нояб.
185. *Варшавский Я.* Эти рядовые передачи...: [о телепередаче — встрече Д. С. Лихачева со школьниками] // Учительская газета. — 1984. — 31 апр. — С. 4.
186. *Васильев В. И.* Дмитрий Сергеевич Лихачев и книга: из истории академического книгоиздания: к 100-летию со дня рождения / РАН, Отд-ние историко-филол. наук, Науч. центр исследований истории книжной культуры. — М.: Наука, 2006. — 95 с.
187. *Васильев Й.* [По поводу статьи Д. С. Лихачева «Древнерусский смех». 1973] // Лит. мисъл. — 1974. — Кн. 6. — С. 127.
188. *Васильев Н.* [Рецензия] // Вечерняя Москва. — 1947. — 8 янв. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. (Конец XIV — начало XVI в.). — Л., 1946.
189. *Васинский А.* Новоселье в старом доме, или Похвальное слово гласности: [Д. С. Лихачев о воспитании гражданского самосознания] // Московские новости. — 1986. — 21 сент. — С. 14.
190. *Великий Д.* Возрождение чуда // Известия. — 1990. — 27 февр. (№ 58). — С. 5. — О выступлении Д. С. Лихачева в Асуане на заседании Международного комитета по возрождению Александрийской библиотеки.
191. *Велчев В.* Академик Д. С. Лихачев в България // Нар. культура. — 1980. — 30 май (№ 22). — С. 12.
192. *Велчев В.* Академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву семьдесят пять лет // Palaeobulgarica-Старобългаристика. — 1982. — № 1. — С. 3–15.
193. *Велчев В.* Д. С. Лихачев на 60 годин // Език и лит. — 1967. — Кн. 1. — С. 81–83.
194. *Велчев В.* Д. С. Лихачев на 70 годин // Език и лит. — 1976. — Кн. 5. — С. 76–77.
195. *Велчев В.* [Выступление по докладу Д. С. Лихачева «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России»] // IV Междунар. съезд славистов: материалы дискус. — М., 1962. — Т. 1: Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. — С. 58–59.
196. *Велчев В.* Основен труд върху историята на староруската литература // Език и лит. — 1976. — Кн. 3. — С. 84–87. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв. — Л., 1973.
197. *Велчев В. П.* [Рецензия] // Лит. фронт. — 1977. — 7 апр. (№ 14). — С. 8. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Големият свят на руската литература.
198. *Велчев В.* Съветски литературовед — наш гост // Лит. фронт. — 1958. — 23 окт. (№ 43). — Портр.
199. *Вельская И.* Дмитрий Лихачев вернулся на площадь у своего университета // Комсомольская правда. — 2006. — 1 дек. (№ 179). — С. 10–11.
200. *Вереш С. В.* Четыре соловецких года: [100 лет со дня рождения Д. С. Лихачева] // Наше наследие. — 2006. — № 79–80. — С. 88, 92–94.: ил., фото.

201. *Верникова И.* Площадь, где любил бывать Лихачев, собрала в день его столетнего юбилея семь тысяч гостей // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 5 дек. (№ 227). — С. 5.
202. Вечер памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева: первые чтения, 28 ноября 1999 г. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000. — 74 с.: портр.
203. *Виноградов В. Б.* [О телефильме] «Д. Лихачев. Я вспоминаю...» // 7 дней: программы телевидения и радио. — 1988. — 21 окт. — С. 8.: портр. — (Ленигр. вып. еженед. «Говорит и показывает Москва»).
204. *Виноградов В. В.* Русская наука о русском литературном языке // Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. — М., 1946. — Т. 3, кн. 1. — С. 136–137. — (Учен. зап. МГУ; Вып. 106).
205. *Виноградов В. В.* Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры: [о трудах Д. С. Лихачева] // Вопросы языкознания. — 1968. — № 1. — С. 9–15.
206. *Виноградов В.* Три новеллы о Лихачеве: [к 85-летию Д. С. Лихачева] // Вечерний Петербург. — 1991. — 27 нояб. (№ 272). — С. 1, 3.: фото.
207. *Владимирова Г.* Культура против халтуры // Советская культура. — 1991. — 15 июня (№ 24). — С. 8.
208. *Владимирова Т.* Наследство: [о телефильме «Поэзия садов» с участием Д. С. Лихачева] // Ленинградский рабочий. — 1986. — 23 мая. — С. 13.: фото.
209. *Влодова Л.* Академик Дмитрий Лихачев: к 100-летию со дня рождения // Профсоюзы. — 2006. — № 7. — С. 44–45.
210. *Водолазкин Е. Г.* Эпоха Лихачева // Звезда. — 2001. — № 11. — С. 183–189. — (К 95-летию со дня рождения Д. С. Лихачева).
211. *Вознесенский А.* Выдержки из стенограммы [заседания Комиссии по литературному наследию Б. Пастернака] // Московские новости. — 1987. — 8 марта. — С. 9.
212. *Воинов С.* Поклон ученому и патриоту: [к 75-летию со дня рождения Д. С. Лихачева] // Вечерняя Пермь. — 1981. — 1 дек.
213. *Волков О. И.* И сделались внятны умолкшие голоса... // Литературное обозрение. — 1976. — № 10. — С. 68–70. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. — М., 1975.
214. *Волков О.* Исследователю родной культуры: [к 60-летию Д. С. Лихачева] / О. Волков, Ю. Казаков, Н. Смирнов, В. Солоухин // Литературная газета. — 1966. — 29 нояб. — С. 2.
215. *Вольтская Т.* «Стара Планина» — академику Дмитрию Лихачеву // Невское время. — 1996. — 27 нояб. (№ 224). — С. 2, [1] фото.
216. *Вольтская Т.* «Я благодарен жизни» // Невское время. — 2000. — 30 сент. (№ 178). — С. 2.
217. *Вольтская Т.* Все дело в молодости // Персона. — 1999. — № 10. — С. 19–23.
218. *Воробьева М.* Обнаружен неизвестный Лихачев?: [о презентации книги А. С. Запесоцкого в книжном магазине «Буквоед» на Лиговском проспекте] // Комсомольская правда. — 2006. — 22 дек. (№ 191). — С. 13.
219. *Воронин Н. Н.* [Рецензия] // Вестник АН СССР. — 1947. — № 5. — С. 124–128. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. (Конец XIV — начало XVI в.). — Л., 1946.

220. *Воронин Н. Н.* [Рецензия] // Вопросы истории. — 1945. — № 1. — С. 137–139. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Новгород Великий: очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. — Л., 1945.

221. *Воронин Н. Н.* [Рецензия] // Исторический журнал — 1943. — Кн. 8–9. — С. 97. — Рец. на кн.: Тиханова М. А. Оборона древнерусских городов / М. А. Тиханова, Д. С. Лихачев. — Л., 1942.

222. *Воронов П.* Слово к молодежи: обращение комсомольца 30-х годов: [Д. С. Лихачев о сохранении духовных ценностей народа] // Горняцкая правда. — 1986. — 17 дек.

223. *Воротников Ю. Л.* Д. С. Лихачев и Российский гуманитарный научный фонд // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: материалы науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филолог. наук; отв. ред. А. П. Деревянко; сост. А. Е. Петров. — М., 2006. — С. 38–41.

224. *Востриков Д.* Первый памятник академику: в день юбилея Дмитрия Лихачева откроется его бюст // Российская газета — 2006. — 16 нояб. (№ 257). — С. 10.

225. Впервые в России вручены медали Пушкина // Культура. — 1999. — 10–16 июня (№ 20). — С. 9. — Среди награжденных медалью Пушкина — Д. С. Лихачев.

226. Все ли так мрачно, Дмитрий Сергеевич?: [высказывания о Д. С. Лихачеве Л. Аннинского, М. Соколова, Д. Быкова, Г. Хазегеровича] / подгот. Н. Конигина, Н. Лебедева, Е. Яковлева // Российская газета. — 2006. — 28 нояб. (№ 267). — С. 9.

227. Встреча (в концертной студии «Останкино») // 7 дней: программы телевидения и радио. — 1986. — 5 марта. — С. 5.: портр. — (Ленингр. вып. еженед. «Говорит и показывает Москва». 10–16 марта. — № 11).

228. Встреча с академиком Д. С. Лихачевым // 7 дней: программы телевидения и радио. — 1986. — 23 июля. — С. 9. — (Ленингр. вып. еженед. «Говорит и показывает Москва». 28 июля — 3 авг. — № 31).

229. Встреча с Д. С. Лихачевым [по телевидению в передаче «Русская речь» 5 сентября 1986 г.] // Советская культура. — 1986. — 28 авг. — С. 8.: портр.

230. Выдающемуся ученому [посвящается заседание секции книги и графики Дома ученых в связи с 80-летием со дня рождения Д. С. Лихачева] // Вечерний Ленинград. — 1986. — 25 нояб. — С. 3.

231. Выдвижение на соискание Государственной премии СССР книги Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы» // Новый мир. — 1968. — № 12. — С. 279–280.

232. Высокое призвание. Первый лауреат Международной премии им. братьев Кирилла и Мефодия Дмитрий Сергеевич Лихачев // Соф. новости. — 1979. — 30 мая (№ 22). — С. 1.: портр.

233. Выступление проф. В. Е. Соколова, члена Кураториума, к награждению академика Д. С. Лихачева премией им. А. П. Карпинского 4 ноября 1991 г. в Санкт-Петербурге // Stiftung F. V. S. Zu Hamburg. Alexander — Petrowitsch — Karpinskij — Preise I und II 1991. [о. О., о. D.]. — С. 29–32; С. 33–36: то же на нем. яз.; С. 38–39: публикуется текст диплома, врученного Д. С. Лихачеву за 1991 г.

234. *Гаврилина Л. М.* Возрождение как историко-типологическая проблема русской культуры // Проблемы русской философии и культуры. — Калининград, 1997. — С. 103–118.
235. *Гагов Ц.* Към младежта: [к выходу кн. Д. С. Лихачева «Писма за доброто и прекрасното». София, 1986] // Антени. — 1986. — 21 май (№ 21). — С. 13.
236. *Гаевский В.* Подпись к портрету: [о Д. С. Лихачеве] // Декоративное искусство СССР. — 1987. — № 1. — С. 28–30.
237. *Галицких Е.* Д. С. Лихачев: раздумья о воспитании (Мастерская ценностных ориентаций для студентов и преподавателей вузов) // Высшее образование в России. — 2006. — № 10. — С. 108–112.
238. *Гамкрелидзе Т.* Выдающийся ученый, патриот, интернационалист: акад. Дмитрию Сергеевичу Лихачеву — 80 лет / Т. Гамкрелидзе, А. Гвахария // Заря Востока. — 1986. — 27 нояб. — С. 4.
239. *Гаревская Е.* Право на культуру: к 100-летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева // Культура. — 2006. — 30 нояб. — 6 дек. (№ 47). — С. 6.
240. *Гейченко С.* В неустанном поиске истины: [к 80-летию со дня рождения Д. С. Лихачева] // Вечерний Ленинград. — 1986. — 28 нояб.
241. *Гельгардт Р. Р.* Об одном из видов источников истории стилистики художественной речи // Лингвистические аспекты исследования литературно-художественных текстов: межвуз. темат. сб. — Калинин, 1979. — С. 30–56.
242. *Георгиев В.* Лихачев за второто българско влияние в Русия // Пробл. на културата. — 1978. — № 3. — С. 112–119.
243. *Георгиев Е.* [Выступление по докладу Д. С. Лихачева «Система литературных жанров Древней Руси»] // Славянска филология. — София, 1966. — Т. 8: Литературознание. — С. 59–60.
244. *Георгиев Е.* Българската литература в общеславянското и общоевропейско литературно развитие. — София: Наука и изкуство, 1973. — С. 50–55.
245. *Георгиев Л.* Историческите корени на нашата общност: [при акад. Дмитрий Лихачов] // Лит. мисъл. — 1977. — № 10. — С. 25–29.
246. *Георгиева М.* Извечны гордость и любовь: [Д. С. Лихачев на праздновании 800-летия «Слова о полку Игореве» в Ярославле] // Литературная Россия. — 1985. — 20 сент. — С. 7.: фото.
247. *Герасимов В.* Два лика Северной Пальмиры // Правда. — 1998. — 20 марта (№ 80). — С. 3. — Краткое изложение выступления Д. С. Лихачева на заседании бюро Ленингр. обкома КПСС. Тема: Культурные ценности Ленинграда.
248. *Герра Р.* Интервью с академиком Д. С. Лихачевым // Новый журнал = New rev. — Нью-Йорк, 1999. — Кн. 215. — С. 5–8.
249. *Герчук Ю.* Что такое памятник архитектуры?: [отклик на ст. Д. С. Лихачева «К дискуссии о методах реставрации памятников древнерусской живописи»] // Декоративное искусство СССР. — 1973. — № 4. — С. 37–40.
250. *Гершкович З.* [Рецензия] // Звезда. — 1946. — № 4. — С. 197–199. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси: очерки из области русской литературы XI–XVII вв. — М.; Л., 1945.
251. *Гидасов Б.* По письму председателя правления Советского фонда культуры Д. С. Лихачева о передаче историко-культурных памятников Валаамского монастыря Русской православной церкви и замене генерального

проектировщика по Валаамским островам // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 1. — С. 121–122.

252. *Глебов И.* [По поводу статьи Д. С. Лихачева и др. «А где защита от дамбы?»] / И. Глебов, А. Трешников, О. Скарлато, И. Шикломанов // Известия. — 1987. — 19 мая.

253. *Глезеров С.* Лихачевские места Ленинградской области // Вести. — 2006. — 23 сент. (№ 108). — С. 4.

254. *Глушенков К.* «Заслужил, чтобы помнили»: [о конференции в школе-интернате № 33 для слабослышащих детей «Следуя путями доброты», посвященной 100-летию академика Д. С. Лихачева] // Невское время. — 2006. — 29 нояб. (№ 219). — С. 4. — В ст.: Значение Дмитрия Лихачева трудно переоценить: в Петербурге проходят юбилейные торжества, посвященные столетию знаменитого академика.

255. *Глуценко Н.* [Рецензия] // Художник. — 1984. — № 1. — С. 61. — Рец. на кн.: Рассказы Начальной русской летописи: пер. с древнерус. / сост. и автор послесл. Д. С. Лихачев. — М., 1982.

256. Год без Дмитрия Сергеевича // Санкт-Петербургские ведомости. — 2000. — 29 сент. (№ 180). — С. 1.

257. Год без Лихачева: [о мероприятиях памяти Д. С. Лихачева в связи с первой годовщиной со дня смерти] // Культура. — 2000. — 5–11 окт. (№ 38). — С. 2.

258. Год Лихачева / Междунар. благотвор. фонд им. Д. С. Лихачева; сост. А. В. Кобак, О. Л. Лейкинд. — СПб., 2006. — 49 с.: ил.

259. Год Лихачева // Книжное обозрение. — 2006. — 20–26 февр. (№ 7). — С. 5.

260. Год Лихачева стартовал // Учительская газета. — 2006. — 21 февр. (№ 7). — С. 2.

261. *Голицын С. М.* Записки уцелевшего // Дружба народов. — 1990. — № 3. — С. 103–165.

262. *Голубев Е.* 15 «звезд» к юбилею академика [в Петровском зале Санкт-Петербургского государственного университета состоялось награждение победителей Международного детского конкурса «Звезда Прометея», учрежденного Д. С. Лихачевым] // Невское время. — 2006. — 9 дек. (№ 227). — С. 7.

263. *Гольберг М.* Культура — жива память народу: [до 80-річчя акад. Д. С. Лихачева] // Рад. слово. — 1986. — 26 нояб.

264. *Гончаров Б.* Маскарад заглавий: [по поводу ст. Д. Лихачева «Популяризация или исследование?». Литературная газета. 1974. № 38] // Литературная газета. — 1975. — 2 апр. — С. 6.

265. *Горбовский Г.* [Стихотворение, посвящ. Д. С. Лихачеву] // Литературная Россия. — 1987. — 2 янв. — С. 14.

266. *Горбовский Г.* Стихи разных лет // Аврора. — 1988. — № 12. — С. 8. — Опубл. стихотворение, посвященное Д. С. Лихачеву: «В Комарове, где воздух брусничный...».

267. *Гордин Я. А.* Лихачев как моральный авторитет / [беседу вела Т. Львова] // Очень^{UM}. — 2006/2007. — № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. — С. 48–51.

268. *Горская М.* Почетное гражданство // Ленинградская правда. — 1990. — 9 дек. (№ 282). — С. 4. — К выдвижению Д. С. Лихачева на звание «Почетный гражданин города».

269. Горчакова Э. Сохранить для потомков! // Советская культура. — 1988. — 29 марта (№ 38). — С. 4. — Д. С. Лихачев на совещании в Гл. архитектурно-планировочном управлении Ленинграда: исторический центр города должен рассматриваться в связи с его окраинами.
270. Гоц Г. Рядом с академиком // Литературная газета. — 2006. — 22–28 нояб. (№ 47). — С. 7.
271. Гражданин. Патриот. Ученый // Майкопские новости. — 2006. — 25 нояб. (№ 275–276). — С. 4.
272. Гранин Д. А. В служении Отечеству // Гранин Д. А. Милосердие. — М., 1988. — С. 41–50. — (Писатель и время); Книги не молчат: из публицистики восьмидесятых / сост. И. Скороходова. — М., 1989. — С. 132–138; Шаги. — М., 1989. — Вып. 13. — С. 162–165.
273. Гранин Д. А. В служении Отечеству: мастер культуры: [о Д. С. Лихачеве] // Правда. — 1986. — 12 окт. — Портр.
274. Гранин Д. Даниил Гранин: тайный код Д. С. // Российская газета. — 2006. — 30 мая (№ 113). — С. 1, 6.
275. Гранин Д. А. Его слово звучит современно, горячо и смело // Невское время. — 2006. — 15 нояб. (спец. вып.). — С. 2.
276. Гранин Д. А. Заветное для ума и сердца // Лихачев Д. С. Заветное: [сб.] / авт. проекта и сост. А. А. Лиханов. — М., 2006. — С. 5–7.
277. Гранин Д. А. Как спасали Невский...: [предисл. публ. фрагм. ст. Д. С. Лихачева «Градостроительные заветы Петра Великого», «Петербург в истории русской культуры», «Небесная линия города на Неве»] // Невское время. — 2006. — 15 нояб. (спец. вып.). — С. 8.
278. Гранин Д. А. Даниил Гранин: Лихачов беще свободна личност / [беседа вела Р. Евдокимова] // Русия днес = Россия сегодня. — 2006. — 8–14 септември. — С. 23.
279. Гранин Д. Мастера культуры у порога Думы: об отношениях интеллигенции и власти // Известия. — 1995. — 29 сент. (№ 184). — С. 6.
280. Гранин Д. А. Мысли о науке и ненауке [предисл. к публ. записей Д. С. Лихачева из кн. «Без доказательств»] // Невское время. — 2006. — 15 нояб. (спец. вып.). — С. 5.
281. Гранин Д. А. Наша печаль, наша любовь // Гранин Д. А. Тайный знак Петербурга. — СПб., 2002. — С. 339–344. — (Знаменитые петербуржцы о городе и людях).
282. Гранин Д. А. Наша печаль, наша любовь // Санкт-Петербургские ведомости. — 1999. — 10 нояб. (№ 206). — С. 5, [1] фото; Аргументы и факты. — 2006. — 24 нояб. — (Прил. «Долгожитель»; № 21–22).
283. Гранин Д. А. Один из последних // Искусство. — 2001. — № 15. — С. 8–9.
284. Гранин Д. А. Один из последних: о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве // Гранин Д. А. Тайный знак Петербурга. — СПб., 2002. — С. 333–339. — (Знаменитые петербуржцы о городе и людях).
285. Гранин Д. А. Один из последних: к 90-летию Д. С. Лихачева: [эссе] // Всемирное слово = Lettre intern. — 1998. — № 10–11. — С. 22–23.
286. Гранин Д. А. Он был министром той культуры, которой власть не занимается / [беседу вел М. Рутман] // Очень^{UM}. — 2006/2007. — № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. — С. 16–23.

287. *Гранин Д. А.* Он умер в день Веры, Надежды, Любви / [беседа с писателем Д. А. Граниным, записала М. Токарева] // *Общая газета*. — 1999. — 7–13 окт. (№ 40). — С. 9–10.

288. *Гранин Д. А.* Повод для дискуссий стал классикой: [предисл. к публ. ст. Д. С. Лихачева «Краеведение как наука и как деятельность», «Русский Север»] // *Невское время*. — 2006. — 22 июля (№ 137). — С. 8; *Невское время*. — 2006. — 15 нояб. (спец. вып.). — С. 7.

289. *Гранин Д. А.* Постоянство: [о феномене Д. С. Лихачева] // *Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)*. — СПб., 1997. — Т. 50. — С. 17–20.

290. *Гранин Д. А.* [Предисловие к публ. заметок Д. С. Лихачева из кн. «Без доказательств»] // *Невское время*. — 2006. — 10 июня. — С. 8.

291. *Гранин Д. А.* [Предисловие к публ. ст. Д. С. Лихачева «Небесная линия города на Неве» и др.] // *Невское время*. — 2006. — 30 сент. (№ 181). — С. 7.

292. *Гранин Д. А.* [Предисловие к публ. ст. Д. С. Лихачева «Церемония с улыбкой», «Достоинство в крови»] // *Невское время*. — 2006. — 20 мая (№ 91). — С. 7.

293. *Гранин Д. А.* Простота — достоинство крупных философов: [предисл. к публ. ст. Д. С. Лихачева «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт»] // *Невское время*. — 2006. — 1 июля. — С. 8; *Невское время*. — 2006. — 15 нояб. (спец. вып.). — С. 3.

294. *Гранин Д. А.* Совместный проект газеты «Невское время» и Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева: [о публикации статей Д. С. Лихачева в газете «Невское время»] // *Невское время*. — 2006. — 10 мая. — С. 8.

295. *Гранин Д. А.* Ученый везде и всегда: [предисл. к публ. ст. Д. С. Лихачева «Церемония с улыбкой», «Достоинство в крови»] // *Невское время*. — 2006. — 15 нояб. (спец. вып.). — С. 3.

296. *Гранин Д. А.* Феномен Лихачева // *Нева*. — 1999. — № 12. — С. 143–148.

297. *Гранин Д. А.* Феномен Лихачева: выступление Д. А. Гранина на заседании ПЕН-клуба / запись Л. Смирновой, публик. Н. Кавина // *Звезда*. — 2006. — № 11. — С. 4.

298. *Гранин Д. А.* Французская беседа — впервые на русском / [предисл. к публ. беседы академика Д. С. Лихачева с искусствоведом Л. М. Смирновым] // *Невское время*. — 2006. — 26 мая (№ 95). — С. 7; *Невское время*. — 2006. — 15 нояб. (спец. вып.). — С. 4.

299. *Гранин Д. А.* Человек, которого мы любили // *Невское время*. — 2006. — 15 нояб. (спец. вып.). — С. 1.

300. *Гранин Д. А.* «Чтобы прозвучал хотя бы один голос»: сегодня исполняется 100 лет со дня рождения академика Дмитрия Лихачева // *Невское время*. — 2006. — 28 нояб. (№ 218). — С. 1, 2.: фото.

301. *Гранстрем Е.* Живые истоки / Е. Гранстрем, Н. Гранстрем // *Нева*. — 1972. — № 8. — С. 198–199. — Рец. на кн.: Лихачева В. Д. *Художественное наследие Древней Руси и современность* / В. Д. Лихачева, Д. С. Лихачев. — Л., 1971.

302. *Грачев С.* Это наша с вами культура: [о «Декларации прав культуры»] // *Санкт-Петербургские ведомости*. — 1995. — 6 окт. (№ 191). — С. 1.

303. *Грашева Л.* Авторитетна оценка на старобългарската литература // Лит. мисъл. — 1974. — Кн. 1. — С. 140–145. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. — Л., 1973.
304. *Грашева Л.* Старославянските литератури в ново осветление: [по поводу ст. Д. С. Лихачева «Древнеславянские литературы как система». 1968] // Лит. мисъл. — 1969. — Кн. 3. — С. 62–71.
305. *Гребенков М.* Зодчий в старом городе / М. Гребенков, Н. Четунва // Литературная газета. — 1979. — 24 окт.
306. *Григорьев Б.* Знают не только по имени // Невское время. — 2006. — 29 нояб. (№ 219). — С. 4. — В ст.: «Значение Дмитрия Лихачева трудно переоценить»: в Петербурге проходят юбилейные торжества, посвященные столетию знаменитого академика.
307. *Григорян В.* Дар академика Лихачева // Коммунист (Ереван). — 1979. — 12 апр. — С. 4.
308. *Гришунин А. Л.* К спорам о текстологии // Русская литература. — 1965. — № 3. — С. 134–146.
309. *Гришунин А. Л.* Обсуждение книг по текстологии: [Лихачев Д. С. Текстология. — М.; Л., 1962] // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1963. — Т. 22, вып. 4. — С. 365–367.
310. *Гришунин А. Л.* Тридцать веков литературы: к юбилею книжной сер. «Лит. памятники» // Московская правда. — 1987. — 22 февр.
311. *Губин Д.* Символ веры // Огонек. — 1991. — № 47. — С. 1–2.: фото.
312. *Гудзий Н. К.* [Рецензия] // Советская книга. — 1948. — № 1. — С. 95–96. — Рец. на кн.: А. А. Шахматов, 1864–1920: сб. ст. и материалов / Н. К. Гудзий, С. И. Ожегов; под ред. С. П. Обнорского. — М.; Л., 1947.
313. *Гудзий Н. К.* [Рецензия] // Советская книга. — 1948. — № 4. — С. 113–120. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.; Л., 1947.
314. *Гудзий Н. К.* [Рецензия] // Советская книга. — 1946. — № 2. — С. 92–97. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Новгород Великий: очерк культуры Новгорода XI–XVII вв. — М., 1945; Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси: очерки из области русской литературы XI–XVII вв. — М.; Л., 1945.
315. *Гудзий Н. К.* [Рецензия] // Советская книга. — 1950. — № 3. — С. 108–114. — Рец. на кн.: Воинские повести Древней Руси / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1949.
316. *Гудзий Н. К.* Ожившее прошлое нашей культуры // Литературная газета. — 1964. — 7 апр. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. — М.; Л., 1962.
317. *Гудзий Н. К.* Положения, которые вызывают споры: (по поводу ст. Д. Лихачева) [«В чем суть различий между древней и новой русской литературой»] // Вопросы литературы. — 1965. — № 7. — С. 156–161.
318. *Гудзий Н. К.* Юбилейное издание «Слова о полку Игореве» // Советская книга. — 1950. — № 12. — С. 97–102. — Рец. на кн.: Слово о полку Игореве: ист.-лит. очерк / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1950.
319. *Гудзий Н. К.* [Выступление по докладу Д. С. Лихачева «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России»] // IV Междунар. съезд славистов: материалы дискус. — М., 1962. — Т. 1: Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. — С. 56–57.

320. Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 26–27 мая 2006 г. / РАН, РАО, Конгресс петербург. интеллигенции, СПбГУП; сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. — СПб.: СПбГУП, 2006. — 384 с.

321. *Гурвич Д.* Правда, идущая из глубины веков / Д. Гурвич, Н. Шаскольский // Новый мир. — 1962. — № 2. — С. 279–281. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура русского народа X–XVII вв. — М.; Л., 1961.

322. *Гуреев М.* Звучание голоса: «Один в поле воин. Академик Лихачев» на «России» // Культура. — 2006. — 7–13 дек. (№ 48). — С. 6. — О фильме «Один в поле воин. Академик Лихачев», показанном на канале «Россия» в юбилейные дни.

323. *Гусейнов А. А.* Культурология Дмитрия Лихачева: коммент. к книге Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» / А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий; СПбГУП. — СПб., 2006. — 36 с. — Содерж: Запесоцкий А. С. Осмысление работ Дмитрия Сергеевича Лихачева только начинается. — С. 2–21; Гусейнов А. А. О культурологии Д. С. Лихачева. — С. 22–31.

324. *Гусейнов Р.* Боль соловецкая... [о фильме «Власть соловецкая» М. Голдовской с участием Д. С. Лихачева] // Комсомольская правда. — 1988. — 2 нояб. (№ 251). — С. 4.

325. *Гуслистий К.* [Рецензия] // Рад. Україна. — 1952. — 19 берез. — Рец. на кн.: Історія культури стародавньої Русі. — 1951. — Т. 2.

326. Д. С. Лихачев // Знамя. — Калуга, 1986. — 28 сент.

327. Д. С. Лихачев — Лауреат ЛГ — 88 // Литературная газета. — 1988. — 28 дек. (№ 52). — С. 4.

328. Д. С. Лихачеву — 60 лет // Литературная газета. — 1966. — 29 нояб. — С. 2.: портр.

329. Д. С. Лихачеву вручен орден // Санкт-Петербургские ведомости. — 1996. — 26 дек. (№ 246). — С. 1.

330. [Д. С. Лихачев и Б. Л. Пастернак]: накануне столетия поэта. С заседания Комис. по лит. наследию Б. Л. Пастернака // Литературная газета. — 1987. — 25 февр. — С. 6.

331. [Д. С. Лихачев — лауреат Государственной премии СССР 1969 г.] // Писатели — лауреаты премий СССР и союзных республик / сост. М. Л. Бутрин, В. Н. Кутик. — Львов, 1980. — С. 23.

332. [Д. С. Лихачев — самый популярный ленинградец 1988 г.] // Ленинградская правда. — 1989. — 1 янв. (№ 1). С. 3.

333. *Давыдов А.* Без памяти нет совести: Дмитрий Лихачев — о сохранении всемирного наследия // Новый меценат. — 2006. — № 9. — С. 4–9.

334. *Данилевич Е.* Тихая дата // Санкт-Петербургские ведомости. — 2002. — 28 нояб. (№ 219). — С. 2.

335. *Данти А.* О «Задонщине» и о филологии: ответ Д. С. Лихачеву // Источниковедение литературы Древней Руси. — Л., 1980. — С. 71–91.

336. *Данчев Г.* Богатият свят на изследователя: (акад. Дмитрий Сергеевич Лихачев на 80 години) // Светлик. — 1986. — 29 нояб. (№ 11). — С. 2.: портр. — (Прилож. на «Борба»).

337. *Данчев Г.* Приятел на България и на Велико-Търновския университет: [к 80-летию со дня рождения Д. С. Лихачева] // Наука и труд. — 1986. — 3 дек. (№ 10). — 11. — С. 5.

338. Данчев Г. [Рецензия] // Лит. мисъл. — 1977. — Кн. 6. — С. 127–130. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Големият свят на руската литература. — София, 1976.
339. Дарашкевич В. Универсальны і магутны талент Акадэміку Д. С. Ліхачо-ву — 80 // Літ і мастацтва. — 1986. — 21 лістап. (№ 47). — С. 13.
340. Дардыкина Н. Без Лихачева фонд культуры не выживет // Московский комсомолец. — 1993. — 25 марта (№ 56). — С. 2.
341. Даронян С. Содружество литературоведов // Коммунист. — Ереван, 1983. — 24 марта. — Рец. на кн.: Русская и армянская средневековые культуры / отв. ред. Д. С. Лихачев. — Л., 1982.
342. 28 ноября 1906 года родился академик Дмитрий Сергеевич Лихачев // Коммерсантъ. — 1998. — 28 нояб. (№ 223). — С. 8, [1] фото. — (Дни рождения / рубрику ведет О. Алексеева).
343. Дворкин Ю. Дмитрию Сергеевичу Лихачеву — 90 лет // Санкт-Петербургский университет. — 1996. — № 26. — С. 1.: портр.
344. Дворников Е. Помню и другим завещаю. Размышления над письмами: [отклик на ст. Д. С. Лихачева «Себе и потомкам». Правда, 1979] // Правда. — 1980. — 15 марта.
345. Деготь Е. Ельцинскую премию получили лауреаты Сталинской: [о присуждении академику Д. С. Лихачеву премии Президента РФ в области литературы и искусства за 1997 г.] // Коммерсантъ-DAILY. — 1997. — 18 дек. (№ 218). — С. 5.
346. Дегтярев А. О письмах академика Д. С. Лихачева по сохранению памятников Валаамского и Соловецкого архипелагов // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 1. — С. 124–125.
347. Демидова М. Лихачев соединил две столицы // Учительская газета. — 2006. — 7 нояб. (№ 45). — С. 3.
348. Демин А. Зеркало таланта // Вопросы литературы. — 1986. — № 3. — С. 230–234. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. — Л., 1985.
349. Демин А. С. Величие русского слова // Мелодия. — 1985. — № 3. — С. 31, 36–37.
350. Демин А. С. Дмитрий Сергеевич Лихачев: [к 70-летию со дня рождения] / А. С. Демин, О. А. Державина, А. Н. Робинсон [и др.]. // Науч. докл. высш. шк. филол. науки. — 1976. — № 5. — С. 123–125.
351. Демин А. С. Филологическая держава академика Дмитрия Сергеевича Лихачева: (к 85-летию со дня рождения) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1991. — Т. 50, № 5. — С. 486–490.: портр.
352. Демин А. С. Эстетизм Д. С. Лихачева // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: материалы науч. сессии, Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филолог. наук; отв. ред. А. П. Деревянко; сост. А. Е. Петров. — М., 2006. — С. 42–43.
353. Демина Е. Н. [Рецензия] // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1964. — Т. 23, вып. 3. — С. 259–262. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. — М.; Л., 1962.
354. Демкова Н. Живая вода науки: (акад. Дмитрию Сергеевичу Лихачеву — 80 лет) // Ленинградский университет. — 1986. — 28 нояб. — С. 11.: портр.

355. *Демкова Н. С.* К семидесятипятилетию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева / Н. С. Демкова, Г. П. Макогоненко // Русская литература. — 1981. — № 4. — С. 242–246.
356. День и век Д. С. Лихачева // Известия. — 1996. — 15 нояб. (№ 216). — С. 5, [1] фото.
357. День культуры и письменности: [о выступлении Д. С. Лихачева по телевидению 24 мая] // Телевидение. Радио: Ленинград, программы передач. — 1991. — 20–26 мая (№ 20). — С. 2.: портр.
358. *Державина О. А.* [Рецензия] // Советская книга. — 1950. — № 6. — С. 112–115. — Рец. на ст.: Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском // Труды Отдела древнерусской литературы / Ин-т рус. лит. АН СССР. — Л., 1949. — Т. 7; Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче // Там же.
359. *Державина О.* В контексте эпохи // Вопросы литературы. — 1980. — № 2. — С. 258–263. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. — Л., 1978.
360. *Державина О.* Глубина исследовательской мысли // Вопросы литературы. — 1974. — № 4. — С. 276–281. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. — Л., 1973.
361. *Джрбациян Э.* Прошлое — будущему: (к 80-летию Д. С. Лихачева) // Гракан. терг. — 1986. — 28 нояб. (№ 48). — С. 2.: портр. — На арм. яз.
362. *Джурова А.* Съдбата ни дари да се докоснем до мъдри и добра хора [о дружбе между Д. С. Лихачевым и Е. Дуйчевой и И. Дуйчевым] // Русия днес = Россия сегодня. — 2006. — 16–22 юни. — С. 23. — Опубликовано несколько писем Д. С. Лихачева Елене и Ивану Дуйчевым.
363. *Дзарахова З.* Живая память ингушского народа об академике Д. С. Лихачеве // Ингушетия. — 2006. — 5 дек. (№ 148). — С. 1–2.
364. *Дилевски Н.* [Рецензия] // Език и лит. — 1959. — Кн. 4. — С. 343–346. — Рец. на кн.: Художественная проза Киевской Руси XI–XIII вв. / сост., пер. и примеч. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева; вступ. ст. Д. С. Лихачева. — М., 1957.
365. *Дилевски Н.* [Рецензия] // Език и лит. — 1963. — Кн. 1. — С. 91–94. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы. — М.; Л., 1961.
366. *Дилевски Н.* Нов. труд. върху «Слово о полку Игореве» // Език и лит. — 1970. — Кн. 5. — С. 76–81. — Рец. на кн.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / сост. В. Л. Виноградова; под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. — Л., 1969. — Вып. 3.
367. *Дилевски Н.* Нов. принос. върху «Слово о полку Игореве» // Език и лит. — 1965. — Кн. 4. — С. 94–101. — Рец. на кн.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / сост. В. Л. Виноградова; под ред. Б. А. Ларина, Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева. — М.; Л., 1965. — Вып. 1.
368. *Димитрова Б.* Среци с академик Дмитрий С. Лихачов // Родолубие. — 1985. — № 9. — С. 34–37.: портр.
369. *Диников П.* Академик Д. С. Лихачов световно известен учен // Лит. фронт. — 1979. — 24 май. (№ 21). — С. 8.
370. *Диников П.* Академик Дмитрий Сергеевич Лихачов // Лихачов Д. С. Големият свят на руската литература: изслед. и ст. / сост. и ред. П. Диников. — София, 1976. — С. 7–9.

371. *Динеков П. Д.* С. Лихачев. Избрани творби в три тома // Книгосвят. — София, 1989. — № 9. — С. 148–152.: портр. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. — Л., 1987.

372. *Динеков П.* Дмитрий Сергеевич Лихачов // Старобълг. лит. — 1978. — Кн. 4. — С. 115–117.

373. *Динеков П.* Дмитриий Сергеевич Лихачов и новите пътища в литературознанието: [70 године от рождението на Д. С. Лихачов] // Динеков П. Похвала на старата българска литература. — София, 1979. — С. 428–444.

374. *Динеков П.* Избрани произведения на акад. Д. С. Лихачов // *Paleobulgarica*-Старобългаристика. — София, 1988. — № 4. — С. 115–118. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. — Л., 1987. — 1674 с.

375. *Динеков П.* Научният път на Дмитрий С. Лихачов // *Paleobulgarica*-Старобългаристика. — София, 1991. — № 4. — С. 3–10.: портр.

376. Дипломы — ученым: [о вручении Д. С. Лихачеву диплома Междунар. акад. информатизации] // Вечерний Петербург. — 1996. — 11 апр. (№ 69). — С. 1.

377. *Дмитренко С.* Производительная сила — слово // Вопросы литературы. — 1983. — № 6. — С. 246–254. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. — Л., 1981; Лихачев Д. С. Заметки о русском. — М., 1981.

378. *Дмитриев Л. А.* 80-летие академика Д. С. Лихачева / Л. А. Дмитриев, В. Л. Янин, С. О. Шмидт // Вопросы истории. — 1986. — № 11. — С. 116–121.

379. *Дмитриев Л. А.* Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев: (к 70-летию со дня рождения) / Л. А. Дмитриев, Я. С. Лурье, А. М. Панченко // Русская литература. — 1976. — № 4. — С. 251–254.

380. *Дмитриев Л. А.* Дмитрий Сергеевич Лихачев — исследователь «Слова о полку Игореве» / Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов // Альманах библиофила. — М., 1986. — Вып. 21: «Слово о полку Игореве»: 800 лет. — С. 27–35.

381. *Дмитриев Л. А.* К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве» // Русская литература. — 1986. — № 4. — С. 3–24.

382. *Дмитриев Л. А.* Лихачев Дмитрий Сергеевич / Л. А. Дмитриев, Б. Ф. Егоров // Российская педагогическая энциклопедия. — М., 1993. — Т. 1: А–М. — С. 520.

383. *Дмитриев Л. А.* Лихачев Дмитрий Сергеевич / Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб., 1995. — Т. 3: К–О. — С. 172–177.

384. *Дмитриев Л. А.* Проблемы изучения древнерусской литературы / Л. А. Дмитриев, Я. С. Лурье, А. М. Панченко // Культурное наследие Древней Руси: истоки. Становление. Традиции. — М., 1976. — С. 3–23.

385. *Дмитриев Л. А.* Путь ученого: (к 80-летию акад. Д. С. Лихачева) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1986. — Т. 45, вып. 6. — С. 483–492.

386. *Дмитриев Л. А.* Слово о полку Игореве в трудах Д. С. Лихачева // Проблемы изучения культурного наследия: сб. — М., 1985. — С. 80–86.

387. *Дмитриев Л. А.* Филологические труды Дмитрия Сергеевича Лихачева // Лихачев Д. С. О филологии. — М., 1989. — С. 6–9.

388. *Дмитриева Р. П.* Дмитрий Сергеевич Лихачев — преподаватель исторического факультета Ленинградского университета (1946–1953) / Р. П. Дмит-

риева, М. А. Салмина // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб., 1997. — Т. 50. — С. 27–31.

389. Дмитриева Р. П. По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии «Задонщины» / Р. Дмитриева, Л. Дмитриев, О. Творогов // Русская литература. — 1967. — № 1. — С. 115–120.

390. Дмитрий Лихачев: завещание на злобу дня // Коммерсантъ. — 1999. — 1 окт. (№ 179). — С. 1.

391. Дмитрий Лихачев в современном мире: VI Междунар. Лихачевские науч. чтения прошли в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов // Известия. — 2006. — 9 июня (№ 102). — С. 12.

392. Дмитрий Лихачев вернулся в университет [в мемориальной галерее выдающихся деятелей науки и культуры СПбГУ открыт памятник академику Д. С. Лихачеву. Упоминается также о других мероприятиях в вузе к юбилею ученого] // Московский комсомолец в Питере. — 2006. — 29 нояб. — 6 дек. (№ 48). — С. 2.

393. Дмитрий Лихачев жил в одном переулке с Путиным: «Невское время» провело торжественный вечер памяти академика / подгот. Е. Добрякова // Невское время. — 2006. — 21 нояб. — С. 10. — Выступили: Е. Белодубровский, Л. Барон, Г. Васюточкин, А. И. Корнеева, С. Ларьков, М. Н. Микишатъев, Г. М. Прохоров.

394. Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / [сост., предисл. и авт. переводов Е. Г. Водолазкин]. — [2-е изд. перераб и доп.]. — СПб.: Logos, 2006. — 401 с.: ил. — К 100-летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева. 1906–2006.

395. Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост. и отв. ред. Е. Г. Водолазкин. — СПб.: Logos, 2002. — 420 с.: ил.

396. Дмитрий Лихачев интересен французам [по материалам ИТАР-ТАСС и «Русской мысли»] // Санкт-Петербургские ведомости. — 2007. — 1 февр. (№ 18). — С. 3; Известия. — 2007. — 5 февр. (№ 19). — С. 9; Метро. — 2007. — 1 февр. — С. 6.

397. Дмитрий Лихачев. Частные хроники: [5 декабря 2006 г. в Эрмитажном театре состоялась презентация фильма «Дмитрий Лихачев. Частные хроники»] // Невское время. — 2006. — 7 дек. — С. 9.

398. Дмитрий Лихачев: настоящее — последний день прошлого: [литературовед и обществ. деятель, академик Рос. акад. наук, 1906–1999: некролог] // Культура. — 1999. — 7–13 окт. (№ 36). — С. 1. — Подписи: В. В. Путин, Е. С. Строев, Г. Н. Селезнев и др.

399. Дмитрий Лихачев: служение Отечеству // Российские вести. — 1996. — 21 нояб. (№ 220). — С. 3.

400. Дмитрий Лихачев [первый Почетный гражданин Санкт-Петербурга] // Культура. — М., 1993. — 29 мая (№ 21). — С. 1.: портр.

401. Дмитрий Сергеевич Лихачев / вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц и М. А. Салминой; библиогр. сост. М. А. Салминой и Г. Н. Финашиной. — 3-е изд., доп. — М.: Наука, 1989. — 301 с. — (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 17).

402. Дмитрий Сергеевич Лихачев [о присуждении Президиумом РАН Большой золотой медали им. М. В. Ломоносова за выдающиеся достижения в области гуманитарных наук] // Вестник Российской академии наук. — 1994. — Т. 64, № 4. — С. 378–380.: портр.

403. Дмитрий Сергеевич Лихачев: [некролог] // Русская литература. — 1999. — № 4. — С. 199–200.
404. Дмитрий Сергеевич Лихачев: [некролог] // Санкт-Петербургские ведомости. — 1999. — 2–8 окт. (№ 182). — С. 3, [1] фото.
405. Дмитрий Сергеевич Лихачев... Этим сказано все! // Вечерний Петербург. — 1993. — 31 мая (№ 121). — С. 1.: фото; Смена. — 1993. — 1 июня. (№ 124). — С. 1.: фото (сообщ. И. Юлин); Санкт-Петербургские ведомости. — 1993. — 1 июня. (№ 122). — С. 1.: фото. — Торжественная церемония вручения Диплома № 1 Почетному гражданину Санкт-Петербурга.
406. Дмитрий Сергеевич: академику Лихачеву — 85 лет // Советская культура. — 1991. — 30 нояб. (№ 12). — С. 2.: портр.
407. Дмитрию Лихачеву вручен болгарский орден // Санкт-Петербургские ведомости. — 1996. — 27 нояб. (№ 226). — С. 1.
408. Дмитрию Лихачеву с любовью: [об установлении памятника на могиле ученого] // Вечерний Петербург. — 2001. — 28 нояб. (№ 217). — С. 1.
409. Дмитрию Сергеевичу Лихачеву — 85 // Смена. — 1991. — 29 нояб. (№ 276). — С. 1.
410. Дмитрию Сергеевичу Лихачеву исполнилось 85 лет // Учительская газета. — 1991. — 3–10 дек. (№ 49). — С. 2.: портр.
411. Дни рождения: [с 91-летием Д. С. Лихачева поздравляет Д. Буланин] / рубрику ведет О. Алексеева // Коммерсантъ-DAILY. — 1997. — 29 нояб. (№ 207). — С. 12, [6] фото.
412. Добрые дела академика Лихачева // Московская правда. — 2006. — 13 дек.
413. *Долинина К.* Дмитрий Лихачев поделился своим орденом с Эрмитажем [о передаче Д. С. Лихачевым своего ордена Святого апостола Андрея Первозванного на временное хранение в Гос. Эрмитаж] // Коммерсантъ. — 1998. — 17 нояб. (№ 214). — С. 9.
414. *Дончева-Панайотова Н. А.* Диалог культур между южными и восточными славянами в средние века в оценке Д. С. Лихачева // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 26–27 мая 2006 г. / СПбГУП; сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. — СПб., 2006. — С. 218–219.
415. *Доронин Ю.* Уроки Лихачева // Российская газета. — 2006. — 7 дек. (№ 275). — С. 10.
416. *Дорош Е.* Живое дерево искусства: [о трудах Д. С. Лихачева]. — 2-е изд., доп. — М.: Искусство, 1970. — С. 317–330.
417. *Дорош Е.* Образы России // Новый мир. — 1969. — № 3. — С. 186–192. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — Л., 1967.
418. *Дорош Е.* Откуда пошла русская земля... // Правда. — 1965. — 10 февр. — Рец. на кн.: Рассказы Начальной русской летописи / подгот. Т. Михельсон, Д. Лихачев.
419. Достоевский и современность: (о VI симпозиуме Междунар. о-ва по изуч. Достоевского) // Литературная газета. — 1986. — 12 нояб. — С. 2.
420. Драгоценен влог: акад. Дмитрий Лихачов — награден с орденом «Георги Димитров» // Антени. — 1986. — 24 дек. (№ 52). — С. 7.

421. Древнерусская литература: изображение общества / АН СССР, Ин-т мировой лит.; отв. ред. А. С. Демин. — М.: Наука, 1991. — 244 с.
422. Дряхлицына Л. Уроки Дмитрия Лихачева // Северный рабочий. — 2006. — 20 дек. (№ 195).
423. Дубровин Е. Понять Лихачева — понять Россию: [о презентации книг издательства СПбГУП, посвященных Д. С. Лихачеву, в том числе книги А. С. Запесоцкого «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог», в книжном магазине «Буквоед» на Лиговском проспекте] // Российская газета. — 2006. — 21 дек. (№ 287). — С. 10.
424. Дуйчев И. По някои проблемами на старославянската и старобългарската литература: (по поводу ст. Д. С. Лихачева «Древнеславянские литературы как система») // Лит. мисъл. — 1969. — Кн. 5. — С. 8–23.
425. Дуйчев И. [Выступление по докладу Д. С. Лихачева «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России»] // IV Международный съезд славистов: материалы дискус. — М., 1962. — Т. 1: Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. — С. 57–58.
426. Духовное завещание Лихачева // Библиотека. — 2000. — № 9. — С. 14–19.
427. Духовные лидеры отечества: [о Д. С. Лихачеве и Л. Н. Гумилеве] / Высказывания Ю. Зобнина, М. Козыревой, Н. Поповой, Д. Аля, Г. Прохорова // Очень^{UM}. — 2007. — № 41. — С. 84–88.
428. Душа русской интеллигенции [о Д. С. Лихачеве высказываются: Е. Белодубровский, Г. Прозоров, Н. Благово, А. Корнеева] / подгот. С. Щагина // Вечерний Петербург. — 2006. — 28 нояб. (№ 219). — С. 7.
429. Душкина Е. Академику Лихачеву вручен болгарский орден // Санкт-Петербургские ведомости. — 1995. — 28 сент. (№ 185). — С. 2.
430. Дюков С. Петербург вспоминает Лихачева // Комсомольская правда. — 2006. — 2 дек. (№ 180). — С. 7.
431. Евдокимова Р. А «Лихачовският» здравец цъфти... / [беседа с внучкой Д. С. Лихачева З. Курбатовой вела Р. Евдокимова] // Русия днес = Россия сегодня. — 2006. — 15–21 септември. — С. 23.
432. Евдокимова Р. В деня на будителите честваша Дмитрий Българолюбец // Русия днес = Россия сегодня. — 2006. — 3–9 ноември. — С. 1, 3.
433. Евдокимова Р. Лихачов и Дуйчев — рицарите на духа / страницата подготви Р. Евдокимова // Русия днес = Россия сегодня. — 2006. — 16–22 юни. — С. 23.
434. Евдокимова Р. Международни четения събраха научен елит [о VI Международ. Лихачевских чтениях, прошедших в СПбГУП] // Русия днес = Россия сегодня. — 2006. — 2–8 юни. — С. 3.
435. Евдокимова Р. На интеллигентен човек никога не му е скучно. Внучката акад. Лихачов проф. Вера Толц, която живее в Англия следва мъдрите съвети на дядо си // Русия днес = Россия сегодня. — 2006. — 13–19 октомври. — С. 23; 2006. — 20–26 октомври. — С. 23.
436. Евдокимова Р. [Материалы к юбилею Д. С. Лихачева / страницата подгот. Р. Евдокимова] // Русия днес = Россия сегодня. — 2006. — 23–29 юни. — С. 23. — Из содерж.: Първи срещи с България; Подвижна изложба «Мисли за доброто» Деца празнуваха на Дволицовия площад; Презентираха английската версия на интернет портала «Энциклопедия на Санкт-Петербург».

437. *Егиазарян А.* Параллельное исследование армянской и русской средневековых литератур // Айреники дзай. — 1983. — 15 июня. — На арм. яз. — Рец. на кн.: Русская и армянская средневековые литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. — Л., 1982.

438. *Егоров Б.* Живое слово гражданина: к выходу в Ленингр. отд-ние изд-ва «Худож. лит.» «Избранные работы»: в 3 т. акад. Д. С. Лихачева // Книжное обозрение. — 1988. — 22 янв. (№ 4). — С. 5.: рис.

439. *Егоров Б.* Конкретное литературоведение // Литературное обозрение. — 1981. — № 11. — С. 70–72. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. — Л., 1981.

440. *Егоров Б. Д. С. Лихачев* — руководитель серии «Литературные памятники» // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию акад. Д. С. Лихачева: материалы науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филолог. наук; отв. ред. А. П. Деревянко; сост. А. Е. Петров. — М., 2006. — С. 44–52.

441. *Егоров Б. Ф.* Дмитрий Сергеевич Лихачев: [к 85-летию со дня рождения] // Русская литература. — 1991. — № 3. — С. 190–192.

442. *Егоров Б. Ф.* Из «Лихачевского дневника»: [из дневниковых записей о Д. С. Лихачеве] // Егоров Б. Ф. Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания. — Томск, 2001. — С. 500–508.

443. *Егоров Б. Ф.* По поводу статьи Д. М. Буланина о Д. С. Лихачеве [«Дмитрий Сергеевич Лихачев и русская культура двадцатого века»] в журн. «Рус. лит.». 1997. № 1: Письмо в ред.] // Звезда. — 1998. — № 3. — С. 237.

444. *Егоров Б. Ф.* Прошлое — будущему // Советская культура. — 1985. — 17 дек. — С. 6. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: ст. и очерки. — Л., 1985.

445. *Егоров Д.* В Санкт-Петербурге скоро появится площадь Лихачева // Комсомольская правда. — 2006. — 2 марта. — С. 21.

446. *Егоров Д. Д. С. Лихачев* и «Литературные памятники» [о работе Д. С. Лихачева над акад. серией «Литературные памятники»] // Егоров Б. Ф. Структурализм. Русская поэзия. Воспоминания. — Томск, 2001. — С. 495–499.

447. *Егоров Ю.* Забытая совесть // Единая Россия. — 2006. — 13 нояб. (№ 44). — С. 10.

448. *Ежелев А.* Еще раз о дамбе (в Ленинграде): мнение ленингр. ученых // Известия. — 1987. — 22 февр.

449. *Елеонская А. С.* [Рецензия] // Науч. докл. высш. шк. филол. науки. — 1986. — № 1. — С. 84–85. — Библиогр.: 4 назв. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. — 2-е изд., доп. — Л., 1985.

450. *Елеонская А. С.* Дмитрий Сергеевич Лихачев: [к 70-летию со дня рождения] // Литература в школе. — 1976. — № 5. — С. 92–93.

451. Ельцин вручил Госпремии // Коммерсантъ-DAILY. — 1998. — 16 июня (№ 105). — С. 9, [3] фото.

452. Ельцин вручил орден академику Лихачеву // Смена. — 1996. — 26 дек. (№ 287). — С. 1.

453. Ельцин вручил орден Лихачеву // Час пик. — 1996. — 26 дек. (№ 222). — С. 1.

454. *Емельянов В.* Единство наследия // В мире книг. — 1972. — № 6. — С. 35. — Рец. на кн.: Лихачева В. Д. Художественное наследие Древней Руси и современность / В. Д. Лихачева, Д. С. Лихачев. — Л., 1971.
455. *Емельянов Л. Н.* К вопросу о фольклоризме древней русской литературы // Русский фольклор: материалы исслед. — М.; Л., 1962. — Т. 7. — С. 38–43.
456. *Ендольцев Ю. Д. С.* Лихачев и Петербургский университет // Нева. — 2006. — № 1. — С. 231–234.
457. *Енишерлов В.* В доме на Мойке: (о телефильме «Дома у Пушкина». Автор и ведущий Д. С. Лихачев) // Советская Россия. — 1984. — 21 июня.
458. *Енишерлов В.* Лихачев был единственным, кто говорил на съездах о культуре / записала Т. Невская // Газета. — 2006. — 28 нояб. (№ 218). — С. 24.
459. *Енишерлов В.* Образованный мир «Слова...» (О телефильме «По былинам сего времени...» с участием Д. С. Лихачева) // Правда. — 1986. — 28 мая. — С. 6.
460. *Енишерлов В.* Тревожная совесть: [100 лет со дня рождения Д. С. Лихачева] // Наше наследие. — 2006. — № 79–80. — С. 36–46.: ил., фото.
461. *Еременко А.* Башня из слоновой кости: [полемические заметки автора по поводу взгляда Д. С. Лихачева на понятие «интеллигенция»] // Известия. — 2006. — 4 дек. (№ 224). — С. 6.
462. *Ермолаев В.* Русская литература и два взгляда на историю России: Лев Гумилев и Дмитрий Лихачев // Новая Россия = New Russia. — 2000. — № 5. — С. 62–64.
463. *Ерофеев А.* Дмитрий Лихачев. Без комментариев // Вести. — 1996. — 28 нояб. (№ 134). — С. 3.
464. *Ерофеев А.* И площадь Лихачева. И аллея // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 1 марта. — С. 2.
465. *Ерофеев А.* Он много изобретал и всегда удачно / А. Ерофеев, М. Никольская // Рабочая трибуна. — 1996. — 27 нояб. (№ 221). — С. 4.
466. *Ерохин А.* Размышления над новой книгой // В мире книг. — 1986. — № 11. — С. 53–55. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. — Л., 1985.
467. *Ерохин А.* У Пушкина: (о телефильме «Дома у Пушкина». Автор и ведущий Д. С. Лихачев) // Литературная Россия. — 1984. — 15 июня. — С. 17.
468. *Ефимова Е. П.* «Дмитрия Сергеевича нет — за библиотеки заступиться некому» / [беседу вела Т. Львова] // Очень^{UM}. — 2006/2007. — № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. — С. 84–87.
469. *Жданов А.* Один день президента [о присуждении академику Д. С. Лихачеву премии Президента РФ в области литературы и искусства за 1997 г.] // Независимая газета. — 1997. — 19 дек. (№ 238). — С. 7.
470. *Желтов В.* Лихачева отольют в бронзе: [28 ноября 2006 г. в СПбГУП откроют памятник Д. С. Лихачеву] // Невское время. — 9 нояб. (№ 207). — С. 10.
471. *Живков Т.* (Выступление в связи с вручением Д. С. Лихачеву Международной премии им. братьев Кирилла и Мефодия 23 мая 1979 г.) // Българистика и българисти. — София, 1981. — С. 10–12; Работн. дело. — 1980. — 24 май; Антени. — 1980. — 28 май. — С. 3; За буквите. Кирил.-Метод. вестн. — 1981. — 24 май (№ 4). — С. 3.: фото.

472. *Жидков В. С.* Интеллигенция в российской истории // Роль интеллигенции в формировании картины мира. — М., 1998. — С. 41–57. — (Культуролог. зап.; Вып. 4).

473. *Жирмунский В.* Становление реализма в мировой литературе и классический реализм XIX в.: [по поводу докл. Д. С. Лихачева «У предыстоков реализма русской литературы»] // Проблемы реализма: (материалы дискуссии о реализме в мировой лит., 12–18 апреля 1957 г.). — М., 1959. — С. 449–452.

474. *Жмырев Л.* О добром и прекрасном: (Д. С. Лихачев и болгарский еженедельник «Антени») // Правда. — 1986. — 30 нояб.

475. За большие заслуги: [Д. С. Лихачев — «Почетный доктор Софийского университета»] // Ленинградская правда. — 1988. — 24 сент. (№ 222). — С. 3.

476. Завещанное, заветное // Сельская новь. — 2006. — 1 нояб.

477. *Загорская Т.* Лихачев разочаровался в Горбачеве и Ельцине: [о презентации книг издательства СПбГУП, посвященных Д. С. Лихачеву, в том числе книги А. С. Запесоцкого «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог», в книжном магазине «Буквоед» на Лиговском проспекте] // Метро. — 2006. — 8 дек. (№ 223). — С. 4.

478. *Зайцев В. Н.* Любовь к библиотекам Лихачев пронес через всю жизнь / [беседу вел Т. Львова] // Очень^{UM}. — 2006/2007. — № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. — С. 66–69.

479. *Зайцев В.* Своевременная книга // Вопросы литературы. — 1972. — № 7. — С. 225–229. — Рец. на кн.: Лихачева В. Д. Художественное наследие Древней Руси и современность / В. Д. Лихачева, Д. С. Лихачев. — Л., 1971.

480. *Зак М.* Тема к размышлению... // Советская культура. — 1986. — 4 нояб.

481. *Залыгин С.* Культура и личность: к 80-летию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева // Новый мир. — 1986. — № 11. — С. 238–242; Собеседник. — М., 1987. — Вып. 8. — С. 5–14.

482. *Запесоцкий А. С.* Адвокат российской культуры: (к 100-летию академика Д. С. Лихачева) // Журнал российского права. — 2006. — № 12. — С. 137–141. — В прил. опубликован текст: Декларация прав культуры: [разраб. в СПбГУП под науч. рук. Д. С. Лихачева]. — С. 142–146.

483. *Запесоцкий А. С.* Академик Лихачев: взгляд из XXI века // Наука и жизнь. — 2006. — № 12. — С. 16–21. — В прил.: Выдержки из выступлений академика Д. С. Лихачева: Нас ждет то, что мы сделаем сами: из выступления в дискуссии «Россия во мгле: оптимизм или отчаянье?», 15 октября 1998 г. Дворец Белосельских-Белозерских; Петербург в истории русской культуры: из акт. лекции; Декларация прав культуры и ее международное значение. — С. 21–23.

484. *Запесоцкий А. С.* Великий гражданин: Указом Президента В. В. Путина нынешний год объявлен Годом Лихачева / беседа с А. С. Запесоцким вел О. Кузин // Трибуна. — 2006. — 26 мая (№ 20). — С. 5.

485. *Запесоцкий А. С.* Великий русский культуролог [о Д. С. Лихачеве] // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 27 нояб. (№ 221). — С. 4.

486. *Запесоцкий А. С.* Возвращение к Лихачеву: работы академика дают ответы на многие вопросы современности // Российская газета. — 2006. — 24 нояб. (№ 265). — С. 11.

487. *Запесоцкий А. С.* Воспитание — это прививка нравственности: к 100-летию со дня рождения Дмитрия Лихачева // Учительская газета. — 2006. — 28 нояб. (№ 48). — С. 21.

488. *Запесоцкий А. С.* Все начиналось с мантии для Лихачева / интервью взял П. Басинский // *Русская мысль*. — 2006. — 1–7 дек. (№ 45). — С. 8.
489. *Запесоцкий А. С.* Все начиналось с мантии для Лихачева: в Санкт-Петербурге открываются VI Междунар. Лихачевские науч. чтения, посвящ. 100-летию выдающегося ученого / беседу вел П. Басинский // *Российская газета*. — 2006. — 24 мая (№ 108). — С. 12.
490. *Запесоцкий А. С.* Вступительное слово (от оргкомитета Чтений) // Образование в условиях формирования нового типа культуры: III Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–23 мая 2003 г. / Конгресс петербург. интеллигенции, РАО, СПбГУП; сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. — СПб., 2003. — С. 10–11. — В надзаг.: 300-летию Санкт-Петербурга посвящается.
491. *Запесоцкий А. С.* Вступительное слово [о Д. С. Лихачеве] // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Междунар. Лихачевские науч. чтения, 23–24 мая 2002 г. / РАН, РАО, Конгресс петербург. интеллигенции, СПбГУП; сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. — СПб., 2003. — С. 8–9.
492. *Запесоцкий А. С.* Вступительное слово [о первых Лихачевских чтениях и о Почетном докторе СПбГУП Д. С. Лихачеве] // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: Междунар. Лихачевские науч. чтения, 24–25 мая 2001 г. / Конгресс рос. интеллигенции, РАН, РАО, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, СПбГУП; сост. и отв. ред. В. Е. Триодин. — СПб., 2001. — С. 5–8.
493. *Запесоцкий А. С.* Вступительное слово от оргкомитета IV Международных Лихачевских научных чтений // Образование в процессе гуманизации современного мира: IV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 20–21 мая 2004 г. / Конгресс петербург. интеллигенции, РАО, СПбГУП; сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. — СПб., 2004. — С. 11–12.
494. *Запесоцкий А. С.* Д. С. Лихачев — выдающийся гражданин, просветитель, ученый // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 26–27 мая 2006 г. / РАН, РАО, Конгресс петербург. интеллигенции, СПбГУП; сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. — СПб., 2006. — С. 45–54.
495. *Запесоцкий А. С.* Д. С. Лихачев — выдающийся гражданин, просветитель, ученый // *Вестник РАН*. — 2006. — Т. 76, № 11. — С. 1026–1030.
496. *Запесоцкий А. С.* Д. С. Лихачев: многогранность научного наследия. — СПб.: СПбГУП, 2006. — 39 с. — (Избр. лекции Ун-та; Вып. 47).
497. *Запесоцкий А. С.* Д. С. Лихачев: человек будущего в университете будущего // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / науч. ред. А. С. Запесоцкий; СПбГУП. — СПб., 2006. — С. 3–10.
498. *Запесоцкий А. С.* Декларация прав культуры — наследие Д. С. Лихачева // Образование в условиях формирования нового типа культуры: III Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–23 мая 2003 г. / Конгресс петербург. интеллигенции, РАО, СПбГУП; сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. — СПб., 2003. — С. 35–37. — В надзаг.: 300-летию Санкт-Петербурга посвящается.
499. *Запесоцкий А. С.* Декларация прав культуры — программа деятельности российской интеллигенции // Конгресс рос. интеллигенции [Москва, 10–11 декабря 1997 г.] / сост. и отв. ред. С. А. Филатов. — СПб.: СПбГУП, 1998. — С. 100–103.

500. *Запесоцкий А. С.* Декларация прав культуры — программа деятельности российской интеллигенции // Судьба российской интеллигенции. — СПб., 1999. — Ч. 3: Конгресс интеллигенции России. — С. 254–256.
501. *Запесоцкий А. С.* Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог. — СПб.: СПбГУП, 2007. — 294 с. — (Новое в гуманитар. науках; Вып 21).
502. *Запесоцкий А. С.* Дмитрий Лихачев и русская интеллигенция // Нева. — 2006. — № 11. — С. 129–140.
503. *Запесоцкий А. С.* Дмитрий Лихачев и русская интеллигенция // MONOLITH digest. — 2007. — № 15. — С. 48–49.
504. *Запесоцкий А. С.* Дмитрий Лихачев — многогранность научного наследия // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: материалы науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филолог. наук; отв. ред. А. П. Деревянко; сост. А. Е. Петров. — М., 2006. — С. 26–37.
505. *Запесоцкий А. С.* Дмитрий Лихачев: Россия — несомненная Европа // Московская правда. — 2007. — 9 февр. (№ 29). — С. 13.
506. *Запесоцкий А. С.* Дмитрий Лихачев и современная теория культуры / А. С. Запесоцкий, Е. А. Кайсаров, Ю. М. Шор // Социально-гуманитарные знания. — 2007. — № 1. — С. 290–306. — 100-летию Д. С. Лихачева посвящается.
507. *Запесоцкий А. С.* Его харизма вызывала в душах резонанс: сегодня исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося ученого современности академика Дмитрия Лихачева // Невское время. — 2006. — 28 нояб. (№ 218). — С. 10.
508. *Запесоцкий А. С.* К вопросу об исторической концепции академика Д. С. Лихачева // Отечественная история. — 2007. — № 2. — С. 151–158.
509. *Запесоцкий А. С.* Культура как смысл жизни // Звезда. — 2006. — № 11. — С. 69–78.
510. *Запесоцкий А. С.* Культурология Дмитрия Лихачева // Общественные науки и современность. — 2007. — № 1. — С. 167–173.
511. *Запесоцкий А. С.* Культурософия Д. С. Лихачева и вызовы эпохи: [к 100-летию со дня рождения] // Человек. — 2007. — № 1. — С. 5–15.
512. *Запесоцкий А. С.* Лихачев и Гумилев: спор о евразийстве / А. С. Запесоцкий, Ю. В. Зобнин // Москва. — 2007. — № 1. — С. 203–213.
513. *Запесоцкий А. С.* Лишние люди: к 100-летию со дня рождения Дмитрия Лихачева // Известия. — 2006. — 28 нояб. (№ 220). — С. 10.
514. *Запесоцкий А. С.* Мантия для Лихачева // Очень^{UM}. — 2004. — № 4. — С. 66–75.
515. *Запесоцкий А. С.* Мантия для Лихачева // Очень^{UM}. — 2006/2007. — № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. — С. 8–15.
516. *Запесоцкий А. С.* Млади хора имат нужда от идеали / разговора води К. Канева // За буквите. Кирил.-Метод. вестн. — 2006. — 24 ноем. — С. 8.
517. *Запесоцкий А. С.* Нам ясен долгий путь?: Дмитрий Лихачев и Лев Гумилев: дискуссия продолжается... [гл. из книги о Д. С. Лихачеве, готовящейся к печати в изд-ве «Наука»] / А. С. Запесоцкий, Ю. В. Зобнин; подгот. Я. Евглевский // Невское время. — 2007. — 2 февр. — С. 12.
518. *Запесоцкий А. С.* Неисполненное завещание академика Лихачева // Известия. — 2006. — 24 мая (№ 90). — С. 9. — Проект «Декларации прав культуры», разработанный под руководством Д. С. Лихачева, опубликован на с. 9. в ст. «Достояние человечества».

519. *Запесоцкий А. С.* Несбывшаяся мечта Дмитрия Лихачева // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 25 мая (№ 92). — С. 6. — Проект «Декларации прав культуры», разработанный под руководством Д. С. Лихачева, опубликован на с. 7.
520. *Запесоцкий А. С.* Новые смыслы научного наследия Дмитрия Лихачева // *Очень*^{UM}. — 2006. — № 36. — С. 32–37.
521. *Запесоцкий А. С.* О научном наследии Дмитрия Лихачева // Вопросы литературы. — 2006. — № 6 (нояб.-дек.). — С. 52–59.
522. *Запесоцкий А. С.* О философской составляющей воззрений Дмитрия Лихачева // Вопросы философии. — 2006. — № 12. — С. 95–98.
523. *Запесоцкий А. С.* Осмысление научного и нравственного наследия Дмитрия Лихачева только начинается // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 8 апр. (№ 61). — С. 6. — В прил. опублик.: Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры: акт. лекция, прочит. 19 мая 1993 г. в день вручения Д. С. Лихачеву диплома и мантии Почетного доктора СПбГУП. — С. 7.
524. *Запесоцкий А. С.* Педагогическое наследие академика Д. С. Лихачева // Педагогика. — 2006. — № 9. — С. 44–54.
525. *Запесоцкий А. С.* Полная свобода разума: о Дмитрие Лихачеве вспоминает ректор СПбГУП А. С. Запесоцкий // Метро. — 2006. — 28 нояб. (№ 215). — С. 8.
526. *Запесоцкий А. С.* Последний российский интеллигент: к 100-летию со дня рождения Дмитрия Лихачева // Огонек. — 2006. — 20–26 нояб. (№ 47). — С. 14–15.
527. *Запесоцкий А. С.* Право на культуру есть право на жизнь // Декларация прав культуры: (проект) / СПбГУП. — СПб., 1996. — С. 5–8.
528. *Запесоцкий А. С.* Право на культуру есть право на жизнь // Декларация прав культуры: (проект). — 3-е изд., испр. — СПб., 2001. — С. 5–8.
529. *Запесоцкий А. С.* Право на культуру как право на жизнь // Культура и глобальные вызовы мирового развития: V Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–20 мая 2005 г. / Конгресс петербург. интеллигенции, РАО, СПбГУП; сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. — СПб., 2005. — С. 15–17.
530. *Запесоцкий А. С.* Правовое обеспечение культуры: от декларации к практике // Учен. зап. юрид. фак. / редкол.: Б. П. Белозеров, П. П. Глущенко, А. С. Запесоцкий. — СПб., 2001. — Вып. 6: Проблемы правоотношений в социально-культурной сфере. — С. 5–7.
531. *Запесоцкий А. С.* Слово издателя // *Очень*^{UM}. — 2006/2007. — № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. — С. 4.
532. *Запесоцкий А. С.* Совесть — гарантия свободы: [о Д. С. Лихачеве] // Литературная газета. — 2006. — 22–28 нояб. (№ 47). — С. 7.
533. *Запесоцкий А. С.* Совесть — рулевой свободы [о Д. С. Лихачеве] / беседа вела О. Бугрова // Играем с начала. Da capo al fine.: муз.-информ. газ. — М., 2006. — № 11 (37). — С. 3.
534. *Запесоцкий А. С.* Становление культурологической парадигмы / А. С. Запесоцкий, А. П. Марков. — СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. — 54 с. — (Дискус. клуб ун-та; Вып. 10). — Из содерж. — Разд. 5: Культурологический метод Д. С. Лихачева. — С. 27–54.
535. *Запесоцкий А. С.* Яркая личность Дмитрия Лихачева // Международная жизнь. — 2006. — № 12. — С. 86–96.

536. *Захаров В. Г.* Министр отвечает на открытое письмо Д. С. Лихачева, А. М. Самсонова, Н. И. Толстого, И. Д. Ковальченко, Д. В. Сарабьянова, С. С. Дмитриева, С. А. Макашина, А. И. Клибанова, Н. Н. Покровского, С. О. Шмидта // Советская культура. — 1988. — 25 февр. — С. 2.
537. *Зельдович М.* Відкриваючи літературу в літературі // Прапор. — 1982. — № 9. — С. 111–114. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. — Л., 1981.
538. *Земляк С.* Заповеди любви // Строительная газета. — 1985. — 1 февр. — С. 4. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Земля родная. — М., 1983.
539. *Зильберштейн И. С.* Многоликий мир искусства // Советская культура. — 1980. — 12 сент.
540. *Зимин А. А.* [Рецензия] // Вопросы истории. — 1952. — № 2. — С. 131–134. — Рец. на кн.: Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. — М.; Л., 1951.
541. *Зимин А. А.* [Рецензия] // Вопросы истории. — 1955. — № 6. — С. 151–152. — Рец. на ст.: Лихачев Д. С. 1) Изображение людей в летописи XII–XIII вв.; 2) Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI–XIII вв. опубл. в кн.: Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. — Т. 10.
542. *Зимин А. А.* Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // Русская литература. — 1967. — № 1. — С. 97–101.
543. *Зимянина Н.* Он растормошил наших иванов // Вечерняя Москва. — 2006. — 28 нояб. (№ 220). — С. 8.
544. *Зленко Г.* Рождение книги: (о пребывании Д. С. Лихачева в Одессе и истории создания книги Д. С. Лихачева и М. А. Тихановой «Оборона древнерусских городов») // Вечерняя Одесса. — 1984. — 27 янв.
545. Знаком древнерусской литературы: [к 60-летию Д. С. Лихачева] // Вечерний Ленинград. — 1966. — 29 нояб. — Портр.
546. Знакому славянских литератур: [о присвоении Д. С. Лихачеву звания Почет. д-ра наук Эдинбург. ун-та (Великобритания)] // Ленинградская правда. — 1970. — 15 дек.
547. *Зобнин Ю.* Мы чувствуем себя крестниками Лихачева / [беседу вела Т. Львова] // Очень^{UM}. — 2006/2007. — № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. — С. 24–29; Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 21 февр. (№ 31). — С. 4.
548. *Золотоносов М.* Поступь вечности за мной // Труд. — 1996. — 29 нояб. — 5 дек. (№ 217). — С. 4, [1] фото.
549. *Золотоносов М.* Человек года: Дмитрий Лихачев // Вечерний Петербург. — 1996. — 31 дек. (№ 249). — С. 1–2.
550. *Золотусский И.* Поклон высокому примеру: к 85-летию Д. С. Лихачева // Литературная газета. — 1991. — 27 нояб. (№ 47). — С. 9.: портр.
551. *Золотухина Н. Ф.* Этнокультурологический архетип национальной идеи в памятниках древнерусской литературы: [по материалам исследований Д. С. Лихачева] // Реальность этноса. Образование и национальная идея. — СПб., 2004. — С. 125–127.
552. *Зубковская Т.* К самым истокам... // Знание — сила. — 1974. — № 12. — С. 38–39. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. — Л., 1973.

553. *Зугдидели Б.* Проникновение в творческий процесс: слово об ученом: (к 75-летию Д. С. Лихачева) // Ленинградский речник. — 1981. — 25 нояб.
554. *Зурабов К. Д. С.* Лихачев: достойные человечества: к 100-летию со дня рождения // Дошкольное воспитание. — 2006. — № 9. — С. 83–89.
555. И для исследователей и для читателей... Как сделать доступными ценные рукописные памятники?: (отклики читателей на ст. Д. С. Лихачева «Скрытые сокровища»), опубл. в газ. «Советская культура». 1954. 1 июля // Советская культура. — 1954. — 31 авг.
556. *И. К.* Между первой и второй (с половиной) // Независимая газета. — 2001. — 25 окт. (№ 40). — Прил.: С. 5. — (НГ-Ex libris). — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.) / Д. Лихачев при уч. А. А. Алексеева, А. Г. Боброва. — 3-е изд. — СПб., 2001.
557. *И. С.* Человек и памятник / И. С., В. С. // Деловой Петербург. — 2006. — 30 нояб. (№ 224). — С. 22. — Под псевдонимами: И. Силачева, В. Свиридова. Представлены кратко биография, вклад в науку и общественная деятельность Д. С. Лихачева.
558. *И. Ф.* «Память — преодоление смерти»: сегодня 9 дней после кончины Дмитрия Сергеевича Лихачева // Санкт-Петербургские ведомости. — 1999. — 8 окт. (№ 185). — С. 2.
559. *Иванникова М.* Чтобы за мифом не потерялся реальный человек: вузовская общественность оценила книгу «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог» // Независимая газета. — 2007. — 8 февр. (№ 26). — С. 3. — (Прил. «НГ-Ex libris»).
560. *Иванов В.* [Рецензия] // Культура. — 2006. — 23–29 нояб. (№ 46). — С. 5. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / науч. ред. Ю. В. Зобнин. — СПб.: СПбГУП, 2006. — 116 с. — (Почет. д-ра Ун-та); Гусейнов А. А. Культурология Дмитрия Лихачева: комментарии к книге Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» / А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий; СПбГУП. — СПб., 2006. — 31 с.
561. *Иванов В.* Вспоминая Лихачева // Новгородские ведомости. — 2006. — 30 мая (№ 75). — С. 4–5.
562. *Иванов Г.* Дмитрий Лихачев интересен французам // Российская газета. — 2007. — 31 янв. (№ 19). — С. 11.
563. *Иванов П.* Лихачева — наградили орденом // Смена. — 1996. — 29 нояб. (№ 268–269). — С. 1, 1 фото.
564. *Иванова Е.* Простые похороны / Е. Иванова, А. Смирнова // Коммерсантъ. — 1999. — 5 окт. (№ 181). — С. 9, [1] фото.
565. *Иванова И.* Одобрил и Лихачев: [раздел о культуре в предвыборной программе объединения «Демократическое единство Петербурга»] // Вечерний Петербург. — 1994. — 3 марта (№ 47). — С. 1.
566. *Иванова К.* In memoria // Palaeobulgarica-Старобългаристика. — 1999. — Т. 23, № 4. — С. 3–5.
567. *Иванова К.* С обич към България: акад. Дмитрий Лихачов на 80 години // АБВ. — 1986. — 23 дек. (№ 51). — С. 1, 4.: портр.
568. *Иванова Л. Д.* Лихачев не будет баллотироваться ни от «зеленых», ни от любой другой партии // Час пик. — 1993. — 3 нояб. (№ 43). — С. 2. — Беседа с Д. С. Лихачевым в преддверии выборов в Гос. Думу.

569. *Ивашкевич О.* Наследие Лихачева значительней, чем нам виделось [о презентации в Российской национальной библиотеке книг издательства СПбГУП, посвященных Д. С. Лихачеву] // *Вузовский вестник*. — 2007. — № 3 (февр.). — С. 13.

570. *Ивина Н.* Зачем нам отречения // *Литературная газета*. — 1988. — 6 апр. (№ 14). — С. 2. — О Совете по топонимике, созданном по инициативе Д. С. Лихачева.

571. Из приветственного адреса филологического факультета ЛГУ академику Д. С. Лихачеву: (к 80-летию со дня рождения) // *Ленинградский университет*. — 1986. — 28 нояб. — С. 11.

572. Избраны депутатами // *Советская культура*. — 1989. — 4 апр. (№ 40). — С. 2. — Избрание Д. С. Лихачева народным депутатом СССР от Советского фонда культуры.

573. *Изюмова Н.* Стон: [о фильме М. Голдовской «Власть соловецкая»] // *Московские новости*. — 1988. — 23 окт. (№ 43). — С. 16.: портр.

574. *Ильин М.* Очерк о Новгороде // *Советское искусство*. — 1945. — 20 июля. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Новгород Великий. — Л., 1945.

575. *Ильченко С.* У культуры есть шанс получить права: [о «Декларации прав культуры» Д. С. Лихачева] // *Вечерний Петербург*. — 1996. — 3 янв. (№ 1). — С. 3.

576. *Ионесов В.* Чему учит история // *Ленинский путь*. — 1986. — 2 авг. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. — Л., 1985.

577. *Исаков С., Лотман Ю.* Древнерусский эпос на эстонском языке // *Кэ-эль я кирьяндус*. — 1966. — № 3. — С. 188–191. — На эст. яз.

578. Исследование по древней и новой литературе. — Л.: Наука, 1987. — 466 с.: ил., портр. — 80-летию акад. Дмитрия Сергеевича Лихачева посвящается.

579. История двух деяний: [воспоминания из кн. В. Осипова «Свидетельства очевидца»] // *Культура*. — 2003. — 17–23 апр. (№ 15). — С. 14.

580. *Йосифов В.* [Предисловие к болгарскому изданию книги Д. С. Лихачева «Писма за доброто и прекрасното»] // *Антени*. — 1986. — 21 май (№ 21). — С. 13.

581. *Йосифов В.* Нашият неспокоен съвременик // *Лихачов Д. С. Писма за доброто и прекрасното*. — София, 1986. — С. 5–6; АБВ. — 1986. — 5 авг. (№ 31). — С. 6.

582. К 70-летию Д. С. Лихачева // *Вестник АН СССР*. — 1977. — № 3. — С. 145–146.: портр.

583. [К 100-летию со дня рождения Дмитрия Лихачева принято решение назвать площадь перед университетом в городе Магасе (Ингушетия) именем академика] // *Литературная газета*. — 2006. — 13–19 дек. (№ 50). — С. 6.

584. К 100-летию Дмитрия Лихачева: [о встрече, посвященной 100-летию Д. С. Лихачева, в книжном магазине «Библио-глобус». Москва, 24 ноября 2006 г.] // *Независимая газета*. — 2006. — 16 нояб. (№ 249). — С. 3. — (Прил. «НГ-Ex libris»).

585. К 90-летию академика Д. С. Лихачева: [приветствие Д. С. Лихачеву к его 90-летию] // *Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)*. — СПб., 1997. — Т. 50. — С. 3–6.

586. *К. Е.* Представлен негодный проект // *Культура*. — 1992. — 21 марта (№ 10). — С. 1. — Об отрицательном отношении Д. С. Лихачева к проекту

Закона «О музейной деятельности и музейных организациях на территории Российской Федерации».

587. *Каверин В. А.* Письма Д. С. Лихачеву: [из книги «Оглядываясь назад»] / публ. Т. В. Бердиковой // Звезда. — 2002. — № 4. — С. 139–142.

588. *Каверин В.* Слово о русской земле: [о Д. С. Лихачеве, письмо Д. С. Лихачеву] // Каверин В. Письменный стол: воспоминания и размышления. — М., 1985. — С. 105–107.

589. *Казанков Б.* Слово к молодым // В мире книг. — 1984. — № 12. — С. 83. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Земля родная. — Л., 1983.

590. *Калиганов И. И.* Болгаро-русские литературные связи эпохи Средневековья (критический обзор мнений и задачи изучения) // Славяноведение. — 1988. — № 2. — С. 27–45.

591. *Калиганов И. И.* Дмитрий Лихачев. — М.: ВААП-информ, 1981. — Буклет.

592. *Каменеукая М.* Кульминация с продолжением // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — № 212. — С. 1, 3.

593. *Каменеукая М.* Год счастливого человека // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 21 февр. (№ 31). — С. 1, 2.

594. *Каменский А.* С чем рифмуется сад // Новый мир. — 1983. — № 11. — С. 260–264. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. — Л., 1982; [рец. на ст.: Лихачев Д. С. Служение памяти // Наш современник. — 1983. — № 3].

595. *Каминарская М.* Вечное «Слово»: [о телефильме «По былинам сего времени...» с участием Д. С. Лихачева] // Литературная Россия. — 1986. — 30 мая. — С. 4.

596. *Каминарская М.* Обращаясь к зрителю: [о первом вып. телепередачи «Памятники Отечества» с участием Д. С. Лихачева] // Литературная Россия. — 1986. — 7 нояб. — С. 4.

597. *Камша В.* «Без дедушки все развалилось»: непарадный портрет Дмитрия Лихачева глазами членов его семьи // Московский комсомолец в Питере. — 2006. — 6–13 дек. (№ 49). — С. 43.

598. *Камша В.* Интеллигент: к 100-летию академика Дмитрия Лихачева // Независимая газета. — 2006. — 24 нояб. (№ 256). — С. 16. — (Прил. «НГ-Антракт»).

599. *Канева К.* «Нищо не е забравено...» // Бълг.-съв. дружба. — 1982. — № 1. — С. 10–12.: портр., фото.

600. *Канева К.* Государство духа: [к 80-летию со дня рождения Д. С. Лихачева] // Нева. — 1986. — № 11. — С. 160–163.

601. *Канева К.* Детската благодарност е благодарността на бъдещето: с акад. Лихачов из България. Странички от дневника // Поглед. — 1981. — 30 ноем. (№ 48). — С. 9.: фото.

602. *Канева К.* Как се писмата на акад. Лихачов // Антени. — 1981. — 7 янв. (№ 1). — С. 7.

603. *Канева К.* О симметрии времени: [о Д. С. Лихачеве и своей кн. «Симметрия на времето»] // Болгария. — 1985. — № 1. — С. 15.: фото.

604. *Канева К.* Письма до младите: [беседа о Д. С. Лихачеве] // За буквите. Кирил.-Метод. вестн. — 1984. — Сент. (№ 9). — С. 12–13.

605. *Канева К.* Първите лауреати на международната награда «Братя Кирил и Методий» // Кирило-Методиевски страници: алманах. — София, 1983. — С. 349–351.: портр.
606. *Канева К.* Симетрия на времето: (срещи и разговори с акад. Дмитрий Лихачов). — София: Нар. младеж, 1984. — 256 с.
607. *Канторович В.* Актуальные параллели // Искусство кино. — 1975. — № 10. — С. 92.
608. *Канторович В.* Заметки писателя о современном очерке: [о ст. Д. С. Лихачева «Будущее литературы как предмет изучения»] // Новый мир. — 1969. — № 9]. — М.: Сов. писатель, 1973. — С. 84.
609. *Капица Ф. С.* Учителю о древней русской литературе // Литература в школе. — 1981. — № 4. — С. 70–71. — Рец. на кн.: История русской литературы X–XVII вв.: учеб. пособие для пед. ин-тов / ред. Д. С. Лихачев. — М., 1980.
610. *Каралис Д.* Книга — обычный «продукт»? / беседу вела Е. Петрова // Аргументы и факты. — 2006. — 22–28 нояб. (№ 47). — С. 1, 22. — О предстоящем открытии Международного книжного салона в «Ленэкспо», посвященном 100-летию Д. С. Лихачева.
611. *Карев А.* Дмитрий Лихачев: «Нам не нужна национальная идея» // Русская мысль. — 1998. — № 4244. — С. 11.
612. *Карелина В.* К 100-летию академика [Д. С. Лихачева] // Нефтеюганский рабочий. — 2006. — 15 нояб. (№ 45). — С. 1.
613. *Карпенко Б. Д.* С. Лихачев // Ленинградский университет. — 1953. — 4 дек. — Портр. — (Наши ученые).
614. *Карпунин Г.* Природа и доброта: (о кн. акад. Д. С. Лихачева «Заметки о русском») // Сибирские огни. — 1982. — № 6. — С. 167–170.
615. Каталог выставки «Академик Д. С. Лихачев: диалог с XX веком». — СПб.: ГИМ СПб, 2006. — 216 с.: ил.
616. *Кашин С.* Высшая награда России обошла политиков: Орден Андрея Первозванного первым получил Дмитрий Лихачев / С. Кашин, К. Долинина // Коммерсантъ. — 1998. — 1 окт. (№ 182). — С. 2, [2] фото.
617. *Кашкаров Ю.* Культура Древней Руси // Вопросы литературы. — 1963. — № 4. — С. 214–217. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). — М.; Л., 1962.
618. *Кедров К.* [Рецензия] // Новый мир. — 1985. — № 2. — С. 270–271. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Понырко. — Л., 1984.
619. *Кедров К.* Гений русского Возрождения: [об акад. Д. С. Лихачеве] // Новые известия. — 1999. — 2 окт. — С. 7.
620. *Келлер Н.* Ужиться с дедом было тяжело // 24 часа. — 2005. — 17 нояб. (№ 46). — С. 16.
621. *Кенжегалиева С.* Читайте «Письма о добром» // Волга. — 2006. — 19 дек. (№ 187).
622. *Кириллина Т.* Год Лихачева — без пафоса, или Кого еще любить? // Вечерний Петербург. — 2006. — 21 февр. (№ 31). — С. 4.
623. *Кишкин Л. С.* К вопросу о национальном своеобразии [отклик на ст. Д. С. Лихачева «Национальное единообразие и национальное разнообразие»] // Русская литература. — 1969. — № 2. — С. 212–215.

624. *Клепикова Е.* Литература древняя и новая // Нева. — 1967. — № 10. — С. 195–196. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — Л., 1967.
625. *Клушина Л.* Петербург готов отметить вековой юбилей академика Лихачева // Вечерний Петербург. — 2006. — 15 нояб. (№ 211). — С. 6.
626. Книга к юбилею [краткая информация о книге Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре», выпущенной издательством СПбГУП] // Вечерний Петербург. — 2006. — 28 нояб. (№ 219). — С. 7.
627. *Князев Г.* С любовью к Новгороду: о кн. Д. С. Лихачева «Новгород Великий» // Новгородская правда. — 1960. — 11 сент.
628. *Князева И.* Год Лихачева // Полярная правда. — 2006. — 28 нояб. (№ 176).
629. *Князевская О. А.* Вопросы палеографии и кодикологии в трудах академика Д. С. Лихачева: (к 80-летию со дня рождения) / О. А. Князевская, Н. И. Толстой // Археографический ежегодник за 1986 год. — М., 1987. — С. 143–147.
630. *Князевская Т. Б.* Дмитрий Сергеевич Лихачев // Русское подвижничество: [сб. ст.: посвящ. 90-летию со дня рождения Д. С. Лихачева]. — М., 1996. — С. 7–12.
631. *Князевская Т. Б.* Д. С. Лихачев о культурном наследии // Проблемы изучения культурного наследия: сб. — М., 1985. — С. 9–13.
632. *Князевская Т. Б.* Литература, искусство, культура в трудах Д. С. Лихачева // Литература и искусство в системе культуры / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры; сост. Т. Б. Князевская; отв. ред. Б. Б. Пиотровский. — М., 1988. — С. 7–11.
633. *Кобак А.* Лихачев был носителем национальной идеи / беседу вела А. Мартовицкая // Культура. — 2006. — 22 февр. — 1 марта (№ 8). — С. 1.
634. *Кобак А.* Уроки на Лихачов / интервью с А. Кобаком вела Р. Евдокимова // Русия днес = Россия сегодня. — 2006. — 2–8 юни. — С. 23.
635. *Кобак А.* Уроки Лихачева // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 25 марта (№ 51). — С. 1, 2.
636. *Ковенски А.* Вспоминая первого Почетного гражданина // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 24 нояб. (№ 220). — С. 2.
637. *Кожин В. В.* Возрождение или средневековье? // Русская литература. — 1973. — № 3. — С. 162–164.
638. *Кожухаров С.* Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев // Литературная история. — 1978. — Кн. 2. — С. 75–78.
639. *Козлова С.* Выставка в библиотеке (посвящается Д. С. Лихачеву) // Ленинградский университет. — 1986. — 5 дек.
640. *Коларов С.* Дружба с непреходна младост // Работн. дело. — 1975. — 28 авг. (№ 240). — С. 4.: портр.
641. *Колбовская М. Д.* Чуждый грязи мира сего: [о церемонии прощания в Таврическом дворце] // Новое время. — 1999. — № 40. — С. 6.
642. *Колосова Г.* Між Заходом і Сходом // Радянська освіта. — Київ, 1990. — 4 вересня (№ 71). — С. 2. — О выступлении Д. С. Лихачева на VII Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы.
643. *Кольцов А. В.* Ученые Ленинграда в годы блокады (1941–1943). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — С. 101–102.

644. *Коляда Г. И.* [Выступление по докладу Д. С. Лихачева «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России»] // IV Междунар. съезд славистов: материалы дискус. — М., 1962. — Т. 1: Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. — С. 61–62.

645. *Комков Г. Д.* Академия наук СССР: крат. ист. очерк / Г. Д. Комков, Б. В. Левшин, Л. К. Семенов. — М., 1974. — С. 456.

646. *Кондаков И. В.* Лихачев Дмитрий Сергеевич // Культурология. XX век: энцикл.: в 2 т. — СПб., 1998. — Т. 1: А–Л. — С. 408–411.

647. *Кондратьев В. И.* Незамкнутый цикл: (размышления о роли книги в эстетическом воспитании подростка) // О литературе для детей. — Л., 1988. — Вып. 31. — С. 42–60. — О книгах Д. С. Лихачева «Письма о добром и прекрасном», «Земля родная».

648. *Коневецкая Е.* «Дмитрий Лихачев — личность с большой буквы»: столетний юбилей великого петербуржца будут отмечать весь год // Смена. — 2006. — 21 февр. (№ 31). — С. 3, [2] фото.

649. *Коневецкая Е.* Дмитрий Лихачев стал еще ближе к народу: почтовики выпустили марку с портретом знаменитого петербуржца // Смена. — 2006. — 18 окт. — С. 10.

650. *Коневецкая Е.* Дмитрий Лихачев был русским Шекспиром: [в Капелле пройдет необычный концерт, посвященный памяти великого петербуржца] // Смена. — 2006. — 19 окт. (№ 193). — С. 10.

651. *Кононенко В.* Президент встретился с авторами письма в «Известиях» [от 28 октября 1994 г.] // Известия. — 1994. — 19 нояб. (№ 223). — С. 1–2.: фото. — На встрече Д. С. Лихачев предложил принять «Декларацию прав культуры» и концепцию развития и сохранения российской культуры.

652. *Кончаров М.* Лихачев в бронзе и Интернете: [в городе появится памятник великому академику] // Комсомольская правда. — 2006. — 24 нояб. — С. 6. — («КП Санкт-Петербург»).

653. *Копальгин Б.* Хлеб на столе — мир на земле: [о выступлении по Центральному телевидению Д. С. Лихачева на тему «Хлеб нашего общего поля»] // Дальневосточный пограничник. — 1983. — 16 июля.

654. *Копылов А. Н.* [Письмо в редакцию журнала «Известия АН СССР. Серия литературы и языка» по поводу письма Д. С. Лихачева в редакцию этого же журнала (1970. — Т. 29, вып. 5)] // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1971. — Т. 30, вып. 4. — С. 378–379.

655. *Кораллов М.* Встреча // Неделя. — 1969. — 4–10 авг. (№ 32). — С. 6. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — Л., 1967.

656. *Корнев И.* Книга об учителе и соратнике: [18 января 2007 г. пройдет презентация книг А. С. Запесоцкого «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог» и «Дмитрий Лихачев: многогранность научного наследия» в Рос. нац. б-ке] // Метро. — 2007. — 17 янв. (№ 6). — С. 2.

657. *Корневский М.* Он переживал даже за своих гонителей // Вечерний Петербург. — 1996. — 22 мая (№ 95). — С. 1.: фото.

658. *Кори С.* Понятие «действительности» и «стиля» у Д. С. Лихачева // Муза. — Осака, 1991. — Июнь. — С. 65–75. — На япон. яз.

659. *Корконосенко Н.* Академик Лихачев: «Предавая культуру, мы лишаем будущего наше Отечество» // Россия. — 2006. — 16 нояб. (№ 46). — С. 11.

660. *Королев А.* Парк души святого филолога // Молодежь Эстонии. — 2006. — 11 сент. (№ 211).
661. *Короткая Л. Л.* [Рецензия] // Вестник Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4. — 1980. — № 3. — С. 75–76. — Рец. на кн.: История русской литературы X–XVII вв. / ред. Д. С. Лихачев. — М., 1980.
662. *Коротцев О. Н.* Ленинградские звезды // Смена. — 1989. — 2 февр. (№ 27). — С. 4. — Малой планете № 2877 присвоено имя Д. С. Лихачева.
663. *Коротцев О. Н.* Планета Лихачев // Вечерний Ленинград. — 1989. — 4 апр. (№ 79). — С. 2. — Малая планета в созвездии Девы названа Л. И. Черных именем Д. С. Лихачева.
664. *Коротцев О. Н.* Созвездие памяти / О. Н. Коротцев, М. Ю. Дахие. — СПб., 1995. — С. 215–216. — О Д. С. Лихачеве и планете, названной его именем.
665. *Косев К.* Научно поприще — България!: разговор със съв учени за българистика в СССР // Работн. дело. — 1983. — 24 окт. (№ 297). — С. 5.
666. *Костомаров В.* В мире древнейшей образованности // Учительская газета. — 1986. — 11 окт. — Рец. на кн.: Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. / сост., биограф. очерки, коммент. С. Д. Бабишина и Б. Н. Митюрлова; вступ. ст. Д. С. Лихачева и Г. М. Прохорова. — М., 1985.
667. *Кострова Л.* Лидер русской культуры // Библиотека. — 2006. — № 11. — С. 80–82.
668. *Коцюбинська М.* Свіжість естетичного почуття // Літ. Україна. — 1967. — 20 черв. (№ 48). — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — Л., 1967.
669. *Кошванец В.* Надо ли гнаться в песне за Бояном? // Ленинградская правда. — 1988. — 6 марта.
670. *Краснов А.* О любви к родной земле // Восточно-Сибирская правда. — 1985. — 16 февр. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Земля родная. — М., 1983.
671. *Краснов А. П.* [Рецензия] // Преподавание истории в школе. — 1984. — № 5. — С. 81–82. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Земля родная: кн. для учащихся. — М., 1983.
672. *Кривулин В. Б.* Дмитрию Сергеевичу Лихачеву — 90 лет // Итоги. — 1996. — № 30. — С. 22.: портр.
673. *Кривулин В.* Лихачев — это наше почти все // Смена. — 1996. — 28 нояб. (№ 267). — С. 1, 5, [2] фото.
674. *Крип'якевич І.* Історія культури Давньої Русі: (к присудженню Гос. премії СРСР за колективний науч. тр. «Історія культури Древньої Русі»). Т. 2) // Жовтень. — 1952. — № 5. — С. 125–127.
675. «Критика — категория истины?» // Советская культура. — 1987. — 12 нояб. — С. 6. — (Мнения читателей).
676. *Крымова Н.* Над передачей работали...: [о телепередаче, посвященной В. Яхонтову, с участием Д. Лихачева] // Литературное обозрение. — 1982. — № 5. — С. 99.
677. *Кувано Т.* Поэтика «памяти» // Кувано Т. Незавершенная полифония. — 2-е изд. — Токио: Мираиша, 1991. — С. 267–278. — На япон. яз.
678. *Кудряшов К. Н.* [Рецензия] // История СССР. — 1961. — № 3. — С. 183. — Рец. на кн.: Археографический ежегодник за 1958 г. / под ред. М. Н. Тихомирова. — М., 1960.

679. *Куев К.* По някои въпроси на старобългарската литература: [по поводу ст. Д. С. Лихачева «Древнеславянские литературы как система». 1968] // Лит. мисъл. — 1969. — Кн. 2. — С. 57–61.
680. *Кузьмина В.* [Рецензия] // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1950. — Т. 9, вып. 6. — С. 499–501. — Рец. на кн.: Слово о полку Игореве / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1950.
681. *Кузьмина В.* [Рецензия] // Литература в школе. — 1953. — № 4. — С. 85–86. — Рец. на кн.: Слово о полку Игореве. — М.; Л., 1952.
682. *Кузьмина В. Д.* История русской литературы в многотомниках Института истории АН СССР // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1954. — Т. 13, вып. 5. — С. 475–477. — Рец. на кн.: Очерки истории СССР. — М., 1953. — Т. 1–2.
683. *Куканов Ю.* Мудрец и Гражданин // Российские вести. — 1996. — 28 нояб. (№ 225). — С. 3, [1] фото.
684. *Куканов Ю.* Свет далекой звезды: памяти Д. Лихачева // Слово. — 1999. — 15 окт. — С. 11.
685. *Кукушкина Е.* От древности к дню сегодняшнему... // В мире книг. — 1981. — № 8. — С. 71. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. — Л., 1981.
686. Культура и будущее России: конгресс под таким названием откроется завтра // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 28 нояб. (№ 222). — С. 2.
687. Культура и глобальные вызовы мирового развития: V Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–20 мая 2005 г. / Конгресс петербург. интеллигенции, РАО, СПбГУП; сост. Г. М. Бирженюк. — СПб.: СПбГУП, 2005. — 248 с.
688. Культура, нравственность, милосердие // Ленинградская правда. — 1989. — 21 февр. (№ 43). — С. 1. — Программа Д. С. Лихачева при выборах в народные депутаты СССР от Советского фонда культуры.
689. Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции: [сб. ст., посвящ. 70-летию Д. С. Лихачева]. — М.: Наука, 1976. — 460 с., 1 л. портр.
690. *Куницын В.* Этика спора: критика критики // Литературная газета. — 1986. — 24 дек. — С. 4.
691. *Кураев М.* Белый полотняный портфельчик: к годовщине смерти Д. С. Лихачева // Звезда. — 2001. — № 9. — С. 213–220.
692. *Курбатова З.* Вещи, которые нужно помнить // Ваш тайный советник. — 2004. — 5 июля (№ 25). — С. 20–21.
693. *Курбатова З.* Его обводили вокруг пальца / записала Н. Шергина // Новые известия. — 2006. — 28 нояб. (№ 218). — С. 5.
694. *Курбатова З.* Жили — были: [100 лет со дня рождения Д. С. Лихачева] // Наше наследие. — 2006. — № 79–80. — С. 72–87.: ил., фото.
695. *Кусков В. В.* Связь времен: о связях древнерусской литературы с литературой нового времени (XVIII — первая половина XIX в.): к 90-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. — 1996. — № 4. — С. 22–33.
696. *Кусков В.* Изучение текста // Вопросы литературы. — 1984. — № 7. — С. 210–214. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. — Л., 1983.

697. *Кутина Л. Л.* [Выступление по докладу Д. С. Лихачева «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России»] // IV Междунар. съезд славистов: материалы дискус. — М., 1962. — Т. 1: Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. — С. 60–61.

698. *Кушнер А. С.* Лихачев — либерал тургеневско-чеховского типа / [беседа вела Т. Львова] // *Очень*^{UM}. — 2006/2007. — № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. — С. 42–47.

699. *Лаврин А.* Письма к современникам // *Литературная Россия*. — 1986. — 14 марта. — С. 20. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. — М., 1985.

700. *Лазарев В.* Слово о Дмитрие Лихачеве // *Новый журнал = New rev.* — Нью-Йорк, 1999. — Кн. 217. — С. 267–269.

701. *Лазарева Т.* Древнее и новое: [к присуждению Гос. премии СССР Д. С. Лихачеву за кн. «Поэтика древнерусской литературы». Л., 1967] // *Вечерний Ленинград*. — 1969. — 15 нояб. — Портр.

702. *Лазарева Т.* О книгах и книжниках: [Д. С. Лихачев — член секции книги и графики Дома ученых им. М. Горького] // *Вечерний Ленинград*. — 1987. — 26 мая.

703. *Лазарева Т.* Почетные звания академику // *Вечерний Ленинград*. — 1973. — 15 мая.

704. *Лазарева Т.* Почетный доктор Оксфорда: [о присвоении Д. С. Лихачеву степени Почет. д-ра Оксфорд. ун-та (Великобритания)] // *Вечерний Ленинград*. — 1966. — 28 дек.

705. *Лазарева Т.* Признание научных заслуг: [об избрании Д. С. Лихачева Почет. членом Венг. акад. наук] // *Вечерний Ленинград*. — 1973. — 15 мая.

706. *Ламажаа Ч.* Отложенное завещание: «Декларация прав культуры» все ждет своего часа // *Поиск*. — 2006. — 1 дек. (№ 48). — С. 7.

707. *Ланцова Н.* «Невский список» — дитя времени // *Санкт-Петербургские ведомости*. — 1995. — 20 июня (№ 109). — С. 1. — Опрос общественного мнения в Санкт-Петербурге в июне показал, что наибольшей популярностью в городе пользуется Д. С. Лихачев.

708. *Ланцова Н.* Гуманитарный и профсоюзный — синонимы // *Вечерний Петербург*. — 1993. — 18 мая (№ 110). — С. 1. — О вручении Д. С. Лихачеву диплома Почетного доктора СПбГУП.

709. *Ларьков С. М.* Д. С. Лихачев о роли книги в современной культуре // *Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 26–27 мая 2006 г. / СПбГУП [и др.]; сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк*. — СПб., 2006. — С. 164–166.

710. «Ласточка мира» — Дмитрию Лихачеву // *Смена*. — 1999. — 15 янв. (№ 6–7). — С. 2.

711. «Ласточка мира» прилетела к Дмитрию Лихачеву // *Вечерний Петербург*. — 1999. — 16 янв. (№ 8). — С. 2.

712. Лауреаты на международная награда «Братья Кирил и Методий» // *Земледел. знаме*. — 1979. — 24 мая (№ 122). — С. 1, 3; *Работн. дело*. — 24 май (№ 144). — С. 1, 5; *Отеч. фронт*. — 25 май (№ 10582). — С. 1, 3.

713. *Лебедев Е.* Пыль веков от хартий отряхнув... // *Наш современник*. — 1975. — № 7. — С. 189–191. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. — М., 1975.

714. *Лебедев О. Е.* Уроки Лихачева для детей и взрослых // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 29 авг. (№ 159). — С. 4.

715. *Левчев Л.* До акад. Дмитрий Лихачев. Ленинград: [Союз болгарских писателей поздравляет Д. С. Лихачева с 80-летием] // Лит. фронт. — 1986. — 20 нояб. (№ 47). — С. 6.

716. Ленинградцы — лауреаты Государственных премий СССР: [к присуждению Гос. премии СССР Д. С. Лихачеву за кн. «Поэтика древнерусской литературы». Л., 1967] // Ленинградская правда. — 1969. — 14 нояб. — Портр.

717. *Ленская Л.* «Д. Лихачев. Я вспоминаю...»: премьера телевизионного документального фильма // 7 дней: программы телевидения и радио. — 1988. — 7 дек. (№ 50). — С. 4.: фото. — (Ленингр. вып. еженед. «Говорит и показывает Москва»).

718. *Леонидов В.* Красота не дает быстрой отдачи: в Российском фонде культуры изданы «Мысли о жизни, истории, культуре» Д. С. Лихачева // Культура. — 2006. — 28 сент. (№ 38). — С. 5.

719. *Леонидов В.* Наследие Дмитрия Лихачева // Российские вести. — 2004. — 17–23 нояб. (№ 41). — С. 21. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы. — М., 2004.

720. *Лепехин А.* На древнем пути [«из варяг в греки»: об экспедиции Геогр. о-ва СССР] // Медицинская газета. — 1986. — 17 дек.

721. *Лесур Ф.* Дмитрий Лихачев, историк и теоретик литературы // Лихачев Д. С. История поэтики русской литературы. Смех как мировоззрение. — СПб., 1997. — С. III–LXXIII.

722. *Лесур Ф.* Труды Д. С. Лихачева во французском восприятии // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб., 1997. — Т. 50. — С. 32–39.

723. *Леуская Л.* Флот для России больше, чем победы // Санкт-Петербургские ведомости. — 1995. — 31 окт. (№ 208). — С. 2. — Д. С. Лихачев о научной стороне деятельности Российского флота.

724. *Лисицына А.* Уникальное собрание — в дар библиотеке // Смена. — 1994. — 7 мая (№ 85). — С. 2. — Д. С. Лихачев передал библиотеке Института русской литературы РАН свое собрание книг и статей по «Слову о полку Игореве».

725. Литература и искусство в системе культуры / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры; сост. Т. Б. Князевская; отв. ред. Б. Б. Пиотровский. — М., 1988. — 501 с.: портр.

726. Литература о жизни и трудах академика Д. С. Лихачева за 1988–1996 гг. / сост. М. А. Салмина // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб., 1997. — Т. 50. — С. 71–82.

727. Литература — реальность — литература // Огонек. — 1981. — № 32. — С. 15. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. — Л., 1981.

728. *Лифшиц М.* Осторожно — человечество!: [отклик на ст. Д. С. Лихачева и др. «Осторожно — искусство!». 1967] // Литературная газета. — 1967. — 15 февр. — С. 7.

729. *Лиханов А.* Повторение пройденного: к 100-летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева // Дитя человеческое. — 2006. — № 3. — С. 11–13.

730. Лиханов А. Уроки Лихачева // Труд. — 2006. — 2 июня (№ 98). — С. 5.
731. Лиханова Т. Д. Лихачев: «Петербург не нужно переделывать»: [статьи о Д. С. Лихачеве и отклики на предполагаемое строительство небоскреба на Охте] // Новая газета. — 2006. — 30 нояб. — 3 дек. (№ 91). — С. 13. — Примеч.: Высказывания Д. Биллингтона, А. Небольсина, Е. Ясина. Обращение к В. В. Путину участников Международного конгресса «Культура и будущее России» против строительства небоскреба на Охте.
732. Лихачев // Шкляревский И. И. Мне все понятней облака: стихи, поэмы, «Слово о полку Игореве», заметки о поэзии и природе. — М., 1990. — С. 339–341.
733. Лихачев Д. С. Несколько слов о себе // Огонек. — 1986. — № 48. — С. 9–10.
734. Лихачев Дм. Сер. // Большой энциклопедический словарь. — М., 1991. — Т. 1. — С. 720.
735. Лихачев Дм. Сер. // Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. / гл. ред. П. А. Клубков. — М.; СПб., 2002. — Т. 2: 3–П. — С. 375–376.
736. Лихачев Дм. Сер. // Советский энциклопедический словарь. — 1980. — С. 728; 2-е изд. — 1982. — С. 718; 3-е изд. — 1984. — С. 718; 4-е изд. — 1987. — С. 719.
737. Лихачев Дмитрий Сергеевич // БСЭ. — 2-е изд. — 1958. — Т. 51. — С. 179–180.
738. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Васильев В. К. Кто есть кто в Санкт-Петербурге'97: [биограф. справ.] / В. К. Васильев, О. С. Кузин, В. Б. Угрюмов. — СПб., 1997. — [Вып. 3]. — С. 155–156.
739. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Васильев В. К. Кто есть кто в Санкт-Петербурге: [биограф. справ.] / В. К. Васильев, О. С. Кузин, В. Б. Угрюмов. — СПб., 1999. — [Вып. 4]. — С. 159–160.
740. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Всемирный биографический словарь / редкол.: В. И. Бородулин [и др.]. — М., 1998. — С. 434.
741. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Древнерусская литература в исследованиях: хрестоматия / сост. В. В. Кусков. — М., 1986. — С. 321–322.
742. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Книговедение: энцикл. слов. — М., 1982. — С. 325.: портр. — Библиогр.: 9 назв.
743. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. — М., 2003. — С. 238–240.
744. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Кравченко А. И. Культурология: слов. — М., 2001. — С. 322.
745. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Кто есть кто в мире / гл. ред. Г. П. Шалаева. — М., 2003. — С. 844–845.
746. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Кто есть кто в России и ближнем зарубежье: справ. — М., 1993. — С. 375–376.
747. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Кто есть кто в русском литературоведении: справ. / РАН, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, Ин-т мировой лит. — М., 1992. — Ч. 2: К–О. — С. 124–131.
748. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Кто есть кто в Санкт-Петербурге'95: справ. / [сост. В. К. Васильев, О. С. Кузин, В. Б. Угрюмов]. — СПб., 1995. — [Вып. 1]. — С. 119–120.

749. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Кто есть кто в Санкт-Петербурге '96: справ. / [сост. В. К. Васильев, О. С. Кузин, В. Б. Угрюмов]. — СПб., 1996. — [Вып. 2]. — С. 109–110.
750. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Кто есть кто в Солнечной системе / РАН; науч. ред. А. М. Финкельштейн. — СПб., 2000. — С. 111–114.
751. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Культура и культурология: слов. / ред.-сост. А. И. Кравченко. — Екатеринбург; М., 2003. — С. 538.
752. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Лауреаты Государственных премий СССР в области исторических наук: библиогр. указ. — Харьков, 1954. — С. 39. — (Крат. справки о жизни и деятельности лауреатов-историков). — Библиогр.: 5 назв.
753. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Ленинград: энцикл. справ. — М.; Л., 1957. — С. 586.
754. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Литература и культура Древней Руси: слов.-справ. / О. М. Анисимова, В. В. Кусков, М. П. Одесский, П. В. Пятнов; под ред. В. В. Кускова. — М., 1994. — С. 223–224.
755. Лихачев Дмитрий Сергеевич // МСЭ. — 3-е изд. — 1959. — Т. 5. — Стб. 646.
756. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. — М., 2002. — С. 376.
757. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Писатели-лауреаты премий СССР и союзных республик / сост. М. Л. Бутрин, В. Н. Кутик. — Львов, 1980. — С. 142–143.
758. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Профессора Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: биограф. справ. / под ред. Г. А. Бордовского, В. А. Козырева. — СПб., 2000. — С. 210–211.
759. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Россия — 2000: современная политическая история (1985–1999) / под общ. ред. А. И. Подберезкина. — 3-е изд., доп. и перераб. — М., 2000. — Т. 2: Лица России. — С. 538.
760. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Справочник Союза писателей СССР. — М., 1986. — С. 371.
761. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Тадж. сов. энцикл. — Душанбе, 1983. — Т. 4. — С. 42.: портр.
762. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Хоруженко К. М. Культурология: энцикл. слов. — Ростов н/Д, 1997. — С. 275.
763. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Энциклопедический словарь. — 1963. — Т. 1. — С. 614.
764. Лихачев не памятник, а живой собеседник: к такому выводу пришли социологи / подгот. Р. Могилевский, Т. Протасенко, Е. Романова // Невское время. — 2006. — 15 нояб. (спец. вып.). — С. 5.
765. *Лихачева Л. Д.* Папа никогда не выходил к завтраку без галстука / [беседу с дочерью академика Д. С. Лихачева Л. Д. Лихачевой записал И. Логвинов] // Гудок. — 1999. — 10 нояб.
766. *Лихачева Л.* Его награда — наша память / [с вдовой Д. С. Лихачева] беседовала Н. Сидорова // Вечерний Петербург. — 1999. — 29 дек. (№ 239). — С. 2.
767. Лихачевская площадь скоро появится во Фрунзенском районе Санкт-Петербурга // Вечерний Петербург. — 2006. — 13 янв. — С. 22.

768. Лихачов Дмитри Серкејевич // Азэрбајчан совет. енсикл. — Бақы, 1982. — Т. 6. — С. 248.
769. Лихачов Дмитрий Сергеевич // Енцикл. «България». — София, 1982. — Т. 3. — С. 807.
770. Лихачов Дмитрий Сергеевич // Энциклопедия. А–Я. — София, 1974. — С. 449.
771. Лихачов Дмитрий Сергеевич // Енцикл. сов. молдовеняскэ. — Кишинэу, 1974. — [Т. 4]. — С. 212.
772. Лихачов Дмитрий Сергеевич // Крат. бълг. енцикл. — София, 1966. — Т. 3. — С. 275. — Библиогр.: 6 назв.
773. Лихачов — руснакът с български възрожденски дух: [статья и Лихачевски мероприятия в Болгарии] / страницата подготви Р. Евдокимова // Русия днес = Россия сегодня. — 2006. — 10–16 ноем. — С. 23. — Из содерж.: За първи път у нас; Лихачовски брой «За буквите»; За екологията на културата; Анкета: [на вопросы отвечают Г. Тончева, П. Парижков].
774. *Лихтенштейн Е. С.* Корректор — академик Дмитрий Лихачев // Книга: исслед. и матер. — М., 1987. — Сб. 55. — С. 195–199.
775. *Лихтенштейн Е. С.* Корректор — академик Дмитрий Лихачев // Литература и искусство в системе культуры / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры; сост. Т. Б. Князевская; отв. ред. Б. Б. Пиотровский. — М., 1988. — С. 11–16.
776. *Лихтенштейн Е. С.* Слово о науке: Афоризмы. Изречения. Лит. цитаты. — М.: Знание, 1981. — Кн. 2. — С. 7, 56, 129–130, 167, 233; 2-е изд., испр. и доп. — М.: Знание, 1986. — Кн. 2. — С. 6, 14, 70, 144, 180, 250.
777. *Лихтенштейн Е. С.* Слово о науке: Афоризмы. Изречения. Лит. цитаты. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Знание, 1978. — [Кн. 1]. — С. 57, 162.
778. *Лотман Ю. М.* История культуры: движение в будущее: [о руководстве Д. С. Лихачевым Отделом древнерусской литературы ИРЛИ] // Советская культура. — 1987. — 7 мая.
779. *Лотман Ю.* Новые аспекты изучения культуры Древней Руси / Ю. Лотман, Б. Успенский // Вопросы литературы. — 1977. — № 3. — С. 148–166. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. «Смеховой мир» Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. — Л., 1976.
780. *Лошиц Ю.* Дело всей жизни // Коммунист. — 1986. — № 16. — С. 76–81.
781. *Лукьянов Ф.* Учиться пониманию // Известия. — 1985. — 30 июня. — С. 3. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. — М., 1985.
782. *Лурье Я.* Древнерусская литература и наши «представления о прекрасном» // Русская литература. — 1965. — № 4. — С. 3–20.
783. *Лурье Я. С.* Лихачев Дмитрий Сергеевич // Советская историческая энциклопедия. — 1965. — Т. 8. — Стб. 741.
784. *Лурье Я.* О художественном значении древнерусской прозы // Русская литература. — 1964. — № 2. — С. 3–18.
785. *Львов С.* Нам внятно все... // Литературная газета. — 1981. — 14 янв. — С. 6.: карт. — (Штрихи к портр. акад. Д. С. Лихачева).
786. *Любимов Б.* Земля, родная нам // Смена. — 1985. — № 20. — С. 15. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Земля родная. — М., 1983.

787. *Любимов Б.* Русский интеллигент из сообщества эзков // Независимая газета. — 1996. — 28 нояб. (№ 224). — С. 7, [1] фото.

788. *Любош А.* Невский проспект: [отклик на ст. Д. С. Лихачева и др. о реконструкции Ленинграда] // Ленинградская правда. — 1965. — 29 авг.

789. *Ляско К.* Когда рассеялся дым // Книжное обозрение. — 1988. — 15 июля (№ 29). — С. 4–15. — Отклики сотрудников библиотеки АН на публикацию Д. С. Лихачева «Горькие мысли после пожара» (Книжное обозрение. — 1988. — 18 марта).

790. *М. И.* Академик Д. Лихачев: «Вражду создает отсутствие культуры» // Культура. — 1992. — 15 февр. (№ 7). — С. 6.

791. *Майкова Т. С.* [Отклик на статью Д. С. Лихачева «Памятники культуры — всенародное достояние». 1961] // История СССР. — 1961. — № 5. — С. 246.

792. *Майская Г.* «На чем растет культура» // Литературная Россия. — 1989. — 24 марта (№ 12). — С. 7. — О предвыборной программе Д. С. Лихачева как кандидата в народные депутаты СССР от Советского фонда культуры.

793. *Майстрович Т. В.* Слово о Дмитрие Лихачеве // Мир библиографии. — 1999. — № 5. — С. 72–74.

794. *Макаренко Е.* [Рецензия] // Лит. мисъл. — 1980. — Кн. 9. — С. 160–162. — Рец. на кн.: История русской литературы X–XVII вв. — М., 1980.

795. *Макогоненко Г.* Выдающийся советский ученый // Ленинградский университет. — 1976. — 3 дек. — Портр. — (Поздравляем юбиляра).

796. *Макогоненко Г.* У истоков русской литературы // Литературная газета. — 1953. — 5 марта. — С. 3. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. — М.; Л., 1952.

797. *Максимов М.* Приношение // Смена. — 1989. — 12 сент. (№ 210). — С. 1. — Д. С. Лихачев передает рукопись «Отцов и детей» И. С. Тургенева, приобретенную Советским фондом культуры в Великобритании, Пушкинскому Дому.

798. *Малков В.* Площадь Лихачева — территория культуры. Памятник знаменитому ученому установлен в Университете профсоюзов // Очень^{UM}. — 2007. — № 38. — С. 118–124.

799. *Мальгин А.* Современно и поэтично // Дружба народов. — 1981. — № 5. — С. 263–265. — Рец. на ст.: «Слово о полку Игореве» // Октябрь. — 1980. — № 9.

800. *Мамедзаде С.* Чем слово отзовется...: открытое письмо академику Д. С. Лихачеву // Бакинский рабочий. — 1990. — 28 марта (№ 66). — С. 4.

801. *Манн Ю.* Грани научности: [по поводу ст. Д. С. Лихачева «Популяризация или исследование?». 1974] // Литературная газета. — 1974. — 23 окт. — С. 6.

802. *Манн Ю.* Движущая теория // Вопросы литературы. — 1988. — № 5. — С. 226–233. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. — 1987. — Т. 1–3.

803. *Манн Ю.* Достоинство науки // Литературная газета. — 1979. — 20 июня. — С. 5. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. — Л., 1978.

804. *Манн Ю. В.* «Надо спешить сказать...»: семь писем Д. С. Лихачева, [1974–1984] // Наше наследие. — 2006. — № 79–80. — С. 100–101.: ил., фото.

805. *Мануйлов В. А.* Историзм, точность, увлекательность: к 75-летию академика Д. С. Лихачева // Нева. — 1981. — № 11. — С. 174–176.

806. *Марголис А.* Следуя небесной линии: [заметки посвящены взглядам Дмитрия Сергеевича Лихачева на охрану городской среды] // Новый меценат. — 2006. — № 9. — С. 75–76.
807. *Маркелов Г. В. Д. С. Лихачев* — «вкладчик» в Древлехранилище Пушкинского Дома // Исследования по древней и новой литературе. — Л., 1987. — С. 345–348.
808. *Марков А.* Персонифицированный идеал как ресурс образовательной деятельности [О Д. С. Лихачеве] // Высшее образование в России. — 2004. — № 2. — С. 94–100.
809. *Маркова Н.* Что сказал бы Пушкин о факсимильном издании своих рабочих тетрадей // Невское время. — 1995. — 25 мая (№ 93). — С. 1. — Резюме ответов Д. С. Лихачева на пресс-конференции в Пушкинском Доме, посвященной выходу т. 1–2 факсимильного издания рабочих тетрадей Пушкина.
810. *Мартыненко О.* Борис Пастернак, поэт и прозаик: [Пастернак Б. Избранное: в 2 т. / предисл. Д. С. Лихачева. М., 1985] // Московские новости. — 1986. — 27 апр. — С. 11.
811. [Материалы к 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева] // Наше наследие. — 2006. — № 79–80. — С. 1–106.
812. *Машанова Ю.* Защитник русской культуры // Черноморская здравница. — 2006. — 29 нояб. (№ 209). — С. 3.
813. *Медовой И.* Академия Лихачева: [к 90-летию Д. С. Лихачева] // Культура. — 1996. — 30 нояб. (№ 46). — С. 1, [1] фото.
814. *Медриш Д.* Индивидуальность древней литературы // Вопросы русской литературы. — 1969. — Вып. 1. — С. 84–88. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — М., 1967.
815. *Медынский Г.* Чувство истории: [отклик на ст. Д. С. Лихачева «Четвертое измерение». 1965] // Литературная газета. — 1965. — 24 июня. — С. 2.
816. Международная премия — советскому ученому: [Д. С. Лихачев — первый лауреат Междунар. премии им. братьев Кирилла и Мефодия] // Литературная Россия. — 1980. — 27 июня. — С. 9.
817. *Мейлах М.* Академик Лихачев на Соловках и в Ленинграде // Русская мысль. — 1989. — 27 янв. (№ 3760). — Рец. на телефильм: «Дмитрий Лихачев. Я вспоминаю...».
818. *Меленберг А.* Последний славянофил // Политический журнал. — 2006. — 4 дек. (№ 45–46). — С. 93–95.
819. *Мелетинский Е. М.* [Рецензия] // Советская этнография. — 1978. — № 2. — С. 169–172. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. «Смеховой мир» Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. — Л., 1976.
820. *Меликянц Г.* Академик Д. Лихачев уходит с должности в Фонде культуры, но остается его почетным председателем // Известия. — 1993. — 19 марта (№ 51). — С. 7.
821. *Меликянц Г.* Два фонда — две культуры // Известия. — 1991. — 19 окт. (№ 249). — С. 4. — О реорганизации Советского фонда культуры, возглавляемого Д. С. Лихачевым, в Фонд культуры России и Всероссийский фонд культуры П. Проскурина.
822. *Меликянц Г.* Культура — наше общее прошлое и даже Господь Бог не в силах изменить этого, говорит академик Д. С. Лихачев // Известия. — 1992. —

15 февр. (№ 38). — С. 3. — Выступление Д. С. Лихачева на заседании Российского фонда культуры: необходимость создания программы по культуре и основные ее положения.

823. *Мельц М. Я.* Д. С. Лихачев как фольклорист: [к 70-летию со дня рождения] // Русский фольклор. — Л., 1976. — Т. 16: Историческая жизнь народной поэзии. — С. 292–297.

824. *Менабде Л.* Наш гость // Тбилисский университет. — 1977. — 23 сент. — На груз. яз.

825. *Менабде Л.* Славный юбиляр: к 70-летию со дня рождения академика Дмитрия Лихачева / Л. Менабде, Р. Сирадзе // Тбилисский университет. — 1976. — 3 дек. — Портр. — На груз. яз.

826. *Меньшикова Т.* Понять — значит помочь...: [о ленингр. молодеж. неформ. орг. «Спасение»] / Т. Меньшикова, Ю. Михайлов // Советская культура. — 1987. — 10 сент. — С. 6.

827. *Метева Е.* Капитален труд върху литературоведската медиевистика // Език и лит. — 1980. — Кн. 5. — С. 120–123. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — 3-е изд., доп. — М., 1979.

828. *Мечев К.* Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев на седемдесет години // Студенческа трибуна. — 1976. — 20 апр. (№ 30). — Портр.

829. *Мечев К.* Държава на духа: нови съветски изслед. Върху българската история // Нар. култура. — 1985. — 11 янв. (№ 2). — С. 6. — Рец. на кн.: България, 1300. — София, 1983.

830. *Мечев К.* Классические произведения литературы Древней Руси // Palaeobulgarica-Старобългаристика. — 1977. — № 3. — С. 90–93. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. — М., 1975.

831. *Мечев К.* Ленинградският мислител: акад. Дмитрий Сергеевич Лихачев и старобългарската литература. По повод 75 годишнината от рождението му // Лит. фронт. — 1981. — 3 дек. (№ 49). — С. 7.

832. *Мечев К.* Литература Древней Руси — великое наследие // Etud. balkaniques. — 1977. — № 1. — Р. 130–132. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. — М., 1975.

833. *Мечев К.* Литературная жизнь в России с X по XVII век // Palaeobulgarica-Старобългаристика. — 1981. — № 3. — С. 120–121. — Рец. на кн.: История русской литературы X–XVII вв. / под ред. Д. С. Лихачева. — М., 1980.

834. *Мечев К.* Претестията за точност е неточност: [о лекции Д. С. Лихачева в Софийском университете] // Веч. новини. — 1980. — 1 юли. — Портр.

835. *Мечев К.* Световна прослава на Кирил Философ: [о ст. Д. С. Лихачева «Размышления о национальном своеобразии и европейском значении древнеболгарской литературы»] // Учит. дело. — 1973. — 3 апр.

836. *Мечев К.* Старейшина на съветского исторического литературознание // Лит. фронт. — 1976. — 7 окт. (№ 41).

837. *Мечев К.* Съветите на мъдреца // Лихачев Д. С. Письма за доброто и прекрасното. — София, 1986. — С. 207–212.

838. *Мечев К.* Текстологията — основа на литературната история // Лит. мисъл. — 1964. — Кн. 2. — С. 167–171. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. — М.; Л., 1962.

839. *Мешин В.* [Выступление по докладу Д. С. Лихачева «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России»] // IV Междунар. съезд славистов: материалы дискус. — М., 1962. — Т. 1: Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. — С. 62–64.
840. *Милонов Р.* Лихачев стоял горой за неформалов / [беседу вела Т. Львова] // *Очень^{UM}*. — 2006/2007. — № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. — С. 36–41.
841. Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: Междунар. Лихачевские науч. чтения, 24–25 мая 2001 г. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), СПбГУП; сост. и отв. ред. В. Е. Триодин. — СПб.: Изд-во СПбГУП, 2001. — 160 с.
842. Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Междунар. Лихачевские науч. чтения, 23–24 мая 2002 года / РАН, РАО, СПбГУП; сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. — СПб.: Изд-во СПбГУП, 2003. — 226 с.
843. *Миронов С. М.* Свет культуры: [100 лет со дня рождения Д. С. Лихачева] // *Наше наследие*. — 2006. — № 79–80. — С. 1–2.
844. *Миронов С.* Постигание Лихачева // *Литературная газета*. — 2006. — 22 нояб. (№ 47). — С. 1, 2.
845. *Миронов* считает Лихачева учителем жизни, истинным русским интеллигентом // *Ингушетия*. — 2006. — 30 нояб. (№ 146). — С. 3.
846. *Мирошкин А.* [Рецензия] // *Первое сентября*. — 2000. — 24 окт. — С. 4. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. *Русская культура*. — М., 2000.
847. *Михайличенко Б.* Вспоминая Лихачева // *Аргументы и факты*. — 2006. — 29 нояб. — 5 дек. (№ 48). — С. 1–2. — («АиФ–Петербург»).
848. *Михайлов А. А.* Дмитрий Лихачев — имя университетское // *Аргументы и факты*. — 2006. — № 11 (март). — С. 13.
849. *Михайлов М.* Проблемът за общността и различията в развитието на средновековите славянски литератури // *Тр. Висш. пед. ин-т «Братя Кирил и Методий»*. — 1968. — Т. 5, кн. 1. — С. 197–224.
850. *Михайлов М.* С обич към доброто и прекрасното // *Светлик. Прилож. на «Борба»*. — 1986. — 25 окт. (№ 10). — С. 2. — Рец. на кн.: Лихачев Д. *Писма за доброто и прекрасното*. — София, 1986.
851. *Михайловский А.* Академик Лихачев // *Советский воин*. — 1990. — № 14. — С. 1, 2, 3, 26–27.
852. *Мишина Н.* Русский Леонардо // *Правда*. — 1989. — 26 янв. (№ 26). — С. 6. — О размышлениях Д. С. Лихачева по поводу П. А. Флоренского.
853. *Младенов Ц.* За някои основани понятия и за метода на сравнително-славянско литературознание: [по поводу ст. Д. С. Лихачева «Старославянските литератури като система»] // *Лит. мисъл*. — 1969. — Кн. 6. — С. 3–13.
854. *Многая лета Вам, Дмитрий Сергеевич!* // *Вечерний Петербург*. — 1996. — 29 нояб. (№ 228). — С. 1, [2] фото.
855. *Моисеева Г.* Величайший памятник русской поэзии. Новые книги к 150-летию издания «Слова о полку Игореве» // *Вечерний Ленинград*. — 1951. — 8 янв. — Рец. на кн.: «Слово о полку Игореве» / под ред. В. П. Адриановой-Перетц, 1950; Сборник исследований и статей / под ред. В. П. Адриановой-Перетц, 1950; Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве»: ист.-лит. очерк, 1950.

856. *Молдавский Д.* [Рецензия] // Звезда. — 1960. — № 1. — С. 217–218. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. — М.; Л., 1958.
857. *Молдавский Д.* Беседа с думающим читателем // Звезда. — 1984. — № 9. — С. 184–188. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Земля родная. — М., 1983.
858. *Молдавский Д.* В грядущее: [очерк о творчестве Д. С. Лихачева] // Звезда. — 1986. — № 11. — С. 185–190.
859. *Молдавский Д.* В интересах современности: [о Д. С. Лихачеве и его работах] // Звезда. — 1971. — № 11. — С. 193–201.
860. *Молдавский Д.* Дверь в неведомый мир // Смена. — 1958. — 22 июня. — Рец. на кн.: Художественная проза Киевской Руси XI–XIII вв. / сост. пер. и примеч. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева; вступ. ст. Д. С. Лихачева. — М., 1957.
861. *Молдавский Д.* Древность и сегодняшний день: [к 60-летию Д. С. Лихачева] // Литературная Россия. — 1966. — 25 нояб. — С. 19.
862. *Молдавский Д.* Духовная сила народа: размышления над книгой Д. Лихачева «Заметки о русском» // Советская культура. — 1981. — 27 нояб.
863. *Молдавский Д.* Книга о начале русской литературы // Вечерний Ленинград. — 1953. — 18 февр. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. — М.; Л., 1952.
864. *Молдавский Д.* Наследие и современность. Заметки на полях изданий // Вечерний Ленинград. — 1972. — 1 февр. — Рец. на кн.: Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие Древней Руси и современность. — Л., 1971.
865. *Молдавский Д.* О некоторых работах литературоведов и критиков: [о кн. Д. С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси». М., 1970] // Вечерний Ленинград. — 1971. — 24 марта. — (Книга о книгах).
866. *Молдавский Д.* От Невы во все стороны света. — М.: Современник, 1975. — С. 177–200. — (В интересах современности).
867. *Молдавский Д.* От реальности жизни к реальности литературы // Москва. — 1981. — № 12. — С. 207–209. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. — Л., 1981.
868. *Молдавский Д.* Развитие русской литературы X–XVII вв. // Звезда. — 1974. — № 3. — С. 211–212. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. — Л., 1973.
869. *Молдавский Д.* Смех отвергающий и утверждающий // Звезда. — 1976. — № 12. — С. 206–208. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. «Смеховой мир» Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. — Л., 1976.
870. *Молдавский Д.* Экскурсия в древность или марш в будущее // Звезда. — 1967. — № 10. — С. 211–213. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — Л., 1967.
871. *Молодцова В.* Реквием патриарху // Российская газета. — 1999. — 9 окт. — С. 10.
872. *Молоков А.* Возвращение «Отцов и детей» // Советская Россия. — 1989. — 12 сент. (№ 210). — С. 4. — Д. С. Лихачев — Председатель Президиума Советского фонда культуры передает в Пушкинский Дом рукопись романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» и два неизвестных письма — Пушкина и Тургенева, купленных Фондом на аукционе «Сотби».

873. *Молоков А.* Возвращение рукописи: [романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»] // Советская Россия. — 1989. — 4 мая (№ 103). — С. 1. — Д. С. Лихачев ознакомился с рукописью романа во время пребывания в 1988 г. в Англии.

874. *Монгайт А.* [Рецензия] // Вопросы истории. — 1951. — № 11. — С. 139. — Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. — М.; Л., 1951. — Т. 2.

875. *Морозов А. А.* Национальное своеобразие и проблема стилей: (к изуч. древнерусской лит. и лит. XVIII в.) // Русская литература. — 1967. — № 3. — С. 102–123.

876. *Морозов А. А.* Проблема значительно сложнее...: [отклик на ст. Д. С. Лихачева «Национальное единообразие и национальное разнообразие». 1968] // Русская литература. — 1968. — № 4. — С. 148–151.

877. *Морозов А. А.* Развитие стилей и историческая реальность: [о схеме чередования стилей, предлож. Д. С. Лихачевым] // Русская литература. — 1971. — № 3. — С. 50–52, 57.

878. *Морозов А.* Рождается новая наука: [о докл. Д. С. Лихачева «Новооткрытые литературные памятники» на первом заседании Секции истории культуры Древней Руси Науч. совета по истории мировой культуры при АН СССР] // Знание — сила. — 1972. — № 7. — С. 32–33.

879. *Морозов С.* Лихачев хотел спасти русский язык: [о Международном конгрессе «Культура и будущее России», посвященном памяти Д. С. Лихачева] // Российская газета. — 2006. — 1 дек. (№ 271). — С. 11.

880. *Морозова В.* Свеча горела... / В. Морозова, Т. Хмельник // Смена. — 1999. — 5 окт. (№ 253). — С. 1, [1] фото.

881. *Морозова Г.* Дмитрий Лихачев — в памяти и делах поколений // Учительская газета. — 2005. — 7 июня (№ 23). — С. 20.

882. *Мошин В.* (Выступление по докладу Д. С. Лихачева «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России») // IV Междунар. съезд славистов: материалы дискус. — М., 1962. — Т. 1: Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. — С. 62–64.

883. *Мстиславич Б.* Здесь русский дух...: [об экслибрисе Д. С. Лихачева худож. В. Кундина] // Литературная Россия. — 1987. — 3 июля. — С. 24.: ил. — (Биограф. кн. знака).

884. Музыка Лихачева // Культура. — 2006. — 26 окт. — 1 нояб. (№ 42). — С. 2.

885. *Мулин М.* Кнжевна етикеција у старој спрској књижевности [према етикецији у староруској књижевности] // Зборник за славистику. — Нови Сад, 1974. — Т. 6. — С. 128–144. — Рез.: рус. и фр.

886. *Мурьянов М.* Об одном образе у Епифания Премудрого // Русская литература. — 1975. — № 3. — С. 233.

887. Мы благодарны Вам! Сегодня исполняется 85 лет академику Д. С. Лихачеву // Санкт-Петербургские ведомости. — 1991. — 28 нояб. (№ 71). — С. 3.: фото. — Поздравление с юбилеем от редакции газеты, правления и секретариата Санкт-Петербургского отделения Союза писателей.

888. «Мы обязаны предупредить Вас об ответственности»: письма Президенту России Б. Н. Ельцину // Независимая газета. — 1992. — 2 апр. (№ 64). — С. 7. — В. Лакшин, Б. Раушенбах, М. Ростропович, Н. Михалков, М. Гаспаров, В. Гаевский, А. Битов, С. Ямщиков, Ю. Лотман (особое письмо) по поводу

выступлений Д. С. Лихачева об антинародной политике правительства в области культуры. См.: Независимая газета. — 1992. — 25 марта (№ 58); Культура. — 1992. — 22 февр. (№ 8); 21 марта (№ 10); Московские новости. — 1992. — 23 февр. (№ 8).

889. *Н. Ц.* К юбилею Лихачева город готовится загодя // Час пик. — 1996. — 14 нояб. (№ 199). — С. 1.

890. *Н. Ц.* Орден Лихачеву от болгарского президента // Час пик. — 1996. — 26 нояб. (№ 205). — С. 1.

891. На приеме в Ватикане — академик Лихачев // Санкт-Петербургские ведомости. — 1993. — 22 янв. (№ 15). — С. 3; Привет, Петербург. — 1993. — 3 февр. (№ 3). — С. 1.

892. Навстречу выборам // Телевидение. Радио: Ленингр. программы передач. — 1989. — 11 марта (№ 11). — С. 1.: портр. — Д. С. Лихачев, выдвинутый в кандидаты в народные депутаты СССР от Советского фонда культуры.

893. Награда, близкая сердцу: [о присуждении Д. С. Лихачеву премии «Ласточка мира»] // Невское время. — 1999. — 15 янв. (№ 6). — С. 2.

894. Награда братской страны: [о награждении Д. С. Лихачева орденом Георгия Димитрова] // Вечерний Ленинград. — 1986. — 19 дек.; Ленинградская правда. — 19 дек.; Ленинградский рабочий. — 19 дек.

895. Награда за българистика: [о награждении Д. С. Лихачева Кирилло-Мефодиевской премией в 1977 г.] // За буквите. Кирил.-Метод. вестн. — 1979. — 24 май (№ 1). — С. 3.

896. Награда ученому: [о присвоении Д. С. Лихачеву в НРБ почет. звания «Лауреат Международной премии братьев Кирилла и Мефодия»] // Литературная газета. — 1979. — 6 июня. — С. 3.

897. Награда ученому: [о награждении Д. С. Лихачева орденом Георгия Димитрова] // Советская культура. — 1986. — 20 дек. — С. 2.

898. [Награждение Д. С. Лихачева орденом Трудового Красного Знамени] // Вестник АН СССР. — 1967. — № 2. — С. 120.: портр.

899. Награды академии // Вечерний Петербург. — 1993 — 1 дек. (№ 271). — С. 1. — Награждение Большой золотой медалью им. М. В. Ломоносова Российской АН 1993 г. за выдающиеся достижения в области гуманитарных наук.

900. Награды вручены // Известия. — 1986. — 27 дек. — Моск. веч. вып.

901. *Надеждин Б.* На Белом море // В мире книг. — 1982. — № 6. — С. 40–41. — Рец. на кн.: Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. — М., 1980.

902. *Назаревский А. А.* Автор «Слова о полку Игореве» и его общественно-политические взгляды // Наук. зап. Киів. держав. ун-ту. — 1951. — Т. 10, вип. 3: Филол. зб. № 3. — С. 197–199.

903. *Назарова Т.* Событие в культурной жизни Владимира: [о чтении по истории древнерус. культуры и лит., 14–16 мая] // Молодой учитель. — 1979. — 30 мая.

904. Названы имена лауреатов // Санкт-Петербургские ведомости. — 1993. — 9 дек. (№ 262). — С. 3; Вечерний Петербург. — 1993. — 9 дек. (№ 278). — С. 1. — О награждении Д. С. Лихачева Гос. премией РФ в области литературы в 1993 г.

905. Най-сърдечни поздравии: [сообщ. о приветств. письме Тодоро Живкова лауреатам Междунар. премии «Братя Кирилл и Мефодий» Д. С. Лихачеву и Р. Бернару] // Работн. дело. — 1979. — 30 май (№ 150). — С. 1.
906. *Накадзава А. Д.* С. Лихачев и Япония // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб., 2003. — Т. 54. — С. 44–46.
907. *Накамура Е.* К 80-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева // Сов. библиогр. информ. — 1986. — № 1. — С. 6–7.: портр. — На яп. яз.
908. *Накамура Е.* Первый снег, крестьянин, лошадка...: [к заметкам акад. Д. С. Лихачева об одной строфе «Евгения Онегина»] // Перечитывая А. С. Пушкина: сб. ст. к 150-летию со дня гибели (1837–1987) / под ред. К. Хокке. — Осака, 1987. — С. 74–78. — На яп. яз.
909. *Накамура Е.* Профиль одного идеалиста: к 90-летию юбилею академика Д. С. Лихачева // Народ. — Токио, 1997. — Вып. 34. — С. 1–10.
910. Наследие Лихачева в режиме он-лайн // Солидарность. — 2006. — № 42.
911. *Насонова Е.* Жить созидая // Тамбовский курьер. — 2006. — 4 дек. (№ 49). — С. 8.
912. Насущное дело культуры // Московский комсомолец. — 1988. — 5 февр. (№ 30). — С. 3. — Д. С. Лихачев о деятельности Советского фонда культуры.
913. *Начарова И.* В столицах порядочных людей нет... // Известия. — 1998. — 20 февр. — С. 5.
914. Не только буквой, но и бронзой: [церемония открытия памятника Д. С. Лихачеву] // Невское время. — 2006. — 28 нояб. (№ 218). — С. 10.
915. *Невельский В.* Книги ждут помощи. Послесловие к пожару [в БАН 14–15 февраля 1988 г.] / В. Невельский, С. Краюхин // Известия. — 1988. — 24 февр. (№ 55). — С. 6. — Д. С. Лихачев о сохранности фондов ленинградских музеев и библиотек.
916. *Неверов А.* Год культуры — Год академика Лихачева // Труд-7. — 2006. — 16 февр. (№ 27). — С. 4.
917. *Неверов А.* Решал каждый голос // Правда. — 1989. — 9 янв. (№ 9). — С. 4. — О выдвижении Д. С. Лихачева кандидатом в народные депутаты СССР от Советского фонда культуры.
918. *Невзглядова Е.* Ваши письма дарили мне радость... // Аврора. — 1986. — № 11. — С. 21–24.
919. *Неделчев М.* [О жизни и творчестве Д. С. Лихачева] / М. Неделчев, Г. Цанков // Лит., искусство, культура. — 1977. — № 2. — С. 4.
920. *Неделчева В.* Споменът за Лихачов срещна руснаци и българи // Русия днес = Россия сегодня. — 2006. — 2–8 юни. — С. 3.
921. *Немзер А.* Русский интеллигент в XX веке // Время новостей. — 2006. — 28 нояб. (№ 219).
922. *Ненашев С.* Академик Лихачев возглавил «Невский список» // Санкт-Петербургские ведомости. — 1995. — 15 июня (№ 110). — С. 2.
923. *Нерознак В. П.* Любителям российской словесности // Русская речь. — 1993. — № 1. — С. 43. — О докладе Д. С. Лихачева, посвященном старой орфографии и прочитанном им в 1928 г.
924. *Никитин А. Л.* Слово о полку Игореве: тексты, события, люди. — М.: Интеграф сервис, 1998. — 423 с. — В прил.: Испытание «Словом...»; По следам

князя Игоря; От кого защищать «Слово о полку Игореве»; Открытое письмо акад. Д. С. Лихачеву.

925. *Никитин А.* Пропуск в прошлое // Знание — сила. — 1972. — № 5. — С. 35. — Рец. на кн.: Лихачева В. Д. Художественное наследие Древней Руси и современность / В. Д. Лихачева, Д. С. Лихачев. — Л., 1971.

926. *Николаев-Бергин Н.* Труды Академии наук СССР: [о работе Д. С. Лихачева «Новгородские летописные своды XII в.». 1944] // Сов. Латвия. — 1945. — 9 июня.

927. *Николаев А.* Всемирный клуб петербуржцев открыл сезон // Смена. — 1995. — 16 сент.

928. *Николаев П. А.* Соединивший столетия // Литературная газета. — 2006. — 22–28 нояб. (№ 47). — С. 7.

929. *Николаев П. А.* Соединивший эпохи русской культуры: к 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева // Филологические науки. — 2006. — № 6. — С. 3–8.

930. *Николаева А.* Замечательная книга // Литературная Россия. — 1964. — 20 марта. — С. 7. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. — М., 1962.

931. *Николаева А.* Посланцы Русского государства // Новый мир. — 1955. — № 6. — С. 313. — Рец. на кн.: Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: статейные списки. — М.; Л., 1954.

932. *Николаева Н.* Эстафета культуры: диалог Дмитрия Лихачева с XXI веком // Рос. вести. — 2006. — 29 нояб. — 5 дек. (№ 44). — С. 23.

933. *Никольский Б. Н.* Последний рыцарь культуры // Нева. — 2006. — № 11. — С. 3–6.

934. *Никольский Б. Н.* Съезд разрушил стереотип сознания // Диалог. — 1989. — № 20. — С. 4. — О выступлении Д. С. Лихачева на Съезде народных депутатов СССР.

935. *Нилин А.* Прикосновение к Пушкину: [о телефильме «Дома у Пушкина» с участием Д. С. Лихачева] // Советская культура. — 1984. — 4 авг. — С. 4.

936. *Новикова Ж.* Железный дед // Огонек. — 2006. — 27 нояб. (№ 48). — С. 54, 55.

937. *Новикова О.* Лихадемик / О. Новикова, В. Новиков // Звезда. — 2006. — № 11. — С. 221–223.

938. *Новицкий Г. А.* [Рецензия] // Советская книга. — 1949. — № 9. — С. 68. — Рец. на ст.: Лихачев Д. С. «Софийский временник» и Новгородский политический переворот 1136 г. // Исторические записки [Ин-та истории АН СССР]. — Т. 25. — С. 240–265.

939. *Нодель Ф.* Прошлое, которым можно гордиться // Народное образование. — 1988. — № 12. — С. 96. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Великий путь: становление русской литературы XI–XVII вв. — М., 1987.

940. *Нупбаев Б.* Школьники получили письма от Лихачева: [в школе № 47 им. Д. С. Лихачева Санкт-Петербурга завершились седьмые ежегод. Лихачевские чтения. Школьникам подарили «Письма о добром» Д. С. Лихачева] // Невское время. — 2006. — 28 нояб. (№ 218). — С. 1.

941. *Нуралов Э. Л.* Встречи с Д. С. Лихачевым // Русский язык в Армении. — Ереван, 2000. — № 3 (6). — С. 55–56.

942. *Нутрихин А.* Прошлое — будущему // Телевидение. Радио: Ленингр. программы передач. — 1985. — 10 авг. (№ 32). — С. 1.: портр.
943. [О встрече с Д. С. Лихачевым в Ленинградском дворце молодежи] // Смена. — 1983. — 10 нояб.
944. О времени и о себе // Советская культура. — 1988. — 8 дек. (№ 147). — С. 8.: портр. — О премьерe документального телефильма «Д. Лихачев. Я вспоминаю...».
945. [О выдвижении Д. С. Лихачева кандидатом в депутаты Ленинградского городского совета народных депутатов] // Ленинградская правда. — 1987. — 16 мая.
946. [О выступлении Д. С. Лихачева в Гамбурге по вопросам экологии природы и культуры] // Hamburger Abendblatt. — 1989. — 12 Sept. — Portr.
947. [О выступлении Д. С. Лихачева по телевидению с напутствием новому циклу передач «Памятники Отечества»] // Огонек. — 1986. — № 40. — С. 33. — (Город без праведника не стоит).
948. [О Д. С. Лихачеве] // На пороге XXI в. — Л., 1986. — С. 134.
949. О Дмитриии Сергеевиче // Персона. — 2006. — 22 нояб. (№ 8).
950. О награждении орденом «За заслуги перед Отечеством II степени» Лихачева Д. С.: Указ Президента РФ от 28 ноября 1996 г. № 1609 // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 49. — Ст. 5551.
951. О награждении орденом Святого апостола Андрея Первозванного Лихачева Д. С.: Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 1998 г. № 1163 // Российская газета. — 1998. — 2 окт. (№ 187).
952. О награждении Почетным дипломом Законодательного собрания Санкт-Петербурга: постановление Законодат. собр. Санкт-Петербурга от 20 ноября 1996 г. № 147 // Вестник Законодательного собрания Санкт-Петербурга. — 1997. — № 1. — С. 61. — Среди награжденных Д. С. Лихачев.
953. О награждении медалью Пушкина: Указ Президента Российской Федерации от 4 июня 1999 г. № 700 // Российская газета. — 1999. — 8 июня (№ 108). — В ознаменование 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина за заслуги в области культуры, просвещения, литературы и искусства Д. С. Лихачев награжден медалью Пушкина.
954. [О научной деятельности Д. С. Лихачева: к 70-летию со дня рождения] // В мире книг. — 1976. — № 11. — С. 84.: ил.
955. О подготовке собрания сочинений Д. С. Лихачева в начале 1990-х годов. Содерж. первых трех томов // Русское Возрождение. — Нью-Йорк; М.; Париж, 2000. — № 77–78. — С. 346–352. — (Памяти Д. С. Лихачева).
956. О праздновании 100-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева: Указ Президента Российской Федерации от 14 февраля 2006 г. № 110 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — 20 февр. (№ 8).
957. [О присвоении Д. С. Лихачеву звания почетного члена Немецкого Пушкинского общества (Бонн) в день его 85-летия] // Смена. — 1991. — 29 нояб. (№ 276). — С. 1.
958. [О присвоении звания «Лауреат Международной премии братьев Кирилла и Мефодия»: Указ № 814 от 23 мая 1979 г. на Държавния Съвет на НРБ] // Българистика и българисти. — София, 1981. — С. 9.
959. О присуждении премий Президента Российской Федерации в области литературы и искусства 1997 года: Указ Президента Российской Федерации

№ 1281 от 15 декабря 1997 г. // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 51. — Ст. 5752. — С. 10196. — Среди награжденных Д. С. Лихачев.

960. О присуждении государственных премий Российской Федерации в области литературы и искусства 1999 года: Указ Президента Российской Федерации от 9 июля 2000 г. № 1085 // Культура. — 2000. — 15–21 июня (№ 22). — С. 1. — Д. С. Лихачеву присуждена Государственная премия за развитие художественного направления отечественного телевидения, создание общероссийского государственного телеканала «Культура» посмертно.

961. *О. Ш.* Нет его. И все разрешено? // Вечерний Петербург. — 2000. — 30 сент. (№ 180). — С. 1, [1] фото.

962. Об увековечении памяти Д. С. Лихачева: Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 2001 г. № 587 // Российская газета. — 2001. — 25 мая.

963. *Обломиевский Д.* XVII век в мировом литературном развитии // Вопросы литературы. — 1971. — № 5. — С. 213. — Рец. на ст.: Лихачев Д. С. XVII век в русской литературе. — 1969.

964. Образование в процессе гуманизации современного мира: IV Международный Лихачевские науч. чтения, 20–21 мая 2004 г. / Конгресс петербург. интеллигенции, РАО, СПбГУП; сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. — СПб.: СПбГУП, 2004. — 216 с.

965. Образование в условиях формирования нового типа культуры: III Международный Лихачевские науч. чтения, 22–23 мая 2003 г. / Конгресс петербург. интеллигенции, РАО, СПбГУП. — СПб.: СПбГУП, 2003. — 229 с.

966. «...Обязан тем, что стал гуманитарием»: [1 сентября 2006 г. во всех школах Санкт-Петербурга прошли Уроки Лихачева] // Новый меценат. — 2006. — № 9. — С. 10.

967. *Одинцова Н.* «Лихачев» уходит в оппозицию: [о планете, названной в честь Д. С. Лихачева] // Вечерний Петербург. — 1996. — 3 апр. (№ 63). — С. 1.

968. *Одинцова Н.* Культура тоже имеет право: [«Декларация прав культуры», представленная Д. С. Лихачевым на конференции «Наука, культура, образование на рубеже XXI века»] // Вечерний Петербург. — 1995. — 4 окт. (№ 184). — С. 1.

969. *Одинцова Н.* Страна ученых или «сникерсопребляющая территория?» // Вечерний Петербург. — 1995. — 19 окт. (№ 195). — С. 2. — На встрече в Доме ученых в Петербурге обсуждался проект «Декларации прав культуры», разработанный Д. С. Лихачевым.

970. *Олегович И.* Приглашение в сад: [о телефильме «Поэзия садов» с участием Д. С. Лихачева] // Литературная газета. — 1986. — 27 авг. — С. 8.

971. Он смеялся очень заразительно / записала Л. Безрукова // Труд. — 2006. — 28 нояб. (№ 220). — С. 1, 5.

972. *Опульская Л. Д.* Дмитрий Сергеевич Лихачев: [некролог] // Новый мир. — 1999. — № 12. — С. 239–240.

973. *Орешкин А.* Страна у ног академика Лихачева // Смена. — 1996. — 20 нояб. (№ 260). — С. 1.

974. *Орешников А. С.* Обсуждение вопросов текстологии древнейших памятников: [к итогам обсуждения докл. Д. С. Лихачева «Основные принципы текстологии древнерусских памятников»] // Исторический архив. — 1962. — № 6. — С. 183–185.

975. Оригинальное советское издание «Житие и страдания грешного Софрония»: [о публикации кн. под ред. Д. С. Лихачева и А. Н. Робинсона в сер. «Лит. памятники»] // Болг. горизонты. — 1977. — № 32. — С. 10–11.
976. *Осетров Е.* Живой голос веков: [о ст. Д. С. Лихачева «Первые семьсот лет русской литературы». 1969] // Молодая гвардия. — 1970. — № 2. — С. 294–300.
977. *Осетров Е. И.* Мир Игоревой песни: этюды. — М.: Современник, 1977. — 255 с. — (Б-ка «Любителям рос. словесности»). — [посвящается учителю — Д. С. Лихачеву]. — 2-е изд. — М.: Современник, 1981. — 253 с. — [Посвящение: моему Учителю — Д. С. Лихачеву].
978. *Осетров Е. И.* Мы — русский народ // Литературная Россия. — 1980. — 16 мая. — С. 8. — Рец. на ст.: Лихачев Д. С. Заметки о русском // Новый мир. — 1980. — № 3.
979. *Осетров Е. И.* Память культуры // Детская литература. — 1986. — № 10. — С. 40. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. — М., 1985.
980. *Осинский В.* Беседы с Лихачевым // Ленинградская правда. — 1988. — 8 нояб. (№ 257). — С. 4. — О телевизионном фильме В. Виноградова «Д. Лихачев. Я вспоминаю...».
981. *Осипов В.* История двух деяний: встречи с академиком Дмитрием Лихачевым // Культура. — 2003. — 17–23 апр. (№ 15). — С. 14, [1] фото. — Фрагменты из новой книги В. Осипова «Свидетельства очевидца».
982. *Осипов В.* Свидетельства очевидца. — М.: Раритет, 2003. — 640 с. — В книге есть главы, посвященные Д. С. Лихачеву.
983. *Осипов Н.* Смех в Древней Руси // Московские новости. — 1985. — 10 февр. — С. 10. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. — Л., 1984.
984. *Осипов С.* Власть соловецкая // Тихоокеанская звезда. — 1989. — 23 мая (№ 117). — С. 4. — О фильме М. Голдовской «Власть соловецкая» с участием Д. С. Лихачева.
985. *Осипов Ю.* На Мойке, 12: [о телефильме «Дома у Пушкина» с участием Д. С. Лихачева] // Огонек. — 1984. — № 25. — С. 26.
986. Основные даты жизни Д. С. Лихачева // Русское Возрождение. — Нью-Йорк; М.; Париж, 2000. — № 77–78. — С. 414–423. — (Памяти Д. С. Лихачева).
987. Осталось только вспоминать... [Д. С. Лихачев] // Наше наследие. — 2000. — № 52. — С. 4–9.
988. От редакции // Русское Возрождение. — Нью-Йорк; М.; Париж, 2000. — № 77–78. — С. 4–12. — (Памяти Д. С. Лихачева).
989. От редколлегии: [о Д. С. Лихачеве] // Проблемы изучения культурного наследия: сб. — М., 1985. — С. 3–8.
990. [От составителя] // Литература и искусство в системе культуры / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры; сост. Т. Б. Князевская; отв. ред. Б. Б. Пиотровский. — М., 1988. — С. 5–6.
991. Отклики на статью академика Д. С. Лихачева «Популяризация или исследование?». 1974 // Литературная газета. — 1975. — 2 апр. — С. 6.
992. Отклики на статью члена-корреспондента АН СССР Д. С. Лихачева «Памятники культуры — всенародное достояние». 1961 // История СССР. — 1961. — № 5. — С. 245–246.

993. Открытое письмо академику Д. С. Лихачеву / И. Н. Григорьев, Е. Н. Морозкина, А. И. Гусев, М. Б. Голубева, С. Скобельцын [и др.] // Молодой ленинец. — Псков, 1990. — 12 июня (№ 70). — С. 3.

994. *Ошеверова Л.* В России теперь два фонда культуры. Станет ли культуры вдвое больше? // Известия. — 1991. — 14 сент. (№ 219). — С. 7. — О предложении Д. С. Лихачева преобразовать Советский фонд культуры в Фонд культуры России.

995. *Ошеверова Л. В.* Теперь в России два фонда культуры // Известия. — 1991. — 17 сент. (№ 221). — С. 2. — О переходе Советского фонда культуры под юрисдикцию России без Всероссийского фонда культуры, возглавляемого П. Проскуриным.

996. *Пакраван А.* Собеседники собеседования // Звезда. — 1981. — № 11. — С. 209–211. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. — Л., 1981.

997. Памяти Д. С. Лихачева (28.10.1906 — 30.09.1999) // Вспомогательные исторические дисциплины. — СПб., 2000. — № 27. — С. 361–363.

998. Памяти Д. С. Лихачева // Литературная газета. — 1999. — № 40. — С. 1, 9.

999. Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Филол. — Новосибирск, 1999. — № 4. — С. 106.

1000. Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева // Неизвестный Лихачев: неопубликованные материалы из архива Российского фонда культуры / под науч. ред. Л. М. Аринштейна; подгот. текстов, сост., коммент., вступ. ст. И. Ю. Юрьевой. — М., 2006. — С. 9–12. — К 100-летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева.

1001. Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева // Невское время. — 1999. — 2 окт. (№ 185). — С. 2.

1002. Памятник академику Лихачеву // Утро Петербурга. — 2006. — 7–10 дек. (№ 56). — С. 3.

1003. Памятник для Дмитрия Лихачева // Культура. — 2001. — 6–19 дек. (№ 46–47). — С. 2. — (Одна неделя: Агентство культурной информации).

1004. Памятник на конверте: [к юбилею Д. С. Лихачева выпущена почтовая марка и конверт] // Новый меценат. — 2006. — № 9. — С. 13.

1005. Памятники города Пушкина — национальное достояние: [отклики на ст. Д. С. Лихачева «Среди святых воспоминаний...». 1969] // Ленинградская правда. — 1969. — 11 нояб.

1006. Память истории священна: акад. Д. С. Лихачеву — 80 лет // Социалистическая индустрия. — 1986. — 28 нояб.

1007. *Панеях В. М.* «Люди и нравы древней Руси» Бориса Александровича Романова: судьба книги // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб., 1997. — Т. 50. — С. 825–839.

1008. *Пантелеева Е.* Силуэт академика // Книжное обозрение. — 2002. — № 29–30. — С. 25.

1009. *Панченко А.* Верность долгу: [к 75-летию Д. С. Лихачева] // Комсомольская правда. — 1981. — 29 нояб.

1010. *Панченко А. М.* Величие — дело наживное / [беседу с акад. А. М. Панченко записала Т. Вольтская] // Литературная газета. — 1999. — 6–12 окт. (№ 40). — С. 9.

1011. *Панченко А. М.* Дмитрий Сергеевич Лихачев: (к 80-летию со дня рождения) // Русская литература. — 1986. — № 3. — С. 218–222.
1012. *Панченко А. М.* Дорогу осилит идущий: (о творчестве Дмитрия Сергеевича Лихачева) // Исследования по древней и новой литературе. — Л., 1987. — С. 6–17.
1013. *Панченко А. М.* О своем времени, Лихачеве и Гумилеве / записала И. Степанова // Курьер. — 2001. — 31 мая — 6 июня (№ 21). — С. 10–11.
1014. *Панченко А. М.* Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева [1906–1999] // Звезда. — 1999. — № 11. — С. 3.
1015. *Панченко А. М.* Слово о Лихачеве и его эпохе // Искусство. — 2001. — № 15. — С. 8–9.
1016. *Панченко О. В.* «Сокровенный сердца человек» // Звезда. — 2001. — № 11. — С. 189–198. — (К 95-летию со дня рождения Д. С. Лихачева).
1017. *Пацуто В.* За марксистско-ленинскую историю литературы // Вопросы истории. — 1950. — № 3. — С. 114–116. — Рец. на ст.: Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче // Труды Отдела древнерусской литературы / Ин-т рус. лит. АН СССР. — Л., 1949. — Т. 7. — С. 17–51; Лихачев Д. С. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского // Труды Отдела древнерусской литературы / Ин-т рус. лит. АН СССР. — Л., 1947. — Т. 5. — С. 36–56.
1018. *Пацуто В. Т.* [Рецензия] // Вопросы истории. — 1951. — № 7. — С. 117–121. — Рец. на кн.: Повесть временных лет. — М.; Л., 1950. — Ч. 1: Текст и перевод / подгот. текста, пер. Д. С. Лихачева, Б. А. Романова; Ч. 2: Приложения / ст. и коммент. Д. С. Лихачева.
1019. *Пацуто В. Т.* [Рецензия] // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1954. — Т. 13, вып. 2. — С. 189–192. — Рец. на ст.: Лихачев Д. С. Общественно-политические идеи «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы / Ин-т рус. лит. АН СССР. — Л., 1951. — Т. 8. — С. 17–30; Лихачев Д. С. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы / Ин-т рус. лит. АН СССР. — Л., 1951. — Т. 8. — С. 218–234.
1020. Первая награда — Дмитрию Лихачеву // Вечерний Петербург. — 1994. — 1 июня (№ 119). — С. 1.
1021. Первый кавалер: [Д. С. Лихачев награжден орденом Святого апостола Андрея Первозванного] // Невское время. — 1998. — 1 окт. (№ 179). — С. 2, [1] фото.
1022. Первый кавалер: [о награждении вновь возрожденным орденом Андрея Первозванного Д. С. Лихачева] // Новое время. — 1998. — № 40. — С. 46.: портр.
1023. Первый памятник академику: в день юбилея Дмитрия Лихачева откроется его бюст // Российская газета. — 2006. — 16 нояб. (№ 257). — С. 10.
1024. Переписка Ельцина с Лихачевым [заметка об ответе Президента РФ на письмо Д. С. Лихачева, в котором находился проект «Декларации прав культуры»] // Коммерсантъ-DAILY. — 1997. — 30 апр. (№ 63). — С. 13.
1025. *Перцов В.* Аксиомы и неизвестное // Новый мир. — 1971. — № 4. — С. 213–214. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. — 2-е изд. — М., 1970.

1026. Петербург прощается с Дмитрием Лихачевым // Смена. — 1999. — 2 окт. (№ 251). — С. 1, [1] фото.
1027. Петербург. 19 депутатов подписали заявление // Санкт-Петербургские ведомости. — 1992. — 17 марта (№ 64). — С. 1. — О неучастии в VI Чрезвычайном съезде народных депутатов СССР подписал заявление и Д. С. Лихачев.
1028. *Петрова О.* День начинается с Лихачева: Университет профсоюзов подарил стране первый памятник академику к его 100-летию // Известия. — 2006. — 5 дек. (№ 225). — С. 8.
1029. *Петровская О.* Утро: [публ. переписки Д. С. Лихачева с Н. Н. Асеевым] // Радуга. — 1970. — № 1. — С. 147–148.
1030. *Петрянов-Соколов И. В.* Разделяем тревогу!: [отклик на ст. Д. С. Лихачева «Рукописи Пушкина под угрозой»] // Советская культура. — 1986. — 21 янв.] // Советская культура. — 1986. — 25 янв. — С. 2.
1031. *Пехливанов И.* Держава духа // Болгария. — 1986. — № 5. — С. 6–7.
1032. *Пехливанов И.* Доброта // Русская беседа. — София, 1992. — № 2. — С. 30–31. — О книге Д. С. Лихачева «Письма о добром и прекрасном» на болгарском языке.
1033. *Пеитич С.* Яркое исследование о литературе Древней Руси: [к приращению Гос. премии СССР Д. С. Лихачеву за коллектив. науч. тр. «История культуры Древней Руси». Т. 2] // Ленинградский университет. — 1952. — 10 апр. — Портр. — (Тр. лауреатов Гос. премии СССР).
1034. *Пивоваров Б.* Нравственный завет академика Дмитрия Лихачева // Советская Сибирь. — 2006. — 8 дек. (№ 238).
1035. *Пигарев К.* Ценности прошлого на службу будущего // Вопросы литературы. — 1968. — № 7. — С. 204–209. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — Л., 1967.
1036. *Пижурина Н.* Живая нить Серебряного века // Учительская газета. — 1996. — 26 нояб. (№ 47). — С. 24.
1037. *Пижурина Н.* Последний луч Серебряного века // Учительская газета. — 2006. — 21 марта (№ 11). — С. 21.
1038. *Пиотровский Б. Б.* 80-летие академика Д. С. Лихачева / Б. Б. Пиотровский, Л. А. Дмитриев, В. Л. Янин, С. О. Шмидт // Вопросы истории. — 1986. — № 11. — С. 116–121.
1039. *Пития Б.* Вчера Россия простилась с Дмитрием Лихачевым // Независимая газета. — 1999. — 5 окт. (№ 185). — С. 2.
1040. *Пития Б.* [К выходу в свет книги Д. С. Лихачева «Поэзия садов»] // Правда. — 1983. — 6 апр.
1041. *Пития Б.* Рукописям три века // Правда. — 1983. — 17 янв.
1042. *Пития Б.* Сады и парки в творчестве поэта // Московские новости. — 1983. — 4 авг. — С. 11. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэзия садов. — Л., 1983.
1043. *Пития Б.* Ученый, писатель, гражданин: сегодня акад. Д. С. Лихачеву исполняется 80 лет // Ленинградский рабочий. — 1986. — 28 нояб. — С. 9.
1044. *Пирожков А.* «Д. Лихачев. Я вспоминаю...» // Смена. — 1988. — 3 нояб. (№ 253). — С. 4.: портр. — О фильме режиссера В. Виноградова с участием Д. С. Лихачева.
1045. *Пистунова А.* [Рецензия] // Новый мир. — 1986. — № 10. — С. 268. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. — М., 1985.
1046. *Пистунова А.* Благородное слово: [о кн. Д. С. Лихачева «Заметки о русском». М., 1981] // В мире книг. — 1984. — № 11. — С. 72–73.

1047. Письма академику Д. С. Лихачеву // Огонек. — 1986. — № 7. — С. 18–19.
1048. «Письма о добром и прекрасном» // Телевидение. Радио: Ленингр. программы передач. — 1987. — 29 июня — 5 июля. — С. 1.: портр.
1049. Письмо венгерских студентов-русистов академику Д. С. Лихачеву (от 14 ноября. 1985 г. Будапешт) // *Studia Russica* / Будапешт. ун-т им. Л. Этвеша, фак. гуманитар. наук, каф. рус. филологии. — Budapest, 1986. — IX: Спец. вып.: Культура. — P. 470–473.
1050. Письмо из 1980 года: с заметками «О русском» Д. С. Лихачева спорит историк культуры Леонид Михайлович Баткин // Независимая газета. — 1991. — 13 авг. (№ 95). — С. 5.: фото.
1051. *Платонова Н.* Ученый, художник, высочайшей марки гражданин / Н. Платонова, И. Тихонов // Ленинградский университет. — 1989. — 6 янв. (№ 1). — С. 5. — Опубликована телеграмма Д. С. Лихачева М. И. Артамонову с поздравлением по случаю его 90-летия.
1052. *Плахов А.* Неунывающий Левша: [Д. С. Лихачев — консультант фильма «Небывальщина»] // Литературная газета. — 1987. — 28 янв. — С. 8.
1053. Пленум Советского фонда культуры // Советская культура. — 1990. — 27 янв. (№ 4). — С. 1. — По предложению Д. С. Лихачева решено обратиться в Верховный Совет СССР: принять закон о культуре и вернуть прежние названия историческим городам.
1054. *Плеханов С.* Единый корень: [о ст. Д. С. Лихачева «Заметки о русском»] // Новый мир. — 1980. — № 3] // Октябрь. — 1980. — № 12. — С. 217–219.
1055. *Плотников В.* Валерий Плотников: «Время моих персонажей уходит»: [беседа с фотохудожником / вела Н. Шелюхаева] // Лилит. — 1998. — № 1. — С. 10–12, 16, 18, 20–22, 24, [1] цв. фото. — Из содерж.: Воспоминания о работе над фотопортретом Д. С. Лихачева. — С. 18.
1056. *Плутник А.* [Д. С. Лихачев — ученый — публицист] // Известия. — 1986. — 23 авг.
1057. *Плутник А. У.* Академик Д. Лихачев: «Патриотизм неотделим от любви к истине» // Плутник А. У. Что-то случилось... — М., 1988. — С. 172–184.
1058. По нему сверяли жизнь: [умер Дмитрий Сергеевич Лихачев] // Вечерний Петербург. — 1999. — 1 окт. (№ 179). — С. 1.
1059. По поводу статьи [Д. С. Лихачева] «Воспитать в себе гражданина мира» // Проблемы мира и социализма. — 1987. — № 10. — С. 95–96.
1060. *Победимов М.* У истоков русской литературы: о работах Д. С. Лихачева // Вечерний Ленинград. — 1953. — 19 нояб. — Портр. — (Портр. ученых).
1061. *Поздняев А.* Собиратели вечности: рядом с Дионисием // Работница. — 1987. — № 4. — С. 32.
1062. Поздравление от редакции журнала в связи с присуждением Д. С. Лихачеву Государственной премии СССР за книгу «Поэтика древнерусской литературы» // Новый мир. — 1969. — № 10. — С. 286.
1063. [Поздравление от редакции с 85-летием Д. С. Лихачева] // Псковская старина: Вестн. истории и культуры. — 1991. — № 2. — С. 4. — (Прилож. к газ. «Мифы и реальность»).
1064. Поздравляем! // Вечерний Петербург. — 1991. — 28 нояб. (№ 273). — С. 1. — Депутаты Санкт-Петербургского городского Совета народных депутатов поздравляют Д. С. Лихачева с 85-летием.

1065. Поздравляем!: [еженедельник «Литературная Россия» поздравляет Д. С. Лихачева с 80-летием] // Литературная Россия. — 1986. — 28 нояб. — С. 15.
1066. *Покровский Н. Н.* «Текстология» Д. С. Лихачева и проблемы издания документов XX века // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: материалы науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филолог. наук; отв. ред. А. П. Деревянко; сост. А. Е. Петров. — М., 2006. — С. 53–62.
1067. *Покровский Н. Н.* Археографическая деятельность Д. С. Лихачева / Н. Н. Покровский, С. О. Шмидт // Археографический ежегодник за 1976 год. — М., 1977. — С. 121–128.
1068. *Полевая П.* Золотое слово мира: о серии «Литературные памятники» // В мире книг. — 1974. — № 12. — С. 65–67.
1069. *Полушко В.* День Университета [Д. С. Лихачеву присвоено звание Почетного доктора СПбГУП и вручен диплом. Лекция Д. С. Лихачева «Петербург в истории русской культуры»] // Санкт-Петербургские ведомости. — 1993. — 19 мая (№ 111). — С. 1.
1070. *Полякова И.* В дар [Русскому] музею // Ленинградская правда. — 1986. — 22 окт.
1071. *Поляновский Э.* По ту сторону (Парижский дневник) // Известия. — 1989. — 4 марта (№ 63). — С. 6; 7 марта (№ 66). — С. 5. — Д. С. Лихачев о русской эмиграции и культурных ценностях.
1072. *Помарнацкий В. Ф.* Петербургский интеллигент: Дмитрий Сергеевич Лихачев // XX век. Люди и судьбы. — СПб., 2001. — С. 164–178.
1073. *Пономаренко В.* Зеленые школы нравственности // Нева. — 1984. — № 5. — С. 165–166. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. — Л., 1982.
1074. *Понырко Н. В.* Школа, которую создал Д. С. [Он сделал древнерусскую литературу достоянием современной культуры] // Новый меценат. — 2006. — № 9. — С. 90–91.
1075. *Понырко Н. В.* Лихачев и его секторяне // Литературная газета. — 2005. — 7–13 дек. (№ 51). — С. 7.: ил.
1076. *Понырко Н. В.* Хранитель культурного наследия: к 100-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева // Вестник РАН. — 2006. — Т. 76, № 11. — С. 1020–1026.
1077. *Попов А. И.* Повесть временных лет в новом издании Академии наук СССР (1950 г.) // Вестник ЛГУ. — 1951. — № 5. — С. 129–137. — Рец. на кн.: Повесть временных лет. — М.; Л., 1950. — Ч. 1–2.
1078. *Попов В.* Вечная красота // Новгородская правда. — 1965. — 19 сент. — Рец. на ст.: Лихачев Д. С. Новгородские письма. — 1965.
1079. *Попов Л.* «Екатерины» нашли своих новых обладателей: [академику Д. С. Лихачеву присуждена Царскосельская премия 1997 г. за многолетнее подвижническое служение российской культуре] // Коммерсантъ—DAILY. — 1997. — 21 окт. (№ 180). — С. 2.
1080. Последний путь: [об отпевании и похоронах Д. С. Лихачева] // Культура. — 1999. — 7–13 окт. (№ 36). — С. 1.
1081. *Потемкин В.* Академия без Д. С. Лихачева? // Советская культура. — 1990. — 20 янв. (№. 3). — С. 1.

1082. *Почечикин В.* Поэзия садов — поэзия истории // Литературная газета. — 1983. — 13 июля. — С. 15. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэзия садов. — Л., 1982.
1083. *Починюк О.* Солдатский долг академика Лихачева // Красная звезда. — 2006. — 28 нояб. (№ 219). — С. 4.
1084. *Правдомирова Д.* Дмитрий Лихачов в България: биобиблиография. — София: За буквите — О писменехъ, 2006. — 153 с., [8] л. ил.
1085. *Правдомирова Д.* Д. С. Лихачев и България // Библиография. — 2006. — № 6. — С. 89–95.
1086. Представление юбилейных Пушкинских медалей // Санкт-Петербургские ведомости. — 1994. — 2 июня (№ 103). — С. 1. — Юбилейные медали (золотая и серебряная) были вручены Д. С. Лихачеву в Пушкинском Доме.
1087. Прежде всего — ученый // Коммерсантъ—DAILY. — 1996. — 29 нояб. (№ 205). — С. 1, [1] фото.
1088. Премия Д. С. Лихачеву // Советская культура. — 1989. — 10 июня (№ 69). — С. 4.
1089. [Премия журнала «Огонек» за 1982 г. Д. С. Лихачеву] // Огонек. — 1983. — № 1. — С. 28–29.: портр.
1090. [Премия журнала «Огонек» за 1986 г. Д. С. Лихачеву] // Огонек. — 1987. — № 1. — С. 5.: портр.
1091. Премия им. В. Г. Беллинского — Д. С. Лихачеву // Вестник АН СССР. — 1986. — № 4. — С. 137–138.: портр.
1092. [Приветствие редакции журнала «Studia Russica» Д. С. Лихачеву в связи с его 80-летием] // Studia Russica. — Budapest, 1986. — IX: Спец. вып.: Культура. — Р. 431.
1093. [Приветствие редколлегии журнала «Советиш геймланд» Д. С. Лихачеву в связи с его 80-летием] // Сов. геймланд. — 1986. — № 12. — С. 158–159.: фот. — На идиш.
1094. *Пригожин Л. А.* Минувшее: воспоминания. — Л.: Сов. композитор, 1991. — 93 с. — О встрече с Д. С. Лихачевым. — С. 87–89.
1095. Принадлежит народу: [о Сов. фонде культуры под председательством Д. С. Лихачева] // Ригас балсс. — 1986. — 14 нояб.
1096. [Присвоение звания «Почетный гражданин Санкт-Петербурга» решением сессии городского Совета] // Санкт-Петербургские ведомости. — 1993. — 26 мая (№ 117). — С. 3.: портр.; То же: Известия. — 1993. — 26 мая. — С. 1.
1097. Проблемы изучения культурного наследия: [сб. ст., посвящ. 75-летию Д. С. Лихачева]. — М.: Наука, 1985. — 398 с.: портр.
1098. Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: материалы науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филолог. наук; отв. ред. А. П. Дервянко; сост. А. Е. Петров. — М.: УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2006. — 117 с.
1099. Программа года Лихачева // Книжное обозрение. — 2006. — 27 февр. — 5 марта (№ 8). — С. 3.
1100. *Прокофьев Ю.* Пожар... на экране // Литературная газета. — 1988. — 6 апр. (№ 14). — С. 1. — О фильме «Дым Отечества» с участием Д. С. Лихачева.
1101. *Прохоров Г. М.* Он смеялся очень заразительно: несколько штрихов к портрету академика Лихачева, которому сегодня исполнилось бы 100 лет /

беседу с гл. науч. сотрудником Отд. древнерус. лит. Ин-та рус. лит. (Пушкинский Дом) Гелианом Прохоровым записала Л. Безрукова // Труд. — 2006. — 28 нояб. (№ 220). — С. 1, 5.

1102. *Прохоров Г. М.* Памяти Дмитрия Сергеевича // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб., 2001. — Т. 52. — С. 3–5.

1103. *Прохоров Г. М.* Последняя ночь кабинета Лихачева (первая после похорон Панченко) // Санкт-Петербургский университет. — 2003. — № 22–23. — С. 21–24.

1104. *Прохоров Е.* Предмет, метод и объем текстологии как науки // Русская литература. — 1965. — № 3. — С. 147–155.

1105. *Проценко П.* [Рецензия] // Новый журнал = New rev. — Нью-Йорк, 2004. — Кн. 236. — С. 300–303. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы. — М., 2004.

1106. Прочитайте сами и порекомендуйте своим ученикам // Веч. сред. шк. — 1985. — № 6. — С. 64. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Земля родная. — М., 1983.

1107. Прошлое — настоящему и будущему: [к 80-летию со дня рождения Д. С. Лихачева] // Телевидение. Радио: Ленингр. программы передач. — 1986. — 22 нояб. — № 47. — С. 1.: портр.

1108. Прощание [с Д. С. Лихачевым] // Невское время. — 1999. — 5 окт. (№ 186). — С. 1, [1] фото.

1109. *Птицын М.* Всенародный праздник отмечали там, где любил бывать Лихачев: первый в стране памятник известному ученому открывали академики, студенты, учителя и дети // Метро. — 2006. — 1 дек. (№ 218). — С. 8.

1110. *Птицын М.* Дмитрий Лихачев был разным: на комбинате «Скульптура» завершена отливка памятника академику // Комсомольская правда. — 2006. — 16–23 нояб. (№ 177). — С. 24.

1111. *Путило Н. В.* Важнейший документ для регулирования отношений в области культуры: [о «Декларации прав культуры»] // Журнал российского права. — 2006. — № 12. — С. 147–148.

1112. *Путилов Б. Н.* [Рецензия] // Советская книга. — 1949. — № 9. — С. 101–109. — Рец. на ст.: Лихачев Д. С. Плач о реке Нарове 1665 г. // Труды Отдела древнерусской литературы / Ин-т рус. лит. АН СССР. — Л., 1948. — Т. 6. — С. 333–338; Лихачев Д. С. О русской летописи, находившейся в одном сборнике со «Словом о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы / Ин-т рус. лит. АН СССР. — Л., 1947. — Т. 5. — С. 139–141; Лихачев Д. С. Галицкая литературная традиция в житие Александра Невского // Труды Отдела древнерусской литературы / Ин-т рус. лит. АН СССР. — Л., 1947. — Т. 5. — С. 36–56.

1113. *Путренко Т.* Гордость Санкт-Петербурга: [к 90-летию ученого] // Литературная газета. — 1996. — 27 нояб. (№ 48). — С. 6, [1] фото.

1114. *Пушкарев Л. Н.* [Рецензия] // Вопросы истории. — 1977. — № 7. — С. 167–170. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. «Смеховой мир» Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. — Л., 1976.

1115. *Рааб Г.* К вопросу о предистоках реализма в русской литературе // Русская литература. — 1960. — № 3. — С. 38–41.

1116. *Рабин А.* «Заметки о русском» // Вперед. — 1982. — 4 февр. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Заметки о русском. — М., 1981.

1117. *Радутная О.* Ум, честь и совесть эпохи // Тюменская правда. — 2006. — 7 дек. (№ 229).
1118. *Райский И. Г.* Есть музыка над нами: музыка в жизни и творчестве Д. С. Лихачева // «Музыкальное приношение», концерт, посвященный 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева, 20 октября 1996 г. в Академ. капелле Санкт-Петербурга: [программа концерта]. — СПб.: [Фонд Лихачева], 2006. — С. 14–34.
1119. *Райский И. Г.* Не по замыслению Бояна! // Санкт-Петербургский музыкальный вестник. — 2006. — № 11 (нояб.). — С. 4–5; Культура. — 2006. — 2–15 нояб. (№ 43). — С. 5. — Лихачев и музыка, о концерте в Капелле Санкт-Петербурга, приуроченном к 100-летию ученого.
1120. *Ранчин А.* [Рецензия] // Новое литературное обозрение. — 1995. — № 15. — С. 372–374. — Рец. на кн.: Книжные центры Древней Руси, XVII в. Разные аспекты исследования: [сб. ст. / отв. ред. Д. С. Лихачев]. — СПб., 1992.
1121. *Распутин В.* Вся жизнь — страда: к 80-летию Дмитрия Сергеевича Лихачева // Советская культура. — 1986. — 27 нояб. — С. 6.: портр.
1122. Расширенное заседание бюро Отделения литературы и языка АН СССР, посвященное обсуждению печатных трудов Сектора древнерусской литературы Ин-та рус. литературы АН СССР // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1953. — Т. 12, вып. 4. — С. 391–396.
1123. *Резакова О.* Дмитрия Лихачева увековечат в бронзе: [о памятнике Д. С. Лихачева в СПбГУП] // Метро. — 2006. — 24 нояб. — С. 3.
1124. *Рейсер С.* Актуальные проблемы текстологии // Вопросы литературы. — 1964. — № 12. — С. 218–220. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Текстология: крат. очерк. — М.; Л., 1964.
1125. *Рейсер С.* Жизнь древних рукописей // Звезда. — 1985. — № 8. — С. 196–198. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. — Л., 1983.
1126. *Рейсер С.* Между Сциллой и Харибдой: [отклик на ст. Д. С. Лихачева «Популяризация или исследование?». 1974] // Литературная газета. — 1975. — 2 апр. (№ 14). — С. 6.
1127. Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Земля родная. — М., 1983 // Жовтень. — 1984. — № 10. — С. 122–123.
1128. Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. 1984 // Лит. учеба. — 1985. — № 2. — С. 238–239.
1129. Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Текстология: На матеріалі російської літератури X–XVII ст. — Л., 1983 // Жовтень. — 1984. — № 10. — С. 120.
1130. *Ригин А.* Имени Дмитрия Лихачева [об учреждении координац. Советом творч. союзов Санкт-Петербурга медали за выдающ. достижения в обл. культуры, искусства, науки им. Д. С. Лихачева] // Санкт-Петербургские ведомости. — 2002. — 2 марта (№ 41). — С. 5.
1131. Рисунки Д. С. Лихачева: ученый и художник // Наука в России. — 2000. — № 2. — С. 55–63.
1132. *Робинсон А. Н.* [Рецензия] // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1951. — Т. 10, вып. 4. — С. 403–406. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве: ист.-лит. очерк. — М.; Л., 1950.
1133. *Робинсон А. Н.* [Рецензия] // Советская книга. — 1951. — № 7. — С. 105–108. — Рец. на кн.: Слово о полку Игореве: сб. исслед. и ст. — М.; Л., 1950.

1134. *Робинсон А. Н.* Борьба идей в русской литературе XVII в. — М.: Наука, 1974. — С. 8–10, 18, 80, 96, 98, 126, 137, 160, 247, 365, 383.
1135. *Робинсон А. Н.* К 70-летию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1976. — Т. 35, вып. 5. — С. 479–480.
1136. *Робинсон А. Н.* Лихачев Дмитрий Сергеевич // БСЭ. — 3-е изд. — 1973. — Т. 14. — С. 569.
1137. *Робинсон А. Н.* Лихачев Дмитрий Сергеевич // Крат. лит. энцикл. — 1967. — Т. 4. — С. 397–398.
1138. *Робинсон А. Н.* Место и значение древнерусской литературы в литературном процессе средневековья: (к постановке проблемы) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1968. — Т. 27, вып. 4. — С. 301–303.
1139. *Робинсон А. Н.* Проблема перевода «Слова о полку Игореве»: к итогам совещ. при Ин-те русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР // Вестник АН СССР. — 1951. — № 12. — С. 76–87.
1140. *Робинсон А. Н.* Проблема характера в древнерусской литературе / А. Н. Робинсон, Я. Е. Эльсберг // Вопросы литературы. — 1959. — № 9. — С. 225–230. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. — М.; Л., 1958.
1141. *Робинсон А. Н.* Текстология кат. самостоятелна наука // Език и лит. — 1963. — Кн. 5. — С. 111–113. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. — М.; Л., 1962.
1142. *Робинсон М. А.* Труды Д. С. Лихачева о древнерусской литературе // Информ. бюл. Междунар. ассоциации по изуч. и распр. слав. культур. — 1987. — Вып. 17. — С. 44–48.
1143. *Рождественская М. В.* Поэтика древнерусской литературы в трудах Д. С. Лихачева // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб., 2003. — Т. 54. — С. 8–15.
1144. *Рождественская М. В.* Праздник, который с нами // Русская литература. — 1997. — № 1. — С. 274–278. — (К 90-летию со дня рождения Д. С. Лихачева).
1145. *Рожкова Н.* Слово, обращенное к нам // Библиотека. — 2006. — № 11. — С. 78–79.
1146. *Романов Б. А.* [Рецензия] // Вестник ЛГУ. — 1948. — № 6. — С. 136–139. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.; Л., 1947.
1147. *Романов К.* Дмитрий Сергеевич Лихачев и феномен духовности / К. Романов, Н. Леванькова // Alma mater. — 2006. — № 10. — С. 7–12.
1148. *Романова С. А.* «Письма о добром» Д. С. Лихачева: излож. 8-м кл. // Рус. яз. — 2000. — № 15 (апр.). — С. 14–15.
1149. *Романовская Л.* Отпустите книги на свободу: в Петербурге прошел I Международный книжный салон // Культура. — 2006. — 30 нояб. — 6 дек. (№ 47). — С. 4. — Книжный салон посвящен 100-летию Д. С. Лихачева.
1150. *Романовский С.* Акценты // Сел. молодежь. — 1986. — № 7. — С. 28. — (Если бы вы записались в прениях на съезде писателей, о чем бы вы рассказали прежде всего?)
1151. *Ромодановская Е. К.* О Дмитрие Сергеевиче Лихачеве: воспоминания разных лет // Археографический ежегодник за 1999 год. — М., 2000. — С. 405–406.

1152. *Рост Ю.* Гражданин русской культуры: Д. С. Лихачеву 80 лет // Комсомольская правда. — 1986. — 28 нояб. — Портр.
1153. *Рост Ю.* Фильм о «Слове...»: [о телефильме «По былинам сего времени...» с участием Д. С. Лихачева] // Литературная газета. — 1986. — 28 мая. — С. 8.
1154. *Ростовцев Ю.* [О Д. С. Лихачеве и его творчестве] // Студенческий меридиан. — 1981. — № 11. — С. 31.
1155. *Ростовцев Ю.* Быть прекрасным и добрым: [к 80-летию со дня рождения Д. С. Лихачева] // Студенческий меридиан. — 1986. — № 11. — С. 24–26.
1156. *Ростовцев Ю.* Дмитрий Лихачев: Друзья создаются в юности // Студенческий меридиан. — 2006. — № 3. — С. 46–49.
1157. *Ростовцева И.* Обретения медленного чтения // Литературная газета. — 1981. — 30 сент. — С. 5. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. — Л., 1981.
1158. Роща на Дворцовой в память о великом академике [об акции на Дворцовой площади в канун Дня защиты детей, приурочена была к 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева] // Невское время. — 2006. — 15 нояб. (спец. вып.). — С. 5.
1159. *Рубашкин А.* Век Лихачева // Нева. — 2002. — № 9. — С. 204–207. — Рец. на кн.: Дмитрий Лихачев и его эпоха: воспоминания, эссе, документы, фотографии / сост. и ред. Е. Водолазкин. — СПб.: Logos, 2002. — 424 с.
1160. *Рубашкин А.* Д. С. Лихачев — друг Болгарии // Нева. — 2006. — № 11. — С. 246–247.
1161. *Рубашкин А.* «Я не настоящий академик — нет спеси»: [заметки-воспоминания о Д. С. Лихачеве] // Литературная газета. — 2000. — 27 сент. — 3 окт. (№ 39). — С. 10.
1162. *Рубашкин А.* Век Лихачева: к выходу книги воспоминаний // Нева. — СПб. — 2002. — № 9. — С. 204–207.
1163. *Рубашкин А.* Великий гражданин. К юбилею Д. С. Лихачева // Нева. — 1996. — № 11. — С. 177–179.
1164. *Рубашкин А.* Многая лета... Последнее лето: о Д. С. Лихачеве. Воспоминания. Записи. Документы // Нева. — 2000. — № 10. — С. 182–194.
1165. *Рубашкин А.* Простите нас, Дмитрий Сергеевич!: [крит. заметка на ст. Золотоносова М. «Отцветающая символика» // Дело. — 2001. — 19 февр.] // Литературная газета. — 2001. — 14–20 марта (№ 11). — С. 9, [1] фото.
1166. *Рубашкин А.* Спросить с себя // Литературная газета. — 1991. — 3 июля (№ 26). — С. 10. — Д. С. Лихачев о покаянии всех за «застойные времена» в «застойные времена».
1167. Рукописи Пушкина: [отклики на ст. Д. С. Лихачева «Рукописи Пушкина под угрозой»] // Советская культура. — 1986. — 13 мая. — С. 6.
1168. Русская литература и два взгляда на историю России: Лев Гумилев и Дмитрий Лихачев // Новая Россия = New Russia. — 2000. — № 5. — С. 62–64.
1169. Русское подвижничество: [сб. ст., посвящ. 90-летию со дня рождения Д. С. Лихачева] / РАН, Науч. совет по истории мировой культуры; сост. Т. Б. Князевская; отв. ред. Б. В. Раушенбах. — М.: Наука, 1996. — 572 с.
1170. *Рыбаков В.* Свидетель: со стороны правды // Семья и школа. — 1997. — № 2. — С. 47–48. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Воспоминания. — СПб.: Logos, 1995. — 517 с.

1171. *Рыжова Т.* «Красно глаголай — лжу глаголешь» // Горьковский рабочий. — 1989. — 27 марта (№ 72). — С. 3; 28 марта (№ 73). — С. 3; 29 марта (№ 74). — С. 3. — Д. С. Лихачев о А. М. Горьком в фильме «Власть соловецкая» М. Голдовской.

1172. *Рябинина О.* Академик Лихачев любил гулять с тростью: в Петербурге открылась выставка личных вещей знаменитого ученого // Смена. — 2006. — 29 нояб. (№ 221). — С. 1, 2.

1173. *Рябчиков В.* Подарки для Сахалина // Правда. — 1989. — 7 апр. (№ 97). — С. 8. — Поздравление Д. С. Лихачева сахалинцев с открытием Художественного музея.

1174. С Лихачевым минула эпоха // Петербург-классика. — 1999. — № 10 (нояб.) — С. 1–2.

1175. *Сазонова Л. И.* Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева (1906–1999) / Л. И. Сазонова, М. А. Робинсон // Славяноведение. — 2000. — № 2. — С. 117–122.: портр.

1176. *Сазонова Л. И.* Принципы советской текстологии: [к выходу кн. акад. Д. С. Лихачева «Текстология»] // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1985. — Т. 44, вып. 2. — С. 172–181.

1177. *Сазонова Л. И.* Теоретические труды Д. С. Лихачева по истории культуры // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: материалы науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филолог. наук; отв. ред. А. П. Деревянко; сост. А. Е. Петров. — М., 2006. — С. 63–72.

1178. *Салмина М. А.* Библиография работ Д. С. Лихачева по «Слову о полку Игореве» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. — Л., 1978. — С. 343–350. — 2-е изд., доп. — Л., 1985. — С. 337–346.

1179. *Салмина М. А.* Литература о жизни и трудах академика Дмитрия Сергеевича Лихачева за 1977–1987 гг. // Исследования по древней и новой литературе. — Л., 1987. — С. 417–448.

1180. *Салмина М. А.* Список монографий Д. С. Лихачева по древнерусской литературе // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. — Л., 1986. — С. 401–402.

1181. *Салмина М. А.* Список печатных трудов академика Д. С. Лихачева за 1977–1981 гг. // Археографический ежегодник за 1981 год. — М., 1982. — С. 326–332.

1182. *Салмина М. А.* Список печатных трудов академика Дмитрия Сергеевича Лихачева за 1966–1975 гг. // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. — М., 1976. — С. 432–453.

1183. *Салмина М. А.* Список печатных трудов академика Дмитрия Сергеевича Лихачева за 1977–1987 гг. // Исследования по древней и новой литературе. — Л., 1987. — С. 365–416.

1184. *Сальников Ю. Ф.* О взглядах И. Пересветова // Вопросы истории. — 1957. — № 1. — С. 121–124. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Иван Пересветов и его литературная современность. — 1956.

1185. *Самойлис С.* «Тетради Пушкина» издадут в Великобритании // Санкт-Петербургские ведомости. — 1994. — 19 мая (№ 93). — С. 1. — Встреча Д. С. Лихачева с принцем Уэльским в Пушкинском Доме.

1186. *Самойлис С.* Судьба рукописи // Ленинградская правда. — 1989. — 9 апр. (№ 84). — С. 2. — О роли Д. С. Лихачева в возвращении рукописи «Отцов и детей» И. С. Тургенева в СССР.
1187. *Самойлов А.* Не надо бояться жить, или Неожиданный Лихачев // Московские новости. — 2006. — 24 нояб. (№ 45). — С. 36.
1188. *Санкин Л. А.* Академик и Университет // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 1 сент. (№ 162). — С. 7.
1189. *Санкин Л. А.* Дмитрий Лихачев — имя университетское // Высшее образование в России. — 2006. — № 10. — С. 100–107.: ил.
1190. *Сапелкина Т.* По былинам сего времени... «Слово о полку Игореве» — жизнь в столетиях и в сегодняшнем дне: [о телефильме с участием Д. С. Лихачева] // Советская культура. — 1986. — 9 мая. — С. 5.: фото.
1191. *Сарабьянов Д. В.* Д. С. Лихачев и искусствознание // Археографический ежегодник за 1999 год. — М., 2000. — С. 398–401.
1192. *Сафьянова Н.* «Вспоминаю чудную поездку»: [100 лет со дня рождения Д. С. Лихачева] // Наше наследие. — 2006. — № 79–80. — С. 104–105.: ил., фото.
1193. *Сахаров А. М.* Советская литература по проблемам истории русского феодализма в 1962 г. // История СССР. — 1963. — № 4. — С. 146–147. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Текстология. — М.; Л., 1962.
1194. Сбережь в веках: (памятники города Пушкина — национальное достояние: [отклики на ст. Д. С. Лихачева «Среди святых воспоминаний...». 1969]) // Ленинградская правда. — 1969. — 16 нояб.
1195. Светлое имя академика Д. С. Лихачева // Русская мысль. — 1999. — 7–13 окт. (№ 4287). — С. 15.
1196. *Свиридов А.* Именем великого академика // Санкт-Петербургский курьер. — 2006. — № 8. — С. 9.
1197. *Свистунова Т.* Наследие Лихачева сквозь призму современности // Знание и общество. — 2006. — № 2 (17), июнь. — С. 16–18.: фото.
1198. *Севданова Н.* Движение от изворите към бъдещето // Отеч. фронт. — 1985. — 18 апр. — Ил. — (1100 г. от смъртта на славянския просветител Мефодий).
1199. *Севданова Н.* Родена с традиции, роди традиции // Отеч. фронт. — 1981. — 28 юли (№ 11150).
1200. *Сёги О. В.* [Рецензия] // Dissert. slavicae. — 1977. — № 12. — P. 259–262. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Великое наследие. — М., 1975.
1201. Сегодня Дмитрию Сергеевичу Лихачеву исполняется 85 лет. Поздравляем от всей души! // Рабочая трибуна. — 1991. — 28 нояб. (№ 230). — С. 6.
1202. *Селиванов И.* Кабинет современного ученого — окружающая действительность // Сельская жизнь. — 2006. — 28 нояб. — С. 3.
1203. *Селиванова Н.* Пророчества Лихачева сбываются: великий ученый мечтал, чтобы Петербург стал европейским городом, и это случилось // Смелна. — 2006. — 30 нояб. (222). — С. 3. — О торжественном заседании в Белом зале Мраморного дворца, посвященном столетию Д. С. Лихачева.
1204. *Селиванова С.* Академик Лихачев // Литературная газета. — 1986. — 26 нояб. — С. 5.: портр.
1205. *Сельменгин Б.* Символ эпохи: первый раз день рождения Д. С. Лихачева отмечался без него // Литературная газета. — 1999. — 1–7 дек. (№ 48). — С. 9.

1206. *Семенов А.* [Рецензия] // Новгородская правда. — 1961. — 22 июля. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура русского народа X–XVII вв. — М.; Л., 1961.
1207. *Семенов А.* Книга о Новгороде // Новгородская правда. — 1960. — 14 февр. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Новгород Великий. — М., 1959.
1208. *Семенов В.* Память о великом земляке // Вечерний Петербург. — 2006. — 30 нояб. (№ 221). — С. 7. — О торжественном заседании в Белом зале Мраморного дворца, посвященном столетию Д. С. Лихачева.
1209. *Семенов И.* Литературные памятники: [о награждении Д. С. Лихачева Почетной грамотой Центрального правления ВОК] // Книжное обозрение. — 1982. — 12 марта. — С. 14.
1210. *Семячко С. А.* Вторые Лихачевские чтения: междунар. науч. конф. «Историческое повествование в Древней Руси» [Санкт-Петербург, ноябрь 2003 г.] / С. А. Семячко, В. А. Ромодановская // Русская литература. — 2004. — № 2. — С. 267–277.
1211. *Сенин В.* Горькое бесчувствие // Ленинградская правда. — 1989. — 23 февр. (№ 45). — С. 3. — Об отношении к Д. С. Лихачеву ленинградских властей в 70-е гг.
1212. *Серапишева Ж. К.* Выдающийся теоретик библиографии // Сов. библиография. — 1984. — № 3. — С. 70–72. — Рец. на кн.: Павел Наумович Берков (1896–1969) / вступ. ст. Д. С. Лихачева, библиогр. сост. Р. И. Кузьменко, Н. Д. Кочетковой. — М., 1982.
1213. *Сергеев А.* По программе Д. С. Лихачева // Вечерний Петербург. — 1991. — 21 сент. (№ 218). — С. 2.
1214. *Сергеев А.* Премии академикам // Вечерний Петербург. — 1991. — 4 нояб. (№ 254). — С. 1. — Вручение премии им. акад. А. П. Карпинского фонда «ФФС» (Гамбург, ФРГ) Д. С. Лихачеву и Ю. А. Осипьяну.
1215. *Сергеев В.* Живая переключка эпох // Учительская газета. — 1967. — 8 июня. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — Л., 1967.
1216. *Сердобольский О.* Возродим культуру Ленинграда! // Ленинградская правда. — 1989. — 3 нояб. (№ 252). — С. 3. — О выступлении Д. С. Лихачева на пленуме творческих союзов Ленинграда 1 ноября.
1217. *Сердобольский О.* Все круги жизни // Социалистическая индустрия. — 1988. — 14 дек. (№ 286). — С. 4. — Д. С. Лихачев в фильме В. Виноградова «Д. Лихачев. Я вспоминаю...».
1218. *Сердобольский О.* Первый Почетный гражданин // Санкт-Петербургские ведомости. — 1993. — 27 мая (№ 118). — С. 2. — О присвоении 25 мая сессией городского Совета звания Почетного гражданина Санкт-Петербурга Д. С. Лихачеву.
1219. *Сердобольский О.* Реликвии возвратились на Родину // Ленинградская правда. — 1989. — 10 сент. (№ 209). — С. 3. — Авторская рукопись романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» в торжественной обстановке была передана Институту русской литературы АН СССР председателем правления Советского фонда культуры Д. С. Лихачевым.
1220. *Серман И. З.* Природа смеха по Лихачеву // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб., 2003. — Т. 54. — С. 16–22.

1221. *Серман И. З.* Образ человека в литературе Древней Руси // Новый мир. — 1959. — № 8. — С. 254–257. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. — М.; Л., 1958.
1222. *Сибирцева П.* Все в сад!: [фотовыставка в Музее городской скульптуры, посвященная 100-летию Д. С. Лихачева] // Известия. — 2006. — 10 нояб. (№ 210). — С. 13.
1223. *Сигитов С.* Памяти Люциана Пригожина // Невское время. — 1994. — 24 февр. (№ 6). — С. 5. — О встрече композитора с Д. С. Лихачевым, о его двух ораториях — «Слово о полку Игореве» и «Повесть о Горе-злочастии».
1224. *Сидоренко А.* Наследие Лихачева в режиме он-лайн // Трибуна. — 2006. — 3 нояб. (№ 43). — С. 3.
1225. *Сидоркин В.* Символ русской интеллигенции // Курьер Карелии. — 2006. — 8 дек. (№ 201).
1226. *Сидорова Д.* Долги наши... // Вечерний Ленинград. — 1989. — 20 февр. (№ 43). — С. 1. — О программе в области культуры кандидата в народные депутаты СССР Д. С. Лихачева.
1227. *Силачева И.* Культ против культуры / И. Силачева, В. Свиридова // Деловой Петербург. — 2006. — 30 нояб. (№ 224). — С. 22.: фото. — На фотографии представлены памятники, установленные к юбилею ученого в СПбГУ и СПбГУП.
1228. *Симанович Г. И.* И все же, все же... // Советская культура. — 1989. — 6 июня (№ 67). — С. 4., портр. — О кинофильме «Власть соловецкая» с участием Д. С. Лихачева.
1229. Символ национальной духовности: [к 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева] // Знаменательные даты 2006: универс. энцикл. календарь / гл. ред. С. Самсонов. — М., 2005. — С. 488; Библиотека. — 2006. — № 7. — С. 38.
1230. *Симонов А.* Ученого увековечили в бронзе // Учительская газета. — 2006. — 5 дек. (№ 49). — С. 3.
1231. *Сирадзе Р.* Аристократ мысли: [научное наследие Д. С. Лихачева и вопросы истории древнегрузинской литературы] // Литературная Грузия. — Тбилиси, 2003. — № 1/3. — С. 173–180.
1232. *Скворцов А. К.* История и эстетика русских садов // Природа. — 1985. — № 2. — С. 119–122. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. — Л., 1982.
1233. *Скосырев В.* Под башнями старых колледжей: [Симмонс Д. о Д. С. Лихачеве] // Известия. — 1984. — 5 февр. — Моск. веч. вып.
1234. *Скрытник А.* Соловецкий камень // Интеллектуальная собственность. — 1996. — № 7–8. — С. 29–34.
1235. *Славов И.* Писмото като жанр: [о кн. Д. С. Лихачева «Письма за доброту и прекрасноту». София, 1986] // Антени. — 1987. — 7 окт. (№ 40). — С. 6.
1236. Служение Отечеству // Телевидение. Радио: Ленингр. программы передач. — 1989. — 9 дек. (№ 50). — С. 1.: портр. — Излагается краткая биография Д. С. Лихачева и сообщается о дне передачи по радио очерка Д. А. Гранина «Служение Отечеству», рассказывающего о Д. С. Лихачеве.
1237. *Слуцкий Б.* Болгарский орден академика Лихачева // Вечерний Петербург. — 1995. — 27 сент. (№ 179). — С. 1.

1238. Сменовцы. Дмитрию Сергеевичу Лихачеву — 85 // Смена. — 1991. — 29 нояб. (№ 276). — С. 1.

1239. *Смирнов А. П.* Новый труд по истории культуры Древней Руси // Вестник АН СССР. — 1951. — № 11. — С. 99. — Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. — М.; Л., 1951.

1240. *Смирнов И. П.* Ненадежный Рай: об учителе // Место печати. — 1997. — № 9. — С. 204–215.

1241. *Смирнов И. П.* Свидетельства и догадки. — СПб., 1999. — 127 с. — (Urbi: Лит. альм.; Вып. 22). — (Новые записные книжки; Вып. 3) — Из содерж.: Ненадежный рай: об учителе [о Д. С. Лихачеве].

1242. *Смирнов К.* Пропишут ли Рерихов в усадьбу Лопухиных? // Известия. — 1994. — 29 марта (№ 58). — С. 7. — Приводится отрывок из письма Д. С. Лихачева Б. Н. Ельцину о сохранении особняка Лопухиных для музея Н. К. Рериха.

1243. *Смирнов Л.* И академик, и герой // Наше наследие. — 1996. — № 38. — С. 32.

1244. *Смирнов Н.* Благодарный поклон: (к 60-летию рождения Д. С. Лихачева, 1906–1966) // Рус. новости. — 1967. — 8 дек.

1245. *Смирнов Н.* Лишь слову жизнь дана // Мол. гвардия. — 1976. — № 7. — С. 314–320. — Рец. на кн.: Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. — М., 1975.

1246. *Смирнов Н.* Русская красота // Рус. новости. — 1968. — 9 авг. — Рец. на кн.: Культура Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева. — 1967.

1247. *Смирнов Н.* Слово о полку Игореве // В мире книг. — 1968. — № 1. — С. 38–39. — Рец. на кн.: Слово о полку Игореве. — Л., 1967.

1248. *Смирнов Ю.* Остров в Ладоге стоит // Ленинградская правда. — 1990. — 26 июля (№ 172). — С. 1, 3. — Д. С. Лихачев от имени Советского фонда культуры обратился к Президенту СССР М. С. Горбачеву с ходатайством о передаче монастырского комплекса и всей территории Валаама — церкви.

1249. *Снеговая И.* Ленинградский святой // Аргументы недели. — 2006. — 30 нояб. (№ 30).

1250. *Соболева И.* Дело жизни: [к 80-летию со дня рождения Д. С. Лихачева] // Ленинградская правда. — 1986. — 28 нояб. — С. 3.: портр.

1251. *Собчак А. А.* Прорыв: интервью без единого вопроса / А. Головкин, А. Чернов // Московские новости. — 1991. — 1 сент. (№ 35). — С. 10. — О выступлении Д. С. Лихачева на Дворцовой площади 20 августа в Ленинграде во время событий 1991 г.

1252. *Собчак А. А.* «Я не политик, я прежде всего профессор» // Аргументы и факты. — 1995. — № 37 (сент.). — С. 1. — О Д. С. Лихачеве и его книгах.

1253. Советуем прочесть: Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. 1984 // Лит. учеба. — 1985. — № 2. — С. 238–239.

1254. Создать народный фонд 200-летия А. С. Пушкина предлагает академик Дмитрий Лихачев // Известия. — 1993. — 13 авг. (№ 152). — С. 7.

1255. *Соколова Л. В.* Почему Д. С. Лихачев не сомневался в подлинности «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб., 2003. — Т. 54. — С. 23–26.

1256. *Соколова Л. В.* Чтения по истории и культуре Древней Руси // Русская литература. — 1991. — № 1. — С. 224–226. — Доклад Д. С. Лихачева «К вопросу о жанре “Слова о полку Игореве”», прочитанный 4 сентября 1990 г. в Ярославле.

1257. *Соколова Л.* На почве древности: спор о подлинности «Слова о полку Игореве» снова вышел за рамки научной дискуссии // Поиск. — 2006. — 1 дек. (№ 48). — С. 7–8. — О книге А. Зимина «Слово о полку Игореве», вышедшей в 2006 г. через 43 года после ее написания.

1258. *Соколова Л. В.* Дар ученого // Русская литература. — 1994. — № 2. — С. 281–282. — Д. С. Лихачев передал в библиотеку Отдела древнерус. лит. Пушкинского Дома свое собрание книг и статей по «Слову о полку Игореве».

1259. *Солженицын А.* [Письмо Д. Лихачеву в связи с 90-летием ученого] // Литературная газета. — 1996. — 27 нояб. (№ 48). — С. 5.

1260. *Соловей П.* И академик, и герой. И наше национальное достояние // Вечерний Петербург. — 1996. — 27 нояб. (№ 226). — С. 1.

1261. *Соломонов Ю.* Ах, эти девушки в Бостоне... Журналистское послесловие к некоторым эпизодам официального государственного визита [в Америку] // Советская культура. — 1990. — 9 июня (№ 23). — С. 9. — Д. С. Лихачев в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне на открытии выставки древнерус. рукописей.

1262. [Сообщение о присуждении Д. С. Лихачеву Большой золотой медали Российской Академии наук им. М. В. Ломоносова в 1993 г. за выдающиеся достижения в области гуманитарных наук] // Санкт-Петербургские ведомости. — 1993. — 1 дек. (№ 256). — С. 3.

1263. *Сорокин Е.* Лично Вам...: заметки, сделанные в ходе сессии Верховного Совета СССР // Советская Россия. — 1989. — 10 дек. (№ 283). — С. 4. — О выступлении Д. С. Лихачева по вопросу культуры.

1264. *Соснов А.* Кто ответит за гибель культуры? // Невское время. — 1995. — 6 окт. (№ 186). — С. 2. — На конференции в Петербурге «Наука, культура, образование на рубеже XXI века» Д. С. Лихачев представляет «Декларацию прав культуры».

1265. *Соснов А.* От мира сего: Дмитрию Сергеевичу — 90 // Огонек. — 1996. — № 48 (нояб.). — С. 34–35, [3] фото.

1266. *Сотникова М.* Д. С. Лихачев в Хутыньском монастыре (1952 год) // София. — Великий Новгород, 2002. — № 4. — С. 15–17.

1267. *Сперанская Н. М.* Первая Международная Пушкинская конференция «Пушкин и мировая культура» // Русская литература. — 1991. — № 4. — С. 235–241. — Приведен текст приветственной телеграммы председателя президиума Советского фонда культуры Д. С. Лихачева.

1268. Список открывают петербуржцы [о присуждении академику Д. С. Лихачеву премии Президента РФ в области литературы и искусства за 1997 г.] // Вечерний Петербург. — 1997. — 18 дек. (№ 237). — С. 1.

1269. Спор о подлинности «Слова о полку Игореве»: история одной неосуществленной публикации: (по письмам из архивов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева) / публ. подгот. Л. В. Соколова // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб., 2004. — Т. 56. — С. 385–422.

1270. Среца с академик Дмитрий Лихачов [на Българо-съветския пресклуб при СБЖ] // Поглед. — 1978. — 9 окт. — № 41. — С. 2.

1271. Среца с виден съветски учен [в Съюза на българските журналисти] // Веч. новини. — 1978. — 2 окт.
1272. *Ставрогина А.* Читающий Петербург // Московский комсомолец в Питере. — 2006. — 29 нояб. — 6 дек. (№ 48). — С. 16.
1273. *Сталева Т. В.* Пусть узнают живущие...: художественно-документальные очерки. — М.: Изд-во МПИ, 1991. — 176 с. — на с. 15–22 в очерке «Для окопного чтения» рассказывается о пережитой Лихачевыми блокаде Ленинграда 1941–1942 гг. и написанной Д. С. Лихачевым брошюре «Оборона древнерусских городов» (совместно с М. А. Тихановой).
1274. *Сталева Т.* Для окопного чтения...: [о кн.: Тиханова М. Оборона древнерусских городов / М. Тиханова, Д. Лихачев. — Л., 1942] // В мире книг. — 1982. — № 12. — С. 70–72.
1275. *Сталева Т.* Особое задание: [о написании Д. С. Лихачевым и М. А. Тихановой кн. «Оборона древнерусских городов». 1942] // Советская Россия. — 1984. — 15 янв.
1276. *Станчев К.* [Рецензия] // Старобълг. лит. — 1978. — Кн. 4. — С. 123–125. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Великое наследие. — М., 1975.
1277. Стара българска литература: в 7 т. — София: Бълг. писател, 1986. — Т. 4: Житиеписни творбы. — 687 с. — Посвящается Д. С. Лихачеву.
1278. «Стара Планина» — академику Дмитрию Лихачеву // Невское время. — 1996. — 27 нояб. — С. 2.
1279. *Старобинская Н.* Лихачевская высота // Весть. — Калуга, 2006. — 8 дек. (№ 397–400).
1280. Старобългарска литература. Кн. 20. Посвещава се на акад. Д. С. Лихачов във връзка с неговата 80-годишнина. — София, 1987. — 280 с.
1281. *Степанова И.* Век закончился // Смена. — 1999. — 1 окт. (№ 250). — С. 1, [1] фото. — Фрагменты последнего интервью ученого корр. газ. «Смена»
1282. *Степнов В.* Разное о главном: [Изложение разговора участников беседы (В. Захаров, В. Семенов, М. Салес, Б. Шоу, Д. Лихачев)] // Театральная жизнь. — 1989. — № 7. — С. 19–21. — Д. С. Лихачев об идеале и действительности в культуре Древней Руси, о взгляде Феодосия Печерского на произведения искусства.
1283. *Столяров Б.* К 85-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева // Миниатюра: Газета коллекционеров. — 1991. — Вып. 6. — С. 2. — Эскиз медали Г. Постникова «Д. С. Лихачеву 85 лет».
1284. *Тайманова И. Е.* Атланты, хранящие образ города // История Петербурга. — 2002. — № 2. — С. 31–33.
1285. *Тайманова И. Е.* Лихачев, незаменимый... / [записала Е. Прудникова] // Очень^{UM}. — 2006/2007. — № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. — С. 76–83.
1286. *Талиашвили Г.* Исследования, раздвигающие горизонт / Г. Талиашвили, П. Котетишвили // Лит. Грузия. — 1977. — № 2. — С. 95–96.
1287. *Талина Е.* По былинам сего времени... // 7 дней: программы телевидения и радио. — 1986. — 14 мая. — С. 4. — (Ленингр. вып. еженед. «Говорит и показывает Москва». — 19–25 мая. — № 21).
1288. *Тарасова Л. И.* Санкт-Петербург и славяноведение // Петербургские чтения — 97: материалы: энцикл. б-ка «Санкт-Петербург — 2003» / Ассоц. исследователей Санкт-Петербурга. — СПб., 1997. — С. 356–360.

1289. *Тартышный В.* Еще раз о поэте [Юрии Казарновском]. Академик Д. С. Лихачев в ответ на публикацию в «Комсомольце» // Комсомолец. — 1989. — 15 марта (№ 50). — С. 1–2. — Приведен текст письма Д. С. Лихачева автору статьи.
1290. *Творогов Л.* О разнице между крышей и полом // Комсомольская правда. — 1951. — 2 марта. — Рец. на кн.: Слово о полку Игореве. — М.; Л., 1950.
1291. *Творогов О. В.* Вступительное слово (произнесенное на Первых Лихачевских чтениях, посвященных памяти Д. С. Лихачева) // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб., 2003. — Т. 54. — С. 3–7.
1292. *Творогов О. В.* Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999): [некролог] // Известия РАН. Сер. лит. и яз. — 1999. — Т. 58, № 5/6. — С. 73–75.: портр.
1293. *Творогов О. В.* Д. С. Лихачев и отечественная медиэвистика // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб., 1997. — Т. 50. — С. 7–16.
1294. *Творогов О. В.* Предисловие // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. — Л., 1986. — С. 3–6.
1295. *Творогов О.* Ученый, патриот: [к 80-летию со дня рождения Д. С. Лихачева] // Труд. — 1986. — 28 нояб.
1296. Телевизионное знакомство // 7 дней: программы телевидения и радио. — 1990. — 29 авг. — С. 3.: портр. — (Ленингр. вып. еженед. «Говорит и показывает Москва». — 3–9 сент. — № 36). — Беседа Д. С. Лихачева с эстон. журналистом У. Оттом.
1297. *Тетени М.* [Рецензия] // *Studia slav.* — 1977. — Vol. 23, № 1–2. — P. 211–216. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. «Смеховой мир» Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. — Л., 1976.
1298. *Тетени М.* [Рецензия] // *Studia slav.* — 1975. — Vol. 21, № 1–2. — P. 214–216. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв. — Л., 1973.
1299. *Тетени М.* [Рецензия] // *Studia slav.* — 1982. — Vol. 28, № 1–4. — P. 390–395. — Рец. на кн.: История русской литературы X–XVII вв. / под ред. Д. С. Лихачева. — 1980.
1300. *Тимербаев Ф.* Поистине это чудо-памятник!: [о «Слове о полку Игореве» в документальном телефильме «По былинам сего времени...»] // Известия. — 1986. — 16 мая. — С. 6.
1301. *Тиунов Е.* Письмо одного по поводу письма девяти // Литературная Россия. — 1990. — 12 янв. (№ 2). — С. 8–9. — По поводу письма «Кто мешаает возрождению “Ленинграда”» (см. Ленинградский литератор, 1989. — 8 дек. — № 2).
1302. *Тихомиров М. Н.* Древнейшая культура русского народа // Новый мир. — 1952. — № 8. — С. 280. — Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. — Т. 1–2.
1303. *Тихомиров М. Н.* Еще несколько замечаний о «Культуре Руси эпохи образования Русского национального государства» // Вопросы истории. — 1947. — № 11. — С. 158–159. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. — М., 1946.
1304. *Тихомиров М. Н.* [Рецензия] // Вопросы истории. — 1947. — № 4. — С. 119–122. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. — М., 1946.

1305. *Тихомиров М. Н.* [Рецензия] // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. — 1950. — Т. 7. — № 3. — С. 268–271. — Рец. на ст.: Лихачев Д. С. Повести о Николе Зараском. Тексты // Труды Отдела древнерусской литературы / Ин-т рус. лит. АН СССР. — Л., 1949. — Т. 7. — С. 257–406; Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче // Там же. — Т. 7. — С. 17–51.
1306. *Тихомиров М. Н.* [Рецензия] // Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVII вв. — М., 1968. — С. 244–250. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. — М., 1946.
1307. *Ткаченко Н.* Новые успехи советской исторической науки // Правда Украины. — 1952. — 11 мая. — (Кн. лауреатов Гос. премии СССР). — Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. — Т. 1–2.
1308. *Тоганова Н.* Уроки Лихачева // Российская газета. — 2006. — 30 авг. (№ 191). — С. 7.
1309. *Топоров В. Н.* Дмитрий Сергеевич Лихачев в контексте XX века // Археографический ежегодник за 1999 год. — М., 2000. — С. 393–398.
1310. Торжества в честь 90-летия академика Лихачева // Коммерсантъ-DAILY. — 1996. — 20 нояб. (№ 198). — С. 9, [1] фото.
1311. *Тотев П.* Книга от бъдещето // Бълг.-съв. дружба. — 1985. — № 1. — С. 23. — Рец. на кн.: Канева К. Симетрия на времето. — София, 1984.
1312. *Травинский Я.* Академик Лихачев имеет право судить обо всем. В том числе — о престолонаследнике // Смена. — 1998. — 18 февр. — С. 1.
1313. Требует неусыпного внимания: [отклики на беседу в журн. «Огонек» [1982. № 29] // Огонек. — 1983. — № 7. — С. 19–20.
1314. *Тресцова Е. В.* С верой в Россию: вечер, посвященный жизни Д. С. Лихачева и его книге «Письма о добром и прекрасном», для старшеклассников // Читаем, учимся, играем: журн. — сб. сценариев для 6-к / Либерея-Бибинформ; С. Петрова. — М., 2006. — № 9. — С. 27–30. — К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева (1906–1999). — Библиогр.: с. 30 (4 назв.).
1315. *Триодин В. Е.* Десять заповедей Дмитрия Лихачева / [интервью взяла Е. Прудникова] // Очень^{UM}. — 2006/2007. — № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. — С. 52–59.
1316. *Трифонов Р.* Истински продължител на нашите велики славянски първоучители // Труд (София). — 1984. — 14 апр. — Рец. на кн.: Симетрия на времето. Срещи и разговори с акад. Дмитрий Лихачов / записка и подгот. за печат К. Канева. — София, 1984.
1317. *Трифуневич Дж.* Дмитриј Сергејвич Лихачов // Источник. — Београд, 2000. — Година IX, Број 33/34. — С. 5–26.
1318. *Тростников В. Н.* О роли Церкви в русской истории // Русский Дом. — 2006. — 15 янв. (№ 1). — С. 30, 31.
1319. Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); редкол.: О. В. Творогов (отв. ред.) [и др.]. — Т. 54: Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — 755 с. — Первые Лихачевские чтения: междунар. науч. конф. «Христианство и древнерусская литература», сост. 29 сентября — 3 октября 2000 г. в Институте русской литературы (Пушкинском Доме). Публикуются тексты некоторых прочитанных докладов и статьи, написанные на их основе.

1320. Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит.; отв. ред. Л. А. Дмитриев. — СПб.: Наука, 1992. — Т. 45. — 273 с. — Том посвящен 85-летию Д. С. Лихачева.
1321. Труды по знаковым системам: к 70-летию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. — Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1977. — Т. VIII. — 168 с.
1322. *Трущенко Е.* Новые открытия памятников русской литературы и письменности: [по поводу докл. Д. С. Лихачева «Новые открытия памятников русской литературы и письменности», прочит. на заседании Президиума АН СССР] // Вопросы литературы. — 1972. — № 4. — С. 250–251.
1323. *Турбин В.* Духовное в привычном // Советская Россия. — 1980. — 12 июня. — С. 3. — Рец. на ст.: Лихачев Д. С. Заметки о русском. 1980.
1324. *Турков А.* Напутствие // Известия. — 1984. — 25 янв. — С. 3. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Земля родная. — М., 1983.
1325. *Тухарели Д.* Фундаментальный труд / Д. Тухарели, П. Котетишвили // Молодежь Грузии. — 1970. — 19 дек. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — Л., 1967.
1326. *Тушин А.* Десятый десяток академика // Стас. — 1997. — № 2. — С. 53, [1] фото.
1327. *Тюльпинов Н.* Мудрость: заметки о творчестве Д. С. Лихачева // Знамя. — 1986. — № 10. — С. 205–214.
1328. *Тюльпинов Н.* Проповедник культуры // Лит. обозрение. — 1986. — № 9. — С. 64–67. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: ст. и очерки. — Л., 1985.
1329. *Тютюнник В. В.* Дмитрий Сергеевич Лихачев и мы. Взгляд из XXI века // Тамбовский курьер. — 2006. — 4 сент. (№ 36). — С. 8.
1330. У России больше нет совести // Коммерсантъ. — 1999. — 1 окт. (№ 179). — С. 1, 2, [7] фото. — Некролог от отдела культуры газеты.
1331. Убереечь, воссоздать, приумножить // Ленинградская правда. — 1988. — 9 дек. (№ 283). — С. 2. — О выступлении Д. С. Лихачева на брифинге для сотрудников зарубежных консульств о деятельности ленинградского отделения Советского фонда культуры.
1332. *Ульянов М.* Интеллигентность — это умение слушать // Московские новости. — 1986. — 28 дек. — С. 13. — (Чем памятен был уходящий...).
1333. *Ульянов М.* Школа нравственности, духовности // Советская Россия. — 1986. — 28 дек. — (Театр правды — учитель детства).
1334. Умер академик Дмитрий Сергеевич Лихачев: [некролог] // Санкт-Петербургские ведомости. — 1999. — 1 окт. (№ 181). — С. 2.
1335. Умер Дмитрий Сергеевич Лихачев: [некролог] // Независимая газета. — 1999. — 1 окт. (№ 183). — С. 2, [1] фото. — Некролог подписан «НГ».
1336. Умер Дмитрий Сергеевич Лихачев. По нему сверяли жизнь // Вечерний Петербург. — 1999. — 1 окт. (№ 179). — С. 2, [1] фото.
1337. Университет профсоюзов отметил 100-летие академика Лихачева // Солидарность. — 2006. — 11–18 дек. (№ 45). — С. 12.
1338. Университетские будни // Привет, Петербург. — 1993. — 3 февр. (№ 3). — С. 1. — Сообщение о награждении Д. С. Лихачева дипломом доктора наук и почетным перстнем Сиенского ун-та, о приеме его Папой Римским Иоанном Павлом II.

1339. Уроки Лихачева: [о VI Междунар. Лихачевских науч. чтениях в СПбГУП, посвящ. 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева] / подгот. И. Егизарова // Трибуна. — 2006. — 2 июня (№ 21). — С. 34.

1340. Уроки Лихачева: метод. рекомендации для учителей средних школ / сост. О. Е. Лебедев. — СПб.: Бизнес-пресса, 2006. — 160 с.

1341. *Утков В.* Хранительница человеческого опыта // Советская культура. — 1975. — 9 дек. — С. 8. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. [и др.]. Рукописная и печатная книга. — М., 1975.

1342. Ученому, интеллигенту, философу [о науч.-практ. конф. в школе № 3, г. Лодейное Поле, посвящ. Д. С. Лихачеву] // Вести. — 2006. — 28 нояб. — С. 16.

1343. Ученый-патриот: [о Д. С. Лихачеве] // Новгородская правда. — 1971. — 19 февр.

1344. Учитель русского: Дмитрий Лихачев о языке, культуре, искусстве, природе и интеллигенции / подгот. П. Басинский // Российская газета. — 2006. — 28 нояб. (№ 267). — С. 1, 9. — О книгах Д. С. Лихачева, изданных в юбилейный год.

1345. Ф. М. Достоевский и театр, 1846–1977: библиогр. указ. / сост. С. В. Белов. — Л.: ЛГИТМиК, 1980. — 179 с., 1 л. портр. — (Посвящается Д. С. Лихачеву).

1346. *Фальц-Фейн Э. А.* Как Д. С. Лихачев поставил точку над «i» в царском деле: [100 лет со дня рождения Д. С. Лихачева] // Наше наследие. — 2006. — № 79–80. — С. 99.: ил., фото.

1347. *Федоров В. И.* ...здоровствует Тверь // Советская культура. — 1990. — 30 июня (№ 26). — С. 1. — Публикуется письмо Д. С. Лихачева к председателю горисполкома г. Калинина по поводу возвращения городу исторического наименования — Тверь.

1348. *Федоров Г.* Исследование истории культуры Древней Руси // Славяне. — 1952. — № 6. — С. 56–61. — Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. — Т. 1–2.

1349. *Федоров С.* Дмитрий Лихачев счастлив за письменным столом // Смена. — 1996. — 30 нояб. (№ 270). — С. 3, [1] фото.

1350. *Фейер А.* Русская культура на рубеже Средних веков и Нового времени // Dissert. slavicae. — 1981. — № 14. — Р. 3–5.

1351. *Фетищев С.* Юбилей осветила «Повесть временных лет»: [о выходе в свет книги «Повесть временных лет»] // Смена. — 1996. — 27 нояб. (№ 266). — С. 2.

1352. *Филатов С.* Он умел найти такие слова: заметки о Д. С. Лихачеве // Кольцо «А». — М., 2001. — № 16. — С. 153–164.

1353. *Филатов С.* Хлеб духовности // Известия. — 1993. — 11 дек. (№ 238). — С. 7. — Награждение Д. С. Лихачева и сотрудников Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома Гос. премией РФ в области литературы в 1993 г. за серию «Памятники литературы Древней Руси».

1354. *Филатова А. И.* Лихачев среди книг и «древников» / [интервью взяла Е. Прудникова] // Очень^{UM}. — 2006/2007. — № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. — С. 60–65.

1355. *Фоняков И.* «Бог помочь вам, друзья мои...» // Литературная газета. — 1992. — 18 нояб. (№ 47). — С. 7. — Создан Гос. Пушкинский театральный центр в С.-Петербурге, в худож. совет которого входит и Д. С. Лихачев.

1356. *Фоняков И.* Было бы доброе дело, а слово найдется // Звезда. — 2006. — № 11. — С. 62–64.
1357. *Фоняков И.* Завещание ученого // Литературная газета. — 1999. — 13–19 окт. (№ 41). — С. 9. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Письма о добром. — М.: Блиц, 1999. — 189 с.
1358. *Фоняков И.* И снова на Мойке, 12... // Ленинградская правда. — 1990. — 19 июля. (№ 167). — С. 4. — Д. С. Лихачев о Всесоюзном музее А. С. Пушкина.
1359. *Фоняков И.* Рисовал Дмитрий Лихачев // Литературная газета. — 1999. — № 46. — С. 10.
1360. *Фридендер Г.* [Рецензия] // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1968. — Т. 27, вып. 4. — С. 365 — 368. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — М., 1967.
1361. *Фридендер Г. М.* [Рецензия] // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1976. — Т. 35, вып. 5. — С. 475–476. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. «Смеховой мир» Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. — Л., 1974.
1362. *Харналева В. Ф.* [Рецензия] // Русская речь. — 1978. — № 2. — С. 131–133. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве: ист.-лит. очерк. — М., 1976.
1363. *Хацкевич И.* О высказывании академика Д. С. Лихачева // Советская культура. — 1989. — 25 марта (№ 36). — С. 1.
1364. *Хачатуров С.* Говоря по совести: празднование 100-летия Дмитрия Лихачева скорее расстраивает, чем радует // Время новостей. — 2006. — 31 авг. (№ 157). — С. 10.
1365. *Хилтунен Р.* Академик Лихачев в Финляндии // Санкт-Петербургские ведомости. — 1994. — 27 мая (№ 99). — С. 2.
1366. *Хинтибидзе Э. Г.* Дмитрий Сергеевич Лихачев и дни древнерусской литературы в Пушкинском Доме // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб., 2003. — Т. 54. — С. 47–49.
1367. *Хлебников О.* Правозащитник культуры: он всей своей жизнью соединяет распавшуюся связь времен // Новое время. — 1996. — № 48 (нояб.). — С. 42.: портр.
1368. *Хмыров В. Л.* Лихачевская площадь скоро появится во Фрунзенском районе Санкт-Петербурга / [беседу с главой администрации Фрунзенского района на вели К. Александрова, В. Лепкович] // Вечерний Петербург. — 2006. — 13 янв. (№ 4). — С. 22.
1369. *Хозиков В.* Фрески исчезают: петербургские ученые и мастера предлагают способы их спасения // Санкт-Петербургские ведомости. — 1994. — 5 мая (№ 84). — С. 5. — Д. С. Лихачев — первый спонсор мастерской церковной живописи при Институте им. Репина Российской академии художеств.
1370. *Хопта Ю.* Тихий вердикт // Недвижимость Петербурга. — 1995. — 9–16 нояб. (№ 44). — С. 6–7.: портр. — Д. С. Лихачев предлагает программу подготовки к празднованию 300-летия Российского флота.
1371. *Хорошилова Т.* Воспитание истиной // Комсомольская правда. — 1988. — 29 дек. (№ 298). — С. 1. — Д. С. Лихачев и общество «Классика».
1372. *Хорошилова Т.* Дмитрию Сергеевичу Лихачеву — 85 лет. Это событие // Комсомольская правда. — 1991. — 29 нояб. (№ 275). — С. 1. — Д. С. Лихачев — защитник ценностей русской культуры.

1373. *Христова К.* За българското чудо // Антени. — 1976. — № 49. — С. 7.: портр.
1374. Хронологический список трудов академика Д. С. Лихачева за 1988–1996 гг. / сост. М. А. Салмина // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — СПб., 1997. — Т. 50. — С. 40–70.
1375. *Цветков И.* [К 80-летию Д. С. Лихачева] // Лит. фронт. — 1986. — 20 нояб. — № 47. — С. 6.
1376. *Цветков Л.* Научен форум на световната славистика: [о докл. Д. С. Лихачева «Древнеславянские литературы как система» на VI Междунар. съезде славистов в Праге, 7–13 августа 1968 г.] // Лит. мисъл. — 1968. — Кн. 5. — С. 82–85.
1377. *Циона А.* Петербуржцы собрались во имя Лихачева [в Аничковом дворце прошла торжественная ассамблея Всемирного клуба петербуржцев, посвящ. 100-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева] // Невское время. — 2006. — 31 окт. (№ 201). — С. 3.
1378. *Цоффка В. В.* Из воспоминаний о Д. С. Лихачеве // Русское Возрождение. — Нью-Йорк; М.; Париж, 2000. — № 77–78. — С. 392–400. — (Памяти Д. С. Лихачева).
1379. *Цоффка В. В.* Ученый, патриот, гражданин: [к 80-летию со дня рождения Д. С. Лихачева] // Новые рубежи. — 1986. — 2 дек. — Портр.
1380. *Чайковская О.* Академик Лихачев: Наши бесы не тонут // Век. — 1992. — 6–12 июня. — С. 10.
1381. *Чайковская О.* Соппротивление // Шаги: Ежегодник Союза писателей СССР: очерк и художественная публицистика. — М., 1988. — С. 36–39. — На с. 38: Д. С. Лихачев о бедственном положении дел в Российской Государственной библиотеке (б. ГБЛ).
1382. *Чекалова Е.* Адресовано подростку: [о телепередаче «Встреча с акад. Д. С. Лихачевым»] // Советская культура. — 1984. — 3 апр. — С. 2.
1383. Чело века: [о Д. С. Лихачеве] // Вечерний Мурманск. — 2006. — 5 дек. (№ 226).
1384. Человек года по вашему рейтингу // Российская газета. — 2006. — 21 дек. (№ 287). — С. 16.
1385. *Чельшев Е. П.* О задачах Лихачевских чтений // Русское Возрождение. — Нью-Йорк; М.; Париж, 2000. — № 77–78. — С. 355–367. — (Памяти Д. С. Лихачева).
1386. *Чепурнова А.* Мы его еще узнаем // Вечерняя Москва. — 2006. — 30 авг. (№ 157). — С. 6.
1387. *Черепнин Л. В.* Исторические труды академика Д. С. Лихачева // Черепнин Л. В. Отечественные историки, XVIII–XX вв.: сб. ст., выступлений, воспоминаний. — М., 1984. — С. 280–285; Вопросы истории. — 1977. — № 1. — С. 132–136.
1388. *Черепнин Л. В.* Спорные вопросы изучения начальной летописи в 50–70-х годах // История СССР. — 1972. — № 4. — С. 46–64.
1389. *Чернов А.* Дмитрий Сергеевич Лихачев: штрихи к портрету // Неделя. — 1986. — 24–30 нояб. — С. 8–9.: портр.
1390. *Чернов А.* Защита небесной линии // Новая газета. — 2006. — 27–29 нояб. — С. 25–26.

1391. *Чернов А.* Легкая ноша академика Лихачева // Московские новости. — 1988. — 18 сент. (№ 38). — С. 13.: фото.
1392. *Чернов А.* На полях перевода: [стихи, посвящ. Д. С. Лихачеву] // День поэзии, 1980. — М., 1980. — С. 205.
1393. *Чернов А.* Пробный посев ада // Советский экран. — 1989. — № 14. — С. 14–15. — О фильме М. Голдовской «Власть соловецкая» с участием Д. С. Лихачева.
1394. *Чернов В.* Д. С. Лихачеву: [стихотворение] // Московский комсомолец. — 1984. — 9 дек.
1395. *Чернов И.* Академику Д. С. Лихачеву — 75 лет // Тарт. гос. ун-т. — 1981. — 27 нояб.
1396. Чествование академика: [о праздновании 90-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева] // Вечерний Петербург. — 1996. — 28 нояб. (№ 227). — С. 1.
1397. *Чирсков Ф.* Золотое «слово» // Ленинградская правда. — 1967. — 27 сент. — Рец. на кн.: Слово о полку Игореве. — Л., 1967.
1398. *Чистяков Г.* «Совесть — это основная память»: памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева // Русская мысль. — 1999. — № 4287. — С. 15.
1399. *Чистяков Георгий, свящ.* В первый день Рождественского поста исполнилось 90 лет академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву // Русская мысль. — 1996. — 5–11 дек. (№ 4152). — С. 9.: портр.
1400. *Чудакова М.* Преодоление: Неюбилейные заметки по поводу юбилея человека, ставшего совестью нашей интеллигенции: [к 80-летию Д. С. Лихачева] // Комсомольская правда. — 1986. — 28 нояб.
1401. *Шагиева Г.* Из Нижнего в Горький и обратно // Горьковский рабочий. — 1990. — 28 мая (№ 121). — С. 3. — Об участии Д. С. Лихачева в конференции «Исторические наименования — память народа», посвященной возвращению г. Горькому наименования Нижний Новгород.
1402. *Шаламанов Б.* [Рецензия] // Бълг. език. — 1984. — № 3. — С. 239–242. — Рец. на кн.: България, 1300. — София, 1983.
1403. *Шандлоренко Д.* Уроки нравственности // Российская газета. — 2006. — 21 февр. (№ 36). — С. 6.
1404. *Шанский Д. Н.* [Рецензия] // Науч. докл. высш. шк. филол. науки. — 1981. — № 3. — С. 80–81. — Рец. на кн.: Дмитриев Л. А. История русской литературы X–XVII вв. / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье; под ред. Д. С. Лихачева. — М., 1980.
1405. *Шаскольский И. И.* Древние города русской земли // Пропаганда и агитация. — 1945. — № 10. — С. 56–57. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Новгород Великий: очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. — Л., 1945.
1406. *Шеваров Д.* «Дорогой Дмитрий Сергеевич...» // Первое сентября. — 2006. — 25 нояб. (№ 22). — С. 23.
1407. *Шеваров Д.* В России надо жить долго // Комсомольская правда. — 1996. — 28 нояб. (№ 222). — С. 3.
1408. *Шеваров Д.* Дорогой Дмитрий Сергеевич: [памяти Д. С. Лихачева] // Трибуна. — 1999. — 19 окт. — (Деловой вторник; Вып. 38); Труд. — 19 окт. — (Деловой вторник; Вып. 38).
1409. *Шеваров Д.* Звонок по ошибке // Северная Осетия. — 2006. — 28 нояб. (№ 223–224). — С. 6.

1410. *Шервуд О.* Лихачев. Имя собственное // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 27 февр. (№ 33). — С. 2.
1411. *Шервуд О.* Какое голубое небо!.. // Вечерний Ленинград. — 1988. — 3 нояб. (№ 252). — С. 3.: фото. — Беседа с режиссером телефильма «Д. Лихачев. Я вспоминаю...» В. Виноградовым.
1412. *Шервуд О.* Лихачев. Имя собственное // Санкт-Петербургские ведомости. — 2006. — 27 февр. — С. 2.
1413. *Шиманская М.* Год «Слова» // Северный рабочий. — 1990. — 7 сент. (№ 206). — С. 1, 3.: фото. — Д. С. Лихачев — участник Чтений по древнерус. лит. и культуре в Ярославле (доклад «О жанре “Слова о полку Игореве”»).
1414. *Шиповский С.* Поэзия русской культуры: [о кн. Д. С. Лихачева «Литература — реальность — литература» и «Заметки о русском»] // Учительская газета. — 1982. — 29 июля.
1415. *Шиповский С.* Сказ о родной земле // Учительская газета. — 1984. — 15 дек. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Земля родная. — М., 1983.
1416. *Шишкина А.* За этим именем стоит страна // Ростов официальный. — 2006. — 6 дек. (№ 48). — С. 6.
1417. Шкатулка для правнуков: [высказывания родственников Д. С. Лихачева: В. Зилитинкевич, С. М. Лихачева, Л. Лихачевой] // Российская газета. — 2006. — 28 нояб. (№ 267). — С. 9.
1418. *Шкловский В.* «Разверните забытые слова...»: [письмо Д. С. Лихачеву от 15 июня 1984 г. в связи с телефильмом «Дома у Пушкина»] // Неделя. — 1986. — 6–12 янв. — С. 10–11.
1419. *Шкловский В.* Неразгаданный сон. Заметки о телевидении: [о телефильме «Дома у Пушкина»] // Советская культура. — 1984. — 21 июля. — С. 5.
1420. *Шкловский В.* О новом понимании старого: [о пробл. изуч. истории отечеств. культуры] // Литературная газета. — 1963. — 14 нояб. — С. 3.
1421. *Шкляревский И. И.* В гостях у Д. С. Лихачева // Юность. — 1985. — № 9. — С. 78.
1422. *Шкляревский И. И.* Дмитрий Сергеевич // Московский комсомолец. — 2006. — 28 нояб. (№ 270). — С. 7.
1423. *Шкляревский И. И.* Поэзия — львица с гривой. — М., 1986. — С. 3, 10, 20, 23, 66–68, 77.
1424. *Шкляревский И. И.* Уроки учителя Лихачева: к 80-летию со дня рождения // Учительская газета. — 1986. — 27 нояб. — Портр.
1425. *Шкляревский И.* Поздравляем юбиляра: Д. С. Лихачеву — 75 лет // Литературная газета. — 1981. — 2 дек. — С. 3.: портр.
1426. *Шмакова Е.* «Дело № 195 Дмитрия Лихачева» // Телевидение. Радио. С.-Петербургские программы передач. — 1993. — 20 нояб. (№ 4). — С. 1.: портр. — Телефильм об аресте Д. С. Лихачева в 1928 г.
1427. *Шмакова Е.* «Поэзия садов» // 7 дней: программы телевидения и радио. — 1986. — 23 апр. — С. 8. — (Ленингр. вып. еженед. «Говорит и показывает Москва»). — 28 апр. — 4 мая (№ 18)).
1428. *Шмидт С. О.* Д. С. Лихачев в культуре Москвы // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб., 2003. — Т. 54. — С. 37–43.
1429. *Шмидт С. О.* Д. С. Лихачев и Москва // Литературная газета. — 2006. — 22–28 нояб. (№ 47). — С. 7.

1430. *Шмидт С. О.* Д. С. Лихачев и практика сохранения культурного наследия России // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: материалы науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филолог. наук; отв. ред. А. П. Деревянко; сост. А. Е. Петров. — М., 2006. — С. 10–25.
1431. *Шмидт С. О.* Лихачев Дмитрий Сергеевич // Книга: энцикл. / гл. ред. В. М. Жарков. — М., 1999. — С. 381–382.
1432. *Шмидт С. О.* Дмитрий Сергеевич Лихачев и Археографическая комиссия: (к 90-летию со дня рождения ученого) // Археографический ежегодник за 1996 год. — М., 1998. — С. 214–216.
1433. *Шмидт С. О.* Дмитрий Сергеевич Лихачев и Москва // Русское Возрождение: независимый русский православный национальный журнал: двадцать третий год издания. — Нью-Йорк; М.; Париж, 2000. — № 77–78. — С. 368–376.
1434. *Шмидт С. О.* К изучению истории советской археографической культуры // Литература и искусство в системе культуры / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры; отв. ред. Б. Б. Пиотровский. — М., 1988. — С. 487–493. — Деятельность Д. С. Лихачева в области археографии.
1435. *Шмидт С. О.* Мастер культуры: акад. Дмитрию Сергеевичу Лихачеву — главе соврем. науки о древнерус. и древнеслав. лит. — исполняется 70 лет // Комсомольская правда. — 1976. — 28 нояб.
1436. *Шмидт С. О.* Первый раз без Дмитрия Сергеевича... // Археографический ежегодник за 1999 год. — М., 2000. — С. 388–393.
1437. *Шмидт С. О.* [Рецензия] // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — 1952. — Т. 11, вып. 4. — С. 385–391. — Рец. на кн.: Послания Ивана Грозного: [подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье]. — М.; Л., 1951.
1438. *Шошин В.* Из «Повести о встречах» // Псковская старина: Вестник истории и культуры. Приложение к газ. «Мифы и реальность». — 1991. — № 2. — С. 4–5.: портр.
1439. *Шошин Р.* С именем Пушкина // Морская газета. — 1995. — 23 дек. (№ 148–149). — С. 4. — Д. С. Лихачев и Пушкинский Дом.
1440. *Шустов А.* Что же делать специалисту?: [отклик на ст. Д. С. Лихачева «Популяризация или исследование?». 1974] // Литературная газета. — 1975. — 2 апр. — С. 6.
1441. *Щагина С.* Прогулки по Лихачевским местам // Вечерний Петербург. — 2006. — 1 дек. (№ 222). — С. 3.
1442. *Элиасберг Н. И.* Уроки патриотизма и гражданского воспитания: [о Д. С. Лихачеве] / Санкт-Петербург. акад. постдипломного пед. образования; Санкт-Петербург. гуманит. пед. центр «Гражданин XXI века». — СПб.: Союз, 2006. — 34 с.: ил.
1443. *Эльсберг Я.* Проблемы реализма и задачи литературной науки: [по поводу докл. Д. С. Лихачева «У предыстоков реализма русской литературы»] // Проблемы реализма: (материалы дискус. о реализме в мировой лит., 12–18 апреля 1957 г.). — М., 1959. — С. 610–611.
1444. *Эткинд Е. Г.* 80 лет академику Лихачеву // Ефим Эткинд: здесь и там. — СПб., 2004. — С. 205–208.
1445. *Югов А.* Возникновение русской литературы // Известия. — 1953. — 6 мая. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. — М.; Л., 1952.

1446. *Юдин Ю.* У истоков театра // Театр. — 1978. — № 5. — С. 84–85. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. «Смеховой мир» Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. — Л., 1976.
1447. *Юрьев А.* Академик — Первозванный: [Д. С. Лихачев награжден орденом Святого апостола Андрея Первозванного] // Культура. — 1998. — 8–14 окт. (№ 38). — С. 1, [1] фото.
1448. *Юшков С.* [Рецензия] // Вопросы истории. — 1947. — № 11. — С. 110–112. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М., 1947.
1449. *Ямпольский И.* Страдает наука в целом: [отклик на ст. Д. С. Лихачева «Популяризация или исследование?». 1974] // Литературная газета. — 1975. — 2 апр. — С. 6.
1450. *Ямщиков С.* Вокруг аукциона // Советская культура. — 1991. — 3 авг. (№ 31). — С. 11. — Отрывки из переписки С. Ямщикова и Д. С. Лихачева по поводу продажи ценностей на зарубежных аукционах.
1451. *Ямщиков С.* Хранить — вечно... чтобы погубить // Известия. — 1991. — 12 апр. (№ 87). — С. 3. — О письме Д. С. Лихачева М. С. Горбачеву по поводу произведений живописи, принадлежавших до войны коллекционерам Венгрии.
1452. *Янакиева Т.* Размисли за една книга и една професия // Библиотекар. — 1985. — Год. 32, № 4. — С. 37–38. — Рец. на кн.: Канева К. Симетрия на времето. Срещи и разговори с акад. Дмитрий Лихачов. — София, 1984.
1453. *Янин В. Л.* Век Лихачева // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: материалы науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филолог. наук; отв. ред. А. П. Деревянко; сост. А. Е. Петров. — М., 2006. — С. 7–9.
1454. *Янин В.* Совесть, благородство и достоинство отличали Лихачева / [беседу вела Е. Александрова] // Очень^{UM}. — 2006/2007. — № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. — С. 30–35.
1455. *Янова К.* Именем Лихачева назовут станцию метро? Петербургским школьникам академик интереснее, чем Бритни Спирс // Смена. — 2006. — 20 нояб. — С. 8.
1456. «Янтарный крест» — патриарху культуры // Санкт-Петербургские ведомости. — 1997. — 19 нояб. — С. 1.
1457. *Ярославич Д.* [Рецензия] // Арх. України. — 1966. — № 1. — С. 71–72. — Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Текстология: крат. очерк. — М.; Л., 1964.
1458. *Яхлакова Т.* К духовному возрождению // Советская культура. — 1989. — 21 марта (№ 34). — С. 2. — О выборах Д. С. Лихачева в народные депутаты СССР от Советского фонда культуры.
1459. *Avola P.* Dmitri Lihatshev on Venäjän omatunto, oikeastaan muinaisjäännöne // Heisingin Sanomat. — 1995. — 26 marraskuuta. — S. D 15.: portr.
1460. *Bivans M.* Conversations with the man who put the «saint» in St. Petersburg // St. Petersburg Press. — 1993. — July 6–12 (№ 9). — P. 8.: portr.
1461. *Branca V.* Un francescano a Moska // Il Messaggero. — Roma, 1991. — 28 Dic. — P. 17.: portr.
1462. *Clair W. S.* A Cultural Chernobyl // Financial Times. — L., 1988. — 16 Apr.

1463. Dimitri Likhachiov // 5-a adizione «Premio Giornalistico Citta di Modena». — Modena, 1989. — S. 26.
1464. Dmitry Likhachev // The Hellenic Journal. — San Francisco, 1990. — June 21, Vol. 16, № 13. — P. 4–5.: portr.
1465. Hansen H. Auch im Alter für frischen Wind sorgen // Kieler Nachrichten. — 1989. — 15 Sept. (№ 215). — Portr.
1466. Hayden P. [Рец. на кн.: Жак Делиль / изд. подг. Н. А. Жирмунская, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, И. Я. Шафаренко. Л., 1987] // Garden History. — Hereford, 1990. — Vol. 18, № 2. — 195–197.
1467. Isham H. The man, who embodies Glasnost // Connoisseur. — N. Y., 1990. — July, Vol. 220, № 942. — P. 72–75.: portr.
1468. Izumova N. Le camp des Solovki // Les nouvelles de Moscou. — 1988. — 23 oct. (№ 43). — P. 16.
1469. «Legt euch in eure Särge» // Der Spiegel. — Gamburg, 1991. — 23 dez. (№ 52). — S. 108–109.: foto.
1470. Lesourd F. Dimitri Likhatchov et le nationalisme russe // La Question russe. Essais sur le nationalisme russe sous la direction de Michel Niqueux. — P.: Editions Universitaires, 1992. — P. 147–163. — (Center de recherche sur l'évolution de l'URSS de l'Université de Caen).
1471. Lesourd F. Dimitri Likhatchov, historien et théoricien de la littérature // Likhatchov D. Poétique historique de la littérature russe (X–XX-e siècle). — Lausanne, 1988. — P. 255–328.
1472. Lesourd F. Karsavine et Likhatchov: une histoire synthétique // La geste russe: comment les Russes écrivent — ils l'histoire au XX-e siècle? — Aix-en-Provence, 2002. — P. 345–355. — (Концепция истории в работах Д. С. Лихачева и Л. П. Карсавина).
1473. Likhatchev Dmitrij Sergejevich // The International Who's Who. — 52–56 ed. 1988–1993. — L.: Eupora Publications, 1988–1992.
1474. Likhatchev Dmitrij Sergejevich // Who's Who in the World. — 11–13th ed. 1993–1996. — New Providence. 1992–1995.
1475. Lobanov N. D. Cutting through the bureaucratic tangle in Soviet culture? // Apollo. — London, 1988. — Febr. — P. 123–124.: foto.
1476. Maiek E. Profesor Dvmitr Lichaczow — doctor honoris causa Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu (w osiemdziesiątą rocznicę urodzin) // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Filologia Rosyjska I — Nauki humanistyczne — społyeczno. — Torun, 1990. — Zes. 202. — S. 5–29.
1477. Mathauserova S. In memoriam D. S. Lichacova // Slavia. — Praha, 2001. — Roc. 70, ses. 1. — S. 150–152.
1478. Matlock J. F. Dmitri Sergeevich Likhachev // Proc. of the Amer. philos. soc. Philadelphia. — 2001. — Vol. 145, № 3. — P. 349–353.
1479. Milner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906–1999) // Slavonica: A twice-yearly publication on the languages, literatures, history and culture of Russia and Central and Eastern Europe. — Sheffield, 1999/2000. — Vol. 6, № 1. — P. 141–150; см. также: Милнер-Гулланд Р. Воспоминания о Д. С. Лихачеве // <http://likhachev.fond.spb.ru/Memoirs/robin.htm>.
1480. Milner-Gulland R. The image of Russian identity: on recent Western scholarship, D. S. Likhachov and the «cultural identity» of Russia [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Электронный ресурс размещен на сайте «Площадь Д. С. Лихачева» / СПбГУП. — Режим доступа: <http://www.lihachev.ru/pic/>

site/files/fulltext/milner_gulland_en.pdf. — Загл. с экрана; То же на рус. яз.: *Милнер-Гулланд Р.* Образ русской самобытности: о работах западных ученых последнего времени, о Д. С. Лихачеве и о русском самосознании в области культуры [Электронный ресурс] / пер. С. Р. Абрамов. — Электрон. дан. — Электронный ресурс размещен на сайте «Площадь Д. С. Лихачева» / СПбГУП. — Режим доступа: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/milner_gulland_ru.pdf. — Загл. с экрана.

1481. *Nakamura Yo.* A Great Russian Scholar's first impressions of Japan // *Shincho* 45. — Tokyo, 1993. — № 11. — P. 112–121.

1482. *Nivat G.* [Выступление по докладу Д. С. Лихачева «Statement: The Russian Intelligentsia»] // *The End of the Century: The Future in the Past. The Japan Foundation Center for Global Partnership.* — Tokyo: Kodansha International, 1995. — P. 75–76.

1483. *Ponzi M.* La cronaca // *L'Osservatore.* — Romano: Città del Vaticano, 1993. — 21 gennaio (№ 16). — P. 4.: foto.

1484. *Remnick D.* // *Washington Post.* — 1990. — 30 may — 1 jun. — 16 dec.

1485. *Remnick D.* Defending pey Faith (Reflections on Russia by D. Likhachev, ed. by N. N. Petro, transl. by Ch. Sever. Westview Press; *Zametki I Nabludenia: Iz Zapisnikh knizhek razhnikh Lyet* (Notes and Observations: From Notebooks Over the Years) by D. Likhachev. *Sovietski Pisatel*; Bibliographia: Dmitri Sergeevich Likhachev, ed. by V. P. Adrianovi-Perets, M. A. Salminoi et al. Nauka Publishers) // *The New Yorks Review of Books.* — 1992. — May 14, Vol. 39, № 9. — P. 44–47.

1486. *Riasanovsky N. V.* Dmitrii S. Likhachev and Russia: a critical appreciation // *Russian history = Histoire russe.* — Irvine, 1996. — Vol. 23, pt. 1–4. — P. 141–154.

1487. *Ronchetti B.* Teoria della letteratura nel pensiero di Dmitrij Sergeevic Lichacev // *Ricerche Slavistiche.* — Roma, 1989. — Vol. 32–35 (1985–1988). — P. 137–211.

1488. *Russel J.* Redrawing the cultural map of Russia, Inch by laborious Inch // *The New York Times.* — 1991. — Sept. 1.

1489. *Samvelian M.* Dmitri Likhatchev: Esquisse d'un port. — Moscou: APN, 1990. — 60 p.

1490. *Seemann K. D.* In memoriam Dmitrij Sergeevic Lichacev // *Zeitschrift fur Slavistik.* — Berlin, 2000. — T. 48, № 1. — S. 109–117.

1491. *Sheppard H.* Positive negatives: People behind the portraits // *The Hellenic Journal.* — San Francisco, 1990. — June 21, Vol. 16, № 13. — P. 4–5.: portr.

1492. *Spadolini G.* Con Lichacëv a San Pietroburgo // *La Stampa.* — Turin, 1992. — 19 mar. — P. 17.

1493. *Stehle H.* Messe in Moskau? // *Die Zeit.* — Hamburg, 1988. — 22 januar (№ 4). — S. 7.

1494. *Stern F.* [Выступление по докладу Д. С. Лихачева «Statement: The Russian Intelligentsia»] // *The End of the Century: The Future in the Past. The Japan Foundation Center for Global Partnership.* — Tokyo: Kodansha International, 1995. — P. 72.

1495. *Strada V.* «In URSS promuovo beneficenza culturale» // *Corriere della Sera.* — Milano, 1989. — 30 gennaio (№ 5). — P. 3.: foto.

1496. *Strada V.* Cittadinanza onoraria a un grande russo Lichaciov, vivere per l'arte da San Pietroburgo a Milano // *Corriere della Sera.* — Milano, 1993. — 9 febbraio (№ 33). — P. 29.

1497. *Strada V.* Memorie di un combattente. Dal lager alla serenità // *Corriere della Sera.* — Milano, 1995. — 25 settembre (№ 38). — P. 19.

Научное издание

ЗАПЕСОЦКИЙ Александр Сергеевич

КУЛЬТУРОЛОГИЯ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА

Ответственный редактор *З. Н. Киселева*

Редакторы: *В. Г. Даниленко, Е. А. Монахова, И. Е. Петросян*

Дизайнер *А. В. Костюкевич*

Технические редакторы: *Л. В. Климович, Е. Ю. Николаева*

Корректоры: *Я. Ф. Афанасьева, Т. А. Кошелева, И. Н. Чугунова*

ISBN 978-5-7621-1202-4

Подписано в печать с оригинал-макета 21.10.22

Формат 60×84 1/16. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 33,0. Тираж 2000 экз. Заказ № 22742

Санкт-Петербургский

Гуманитарный университет профсоюзов

192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в ООО «Типография «НП-Принт»

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15

Запесоцкий А. С.

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ:

Избранные научные труды

В книге опубликованы избранные труды известного российского ученого и организатора науки А. С. Запесоцкого, отражающие широкий спектр интересов автора в области философии и социологии культуры. Издание приурочено к 25-летию его научно-педагогической деятельности в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов. Работы Александра Запесоцкого объединяет понимание культуры как духовного базиса общенационального бытия, условия нравственной дисциплины и ответственности человека, основы развития всего спектра социальных институтов.

В первом разделе дана характеристика проблем становления современной культурологии. Второй раздел составили работы, в которых раскрывается специфика культурологии в сравнении с предметным полем других наук гуманитарного цикла. В третьей части книги рассматриваются культурно-антропологические основы образовательной деятельности; образование предстает как одна из важнейших подсистем бытия культуры. В четвертом разделе показан характер воздействия СМИ на российскую культуру, дана характеристика роли интеллигенции в духовной жизни страны, исследуются факторы модификации современной молодежной субкультуры и др. Самостоятельный раздел составляют ранние работы автора.

Запесоцкий А. С.

СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И КОНФЛИКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

(По материалам Международных Лихачевских научных чтений)

Монография члена-корреспондента РАН А. С. Запесоцкого посвящена осмыслению весьма актуальных процессов: с одной стороны, это формирование глобальной культуры, с другой — обострение конфликтов цивилизаций. Это первая попытка комплексного анализа материалов Международных Лихачевских научных чтений, которые проводятся в СПбГУП в соответствии с указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» от 23 мая 2001 года. Ежегодно научный форум собирает свыше 1500 участников. На сегодня Университетом опубликовано 3795 докладов авторов из 57 стран мира.

Книга представляет собой своего рода диалог автора с докладчиками — академиком РАН и членами иностранных академий, ведущими отечественными и зарубежными политиками, деятелями искусства, общественными деятелями. Издание призвано в популярной форме помочь читателю понять ряд сложных и неоднозначных процессов развития культуры в XX — начале XXI века.

Лекторский В. А.

ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА

Избранные статьи

Книга выдающегося философа, академика Российской академии наук В. А. Лекторского посвящена философскому осмыслению диалога культур в современном мире (их взаимодействию и конфронтациям). Анализируются трансформации, связанные с возникновением сетевых сообществ, с принципиально новыми возможностями и угрозами, создаваемыми новейшими технологиями, — трансформации, которые ставят под вопрос традиционные культурные ценности и будущее самого человека. Ибо есть такие ценности, как отмечает автор, без которых человек невозможен. Показывается, что без философии немислимо ответить на эти вызовы человеку и культуре. Но и сама философия в связи с беспрецедентными исследованиями в науках о человеке (человеческая генетика, когнитивные исследования) и основанными на них вмешательствами в мозг и психику должна многое пересмотреть в своем понимании познания, сознания, рациональности, принципиальных ценностей жизни и культуры.

Книга вышла в издательской серии СПбГУП «Классика гуманитарной мысли», в которой публикуются сборники научных трудов наших современников — незаурядных представителей отечественного гуманитарного знания. Книги серии способствуют совершенствованию учебного процесса в вузе, расширению кругозора молодых читателей, пониманию ими основ культуры, философии, искусства.

Степин В. С.

ЧЕЛОВЕК. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. КУЛЬТУРА

В издании публикуются тексты лекций, докладов и выступлений выдающегося отечественного ученого, академика Российской академии наук, Почетного доктора СПбГУП В. С. Степина.

Книга представляет собой широкую картину важнейших исследований, идей, концепций, результатов развития науки, объединенных научным взглядом философа на мир природы, культуры, мир социума и человека. Это размышления автора о том, что современные глобальные кризисы, порожденные техногенной цивилизацией, требуют пересмотра прежних стратегий ее развития. В сборник вошли материалы книги «Цивилизация и культура», изданной Университетом (2011), работы разных лет, посвященные концепциям человеческой деятельности и культуры, а также интервью академика, где акцентированы связи между возникновением идей и переменами в социальной обстановке, в которой работало поколение великих ученых — его современников.

Межуев В. М.

**ИСТОРИЯ, ЦИВИЛИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРА:
ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ИСТОЛКОВАНИЯ**

В книге опубликованы избранные научные труды выдающегося российского ученого, доктора философских наук, профессора В. М. Межуева, отражающие взгляды автора на ключевые проблемы культуры и цивилизации. В. М. Межуев рассматривает философию как «время и пространство культуры», «способ самосознания человека в свободе», «диалог по поводу истины».

Автор характеризует национальную культуру в эпоху глобализации, приводит сценарии взаимоотношений культуры и государства. В книге анализируются перспективы России в поиске своей цивилизационной идентичности, возможности межкультурного диалога России и Европы, феномен «русской идеи», культурные факторы российской модернизации, проблемы и трудности продвижения России на пути к универсальной цивилизации.

Наряду с широко известными работами в сборник вошли лекция В. М. Межуева, прочитанная студентам СПбГУП, а также его выступления на круглых столах. Сборник продолжает книжную серию Университета «Классика гуманитарной мысли», в которой публикуются произведения наших современников — выдающихся представителей отечественного гуманитарного знания.

Гусейнов А. А.

**ФИЛОСОФИЯ — МЫСЛЬ И ПОСТУПОК:
статьи, доклады, лекции, интервью**

В книге публикуются избранные статьи и другие работы в малом жанре за последние десять лет известного отечественного философа, академика Российской академии наук А. А. Гусейнова. Это — размышления о назначении философии, об этике, о нравах и нравственности, соотношении морали и политики, о насилии и ненасилии, о жизни в профессии. А. А. Гусейнов исходит из убеждения, что философия не только учит правильно мыслить и достойно жить, самое важное для нее — соединение одного с другим: правильной мысли с достойной жизнью.

Отдельный раздел книги составили лекции и выступления А. А. Гусейнова в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, почетным доктором которого он является. Книга, вышедшая в серии «Почетные доктора Университета», адресована ученым, преподавателям, студентам, а также широкому кругу читателей.

ЛЕКЦИИ И ДОКЛАДЫ ЧЛЕНОВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В СПбГУП (1993–2013)

Трехтомник с лекциями и докладами членов Российской академии наук в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов представляет собой уникальное издание. На протяжении двух десятков лет Российской академию наук и СПбГУП связывает плодотворное научно-педагогическое сотрудничество. Выдающиеся отечественные ученые — члены Академии выступают в студенческих аудиториях Университета, на различных научных и общественных форумах, проводимых в СПбГУП. Это убедительный пример эффективного взаимодействия академической и вузовской науки, продуктивного участия научной элиты страны в университетском учебном процессе, в становлении молодых российских интеллектуалов.

В трехтомник вошли 367 текстов 104 членов Российской академии наук (55 академиков, 45 членов-корреспондентов, 4 иностранных членов). В первом и втором томах опубликованы лекции 77 членов РАН, прочитанные студентам СПбГУП, в третьем томе представлены доклады и выступления ученых на конференциях и различных мероприятиях, состоявшихся в Университете. Среди авторов-академиков — Президент Российской академии наук Ю. С. Осипов, вице-президенты РАН Ж. И. Алферов, Е. П. Велихов, А. Д. Некипелов, Н. А. Платэ, выдающиеся ученые Л. И. Абалкин, А. Г. Аганбегян, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, С. Ю. Глазьев, М. К. Горшков, А. А. Гусейнов, В. И. Жуков, М. П. Кирпичников, А. А. Кокошин, В. А. Лекторский, Д. С. Лихачев, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, Ю. В. Наточин, Г. В. Осипов, А. М. Панченко, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Н. А. Симония, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Е. П. Чельшев, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, В. Л. Янин и др.

Представленные тексты посвящены новейшим исследованиям и тенденциям в философии, экономике, юриспруденции, социологии, психологии, истории, политологии, культурологии, археологии, филологии и других науках. В выступлениях членов Академии рассматриваются актуальные проблемы современности: диалог культур в эпоху глобализации, гуманитарные аспекты современной цивилизации, перспективы развития российской экономики, укрепление духовно-нравственных основ общества, сохранение культурного наследия, пути реформирования отечественного образования, роль культурного и материального факторов в развитии социума и др.

Издание представляет ярчайший срез достижений академической научной мысли за последние 20 лет.

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

**XX Международные Лихачевские научные чтения,
9–10 июня 2022 г.**

В сборнике опубликованы материалы XX Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся 9–10 июня 2022 года в СПбГУП в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева». В XX Чтениях приняли участие представители 10 стран мира.

Среди 210 авторов сборника — выдающиеся отечественные ученые, члены Российской академии наук: И. О. Абрамова, С. Ю. Глазьев, Ал. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, Г. Б. Клейнер, А. Г. Лисицын-Светланов, В. Л. Макаров, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, М. Б. Пиотровский, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, Л. Л. Фитуни, Т. Я. Хабриева, В. А. Черешнев и др.; руководители академических институтов и исследовательских центров, представители вузов, известные государственные и общественные деятели, руководители СМИ: судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев, первый зам. гендиректора Информационного агентства России «ТАСС» М. С. Гусман, первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по культуре Е. Г. Драпеко, первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по делам СНГ К. Ф. Затюлин, директор Департамента информации и печати МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол М. В. Захарова, зам. руководителя фракции «Единой России» в Госдуме РФ А. К. Исаев, первый зам. председателя Комитета Совета Федерации РФ по международным делам С. И. Кисляк, зам. председателя Совета Федерации РФ К. И. Косачев, член Госсовета РФ, председатель ФНИИР М. В. Шмаков, Посол РФ в Великобритании (2011–2019) А. В. Яковенко и др. В числе иностранных авторов сборника — заместитель министра информации Беларуси И. И. Бузовский, Посол Азербайджана в РФ П. Бюльбюль оглы, почетный сотрудник Австралийского национального университета Э. Кевин, президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия» Г. Метган, директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы (Турция) Т. Тюркер; профессора: Ч. Варга (Венгрия), Ч. Годдард (Великобритания), Г. Кёхлер (Австрия) и др. Роль Лихачевских чтений высоко оценивает Президент России Владимир Путин: «Рассчитываю, что нынешний форум, посвященный международным вопросам, послужит развитию плодотворных гуманитарных связей, укреплению взаимопонимания между странами и народами».

Эти и другие издания можно заказать в издательстве
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов:

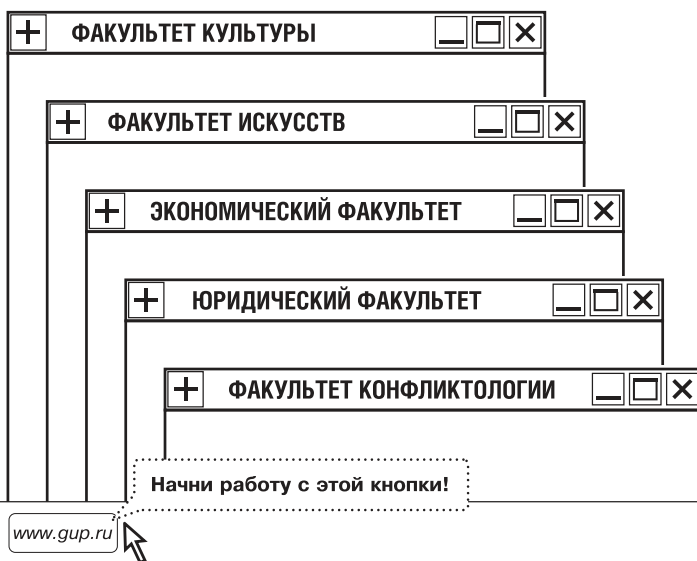
- по адресу: 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
- по телефону: (812) 740-38-87;
- по e-mail: publish@gup.ru;
- на сайте: www.gup.ru

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

www.gup.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ СПБГУП

Предлагаем также посетить сайт «Площадь Лихачева»

www.lihachev.ru

основные рубрики сайта:

Научное наследие
Д. С. Лихачева

Библиография
Лихачева

Международные
Лихачевские чтения

Декларация прав
культуры

и другие материалы